**ФГАОУ ВПО «КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ)
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПОЛИЛИНГВИЗМ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Казань, 19 – 21ноября 2014 г.)

Казань, 2015

УДК 81’1-027.21
ББК 81.2
Рус88

Под общей редакцией д.ф.н., проф. Фаттаховой Н.Н.
Рецензенты: д.ф.н., проф. Рацибургская Л.В. (Нижний Новгород),
д.ф.н., проф. Грязнова В.М. (Ставрополь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
д.ф.н., проф. *Фаттахова Н.Н.;* к.ф.н., доц. *Корнеева Т.А.;* к.ф.н., доц. *Мардиева Л.А.;* к.ф.н., доц. *Рахимова Д.И.;* к.ф.н., доц. *Усманова Л.А.;* к.ф.н., доц. *Юсупова З.Ф.*

Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 19 – 21 ноября). / Казанский федеральный университет, под общей ред. Н.Н.Фаттаховой. – Казань: Изд-во КФУ, 2015. – 417 с.

ISBN

Сборник научных статей составлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции "Сопоставительная филология и полилингвизм", организованной кафедрой русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации К(П)ФУ.

В сборник включены статьи, посвященные исследованию и описанию вопросов филологического образования в Российской Федерации и Республике Татарстан, лингвистических и методических аспектов межкультурной коммуникации, формирования элитарной языковой личности учителя-словесника, инновационных технологий в преподавании родного и иностранных языков, актуальных проблем полилингвального и поликультурного образования, диалога культур в поликультурном образовательном пространстве и проблем интерпретации художественного текста.

Сборник адресуется специалистам в области русской филологии, аспирантам, магистрам, а также преподавателям-словесникам учебных заведений среднего звена гуманитарного профиля.

© Казанский федеральный университет, 2015

А.А.Абдрахманова
ЦНиСПО Казанского государственного энергетического университета (Казань)

КВАНТИФИКАЦИЯ СИТУАЦИЙ ИНФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ (на материале татарского и английского языков)

Статья посвящена анализу категориальных ситуаций квантификации, предполагающих выбор квантификации как одного из аспектов субъектно-предикатно-объектных ситуаций восприятия и информирования.

Ключевые слова: квантификация, ситуация информирования, ситуация восприятия.

В соответствии с концепцией А.В.Бондарко, отношения между субъектом, объектом и предикатом, т.е. субъектно-предикатно-объектные отношения, рассматриваются на основе понятия категориальной ситуации. «*Категориальная ситуация* трактуется как выражаемые языковыми средствами высказывания типовые содержательные структуры: а) базирующиеся на определенной семантической категории и образуемом ею в данном языке функционально-семантическом поле; б) представляющие собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из категориальных характеристик – аспектуальную, модальную, локативную и т.п.» [Бондарко 2002:627]. Сопоставительный анализ данного типа категориальных ситуаций предполагает выбор квантификации как одного из аспектов субъектно-предикатно-объектных ситуаций восприятия и информирования. Из содержания высказываний с семантикой восприятия или информирования извлекается категориальный субъектно-предикатно-объектный «каркас», в котором квантифицирована одна или несколько категорий и выявляется его влияние.

Ситуации восприятия и информирования могут быть подвержены квантификации посредством введения в состав высказывания квантификационных параметров:

- **N+(V) Quantified** или **(N+V) Quantified** – квантификации глагола или темпоральных/пространственных локализаторов;
- **subject (quantified) + object (quantified) + V** – квантификации актантов субъектного или объектного типа.

В работе поддерживается концепция о существовании единой квантификационной рамки. Квантификация осуществляется по двум параметрам – временному и пространственному и входит в реализационную базу предложения в целом [Мустайоки 2006:191].

Согласно теории семантического анализа валентностей предикатов, валентности указывают, какого типа актанты допустимы при избранном предикате. Для моделирования семантической структуры высказывания, реализующей определенную категорию, выбирается базовый / эталонный / прототипический глагол. Этот глагол должен воплощать в себе основные черты, характерные для ситуаций, связанных с реализацией исследуемой категории. Прототипический глагол является семантическим примитивом, несущим базовую информацию о ситуации. А.Мустайоки выделяет восемь примарных классов предикатов:

Действие, Отношение, Обладание, Локация, Существование, Состояние, Характеристика и Идентификация [Мустайоки 2006:186]. Роль квантификации актантов удобнее рассматривать отдельно для ситуации информирования и восприятия. Сопоставительный анализ проводится на основе метода моделирования речевых фраз на базе языковой компетенции автора и информантов.

Ситуация информирования

Роль актантов разного семантического предназначения рассмотрена на базе типовых предложений, предикатами которых выступают прототипические глаголы устного информирования – *to inform, to report / хәбәр итү*. Типовыми предложениями с предикатами речевого действия информирования (Ac Sp) являются: *They informed the children that their teacher was ill. / Алар балаларга укытучыларынын чирләү турында хәбәр иттеләр /Они сообщили ребятам о болезни учителя.*

Объект-тема и ***объект-результатив*** исключаются при реализации косвенной эвиденциальности. Для ситуации, о которой информируют, возможна только глагольная репрезентация при реализации косвенной эвиденциальности.

They reported the news./ Алар яңалыкларны хәбәр иттеләр /Они сообщили новость. – репрезентация ситуации, о которой информируют отсутствует.

В речевых действиях информирования роль ***объектов-реципиентов*** (слушающих) не имеет значения, так как можно информировать одного или несколько человек одновременно при условии отсутствия очередности. Объектная синхронность изначально предполагает коллективного объекта: *Журналисты информировали слушателей (= Слушатели были проинформированы журналистами) – синхронность*; *Депутат отчитывался перед избирателями о том, что все необходимые средства найдены* (= *Избиратели слушали отчет депутата о том, что все необходимые средства найдены*) – синхронность. Возможность различной интерпретации ситуации на языковом уровне иллюстрируют данные примеры. Роль квантификации актанта-реципиента для глаголов информирования иррелевантна.

Объект-инструмент может быть представлен в ситуации информирования: *They reported on the radio that Moscow was taken by the Nazis / Алар Мәскәүне нацистлар кулга алганны хәбәр иттеләр / Они сообщили по радио, что Москва взята фашистами.* Однако форма множественного числа объекта-инструмента не важна: *They informed by shouts / Алар рупордан хәбәр итәләр / Они информируют в рупор/в микрофоны.*

Локализатор сохраняет свою значимость при любом типе ситуаций. Доминирующая роль пространственного локализатора заключается в том, что в случае его квантификации все актанты предполагаются распределенными в соответствии с локализацией ситуаций: *They reported in all cities that hurricane was approaching / Алар бөтен шәһәрләрдә давыл килүе турында хәбәр иттеләр хәбәр иттеләр / Они сообщили во всех городах, что приближается ураган.*

Квантификация ***субъекта-агенса*** или информатора должна определять отдельного информатора для каждой ситуации информирования. Однако этого не происходит из-за нейтрализации форм числа. Форм множественного числа начинает восприниматься как показатель совокупности людей с определенной позицией по какой-либо

ситуации. Информация преподносится как мнение некоторой профессиональной группы: *Ученые сообщили = Сообщество ученых сообщило*.

Reporters informed the population that rise in prices is expected / Журналистлар халыкка бәяләр күтәрелүе турында хәбәр иттеләр / Журналисты информировали население о том, что ожидается рост цен.

Ситуация восприятия

Роль актантов разного семантического предназначения рассмотрена на базе типовых предложений, предикатами которых выступают прототипические глаголы восприятия – глаголы зрительного восприятия – *to see, to observe/ күрү*. Типовыми предложениями с предикатами восприятия являются: *They see the children. / Алар балаларны күрә. /Они видят ребят.*

В данной подгруппе невозможно выражение распределения действия по объектам: *They see the children. / Алар балаларны күрә. /Они видят ребят.* Квантифицированность объекта-инструмента не имеет значения, так как крайне редко органы восприятия нуждаются в дополнительных инструментах восприятия. Действие восприятия представляет собой процесс восприятия происходящей где-то ситуации. Только пространственный локализатор однозначно несет идею о дистрибуции: *They saw the children in different schools / Алар балаларны төрле мәктәпләрдә күрәләр. /Они видят ребят в разных школах.* Квантификация воспринимаемого объекта допускает репрезентацию дистрибутивных отношений – диахронность ситуаций восприятия: *He saw different people / Ул төрле кешеләрне күрде / Он видел разных людей.* Однако при этом наблюдается модификация значения – восприятия начинает интерпретироваться как периоды, в данном случае, сопряженные с личным контактом. Глаголы слухового восприятия характеризуются индифферентностью к квантификации актанта-источника: *I hear many birds / one bird singing / Мин кошлар / кош сайраун тыңлыйм / Я слушаю пение одной/многих птиц.*

Синхронность процесса перцепции характеризует зрительный и слуховой способы восприятия. Диапазон визуальной перцепции ограничен широтой обзора, т.е. допустим любой вид определенной (*2-3 стула*) и неопределенный (*много стульев*) квантификации. Диапазон слуховой перцепции не допускает количественной дифференциации – *1 или много (я слышу пения одного или нескольких*). Диахронностью характеризуется диктальная перцепция, для которой значима квантификация актантов-объектов – *я нащупал 1…*

Квантификация темпоральных сегментов (*5 дней*) не перцептивна напрямую (*я вижу, прошло 5 дней*). Конкретная квантификация нестабильного для долгого периода времени пространственного сегмента имплицирует визуальную перцепцию: *5 чашек на столе, гора немытой посуды, книги на диване* (это кратковременное положение вещей в сравнении с *пятью киосками на улице*) предполагает за кадром перцептора.

Квантификация ***субъекта-агенса*** или перцептора должна определять отдельного перцептора для каждой ситуации восприятия. Однако, как и в случае ситуаций информирования, форма множественного числа начинает восприниматься как показатель совокупности людей. Восприятие характеризуется синхронностью: *Ученые наблюдали = Сообщество ученых наблюдало*.

Таким образом, традиционное значение квантификации пространственного локализатора сохраняется и в случае репрезентации ситуаций восприятия и информирования. Субъективно-индивидуализированная интерпретация перцептора и информатора (даже в случае их выражения множественным числом), а также синхронное восприятие информации информируемыми и синхронное восприятие наблюдаемых объектов перцептором снижают роль квантификации актатов субъектного или объектного типа в исследуемых языках.

Литература

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка/ Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М., 2002.
Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.

А.А.Абдрахманова, М.М.Шакурова
Казанский федеральный университет (Казань)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АБСТРАКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.АМИРХАНА И МУХТАРА АУЭЗОВА

Статья посвящена исследованию абстрактной лексики в произведениях Ф.Амирхана «Татар кызы» («Татарская девушка») и М.Ауэзова «Қаралы сұлу» («Красавица в трауре»). Поставленная исследовательская задача обуславливается необходимостью лингвистического анализа литературных произведений этих авторов. Изучение особенностей использования абстрактной лексики, целостная их оценка позволяет по-новому взглянуть на время создания данных произведений, выявить особенности национальной культуры того периода, а также обнаружить разнообразные смысловые оттенки имен существительных в контексте словарного богатства татарского и казахского языка.

Ключевые слова: абстрактная лексика, М.Ауэзов, Ф.Амирхан, существительные.

Литература XX века подарила нам многих известных поэтов и писателей. Их творчество неоднократно изучалось учеными, и много раз подтверждалась духовная ценность этих произведений. Однако, к большому сожалению, творчество не всех поэтов и писателей изучено досконально. К таким мы можем отнести татарского писателя Фатиха Амирхана и казахского прозаика Мухтара Ауэзова. Они оба – классики своего времени, и популярны по сей день. Литературоведческий анализ произведений М.Ауэзова достаточно полно исследованы доктором филологических наук, профессором Алуа Темирболатом, а также доктором филологических наук Турсенбеком Какишевым. Творчество Ф.Амирхана было объектом изучения Й.Г.Нигъматуллина, М.Х.Хасанов, М.Х.Гайнуллин, И.З.Нуруллин, А.Шамов.

Как мы уже знаем, литература – это мир образного мышления. Чем своеобразнее мыслит писатель, тем лучше его произведение остаётся в памяти читателя. Именно поэтому большинство творческих личностей стремится к новым образам и описаниям. Некоторые обращаются к таким тропам, как метафора, эпитет или сравнение. А другие, в том числе

Фатих Амирхан и Мухтар Ауэзов, обращают свой взор на оригинальное использование языковых средств, в том числе лексических. Сказанное предопределило необходимость изучения использования абстрактной лексики в произведения Ф.Амирхана «Татар кызы» («Татарская девушка») и М.Ауэзова «Қаралы сұлу» («Красавица в трауре»).

Абстрактная лексика – совокупность слов с отвлеченным значением качества, свойства, состояния, действия. Обычно в это число включаются только абстрактные имена существительные, имеющие грамматическое выражение категории отвлеченности (определенные словообразовательные суффиксы, отсутствие, как правило, формы множественного числа, несочетаемость с количественными числительными). В широком смысле, исходя только из семантического принципа, в абстрактную лексику можно включить и слова других частей речи (особенно прилагательные, образованные от абстрактных существительных) [6].

1) В главной роли и у Ф.Амирхана, и у М.Ауэзова выступает молодая девушка. В самом начале произведения Ф.Амирхан заставляет свою героиню думать о жизни. Для этого он использует такие лексемы, как *мысль* и *ум*.

«...үз ***фикеренә****, үз җанына,үз* ***гакылына*** *килгән нәрсәләр белән ирләр шикелле үк әсәрләнә иде.»* [И.1: 328]. *«...Ровно как мужчины, вдохновлялась всем, что приходило в мысли, в душу, на ум».*

То же самое мы наблюдаем и в произведении Мухтара Ауэзова. Его героиня – Карагёз размышляет о прожитых днях и о грядущем будущем.

«Содан бөлек халді көксететін өзге түрлі ***ой*** *келсе, оны көңіліне дарытпай, өшіруге асығады.»* [И.3: 1]. *«Когда приходят мысли, которые напоминают то состояние, она пытается быстро стереть это из памяти.»*

Мысль (фикер) – 1) то, что явилось в результате размышления, идея, убеждения, взгляды. 2) то, что заполняет сознание [5: 679].

Ум (гакыл) – 1) способность мыслить человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни. 2) такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта [5: 285].

2) И Карагёз, и татарская девушка размышляют на вечные темы. Их интересует суть жизни, цель появления на свет. Для того, чтобы выразить глубину чувств своих героинь, Ф.Амирхан и М.Ауэзов используют такие абстрактные лексики: жизнь, мир, будущее.

«Одан бұрын Қарагөз ***тіршілік*** *базарында еркін жүзіп жүрген еркемін дейтін.»* [И.3: 1]. *«Раньше Карагёз думала, что свободно плывет в реке жизни».*

«Минем ***дөньяга*** *чыгарылуымнан максут шул ике нәрсә генә!»* [И.1: 335] *«Цель моего появления на свет в этот мир заключается лиш в этих двух вещах».*

« – Менә бу синең ***киләчәккә*** *хәзерләнүең: бу киләчәктәге үз тормышың!»* [И.1: 330]. *« – Вот это и есть твоя подготовка к будущему: это – твоя будущая жизн.».*

Будущее (киләчәк) – тот, который следует за настоящим, предстоящий [5: 53].

Жизнь (тормыш) – реальная действительность [5: 156].

Мир (дөнья) – Земной шар, Земля, а также люди, население Земного шара [5: 286].

3) Несбывшиеся мечты всегда приводят к разочарованиям. Литературные приозведения не исключение. И татарская девушка, и Карагёз чувствуют смятение, печаль и боль.

*«Ұзақ қайғыны өмірінің мәңгілік **шер** күйі қылып сақтап, Қарагөз әлі күнге келеді...»* [И.3: 4]. *«Карагёз до сих пор живет, превратив этот бесконечный траур в вечную боль».*

*«Күздің айсыз қараңғы түнінде, түнғатып жүрген жолаушы ұзақ **қараңғылыққа** қалай мойындап бағынса, Қарагөз де сондай мойындап, көніп болған...»* [И.3: 1]. *«Вдовий траур стал её привычкой, её обычаем. Так путник свыкается с кромешной темнотой ненастной ночи, идет, как слепец, но будто бы что-то видит…»* [И.2: 39].

*«Бүген үк ... кызга бик **сагынып**, бик саргаеп сәлам күндермәкче булды»* [И.1: 333] *«Решил сегодня же отправить девушке письмо полное тоски»*

*«-Кыз балаларга ир малайлар белән уйнап йөрү **оят**!»* [И.1: 329] *«-Девочкам играть с мальчиками должно быть стыдно!».*

Печаль (шер) – чувство грусти и скорби, состояние душевной горечи [5: 417].

Темнота (қараңғылық) – 1. Отсутствие света, мрак; 2. Невежество, культурная отсталость [5: 667].

Траур – состояние скорби по умершему (а так же по поводу какого-н. бедствия, катастрофы) выражающееся в ношении особой одежды, в отмене увеселений и т.п. [5: 285].

Тоска (сагыну, сагыш) – душевная тревого, соединение с грустью, уныние [5: 656].

Стыд (оят) – чувство сильного смущения от осознания предосудительности поступка [5: 634].

4) Но мировозрениям героинь Фатиха Амирхана и Мухтара Ауэзова отличаются доуг от друга. Девушка из произведения «Татарская девушка» верит всем, кто находится рядом, надееться на их помощь. Она стремится к свободной жизни и красивому будущему. Именно поэтому мы можем встретить в прозе Ф.Амирхана абстрактную лексику положительного значения.

*«Юмарт кояш аны алтынлы нуры белән чолгый, җил аның борынына язның **шатлык,** тереклек, **матурлык** белән тулы исен китерә...»* [И.1: 328]. *«Щедрое солнце укрыло её своими золотистыми лучами, ветер принес приятный запах весеннего счастья, жизнь, красоту».*

Счастье (шатлык) – чувство и состояние полного, высшего удовлетворения [5: 639].

Красота (матурлык) – совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху, все красивое, прекрасное [5: 245].

*«Ул адәмнәрне үзенә **яхшылык** теләүчеләр дип белә иде»* [И.1: 329]. *«Она думала, что все люди желают ей только добро».*

Добро (яхшылык) – все положительное, хорошее, полезное [5: 137].

5) В новелле Мухтара Ауэзова «Красавица в трауре» также можно встретить лексику положительного характера. Но цель их использования совсем другая, они используются в диалогах в функции обращения.

*«Несін айтасың, **қарағым**!..»* [И.3: 1] *«Что там толковать, милая!..»* [И.2: 41].

*«-Есен-саумысың, **қалқам**? – дегенде, ұялып қараған Қаракөздің жүзінде ыстық қан ойнады.»* [И.3: 2]. *«-–Здорова ли ты, милая? – и Карагёз коротко ответила ему, они словно обменялись безмолвной взаимностью»* [И.2: 43].

Милая, милый (қарағым, қалқам) – 1. Славный, привлекательный, приятный; 2. Дорогой, любимый [5: 285].

Подытоживая всё сказанное выше, можно сказать, что и Фатих Амирхан, и Мухтар Ауэзов активно использовали в своих произведениях абстрактную лексику. В их творчестве наблюдается сходство в тематическом и в языковом плане. Но есть и различие между рассказами «Татарская девушка» и «Красавица в трауре». Произведениям Ф.Амирхана свойственно положительное настроение. Мухтар Ауэзов весьма своеобразно использует абстрактную лексику в функции обращения, что является яркой отличительной чертой его языка.

Литература

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1990.
Вопросы татарского языкознания. Казань, 1978.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Исследования по татарскому языку. Казань, 1989.
Ожегов С.И. Словарь русского языка М., 1988.
Словарь-источник лингвистических терминов/ Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. Изд. 2-е. М., 1976
Хаков В.Х. Татар әдәби теле (стилистика). Казан, 1999.
Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе. Казан, 2006.
Хангилдин В.Н. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959.
Шакурова М.М. Лингвистический анализ художественного текста // Язык – культура – этнос: Сборник научн. тр., посвященный 10-летию со дня основания кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии КФУ / Под ред. Р.Р.Замалетдинова. Казань, 2013. С. 277-279.
Юсупов Р.А. Тәрҗемә һәм тел культурасы. Казан, 1978.

Источники

Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр ике томда. 1 нче том. Повестьлар, хикәяләр 1907-1922. Казан, 1957.
Фонд Мухтара Ауэзова // URL: http://auezov.kz/node/265
Мұхтар Әуезов Қоры// URL: http://auezov.kz/kk/node/334

Е.С.Агапова
Гимназия №28 (Казань)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ В.АКСЕНОВА «ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА»

В статье рассматриваются лингвистические особенности репрезентации темпоральности в повести В.Аксенова «Золотая наша Железка»; анализируются темпоральные лексемы календарного, суточного циклов, лексемы, обозначающие короткие временные отрезки; исследуется восприятие времени (настоящего, прошлого и будущего) героями и автором; делается вывод об авторском представлении времени в данной повести.

Ключевые слова: темпоральность, лексема, атрибутивные и предикативные сочетания.

Конец 60-х – начало 70-х годов характеризуется в творчестве Василия Аксенова значительными изменениями. Важным художественным принципом, организующим произведения писателя, становится литературная игра [Попов 2006: 9]. Повесть «Золотая наша Железка» (1973 г.) представляет собой авангардное по форме произведение,

как указано в подзаголовке – «Юмористическая повесть с преувеличениями и воспоминаниями». Перед читателем воспоминания всех главных героев повести: Эрнеста Морковникова, Паши Слона, Кима Морзицера, Крафаилова и других. «Поколение автора, – пишет Аксенов, – поколение юношей 50-х годов и молодых строителей 60-х, подошло сейчас к серьезному возрастному рубежу – сорокалетию, за которым начинается полоса, быть может, самых ответственных лет…» [Петров 2012: 188-189].

Как отмечают исследователи, для Аксенова не характерно линейное изображение исторического времени, о чем свидетельствуют постоянные переключения временных планов рассматриваемой повести [Залесова 2002: 160]: юность и отрочество героя – начало строительства Железки – настоящее. Сжатая спираль времени превращается в кольца. Прошлое не становится прошедшим, оно остается с героем навсегда, становится его сущностью, центром.

Формально события повести разворачиваются в 70-е годы XX века, о чем свидетельствуют слова Мемозова: *«На дворе **семидесятые годы**, Буряк Фасолевич, справка на вас давно готова» [1: 533]*. При этом время в Пихтах особое, нет связи с происходящими в 70-е годы в СССР событиями. Связь с историей осуществляется имплицитно, только через упоминание имен деятелей культуры (мастера джаза, Хэмингуэй и др.), строительство других научных городков: *«…в памяти свежи заметки, очерки, киносюжеты о Дубне, Обнинске, о новосибирском Академгородке» [1: 447]*. Подобный отрыв от истории был необходим автору для переосмысления советского мифа о первостроительстве.

Любая мифология всегда начинается с повествования о сотворении мира (в данном случае научного городка Железки): творец (Великий-Салазкин) из хаоса создает упорядоченный космос, дальнейшая история – борьба сил порядка и хаоса («киты» против Мемозова). Действия героев наполнены сакральным смыслом. В отличие от сакрального (надбытового) времени в мифологии повести Аксенова нет дистанции от реального (бытового) исторического времени, которое представлено в виде упоминания дат: идея создания Железки рождается у Великого-Салазкина весной, в мае 195.. года [1: 434-435]; указана датировка падения метеорита в месте будущего научного городка – сентябрь 1909 года [1: 430].

Настоящее воспринимается героями как время необычных свершений, где основная роль принадлежит разуму и научным открытиям: *«Ох уж эти нафталиновые фокусы **в наш век стерео**!» [1: 443]; «**В наши кибернетические дни** воспоминание об этой встрече с осенних небес на руки В.-С. слетел обрывок перфокарты» [1: 458]*. Это подчеркивается за счет употребления атрибутива *кибернетические* (Кибернетика – наука об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах [Ожегов 2006: 1256]), подчеркивающего логичность, упорядоченность настоящего времени с точки зрения героя. Современность тождественна прогрессу, но теперь она освещается более иронично, чем, например, в «молодежной прозе»: *«Есть еще, конечно, и в **современной прогрессивной торговле** жрецы хитроглазого божка-воришки, **поклонники вонючего анахронизма** «не обманешь – не продашь» [1: 417]*.

Прошлое вызывает у героев ностальгию, они тоскуют по утраченной юности: *«В конце концов смирись, говорю я себе, ты никогда больше **не будешь молод**» [1: 396]; «Ты был кумиром, старик, в **нашей далекой пыльной юности**, когда торжествовал*

*континентальный уклон в природе» [1: 402]; «**Отрочество и золотая пора ранней юности** были под угрозой» [1: 538]*. Молодость героев осознается как *золотая пора* – «счастливое, благоприятное время» [Ожегов 2006: 310], оно отдалено от героя (атрибутивы *далекий, пыльный*), но ироничный тон только прикрывает сожаление персонажей о необратимом ходе времени.

Будущее рассматривается как время, которое будет отличаться от настоящего в лучшую сторону: *«…и думаешь **о будущем**, где исчезнет власть случайностей, где все будет предопределено наукой…» [1: 391]; «У нас **в будущем** все будет иначе» [1: 418]; «Воображение Кимчика… уже неслось сквозь **джунгли будущего**» [1: 440]; «…человек…смело видел **в будущем** картины привлекательных изменений…» [1: 464]*.

Вне времени оказывается неуловимая частица Дабль-фью, которую пытаются обнаружить ученые: *«…влечет мысль к цели, к нашей желанной Дабль-фью, а в конце вместо желанной – свистящая дырка, **глазок в вечность**» [1: 412]*.

Железка обрастает собственными мифами и легендами, так к повествованию подключается фольклорный темпоральный план: *«**Скоро сказка сказывается**, и, между прочим, дело скоро делается, потому что время… время не терпело» [1: 453]*. Употребление сказочных формул с временной семантикой позволяет как сжать, так и растянуть время, показать резкую смену событий. Но при этом фольклорный временной план легко соединяется с реальным, бытовым, иронически переосмысляется, что выражается в конструкции *время не терпело*. Свойственная фольклору неопределенность временной семантики реализуется через отсутствие конкретных датировок: *«**В другой год**, рассказывают, …» [1: 432]*. Легенды врываются в жизнь Железки, подменяя собой обычную действительность и давая объяснение уже готовой реальности. Семидневный буран отсылает к Библии (создание нового мира за семь дней): *«**Семидневный буран** был на исходе» [1: 539]; «**На седьмые сутки бурана** Серафима Игнатьевна заперла буфет и решила отправиться на поиски шофера Телескопова» [1: 522]*. Таким образом, кроме временной длительности ненастья, данное количественно-именное сочетание передает семантику обновления. Сами «киты» приняли непосредственное участие в создании мифа о современном ученом: *«…и стали активно формировать образ нового интеллектуала…**с мучительно углубленными раздумьями по ночам**…» [1: 456]*.

Отсутствие прямой номинации при указании возраста героев также работает на создание специфического временного плана: *«Это был, конечно, Ким Морзицер…разменявший личную жизнь на **молодежное движение шестидесятых годов**» [1: 399-400]; «Павел Слон был представителем **стареющего поколения** научных суперменов…» [1: 393]; «…вдруг робко проглянет та девочка, лучшая девочка их поколения, **поколения пятидесятых**» [1: 394]*. Масштабность деятельности самого Великого-Салазкина и его коллег-ровесников передается за счет гиперболизованных темпоральных конструкций: *«Благословенный мэтр, ведь **вторую сотню разменял** и как все успевает?» [1: 410]; «…И вот появляется профессор Громсон, сухопарый и независимый, **как целое отдельное столетие**, внедрившееся между XIX и XX» [1: 411]; «…Учитель смущенно скосил на ученика желудевое **столетнее око**» [1: 413]*.

Как правило, лексемы, обозначающие суточное время, отсылают читателя к реальному миру, указывая, в какое время происходит действие. В пределах суточного цикла особо выделены ночь и вечер. Ночь – время, когда мыслит Великий-Салазкин, работает

Китоус и другие «киты»: *«Ведь он сюда **приходит по ночам мыслить**», «…между прочим, не он один **по ночам мыслит**…» [1: 389]; «С этого и началось: **ночи безумные, ночи бессонные**…» [1: 411]; «**Итог этой ночи** – десять страниц знаменитой книги «Оранжевый мезон» [1: 460]*. Ночь представляет и ирреальный темпоральный план, это время, когда «колдует» Мемозов: *«Это насчет тех листочков, что ли, Вадим, которые выпорхнули из вашей форточки, когда я **ночью колдовал** на пустыре…» [1: 499]*.

Ночь упоминается в песнях, которые поют герои [1: 420, 526]. При этом герои сожалеют, что не родились на десятилетие раньше, тогда бы они смогли участвовать в Великой Отечественной войне.

В сказовых фрагментах, связанных с Железкой, ночь – время, когда происходят чудеса: *«**Всю ночь** якобы играл Григорий Михайлович старинную музыку из головы и по бумаге. **Всю ночь** блаженно отдыхала экспедиция, а после якобы ушла» [1: 433]; «Однажды утром шли ученые на площадку и вдруг обомлели: **за ночь** выросла на пустыре монументальная проходная…» [1: 449]*.

Особо автором выделена августовская ночь, ее предикативная характеристика представлена рядом глаголов, обозначающих звуки, а атрибутивная характеристика включает в себя указание на цвет и состояние воздуха, время года: *«**Прошелестела, проскрипела, протрепетала прозрачно-черная августовская ночь**, но даже прочерки метеоритов и дальние атлантические сполохи не утешили отшельника, **не вернули мне детства и будущей юности**» [1: 422]*. Использование глаголов в форме совершенного вида в очередной раз подчеркивает необратимый характер времени: детство и юность остались далеко позади, но при этом сохранились в памяти героя, стали составляющей его личности в настоящем.

Вечер же становится тяжелым, опасным временем, это время, когда навещают мысли о будущем, передается что-то недоступное: *«**Вечер** – **опасное время** для философских забот» [1: 391]; «...ты забываешь вечерние энтропические страдания…» [1: 391]; «Вот **в этот вечер** они тебе что-то и **передали**…» [1: 407]*. Но есть в жизни героев и особые вечера, благодаря которым они пытаются удержать уходящее время: *«Словом, **этот вечер особенный**, от него можно считать свое жидкое время, свой отпуск, в обе стороны» [1: 481]; «А потому он **особенный, этот вечер**, что далеко не каждому дано гладить тигрят, а я их гладил!» [1: 481]*. Подчеркивание необычности отдельных вечеров достигается за счет употребления в качестве атрибутивов конструкции, состоящей из указательного местоимения *этот* и прилагательного *особенный*.

Ночь и вечер часто дают отсылку к Серебряному веку: *«За шторой, откуда сквозил **лунный свет серебряного века**…» [1:442]; «…и сквозь весь парафин я увидел вдруг даму **белых ночей тринадцатого года**» [1: 511]*. Серебряный век входит во временное пространство текста и благодаря упоминаниям стихотворений Блока и Пастернака: *«…и снова, как в книгах, **«о, весна без конца и без краю»**…» [1:409]; «Стакан, еще стакан, еще стакан…и вновь **весна без конца и без края**…» [1: 460]; «…попросил своего соседа, математика Эрика Морковникова, сообщить, который час, какой день недели, месяц, год и **«какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»** [1: 396]*. Помимо этого, в повести присутствуют и другие фрагменты с темпоральными лексемами, которые обыгрывают существующие литературные тексты: *«Стояла уже **унылая пора**, что очаровывает очи…»*

[1: 448]; «Стояла ***ранняя зим****а, вернее* ***осень на исходе****, прозрачность некая была в архитектуре и природе» [1: 478]; «****В глухом таежном сентябре*** *летели птицы в серебре, их вновь к себе звала природа, а Ким Морзицер унывал, он* ***дни прошедшие считал****» [1: 481]*; *«Нет. Просто.* ***Ночью****. Ветер.* ***Мая****. Шальную ласточку принес» [1: 558]*. В последнем случае за счет использования парцеллированной конструкции усиливаются смысловые и экспрессивные оттенки значения.

Языковая метафорика времени может быть связана с его физическими свойствами [Семенова 2011: 454]. Так, например, быстрое движение времени в повести «Золотая наша Железка» ассоциируется с течением воды: *«А по краю вольера кругами бродят взрослые самки, тоже страдают* ***от утечки времени****» [1: 480]; «Словом, этот вечер особенный, от него можно считать* ***свое жидкое время****, свой отпуск, в обе стороны» [1: 481]*. Семантика необратимого движения реализуется в повести через атрибутивы с семантикой ухода, предикативы с семантикой быстрого движения: *«Вспоминая свое* ***уходящее время****…» [1: 480]; «… не успеешь чихнуть, как* ***пара десятилетий проскочит****…» [1: 450]; «****Время убегает****, господа негоцианты, а человечество ждет наших усилий, как сказал Марко Поло на приеме в Гуанчжоу» [1: 504]; «****Время*** *действительно* ***жарило*** *через кочки* ***тройным прыжком****» [1: 453]*.

Ярким выразителем темпоральности могут стать и короткие временные отрезки: *секунда/минута, миг/мгновение*. Выступая в составе количественно-именных сочетаний, лексемы *секунда* и *минута*, как правило, становятся выразителями бытового времени. Часты конструкции «*за минуту до / несколько минут до* + сущ.в Р.п.»: *«Эти* ***несколько минут до завершения посадки*** *в багровом закатном тумане…» [1: 413]; «Она уже и думать забыла, как* ***за минуту до боли*** *ей было грустно и тревожно, словно в молодости…» [1: 525]; «В тот час* ***за минуту до урагана*** *Серафима Игнатьевна… шла вдоль главной улицы Пихт под огненными витринами» [1: 528]*. Секунды могут выступать конкретизаторами особых временных отрезков, обозначенных лексемой *минуты*: *«Вот лучшие эти* ***минуты*** *(может быть,* ***секунды****?) всегда возвращались ко мне…» [1: 407]*. Лексемам миг/мгновение принадлежит роль выразителя надбытового времени, так связаны, прежде всего, с чувственным восприятием времени (обонятельным, зрительным): *«Столь пронзительное и* ***незримое временем мгновение****… и отчетливый* ***запах*** *этого* ***мгновения****» [1: 395]*. Миги и мгновения обычно оказываются связаны с резкими изменениями: *«Прошел, ледяным ветром проплыл над нами* ***миг****… Прошел, смрадом продышал над нами еще один* ***миг****… Прошел, черными хлопьями прокаркал над нами еще один* ***миг****…» [1: 570]*. Негативная окраска происходящего в данном фрагменте реализуется через градацию признаков (холод, резкий запах, черный цвет, карканье ворона), реализующих инфернальную символику. Миги поддаются счету: *«…а в центре горя, там, где еще* ***три мига назад*** *теплела наша Железка, теперь пылало желчным огнем ледяное болотное злосчастие» [1: 570]; «****В следующий миг*** *– о эти миги,* ***следующие чередой****» [1: 472]*. Связь с эмоциональным состоянием героев прослеживается в атрибутах: *«Морковников… и тут после короткого* ***мига глухой и пронзительной тоски понял****…» [1: 472]; «…****мгновение восторга****…» [1: 551]*.

Таким образом, можно сделать вывод, что темпоральный план повести В.Аксенова «Золотая наша Железка» характеризуется определенной сложностью: перед нами

причудливое сочетание настоящего и прошлого, реального и ирреального. Прошлое в виде воспоминаний становится неотъемлемой частью настоящего, уходящая молодость вызывает чувство сожаления и грусти. При этом характеристики времени становятся более ироничными, чем, например, в «молодежной прозе» шестидесятых годов.

Литература

Залесова О.В. Языковая игра в творчестве В.Аксенова: дис. … канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2002.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2006.
Петров Д.П. Аксенов. М., 2012.
Попов И.В. Художественный мир произведений Василия Аксенова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2006.
Семенова В.Г. Пространство времени // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: сборник научных статей. М., 2011. С.452–457.

Источники

[1] – *Аксенов В.* Золотая наша Железка // Золотая наша Железка. М., 2009. С.385 – 574.

Д.Р.Агзамова, Л.К.Байрамова
Казанский федеральный университет (Казань)

КАТЕГОРИЯ КРАСОТЫ В РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье на материале русских и татарских паремилогических единиц исследуются парадигмы ценностей эстетической категории красоты. Выделяются фразеологические группы.

Ключевые слова: аксиология, красота, ценности, эстетика

Красота, как доказывают авторы словаря «Эстетика», «одна из универсальных форм бытия материального мира в человеческом сознании, раскрывающая эстетический смысл явлений, их внешние и (или) внутренние качества, которые вызывают удовольствие, наслаждение, моральное удовлетворение. Высшей степенью Красоты, выражением её сущностного эстетического начала является прекрасное» [Эстетика 1989: 102].

Красота как эстетическая категория отражена в русских и татарских пословицах в восприятии внешней красоты: *Коса — девичья краса. Биле нечкә бик матур, Биле юан бик батыр. Ак матуры арканда, Кыз матуры тарханда. Базарга чыксам, мин матур, Өйгә кайтсам, син матур*. В татарских пословицах важным выступает и рецепция со стороны окружающих к красивым людям, выраженная в чувствах восхищения, любви: *Матурлыктан күз туймас. Матурны һәркем ярата. Чибәрне кем дә сөйәр.*

Однако красота в обыденной жизни чаще всего не вычленяется из целостного восприятия окружающего мира, а служит эмоционально-эстетическим продолжением общей картины, воссоздаваемой человеку его органами чувств [Эстетика 1989: 102].

Категория красоты в русской и татарской паремиологии формирует полисемантичную парадигму, раскрывающую картину мира в аспекте ценностей.

В ходе сопоставительного исследования паремиологических единиц о категории красоты в аспекте аксиологии были выделены следующие парадигмы сочетаемости красоты как эстетической ценности с другими ценностями.

1. Красота + гедонистическая ценность. В философии гедонизм (<греч. hedone – ‘удовольствие’) – этическое направление, «рассматривающее чувственную радость, удовольствие, наслаждение как мотив, как цель или доказательство всего нравственного поведения; … только образованный, проницательный, мудрый умеет правильно наслаждаться; он не следует слепо за каждой возникающей прихотью и если наслаждается, то не отдаётся наслаждению, а стоит над ним, владеет им» [ФЭС 1983: 92; Байрамова 2011: 5]. Примеры: *Не родись красивой, а родись счастливой. Не славится красавица, а кому кто нравится.*

В татарском языке представлено несколько эквивалентов русской пословицы *Не родись красивой, а родись счастливой*. Положительно маркируется гедонистическая ценность «счастье». Однако эстетическая ценность «красота» не становится от этого антиценностью. В татарских пословицах выражена та же идея: красота остаётся ценностью, даже если счастье, любовь выше её: *Мәхәббәт булса, матурлык кирәкми. Бәхет матурлыкка карамый. Булма матур, бул бәхетле. Бәхет матур күрсәтә*.

2. Красота + интеллеткуально-когнитивная ценность. Интеллектуально-когнитивная ценность (ум, разум, мудрость), указывающая на интеллект человека (< лат. intellektus – ‘ум’, ‘рассудок’), знания, познания (< лат. cognition – ‘знание’, ‘познание’), его разум способность мыслить, проницательность, совокупность «тех умственных функций (сравнения, абстракции, образования понятий, суждения, заключении и т. д.), которые превращают восприятие в знания или критически пересматривают и анализируют уже имеющиеся знания» [ФЭС 1983: 181]. Примеры: *И красавице ум не помеха. Краса до венца, а ум до конца. Красота без разума пуста.*

В татарских пословицах и поговорках, как и в русских, превозносится не только внешняя красота девушки (человека), но и ум: *Айга бак, йолдызга бак, Акылын алган кызга бак! Илдә матур илле булыр, Гыйлемлесе бер булыр.*

3. Красота + материальная ценность (социально-утилитарная ценность). Как известно, труд совмещает в себе понятия общественности (социальный < лат. socialis – ‘общий’, ‘общественный’) и пользы (утилитарный < греч. utilitas – ‘польза’, ‘выгода’). В философии утилитаризм – «точка зрения пользы; этическое направление, считающее, что целью человеческих поступков должно быть стремление извлекать из всего материальную выгоду, пользу, благополучие, независимо от того, идёт ли речь об индивиде или об обществе» [ФЭС 1983: 470]. Например: *«Красиво поле снопами, а гумно скирдами».* В татарской паремии категория красоты является духовным и материальным богатством человека: *«Матурлык – байлык».*

Русско-татарский паремиологический материал раскрыает другие пардигмы с ценностью «красота»: красота + темпоральные ценности, коммуникативные ценности, витальные ценности и другие.

В русских пословицах и поговорках смысловая структура категории красоты образуется с помощью лексемы «красен». В словаре В.И. Даля представлен широкий ряд слов и словосочетаний с этим компонентом: «краса», «красота», «красик», «красная горка», «красная изба», «красная лавка», «красногон», «красное крыльцо», «красный

угол», «красный молодец, девица», «красный поезд», «красный стол» [Даль 2002: 195]. Реже встречаются лексемы «лад», «хорош» («хороша»), «мил» («мила»). В татарских паремиологических единицах эквивалентом слова «красен», «красный», «красота» выступает слово «матур». Используются лексемы: «гүзәл», «ямьле», «күркәм», «сылу», «чибәр» для обозначения категории красоты, гармонии, прекрасного.

Литература

Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань, 2011.
Байрамова Л.К. Ценность и оценка во фразеологии // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. научн. конф. Белгород, 2010. Т. 1. С. 59 – 62.
Даль В.И. Энциклопедия русского слова. М., 2002.
Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре җыелмасы: 3 томда. 2-нче басма. Казан, 2010.
Пословицы и поговорки русского народа / сост. Н.В.Безденежных. Ростов, 2012.
Русские пословицы и поговорки / сост. К.Г.Берсеньева. М., 2010.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Эстетика: Словарь/Под общ. ред. А. А. Беляева и др. М., 1989.

А.М.Айдарова
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета
(Набережные Челны)

РАЗНОУРОВНЕВЫЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ (на материале русского, английского и татарского языков)

В статье рассматриваются средства описания поведения человека на материале произведений русского, английского и татарского языков. Вслед за О.М.Исаченко выделяется функционально-семантическое поле поведения, представленное разноуровневыми языковыми средствами.

Ключевые слова: поведение, разноуровневые средства, функционально-семантическое поле, глагол поведения.

Человеку свойственно наблюдать за поведением окружающих и оценивать его. На основе анализа термина «поведение человека» с позиции общегуманитарных наук мы пришли к следующему его понятию: поведение человека – это «система наблюдаемых и подвергающихся оценке действий и поступков человека в материальной, интеллектуальной и социальной сферах жизни, обусловленных потребностями субъекта, а также его культурными и индивидуальными особенностями» [Айдарова 2013: 16].

Исследования языка художественного текста, проведенные О.М.Исаченко (2000), выявили огромный арсенал языковых средств, способных описывать человеческое поведение. Весь материал, по мнению автора, располагается на 4-х уровнях: лексическом, фразеологическом, синтаксическом и текстовом. Такое разнообразие

средств описания поведения исследователь связывает с неоднозначностью самого термина «поведение» и его социально-психологическим характером. Автор видит возможным выделить функционально-семантическое поле (далее ФСП) поведения. Термин «ФСП», связанный с именем А. В. Бондарко и других, включается в систему понятий функциональной грамматики. Встает вопрос об уместности употребления данного термина в рамках семасиологии. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» читаем: «В основе каждого ФСП лежит определённая семантическая категория – тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обусловливает их взаимодействие». Таким образом, можно принять точку зрения Исаченко О.М. и выделить ФСП поведения, под которым понимается «такое лексическое множество, которое включает разносубстратные языковые единицы, содержащие в семантике и/или актуализирующие в контексте сему «вести себя каким-либо образом» и передающие в тексте однотипную экстралингвистическую ситуацию» [Исаченко 2000, 17].

На основе выводов О.М. Исаченко и поведенного нами анализа художественных произведений выявлены следующие разноуровневые средства выражения понятия «поведение человека»:

Лексический уровень представлен:

– существительными, обозначающими разновидности поведения (*рус*. поведение, лесть, *тат*. гамәл, дорфалык, *англ*. behaviour, flirtation и т.д.), а также именующими лиц (*рус*. льстец, *тат*. мактанчык, *англ*. moaner и т.д.);

– прилагательными;

– глаголами, включающими собственно глаголы поведения, а также глаголы других ЛСГ, актуализирующими в конкретном контексте поведенческий смысл;

– наречиями.

Фразеологический уровень содержит устойчивые словосочетания (ФЕ).

Синтаксический уровень включает в себя свободные словосочетания (прил.+сущ., глагол+наречие, глагол +как+сущ. и т.д.).

Текстовый уровень представлен сочетанием межчастеречных и разноуровневых средств, соединенных в одном предложении (тексте).

Мы рассматриваем произведения, разные по объему и жанру, но объединенные единой тематикой: в них раскрываются культурные особенности поведения человека в различных жизненных ситуациях.

Роман К. Фокс «Watching the English. Hidden rules of English behaviour» («Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения») принадлежит к социологическому исследованию. Рассказы С. Довлатова [2012] являются образцом филологической прозы писателя. Роман татарского писателя Ф.Сафина «Биек тауның башларында» («На вершине высоких гор») представляет собой пример современной художественной прозы. В данных произведениях авторами раскрываются этнические образцы поведения трех народов: англичан (роман К. Фокс), русских (рассказы С. Довлатова) и татар (роман Ф. Сафина).

Обратимся к творчеству русского писателя. Небольшой по объему рассказ «Это непереводимое слово “хамство”» [Довлатов 2012: 186-189] пестрит средствами, описывающих неискреннее, неестественное, грубое поведение русского человека.

Так, **на лексическом уровне** поведение передается глаголами *действовать, задевать, возражать, стушеваться, изгибаться* (перед кем-л.). Многие глаголы не являются чисто поведенческими, но в контексте рассказа и в сочетании с *наречиями грубо, нахально, нагло, крикливо, претенциозно, угодливо*, приобретают такой смысл.

Синтаксический уровень представлен свободными словосочетаниями. Интересен эпизод, где описывается поведение человека, который старается угодить продавцу. Автор подчеркивает, что поведение человека-льстеца находит отражение даже в его телодвижениях: «… я начинаю как-то *жалобно закатывать глаза, изгибать широкую поясницу, делать какие-то роющие движения правой ногой* …» [Довлатов 2012: 188]. При этом отмечается, что и свою речь угодливый человек строит особым образом, прибегая к уменьшительно-ласкательным суффиксам: «Девушка, мил*еньк*ая, будьте добр*ечк*и, свесьте мне масл*ица* граммч*ик*ов сто …» [Довлатов 2012: 189]. Можно отметить, что неискренне поведение реализуется даже на словообразовательном уровне.

Разноуровневые средства обозначения поведения помогают также передать определенные стереотипы о той или иной нации или группе. Так, в романе Ф. Сафина о жизни городской девушке, волею судьбы оказавшейся в деревне, находим примеры стереотипного представления о деревенских жителях: «Авылда кешеләр һаман да *ягымлы, эчкерсез, гади* һәм *ярдәмчел* дип уйлый әнисе» [Сафин 1998: 48]. Особенности поведения сельчан передаются здесь с помощью прилагательных (**лексический уровень**).

Другой эпизод описывает правила поведения в деревне в форме совета главной героине, данный ее матерью: «Авыл кешесе *җәбеп торганны* яратмый, кызым. Белгәнеңне шатырдатып эшлә, тел-теш тидерерлек булмасын, белгәнеңне сора, сорау гаеп түгел. *Белмәгәнгә сабышып, кул кушырып утыруны* бер дә килештерми сала халкы» [Сафин 1998: 28]. Поведение, описанное в данном примере **фразеологизмами**, представляет антиценность для сельского населения.

В романе татарского писателя поведение обозначается также существительными *кылану, кыланмыш, гамәл*; глаголами (прежде всего, глаголами поведения) *чыгымчылану, көйсезләнү, очыну, холыксызлану, артистлану, оялу, котыру*; словосочетаниями в виде сравнительных оборотов *хәйләкәр төлке белән бер, чын хуҗаларча тоту* (**синтаксический уровень**) и др.

Перейдем к роману английской писательницы. К. Фокс описывает этнические особенности поведения англичан. Известная сдержанность этого народа является ключевым фактором в их поступках. Так, считается некорректным хвастаться приобретением шикарного дома, вместо этого можно услышать жалобы по поводу сложностей, возникших с его покупкой: «One does not *boast* about one’s purchase of a beautiful Cotswold cottage … one *moans* about the awfulness of the estate agents …» [Fox 20014: 120]. В этом примере поведение передается глаголами (**лексический уровень**).

Разговоры о деньгах, стоимости приобретенных предметов считаются неуместными в английском обществе. Поведение людей, нарушающих это правило, описывается **фразеологическими оборотами** *commit the breaches, break the rule*. Реакцией окружающих на вопросы, связанные с деньгами, становится неловкое, неуклюжее

поведение, описываемое прилагательными *awkward, uncomfortable* (manner). Человек, оказавшийся в такой ситуации, ведет себя неспокойно, смущенно, что проявляется в его манерах, движениях, взгляде. Такое поведение репрезентируется свободными словосочетаниями *laugh nervously, reply with one's hand half-covering one's mouth, cough uneasily, exchange raised eyebrow glances* (**синтаксический уровень**).

Англичане позволяют себе лишь временно отказаться от условностей на корпоративных вечеринках, особенно по случаю Рождества. Так несерьезное поведение может описываться существительными *misbehaviour, debauchery, (less) restraint, (less) deference, flirtation;* глаголами *misbehave, flirt, snog;* глагольными фразеологическими оборотами *make a fool of oneself, pluck up the courage, overstep the invisible boundaries, go little bit too far, let one's hair down* (**фразеологический уровень**). Такой период ожидаемого непринужденного поведения автор именует сочетаниями *cultural remission, legitimized deviance, time-out behaviour.* Интересно, что при этом используются термины, ассоциируемые с такими сферами жизни, как медицина (*remission*), юриспруденция (*legitimized*), спорт (*time-out*). Очевидно, автор хотел передать мысль о том, что такое поведение свойственно людям, занятым в различных сферах жизнедеятельности.

Сочетание разноуровневых средств, органически соединенных в художественном тексте, делает описание поступков и поведения людей более ярким, иллюстративным и убедительным. Несомненно, центром ФСП поведения являются глаголы. Поведение – это система действий, и именно глагол (прежде всего, глагол поведения) из всех упомянутых средств наиболее специализирован для обозначения действия человека.

Литература

Айдарова А.М. Лексико-семантическая группа как отражение основных характеристик человеческого поведения (на материале глаголов поведения в русском и английском языках) // Филология и культура. Philology and Culture. Казань, 2013. №4(34). С. 13 – 18.

Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы: Филологическая проза. СПб., 2012.

Исаченко О.М. Функционально-семантический класс глаголов поведения: системно-семантический, функциональный и лингвокультурологический аспекты: дис. … канд. филол. наук.– Новосибирск, 2000.

Лингвистический энциклопедический словарь // URL: http://tapemark.narod.ru/les/566b.html (дата обращения 13.10.2014).

Сафин Ф. М. Биек тауның башларында: Роман. Казан, 1998.

Fox Kate. Watching the English. The hidden Rules of English Behaviour. London, 2004.

Н.И.Акчурина
Казанский федеральный университет (Казань)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СВЕТ»/ «СВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н.ТОЛСТОГО И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

В статье создана модель семантического поля «свет»/ «светское общество» на материале романов Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Война и мир». Помимо этого распределены лексические единицы, входящие в семантическое поле, на определенные блоки, проанализированы способы трансформаций языковых средств, функционирующих в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина» и их переводах на татарский язык.

Ключевые слова: семантическое поле, свет, светское общество, семантические блоки, трансформация, деформация.

Творчество Л.Н. Толстого постоянно подвергается изучению со стороны и литературоведов, и философов, и, конечно, лингвистов. Тем не менее, мы обнаружили одну область, которая показалась нам интересной и не была еще затронута исследователями. В основе нашей статьи лежит определенный социальный пласт – высшее общество, которое рассматривается нами с точки зрения его языковых репрезентаций. На основе проведенного анализа нами смоделировано семантическое поле «свет» (в значении «светское общество»). Материал лингвистического исследования извлечен методом сплошной выборки из текста романов «Анна Каренина» и «Война и мир» и их переводов на татарский язык.

Явления, присущие высшему свету, находят свое отражение в языке. Это в очередной раз доказывает, что язык не существует отдельно от культуры, а является ее неотъемлемой частью. Тесно взаимодействуя друг с другом, оба феномена имеют большую зону пересечения в силу того, что язык является одним из важнейших способов объективации, экстериоризации культуры, выполняет в ней существеннейшую эстетическую функцию.

Лексическая система языка, как известно, представляет собой сложную структуру, компоненты которой взаимосвязаны и взаимодействуют. В связи с изучением системных связей лексики и возникает теория семантического поля. В современной лингвистике существует огромное количество исследований и подходов в изучении поля. Такие ученые, как Й.Трир, Л.М.Васильев, А.В.Бондарко, И.М.Кобозева, И.И.Мещанинов, А. Кузнецов, С. Шафиков, М.Чигашева и другие занимались и занимаются проблемами семантики. Сколько бы точек зрения не существовало применительно к полю, все они приходят к одной идее – между словами в языке существует семантическая связь. «Теория поля оказалась результативной, так как лингвистам удалось доказать наличие структурной величины, объединяющая лексику в определенные лексико-сематические группы» [Новиков 1991: 11]. Применительно к термину «семантическое поле» мы придерживаемся определения, данного Л.А.Новиковым в труде «Теория поля

в современном языкознании»: «Семантическое поле — иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [Новиков 1991: 13].

Языковые единицы, отражающие понятие *светское общество* в романах Л.Н.Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина», предполагают детальной семантический анализ с выделением компонентов значений, представленных в словарях и реализуемых в лексике художественных произведений. Так, ключевое слово *свет* в русском языке имеет значение: «В буржуазно-дворянском обществе: избранный круг дворянства и влиятельные слои буржуазии» [БТС: 2009]. Слова *свет* и *светский* у Толстого предполагают следующие основные семантические блоки:

1. Манеры поведения. Представлены в словах и словосочетаниях: *учтивость, любезность, светское изящество, неестественность, притворная любезность, искусственный лепет, поклоны, элегантный и остроумный тон* и т.д.: *«Анна Павловна с притворной любезностью встречала Кити и не переставая наблюдала ее и мужа» (А.К., с.10), «Борис учтиво поклонился»* (В. и М., Т. I, с. 15)*, «Не изменяемая уверенность и спокойствие, которые дороже всего ценится в свете»* (В. и М., Т. I, с. 17)**,** *«…он с холодною учтивостью вопросительно обратился к жене»* (В. и М., Т. I, с. 23)**.**

2. *Человек/люди/женщины/мужчины*. Отражаются в произведениях с помощью следующих словосочетаний: *светский человек, великосветская дама, светские люди, галантный молодой человек*: *«Он был только светский человек, успевший в свете и сделавший привычку из этого успеха»* (В. и М., Т. I, с.5). В данном примере слово *успех* находится на периферии семантического поля, свидетельствуя тем самым о том, что в свете дороже всего ценится успех: *«Анна непохожа была на светскую даму или на мать восьмилетнего сына»* (А.К., с. 113) //великосветская толпа, верхи светскости*: «Вронский умышленно избегал той избранной, великосветской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась пред беседками»* (А.К., с.214).

3. *Времяпрепровождение*. Представлено в словах и словосочетаниях: *светское мнение, светские новости, светские удовольствия, разговоры, светские связи с богатыми и знатными людьми, блестящая, грациозная светская связь*: *«Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий вздор»* (В. и М., Т. I, с.65), *«Третий круг, наконец, где она имела связи, был собственно свет, - свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одною рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же»* (А.К., Ч.2., с.142), *«Если б это была обыкновенная пошлая светская связь, они бы оставили меня в покое»* (А.К., с.526).

4. *Характеристика света.* У Толстого встречается чаще всего в таких сочетаниях, как: *высокое положение в свете, привычная светская обстановка, светская, блестящая карьера, роскошная и грубая петербургская жизнь, успех в свете, светское воспитание, в глазах света, развращенный свет, дурной свет*, *занимать блестящее место в свете*: *«Приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все жили»* (В. и М., Т. I, с. 7)**,** *«Затем, что, уже раз пойдя по карьере военной службы, надо стараться делать, коль возможно, блестящую карьеру»* (В. и М., Т. I, с. 10), *«Потом он такое занимает положение в свете, что ему ни состояние, ни положение в свете его жены совершенно не нужны»* (А.К., с.439).

Слово *светский* у Толстого имет широкую сочетаемость*: светский человек/люди, женщина, светская связь, светские разговоры, светская любезность, светские обстоятельства, светская поза, светский успех и т.д*.

Кроме этого *светскость* – понятие, включающее в себя такие компоненты, как *этикет, вечер, визит, бал, прием:* «*Вечер Анны Павловны был пущен»* (В. и М., Т. I, с. 12), *«И с приемами петербургской деловой барыни, умеющей пользоваться временем, Анна Михайловна послала за сыном и вместе с ним вышла в переднюю»* (В. и М., Т. II, с. 247), *«-Так теперь когда же бал? - обратилась она к Кити. - На будущей неделе, и прекрасный бал. Один из тех балов, на которых всегда весело»* (А.К., с. 87), *«Она, с приемами деловой петербургской дамы, вошла в комнату, не отпуская от себя Пьера, еще смелее, чем утром»* (В. и М., Т. I, с. 38), *«Говорят, что бал будет очень хорош…- Все красивые женщины общества будут там»* (А.К., с. 95), *«Весь бал, весь свет, все закрылось туманом в душе Кити»* (А.К., с.92).

Наиболее часто встречаемые сочетания со словом *общество* в произведениях – это *высшее общество, сливки общества, общественное мнение* (т.е. мнение о человеке в свете), *к примеру: «Завладение Генуей был желанный предлог для объявления войны, к которой мнение придворного общества было еще более готово, чем войско»* (В. и М., Т. I, с.42) *, «Стремов и Лиза Меркалова – это сливки сливок общества»* (А.К., с.179), *«И виконт был подан обществу в самом изящном и выгодном для него свете, как ростбиф на горячем блюде, посыпанный зеленью»* (В. и М., Т. I, с.12).

В произведениях Толстого в самом разнообразном спектре представлены туалеты: *бальные, изящные, элегантные платья, кружева, высокие прически, бриллианты, жемчуга, фраки, сюртуки* и т.д.*: «И она развела руками, чтобы показать свое, в кружевах, серенькое изящное платье, немного ниже грудей опоясанное широкою лентой»* (В. и М., Т. I, с. 27), *«Анна переоделась в очень простое батистовое платье. Долли внимательно осмотрела это простое платье. Она знала, что значит и за какие деньги приобретается эта простота»* (А.К., с.47), *«Кити ходила с матерью и с московским полковником, весело щеголявшим в своем европейском, купленном готовым во Франкфурте сюртучке»* (А.К., с.241).

Среди многочисленных сложных проблем, которое изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют *переводом* или *переводческой деятельностью.* Перевод – «это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский 2004: 214].

Проблемами перевода занимались такие ученые, как Бархударов, Рецкер, Швейцер, Гарбовский и др. Относительно терминов перевод, трансформация и деформация, мы придерживаемся определений, данных Гарбовским в труде «Теория перевода»: «Как известно, перевод — это ситуация двуязычной коммуникации, в основе которой лежит

билингвизм, т.е. способность переводчика использовать в коммуникации два языка. Постоянным признаком перевода является соотношение оригинал/перевод. В то же время перевод есть перевыражение, преобразование. Все межъязыковые преобразования в процессе перевода определяются теоретиками перевода как трансформация либо как деформация. Под трансформациями подразумевается положительные, развивающие изменения, преображающие состояние объекта. Под деформацией – отрицательные, пагубные преобразования, искажающие первоначальный объект» [Гарбовский 2004: 306]. При анализе языковых единиц нами учитываются следующие типы перевода: перестановки; замены; добавления; опущения.

В 1955-1957 году Мәхмүт Максуд переводит роман Л.Н.Толстого «Война и мир», а в 1960 году – «Анна Каренина». Лексема *свет* передается как *җәмгыять*, что больше всего соответствует понятию *общество*, утрачивается сема избранности, следовательно, переводчиком замещаются эти слова. Он прибегает к стратегии замены, добавления, опущения. М. Максуд переводит *свет* как *җәмгыять, югары җәмгыять, кеше арасында булу, дөнья*: *«Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий вздор»* (А.К., с.65) - *«Югары җәмгыятьтә гадәттә нәрсә турында сөйләшсәләр, ул да Кити белән шул нәрсәләр турында сөйләшә»* (А.К., с. 75); *«Но и Натали, только что показалась в свет, вышла замуж за дипломата Львова»* (А.К., с.128) — *«Ләкин Натали да, кеше арасында күренә башлау белән Львов фамилияле бер дипломатка кияүгә чыкты»* (А.К, с.140). Переводчик заменяет лексему *свет*, т.е. использует описательный прием, растолковывает его значение татарскому читателю.

Не менее употребительными у Толстого являются лексемы *общество* и *светский*. Согласно РТС, лексемы *общество* и *светский* переводятся как *общество — югары җәмгыять; светский — югары җәмгыять + аффикс ы (в изафетных конструкциях) асыл затлар...ы, асыл сөнләр...ы, асыл затларга хас, асыл сөянләргә хәс: «Он поцеловал руку Анны Павловны и, щурясь, оглядел все общество»* (В. и М., Т. I., с.16) – *«Анна Павловнаның кулын үпте һәм, күзләрен кыскалап, шундагыларның барысына да бер карап алды»* (С. һ. Т., Т. I., с.20). Мы наблюдаем разъяснение слова *общество* – *«барысына да бер карап алды»,* используется стратегия замены. *«Я больше тебя знаю свет, - сказала она. - Я знаю этих людей, как Стива, как они смотрят на это»* (А.К., с.80) – *«Дөньяны мин сиңа караганда күбрәк беләм, - диде ул. Мин андый, Стива кебек, кешеләрне дә аларның моңа ничек карауларын да беләм»* (А.К., с.91). Происходит расширение значения содержания единиц оригинала. Скорее всего, переводчик неверно понял значение лексемы в данном контексте. В русском варианте героиня говорит о том, что ей хорошо знакомы нравы светского общества, в татарском же переводе получается, что она знает жизнь.

Рисуя светское общество, Толстой значительное внимание уделяет искусственности данного времяпровождения: *«Если б это была обыкновенная пошлая светская связь, они бы оставили меня в покое»* (А.К., с.354) – *«Әгәр бу югары җәмгыятьтәгечә гадәттәге түбән багланыш булса иде, алар мине бер дә борчымаслар иде»* (А.К, с.375). В татарском языке лексема *пошлая* не имеет эквивалента, поэтому переводчик прибегает к стратегии замены, т.к. *түбән багланыш* — низкая связь, сношение.

Таким образом, семантическое поле «свет»/ «светское общество» в языке Толстого имеет сложную иерархическую структуру. Слова этого семантического поля соотносятся с

реалиями русской аристократической культуры XIX века: семантическое поле «свет» по своей природе синтезирует в себе собственно языковое и культурологическое содержание. Замечено, что данное выделение поля является относительным, так как одна и та же лексема может использоваться в разных семантических блоках. Кроме этого определено, что лексемы, номинирующие светское общество в романах «Война и мир» и «Анна Каренина», несут большой объем лингвокультурной информации, которая не в полной мере представлена в татарском языке, т.к. салоны как культурная форма быта не характерны для татарского общества с его ориентацией на восточно-мусульманские нормы. Многие лексемы при переводе трансформируются, а нередко подвергаются и деформации, т.е. компоненты значения, связанные с особенностями поведения в светском обществе утрачиваются, во многих же случаях переводчик должен давать либо развернутые описания, либо использовать различного рода переводческие замены.

Литература

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М., 2004.
Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
Новиков Л.А. Семантическое поле как лексическая категория // Теория поля в современном языкознании: Тез. докл. науч.-метод. семинара. Уфа, 1991 Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 2009.
Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в 8-ми ч. / Вступ. ст. Э. Бабаева. М., 1985.
Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман/ тәрҗемәсе Мәхмүд Максуд. Казан, 1960.
Толстой Л.Н. Война и мир: Роман в 2 кн. / Л.Н. Толстой. Кн. 1. Т. 1,2. М. , 2003.
Толстой Л.Н. Сугыш һәм тынычлык. Т. 1. Казан, 1954.

Н.Ф.Алефиренко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Предлагаемые пути формирования концепции сопоставительной лингвокогнитивистики сопряжены с необходимостью устранения белых пятен в понимании семантических универсалий и уникалий. Обоснование основополагающих для сопоставительной лингвокогнитивистики категорий (языкового сознания, ментальности, лингвокультуры) строится на разработке собственно лингвистических способов их экспликации, описания и лингвокультурологической интерпретации. Основным способом служит: (а) сопоставление не системно-языковых, а речевых фактов с целью выявления общего и специфического в дискурсивной семантике сопоставляемых языков; (б) когнитивно-семантическое сопоставление сквозь призму вербализуемых духовных ценностей, менталитета и этнокультуры.

Ключевые слова: лингвокогнитивистика, лингвокультура, этнокультурные константы, языковое сознание, стереотип, прототип.

Сопоставительная лингвокогнитивистика своим становлением обязана двум научным дисциплинам: когнитивной лингвистике и сравнительно-сопоставительному языкознанию. Первая, хотя и имеет вековую менталингвистическую предысторию, находится ныне на этапе бурных научных поисков уже в условиях современного категориально-понятийного контекста. Вторая, будучи на протяжении многих лет в состоянии стабильной динамики, также вступила в фазу интенсивного развития. Обусловлено это тем, что мировая гуманитарная наука в целом переживает антропоцентрическое притяжение, которое не может обойтись без таких основополагающих для лингвокогнитивистики категорий, как языковое сознание, ментальность народа и культура. Выявление этих категорий, в свою очередь, требует собственно лингвистического способа их экспликации, описания и лингвокультурологической интерпретации. Таким способом служит *сопоставление* речевого материала с целью выявления общего и специфического в семантике сопоставляемых языков, рассматриваемого сквозь призму репрезентируемых в ней духовных ценностей, менталитета и этнокультуры.

Сопоставительная семантика в науке о языке постсоветского периода оказалась особо востребованной по ряду причин: а) возрастает интерес к этноязыковой идентификации самоопределившихся народов; б) образование нового евразийского пространства стимулирует развитие межнациональных связей, культурных и экономических контактов между народами, вызывает повышенный интерес к культурно-когнитивному осмыслению языковой картины мира, сформированную многовековым опытом народа. Это так сказать стимулирующие факторы. Однако формирование концепции сопоставительной лингвокогнитивистики сопряжена с устранением белых пятен, объективно возникающих на пути её становление.

Одной из таких проблем является отсутствие сбалансированной методологии лингвокогнитивного описания сущности семантических универсалий и уникалий с целью их применения в сопоставительных исследованиях такого рода. Дело в том, что традиционно в эпицентре сопоставительного языкознания находились внешние средства языкового содержания. Содержательная сторона языковых единиц, тем более их когнитивно-семантическая сущность оставалась практически неисследованной [ср.: Васильев, 2006: 223]. Для сопоставительной лингвокогнитивистики особое значение имеют типологические исследования языковой и речевой семантики. Особую значимость они приобретают в том случае, когда выполняются на материале разноструктурных языков [см.: Аглеева 2011; Сулейменова 1992]. Такие исследования, на наш взгляд, способные раскрыть неизвестные ранее факты об организации концептосферы сопоставляемых языков и ментальности соответствующего народа. Наконец, сопоставительная лигвокогнитивистика открывает новые возможности для двуязычной и многоязычной лексикографии [Фаттахова и др. 2014], в частности для создания модели словаря нового типа – когнитивно-прагматического характера. Его целью могло стать моделирование словарной статьи для отображения в ней этнокогнитивной семантики лексикографируемых единиц языка как знаков прямой, вторичной и косвенно-производной номинации.

Значительный вклад в разработку теоретических оснований сопоставительной лингвокогнитивистики вносят исследования русистов и тюркологов, в частности ученых Казанского университета [Аминова, Байрамова, 2005], направленные на раскрытие имплицитных механизмов этноязыковой номинации и отражения в языке национальной картины мира. Успешному становлению сопоставительной лингвокогнитивистики

сопутствует значительный опыт изучения лингвокультурого потенциала единиц разных языковых уровней (Б.А. Серебрянников, В.Н. Ярцева, А. Кайдаров, М.М.Копыленко, З.Р. Аглеева, С.Е. Исаев, Э.Д. Сулейменова, Л.К. Жаналина, Ш.К. Жаркынбекова, З.А. Ахметжанова, Н.И. Гайнуллина, К.К. Ахмедьяров, З.К.Сабитова и др.).

1. Сопоставительно-когнитивный анализ. Сопоставительно-когнитивный анализ семантики языковых единиц служит средством выявления отраженных в их значениях универсальных и этнокультурных свойств изучаемых явлений. Важными приемами когнитивно-сопоставительного изучения языков являются (1) приемы установления основания сопоставления и (2) сопоставительная интерпретация. Наиболее аргументированным основанием лингвокогнитивного сопоставления служит (а) языковое и (б) признаковое сопоставления.

Выбор языка – основы когнитивно-сопоставительного изучения – обуславливается либо задачами исследования, либо степенью изученности сопоставляемых языков. Прием признакового сопоставления состоит в том, что основанием для когнитивно-сопоставления избирается какое-либо явление того или иного языка, ценностно-смыслового признаки этого явления.

Известно, что при сопоставительно-типологическом исследовании содержательной стороны языковых подсистем обычно используют два подхода: формально-семантический и функционально-семантический. При формально-семантическом сопоставлении основанием сопоставления служат факты и явления материальной стороны языковых единиц (например, морфемы и их категории). При функционально-семантическом (собственно когнитивном) сопоставительном изучении основанием сопоставления служат факты и явления идеальной стороны языковых единиц. В таком случае вектор исследования направлен от означающего к означаемому языкового знака (примером такого подхода может служить исследование В.Г. Фатхутдиновой [2014: 259]).

Второй подход служит основой выработки когнитивно-сопоставительной методики исследования семантических универсалий и семантических уникалий. В первом случае выявляются способы специфической вербализации общечеловеческих ценностей. Такие исследования направлены на выявление семантических универсалий [Васильев 2006: 223] и межкультурной специфики содержательной стороны единиц сопоставляемых языков.

Во втором – когнитивно-культурологическому осмыслению подвергаются приемы (а) вербализации ценностно-смысловых объектов самобытной среды обитания народа и (б) их дискурсивной обработки. Поскольку когнитивно-сопоставительное исследование направлено на выявление в языковой семантике топиков ценностно-смыслового содержания этноязыкового сознания, то основанием сопоставления становятся не собственно семантические и понятийные категории, как в лингвистической типологии [Шафиков 2004], а когнитивные категории в их ценностно-смысловой (лингвокультурологической) проекции.

После установления основания сопоставления используются приемами сопоставительной интерпретации, которые позволяют указать способы проведения сопоставительного анализа, применения приемов обработки материала, его креативизацию и получение теоретических выводов.

Сопоставительная интерпретация при проведении семантических исследований осуществляется главным образом с помощью достаточно простой методики параллельного изучения, которая состоит в том, что явления сравниваемых языков изучаются в

каждом языке с использованием приемов и методик описательного метода. Затем полученные результаты сопоставляются.

В систему приемов когнитивно-сопоставительного метода входят:

а) приём соположения номинативных единиц языка (слов и фразеологизмов, обладающих сходной денотативной отнесённостью;

б) распределение денотативно относимых единиц на знаки первичной, вторичной и косвенно-производной номинации; сопоставительный анализ их семантической структуры с применением элементов компонентного анализа;

в) на основе выявленных с помощью компонентного анализа элементарных смыслов осуществляется моделирование репрезентируемого данным словом смыслообразующего концепта;

г) приём лингвистической комбинаторики, применяемый для определения конструктивного взаимодействия смысловых элементов интенсионала и импликационала сопоставляемых языковых знаков;

д) моделирование ценностно-смыслового содержания концепта, вербализуемого единицами сопоставляемых языков;

б) приём когнитивно-культурологической интерпретации.

Итак, когнитивно-сопоставительный метод – это система исследовательских приемов и методики сравнительно-типологического анализа. Их предназначение – выявлять особенности семантического пространства каждого их сопоставляемых языков. Основанием для такого исследовательского шага служит гипотеза о том, что искомое этносемантическое пространство детерминировано наличием в сопоставляемых языках универсальных и этнокультурно маркированных когнитивных структур. При этом методологически значимым для нас является положение о том, что проникновение в глубинную семантику языковых структур открывает возможность осмыслить своеобразные конфигурации концептосферы того или иного языка, самобытное видение мира его носителями, менталитет этноса [Жаркынбекова 2011]. Крайним проявлением речемыслительной самобытности народа являются лакунарные явления в когнитивных структурах и их языковых репрезентациях [см.: Байрамова 2011: 22].

Изучение культурно маркированных языковых образований, отражающих представления о мире внутри отдельной национально-культурной традиции, формирующей свой состав словаря и определяющей особенности дискурсивной организации текста, позволит выявить специфику восприятия и познания мира разными народами, и характер её отображения в этнокультурной архитектонике языкового знака. К примеру, в русском языковом сознании *лошадь* ассоциируется с тяжелым трудом в поле и на подворье, перевозкой тяжелого груза. Такие выражения, как ‘*работать как лошадь*’, ‘*пахать как лошадь*’, ‘*ломовая лошадь*’ и другие основаны на бытовых фактах из жизни русского народа – запрягать лошадь или несколько лошадей (ср.: тройка лошадей) в упряжку, перевозить на лошадях людей, груз и др. Образ лошади в русском национальном сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком. У казахов лошадь, как правило, считалась предметом достатка и гордости хозяина, поэтому ее берегли, за ней ухаживали, оценивали ее силу, скорость и выносливость, внешний вид. Лошадь являлась участницей национальных

скачек – байги, кокпара. (ср.: ‘*Ат өнері білінбес бәйгеге түсіп жарыспай’* – «Не узнаешь красоту лошади, пока не начнется байга’ (скачки)», *‘Ат құлағында ойнау’* – «владеть высоким искусством наездника», «лихо джигитовать»).

2. Этнокультурные константы языкового сознания. Как философская категория «константа» – это реальность или идея, которая доминирует над другими на протяжении длительного времени (Э. д’Орс). По сути своей константами культуры выступают концепты-архетипы. Концепты, по Ю. С. Степанову, – это «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово, <...> – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не «творец духовных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Ю.С. Степанов). Таким образом, понятие «константа», выйдя за рамки точных наук, приобретает все более широкий лингвофилософский смысл, поэтому такие *константные* признаки концепта-архетипа, как *неизменность* и *постоянство*, становятся все более относительными.

Все чаще концептам приписывают способность субъективно отражать мир в наиболее обобщенном виде, в форме размытых, слабо структурированных мыслительных образований. Насколько справедливо такое утверждение? Точнее, все ли в концепте субъективно? Если нет то, в каком соотношении находится в концепте субъективное и объективное? Ответы на эти вопросы важны еще и потому, что ведут к разграничению таких смежных категорий, как *концепт* и *понятие*. Ясно, что демаркационной линией при этом служит наличие или отсутствие в них субъективного элемента.

Исходя из теории Ю.С. Степанова, концепты в отличие от понятий обладают двумя специфическими признаками: 1) определенным уровнем субъективности и 2) многоярусной организацией. Действительно, концепты не только *мыслятся*, но и *переживаются*. Они отражают человеческие *эмоции, симпатии* и *антипатии*, а иногда и *столкновения* [Степанов 1997: 41]. Согласно теории многоярусной организации концепта, в нем выделяют три основных слоя: 1) «активный» (актуальный) – своего рода верхушка айсберга – основной, очевидный для всех ныне живущих людей признак концепта, позволяющий апеллировать к нему и оперировать им даже обыденному сознанию; 2) «пассивный» (исторический, фоновый), включающий его дополнительные признаки, – «кристаллизация» его важнейших осмыслений и толкований в различные культурные эпохи [Степанов 1997: 41]; 3) внутренняя форма или этимологический признак концепта – его смысловое первоначало, запечатленное во внешней словесной форме.

Соположенность и взаимодополняемость этих слоев служат доказательством гармонического сочетания в концепте постоянных и видоизменяющихся компонентов. Стабильность и постоянство обеспечивает концепту его внутренняя форма – первооснова концепта, воплощенная во внешней словесной форме. Речемыслительная мобильность концепта опирается на динамическое соотношение смыслового содержания его первых двух слоев – актуального и исторического. Благодаря этому становится возможным модификация исторического, фонового содержания, актуализация одних и погашение других смыслов. В этом плане концепт остается всегда незавершенным, структурно «открытым».

Понятию же эти свойства не характерны. Определяющими его признаками выступают стабильность, объективность, концентрация наиболее существенных признаков и абстрагирование от всего несущественного, частного и субъективного. Ср.:

понятие «спартанец» – житель Спарты и концепт «Спартанец» (о строгих, суровых, неприхотливых людях с сильным характером). Например: *Он сохранил военную выправку, жил спартанцем и монахом* (И.С. Тургенев. Новь). Содержание понятия интенсионально, содержание концепта импликационально.

3. Этнокультурное своеобразие языкового знака. Словосочетание «национально-культурный компонент языкового значения», хотя и стало популярным в современных исследованиях, ещё не обрело устойчивого и общепринятого понимания. Понятно лишь, что оно призвано фокусировать смыслы, рождаемые взаимодействием национального и культурного факторов формирования семантической структуры языкового знака. Но в чём заключается смысл его терминологического содержания? – Вопрос, который уже не одно столетие остаётся открытым. В поисках решения данной проблемы В.Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику языкового знака. Национальную специфику слова, по его мнению, предопределяют два фактора – объективный и субъективный. Выявляются они путём сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих стереотипы жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальными стереотипами разных этноязыковых сообществ. Иными словами, национальная специфика проявляется различными языковыми репрезентациями одних и тех же объектов реальной или воображаемой действительности. Причем такие различия не всегда культурно маркированы. А часть таких различий и вовсе может быть не обусловлена культурными факторами. Культурная специфика, согласимся с В.Г. Гаком [Гак 2000: 36], предполагает соответствие слова определенному стереотипу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни. Именно в сфере стереотипной ментальности народа и следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака.

Итак, лингвокультурологическое исследование языковой стереотипизации этнокультурного пространства предполагает прежде всего анализ национальной специфики языковых знаков, обусловливающейся механизмами генетического и функционального взаимодействия языка и культуры. Это образует этноязыковой вектор лингвокультурологии. Второе направление лингвокультурологии связано с исследованием культурно-семиотической специфики языкового знака. Для этого используются сравнительный и интроспективный методы исследования. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт языковых репрезентаций социокультурных стереотипов. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ с целью выявления национально-культурной стереотипизации языка. Гармоничное сочетание интроспективного и сравнительного методов при изучении национально-культурных стереотипов поможет уйти от полного этноцентризма (Т. Стефаненко), когда культурно-языковым стандартам, выявленным в этнокультурном пространстве одного сообщества, придаётся статус универсалий. С другой стороны, сочетание данных исследовательских эвристик позволит избежать противоположной крайности, состоящей в попытке атомарного (обособленного) описания лингвокультурного содержания слова, что в принципе невоз-

можно без обращения к глубинным (внутренним) взаимосвязям культурно-языковых универсалий и уникалий. Насколько это важно для изучения национально-культурной специфики слова, формирующей языковые стереотипы этнокультурного пространства?

Поскольку под стереотипом понимается субъективно детерминированное представление <…>, в котором находят отражение *объективные и оценочные признаки называемого предмета или явления,* выделенные в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей, социокультурные стереотипы обусловливают характер коннотаций языковых значений, создают трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака. Они, несомненно, связаны с внутренней формой слова, с мотивировкой его значения. Однако, несмотря на свою неуловимость, внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться говорящими в их дискурсивной деятельности и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. В когнитивно-семиологическом описании социокультурные стереотипы соотносимы с понятием *прототипа,* ставшим для Э. Рош основным в современной когнитивной психологии. Для когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это понятие ценно тем, что помогает осмыслить процессы категоризации, в значительной степени зависящие не только от собственно когнитивных механизмов, но и от того культурно-дискурсивного пространства, в котором находится человек.

Литература

Аглеева З.Р. Фразеологизированные конструкции в разноструктурных языках: монография. Астрахань, 2011.

Алефиренко Н.Ф., Жаркынбекова Ш.К. Основные тенденции и перспективы развития сопоставительной лингвокогнитивистики // НДВШ. Филологические науки. М., 2014. Вып. 5. С. 18-25.

Аминова А.А., Байрамова Л.К. Этапы развития сопоставительной лингвистики в Казанском университете // Русская и сопоставительная филология´2005. Казань, 2005. С. 3 – 9.

Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58 . С. 22–27.

Жаркынбекова Ш.К. Цвет – сознание – менталитет. Реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах: Монография. Астана, 2011.

Фаттахова Н.Н., Кулькова М.А., Туганова С.В. Словарь народных примет в разноструктурных языках (русский, татарский, английский, немецкий). Казань, 2014.

Фатхутдинова В.Г. Словообразовательный ряд как источник этнокультурной информации: лингвометодический аспект // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 7 (90). С. 259-263.

Васильев Л.М. Семантические категории как универсалии контрастивной лингвистики // Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. статей. Уфа:, 2006. С. 223-225.

Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. Уфа, 2004.

Э.А.Балалыкина, И.В.Ерофеева
Казанский федеральный университет (Казань)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ *-n-* И *-ov-* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются особенности функционирования однокоренных прилагательных с суффиксами *-n-* и *-ov-* в различных славянских языках – русском, украинском, польском, чешском и болгарском. К исследованию привлекаются прилагательные с наиболее распространенными в славянских языках словообразовательными значениями. Определяются причины более частого использования суффикса *-ov-* по сравнению с суффиксом *-n-* в производных адъективах родственных языков.

Ключевые слова: адъективное словообразование, сопоставительный метод, славянские языки.

В статье «О смешанном характере всех языков» И.А. Бодуэн де Куртенэ представил программу изучения языковых союзов, которая необходима для создания сравнительной грамматики родственных языков (и прежде всего близких ему русского и польского). Он предложил новую методику классификации языков на основе различий и сходства в их фонетическом и морфологическом облике. Причем в качестве основных критериев Бодуэн предложил не только учет совпадающих моментов в языковых уровнях сравниваемых языков, но и, что особенно важно, сходство в общих закономерностях развития этих языков. Именно это обстоятельство, по его мнению, и дает начало так называемой сравнительной грамматике различных языков. При этом Бодуэн особо выделил сравнительную грамматику славянских языков, которая должна быть построена на их генетическом родстве. Сопоставляя польский язык с русским и церковнославянским, Бодуэн де Куртенэ представляет на конкретном языковом материале принципы морфологической типологии славянских языков, базирующиеся на выявлении сходств и различий в оформлении отдельных морфологических категорий [Бодуэн де Куртенэ 1963].

При исследовании словообразовательных типов, функционирующих в родственных языках, чрезвычайно важно использование сопоставительного метода. Он применяется и при изучении адъективов как одной из древнейших именных категорий, распространенной во всех современных славянских языках. При всем кажущемся сходстве деривационных процессов в пределах производных прилагательных в сопоставляемых языках можно обнаружить особенности в словообразовательных средствах и закономерностях их употребления, что связано со своеобразием деривационной системы каждого из этих языков. Это проявляется в различной степени активности адъективных морфем, продуктивности – непродуктивности отдельных словообразовательных моделей, аффиксов и т.д. Подобное сопоставление особенно эффективно при изучении родственных языков, поскольку их контрастные черты выступают наиболее ярко на фоне общих черт. «Деривационные закономерности близкородственных языков во многом сходны, имеются, однако, и существенные различия, как-то: несовпадение значимости идентичных словообразовательных типов в деривационных системах языков; может не совпадать

и функциональная нагруженность идентичных формантов, их распределение по родовым классам, степень продуктивности» [Нещименко 1987: 72].

Словообразовательные системы близкородственных языков характеризуются преобладанием сходств над различиями, поскольку эти языки связаны генетической общностью. В области сравнительного изучения славянских языков существует пока ещё много нерешенных проблем, к числу которых относятся недостаточное выявление основных тенденций в развитии отдельных словообразовательных типов, не определенные до конца причины их общих и отличительных функциональных признаков и др. При этом важным становится не статично-сопоставительное описание словообразовательных особенностей различных категорий слов, а системно-функциональное сопоставление отдельных языковых категорий.

Многие лингвисты предлагают сравнительный метод на современном этапе развития языкознания называть сопоставительным. По словам чешского филолога Д. Коллара, «в настоящее время сравнительный метод, в отличие от предыдущего называемый сопоставительным, или конфронтационным, или даже контрастивным, имеет целью выявить специфические и общие черты сравниваемых языков, причем генетическое родство не является решающим» [Коллар 1973: 97]. То есть целью сопоставительного исследования должно быть выявление наиболее важных моментов всей словообразовательной системы прилагательных, объяснение наиболее существенных отклонений от исконных отношений, представленных в отдельных языках и т.д. При этом особого внимания заслуживают именно различия, наиболее глубокое объяснение которых возможно при использовании диахронического подхода. Определение исторических причин подобных расхождений помогает глубже понять специфику одного языка по отношению к другому или другим, с которыми и проводится сопоставление [Реформатский 1962: 33].

Область производства слов, как известно, достаточно самобытна и специфична для каждого из языков, но именно здесь наиболее ясно видны общие и отличительные черты, являющиеся наиболее существенными свидетельствами родства и генетической близости. Особый интерес вызывает привлечение в качестве сопоставительного материала данных таких близкородственных языков, как польский, чешский болгарский и др., имеющих соотносительные словообразовательные типы прилагательных с общими по происхождению формантами. Необходимость учета генетической общности морфем отмечал П. С. Кузнецов: «мы имеем право сравнивать лишь такие морфемы родственных языков, которые обнаруживают определенные соответствия и могут быть возведены к общему первоисточнику как в структурном, так и в семантическом отношении» [Кузнецов 1955:148].

Как известно, в современной лингвистической науке существует немного исследований, посвященных изучению отдельных словообразовательных типов и категорий в сопоставительном плане. В связи с этим особый интерес представляет изучение в процессуально-сопоставительном отношении некоторых генетически родственных словообразовательных структур в русском и родственных славянских языках. Именно такими морфемами являются *-*n*- и *-*ov*-, имеющие соответствия во всех славянских языках и являющиеся продуктивным средством образования прилагательных.

Славянский формант -*ov*- занимает третье место в русском инвентаре адъективных аффиксов (после -*н*- и -*ск*-). Будучи очень близким суффиксу -*н*- по своим функциям и выражая, по словам В. В. Виноградова, «самое общее значение относительной

прилагательности» [Виноградов 1972: 190], этот формант достаточно активно взаимодействует с интересующим нас суффиксом *-н-*, образуя с ним дублетные пары в современном языке: *лимонный — лимоновый, смородинный — смородиновый, сопранный — сопрановый, снежный — снеговый* и т.д. Не останавливаясь подробно на истории взаимодействия аффиксов *-н-* и *-ов-* в истории русского языка [Зверковская 1986: 236], отметим лишь, что развитие отношений между ними связано с постепенным закреплением за прилагательными на *-овый* общего значения предметного отношения (принадлежности, происхождения и т.д.), за прилагательными на *-ный* — самого общего отношения: *вкусный* — «приятный на вкус» (*вкусное кушанье*), но *вкусовой* — «прилагательное к вкус» (*вкусовые органы*); *грязный* — «покрытый грязью, с грязью» (*грязный двор*), но *грязевой* — «прилагательное к грязь» (*грязевые источники*); *жирный* — «содержащий много жира, масла» (*жирное мясо*), но *жировой* — «прилагательное к жир» (*жировые отложения*) и т.д. Данные примеры свидетельствуют о том, что в русском языке прилагательные с суффиксом *-ов-* выражают более предметные значения, а следовательно, они более относительные, чем адъективы на *-н-*, которые активно подвергаются процессу окачествления.

Подобное взаимодействие между формантами *-н-* и *-ов-* является общеславянским. Вот почему во всех славянских языках мы находим достаточное количество параллельных однокоренных прилагательных типа польск. *smaczny — smakowy* (’*вкусный*’ — ’*вкусовой*’), *serdeczny — sercowy* (’*сердечный*’), *polny — polowy* (’*полевой*’), *rdzenny – rdzeniowy* (’*коренной*’ — ’*корневой*’) и т.д.; болг. *вкусен — вкусов, лимонен— лимонов, вишнен — вишнов, коренен — коренов, гласен — гласов* и др.; чешск. *jazyčný — jazykový* (’*язычный*’ — ’*языковой*’) и т.д. Общее направление семантической дифференциации при этом совпадает с русским: польск. *smaczna kasza* -’вкусная каша’, но *nerwy smakowe* -’вкусовые нервы’; болг. *коренова система,* но *коренни преобразования;* чешск. *jazyčné spoluhlásky* -’язычные согласные’, но *jazykovy prostředek* – ’языковое средство’; слов. *srdečny úsmev* – ’сердечная улыбка’, но *srdcová choroba* – ’сердечное заболевание’; *povrchná robota* – ’поверхностная работа’, но *povrchová fažba* – ’добыча открытым способом (напр., угля)’ и др. При этом общее значение прилагательных на *-n-*, как видно из приведенных примеров, отличается от форм на *-ov-* более отвлеченным характером.

Особенно выразительно можно представить отношения между указанными производными адъективами при выражении такого общего значения, как ’сделанный из чего-либо’, которое в русском языке обслуживается прежде всего суффиксом *-н-ый,* а в других славянских языках: польском, белорусском, украинском, чешском и даже болгарском – предпочтительнее форма на *-ov-*, которая в целом ряде случаев успешно конкурирует с приведенным *-n-* [Балалыкина 2006: 24]. Отсюда параллели типа:

русск.	**белор.**	**укр.**	**болг.**	**польск.**	**чешск.**
бетонный	*бетонавы*	*бетоновий*	*бетонен*	*betonowy*	*betonový*
мраморный	*мармуровы*	*мармуровий*	*мермерен*	*marmurowy*	*mramorový*
стальной	*сталёвы*	*сталевий*	*стоманен*	*stalowy*	*ocelový*
снежный	*снежны*	*сніговий*	*снежен*	*śniegowy*	*snehový*
овощной	*гароднінны*	*овочевий*	*зеленчуков*	*jarzynowy*	*zeleninový*
сахарный	*цукровы*	*цукровий*	*захарен*	*cukrowy*	*cukrový*

Как видно из приведенных примеров, суффикс *-ov-* стремится осложнить основы конкретных существительных в таких языках, как украинский, польский и чешский, в меньшей степени в болгарском и лишь изредка в белорусском. Производящей основой для подобных адъективов являются названия растений, плодов, материалов и т.д. И даже «ближайшие родственники русского языка» могут здесь не совпадать в оформлении однокоренных форм: русск. *полынный, укропный,* белор. *палыновы, кропавы,* укр. *полиневий, кроповий* и др. В польском языке даже в прилагательных, образованных от названий частей тела, используется преимущественно суффикс *-ow-* (*gardłowy, palcowy, bokowy, sluchowy, włosowy),* которому в чешском соответствует стандартный суффикс *-ní,* поскольку *-ovy* при этих названиях встречается лишь эпизодически *(srdeční, plecní,* но *palcovỳ, vlasovỳ).*

Можно сказать, что суффикс *-ov-(-ow-)* на общеславянской почве постоянно вторгается в сферу функционирования форманта *-n-,* а потому соответствия, подобные вышеприведенным, носят достаточно последовательный и выразительный характер. Ср. русск. *адресный, балетный, яичный, широтный* и польск. *adresowy, baletowy, jajowy, szerokościowy.*

На фоне общей для всех славянских языков тенденции использования мягкого варианта суффикса **-no* при осложнении производящих основ с общим темпоральным значением (названиями месяцев, времен года и т.д.) особого внимания заслуживает стремление польского языка даже при таких основах использовать либо твердый вариант указанной морфемы (правда, наряду с мягким), либо в некоторых случаях форманта *-owy.*

русск.	**белор.**	**укр.**	**польск.**	**чешск.**
вечерний	*вячэрні*	*вечірній*	*wieczorowy*	*večerní*
весенний	*вясенні*	*весінній*	*wiosenny*	*jarní*
зимний	*зімні*	*зимній*	*zimowy*	*zimní*
летний	*летні*	*літній*	*letni*	*letní*
осенний	*асенні*	*осінній*	*jesienny*	*podzimní*
субботний	*суботні*	*суботній*	*sobotni*	*sobotní*

Приведенную особенность, связанную с осложнением суффиксом *-н-ий* основ с общим значением названий времен года и дней недели, характерную прежде всего для русского адъективного словообразования, можно отнести к соответствующим разделам грамматической лексикологии, основные постулаты которой связаны со стремлением выделить группу лексем (в данном случае с общим темпоральным значением) с помощью словообразовательных средств. Чешский язык в этом случае также использует самый продуктивный в пределах его адъективных словообразовательных средств суффикс *-ní,* но этот суффикс, как известно, осложняет самые разнообразные производящие основы, а в том числе и с приведенным темпоральным значением.

Таким образом, взаимодействие между суффиксами *-n-* и *-ov-* пределах прилагательных представлено чрезвычайно широко как в русском, так и в других славянских языках. Активное использование суффикса *-ov-* в целом ряде случаев связано со

способностью этого форманта осложнять тот же круг производящих основ, что и суффикс *-n-*. В формальном плане суффикс *-ov-* имеет ряд преимуществ по сравнению с древнейшим *-n-*. Он не вызывает чередований на морфемном шве и легко соединяется с любым сочетанием согласных в исходе производящего имени. Прилагательные с суффиксом *-ov-* выражают более конкретные значения и в большинстве случаев являются относительными, в отличие от прилагательных на. *-n-*, которые выражают более отвлеченные значения. Подобные особенности могут служить объяснением общего стремления к преобладающему использованию суффикса *-ov-* (а не *-n-*) при именных мотивирующих основах в разных славянских языках, и наиболее выразительно это представлено в современном польском языке.

Литература

Балалыкина Э.А. Русское адъективное словообразование на балто-славянском фоне (на материале прилагательных с суффиксами *-no, *-sko и *-to). Казань, 2006.

Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // И.А.Бодуэн де Куртенэ Избранные труды по общему языкознанию. Т.1, Москва, 1963. С.362 – 372.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. – Л., 1972.

Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI-XVII вв. М., 1986.

Коллар Д. К проблематике сопоставительного анализа словарного состава русского и словацкого языков // Československa rusistika V. XYIII, № 3, 1973. С. 97- 104.

Кузнецов П.С. Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Нещименко Г.П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Русский язык в национальной школе. № 5. 1962. С. 23-34.

К.А.Башкирова
Казанский федеральный университет (Казань)

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья представляет собой анализ когнитивных особенностей фразеологических единиц, выявляет метафоричность их внутренней формы, глубинных когнитивных механизмов, характерных для английского и русского народов, способов их лингвистического выражения.

Ключевые слова: фразеология, метафоричность, понятийная система, речемыслительный перенос, семантико-когнитивный подход.

Понятие фразеология относится к числу традиционных и общепринятых терминов, используемых в лингвистике. Как замечает А.Н. Молотков, в науке о языке данный термин используется в значении научной дисциплины, изучающей

фразеологические единицы, и в обозначении состава или совокупности таких единиц в языке. Можно с уверенностью утверждать, исходя из различных научных знаний, авторских теорий и собственных наблюдений, что словарный состав языка составляют не только отдельные слова, но и устойчивые сочетания, которые наряду с отдельными словами служат средством выражения понятий. Устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением, согласно А.В. Кунину, – это фразеологизмы, или фразеологические единицы. В.В Виноградов. в своих работах давал фразеологическим единицам теоретически более аргументированную дефиницию. Согласно ему, фразеологизмы можно рассматривать как устойчивые словесные сочетания, противопоставленные свободным синтаксическим сочетаниям как готовые языковые образования, не создаваемые, а лишь воспроизводимые в речи.

Фразеологизмы обладают определенными специфичными признаками, такими как идиоматичность, устойчивость, семантическая целостность значения, раздельнооформленное строение, возможность структурных вариантов. Важно отметить, что с точки зрения языковых универсалий, одной из которых непременно являются правила комбинирования различных языковых единиц и номинативного инвентаря в речевом фонде, фразеологизмы можно назвать столь же универсальным феноменом противоположности. «В каждом языке существуют синтаксические структуры, в чем-то отклоняющиеся от общих правил комбинации номинативных единиц и предстающие собой лексико-синтаксические аномалии. Совокупность таких языковых сущностей принято относить к специфическому для каждого языка фразеологическому компоненту» [Сафиуллина 2000].

Фразеологизмы, помимо чисто научного смысла, заключающегося в определении языковой универсалии, так же несут в себе антропологическую, культурную ценность, являясь отражением мышления отдельного народа, входящего в определенную языковую конвенцию. Из этого вытекает одна из главнейших специфик фразеологических единиц – невозможность их перевода на другой язык дословно. Фразеологизмы отображают культуру человека, принадлежащего к той или иной группе, и самой группы в целом. Способность фразеологических знаков отражать современную культурную общность народа, некое родовое и национальное бессознательное, не зависящее от индивида и особенностей его онтогенеза, и выражать его в процессах живого употребления фразеологических единиц вызывает интерес у таких наук, как антропология, лингвопсихология, лингвокультурология. Ведь язык – это сокровищница нации, ее самосознания, он теснее всего связан с национальной культурой: он прорастает в нее, развивается на ее почве.

Обращаясь к значению термина фразеологизм, можно дать ему элементарнейшее определение: фразеологизм – это устойчивое выражение, которое характеризуется постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением (в большинстве случаев – переносно-образным), не выводимым из значения составляющих фразеологизм компонентов. Каждый фразеологизм несет в себе оттенок метафоры, поэтому можно провести параллель между употреблением фразеологизмов и метафор в обыденной жизни человека, ссылаясь на Дж.Лакоффа и М. Джонсона.

Согласно их учению, большинство людей избегает использования метафор в речи осознанно или неосознанно, полагая, что метафоричность присуща языку не

обыденному, но поэтическому и стилистически окрашенному. «Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка — то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия» [Лакофф, Джонсон, 1990]. Однако оспаривая этот тезис, они приходят к новому утверждению, что не столько наша речь, сколько наше мышление метафорично по своей сути. Мыслительная деятельность человека управляется понятиями, не ограничивающиеся сферой интеллекта, но простирающиеся далеко за его пределы: наша повседневная деятельность, ее оценка, эмоции, чувства, реакции – все это упорядоченная система понятий. Метафоричность этой понятийной системы, согласно ученым, доказана лингвистическими данными.

Так, говоря о страданиях, сильных эмоциях, которые мы испытываем, мы говорим о них как о «терзающих душу, сердце», несмотря на то, что эмпирических данных о существовании некой субстанции, которую можно было бы именовать душой, не существует, а сердце – лишь орган кровообращения, не наделенный способностями переживать, чувствовать, чуять, коими их наделяет человек в своем сознании.

На примерах фразеологизмов ***спор – это война*** и ***время – деньги*** Дж.Лакофф и М. Джонсон показывают, насколько глубоко укоренились в нас эти метафоричные понятия, и как влияет на наше поведение и отношение. Линия ***спор – это война*** особенно ярко отражается в английском и русском языках, в которых лицо, с которым ведется спор, воспринимается как противник на поле боя:

ARGUMENT IS WAR – СПОР ЕСТЬ ВОЙНА

Your claims are ***indefensible*** – Ваши утверждения не выдерживают критики (букв. ***незащитимы***);

He ***attacked every weak points*** in my argument – Он ***нападал на каждое слабое место*** в моей аргументации;

His criticisms were ***right on target*** – Его критические замечания ***били*** точно в цель;

I ***demolished*** his argument – *Я* ***разбил*** его аргументацию;

I've never ***won*** an argument with him – *Я* никогда не ***побеждал*** в споре с ним;

If you use that ***strategy***, he'll ***wipe you out*** – Если вы будете следовать этой ***стратегии***, он вас ***уничтожит***;

He ***shot down*** all of my arguments – Он разбил (букв. ***расстрелял***) все мои доводы [Лакофф, Джонсон, 1990].

В то же время, отображение спора как ведения войны, характерное для одной нации, может быть совершенно не присуще другим нациям. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример возможной нации, в которой спор был бы отображен через искусство танца. Гипотетическим следствием из этого тезиса было бы, что во всех языковых выражениях, касающихся ведения спора, присутствовал бы элемент танца. То есть, речемыслительный перенос военной терминологии на отображение спора не значит, что спор и война – это явление одного порядка. Скорее, мы можем утверждать, что мы упорядочиваем систему спора через метафорические наложения на нее системы войны, и происходит это посредством языка в нашей обыденной жизни. В основе того, что и как мы говорим о спорах, лежит метафора, которую мы

едва ли осознаем, проявляющаяся не только в языковом обозначении спора в обыденности, но и в его понимании. Мы говорим о спорах так, а не иначе, и именно так мы его осознаем.

Аналогично можно провести сопоставительный анализ фразеологических единиц, отражающих эмоциональное состояние гнева, которое метафорически отражается в сознании как носителей русского, так и носителей английского языка через пламя, жар:

blow hot coals – подливать масла в огонь;

burst of anger – вспышка, взрыв гнева;

to fume – кипеть от злости;

flash fire – метать гром и молнии;

blow a gasket/fuse/cork/top/stack – взрываться от злости;

Таким образом, можно прийти к выводу, что ***метафора является в сущности осмыслением и переживанием явлений одного рода через термины явлений другого рода.***

С лингвистической, научной точки зрения, фразеологизм и метафора – не взаимозаменяющие понятия, но неотъемлемым признаком фразеологизма является переносность его значения, ***метафора***, понятная изначально лишь носителю языка. Таким образом, проводя аналогию сказанного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, можно вывести гипотезу: метафорична не только и не столько наша речь, сколько система наших понятий, нашего мышления. То есть, фразеология пронизывает наши жизни намного сильнее и глубже, чем мы сами это себе представляем. Фразеологизмы заложены в нашем подсознании, мы ими мыслим, не отдавая себе в этом отчета.

Говоря о подсознании, бессознательном, мы очень близко подходим к дисциплине, известной как ***когнитивная лингвистика***, возникшая на стыке языкознания и когнитивизма. Соприкасаясь в этом спорном вопросе с теорией относительности, можно заметить, что ни один индивид не может с точностью утверждать, что даже эмоция или чувство, что он испытывает – к примеру, ***любовь,*** – для другого человека будет чувствоваться так же. С другой стороны, возвращаясь к лингвистике, мы уже можем уверенно отметить, что разные народы описывают эмоции и облекают их в речевую форму по-разному, показывая и различное отношение к ним. С когнитивной точки зрения язык – одновременно структурная единица мышления, психики, и в то же время, является инструментом, посредством которого наша понятийная система претворяются в жизнь.

Литература

Сафиуллина Г.Р. Фразеологические единицы с затемнённой внутренней формой в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 1990.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 2004.

Helen Warren. Oxford learner's dictionary of English idioms. Oxford, 1994.

Л.В.Борисова
Чувашский государственный университет (Чебоксары)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ АРХЕТИПИЧЕСКИХ И СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЕТРЕ

Представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования архетипов и стереотипов традиционного народного сознания русских и чувашей, связанных с пониманием и восприятием ветра. Исследование проведено на материале, отобранном из лексикографических источников и произведений фольклора.

Ключевые слова: лингвокультурология, сопоставительная семантика, архетип, стереотип, концепт, языковая картина мира, культурная коннотация.

Ветер (чув.: ***çил***) и в русских, и в чувашских народных представлениях наделяется свойствами демонического существа. Е.Е. Левкиевская отмечает: «Появление ветра часто связывается с общеславянскими представлениями о ветре как местонахождении душ и демонов. Считалось также, что тихий ветер возникает от дуновения ангелов, а бурный результат действия дьявольских сил. «Злые» ветры считались переносчиками болезней и порчи» [Славянская… 2002: 92]. Согласно религиозным воззрениям древних чувашей, сильный (ураганный) ветер сопутствует передвижению злых духов. Сравните чувашскую поговорку: *Хаяр çилпе усал вĕçет* «С сильным ветром летит злой дух» [Чăваш… 2007: 86]. Одним из лексических значений слова *усал* «злой дух // зло» является приведенное в «Словаре чувашского языка», составленном Н.И. Ашмариным, с пометой «устаревшее» значение «пурга, буран, вьюга». Сравните: *Усал тухса каймасан* «Если не случится пурги» [Ашмарин 1994: 105]. В традиционном мировосприятии и русского, и чувашского народов, отраженном в семантике слов и фразеологизмов, а также в продуктах устного народного творчества, с ветром связаны следующие ассоциации и образы: 1) **вездесущность** (ср.: *Ветру пути не заказаны*; *Шухăш çил пек, таçта та çитет* «(погов.) Мысль, как ветер, вездесуща» [Чăваш… 2007: 47]; 2) **быстрота, неуловимость, неудержимость** (ср.: *В поле ветра не переймешь; В рукавицу ветра не изловишь*; *Çилçунат ут çӳрет çиçкĕнсе... / Шыв пек юхать, çил пек вĕçет* «(нар. песня) Мчится ветрокрылый конь… / Устремляется, как быстротечная река, летит, как ветер» [Чăваш… 1979: 19]; *Уйри (Çеçенхирти) çиле тытаймăн* «(погов.) Ветра в поле (в степи) не поймать»; *Çилĕн чаракĕ çук* «(погов.) Ветер неудержим (необуздан)» [Чăваш… 2007: 71]; 3) **разрушительное могущество**, правда, не безграничное (ср.: *Да могу, могу я, ветер, / Да все леса приломати, / Да круты горы раскатати, / Да сине море взволновати, / Да корабли приломати, / Да весь народ потопити, / Да не могу я, ветер, / Да вдову развеселити!* [Обрядовая… 1980: 31]; *Çĕр çинче çил, вут тата шыв хăватлă* «(погов.) На земле могущественны ветер, огонь и вода»; *Тусем, чулсем çилпе çĕмĕрлет теççĕ* «(погов.) Ветер разрушает и горы, и камни»; *Çил те вăйлă та, унтан вăйли тата пур* «(погов.) Ветер силен, но есть и посильнее его» [Чăваш… 2007: 52]; 4) **сплетни, пересуды, наговоры, обман** (ср.: *Пока ветры не обвеяли, да собака не облаяла, отдавай дочь замуж* [Даль 1984: 108]; *Надувательство* «обман»; *Надуть в уши* «(прост.) наговорить, насплетничать»; *Çӳл ту çинчи, ай, çил армань, / Çил тивменни пĕр кун çук. /*

Пирнешкел мӗскӗн, ай, çынсене / Çын çименни пӗр кун çук «(нар. песня) Ветряную мельницу, расположенную на высокой горе, / Каждый день колышет ветер. / Таких бедняг, как мы, / Каждый день тревожат пересуды» [Чăваш… 1978: 69]; *Çил вӗрнипех ан çиллен* «(погов.) Не обижайся из-за того, что всего лишь подул ветер (т.е. надули в уши, насплетничали)» [Чăваш… 2007: 83]).

Относительно отличий представляется необходимым отметить, что в русском языковом сознании с ветром более ассоциируются **изменения, перемены, изменчивые внешние обстоятельства** (ср.: *Ветер перемен*; *Какой ветер занес (Каким ветром занесло)*; *Как ветром сдуло*; *Держать нос по ветру*), **ненадежность** (ср.: *С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь*) и **бесполезность** (ср.: *Спроси у ветра совета, не будет ли ответа; Кто ветром служит, тому дымом платят; Бросать слова на ветер (Говорить на ветер)*; *Бросать деньги на ветер*; *Пустить по ветру (деньги, состояние)*), а в чувашском – **опасность, разрушительное могущество** (ср.: *Вут пек вăйли çук, çил пек усалли çук* «(погов.) Нет ничего сильнее огня и злее ветра»; *Вутпа çил чунне хирӗç ан пул* «(посл.) Не следует противостоять огню и ветру»; *Тусем, чулсем çилпе çӗмӗрлет теççӗ* «(погов.) Ветер разрушает и горы, и камни») и **беспокойство, горе, беда** (ср.: *Ача-пăча ури айӗнчен çил вӗрет* «(погов.) Из-под детских ног дует ветер» [Чăваш… 2007: 95]; *Çамрăк шӗшкӗн сар мăйри / Хăрăк çилпех тăкăнчӗ. / Сар ука пек çӳçӗм пурччӗ, / Йывăр хуйхăпах тăкăнчӗ* «(нар. песня) Орехи с молодого орешника / Опали и из-за слабого ветерка. / Мои волосы, подобные красивому позументу, / Стали выпадать из-за тяжкого горя» [Чăваш… 1978: 71]). Из человеческих качеств с ветром в русской языковой картине мира ассоциируются **легкомысленность, непостоянство, ненадежность** (ср.: *ветер в голове*, *подбитый ветром, с ветерком, ветреник / ветрогон*), а в чувашской – **непостоянство** (ср.: *авăк* «порывистый, шквалистый, переменчивый (о ветре)» – *авăк кăмăл* «увлекающаяся натура»; *Хӗр шухăшне шухă çил пăтратать* «(погов.) Мысли девушки путает резвый ветер») и **вспыльчивость** (ср.: *авăк çын* «вспыльчивый человек», *авăк çилӗ* «вспышка гнева»). Последнее качество в русском языковом сознании ассоциируется со стихией огня (ср.: *пыл* «сильный жар, пламя», *пылать – вспыльчивый, вспылить*). Что касается коннотативной составляющей анализируемого концепта, то следует отметить, что и в русской, и в чувашской языковых картинах мира концепт «ветер» характеризуется преимущественно отрицательной коннотацией.

Ураган – ветер необычайно разрушительной силы – в традиционном русском мировосприятии стал основой для возникновения следующих ассоциаций: 1) **быстрота, стремительность** (ср.: *Ворваться ураганом*); 2) **стремительное течение, развитие чего-либо** (ср.: *Ураган событий*); 3) **чрезвычайно сильное, бурное проявление чего-либо** (ср.: *Ураган негодования*); 4) **сильная массированная стрельба** (ср.: *Ураган снарядов*). Такие же ассоциации связаны в русском языковом сознании со **шквалом** (внезапным резким порывом сильного ветра) и **вихрем** (стремительным круговым движением сильного ветра). Ср.: 1) *Шквал аплодиментов; Артиллерийский шквал*; 2) *Вихрь жизни; Вихрь мыслей.*

Е.Е. Левкиевская отмечает: «Вихрь осмысляется [в славянской традиции] только как злое, враждебное начало, связанное или с нечистой силой, или с различными нарушениями законов природы и ритуальных запретов. В вихре крутятся черти, ведьмы. Появление вихря связывается с неестественной смертью, в частности с самоубийством. Считается, что вихрь гонит душу самоубийцы. Встреча с вихрем считалась опасной для человека. Последствиями встречи являются болезни и увечья (паралич, немота, психические заболевания). Считалось, что вихрь и человек, в него попавший, приносят неудачу и

несчастья» [Славянская 2002: 92]. Слово «вихрь» в русском языке употребляется в составе проклятий. Ср.: *Вихрем тя подыми, гром тя убей!*

Связь **вихря** (чув.: ***ҫавра ҫил, ҫил кусăрка***) с нечистью, злыми духами подчеркивается и в чувашском фольклоре. Сравните чувашские поговорки: *Ҫавра çил ӳшуйттан туйĕ* «(погов.) Вихрь – свадьба черта»; *Ҫавра çил ӳшуйттан урапи* «(погов.) Вихрь – колесница черта». С **вихрем** (чув.: ***ҫавра ҫил, ҫил кусăрка***) и **ураганом** (чув.: ***ҫил-тăвăл, тăвăл, кăра ҫил***) в традиционном чувашском народном сознании связаны также следующие ассоциации: 1) **горе, беда; война** (ср.: *Кăҫал ҫавра çил, килес çул кăра çил* «(посл.) Нынче горе (букв.: вихрь), в следующем году – беда (букв.: ураган)»; *Ҫын инкекĕ çил пек, хăвна лексен тăвăл пек* «(погов.) Чужая беда подобна ветерку, своя беда подобна подобна урагану»; *Тăлăх йывăҫа тăвăл хуҫать* «Одинокий человек будет сломлен бедой (букв.: Одинокое дерево будет сломано ураганом)» [Патмар 1993: 42]; *Кĕркуннехи çил касси / Тăвăлпала пĕр танах. / Ют вырăнта пурнасси / Тамăкрипе пĕр танах* «(нар. песня) Резкие порывы осеннего ветра / Равны урагану. / Жизнь на чужбине / Равна жизни в плену» [Чăваш… 1979: 190]); 2) **горе, переживания** (ср.: *Ҫын пуҫĕнчи ҫавра çил ҫынна палăрмасть* «(посл.) Переживания одних людей другим не видны (букв.: Вихрь над головой одного человека другому не заметен)»; *Хурăн тăрри хумханать, / Хумханма мар, хуҫăлĕ-ха, / Çил-кусăрка килсессĕн. / Пирĕн кинĕм хурланать, / Хурланма мар, макăрĕ-ха, / Пирĕн пата килсессĕн* «(нар. песня) Колышется макушка березы, / Вполне возможно, что она еще сломается, / Когда налетит вихорь. / Наша невестушка печалится, / Вполне возможно, что она еще наплачется, / Когда окажется у нас» [Чăваш… 1979: 123]); 3) **негодование, проклятие** (ср.: *Хĕрарăм çилли ӳҫавра çил* «(посл.) Негодование женщины – вихрь»; *Халăх ылханĕ тăвăлтан кăрарах* «(посл.) Негодование и проклятие народа ужаснее урагана»); 4) **ссоры, скандалы** (ср.: *Ҫил-тăвăл кăлар* «затеять, поднять скандал (букв.: выпустить ураган)»; *Тулти çил-тăвăл килти çил-тăвăлран лайăх* «(посл.) Уличный ураган лучше урагана домашнего»).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что с ветром в традиционном народном сознании и русских, и чувашей связаны определенные архетипические и стереотипные представления, в отношении которых мировосприятие русского и чувашского народов имеет много общего, в то же время характеризуясь определенными нюансами, обусловленными спецификой мировосприятия русского и чувашского этносов.

Литература

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 1 – 2. Чебоксары, 1994.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 2. М., 1984.

Обрядовая поэзия Пинежья / под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980.

Патмар И.А., Патмар Э.И. Халăх мерченĕсем. Ҫĕрпӳ, 1993.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М., 2002.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар, 2007.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. 3 том. Юрăсем / отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар, 1978.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. 4 том. Юрăсем / отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар, 1979.

К.Р.Вагнер
Институт экономики, управления и права (Казань)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТАХ

В статье сопоставляются русские и английские народные приметы, в состав которых входят названия животных, а именно относящиеся к классу земноводных.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический анализ, народная примета, лексема, лексико-семантическая группа, темпоральная характеристика.

Лингвокультурология – относительно новое направление гуманитарных исследований, зародившееся в работах В. Гумбольта, А.А. Потебни, А.Н.Афанасьева, Э. Сепира, Н.И. Толстого, В.Н. Телии, Н.Д. Арутюновой, В.И.Карасика – получило в последние годы широкое развитие в лингвистике. Предметом лингвокультурологии является язык как отражение культурных ценностей этнического сообщества.

Приметы представляют значительный пласт культуры определенного лингвокультурного социума. Они обладают важным лингвокультурологическим потенциалом, что позволяет использовать народные приметы в качестве надежного источника для проведения исследований сопоставительного характера. Народные приметы тесно связаны с фольклором, историей и культурой народа и представляют собой ценнейший материал для лингвокультурологического анализа.

В.К. Харченко определяет приметы как «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни. Выраженные в краткой, метафорической форме» [Харченко 2008: 14].

По мнению Н.Н. Фаттаховой, приметы – это «устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [Фаттахова 2004: 4].

Значительное место в народных приметах занимает лексика, относящаяся к группе ‘земноводные’. Она представлена лексемами *лягушка, жаба, головастик / frog, toad.* Приведем определения этих лексем, данные в толковых словарях русского и английского языков: лягушка – «бесхвостое земноводное с длинными задними ногами, приспособленными для прыгания» [Ожегов 2006: 337]; жаба – «сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей» [Ожегов 2006: 189]; головастик – «хвостатая личинка бесхвостых земноводных (лягушек, жаб)» [Ожегов 2006: 136]; frog – «a small jumping animal that can live both in water and on land» [Хокинс 2007: 287]; toad – «a frog-like animal that lives mainly on land» [Хокинс 2007: 747].

Темпоральная характеристика русских примет содержит указание:

1) на время года: Когда лягушка заквакала весною, то гроза уже была [Ермолов 1995: 96]; Если весною лягушки весело квакают, то сев будет хороший, без помех от погоды [Ермолов 1995: 96];

2) на определенный день русского месяцеслова: Лягушка на Родиона заквакала – сей овес [Панкеев 1977: 147]; На Николу вешнего лягушка квачет – овес скачет (то есть время его сеять настало) [Грушко 2003: 172];

3) на часть суток: Лягушка днем квачет – дождь зовет [Рыженков 1992: 101]; Кваканье лягушек вечером, с приятною трелью – к ясной погоде [Ермолов 1995: 95].

В английских приметах временная характеристика связана с фиксацией:

1) определенного времени года: Croaking frogs in spring will be three times frozen in [Inwards 1994: 145]; When you hear the first frogs in the spring, the frost is out of the ground [Sloane 1963: 39];

2) определенной части суток: When frogs are jumping about more than ever, expect rain. But when they are piping in the evening, the next day will be fair [Dolan 1988: 204].

Наиболее частотными предикатами данной лексико-семантической группы и в русском, и в английском языках являются глаголы, характеризующие звуки, издаваемые животными. В русском языке активно употребляется глагол *квакать* и его различные формы, образованные с помощью приставок *за-, рас-, вс-:* Лягушки квакают – к дождю [Даль 1997: 571]; Заквакали лягушки – можно сажать кукурузу, а если они не торопятся начинать свои первые «концерты», то еще возвратится холод [Копейка 2004: 50]; Лягушки расквакались – перед дождем [Ермолов 1995: 95]; Вскваклась лягушка на погоду [Ермолов 1995: 95]. Часто употребляются синонимы глагола *квакать: турчать, квачить*; а также глагол *кричать*, и глаголы, выражающие противоположное значение: *молчать, замолкать*. Например: Лягушки с вечера долго кричат – к хорошей погоде [Ермолов 1995: 95]; Лягушки турчат – на дождь; сильно, громко кричат – на хорошую погоду; молчат – перед холодной погодой [Ермолов 1995: 95]; Лягушка квачет – овес скачет [Даль 1997: 551]; Лягушки молчат – перед холодной погодой [Рыженков 1992: 94]; Лягушки замолкают – жди скорого дождя [Грушко 2003: 172].

В английском языке звуки, издаваемые данными животными, выражаются глаголами: c*roak* (квакать), *warble* (издавать трели), *make a noise* (шуметь): Frogs croak before a rain [Freier 1989: 31]; When frogs croak much, it is a sign of rain [Inwards 1994: 145]; When frogs warble, they herald rain [Freier 1989: 84]; If frogs make a noise at the time of cold rain, warm dry weather will follow [Freier 1989: 31].

Следует отметить, что в русском языке при характеристике кваканья лягушки частотной выступает оппозиция тихо – громко: Квакают тихо лягушки – на дождь, громко – на хорошую погоду, молчат – перед похолоданием [Копейка 2004: 85].

Из группы глаголов движения как в русском, так и в английском языках наиболее активно сочетаются с существительными лексико-семантической группы «земноводные» глаголы *прыгать / jump* и *выползать* / *crawl:* Перед ненастьем прыгают лягушки [Ермолов 1995: 95]; Жаба в траву выползла – к дождю [Грушко 2003: 172]; When frogs jump across the road, they are looking for a rain [Freier 1989: 31]; Tree-frogs crawl up to the branches of trees before a change of weather [Inwards 1994: 145]. В русском языке частотными являются и другие глаголы движения: *выходить, выскакивать, выползать*, которые часто конкретизируются обстоятельственными детерминантами,

выраженными сочетаниями существительного с предлогом, характеризующими место: *на берег, на берегу, по берегу, по суше, на сушу, в траву, на дорожки*. Например: Лягушки по суше прыгают – к дождю [Ермолов 1995: 95]; Если лягушки прыгают на берегу и квакают, то жди дождя [Рыженков 1992: 99]; Дождь пойдет, если лягушки по суше прыгают [Грушко 2003: 84]; Если лягушки прыгают по берегу и квакают – жди дождя [Ермолов 1995: 95]; Если лягушки выходят на сушу – будет дождь [Ермолов 1995: 95]; Лягушки выскакивают на берег – жди скорого дождя [Панкеев 1977: 150]; Жабы днем на дорожки сада выползают – перед дождем [Рыженков 1992: 100].

Частотной для данной лексико-семантической группы и в русском, и в английском языках является атрибутивная сочетаемость. В русском языке существительные лексико-семантической группы, называющих земноводных, сочетаются с порядковым числительным *первый* и с прилагательным *водяной*, которое дает родо-видовую характеристику животного: Если весною первую лягушку на сухом месте увидишь, будет и все лето сухое [Ермолов 1995: 95]; Выходи на пашню, когда водяная лягушка начала квакать [Рыженков 1992: 111]. В английском языке частотными являются прилагательные, характеризующие окрас животного: *yellow* (желтый), *green* (зеленый), а также прилагательные, дающие родо-видовую характеристику животного: *tree-frog* (древесная лягушка). Например: If frogs instead of appearing yellow, turn russet green then it will presently rain [Goldsack 1986: 33]; Yellow frogs are accounted a good sign in a hay-field, as indicating fine weather [Inwards 1994: 145]; Tree-frogs piping during rain indicate a continuance [Inwards 1994: 145]. Причем, в некоторых случаях прилагательные, характеризующие животное по цвету и виду могут встречаться одновременно: The green tree-frog becomes very unquiet before rain [Inwards 1994: 145].

Для составления прогноза в обоих анализируемых языках важным являлось количество земноводных: Если весною много головастиков в лужах – к урожайному лету [Грушко 2003: 57]; Жабы появляются в большом числе на дорожках к вечеру и даже днем – жди дождя [Ермолов 1995: 97]; If toads appear in large numbers, expect rain [Freier 1989: 31]; If toads come out of their holes in great numbers, rain will fall soon [Inwards 1994: 145].

Проведенный анализ показал, что для лексико-семантической группы слов, называющих животных, частотными являются лексемы: *лягушка, жаба, головастик* / *frog, toad*. Наиболее частотными предикатами данной лексико-семантической группы и в русском, и в английском языках являются глаголы, характеризующие звуки, издаваемые животными. Частотной для данной лексико-семантической группы и в русском, и в английском языках является атрибутивная сочетаемость. Темпоральная характеристика русских примет содержит указание на время года, на определенный день русского месяцеслова, на часть суток. В английских приметах временная характеристика связана с фиксацией определенного времени года и определенной части суток. Кроме того, для составления прогноза в обоих анализируемых языках важным являлось количество земноводных.

Литература

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских примет. М., 2003.
Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1997.
Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Народное погодоведение. М, 1995.

Копейка В.И. Календарь народных примет. М., 2004.
Ожегов С.И. , Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. Выражений. М., 2006.
Панкеев И.А. Тайны русских суеверий. Суеверия, предания русского народа. М, 1997.
Рыженков Г.Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / сост. и авт. ввод. текстов Г.Д. Рыженков; вступ. ст. и слов. А.Н. Розова. М., 1992.
Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. Монография. Белгород, 2008.
Хокинс Дж. М. Оксфордский толковый словарь английского языка: 40000 сл. М, 2007.
Фаттахова Н.Н. Народные приметы в русском и татарском языках: семантико-семантические отношения. Казань, 2004.
Dolan E.F. The old farmer's almanac book of weather lore: the fact and fancy behind weather predictions, superstitions, old-time sayings, and traditions / E.F. Dolan; foreword by W. Scott. Dublin, 1988.
Freier G.D. Weather proverbs: Scientific explanations show how 400 proverbs, sayings, and poems accurately explain our weather. Tucson , 1989.
Goldsack J.P. Weatherwise. Practical weather lore for sailors and outdoor people. Vermont, USA, 1986.
Inwards R. Weather lore. A collection of proverbs, sayings and rules concerning the weather. London, 1994.
Sloane E. Folklore of American weather. New York, 1963.

Г.Р.Габдуллина
Казанский федеральный университет (Казань)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНОСОЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследованы функциональные признаки сложносочиненных предложений в разноструктурных языках.

Ключевые слова: предикативность, грамматические отношения, действия. эмоциональная окраска, союзы.

Интерес к сопоставительному изучению сложносочиненных предложений в разноструктурных, особенно с функциональной точки зрения, языках возник сравнительно недавно. Актуальность данной проблемы стимулируется возросшим в последние годы интересом к изучению языковых единиц в процессе их функционирования. Базой для подобных изысканий явился функциональный подход, активно разрабатываемый в трудах современных отечественных лингвистов применительно к вопросам описания системы языка. Обращение к функциональным признакам знаменует собой поворот к деятельностным аспектам языка, то есть к исследованию языковых единиц в процессе общения.

Характеристика сложносочиненного предложения, равно как и простого, начинается с функционального или коммуникативного плана. В этом случае предложение называют высказыванием. В сложном предложении столько высказываний, сколько предикативных частей.

По цели высказывания ССП могут быть однофункциональными, в которых все предикативные части или повествовательные, или вопросительные, или побудительные, и разнофункциональными. В этом случае нужно характеризовать каждую предикативную часть.

От функциональной характеристики предикативных частей зависит постановка знаков препинания в конце предложения. Так, в разнофункциональном сложносочиненном предложении возможное сочетание первой повествовательной и второй вопросительной предикативных частей обусловливает постановку вопросительного знака. Например: *Он это хорошо понимал, но что было делать*?; *Ул моны яхшы аңлый иде, әмма нишләргә соң?*

В ССП с разделительными и противительными союзами довольно свободно соединяются в одно целое повествовательные и побудительные предикативные части. Ср.: *Уходи-ка ты домой и лицо свое умой, а не то как налечу и ногами растопчу* (К.Чук.); *Да замолчи ты, наконец, или я за себя не ручаюсь!; Тукта, дәшмә, я мин үзем өчен җавап бирмим!* Наличие восклицательной интонации соответствует на письме восклицательному знаку. По наличию эмоциональной окраски ССП характеризуются или как невосклицательные, или как восклицательные предложения. Восклицательные предложения оформляются при помощи восклицательного знака. Так, постановки восклицательного знака требуют сложносочиненные повествовательные и побудительные предложения, в которых эмоционально окрашены или обе части, или только вторая, например: *На припеке много летает насекомых, и сколько птиц на лужайке!*; *Бу тирәдә җиләк бик күп, ә аланлыктагы җиләк җыеп бетererлек түгел!*

Сложносочиненные предложения с различными грамматическими отношениями наиболее употребительны в художественной, публицистической и разговорной речи. Они являются средством создания образной, конкретно-воспринимаемой картины, средством выражения впечатлений и чувств, а также оценок. Например: *Бик ямансулыйсыз, әллә карт сагындырамы? Мин килмәм, бәлки яныңа, ә син барыбер чакыр!* ССП могут передавать явления, которые происходят одновременно или следуют одно за другим, явления чередующиеся, сопоставляемые.

В составе сложносочиненных предложений с соединительными союзами отдельные предикативные части представляют собой как бы детали, из сочетания которых создается общая картина. Такие ССП обычно используются в описательных целях, например: *Осень снимала с лесов и полей, со всей природы густые цвета, и смывала дождями зелень.В это время года рощи делались сквозными и тёмные краски лета сменялись робким золотом, пурпуром и серебром. Изменялся не только цвет земли, но и самый воздух. Он делался чище, холоднее, и дали были гораздо глубже, чем летом* (По К.Паустовскому); *Иртәдән бирле түбә кыекларыннан тамчылар тама. Кояш та күренми, көне дә әллә нинди соры гына, ә тамчылар шыбырдашып тамалар(Г.Әпсәләмов.)* Грамматической нормой построения таких ССП является синтаксическая однородность, в соответствии с которой на первом месте стоит подлежащее, а на втором – сказуемое. В публицистике ССП используются и для живописного изображения различных событий, предметов, лиц, и для составления и противопоставления явлений действительности, раскрытия их противоречий.

В разговорной речи и в стихотворных произведениях, имеющих разговорную окраску, ССП выражают прежде всего противительные отношения, которые оформляются с помощью синонимичных союзов ***да*** в значении ***но, то ли*** в значении ***или*** и других союзов, имеющих ярко выраженную разговорную окраску, например: *Близок локоть, да не укусишь; Будет вам по калачу, да смотрите ж, не болтайте, а не то поколочу* (А.С.Пушкин). Союзы ***да*** и ***однако***, синонимичные союзу ***но***, отличаются от последенего стилистической окраской: союз ***да*** носит разговорный отттенок (например: *Сказал бы словечко, да волк недалечко* (пословица)), союз ***однако*** характерен для книжной речи, например: *Луна светила очень сильно, однако её свет с трудом пробивал туман* (В.Катаев); *Пел и в садах соловей-соловушка, да шумели листьями в рощах тополя* (А.Сафронов); *Внизу в зарослях галдела кедровка, да на узкой россыпи камней плескался говорливый ручеёк* (Г.Федосеев). В татарском языке противительные отношения в пословицах, как правило, передаются бессоюзием, например: *Ата йөрәге таудан өлкән, ана йөрәге диңгездән тирән. Иске табакка төкермә, бервакыт кирәк булыр.Озынның бөгеләсе килми, кысканың үреләсе килми.Ашның тәме тоз белән, мәҗлес яме сүз белән. Ботка барда кашык юк, кашык барда ботка юк.*

Прежде всего следует отметить, что существует значительная разница между сложносочиненным предложением и цепочкой простых предложений. Благодаря комбинации отдельных частей в единое целое достигается выражение общей идеи, путем сочинительной связи достигается близость и свобода отношений между ними.Ср.: *Светило раннее солнышко. Он шагал по земле и легко чувствовал ее под ногами. Светило раннее солнышко, и он шагал по земле и легко чувствовал ее под ногами*. В татарском языке: *Сәгатьтән артык барган яңгыр туктады. Ялтырап кояш чыкты. Сәгатьтән артык барган яңгыр туктады, тагын ялтырап кояш чыкты.*

Что касается интонации, то здесь следует принять во внимание основную проблему идентификации предложения. Пропозициональный, интонационный контур с финальной разделительной паузой является одним из конституирующих средств создания и существования предложения как лингвистического феномена. Существенная разница между интонационной моделью предложения и частями предложения очевидна, несмотря на то, что оба типа рассматриваемых предложений имеют общие черты, включая заключающий тон. Более того, как известно, понижающий тон предложения и его составляющей части отличается и степенью категоричности. Интонационный контур предложения всецело зависит от намерения говорящего, в зависимости от интенции он либо объединяет простые предложения в единое целое, группируя их в синтаксическую последовательность, или же разделяет их.

Соединительные союзы (**и, *да, ни-ни, тоже*** – в русском; ***һәм, дә/ дә, тә/тә, вә, янә, тагын*** – в татарском), связывая однородные предикативные части, могут указывать на одновременность процессов и явлений или на их последовательность во времени: *Тик фикус гөле генә агач хәтле булып үскән **дә** пальма түшәмгә кадәр күтәрелгән* [Әпсәләмов 1989:105]; *Только фикус вырос не меньше дерева и пальма вытянулась до потолка* [Абсалямов 1979:116].

И в русском, и в татарском языке наиболее распространенным видом сложносочиненных предложений считаются конструкции с союзом ***и*** – ***һәм***.

Части этих сложных предложений выражают одновременность действия: *Санитарка халатлар бирде **һәм** профессор, төймәләрен дә төймәләмичә, ашыгып буп-буш баскычтан менеп китте* [Әпсәләмов 1989:113]; *Санитарка подала им халаты, **и** профессор, даже не застегнувшись, торопливо стал подниматься по лестнице* [Абсалямов 1979: 126]; *Этот размах, широта и спокойный ритм деятельности напомнили ему водную гладь пруда, **и** он не переставал восхищаться слаженностью коллектива, согласованностью и взаимопониманием в каждом деле* [Абсалямов 1979: 233].

Кроме союза и интонации перечисления, семантику одновременности в таких предложениях формируют и одинаковые глагольные формы сказуемых: *Лицо у него заметно осунулось, **и** седины в висках прибавилось* [Абсалямов 1979:227].

Такая же соотносительность наблюдается и в тексте: сказуемые выражаются глаголами одного и того же наклонения и времени, характеры протекания действия также обычно совпадают: *Җил җилкәнне киерде, **һәм** көймә шактый кызу йөзеп китте* [Әпсәләмов 1989:117]; *Ветер надул парус, **и** лодка легко заскользила, удаляясь от берега* [Абсалямов 1979:130].

Предложения, соединенные союзом **и,** выражают явления, которые протекают последовательно. Эта последовательность соответствует порядку описываемых явлений: *Бер генә мизгелгә аның сагынулары яңара, **һәм** ул Тукай томын алырга мәҗбүр була иде* [Әпсәләмов 1989:127]; *На какой-то момент исчезло расстояние, **и** он словно вернулся в Казань , к себе домой* [Абсалямов 1979:141].

Последовательность действий передается также частями сложносочиненных предложений, где соединительным средством связи выступает союз **да/дә:** *Кошкорт көндезге җанланудан тынып ояларына посты **да** читлекләр бушап* калды [Әпсәләмов 1989:295].

Между частями сложносочиненного предложения с союзом **и** могут складываться причинные отношения или отношения следствия действия и его результата: *Менә шунда Ханзафаров аның исемен телгә алды, һәм әлеге сөйләшү башланып китте* [Әпсәләмов 1989:196]. *Һичбер кер кунмаган бу ак агачларга профессор шактый озак карап торды, һәм бакчадагы саф ак матурлык аның күңеленә дә тула башлаган шикелле булды* [Әпсәләмов 1989:198]. *Профессор долго смотрел на это изумительное цветение, и душа его освобождалась от щемящего чувства тоски* [Абсалямов 1979:224].

Необходимо отметить, что до 20-х годов XX века в татарском языке, наряду с союзом **һәм**, употреблялся союз **вә - и**, он выражал те же отношения, что и союз **һәм.**

В татарском языке употребляются также предложения с союзом **һәм**, однако более употребительными и стилистически более подходящими в татарской речи считаются сложносочиненные предложения с повторяющимися союзами **да/дә, та/тә**: *Тик күн көймәгә яңгыр сибәли **дә**, караңгыда күзгә күренмәс яфраклар әкрен генә серләшә* [Әпсәләмов 1989:442].

В русском языке союз **да** также употребляется в значении союза **и**. Предложения с этим союзом имеют стилистически разговорно-бытовой или фольклорный оттенок.

Повторяющиеся соединительные союзы **ни-ни** и в русском, и в татарском языке употребляются в отрицательных предложениях: ***Ни** хаты юк, **ни** хәбәре юк Мансурның* [Әпсәләмов 1989:442:244].

В русском языке встречаются сложносочиненные предложения с союзами **тоже** и **также**, в татарском языке им соответствуют предложения со словом **шулай ук:** *Үләннәр саргайган, каралган,* ***шулай ук*** *яфраклар да коелган инде* [Әпсәләмов 1989:315].

Рассмотренный материал дает возможность говорить о многих общих чертах в сложносочиненных предложениях с соединительными союзами. Такое же сходство обнаруживается и в структуре и семантике сложносочиненных предложений с противительными союзами.

В предложениях с противительными отношениями выступают союзы **а, но**, **да, однако, же, зато, но зато** – в русском языке**, ә, әмма, ләкин, әмма ләкин, тик, бары, бары тик, исә, мәгәр, фәкать, бәлки** – в татарском языке: *Кояш та күренми, көне дә әллә нинди соры гына,* ***ә*** *тамчылар шыбырдашып тамалар да тамалар* [Әпсәләмов 1989:414]; *Гел яктыга, иркенлеккә карап оча шикелле,* ***ә*** *күңелендә сөенечле дә, борчулы да бер уй: "Мансур кайткан!"*

Среди этих сложносочиненных предложений самым распространенным видом в русском языке считается конструкция с союзом **а,** при помощи которого между частями сложного предложения формируются сопоставительные отношения. Сопоставление действия, как правило, поддерживается одновременным сопоставлением подлежащих, объектов и обстоятельств, сопутствующих действиям: *Алар килеп җиткәндә, ир кеше йөзтүбән капланган көймәгә үрмәләргә маташа,* ***ә*** *читтәрәк, бөтерелеп торган упкын уртасында, бата-калка хатын-кыз башы күренә иде* [Әпсәләмов 1989:6]; *Какой-то парень бултыхался в воде, пытаясь ухватиться за перевернутую лодку,* ***а*** *чуть в стороне, в центре водоворота, то исчезала, то показывалась голова девушки* [Абсалямов 1979:7].

В предложениях, соединеных при помощи союза **а** и **ә,** сопоставление может быть более контрастным: предложения резко противопоставляться друг другу: *Вдруг именно сегодня и надо пойти,* ***а*** *потом уже забыть навсегда* [Абсалямов 1979:29].

Русским сложносочиненным предложениям с союзами **но, однако** в татарском языке соответствуют предложения с союзами **ләкин, әмма, тик, бары**. Первые два союза заимствованы из арабского. Подобные предложения и в русском, и в татарском языках имеют общие черты: в структурном плане – это двучленность , в смысловом – явная выраженность противительно-ограничительной семантики. Предложения рассматриваемого типа характерны в основном для книжной речи: *Мансур сугa чумганнан соң санаулы секундлар гына үтте,* ***ләкин*** *бу секундлар Гөлшәһидәгә әйтеп бетергесез озак булып күренде* [Әпсәләмов 1989:7]; *Прошли секунды,* ***но*** *они показались Гульшагиде вечностью* [Абсалямов 1979:7]; *Моряк направился было к ней,* ***но*** *она быстро-быстро замахала худенькими руками, всем своим видом говоря: «Нет, нет, не надо!»* [Абсалямов 1979:31]; *Тәрәздән шәһәрнең матур күренешә ачыла, ләкин бу матурлык та аны сөендерми* [Әпсәләмов 1989:13]; *За окном красивая панорама города,* ***но*** *эта красота не радует* [Абсалямов 1979:13]; *Тәрәзә төпләрендә гөлләр, тәрәзәләрнең йөзлекләре гадәт буларак я акка, я зәңгәргә буялган ,* ***әмма*** *өй түбәләрендә телевизор антенналары тырпаеп тора* [Әпсәләмов 1989:12]; *На подоконниках неизменная герань, голубая краска наличников слиняла,* ***но*** *на крышах торчат телевизионные антенны* [Абсалямов 1979:13].

Ограничительное противопоставление в татарском языке может передаваться и союзом **фәкать** (однако): *Ләкин бу – йөрәкнең үзалдына , үзенең сихри көче белән эшләве түгел иде, **фәкать** хирург кулларының мускул көче генә иде* [Әпсәләмов 1989:307].

На отношения противопоставления в русском языке указывает и союз **же.** В татарском языке эту функцию выполняет союз **исә:** *Кичтән җил әллә ни көчле түгел иде, төн урталарына таба **исә** чын-чынлап зил-зилә купкандай булды* [Әпсәләмов 1989:47].

Рассмотренные примеры доказывают, что в сопоставляемых языках имеются и такие средства связи, которые являются общими для двух языков, и такие, которые свойственны только одному из них, что и следует принимать во внимание как в практике преподавания, так и в практике переводческой деятльности.

Литература

Грамматика русского языка. Ч.2: Синтаксис. – М., 1960.
Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков/ М.З. Закиев, Ф.С.Сафиуллина, С.М. Ибрагимов, К.З. Зиннатуллина. Казань, 2007.

Источники

1. Абдурахман А. Белые цветы. Перевод с тат. К.Горбунова. Казань, 1979.
3. Габдрахман Ә. Ак чәчәкләр. Казан, 1989.

Р.М.Гайсина
Башкирский государственный университет (Уфа)

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ВУЗОВСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК»

В статье излагаются концептуальные основы структурно-содержательного строения, принципов преподавания и методического обеспечения раздела «Синтаксис» фундаментальной вузовской дисциплины «Современный русский язык».

Ключевые слова: синтаксис, концептуальность, семантичность, антропоцентризм, теоретичность.

Исходным постулатом концепции фундаментальной для вузовского лингвистического образования дисциплины «Современный русский язык», преподаваемой на филологических факультетах высших учебных заведений нашей страны, является положение о том, что в основе высшего филологического образования в наше время лежат языковедческие дисциплины современного цикла. Их первенство среди вузовских лингвистических дисциплин обусловлено преимущественно тем, что объектом научного осмысления в них является живой, функционирующий язык, материал которого позволяет рассматривать его не только в системной статике – как совокупность устоявшихся, социально признанных, чётко классифицируемых фактов, но и в динамике с тройной ориентацией – как результат предшествующего развития (ретроспективная диахронная динамика), как феномен, функционирующий в настоящем (синхронная динамика) и в своем функционировании обнаруживающий тенденции

дальнейшего развития (перспективная диахронная динамика). Дисциплина «Современный русский язык» является своеобразным центром, к которому тяготеют и вокруг которого выстраиваются вузовские лингвистические дисциплины не только современного цикла, но и цикла исторического.

Фундаментальность роли данной дисциплины в лингвистическом образовании ставит перед нею серьезные требования, среди которых главенствующим является требование концептуальности. Возникает настоятельная необходимость разработки системы общих принципов, которые во взаимосвязи создадут концептуальную базу этой фундаментальной вузовской дисциплины, усилят системность, профессиональную направленность курса, будут способствовать сокращению разрыва между вузовским курсом и научной лингвистикой, между разделами курса – Фонетикой, Лексикой, Словообразованием, Морфологией и Синтаксисом, которые на современном этапе вузовского преподавания получают статус совершенно самостоятельных дисциплин. В связи с этим среди основных принципов общей концепции дисциплины «Современный русский язык» следует особо выделить такие, как взаимоувязанность метаязыка разделов и усиление межраздельных связей. Соблюдение этих принципов обеспечит постепенное накопление синтаксических знаний по мере продвижения от Фонетики, Лексики, через Морфологию по направлению к Синтаксису.

Раздел «Синтаксис» в рамках вузовской дисциплины «Современный русский язык» является вершинным, что объясняется фундаментальностью предмета изучения. Предметом синтаксиса является с в я з н а я р е ч ь в ее отдельных фрагментах различного объема. Синтаксические знания, в отличие от знаний, получаемых ими в разделах «Фонетика», «Лексикология», «Морфология», не допускают фрагментарности, они предполагают обязательную концептуальную увязанность. Концепция как сгусток дисциплинирующих идей, положений организует синтаксические знания, логически связывая их в единый узел.

Концептуальность дисциплины «Синтаксис современного русского языка» может быть представлена в трех аспектах – в содержательном, методологическом и методическом.

Содержательная концептуальность создается в результате следования в ходе изложения содержания дисциплины единой системе общих принципов, диктуемых установками современной лингвистической науки. К основополагающим установкам относятся прежде всего такие принципы, как: теоретичность, логичность, системность, функциональность, когнитивность, семантичность, структурность, антропоцентризм.

Содержательная концептуальность любой дисциплины отражается в ее логике. Логика вузовского синтаксиса может быть осмыслена в разных аспектах. Прежде всего предполагается обоснованность общей логики курса как совокупности взаимоувязанных разделов, последовательно продвигающих познающую мысль от общего, абстрактного видения содержания дисциплины к конкретизированным знаниям о каждом синтаксическом объекте изучения. Представление о концепции дисциплины «Синтаксис», на наш взгляд, должно создаваться у студентов на первых же этапах вхождения в «Синтаксис», в процессе их ознакомления с фундаментальными синтаксическими понятиями «синтаксическая связь», «синтаксические единицы», «синтаксическое значение», «синтаксическая форма», «синтаксическая функция», «синтаксическая категория», которые пронизывают и цементируют содержание всей дисциплины в целом. Предварительное (абстрактное по

своей сути) осмысление содержания названных понятий позволяет создать ту теоретическую базу, которая обеспечит «вхождение в синтаксис» и дальнейшее «восхождение от абстрактного к конкретному» в рамках синтаксиса.

Структура и содержание курса «Синтаксис» определяется системой семи фундаментальных, логически увязанных синтаксических объектов, называемых терминами «синтаксическая связь», «синтаксема», «словосочетание», «простое предложение», «осложненное предложение», «сложное предложение», «сложное синтаксическое целое». Каждый из названных объектов имеет свою теорию, метаязык описания, характеризуется собственным триединством признаков «значение – форма – функция», поэтому каждому из названных синтаксических объектов в рамках дисциплины «Современный русский язык» посвящается отдельный раздел.

Предваряет курс синтаксиса раздел «Учение о синтаксической связи», посвященный описанию исходного объекта синтаксиса. В остальных шести разделах описываются отдельные синтаксически значимые фрагменты связной речи в направлении от элементарных синтаксических единиц к сложным, от номинативных синтаксических единиц (синтаксема и словосочетание) к единицам коммуникативным (простое предложение, осложненное предложение, сложное предложение, сложное синтаксическое целое).

Содержание курса «Синтаксис» цементируется целой системой концептуально обоснованных логических линий, которые пронизывают весь синтаксис и формируют научное синтаксическое «здание». Основополагающим в этом процессе является понятие триединства «значение – функция – форма», работающее на протяжении всего синтаксиса. Каждая синтаксическая единица обладает собственным триединством и характеризуется в трех аспектах – семантическом, функциональном и формальном (или структурно-строевом). Рассмотрим компоненты триединства «значение – функция – форма» по отдельности.

Линия синтаксической семантики протягивается через все разделы, выделяемые в рамках синтаксиса. Так, изучается содержательная сторона синтаксической связи (раздел «Учение о синтаксической связи»), синтаксическое значение словосочетаний (раздел «Синтаксис словосочетания»), синтаксическая семантика членов предложения (раздел «Синтаксис простого предложения»), смысловые отношения, выражаемые осложняющими компонентами («Синтаксис осложнённого предложения»), семантическая типология придаточных (раздел «Синтаксис сложного предложения»), смысловые отношения между самостоятельными предложениями в составе текста (раздел «Сложное синтаксическое целое». Семантические понятия диктума и модуса, вводимые в теме «Семантический аспект простого предложения», подхватываются при описании осложняющих категорий, среди которых выявляются категории с диктумной семантикой (однородность и обособление) и с модусной семантикой (вводные слова, обращения, междометия, вставки). Понятия диктума и модуса работают также и при описании семантического аспекта сложных предложений разных типов. Термин «предикативность», обозначающий абстрактное грамматическое значение простого предложения, широко используется не только самостоятельно, но и в составе дериватов типа «монопредикативность», «полупредикативность», «полипредикативность», а также при создании таких сложных терминов, как «предикативная самодостаточность» и «предикативная несамодостаточность», используемых при описании грамматических

ядер односоставных предложений (термин «предикативная самодостаточность») в их сопоставлении с двусоставными, имеющими неполное предикативное ядро, обладающее признаком, называемым «предикативная несамодостаточность».

Через весь синтаксис проходит сквозная линия, опирающаяся на понятие «сильной связи» и представляющая собой логически увязанную совокупность следующих звеньев: «синтаксически активные (или валентностные, релятивные) слова – сильные подчинительные связи – структурно обусловленные члены предложения – расширенные структурные схемы простого предложения – неполные предложения – сложноподчиненные предложения с присловными придаточными – бессоюзные предложения типизированной структуры».

Понятие свободной синтаксической формы, которое вводится в разделе «Синтаксис синтаксемы», подхватывается при описании детерминанта как самостоятельного члена предложения. Понятие детерминанта используется при описании обстоятельственных (детерминантных) придаточных в составе расчлененных сложноподчиненных предложений.

Таким образом, в содержательном плане «синтаксис» как вузовская дисциплина предстает в качестве концептуально увязанной совокупности лингвистических знаний.

Концептуальность в методологическом плане означает следование лингвистически релевантной стратегии представления знаний о языке с учетом когнитивных механизмов их усвоения обучаемыми. Когнитивный подход к обучению лингвистическим знаниям предполагает выявление моделей их развития на базе осуществления методологически значимой типологизации таких знаний при учете следующих онтологически обусловленных и гносеологически ориентированных факторов*: статичность/динамичность языка* (модель «от осмысления языка в статике к его динамическому представлению»), *степень существенности знаний* для будущего специалиста (модель «от ядерных знаний к знаниям расширительным»), *степень их содержательности* (модель «от знаний абстрактных к знаниям конкретным», отражающая дедуктивный ход познавательного процесса, получивший в современной лингводидактике наименование «восхождение от абстрактного к конкретному»), *характер расчлененности знаний* (модель «от интегрального представления знаний к аналитическому их осмыслению»), *характер определенности знаний* (модель «от знаний абсолютных к знаниям относительным»).

Остановимся на характеристике последней модели. Знания абсолютные – это система общепринятых теоретических и научно-практических сведений, совокупность окончательных истин на данном этапе развития науки. Областью применения абсолютных знаний являются языковые факты, предполагающие однозначную трактовку в силу предельной определенности их характеристик. Владение абсолютными знаниями означает оперирование заученными истинами, а лингвистический анализ, основанный на применении абсолютных знаний, носит констатирующий характер, поскольку аргументации являются типовыми, стандартизованными. Оценивание степени усвоенности абсолютных знаний обучаемыми осуществляется по двухмерной шкале «правильно – неправильно». Именно поэтому абсолютные знания легко поддаются программированию.

Знания относительные отличаются вариативностью, обусловленностью исходной научной позицией. Онтологической базой таких знаний являются многоаспектность и динамичность языковых фактов. Гносеологическую базу относительных знаний составляет совокупность различных научных точек зрения, гипотез, применяемых при описании одного и того же языкового факта. Овладение относительными знаниями предполагает не столько работу памяти, сколько логико-мыслительную деятельность, оперирование целой системой гипотез и теоретических концепций, подключение оценочного элемента лингвистического мышления, творческий подход. Здесь требуется не простая констатация, а лингвистические рассуждения, лингвистические аргументации, лингвистическое экспериментирование в целях избрания наиболее аргументируемой точки зрения из разряда конкурирующих. При оценивании ответов студентов по применению относительных знаний категоричность, заключенная в двухмерной шкале «правильно – неправильно», полностью исключается, так как ответы и аргументации не могут быть типовыми, стандартизованными. В таких случаях следует оценивать умение творчески оперировать целой системой взаимоувязанных знаний.

Не все типы интерпретаций в области относительных знаний могут быть введены в активный оборот в студенческой среде. В то же время некоторым относительным знаниям с оговоркой можно придать статус абсолютных. Об этой условной абсолютивности студенты должны знать; они должны быть в курсе, что абсолютизация относительных знаний может быть осуществлена только при тех условиях, если некоторые положения научного синтаксиса игнорируются, не учитываются. Абсолютизация относительных знаний создает особый тип знаний, называемый термином «договорные (соглашательские, конвенциональные) знания». Договорные знания – это не результат заучивания, а итог аргументированной оценки обучающимися системы относительных знаний с опорой на теоретические положения разных научных направлений и избрания одной из конкурирующих точек зрения в качестве наиболее аргументируемой и поэтому приоритетной. Выделение типов лингвистических знаний и определение моделей их развития дает возможность руководить формированием лингвистического мышления обучаемых, организовать структуру их оперативной памяти.

Концептуальный подход к обучению фундаментальной лингвистической дисциплине «Современный русский язык» (в частности, синтаксису) предполагает основательное ***методическое обеспечение***, основу которого составляют: разработка программы рассматриваемой дисциплины с учетом перечисленных концептуальных установок; определение стандартов научно-теоретических и практических знаний языковеда-русиста; создание учебных пособий комплексного типа (с элементами теории, схемами и образцами лингвистического анализа, текстами для упражнений); подготовка одно- и двуязычных словарей-справочников активной лингвистической терминологии, хрестоматий по разделам дисциплины; внедрение ЭВМ в учебный процесс – с этой целью подготовка циклов контрольно-обучающих и контролирующих программ по узловым вопросам разделов, нацеленных на организацию самостоятельной работы студентов по овладению абсолютными знаниями, предполагающими заучивание и не требующими обязательного общения с преподавателем; написание сборников упражнений для аудиторной работы, имеющих творческий характер и предполагающих не

простую констатацию, а лингвистические аргументации, рассуждения, экспериментирование, которые предполагают обязательное общение с преподавателем.

Концептуальность содержания и методологически обоснованная стратегия преподнесения лингвистических знаний по дисциплине «Современный русский язык» (и особенно по разделу «Синтаксис»), основательное методическое обеспечение, концептуально увязанное изучение других языковедческих дисциплин современного цикла – всё это способствует фундаментализации лингвистического образования будущего специалиста-словесника.

Ф.Г.Галимуллин
Казанский федеральный университет (Казань)

ДУХОВНЫЙ МИР НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ[1]

Термин «глобализация» стал актуальным в последние десятилетия. До этого мы в этом смысле использовали термин «общечеловечность», ибо мы все – где бы не жили – принадлежим общему человечеству (каждый по своим территориям, ценностям, образом жизни, языком, культурой, религиозным верованиям и т.д.). Слово «общечеловеческое» предполагает то, что, несмотря на существенные различия между нами, все же у нас имеются такие качества, которые составляют общие признаки, присущие всем людям. Независимо от того, в каких континентах мира живет человек, он остается homo sapiens. Однако термин «общечеловеческое» не предполагает приведения народов к общему знаменателю. Они должны жить в своих естественных природных и общественных условиях, вести привычный образ жизни, пользоваться повседневно своей культурой. При этом, конечно, ни один народ не довольствуется только своим, национальным. Интеграционный процесс идет, когда равномерно, когда интенсивно. Народы взаимодействуют с соседними народами, странами, воспринимают друг у друга какие-то приемлемые им достижения в быту, культуре, образовании, науке и т.д.

Однако все это идет сугубо добровольно, без подсказок, тем более без принуждений. Закономерный и естественный процесс взаимовлияния и сотрудничества не терпит чьих-то властных указаний, приказов. Люди сами объективно приходят к выводу: что им полезно, выгоднее, что отвечает их интересам, что поможет дальнейшему прогрессу их разнообразной жизни. Все это шло нормально в течение столетий и тысячелетий. На этой нормальной, естественной основе шло развитие, дальнейший прогресс в различных областях.

Термин «глобализация» является одним из наиболее часто употребляемых. Он каждый день на устах: в средствах массовой информации, в науке, общественной жизни. Однако в повседневной жизни людей это слово еще не обрело свое в какой-то степени твердое место, причина ясна: оно чужое, непонятное. Кроме того, если термин «общечеловеческий» предполагает восприятие его содержания свободно, без диктата, по внутренней потребности, то глобализация – это уже совсем другое, оно определенно

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Республики Татарстан, проект № 13-16-16006 а(р)/2014 (РГНФ).

содержит в себе оттенок принуждения. В русском языке, например, синонимом глобализации являются слова «всеобщее», «всеобщность». Согласитесь, это слово выражает конкретное значение, но, ни в коем случае, не предполагает принуждения кого-либо стать всеобщим, как русские говорят, подстричь под одну гребенку. Всеобщее – значит, сумма всего, что сделано общим человечеством, то разнообразие, которое объективно существует без нашего воздействия, тем более принуждения.

Возникает естественный вопрос: почему именно в начале XXI века появился на свет термин «глобализация», т.е. от прилагательного сделали такой всеобъемлющий глагол? По-нашему личному мнению (я думаю, многие так мыслят), главной причиной тому является не естественный ход развития миропорядка. Если сказать точнее, есть силы, которые хотели бы сделать мир однополярным, то есть с одним центром, одним командным пунктом, одним языком, одним электронным ресурсом, одной господствующей идеологией и т.д. Словом, чтобы все было с одной точки.

Заметим, в природе однополярности не бывает. Если будем предполагать, что она может быть, то такое явление будет выглядеть только уродливым, ибо все на свете группируется хотя бы с парами: юг-север, запад-восток, мужчина-женщина, плюс-минус… Только полярные противоположности, скажем, как в электричестве, могут быть полезными, управляемыми, закономерными. А в человеческом обществе полярностей даже намного больше. Только многополярность позволит обеспечить нормальное развитие и устроит всех участников движения в мировом пространстве. Поэтому, зная заранее пагубность перспективы однополярного мира, ведущей к глобализации с одним центром, необходимо отказаться от этой затеи.

Возможны возражения, что, мол, глобализация – объективный процесс. Так может утверждать только тот, кто никогда не выходил из своего привычного окружения и не способен видеть настоящее положение в мировом масштабе. На деле не только само слово «глобализация», но и шаги по его реализации везде и повсюду встречают сопротивление. Люди, осознающие ценности своего образа жизни, отвергают его в корне. Ибо плачевные результаты глобализации уже видны везде и повсюду. Скажем, в области музыкального искусства. Ее естественной базой является народная музыка и произведения таких классиков мирового значения, как Бетховен, Штраус, Лист, Бизе, Пуччини, Вагнер, Чайковский, Гаджибеков, Сайдашев и многих других, произведения которых в душе людей, всегда и повсюду с ними. В период так называемой глобализации музыка отрывалась от народных корней, в ней преобладает ритм, над мелодией. Мелодичность – основа музыки – вообще изгоняется из звучащей музыки. Многие модные вещи (их даже не хочется назвать произведениями), например, из разряда тяжелой музыки нацелены на возбуждение низменных чувств, желание совершить насилие над собой и другими. Отдельные исполнительницы, зная, что своим бездушными криками и стонами не завоевать расположение зрителей, доходят даже до того, что хотя бы один раз за концерт в момент высшего экстаза поднимают подол своего и до того короткого платья, показывая слушателям интимную часть своего тела. Воспитанные на таких уродливых явлениях люди воспринимают это как какой-то элемент выдающегося таланта. Многие, естественно, делают соответствующий вывод об этой исполнительнице. Думаете, такой «культурный» поступок остается бесследно? Как бы не так! Он находит подражателей! Вся опасность состоит в том, что такие явления могут в дальнейшем превратиться в обычное дело.

Представьте себе, что в результате музыкальное искусство (тогда его нельзя будет назвать и искусством) пойдет по этому пути. Тогда потускнеет вся духовная жизнь народов. Такое разнообразие в этой области (итальянское, латиноамериканское, индейское, китайское, японское, тюркское музыкальное творчество) уйдет в небытие, не будут передаваться из поколения в поколение. Однообразие в музыке в отрыве ее от драгоценных корней, ее искаженное развитие приведет в конце концов к деградации духовной индивидуальности народов.

После всего вышесказанного может создаться впечатление, что мы вообще отвергаем глобализацию как таковую. В естественных, научно-технических областях без координации прогрессивных результатов, без опоры на них общее развитие нельзя представить. Здесь влияние глобализации плодотворно и благотворно. А в духовной области совершенно другое положение. Взаимодействие, взаимопроникновение должно идти в этой области без всякого давление и принуждения, без инициативы государственных органов. Мы – за это.

Все же есть один вид глобализации, если так можно выразиться, локальная глобализация, которую мы искренне поддерживаем. Например, глобализацию духовного мира содружества братских народов по крови. Скажем, есть содружество финно-угорских народов, куда входят финны, венгры, коми, мордва, удмурты, мари и т. д. Эти народы в настоящее время создали свои ассоциации, проводят общие мероприятия, исследуют свои корни, связи, на уровне представителей этих народов развивается общение, сотрудничество, сотворчество.

Или, скажем, имеется большое содружество – тюркский мир. Он объединяет более 350 миллионов человек. Народы Турции, Азербайджана. Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана – имеют самостоятельные государства. Татары, башкиры, чуваши, гагаузы, кара-калпаки, крымские татары, алтайцы, якуты, хакасы, шорцы и многие другие народы, которые живут в своих национальных образованиях постсоветских стран, также нашли свои места в этой большой братской семье. Многих объединяют родственные языки, вера. Те, кто исповедуют другие веры, относят себя также к тюркскому миру. Исмаил Гаспринский – поборник единства тюркских народов – ратовал за единства в мыслях и делах.

В последние годы сделаны заметные шаги по духовному сближению и сплочению тюркского мира. В этом деле большую роль играет такая межгосударственная организация, как Тюркской – Содружество тюркских государств, куда входят Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Турция, а Татарстан, Башкортостан, Тыва, Саха (Якутия), Хакасия, Гагаузия, Северный Кипр являются членами-наблюдателями. На уровне министров культуры они входят в постоянный совет. Задачи этой организации сугубо гуманитарные – это восстановление тех связей, которые прежде объединяли тюркские народы, забота о сохранении, развитии и передаче новым поколениям общего материального и духовного наследия тюркских народов. Как видим, самые простые и жизненно важные цели и задачи.

В последние годы стали объявляться столицы культур тюркского мира. Такими столицами уже были: в 2012 году Астана – столица Республики Казахстан, в 2013 – Иске Шахар – город в Турции. В 2014 году такой столицей объявлена Казань – столица Республики Татарстан (Российская Федерация).

2011 год в связи 125-летием поэта был объявлен годом Г. Тукая. В 13 –15 мая 2014 года в Казанском федеральном университете был проведен международный симпозиум на тему «Видные просветители тюркского мира Махмат Акиф Эрсой и Габдулла Тукай». В июне этого года в Национальном музее Татарстана открылась выставка, посвященная писателю-классику, публицисту-политику Гаязу Исхаки. В августе был проведен семинар международного масштаба «Опыт сохранения исторических памятников в тюркском мире». Только что в Казани состоялся (5-11 сентября) десятый фестиваль мусульманского кино, в котором приняли участие деятели искусства кино и тюркских стран. В октябре будет проведен музыкальный фестиваль «Тюркский мир».

Таким образом, только через развитие региональных и этнических групп можно прийти к общей глобализации, причем, сугубо на добровольной основе, как говорится, по велению сердца. В противном случае глобализация может привести к постепенному исчезновению духовных ценностей малых народов. Такую перспективу ни один народ себе не желает. Поэтому во всех делах относительно глобализации все сказанное должно учитываться постоянно, необходимо действовать аккуратно, не нанося вреда ни одному этносу мира – бесценному богатству человечества.

А.Ф.Галимуллина, Р.Ф.Мухаметшина
Казанский федеральный университет (Казань)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ТАТАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК[1]

В статье рассматривается специфика перевода татарских волшебных народных сказок на русский язык.

Ключевые слова: переводы, русская народная сказка, волшебные сказки, татарская литература.

Изучение переводов произведений татарского фольклора на русский язык позволяют сделать наблюдения над средствами достижения адекватности переводов на язык другого народа, определить степень проявления трансформации на разных уровнях текста, выявить степень переводческой эквивалентности с учетом их этнокультурной специфики. В данной статье мы рассмотрим специфику перевода волшебных сказок на примере сказки «Турай-батыр» в переводе Бориса Сулимова (псевдоним писателя и переводчика Бориса Гиршевича Вайнера) [Сулимов 2005: 128 – 138].

Перевод сказки «Турай батыр», сделанный Б. Сулимовым, можно назвать адекватным, точным, хотя для повышения динамизма сказки переводчик использовал прием «опущения», убрав повторы, некоторые повествовательные подробности. Например, в оригинале «Кәрлә дию урлап кайткан патша кызлары өчәү икән. Әй тотындылар, ди, болар егетне сыйларга; бөтерелеп кенә йөриләр, ди. Иң башта берсе, “эчәсең килгәндер” дип, бер тустаган әйрән салып бирде, аннары, казан асып, аш салып җибәрде, икенчесе баздан мичкәсе белән ачы бал чыгарды да казылыктыр-фәләндер китереп куйды, иртәгәсенә

[1] Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, проект № 14-14-16014 а(р)/2014 (РГНФ).

коймак пешерергә дип он или башлады, тагын берсе ак мунчаны ягып җибәрде дә, йөгрә-йөгерә, инештән су китерергә тотынды» [Турай-батыр 1977: 297], в переводе это описание представлено следующим образом: «Подишахских дочерей оказалось три. Принялись его угощать. Перво-наперво одна из них айран принесла – жажду утолить, потом стала суп варить; другая притащила из погреба бочонок медовухи да казылык и прочей снеди всякой выставила; третья растопила баню белую и воды натаскала из речки» [Сулимов 2005: 134]. В переводе опущены некоторые описательные подробности в действиях царевен: просеивание муки для блинов или как девушка бегом-бегом натаскала воды из реки для бани. Следует отметить, что народные сказки, особенно волшебные позволяют представить бытовые подробности, привычные для данного народа. Переводчик, в общем сохраняет их в тексте перевода, так названные братья богатыри варят суп, девушки-царевны готовят праздничные угощения и осуществляют полный обряд, принятый у татар для приема дорогого гостя, даже в конце сказки, когда друзья-предатели принимают Турая-батыра у себя дома под видом нищего, они дают ему кусок хлеба, хотя и проявляют нетерпение, стараясь поскорее прогнать его из своего дома.

Б. Сулимов с целью сохранения национальной специфики татарской народной сказки некоторые слова, понятные и для русского читателя, оставляет непереведенными: «батыр», «джигит», «падишахские дочери», «айран», «казылык», «чекмень». Также переводчик сохраняет не переведенными собственные имена героев: Тауказар, Ташказар, которые в татарской сказке являются и характеристиками героев (тау-гора, таш – камень), то есть очень сильные, но сильнее их главный герой – Турай-батыр. Наибольшую сложность представлял, наверное, подбор эквивалента имени падишаха дивов – Үзе бер карыш-сакалы биш карыш – Сам-с-пядь – да борода пядей пять. Вводя в текст сказки название древнерусской меры длины (равна расстоянию между концами растянутых пальцев руки: большого и указательного, приблизительно 17, 8 см.), переводчик создает ритмизированное имя. Таким образом, переводчик демонстрирует хорошие знания экстралингвистических факторов, традиций и обычаев татарского народа.

Как известно, особую трудность представляет перевод клишированных оборотов одного языка на другой. К таким особенностям следует отнести начальные и финальные формулы сказок. В татарских сказках в присказках обычно обозначается время и место обитания героев. В рассматриваемой сказке эта традиция соблюдается, дополняясь необычной ироничной характеристикой крайней бедности жилища матери героя: «Булган ди, борын заманда хатын. Аның булган, ди, өч өе: берсе кешенеке, берсе салмаган, бурасын да алмаган, шундый ул алачыкта гына торган, ди. Алачагы шәп икән: һава белән каплаган, җилләр белән мүкләгән. Ач иде, ди, ул, тук иде, ди, алачыка гына торса да, кешегә чыгу гадәте юк иде, ди» [Турай батыр 1977: 293], в переводе «Жила, говорят, в далекие времена одна женщина. Три дома имела: один соседский, другой не построенный, а у третьего и сруба не было. Вот она и жила в лачуге. А лачуга была знатная, всем домам дом: облаком крыта, ветром законопачена. Но хоть и бедно та женщина жила, а все ж не побиралась» [Сулимов 2005: 128].

Традиционно татарские волшебные сказки заканчиваются очень короткой констатацией хорошего благосостояния и счастья героев. В сказке «Туран батыр» также лаконично описано счастливое возвращение героя с невестой домой и свадебный пир: «Берәр көннән Турай батыр, теге ике кызны салынып яткан ике йортка кертеп, аларга бик күп алтын-көмеш калдырып, сүз куешкан кызы белән анасы янына кайтып китә. Авылына кайтып җитү белән, туй итә башлыйлар» [Турай батыр 1977: 300], в

переводе: «Назавтра отвел Турай-батыр старших дочерей падишахских в новые дома, много золота и серебра дал. А сам со своей невестой домой, к матери вернулся и начал свадьбу играть» [Сулимов 2005: 138].

Концовка сказки «Турай-батыр» не обычная, хотя по смыслу соответствует концовке русской народной сказки: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попадало». В татарской сказке читаем следующее: «Бүген бардым, кичә кайттым. Мин дә булдым ул туйда. Сый-хөрмәт бик булды, ашатканнары ит тә май, эчерткәннәре бал да булды. Ике мичкә бер чүмеч, теләсәң күпме эч. Тик үзләре чүмеч белән эчтеләр, безгә сабы гына эләкте» [Турай батыр 1977: 300]. Переводчик переводит близко к тексту оригинала: «И я на той свадьбе гулял. Сегодня пошел, вчера пришел. А угощенье там знатное было: мясом кормили, медом поили. Две бочи, один ковш, сколько хочешь, столько пьешь. Ну, я-то больше всех выпил: они все ковшом да ковшом черпали, а я все ручкой да ручкой» [Сулимов 2005: 138].

Татарская народная сказка «Турай батыр» [1997] является волшебной сказкой. В ней находим все элементы, характерные волшебным сказкам, описанные В.Я.Проппом [Пропп 2005]. Сказка «Турай-батыр» обладает традиционным для волшебной сказки сюжетом. Сказка обычно начинается с исходной ситуации, в которой перечисляются все члены семьи (мать и Турай, дается характеристика герою, его огромной силе), затем один из членов семьи отлучается из дома (по определению В.Я.Проппа – «отлучка»). Начало пути героя, как правило, в сказке связывается с недостачей. В данном случае Турай-батыр хотел жениться, но никто не хотел идти за него замуж из-за его бедности (по определению В.Я.Проппа – «недостача»). Традиционно в русских сказках и во многих татарских сказках у героя есть братья. В данной татарской сказке у героя нет родных братьев, поэтому он их встречает на своем пути. Очень интересно обыгрывается в сказке момент породнения героев. Когда падишах дивов убил всех трех богатырей, то их своим материнским дыханием и молитвами оживляет. Показательно, что в татарской сказке этот материнский дар является средством косвенной характеристики героини: «Турайның анасы бөтенләй үк буш хатын түгел икән ... Укыды, ди, өрде, ди, улының күкрәгенә җылы сулышын» [Турай батыр 1977: 295], сравним с переводом: «Мудрая, однако, женщина была мать Турая. ... Прочитала над ним молитву и оживила его, тепло материнское в грудь вдохнув». Это пример точного перевода, передающего своеобразие оригинала. В татарской сказке есть эпизоды, где Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу, затем друзья-братья богатыри предают своего названного брата. Есть и мотив пространственных перемещений героя между двумя царствами (земным и подземным), точно переводится эпизод с белым и черным козлами в качестве перевозчиков между мирами. Таким образом, перевод сказки «Турай-батыр» является адекватным, отражает национальные особенности оригинала.

Борис Сулимов (Б.Г.Вайнер) – казанский писатель и переводчик с широким творческим и жанровым диапазоном, лауреат премий «Ариадна», литературной премии им. Горького и многих других продемонстрировал высокое переводческое мастерство.

Литература

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2005.
Турай батыр // Татар халык ижаты. Әкиятләр. Кн. 1. Казань, 1977. С. 293-300.
Турай-батыр / перевод Б.Сулимова // Татарское народное творчество: в 15 т. Т. Сказки о животных. Волшебные сказки. Казань, 2005. С. 128-138.

Р.И.Галимуллина
Елабужский институт Казанского федерального университета (Елабуга)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому подходу изучения паремий в английском и русском языках, автор раскрывает особенности сходного характера употребления русских и английских паремий.

Ключевые слова: коммуникативный, зооним, компонент, паремии.

Современная паремиология активно развивающаяся как в России, так и за рубежом ветвь фразеологии. Тенденции развития фразеологической науки – антропоцентрический подход, обращение к достижениям лингвистической прагматики, теории дискурса, когнитивной лингвистики – незамедлительно переносятся и в сферу паремиологии [Борисова 1999: 54].

Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования пословиц, их воздействующий потенциал в речевом взаимодействии вызывают оживленный интерес ученых (Л.Б. Савенкова 1996, Л.П. Борисова 1999, Г.Д. Сидоркова 1999, С.В. Сидорков 2003).

Вопрос определения термина «пословица», а также ее статуса и места в кругу сходных языковых явлений остается актуальным и для современной лингвистики. Многими языковедами были опубликованы труды, посвященные происхождению пословиц, их определению, использованию, классификациям, структуре, значениям и т.д. (И.И.Срезневский, Ф.И.Буслаев, В.И.Даль, Г.Л.Пермяков, В.П.Жуков, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, В.И.Зимин, Н.Н.Амосова, Л.Б.Савенкова, Г.Д.Сидоркова, З.К.Тарланов, А.А.Крикманн, Ю.Е. Прохоров, и мн. др.).

Наименования животных (зоонимы) – один из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Стремясь охарактеризовать свое поведение, чувства, состояния, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе всего и похоже на него самого – животным миром.

Внутреннее содержание паремий отражает разнообразные стороны жизни людей: благоразумное или глупое поведение, успех или неудачу, а также отношения между людьми: их жизненные впечатления и чувства: одобрение, неодобрение, дружелюбие, враждебность, ссоры, примирения, соперничество, коварство, осуждение, наказание.

Иногда писатель вместо развернутого толкования пословицы создает новый образ [Жуков 1991: 18]. Например: *Придание есть за ней? Будет приданое богатое. А будет приданое, будут и женихи, – где мед, там и мухи* (Островский, Богатые невесты). В этом примере реплика: «Будет приданое, будут и женихи» проясняет иносказательный смысл пословицы «*Где мед, там и мухи»*, означающей «Если есть что-либо привлекающее, соблазнительное и т.п., то всегда найдутся люди, готовые воспользоваться этим».

Употребление паремий в художественных произведениях во многих случаях обусловлено необходимостью объяснения некоторых событий в жизни действующих

лиц романов, повестей, рассказов и т.п. Наступление ненастной погоды литературные герои предсказывают, как правило, по характерному поведению птиц, земноводных [Кулькова 2012: 46].

Многие пословицы и пословично-поговорочные выражения вступают в синонимические связи и отношения. Эти отношения можно встретить в одном и том же речевом отрезке. Смысл таких пословиц раскрывается с помощью синонимичных или семантически сближенных пословичных выражений, несущих указательную функцию [Жуков 1991: 19]. Так, пословица *Выше лба уши (глаза) не растут* близка по смыслу двум другим синонимичным пословичным выражениям – *Выше головы не прыгнешь и Выше меры конь не скачет*, то есть ‘Больше того, на что способен, не сделаешь‘; ‘Больше своих сил, возможностей не сделаешь‘. На фоне этих двух выражений смысл пословицы *Выше лба уши (глаза) не растут* раскрывается довольно легко – Всему есть свой предел.

Эту же пословицу мы можем семантически представить и на фоне более отдаленной по смыслу пословицы *Яйца курицу не учат* ‘Молодой, менее опытный не научит старшего, более опытного‘, например: Что ты умнее отца с матерью хочешь быть! Выше лба глаза не растут, яйца курицу не учат (Островский, В чужом пиру похмелье).

Наблюдается в языке и более жесткая, структурная зависимость между семантическим реализуемым иносказательным выражением и контекстуальным конкретизатором. Здесь мы имеем в виду случаи, когда одно из слов свободного употребления переносится из текстовой части в состав пословично-поговорочного выражения, например: « – Сказал бы, как вас зовут? – обиделась раз Щука.– Зовут зовуткой, а величают уткой» (Федоров Е., Демидовы); «– В чем дело, граждане! Что все это значит? Что все это значит? Что все это значит? – А это значит, что пристяжная скачет, а коренная не везет» (Шухов И., Ненависть); «– Другому честь дороже всякого счастья – Велика честь коли нечего есть» (Чириков Е., На поруках).

В английском языке незначительное количество паремий имеют вопросительную (*What can you expect from a pig but a grunt?- Посади свинью за стол, она и ноги на стол; Can a leopard change his spots? – Горбатого могила исправит)* и отрицательную формы (*Don’t change horses in the mid-stream– Коней на переправе не меняют; Take not a musket to kill a butterfly - По воробьям из пушки не стреляют)*, однако чаще мы встречаем также повторы и сопоставления: *Dog eats dog – Человек человеку волк. A black hen lays a white egg. «Черна корова, да бело молоко» (букв. «Чёрная курица несёт белые яйца»); Go to bed with the lamb and rise with the lark. Ложись спать с ягненком, а вставай с жаворонком. Ср. Ложись с курами, а вставай с петухом.* В русском языке паремии с компонентом-зоонимом в вопросительной форме не встречались.

В обоих сопоставляемых языках преобладают паремии со структурой простого предложения.

Для пословиц и поговорок английского языка присуща субъективно-оценочная коннотация, призыв к совершению действия или запрет*: Never fry a fish till it's caught. Не жарь не пойманной рыбы. Ср. Медведя не убив, шкуры не продавай. Не дели шкуру неубитого медведя. Let sleeping dogs lie. Спящих собак не буди. Ср. Не буди лиха, пока лихо спит.* Запрет действия также встречается и в русском языке *(Не учи рыбу плавать).*

Английские паремии, имеющие структуру сложного предложения, в большинстве представлены сложноподчинёнными конструкциями: *If you run after two*

hares, you will catch neither. Ср. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. When the fox preaches, take care of your geese. Когда лиса толкует о морали – береги гусей. Ср. Проливать крокодиловы слезы. Берегись крокодила, когда он слезы проливает.

Значительным сходством обладают пословичные концепты животных - лошади, козы, кошки, образованные сходным набором когнитем-характеристик. Например, в пословицах обоих языков присутствует когнитема «кошка шкодлива»:

The cat shuts its eyes while it steal scream.

Чует кошка, чье мясо съела.

Концепт лошади в пословицах обоих языков ассоциируется с концептами женщины и жены.

A horse, a wife, and a sword maybe shewed, but not lent.

В ссуду жена никогда не дается, а лошадь, смотря по человеку.

Такое сходство английских и русских пословиц обусловлено совпадением социально-исторических условий жизни народов, общими закономерностями развития человеческого бытия, дающими единый опыт, единое знание «правил жизни».

Каждый язык обладает своим собственным способом восприятия и отражения мира и по-своему создает языковую картину. Осознание этого своеобразия становится более отчетливым в процессе сопоставления одной системы восприятия с другой.

Литература

*Борисова Л.П.*Лингвокогнитивный аспект исследования паремиологических единиц: На материале пословиц и поговорок якутского языка и их русских эквивалентов: автореф. … дис. канд. филол. наук. М., 1999.

*Жуков В.П.*Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.

Кулькова М.А. Русские и немецкие паремии: когнитивно-дискурсивный подход к изучению: учебное пособие. Казань, 2012.

Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. М., 1989.

Г.Р.Галиуллина
Казанский федеральный университет (Казань)

ТЮРКСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ПИСЦОВЫХ КНИГАХ КАЗАНСКОГО УЕЗДА XVII ВЕКА

Статья посвящена изучению антропонимов тюркского происхождения в лексико-семантическом и структурно-словообразовательном планах. По историческим русскоязычным материалам демонстрируется трансформация именника татар и изменения, происходящие в структуре и семантике антропонимов.

Ключевые слова: татарский язык, исторический антропонимикон, имена тюркского происхождения.

Формирование и дальнейшее развитие татарской антропонимической системы непосредственно связано с именами тюркского происхождения. Они составляли основу антропонимикона татар до тех пор, пока не произошла полная мусульманизация именника. Однако снижение частотности употребления и вытеснение тюркских антропонимов из именника антропонимами арабо-персидского происхождения представлял собой длительный процесс. Этот процесс начался в X – XI вв. и продолжался до второй половины XIX века, когда именник татар преимущественно стал состоять из заимствованных имен. Выбранный нами для изучения вторая половина XVII века являлся тем переломным моментом, когда в именнике начался процесс снижения активности тюркских антропонимов.

В настоящей работе основными источниками мы выбрали писцовые книги Казанского уезда и другие письменные русскоязычные памятники XVII века. Акцентирование внимания на писцовых книгах обусловлено тем, что они являются важным источником для изучения исторического ономастикона. Ценным для изучения исторического ономастикона является то, что в писцовых книгах отдельно описывался каждый населенный пункт с подробным указанием земель и участков, а также их хозяев, проживающих людей во дворах. Зафиксированный таким образом исторический материал позволяет воссоздать объективную ономастическую картину мира исследуемого периода.

В этой работе мы намерены изучить антропонимы тюркского происхождения в лексико-семантическом и структурно-словообразовательном планах.

Как уже указывалось выше, в документах исследуемого периода наблюдается постепенный спад употребления имен тюркского происхождения. Изучение материала показало, что в отличие от первой половины XVII века в данный период изучаемые личные имена постепенно переходят в разряд фамилий.

Необходимо указать, что достаточно большое количество имен и фамилий в русскоязычных письменных памятниках представлено на русский лад при помощи суффиксов: *-к(о)/-к(а)*, которые отличились наибольшей словообразовательной продуктивностью, например, *КайгильдинАймячко, АхмаметевБибейко (Бикмаметко), Ишейко, ЯнбулатовЯнзигитка, ЧурашовУразгильдейко, Кильмаметка*и др. Использование православных имен в письменных памятниках не только в основной (канонической или народной), но и в вариантной форме– довольно распространенное явление, например, *БаканинМикешка Васильев сын, Архипов Ивашко, Козаков Микишко, Исаков Федосейко, Кириллов Фомко* и др. [Писцовые 2009: 375, 394]. Такой же подход был использован и при представлении тюркских антропонимов. В подавляющем большинстве при написании тюркские имена подвергались искажению, впоследствии часть из них стала употребляться в такой вариации и постепенно потеряли связь с первоначальной семантикой и формой. Остановимся на нескольких примерах.

Личные имена *Тәңребиргән*,*Тәңребирде, Тәңрекол* зафиксированы в русскоязычных письменных источниках в формах *Теребирдей, Теребердейко, Терегул* впоследствии на их основе образовались и вошли в дальнейшее употребление фамилии *Теребирдин*, *Теревердиев, Теребердеев, Терегулов.* Указанные имена образованы от имени основного божества Тенгри и отражает мужское начало. Оно давалось, в основном, мальчикам. Традиционное для древнетюркского именника явление – употребление глаголов *биргән, бирде* ’данный’ в вышеназванных сложных именах указывает на

особое место Тенгри в иерархии языческих божеств [Галиулина 2008: 198]. В процессе дальнейшего функционирования искаженной формы произошел разрыв с первоначальной семантикой имени.

Часто встречаемые в писцовых книгах исследуемого периода мужские имена *Уразайко, Ураско, Рысайко* произошли от тюркской основы – архаизма *ураз*, имеющего значение ’счастье’. В последнем примере наблюдается выпадение начального *У*, впоследствии он стал основой фамилий *Разов / Расов*. Современным носителям указанных фамилий без специального этимологического анализа трудно воссоздать первоначальную форму имени и семантику, заложенную в основу этих антропонимов.

Во второй половине XVII века тюркские имена еще продолжают образоваться по тем традициям, которые заложены еще в древнетюркскую эпоху. Так, например, имя образующая модель: *глагольная основа* + словообразовательный аффикс *–ай/–эй-* берет начало из древнетюркского именослова. Мужские имена *Ишейко (Ишәй), Токайко (Тукай), Текейко (Тәкәй)*и др. образованы по указанной модели. Во многих документах весьма часто представлено имя *Ишәй* ,что показывает его поулярность в исследуемом периоде. К началу XIX века эти имена выходят из употребления.

Структурная модельтюркских сложных имен *имя существительное + имя существительное* охраняет свою продуктивность и в этот период: *Иштерячко(Иштирәк), Уйбулат (Айбулат), Янбулатко – Янбулат (Җанбулат), Янзигитка (Җанегет), Бекбулат –Бекбулатко (Бикбулат), Байбулат, Бибик (Бибәк), Байбарс, Бехтемир (Бәктимер)* и многие другие.

Продуктивная в древнетюркскую эпоху структурная модель *существительное + глагол* еще сохраняет свою востребованность, хотя наблюдается некоторые спад ее активности в изучаемый период. Нами зафиксированы следующие имена, образованные по этой модели: *Янбахта (Янбакты), Алабирдей (Аллабирде), Айтуган, Елбахта (Илбакты), Елгилдей (Илгилде), Уразгильдейко (Уразгилде), Теребирдей (Тәңребирде)*.

Своеобразным пластом в материалах выделяется группа сложных имен, образованных с использованием прилагательного *ак* ’белый’. Многозначность анализируемогоприлагательного была зафиксирована еще в древнетюркском языке. В.В.Радлов указывает, что у тюркских народов слово *ак* употребляется в нескольких значениях: 1) белый, 2) чистый, несмешанный, 3) добродушный, чистосердечный, невинный [Радлов 1963: 259]. Имена с компонентом *ак* отражают ранние воззрения людей, их мировосприятие, которые соотносятся с мифологическим периодом в жизни древнего общества, где доминировало ассоциативное восприятие окружающего мира. Белый цвет присущ эпитету богов, выражает божественность, святость, мудрость, опыт, принадлежность к высшему слою общества: *Акморза, Акчура, Акби, Актуган, Аппак, Акбикә, Акбикәч* и другие [Саттаров 1998: 42-43]. На такую трактовку семантики имен с компонентом *ак* указывают и другие исследователи [Гафуров 1987: 105], хотя нельзя не принимать во внимание и тот факт, что для описания внешних особенностей ребенка *ак* в составе имени употреблялся и в прямом значении.Зафиксированные нами примеры, по нашему мнению, соответствуют первой трактовке: *Акбулат, Аксолтан, Аксеит (*от арабского *сәет), Ахмамет (Акмәмәт*от арабского *Мөхәммәт)*.

Примечательным является тот факт, что в несколько случаях для называния новокрещенных татар использовано фамилия *Колчюрин/ Колчерин / Калчюрин*, образованная от тюркских основ *кол* ’раб (божьи)’ и социального детерминатива *чура.* Также нужно отметить, что новокрещенные могли носить двойное имя, прежнее тюркское и новое, данное при крещении. Так, например, Ишимко – татарское имя Кукеева Стенки «… что он выменил у служилого новокрещена у *Стенки Кукеева*, а татарское имя *Ишимко*….» [Писцовые 2009: 272]. В другом документе он же именуется по-другому: «Да в тои деревни дворовое пустое место служилого новокрещена *Стеньки Микитина*, а тотарское имя *ИшимкоКукеев*. У него сын *Игошка*, а татарское имя *Ирка*» [Писцовые 2009: 360].

Таким образом, антропонимическая картина мира изученного периода показывает трансформацию именника татар и постепенное изменение как структуры, так и семантики имен.

Литература

Галиуллин К.Р., Шакирова Р.Р. Казанский край: словарь языка памятников третьей четверти XVII века: конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань, 2009.

Галиуллина Г.Р. Космологические воззрения в татарской антропонимической картине мира // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2008. Т.150. №2. С. 197-204.

Гафуров А.Г. Имя и история. М., 1987.

Писцовые книги Казанского уезда 1685-1687 годов: Публикация описаний Зюрейской дороги / сост. Д.А. Мустафиной. Казань, 2009.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова.Т.1. СПб. – М., 1963.

Саттаров Г. Татар исемнәре ни сөйли? Казан, 1998.

Р. Г.Галиуллина, Н.К.Мустафина
Кульбаево-Марасинская средняя общеобразовательная школа
Нурлатского муниципального района Республики Татарстан

ДВУЯЗЫЧИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Билингвизм как коммуникативный феномен является сегодня широко распространенным явлением и актуальность изучения данной проблемы не снижается, а возрастает в связи с тем, что контактирование людей разных языковых групп приобретает в современном мире все большие масштабы.

Ключевые слова: Билингвизм, коммуникация, вариативность, приспособление, лингвистика.

По данным ряда исследователей, билингвов в мире больше, чем монолингвов, и, таким образом, билингвизм в современном мире следует признать весьма распространенным явлением.

«Билингвизм – двуязычие, владение и попеременное пользование одним и тем же лицом или коллективом двумя различными языками или различными диалектами одного и того же языка» [2, с.137].

Массовый билингвизм возникает исторически в результате завоеваний, мирных переселений народов и контактов между соседними разноязычными группами. Степень владения каждым языком при билингвизме, распределение между ними сфер общения и отношение к ним говорящих зависит от многочисленных факторов социальной, экономической, политической и культурной жизни говорящего коллектива.

Наиболее характерным типом двуязычия в России является национально-русский билингвизм, который усваивается при общении людей разных национальностей с русскоязычным населением.

При столкновении двух языков в условиях билингвизма один язык может полностью вытеснить другой или оба языка могут претерпеть определенные изменения на различных уровнях языковой структуры: фонетическом – изменение особенностей произношения, лексическом – заимствование и калькирование слов, грамматическом – заимствование и калькирование грамматических явлений. Примером тому может служить татарско-русский билингвизм.

Ученые считают, что абсолютно эквивалентное владение двумя языками невозможно. Абсолютный билингвизм предполагает совершенно идентичное владение языками во всех ситуациях общения. Достичь этого нельзя. Чаще всего человек предпочитает использовать разные языки в разных ситуациях. Например, в ситуациях, связанных с обучением, с техническими аспектами знаний, предпочтение будет отдаваться одному языку, а в ситуациях эмоциональных, связанных с семьей – другому. Два языка обычно бывают сформированы у человека в разной степени, поскольку не бывает двух совершенно одинаковых социальных сфер действия языков и представленных ими культур.

Л.В. Щерба в книге «Языковая система и речевая деятельность» так классифицировал билингвизм: «Под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть двуязычным значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам. В старом Петербурге имелось довольно много людей, у которых «семейным» языком, а зачастую и обычным языком интимного круга знакомых, являлся немецкий язык, тогда как вся их общественная деятельность связана была теснейшим образом с русским языком» [5, с.127]. Аналогичные случаи часты также, например, в Татарстане. Еще более сложные отношения бывают при смешанных браках. В таких обстоятельствах нередко возникает два семейных языка: с отцом дети говорят на одном языке, а с матерью – на другом. В отдельных случаях бывает так, что люди постоянно переходят от одного языка к другому и употребляют то один, то другой язык, сами не замечая того, какой язык они в каждом данном случае употребляют. Так бывает, например, когда все члены семьи (вместе со своими родными и знакомыми) принадледат к одной группе населения, но на работе входят и в другую группу. Встречаясь друг с другом в разных окружениях, они перестают отличать групповые границы и начинают употреблять оба языка вперемежку. Такое двуязычие можно назвать «смешанным», так как в этом случае в той или иной степени происходит смешение двух языков, их взаимопроникновение. Люди при этом не испытывают никаких затруднений при переходе от одного языка к другому. При этом происходит иногда взаимное, а иногда и одностороннее приспособление двух языков друг к другу.

Современные языки являются результатом целого ряда внутриязыковых и внеязыковых изменений. Во многих отечественных и зарубежных работах лингвистов по истории языка говорится о вариативности и динамизме языковых изменений. Динамическая сущность языка проявляется в определенных законах фонетической, лексической и грамматической вариативности в каждом конкретном языке. Реальные механизмы языковых изменений определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Среди факторов лингвистической вариативности чаще всего называют следующие: 1) социолингвистическая вариативность (влияние социальных изменений и социальной мобильности на развитие языка, включая уровень социальных отношений и уровень официальности и т.д.); 2) текстуальная вариативность (взаимодействие жанра и темы текста, его лингвистической экспрессии, включающей ситуацию дискурса и способ передачи информации); 3) региональная вариативность (различия и сходства региональных разновидностей языка, включая явления языкового контакта); 4) индивидуальная вариативность.

Билингвизм как коммуникативный феномен является широко распространенным явлением, являясь при этом одним из ключевых понятий лингвистики, социолингвистики, психолингвистики.

Постепенно из области сравнительно-исторического языкознания, рассматривающего контактирующие языки в сравнении, проблемы билингвизма как реального двуязычия в реальной коммуникативной среде стали предметом исследования зарождающейся парадигмы теории языковых взаимодействий. Базисные идеи этой теории (с определенным акцентированием проблемы билингвизма) были сформулированы и обоснованы У. Вайнрайхом и Э. Хаугеном [Вайнрайх1972]. Однако все исследования конца XIX – начала XX века были направлены, в основном, на результат процесса языкового взаимодействия, сам же процесс языковых контактов и сопряженных с ним трансформаций, а также механизм такого взаимодействия оставался без должного внимания, не учитывалась целостность проблемы.

При обсуждении вопросов билингвизма в теоретическом языкознании, как правило, речь идет и о взаимодействии разных языков, что расширяет рамки анализа билингвизма за счет теории межкультурной коммуникации. Ядром межкультурной коммуникации является коммуникативная компетенция, которая во многом связана со сформированностью у человека переводческих навыков. Коммуникативная компетенция, отражающая картину иноязычного общения личности, представлена совокупностью языковой, речевой и социокультурной компетенций. Формирование коммуникативной компетенции происходит в процессе обучающей коммуникации.

Литература

Большой энциклопедический словарь: В 2т./гл.ред. А.М. Прохоров. Т.1.М., 1991.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. –М., 1972.

Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.

Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты /Учеб.пособие. Иваново, 1997.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974

Л.М. Гараева
Казанский федеральный университет (Казань)

ИНВЕКТИВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена изучению проблемы инвективы в диалоге-конфликте профессионала и дилетанта. Инвективность рассматривается как функционально-семантическая категория языка, реализуемая в речи широким спектром языковых единиц.

Ключевые слова: инвектива, профессиональная коммуникация, дискурс, имплицитная агрессия, эксплицитная агрессия.

Представленная работа написана в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания и имеет своей целью рассмотреть спектр реализации инвективы на стыке институционального и бытового дискурсов при коммуникации «специалист» – «неспециалист». Проблема инвективы в диалоге профессионалов и дилетантов (любителей) в широком плане в научной литературе до сих пор не рассматривалась, однако, очевидно, интересна в силу ее многогранности и связи с языковыми, социальными, психологическими и даже юридическими аспектами.

Кратко представим авторский взгляд на ряд теоретических проблем, затронутых в работе.

Профессиональная коммуникация как коммуникация членов профессионального сообщества, результатом которой является профессиональной дискурс, осуществляется специально подготовленными профессионалами, способными в результате социализации в профессиональном сообществе не только производить товары и услуги, но эффективно устанавливать контакт, проводить переговоры и выступления, вести деловое общение по телефону, продавать, проводить отборочные интервью, вести деловую переписку [16]. Таким образом, профессиональная коммуникация предполагает осуществление диалога как внутри, так и за пределами профессионального социума. Диалог профессионала и потребителя профессиональных услуг может предполагать некоторую популяризацию, упрощение профессионального текста с целью достижения полного понимания или, в ряде случаев, усложнение, завуалирование смысла с целью элиминации контакта. Примером упрощения могут служить замены в речи врача при объяснении симптомов заболевания пациенту: *«Заболевание сопровождается* ***диспепсическими расстройствами*** *→ «Заболевание сопровождается тошнотой, горечью во рту, жидким стулом», «****Лихорадка****» → «температура 39 - 40оС», «Иногда у них отмечается лёгкая* ***субиктеричность*** *склер» → «Иногда у них отмечается лёгкая желтушность склер»* [6].

Высокая плотность специальной лексики, а в некоторых случаях и девиантных речевых единиц[1], наблюдается при стремлении элиминации контакта, с целью «запутать читателя; обесценить информацию, создать положительный или отрицательный

[1] Девиантными речевыми единицами именуем речевые единицы, усложняющие понимание текста [1]. Девиантные речевые единицы «не содержат очевидных нарушений в речевой актуализации системно-языковых закономерностей, не содержат коммуникативно-прагматических отклонений, но при этом все же производят впечатление «странных», порой даже «нелепых» высказываний, явным образом оцениваемых как девиантные любым средним носителем языка [8].

оттенок сообщения; сформировать ассоциативную связь с другой информацией и т.п. [1]. «Не случайно в ситуациях, когда нужно показать дистанцию между специальным и обыденным знанием, фотографы используют понятные только им выражения <…> «Ну, ББ какое-то странное. Красный цвет, что ли, повыбивало или просто все пьяные? (ББ — баланс белого)» [4]. Однако в обоих случаях, и популяризация, и усложнение суть профессионально каузируемое действие.

В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы понятие социальной коммуникации трактуется не просто как информационное воздействие, процесс передачи информации (сигнала, сообщения) от источника к реципиенту (классическая теория*)* [3: 12] или результат взаимодействия разных (и равных) субъектов <…> интеракция, в ходе которой рождаются общие смыслы и значения» (неклассическая интеракционная теория*)* [3: 12], но «переплетение дискурсных и нарративных практик, складывающихся «здесь и теперь», ситуативных и потому уникальных» (постнеклассическая теория) [3: 13]. В полном соответствии с основными принципами современной парадигмы – экспансионизм, антропоцентризм, функионализм, экспланаторность – постнеклассическая теория профессиональной коммуникации предполагает учет не только языковых практик, но также экстралингвистического контекста, породившего ту или иную «форму коммуникативной практики», изучение коммуникантов как языковых личностей, дискурсивный анализ текстов, создаваемых участниками коммуникации, интерпретация детерминант процесса коммуникации.

Профессиональный социум открытого типа имеет установленные каналы внешних связей: юриспруденция – граждане государства, медицина – пациенты и их близкие, профессиональное литературоведение – широкие массы читателей, авиаперевозки – пассажиры авиакомпаний, производство продуктов питания – торговля – покупатели. Проблемы качества товаров и /или услуг любой сферы или отрасли производства чреваты конфликтами производителя и потребителя. Очевидно, что в такого рода ситуациях неизбежно возникновение конфликтной зоны, которая, в конечном счете, приводит к противостоянию специалист – неспециалист. Здесь важно разделение двух типов диалогов: письменного (электронного) и устного. Первый детерминирован степенью конвенциальности соответствующей области/отрасли: очевидно, что в юриспруденции она будет выше по сравнению с железнодорожным транспортом. Второй предполагает непосредственный контакт и конфликт сторон. Коммуникативной доминантой такого рода общения становится непосредственное противопоставление участников конфликта и чувство уязвленности как результат противопоставления и обвинения (скрытого или явного) в непрофессионализме. При этом важно, что коммуникативная стратегия непрофессионала чаще всего носит наступательный характер, а профессионала – оборонительно-наступательный. Вербальная агрессия письменной (электронной) коммуникации, как правило, не содержит инвектив, в то время как устная традиционно богата на использование оскорблений.

Инвективность рассматривается в представленной работе как свойство языка и речи: вербализируясь в конкретной речевой ситуации, инвективность потенциально присутствует в языковых единицах различного уровня. «Функции языковых единиц выступают, с одной стороны, как существующие в системе языка потенции, обусловливающие (каузирующне)

определенные типы функционирования («способы поведения») данной единицы, а с другой – как процессы и результаты реализации этих потенций в речи» [2].

Как функционально-семантическая категория инвективность изучается современными учеными в рамках феномена вербальной агрессии (Р.Аман, А.Н.Баранов, Е.В.Власова, Л.В.Енина, В.И.Жельвис, Ф.Кинер, П.А.Купина, Л.М.Майданова, М.Ю.Олешков, К.Ф.Седов, Е.Ю.Сидорова, А.П.Сковородников, Т.И.Стексова, Ю.В.Щербинина и др.). Традиционно выделяют два основных аспекта изучения инвективности: лингвистический, заключающийся в описании презентации инвективности, и речеведческий, состоящий в описании особенностей трансформации и интерпретации инвективности в современном социокоммуникативном пространстве [7].

Рассмотрим указанные ситуации конфликта «специалист» – «дилетант» на примере (1) письменной коммуникации при обращении в официальные органы и (2) устной при контактах специалист – неспециалист.

Изучаемые письменные (электронные) обращения в органы власти и к руководству компании/учреждения суть жалобы на действия представителей профессиональных служб: сотрудников почтового отделения, офицеров ДПС, следователей и др., содержащие требования, направленные на восстановление нарушенных прав потребителя. Как уже указывалось, степень ритуальности письменных текстов жалоб с просьбой о наказании довольно высока [5], поэтому вербальная агрессия как правило, имплицитна.

Традиционно письменные обращения в вышестоящие органы содержат нарратив события – непрофессионального поведения специалиста. Например, «Дело в том, что уже в течение нескольких месяцев мы пытаемся навести порядок в данном отделении связи, в котором мы получаем почтовую корреспонденцию по месту жительства. *Письма пропадают, посылки не доставляются…»* [13]. «Хочу призвать к ответу почту России за данный инцидент, который мог обернуться для меня денежными потерями, а также за *неисполнение обязанностей*, которые регламентированы официальными документами и должны соблюдаться» [12]. «**И только на этой квитанции я увидела ФИО этого оператора – *Миридонова работает без бейджа*.»** [11].

И только текст жалобы с просьбой о наказании содержит оценочное суждение: «…достало уже *хамское* поведение сотрудниц ОПС. Перед нами извинялись вышестоящие организации, но *безобразия* продолжаются в почтовом отделении» [13].

В устных конфликтах «специалист» – «дилетант» (см источники исследования) даже при высокой степени формализованности отношений в начале диалога могут иметь место снижение «степени жесткости жанра» или его полная замена. Фрустрация, вызванная отсутствием обещанного качества услуги или товара, детерминирует смену стратегии сотрудничества на стратегию оскорбления, построенную на обвинении в недостаточной профессиональной компетенции. Диапазон инвектив, используемых обеими сторонами конфликта, ограничен на полюсах коммуникации относительно нейтральным «Ваше непрофессиональное поведение» и безусловно оскорбительными «мразь», «гнида» и др. (см. Источники).

Таким образом, инвектива на стыке институционального и бытового дискурсов в диалоге «специалиста» с «неспециалистом» объективируется в широком спектре разноуровневых речевых единиц. Для письменной коммуникации, предполагающей использование конвенциональных речевых жанров и высокую степень

ритуализированности, характерны преимущественно имплицитные формы вербальной агрессии. Эксплицитные формы реализуются в устных диалогах, форма полифункциональна и в точке конфликта, в случае утраты формализованности социальных отношений, может выходить за пределы установленного речевого жанра.

Литература

Акимова Н.В. Лингвистические факторы интерпретационных девиаций// Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 1–13

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.

Василькова В.В. Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики. Сб.статей / Под ред. В.В. Васильковой, В.В. Козловского, А.М. Хохловой. Выпуск 3. СПб, 2010.

Голованова Е. И. Отражение профессионального восприятия мира в устной коммуникации фотографов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239) Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 208–211.

Емельянова Н.А. Речевой жанр "Жалоба" в различных типах дискурса в английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Астрахань, 2004.

Кислик Н.В. Профессиональное общение: врач и пациент: учебно-метод. пособие / Н.В. Кислик, И.В. Адашкевич, Н.Е. Кожухова – Минск , 2011.

Коряковцев А.В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка: Дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2009.

Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.

Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/professionalnaya_kommunikaciya.

Источники

Автотранспорт [Электронный ресурс]. URL: youtube.com/watch?v=x4V6tCaEZbY

Аэропорт [Электронный ресурс]. URL: youtube.com/watch?v=KjRyyjZpxu8

Жалоба на работу сотрудника почты (ОПС 341 г. Москвы) + ответ на жалобу от Почты России [Электронный ресурс]. URL: http://irecommend.ru/content/zhaloba-na-rabotu-sotrudnika-pochty-ops-341-g-moskvy

Жалобы на Почту России [Электронный ресурс]. URL: http://rfpost-troubles.livejournal.com

Инструкция: как запрещать людям снимать на почте [Электронный ресурс]. URL: http://ternovskiy.livejournal.com/248547.html

Почта [Электронный ресурс]. URL: youtube.com/watch?v=jqt21D5dDUQ, youtube.com/watch?v=AGgeZxHJvZw, youtube.com/watch?v=WNg2dzK7Nk0, youtube.com/watch?v=NSTlXYZArNs, youtube.com/watch?v=Tm7E-NdsMYI, youtube.com/watch?v=gt22W0iSBiM;

Торговля [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=JElfDZfcbhw, youtube.com/ watch?v=BIkTszVtXHw, youtube.com/watch?v=3wErCeCJLG0, youtube.com/ watch?v=_7Wx3fBSTso, youtube.com/watch?v=KySzggo78r8, youtube.com/watch?v=oIeV-TJC5f9Y

А.А.Гарипова
Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма
(Казань)

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ТАТАРСКИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (период с XVIII в. до начала XX в.)

История калькирования более чем какая-либо другая область словарного состава связана с историей народа в его отношениях с другими народами. Факты внешней истории, социальных, экономических, политических, культурных и других контактов являются наряду с фактами самого языка (представленными совокупностью текстов) прямым и непосредственным источником суждения о некоторых сторонах процесса калькирования. Статья посвящена изучению процесса калькирования с русского языка на татарский в период сXVIII в. до начала XX в.

Ключевые слова: калькирование, лексические кальки, исторический аспект, дипломатические документы.

XVIII в. представляет собой эпоху, когда наметились и начались широкомасштабные реформы Петра I во всех областях общественно-политической и социально-экономической жизни Российского государства. «Служилых татар под видом военной службы стали привлекать к различным работам в Санкт-Петербурге» [Галлямов 2001: 113]. Татарские крестьяне, как и крестьяне других народностей, тысячами угонялись на постройку гаваней и крепостей. Большое количество татар было отправлено в Казанское адмиралтейство для заготовки, обработки и доставки корабельного леса. Впоследствии их стали называть «лашманами».

Татары и другие народы Поволжья приняли массовое участие в крестьянской войне 1773-1775 гг. под предводительством Е.Пугачева. Он призывал народы края примкнуть к восстанию, обещая ликвидировать русскую администрацию, освободить от помещичьей эксплуатации, рекрутских наборов и подушной подати, а также отменить ограничения в религиозно-национальной жизни. «Летом 1774 г. на подходе к Казанской губернии Пугачев именным указом приказал своему полковнику БахтияруКанкаеву собрать русских, татар и башкир в одну армию. Документация и переписка восставших велась на русском и татарском языках» [Тагиров 2008: 180].

Кроме духовных завещаний, грамот, в качестве материалов, которые представляют собой образцы употребления русской лексики в татарской деловой письменности, нами отмечен ряд документов, относящихся к области государственного управления (переводы законов, указов, манифестов, рапортов).

Среди письменных источников, относящихся к Пугачевскому циклу, интерес представляют документы, исходившие от соратников и подчиненных Пугачева, в частности наставление-распоряжение Военной коллегии Б.Канкаеву и А.Кускееву, датируемое 1773г. [Фасеев 1982].

В данном тексте наблюдается калькирование целых фраз, выражений, терминологических словосочетаний и предложений, что объясняется стремлением переводчика

передать содержание более точно, благодаря чему образовались не очень естественные конструкции. Например:

Ушбу манифест бирүлди *пулкувуйы старшина Бәхтияр Қанақайуғлина, палкауай сутник Ғәбдүлкәримуғлина һәм шуның үчүн вуйеннай кәлли-гәсинең пичат[и] басылди* [Фасеев 1982: 58].

Перевод: *Сей манифест дан полковому старшине Бахтияру Канакаеву, полковому сотнику Абдюль-Кариму [Кускееву] сыну и в том приложена печать Военной коллегии его* [Фасеев 1982: 59].

Выражение *ушбу манифест бирүлди*< сей манифест дан представляет собой синтаксическую кальку. Кальки в области синтаксиса являются, прежде всего, имитацией синтаксической структуры русских словосочетаний и предложений, а также типов связей в них.

В документах Пугачевского цикла количество синтаксических калек, образованных по модели и образцу русских словосочетаний и предложений, довольно многочисленно. Например:

Мәнки, ғәзимейғәмҗәмғехассәивәғаўамәимәхлуқәбәтарафәивилâйәтйуртларыныңвәби-л-истиқлялхөкемдары…[Фасеев 1982: 57].

Перевод: *Я, великий из величайших, независимый правитель всего избранного и простого народа* [Фасеев 1982: 58].

Следующий изученный нами документ представляет собой рапорт М.Габдюссалямову и И.Сулейманову, подготовленный писарем Г.Салиховым 4 мая 1774. Рапорт начинается приводимым ниже предложением:

Рипурт Үфү приказиғә [Фасеев 1982: 77].

Перевод: *Репорт в Уфимский приказ* [Фасеев 1982: 78].

В документе также прослеживается нарушение последовательности главного и подчинительного предложений, что способствует нарушению синтаксических законов и стилистической окрашенности, ср.:

Шулсәбәбли Дим буйундағихәлаиқ-ларбикгайәтдәкуркубтураларжйийулғанкам[а]ндәйуқлуқындандиб [Фасеев 1982: 78].

Перевод: *Потому население по реке Деме находится в великом страхе из-за отсутствия там собранной команды* [Фасеев 1982: 78].

Перевод данного предложения следовало бы сделать следующим образом:

Шулсәбәбли Дим буйундағихәлаиқ-ларжйийулғанкам[а]ндәйуқлуқынданбикгайәтдәкуркубтуралар.

Такую же картину можно увидеть и в приказе Б.Канкаева о переправах (Кичүләрнесаклауөченбирелгән Б.Канкай углы приказлары) [Алишев, 1973: 211], который относится к середине июля 1774 г.

ПолковникБәхтиярКанкайуглыннанбирелде приказ [Алишев 1973: 211].

Перевод: *От полковника Бахтияра Канкай углы приказ* [Алишев 1973: 211].

Данное предложение следовало употребить в следующей форме:

Приказ полковникБәхтиярКанкайуглыннанбирелде.

Обнаруженный нами рапорт Бахтияра Канкаева военной коллегии Е.И.Пугачева о боевых действиях отряда А.Мустаева (Абдулла МустаевобрядыныңсугышчанхәрәкәтетурындаКанкаевның Пугачев хәрбиколлегиясенә рапорты) [Алишев 1973: 213], относящийся к середине лета 1774 г., представляет собой яркий пример активного использования метода калькирования, например:

*...Габдулла ка(р)шындагыюлдашурыслардан Иван Чтапанугълыбатырлыккылганһәм**үлтергән**мәзһүрпоручикны* [Алишев 1973: 214]

Перевод: *Из команды Абдуллы один русский Иван Степанов отличался храбростью и убил указанного поручика* [Алишев 1973: 213]

Особую ценность для исследования представляют лексикографические труды, относящиеся к прошлым этапам развития языка. Рукописные словари служат фактическим материалом для изучения общности судеб татарского и других народностей России и для исследования вопроса о возникновении тесного общения между русским и татарским народами, о неуклонном росте их взаимосвязей.

Двухтомный русско-татарский рукописный словарь, составленный в 1785 году СагитомХальфиным дает важные сведения о словарном составе языка, семантическом объеме и стилистической характеристике слов, их нормативности, сочетаемостных возможностях и т.д.

В данном словаре находят место и кальки. Изученный нами материал отрицательных имен прилагательных осуществляется следующим образом: отрицательной частице *не-* в татарском языке соответствует аффикс *-сыз/-сез*, например такие как:

к глагольной основе *карулашу*– «возражать, перечить, противоречить, спорить» [ТРС 1966: 236] присоединен аффикс *-сыз*: *карулашусыз*< несносный;

имя прилагательное *утенгесез*< неумолимый, неупросимый образовано с помощью присоединения к лексической основе *утенү* – «просить, упрашивать, обращаться с просьбой» [ТРС 1966: 753] аффикс образующий имя существительное *-ге – утенге,* после чего добавлен отрицательный аффикс–*сези* т.д.

В результате, лексические единицы, приведенные из словаря, не являются абсолютными соответствиями. Помимо этого данные кальки своим звучанием непривычны татарскому языку. Соответственно эта группа калек не адаптировалась в лексической системе татарского языка и вышла из употребления.

Приводимые ниже из словаря примеры представляют собой семантико-структурные кальки, которые возникли в результате перевода русских слов по составляющим эти слова морфологическим частям в результате усвоения их словообразовательной структуры. Кроме того, данные слова состоят частью из своего собственного, т.е. татарского материала, и частью из материала русского языка, тем самым являются примером первых полукалек. Помимо того, заимствованной частью является основная, корневая, а переводной – аффиксальная. Например,в словах *графлык*< графство, *зимскилык*< земство, *санатлык*< сенаторство калькируется суффиксальная часть -ство при помощи татарского аффикса *-лык*, аналогичным способом калькируется *кесәлче*<кисельник, где аффикс *-че* соответствует русскому суффиксу -ник.

К XIX же веку в связи с ростом науки и техники и расширением взаимосвязей русского и татарского народов количество русизмов все более и более увеличивается.

Во второй половине XIX века происходили бурные преобразования в разных областях общественной и культурной жизни народа, а также в сфере науки. Начался процесс формирования татарского национального литературного языка, сближение его с разговорной речью.

Татарский просветитель К.Насыри, хорошо понимавший требования нового времени, начинает смело вводить в свои словари и календари отдельные термины и словосочетания из русского языка, образованные путем калькирования.

Следует отметить тот факт, что в книге *«Гөлзарвәчәмәнзар»* («Цветы и травы», 1894) при введении понятий, не имеющих словесных соответствий в татарском языке, К.Насыри использует метод калькирования. Рассмотрим примеры.

Растение *ангелика:* родовое название вида происходит от латинского *angelus* – ангел, так как согласно старинному преданию, ангел принес корень дягиля на землю с неба от богов, чтобы лечить чуму. Современное название *дягиль* происходит от старославянского, и его можно истолковать как растение, придающее здоровье и силу.

Данное понятие калькировано следующим образом *фәрештәуты*, т.е. в форме составной кальки: *фәрештә/ангел + ут/трава, растение*, которое при буквальном переводе «растение ангела» соответствует вышеприведенному старинному преданию.

Растение «львиный хвост» представляет собой кустистое многолетнее растение вплоть до 2-3 метров в высоту, имея при этом красные, оранжевые, желтые или белые трубчатые цветы.Данный термин калькирован пословно *(хвост – койрык, лев – арыслан)*, однако при этом произошло небольшое изменение, касающееся позиции господствующего и зависимого компонентов в составе словосочетания:*арысланкойрыгы* < хвост львиный.

Сложное слово *тысячелистник,*состоящее из двух лексических единиц (*тысяча* и *листок)* калькировано сочетанием татарских эквивалентов: *тысяча/мең* и *листок/яфрак*: *меңъяфрак*.

Такую же картину наблюдаем и при калькировании ботанического термина «козлобород» *(козел + борода)*. Однако при калькировании автор образовал составную лексическую единицу: *кәҗәсакалы* < козлобород.

Название цветка «ноготки» произошло от латинского слова «календа» (Caléndula), что означает «первый день каждого месяца». Названа так за непрерывное цветение летом. Ноготки – русское название, полученное за форму семян. Именно русский вариант звучания данного термина и скалькирован на татарский язык: *тырнаклы* < ноготки.

Большая часть терминов по анатомии («Мәнафигел-әгъзавә кануне сиихҳәт» – «Функции органов тела и правила гигиены», 1894 г.) создана путем калькирования соответствующих терминов с русского языка, например: *кискүчетешләр*< резцы, *бугазбашы*< надгортанник, *теш урты* < десна, *аш юлы* < пищевой тракт, *кансавытлары* < кровеносные сосуды, *күкрәктактасы* < грудная кость, *бала яткулыгы* < матка и др.

В календарях К.Насыри имеются термины, взятые из русского и западно-европейских языков, путем калькирования: *искәрмә* < примечание, *чыгарма* < исключение, *өземтә* < отрывок, *чыганак* < источник, *йогынты* < влияние, *өскорма* < надстройка, *хәрбиләштерү* < военизация, *эремә* < раствор.

Большой интерес представляет переводческая деятельность Г.Тукая, который является одним из первых татарских писателей, давших замечательные образцы калькирования русских слов и семантического приспособления татарских слов к передаче новых понятий [Ахунзянов 1965: 40]. Таковы, например, кальки терминов политической экономики, употребленные впервые Г.Тукаем в переводе брошюры академика Баха «Царь-голод» – «ЯхудАчлык-Падишаһ»: *сорау*< спрос, *чыгару* < предложение, *алмашмак* < обмен, *берләшмәк* < сотрудничество, *эшнебулмәк* < разделение труда и т.п.

*Аларныңбуҗыелышларыдошманнарданкотылырга да уңгайлы, азыктабарга да бикҗайлы. Менәшундыйберләшүне, шундыйҗыелышуны**берләшмәк (сотрудничество)**дипатыйлар* [Тукай1985: 103].

Слово *сорау* означающее «вопрос, просьба», в трудах Г.Тукая приобретает совершенно новое значение *спрос*, т.е. количество товара, которое потребители готовы и желают приобрести за одну цену, на данном рынке, на протяжении данного периода.

Текст брошюры, наряду с основной массой однокоренных, располагает и небольшим количеством парных терминов: *сорау-сорату* < требование, *чыгару-тәкъдим* < предложение.

По составу, предложенные в переводе брошюры термины, представляют собой составные семантико-структурные кальки: *алмаштыруваситасы* < средство обмена, *эшләпчыгарукоралы* < орудие производства, *кушылганхезмәт* < прибавочный труд, *хәзер товар* < готовый товар, например.

Далее следует отметить, что помимо полных семантико-структурных калек (*коры җиргаскәре* < сухопутные войска и т.д.), писатель использует и полукальки. Такие кальки мы встречаем в переводе брошюры «Война и Дума» – «Сугышһәм Дума»: *диңгез флоты* < морской флот, *политик мөнәсәбәтләр* < политические отношения.

Богатая дипломатическая документация, документальные источники периода Пугачевского восстания, эпохи петровских реформ, многочисленные деловые бумаги служебного и частного характера, отражающие в том числе и деятельность территориально-административных учреждений, и многие другие материалы являются богатой базой, которая на протяжении эпох способствовала развитию татарского литературного языка.

Литература

Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

Ахунзянов Э.М. Русские кальки в татарском литературном языке // Вопросы татарского языкознания. Кн. II. Казань, 1965. – С. 38-66.

Галлямов Р.Ф. После падения Казани… Казань, 2001.

Тагиров Э.Р. Народ в пути. История Татарстана в контексте мировой цивилизации. Казан, 2008.

Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. Казань: КГУ, 1982.

А.Н.Гарипова

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма (Казань)

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена проблеме формирования межкультурной (социальной) компетенции студентов на занятиях по иностранному языку. В ней затронут ряд вопросов связанных с формированием межкультурной компетенции в процессе обучения иноязычному общению с учетом культурных и ментальных различий носителей языка, что является необходимым условием для успешного диалога культур.

Ключевые слова: межкультурная (социальная) компетенция, межнациональное общение, лингвострановедческая информация, межкультурная коммуникация.

Процесс глобализации, развивающийся в настоящее время, приводит к расширению взаимодействий различных стран, народов и их культур. Влияние осуществляется посредством культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями, путем научного сотрудничества, торговли, туризма и т. д. Общение с иностранцами становится реальностью, а столкновение с представителями иной культуры входит в нашу повседневную жизнь. Все чаще учебные заведения осуществляют обмен студентами и школьниками, преподаватели организуют совместные проекты и проходят стажировку за рубежом, участвуя, таким образом в межкультурной коммуникации и диалоге культур.

Достижению взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации способствует межкультурная компетенция. Межкультурной компетенцией называется способность осуществлять общение на иностранном языке с учетом разницы культур и стереотипов мышления.

Изучение проблем межкультурной коммуникации предполагает знакомство со следующими явлениями и понятиями: принципами коммуникации, основными функциями культуры, влиянием культуры на восприятие и коммуникацию в ее различных сферах и видах, параметрами для описания влияния культуры на человеческую деятельность и развитие общества [Свиридон 2005: 73].

Формирование межкультурной компетенции следует рассматривать в связи с развитием способности студентов принимать участие в диалоге культур на основе принципов взаимного уважения, терпимости к культурным различиям и преодолению культурных барьеров. Межкультурное обучение направлено на формирование у студентов способности к межкультурной коммуникации и способствует как осознанию студентами своей принадлежности к определенному этносу, так и ознакомлению с традициями и культурными особенностями представителей другой культуры.

В качестве цели обучения выдвигается межкультурная (социальная) компетенция. Результатом обучения иностранному языку должна быть не только и не столько коммуникативная компетенция, сколько социальная компетенция, а сам процесс обучения иностранному языку должен превратиться в межкультурное обучение, в «обучение пониманию чужого», направленное на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов и воспитание толерантности в отношении представителей других культур [Габдулхаков 2012: 92].

Современный человек, владеющий иностранным языком, оказывается вовлеченным в процесс общения с другими людьми, являющимися представителями своих культур. В связи с этим изучающим иностранный язык требуется не только иметь богатый лексический запас и приличное произношение, хорошо знать иноязычную грамматику, но и формировать в себе межкультурную компетенцию. Данная компетенция предполагает достижение такого уровня владения языком, который позволит, во-первых, гибко реагировать на всевозможные непредвиденные повороты в ходе беседы; во–вторых, определить адекватную линию речевого поведения; в-третьих, безошибочно выбрать конкретные средства из обширного арсенала и, наконец, в–четвертых, употребить эти средства сообразно предлагаемой ситуации.

Успешная коммуникация – это не искусственно созданный церемониал, унаследованный нами от предыдущих эпох, это вырастающая из социокультурной традиции

практическая и необычайно востребованная в наше время способность правильно формулировать мысли, понимать и себя и других. Умения придерживаться определенных правил коммуникации и одновременно уходить от них, импровизировать в общении с другими людьми подчеркивают нашу личность и индивидуальность, не стесняют и не ограничивают, а наоборот способствуют открытости диалога, вносят чувство независимости и дают возможность быть самим собой» [Подгурецки 2012: 59].

Формирование межкультурной компетенции предполагает взаимодействие двух культур в нескольких направлениях: знакомство с культурой страны изучаемого языка посредством самого иностранного языка и усвоение модели поведения носителей иноязычной культуры; влияние иностранного языка и иноязычной культуры на развитие родного языка и модель поведения в рамках родной культуры; развитие личности под влиянием двух культур.

Методика формирования межкультурных компетенций студентов включает в себя в качестве необходимого компонента практикумы и исследовательские проекты. На практических занятиях применяется комплекс специальных упражнений:

1. Отработка языковых единиц и грамматических структур в диалогах и монологах (например, коммуникация в аэропорту, магазине, гостинице);

2. Обсуждение проблемных ситуаций при общении с представителями страны изучаемого языка

3. Использование информационных технологий для осуществления реального общения с представителями страны изучаемого языка (переписка по электронной почте, в форуме, общение в режиме Skype);

4. Творческие и исследовательские проекты, связанные с изучаемыми темами учебного курса;

5. Лингвистический и лингвострановедческий анализ аутентичных материалов, начиная от печатных изданий, фильмы, новости национальных каналов страны изучаемого языка.

Необходимо рассмотреть, как осуществляется формирование межкультурной компетенции студентов с учетом названных направлений.

В процессе овладения иностранным языком студенты усваивают материал, который демонстрирует функционирование языка в естественной среде, речевое и неречевое поведение носителей языка в разных ситуациях общения и раскрывает особенности поведения, связанные с народными обычаями, традициями, социальной структурой общества, этнической принадлежностью. Прежде всего, это происходит с помощью аутентичных материалов (оригинальных текстов, аудиозаписи, видеофильмов), которые являются нормативными с точки зрения языкового оформления и содержат лингвострановедческую информацию [Соловова 2002: 152].

Важно знать национально-культурные особенности поведения иностранца, чтобы избежать возможных конфликтов при межнациональном общении. Таким образом, изучая иностранный язык, студент должен не только усвоить его лексические, грамматические и синтаксические особенности, но и научиться адекватно ситуации реагировать на реплики носителей языка, уместно применять мимику и жесты, использовать формулы речевого этикета и знать культурно-исторические особенности страны изучаемого языка.

Осуществление межкультурной коммуникации предполагает готовность человека не только принимать представителя иной культуры со всеми его национальными и ментальными особенностями, но и способность меняться самому. Изучая иностранный язык во всем его многообразии, студенты сталкиваются с языковыми и культурными явлениями и сопоставляют их с таковыми в родном языке. Так, например, постигая лексико-грамматическую систему иностранного языка, обучающимся приходится обращаться к знаниям, полученным на занятиях русского языка, чтобы выделить сходства и различия в языковых явлениях и сфере их употребления. Изучение иноязычной культуры также приводит студента к необходимости обратиться к культурно-историческим фактам своей страны. Таким образом, изучая иностранный язык и участвуя в межкультурной коммуникации, студент глубже постигает свой родной язык и родную культуру.

Формирование межкультурной компетенции предполагает также овладение следующими умениями: видеть в представителе другой культуры не только то, что нас отличает, но и то, что объединяет; менять оценки в результате постижения другой культуры; отказываться от стереотипов; использовать знания о чужой культуре для более глубокого познания своей.

Межкультурная компетенция формируется в процессе обучения иноязычному общению с учетом культурных и ментальных различий носителей языка и является необходимым условием для успешного диалога культур. Осознание возможных проблем, возникающих в межкультурной коммуникации представителей разных культур, понимание ценностей и общепринятых норм поведения являются довольно значимыми факторами в изучении иностранного языка. И когда обучающиеся подготовлены к их решению соответствующим образом, они могут избежать непонимания, неадекватного восприятия поведения и потенциальных конфликтов, которые могут возникнуть из–за неправильного использования языка, ошибочной интерпретации реакции собеседника и оценки сложившейся ситуации. А способность студента к преломлению культурных ценностей в своем поведении способствует становлению его как хорошего специалиста в сотрудничестве с представителями мирового сообщества.

Литература

Габдулхаков В.Ф., Гареева А.М., Гарифуллина А.М. О лингводидактике поликультурного образования // Образование и саморазвитие. 2012. №5. С. 92–104.

Подгурецки Ю.Ю., Домбровска А.Ю. Языковая и коммуникативная компетенции в контексте современной парадигмы культур // Образование и саморазвитие. 2012. №5. С. 59–64.

Свиридон Р. А. Формирование межкультурной компетенции будущего специалиста в области мировой экономики средствами делового английского языка// Инновационные образовательные технологии в преподавании иностранных языков: Сб. научн. тр. II Международной летней школы для молодых исследователей: Томск, 2005. С. 72– 84.

Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. М., 2002.

Э.В.Гафиятова
Казанский федеральный университет (Казань)

СОЦИОКОНСОЛИДИРУЮЩАЯ ПЕРЛОКУЦИЯ ИНВЕКТИВЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье описывается институциональный дискурс лесной отрасли, анализируются основные регистры общения.

Ключевые слова: регистр речи, прагматика текста, профессиональный дискурс, семантика, инвектива.

Современная наука трактует дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [10: 6–14]. Институциональный дискурс как процесс и результат профессиональной коммуникации вербализуется в ряде жанров. Исследовательские дескрипции дискурса осуществляются в современной литературе на основе формы проявления языка (устный и письменный), способа общения (массового или индивидуального), тона или регистра речи (высокий, нейтральный, сниженный), степени эмоциональности, спонтанности, нормативности, степени клишированности языковых форм, свернутости текста, ориентированности на реципиента и некоторых других признаков [8]. В сфере институциональной коммуникации в лесной отрасли возможны три основных регистра общения: высокий, нейтральный, низкий. Очевидно, что живая практика общения демонстрирует ряд смежных, диффузных форм. Принадлежность текста тому или иному регистру определяется выбором соответствующих языковых форм. Высокий регистр дискурса работников лесного хозяйства реализуется в научных статьях и докладах, выступлениях на производственных собраниях, обращениях к сотрудникам, указах министерства, соглашениях между отдельными предприятиями, лозунгах социальной рекламы и др. Низкому регистру общения не свойственны клишированность или тематические ограничения, а коммуникативная дистанция [20] между коммуникантами может изменяться в сторону ее персонализации (сокращение дистанции) и деперсонализации (увеличение дистанции). Традиционно считается, что производственная ситуация общения обусловлена сугубо статусно-ролевыми отношениями, контекстом культуры и языковой системой [11]. Однако очевидно, что при статусно равных отношениях коммуникантов даже в производственной ситуации тематическая ограниченность создаваемых текстов может раздвигаться, а жесткость конвенциональных речевых актов снижаться. Например, *«Анализируя информацию из инета прихожу к выводу, что автоматика для качественной сушки березы «категорически» необходима. Чтобы не было грибка, укладывайте черенки под навес в штабель на прокладки, торцы можно чем-нибудь связать, чтобы пачка сильно не «плясала»* [14]. Прагматика конкретной ситуации определяется рядом параметров, основными среди которых считаем иллокутивную силу высказывания и тезаурус (языковой и предметный) коммуникантов. При этом адресант может использовать широкое

многообразие средств языка, сохраняя или расширяя рамки соответствующего жанра: «*Лесное хозяйство в России всегда находилось между Сциллой и Харибдой, то есть между лесоводами и чиновниками, с одной стороны, и лесопромышленниками по заготовке кругляка, с другой. Поэтому Россия и поныне экспортирует огромные лесные земельные участки с древесиной на корню, что законодательно допускают чиновники от леса, а «отечественные» заготовители кругляка ведут себя по басне Крылова как обезумевший волк в овчарне»* [16].

Как показывает материал исследования, низкий регистр лесного дискурса плотно вербализован субстандартной лексикой, добавляющей соответствующим текстам определенные коннотативные смыслы. Например, *«Если так глубоко копать, то виноват во всём Пётр I, ибо он тогда заявил, что «Лесничий - должность воровская, а по сему платить ему мизер». Хотя «мизер» при Петре I был намного больше, чем сейчас «макси» у лесничего»* [18].

Показательно, что в изучаемом профессиональном дискурсе инвективность как функционально-семантической категория объективируется, в частности, в комических жанрах: шутке, анекдоте. «Смех и комическое относятся к важнейшим концептам культуры, к таким координатам бытия, как официальное и карнавальное отношение к миру, по М.М.Бахтину, и соответственно находят разнообразное выражение в языковой семантике и прагматике» [6, 144]. «Комическое раскрывается путем его противопоставления неким общечеловеческим идеалам. Комическое порождает одухотворенный ими смех, отрицающий одни человеческие качества и утверждающий другие» [17]. Комическое предполагает несоответствие, диссонанс социокультурной нормы автора, адресанта коммуникации и референта. Например, основой такого диссонанса может служить физический недостаток: *«Мастер, работающий на пилораме, рассказывает ученику: «Да я эту технику безопасности знаю как свои три пальца!»* [1]. Типичной в анекдоте является инвектива, перлокутивный эффект которой нацелен на осмеяние умственных способностей работников лесной отрасли: *«Глухой таежный магазин. Бригадир лесорубов приходит сдавать обратно партию электропил. - Вы понимаете, - горячится он, - в рекламе сказано, что за час можно сделать 5 кубометров дров. А ни у кого из моих ребят больше трех ну никак не выходит!!! Продавец, просто на всякий случай, сует шнур в розетку.- Ой, - вздрагивает бригадир, - а чегой-то она у Вас так зажужжала?»* [2].

Рассмотрим референты комического в лесном дискурсе. Словарь языка работников лесной отрасли содержит большое количество единиц, в семантике особо выделяются шутливый, иронический, насмешливый компоненты. Например, **комбайн** харвестер, **глушняк** *глухой, непроходимый лес или непроходимые заросли чего либо,* **американский агрессор** *ясенелистный клён,* ***муравятник, овсяник, стервятник*** *бурый медведь*, **автомат** *сборка-разборка мотопилы*. Глоссарий референтов есть отражение ценностей и стреотипов профессионального сообщества. Комический смысл присутствует в текстах, содержащих указания на физические и умственные недостатки, возраст, социальный статус, девиантное социальное поведение. Комическим смыслом наделены названия деревьев, артефактов (станков и агрегатов), явлений природы и т.д. Например, *На штабных учениях с особой похвалой говорили о водосливном устройстве* ***ВСУ-5А*** *для вертолетов, которое предназначено для тушения и локализации лесных*

пожаров с воздуха в труднодоступных и отдаленных районах. Лесники называют его ***«смерть красному петуху»****. Не случайно последняя модификация ВСУ-5А недавно получила серебряную медаль на международной выставке в Брюсселе* [15]**.** *«При возникновении пожара огонь пойдет во все стороны, но туда, куда дует ветер, он пойдет гораздо быстрее. Фронт пожара – та часть кромки, которая движется по ветру, противоположная кромка называется тылом (у лесников в ходу термины «голова» и «пятка»)*» [19].

Категория комического реализована в большом количестве известных жанров фольклора сотрудников лесного хозяйства: стихах, тостах, песнях. *«Лесник, кряхтя, допил спиртягу,/Пыхнул дымком, сожрал грибок,/И не ступил назад ни шагу!/Как, впрочем, и вперёд, и вбок!»; «Да, лесники непобедимы!/И с ними биться — не с руки./Куда пропал, дружище Дима?/Ужель подался в лесники?»* [13]. Комическое начало традиционно присутствует в прозвище и анекдоте.

Инвектива как одна из составляющих институционального юмора имеет своей целью экспликацию низкой оценки референта адресантом. Если принять в качестве основополагающего не узкое понимание инвективы (резкое выступление, выпад [5]), но широкое - любой механизм вербальной агрессии, тогда параметры языкового воплощения инвективы, находясь в спектре от эсплицитных до имплицитных, практически безграничны. Объективация инвективных смыслов может иметь место и в языковых единицах, для которых инвективная семантика не характерна. «Проблема, связанная с гибкостью языкового знака, бесконечностью его смысловой валентности, - одна из наиболее принципиальных и сложных. Любое инвективное слово может быть употреблено неинвективно, нейтральное же слово в определенных контекстах может оказаться оскорбительным» [4].

В качестве наиболее значимых функций инвективы ученые выделяют следующие: снятие стресса, «разрядка», попытка скрыть страх, регулирование статуса коммуникантов в обществе (защита статуса, демонстрация социальной доминантности, снижение статуса оппонента, самоуничижение), положительно влиять на события, оберечь человека, «заполнение пауз». «В определенных ситуациях инвектива способна создать видимость активного поиска выхода из эмоционального напряжения. Более того, учитывая силу нарушаемого табу, можно даже считать, что это не поиск выхода, а непосредственно сам выход» [5].

Перлокуция издевки или насмешки в анекдотеке завуалирована, инвективные имена в анекдотах крайне нетипичны. Вербальная агрессия анекдота скрыта в шутке и насмешке, диссонанс нормы и описываемой ситуации демонстрируется при помощи нарратива, не суждения. Например, «*Охотник убил большого оленя. На выстрел поспешил лесник и потребовал лицензию. Охотник ответил, что лицензии у него нет, поэтому лесник решил доставить его вместе с убитым оленем в город. И когда совместными усилиями 200-килограммовый олень был вытащен на дорогу, охотник вдруг воскликнул:- Футы, черт, я совсем забыл, у меня же есть такая лицензия, вот она!»* [7]**.**

Инвективные имена – прозвища сотрудников лесной отрасли в изучаемом дискурсе реализованы в отдельных словах и словосочетаниях: **Гришка Распутин** - за слабость к женщинам [9], **Передовик** - за попытку вырастить пальмы в средней полосе

[3], **Зверь Захарович –** за жестокость в обращении с подчиненными**, Дыхало** - за привычку ругаться: «в дыхало мать!» [12].

Смех в институциональном дискурсе лесной отрасли есть своеобразный механизм установления и регулирования статуса коммуникантов и социальных отношений. Своеобразие инвективности как функционально-семантической категории институционального дискурса состоит в ее относительности: иллокутивная сила профессиональной инвективы нацелена на снятие стресса, «разрядку», регулирование статусов коммуникантов, а также «заполнения коммуникативных пустот». В целом она является частью «социоконсолидирующего» механизма, в котором инвектемы дифференцируют коммуникантов на оси «свой» – «чужой». Объединяющий коммуникантов перлокутивный эффект инвективы лесного анекдота достигается за счет того, что пропозициональное содержание как нарратива в тексте анекдота, так и суждения в тексте шутки, стихотворения, песни соотносится с производственным и личным опытом адресата и адресанта, объединяющим их в категорию «своих».

Литература

Анекдоты про работу// URL: http://anekdot-z.ru/161.html (дата обращения 13.10.14)

Анекдоты из России// URL:http://www.anekdot.ru/id/-1121619002/ (дата обращения 13.10.14)

Виндгольц А. Ничто порочное не прочно// URL:http://books.google.ru/books?id=p73dBAAAQBAJ&pg=PT271&dq=%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8&hl=en&sa=X&ei=I_dgVN33KMviO4fwgJgP&ved=0CB0Q6AEwAA#v=onepage&q=%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8&f=false (дата обращения 13.10.14)

Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика - 1: Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 4-11

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 2001.

Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 144–153.

Кийко И. Охота на волков// URL: http://www.anekdot.ru/tags/%EE%F5%EE%F2%E0 (дата обращения 14.10.14).

Кочетова Н.В. Компьютерный дискурс и формы интернет - коммуникации URL:http://esp-centr.sfedu.ru/documents_centr/Statii/Kochetova_stat'ya_.pdf (дата обращения 4.10.14).

Кудрявцев И. Горящее лето хроника// URL: http://www.proza.ru/2002/12/19-138 (дата обращения 14.10.14).

Манаенко Г. Н. Текст, речевая деятельность, дискурс// Языковая система – текст – дискурс: категории и аспекты исследования. Самара, 2003. С. 6–14.

Мойсеенко А. А. Функционально-прагматические параметры институционального дискурса в производственной ситуации: Автореф. … дис. канд. фил. наук. Иркутск, 2005// URL: http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-pragmaticheskie-parametry-institutsionalnogo-diskursa-v-proizvodstvennoi-situa (дата обращения 1.10.14).

Мохорт Г.Г. Полный реализм// URL: http://samlib.ru/m/mohort_g_g/realizm.shtml (дата обращения 3.10.14).

Об лесниках...// URL: http://umoritet.ru/hoh/2010/11/28/ob-lesnikah.html (дата обращения 13.10.14).

Обмен опытом по изготовлению черенков// URL:http://forums.wood.ru/showthread.php?threadid=257077 (дата обращения 13.10.14).
Огнем на огонь ответили участники командно-штабных учений МПР России// Российская лесная газета. 2005. 27.05. № 19 (97)// URL: http://www.wood.ru/ru/lg_2005_365.html (дата обращения 14.10.14).
Осознанные повороты в лесном деле Японии // URL:http://www.wood.ru/ru/loa731.html (дата обращения 13.10.14).
Пешкова А. В. Трактовка категории комического в XVIII веке // Науки о культуре – шаг в XXI век: матер. конференции-семинара (22 мая 2001 г., Москва) // URL:http: //www.earthburg.ru/earthadm/php/process. php?lang=r&c1=10&id=2&file=peshkova.html (дата обращения 1.10.14).
Является ли Рослесхоз выразителем и защитником интересов большинства лесоводов России? // URL:http: //forestforum. ru/viewtopic.php?f=9&t=8934&start=50 (дата обращения 13.10.14).
9 фактов о лесных пожарах// URL: http: //bg.ru/society/9_faktov_o_lesnyh_pozharah-21635/ (дата обращения 13.10.14).
Hall E.T. The Hidden Dimension. New York, 1969.

А.Р.Гильмутдинова
Казанский федеральный университет (Казань)

СИНОНИМИЧНЫЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СЕМОЙ ‘ОДНОВРЕМЕННОСТЬ’ В АНГЛИЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению синтаксических синонимических конструкций с семой ‘одновременность’ в разностуктурных неродственных языках. Представляется важным выявить сходства и различия семантических и грамматических условий, позволяющих включать конструкции в синонимический ряд в английском и турецком языках.

Ключевые слова: синонимия, синтаксическая синонимия, синтаксический синоним, темпоральность, одновременность.

В сопоставляемых языках соотношения временных событий, явлений, действий компонентов отличаются большим разнообразием, как со стороны самих указанных отношений, так и со стороны способов выражения данных отношений. Как следствие, синтаксические конструкции, выражающие временные отношения могут иметь синонимы, имеющие то же значение, но отличающиеся структурой, способом выражения и другими свойствами.

Временные взаимоотношения в английском языке находят выражение в употреблении временных союзов, неличных форм глагола, своеобразных сочетаниях собственно грамматических средств с лексическим составом сложного предложения. Что касается турецкого языка, в нем нет временных союзов как системы языка. Поэтому выразителем временных отношений являются, прежде всего, неличные формы глагола в определенном падеже в сочетании со специальными аффиксами, послелогами, служебными словами. Следует отметить, что сопоставляемые конструкции рассматриваемых языков обязательно включают компоненты, являющиеся носителями категории предикативности.

В английском языке сема одновременности обнаруживается в структуре значения союзов when, whenever, while, whilst, as. Данные союзы могут вводить *придаточные предложения* в состав сложноподчиненного.

Определим основные средства, способствующие выявлению семного состава:

1) семантика союзов, вводящих придаточные предложения в состав сложноподчиненного. Особенно следует отметить союзы while, whilst («в то время как», «пока»), которые не только указывают на одновременность действий придаточного и главного предложений, но и подчеркивают длительный характер действия сказуемого придаточного предложения: … You never open your lips while you are painting. [11: 24]

2) соположение форм вида в придаточном и главном предложениях:

a) продолженный - общий: While he was putting dishes on the table he snapped at him in Swahili. [4: 117]

b) общий – общий (при употреблении непредельных глаголов типа to stand, to wait, to sit; глагола to be, выражающего понятие бытия; глаголов чувств - восприятия, умственной деятельности, не принимающих форму длительности: While I was in Chicago … I met a young man… [5: 195]

3) соположение форм времени в главном и придаточном предложении (по правилу согласования времен).

4) употребление в придаточных предложениях наречия just, подчеркивающего одновременность действий.

В сложных предложениях с придаточным времени существует взаимная временная обусловленность между действиями главного и подчиненного глаголов: действие глагола-сказуемого придаточного предложения соотносится во времени не с моментом речи, а с действием глагола-сказуемого главного предложения. В свою очередь время действия глагола-сказуемого главного предложения определяется придаточным предложением и оторвано от момента речи. Что касается позиции главного и придаточного предложений относительно друг друга, они могут варьироваться, при этом значение самого предложения не меняется.

Как уже упоминалось ранее, в турецком языке отсутствует система временных союзов. Что касается передачи темпорального значения одновременности в рамках сложноподчиненного предложения, она реализуется в сложноподчиненном предложении с придаточным предложением, вводимым союзом ki. При этом союз ki приобретает значение «когда».

Среди основных признаков данной конструкции можно отметить следующие:

1) глагол в главном предложении маркирован (ı)yordu, -maktaydi, -mişti, глагол придаточного предложения употребляется в форме прошедшего категорического времени;

2) реверсия привычного порядка следования придаточного предложения перед главным придает большую «драматичную характеристику» («dramatic quality» [8: 464]), чем синонимичные полупредикативные конструкции;

3) союз-энклитика ki служит для соединения двух предложений по следующей схеме: главное предложение + ki+придаточное предложение. Для выражения одновременности также используются:

1) развернутое обстоятельство времени на –dık (-acak) в необходимом падеже в сочетании со служебными словами halde, zaman, vakit, sırada, esnada, an, gün, saat;

2) форма на –dık (-acak) с аффиксом принадлежности и с аффиксом местного падежа;

3) форма на –dık (-acak) с аффиксом местного падежа;

4) форма на –dık (-acak) с аффиксом принадлежности в сочетании с müddetçe/ sürece («все время,пока»); nispette («по мере того,как»).

Некоторые лингвисты-тюркологи признают соответствие формы на -dık русскому придаточному предложению времени[2: 286]. Другие считают, что эта форма в сочетании с послелогами, служебными словами является «развернутым членом в составе простого предложения», считая главным определяющим признаком придаточных предложений в тюркских языках «наличие сказуемого в личной форме и отдельно выраженного субъекта в основном падеже» [1: 863-866].

Для формы на –dık (-acak) в сочетании с одним из служебных слов характерны следующие особенности:

1) расположение, как правило, в начале предложения: Evimin kapısını açıp içeri girdiğim zaman, derin bir sessizlikle karşılaştım.[7: 160];

2) время совершения действия, выраженного данной формой, определяется по основному сказуемому. Соответственно, она может переводиться любым временем, чаще совершенного вида: İnsan mahzun olduğu zaman pek karışık düşünür. [10: 37] настоящее время;

3) Подлежащее развернутого обстоятельства времени ставится в основном падеже. Часто, если оба действия относятся к одному подлежащему, может опускаться субъект одного из действий. Это объясняется наличием у сказуемого соответствующих аффиксов принадлежности: ...Eczacı hanım,hasta olduğumu söyledikleri zamanlar,... çantasıyla gelirdi. [7: 330]

В турецком языке можно наблюдать и отсутствие обоих подлежащих, если речь идет о действиях, совершенных одним лицом: Ona sarfettiğim vakte acırım. [10: 9]

Общность структуры обстоятельства времени на –dık со структурой придаточного предложения заключается в том, что служебное слово является своеобразным связующим звеном между данной формой со сказуемым, выражающим основное действие. А сходство со структурой причастного оборота в английском языке и деепричастным оборотом в турецком, русском языках заключается в том, что форма на –dık отглагольная, соответственно, обладает свойствами, характерными отглагольным оборотам (присоединять дополнение, обстоятельство).

В английском языке для выражения одновременности помимо сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями времени используются осложненные предложения с *причастными оборотами или причастием.*

Рассмотрим средства, при помощи которых обнаруживается семантическая структура осложненных предложений с односубъектными причастными оборотами:

1) семантика союзов, вводящих причастные обороты в состав осложненного предложения: while, whilst, as, when, whenever, имеющих значение «в то время как», «пока»: I have felt that myself when listening to my young friend. [8: 57]

2) соположение личной формы глагола в основной части осложненного предложения и причастия в причастном обороте. Для выражения одновременности всегда употребляется причастие настоящего времени на –ing. Действие, выраженное в причастном обороте, рассматривается относительно действия глагола в основной части осложненного предложения, который может стоять в любом времени. Чаще всего глагол стоит в форме времен групп Indefinite и Continuous.

3) Причастие настоящего времени от глагола to be не используется в качестве обстоятельства времени, а выражает причину. Для передачи значения времени в данном случае употребляются придаточные предложения: When he was young…Mad Sam had named the lane High Street [3: 46]

4) В английском языке причастные обороты, выражающие одновременность с действием основной части, соответствуют русскому деепричастию на –я.

В турецком языке роль выражения одновременности, которую выполняют причастия (причастные обороты) английского языка, отводится деепричастиям. Можно выделить следующие деепричастия, передающие значение одновременности:

1) деепричастие, образованное путем присоединения к основе глагола четырехвариантного ударного суффикса –(y)ıp.

2) деепричастие, образованное путем присоединения безударного аффикса –ken к основе настояще-будущего времени. Время действия, выраженного деепричастием на –ken, определяется по сказуемому или контексту: Bir akşam geç satte karanlık sokakta yürürken çalılıkların arkasından boğucu çığlık sesleri duydum.[7: 154]

3) Кроме того, деепричастие на –ken может сочетаться с именами в основном и местном падежах, писаться с ними слитно или раздельно от них: Küçükken bu oynu iyi oynayabileceğemi düşünürdüm.[9: 12] При раздельном написании приобретает форму –iken.

4) деепричастие, образованное посредством присоединения к основе глагола восьмивариантного аффикса -dık и аффикса -ça/-çe: Onları seyrettikçe ben hep bunu düşünürüm. [7: 29]

Таким образом, для вышеописанных деепричастий (деепричастных оборотов) характерны следующие общие черты:

1) выражение сложного понятия, но не законченной мысли;

2) образование путем присоединения аффиксов к основе глагола;

3) невозможность функционирования вне конструкции сложноподчиненного предложения;

4) связь со сказуемым главного предложения без посредства послелогов, служебных форм;

5) определение времени совершения действия, выраженного ними, по времени действия в главном предложении, контексту или до определенной степени лексическим составом.

Наряду с причастиями в английском языке, одновременность действий может выражаться через использование *герундия, герундиальных оборотов*. Среди их особенностей можно отметить следующие:

1) герундии, герундиальные обороты вводятся предлогом in (при, в то время как): …in leaning a little back he had shot over, pie and all. [8: 54];

2) употребляется форма Indefinite Gerund;

3) положение по отношению к главному предложению чаще всего первично;

4) время действия, выраженного герундием, определяется по времени действия глагола-сказуемого главного предложения.

Усеченная форма инфинитива на –ma/-me имеет много общих черт с герундием английского языка. Как и герундий, она имеет характеристики существительного и глагола, способна выполнять функции главных и второстепенных членов предложения и др.

Рассмотрим особенности употребления усеченной формы инфинитива на –ma/-me, выражающей темпоральное значение одновременности:

1) употребляется с послелогом ile, который часто пишется слитно с ней;

2) приобретает аффикс принадлежности;

3) находится в препозиции относительно основной части осложненного предложения.

Таким образом, анализ синтаксических конструкций уровня предложения, выражающих одновременность, в английском и турецком языках, позволяет сделать вывод, что в обоих языках имеются конструкции, способные, при соблюдении определенных семантических и грамматических условий, входить в синонимический ряд. Кроме того, наблюдаются как различия, так и сходства рассматриваемых конструкций языков. К сходствам можно отнести следующие характеристики:

– содержание предикативного компонента;

– возможность использования вспомогательных средств, указывающих на одновременность действия, или бессоюзное присоединение конструкции к основной части предложения;

– в случае осложненных предложений время действия предиката зависимой части определяется по времени действия сказуемого основной части предложения;

– тенденция употребления в препозиции;

– наличие залоговых различий предикатов.

Литература

Баскаков Н.А. Очерки грамматики каракалпакского языка. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.

Дудина Л.Н. Турецкий язык. М., 1993.

Abrahams P. The path of thunder. M., 1986.

American story. M., 1996.

Chandler R. Farewell, my lovely. M., 1992.

Göksel A., Kerslake C. Turkish, a comprehensive grammar. New York, 2005.

Gündüzalp S. Sevgi öyküleri. İstanbul, 2002.

Jerome K. Three men in a boat. M., 2003.

Pamuk O. Sessiz ev. İstanbul, 2001.

Safa P. Şimşek. Ankara, 1999.

Wilde O. The picture of Dorian Gray. Moscow, 2004.

Т.А.Гималтдинов
Казанский федеральный университет (Казань)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ТЕКСТА В ПРОДАКТ-ПЛЕЙСМЕНТЕ

Статья посвящена определению и выявлению характерных черт продакт-плейсмента. Автор предлагает способы анализа названных тектов на примерах отечественных кинофильмов.

Ключевые слова: продакт-плейсмент, реклама, социальный миф.

Практически каждый день, мы часто того не осознавая, смотря фильмы и театральные постановки по телевизору, в кинотеатрах или в театре; читая книги, слушая радио, сталкиваемся с различного рода рекламой, интегрированной в события, происходящие на телеэкране, театральной сцене, в радио-трансляции романа. Данное явление в сфере рекламы принято называть продакт-плейсмент и в настоящей работе мы ставим цель – выяснить, что оно собой представляет, когда и где зародилось, а также на примерах из кинофильмов отечественного производства разобраться, каким образом его интегрируют в текст, какова структура и в чем суть процесса продакт-плейсмента.

Подобного рода реклама почти всегда вызывает негативные ассоциации у ценителей подлинного искусства, однако не стоит упускать из вида, что это явление создало целую новую эпоху в сфере кино и театра за счёт увеличения денежных средств, которые тратятся на производство новых кинолент, постановок и произведений других сфер творчества. К тому же можно задать себе вполне резонный вопрос: если персонажи уже должны находиться в кафе по первоначальном сюжету, разве он станет хуже от того, что это кафе станет рекламируемым продуктом?

Актуальность исследования связана с тем, что рассмативаемая тема практичесчки не исследована: само понятие, как и само явление продакт-плейсмента появилось в русскоязычном пространстве относительно недавно. Следовательно эта область знаний имеет большой потенциал, что и свидетельствуект о высокой актуальности предпринятого исследования.

Новизна. Проблематика области скрытой рекламы на данный момент ещё не раскрыта в полной мере, а по сфере продакт-плейсмента не имеет аналогов.

Цель данной работы состоит в выявлении основных особенностей понятия продакт-плейсмент, определении языковой специфики данного явления.

Для того чтобы понять суть изучаемого нами явления, прежде всего, нам необходимо выяснить что же такое продакт-плейсмент. Продакт-плейсмент – это достаточно новое понятие в русской культуре. Надо отметить, что понятие не имеет устоявшегося графического обозначения, что также говорит о его новизне и неосвоенности носитлями русского языка . Нами выделено трип способа его написания:

1. Product Placement (неадаптированный вариант).
2. Продакт плейсмент (калькированный вариант без дефиса).
3. Продакт-плейсмент (калькированный вариант с дефисом).

Нами выбран последний вариант, так как, на наш взгляд, он передаёт целостность данного понятия и более привычен глазу, в отличие от первого варианта.

Продакт-плейсмент – это приём неявной (скрытой) рекламы, заключающийся в том, что реквизит, которым пользуются герои в фильмах, телевизионных передачах, компьютерных играх, музыкальных клипах, книгах, на иллюстрациях и картинах имеет реальный коммерческий аналог. Обычно демонстрируется сам рекламируемый продукт либо его логотип или же дается упоминание о его хорошем качестве.

Появился этот приём в США. Первым случаем его применения принято считать использование логотипа фирмы Spinach Can, производящей шпинат, в комиксах с участием такого персонажа, как моряк Попай, который был создан в 1929 году. История о том, как шпинат волшебным образом увеличивал силы главного героя, привела к росту потребления консервированного шпината на 30 % на всей территории США. Для фирмы Spinach Can (Честер, штат Иллинойс), производителя консервированного шпината, эти мультфильмы оказали существенную поддержку, и Продакт-плейсмент стал основным рекламоносителем.

Первое, что мы можем выделить из определения, продакт-плейсмент - это реклама, а соответственно имеет ряд особенностей, присущих рекламе, каких именно, попытаемся выяснить далее. Также выделяют три вида продакт-плейсмента по каналам его восприятия: визуальный (показ рекламируемого товара), кинестетический (непосредственное использование продукта) и аудиальный, который в свою очередь ещё делится на вербальный (актёр или голос упоминает название бренда) и невербальный (звук являющийся неотъемлемой частью бренда).

Продакт-плейсмент, как мы отмечали ранее, является рекламой, а значит, имеет ряд особенностей, присущих рекламе, одной из которых является близость к концепции социального мифа. Миф предполагает создание некоего идеального образа для подражания в головах потребителей. И это наиболее удачный способ развития данного направления, так как кино, телевидение, театр, книги и журналы уже давно создают подобные образы, суть же продакт-плейсмента в том, чтобы направить эти образы на продажу каких-то определённых товаров.

Для анализа нами были выбраны примеры использования приёма продакт-плейсмента в отечественных кинофильмах последних лет.

Пример №1.

Источник: к/ф "Тот ещё Карлосон!".

Рекламируемый бренд: витамины Multi-Tabs.

Сцена: Малыш в своей комнате разговаривает с мамой по видео-чату:

Мама: Как первый день в Москве?

Малыш: Нормально.

Мама: Вещи разобрал?

(Малыш оглядывается, на полке крупным планом показан товар рекламируемого бренда)

Малыш: Почти. Всё самое нужное.

Пример №2.

Источник: к/ф "Чёрная молния".

Рекламируемый бренд: интернет-сайт авиа-компании s7.

Сцена: Разговор героев в автомобиле. Дима Майков за рулём, на заднем сиденье Макс и Настя.

Макс: Я, как раз, рассказывал про Венецию. Вы, кстати, не были в Венеции?

Настя: Не-а.

Макс: Можно слетать.

Настя: Ммм...

Макс: Билеты могу заказать прямо сейчас. (Крупным планом показывается смартфон с открытой страницей сайта рекламируемого бренда).

Пример №3.

Источник: к/ф "Самый лучший фильм 2".

Рекламируемый бренд: Минеральная вода "Ариана Кармадон".

Сцена: Драка Моряка с Женихом в квартире Нади (два персонажа дерутся и их прерывает фраза Нади).

Надя: Мальчики, стойте (дерущиеся смотрят на героиню)! Вы забыли про "Кармадон" (рекламируемый бренд находится в руках у героини, драка продолжается).

Какие лингвистические особенности можно выделить в этих примерах?

Во-первых, все три примера имеют повествовательный тип речи, а также принадлежат к разговорному стилю, со всеми присущими ему особенностями в том числе и использованием упрощённых конструкций. Во-вторых, данные примеры практически не содержат эпитетов, что говорит нам о конкретности, повествования, исключающей художественную образность. Более того, стоит заметить что в примере №1 в последней реплике использован приём гиперболы ("Всё самое нужное"). Этот приём увеличивает значимость рекламируемого товара, в данном случае витаминов Multi-Tabs. В примере №2, помимо названия рекламируемого названия товара, присутствует описание его функциональных характеристик, что говорит о том, что реклама сделана с упором на удобство в использовании данного товара, ориентирована на аудиторию, которой важна функциональность данного сервиса: "Билеты могу заказать прямо сейчас". Более того, делается акцент на скорости использования данного продукта и преимуществе его над аналогами с помощь фразы "прямо сейчас", что свидетельствует о демонстрации потенциальному покупателю определённых выгод.

Виды и подвиды продакт-плейсмента . В примере №1 мы видим, что есть лишь визуальная демонстрация товара и нет его словесного упоминания героями, следовательно, – визуальный вид. В примере №2 мы наблюдаем кинестетический вид данного приёма, так один из персонажей демонстрирует использование рекламируемого товара. В примере №3 мы можем отметить аудиальный вид продакт-плейсмента, а точнее вербальное его проявление: название товара озвучивается одним из героев.

Связь продакт-плейсмента с образом главного героя, акцентуализация социального мифа. В примере №1 мы явно видим, что образ главного героя – Малыша связан с рекламируемым брендом витаминов Multi-Tabs, а также с его матерью, что свидетельствует о вовлеченности в круг реципиентов как детей, так и родителей. Если рассмотреть данную ситуацию более детально, то это значит, что детям, мечтающим о приключениях Малыша, предписывается необходимость иметь у себя витамины Multi-Tabs, а мамам, заботящимся о своих детях, подобно матери Малыша, стоит покупать данный товар своим детям.

Рассмотрим теперь пример №2. Здесь мы видим, что образ героя Макса соприкасается с брендом s7. Целевой аудиторией услуг сервиса рекламируемой компании становятся молодые люди, стремящиеся стать успешными и обеспеченным ещё в молодости, подобно использующему данный продукт герою. Таким образом, стремление к успешности в молодые годы связывается с использованием товара рекламируемого бренда.

Отличается от двух предыдущих пример №3. Данный пример демострирует отсутствие видимой связи между между рекламируемым товаром и минеральной водой "Ариана Кардамон". Отстутствие явной связи между рекламируемым товаром и тем или иным героем также мотивировано. Цель отправителей сообщения – высмеять неуместность использования данного приёма другими отечественными картинами, параллельно, хоть и иронично, прорекламировав данный бренд.

Таким образом, продакт-плейсмент – это разновидность рекламы, интегрированной в кино, телевидение, театр, книги, журналы, газеты и другие средства массвой коммуникации, ее цель – использование образа главного героя как образца для подражания. Используемый героем товар будет отмечен аудиторией потенциальных потребителей, ассоциирующих себя с героем. В работе выделены три основных вида продакт-плейсмента по способу восприятия.

Литература

Абыякая О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы её лексикографического описания. Дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2004.

Баркова Л.А. Прагматический аспект использования фразеологизмов в рекламных текстах: Дис. … канд. филол. наук. М., 1982.

Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Барнаул, 2000.

Деткина В.В. Рекламный дискурс как способ социального мифа: Автореф. дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2010// URL: http://www.akarussia.ru/files/docs/zveginceva.pdf

В.И. Голикова
Казахско-Американский университет (Алматы)

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

Лингвистическая политика в многонациональном государстве основана на введении принципа билингвиализма или мультилингвиализма в систему образования. При огромном разнообразии моделей образования выбор подходящей траектории обучения представляет определенную проблему.

Ключевые слова: билингвиализм, полилингвиализм, высшее образование, преподавание предметов на английском языке.

Современный мир является лингвистически разнообразным, по подсчетам ЮНЕСКО, в мире насчитывается от шести до семи тысяч языков [Education 2003: 12]. Ход истории с ее многочисленными завоеваниями, созданием и разрушением государств, определением и изменением государственных границ сложился таким образом, что многие страны являются многонациональными, в них сосуществуют различные лингвистические группы. Потребность в коммуникации привела к появлению таких явлений, как билингвиализм или поли/ мультилингвиализм, которые обозначают один и

тот же феномен, только с разной степенью охвата языков.Обычно под термином «билингвиализм» подразумевают неравное владение двумя языками, так как первый язык (родной), как правило, остается доминирующим в течение всей жизни [Kaplan 1997: 216].Термин «мультилингвиальное образование» был официально введен в 1999 году резолюцией ЮНЕСКО для обозначения использования в образовании, по крайней мере, трех языков: родного, национального или регионального и международного. Резолюция отразила мнение, что только такой подход соответствует требованиям современности [Implementation].

Язык и, следовательно, билингвиализм/ полилингвиализм зачастую рассматриваются в политической плоскости как одна из сторон государственной этнической и языковой политики. Одним из аспектов государственной политики в языковой сфере является регулирование в области распространения языков, направленное на поддержку и развитие языков меньшинства, – традиционная социолингвистика рассматривает подобное планирование как положительный процесс. Критическая социолингвистика отмечает негативный фактор в политике языкового регулирования: «…Политика часто создает и поддерживает различные формы социального неравенства» [Tollefson 2006: 42]. Исследования языковой политики в постсоветских государствах показывают, что последняя точка зрения является верной для большинства стран, где языковая политика продвигает интересы доминантных этнонациональных и политических групп.

В настоящее время разработано более 90 моделей билингвиального обучения [Baker 1996: 7]. Модели полилингвиального/мультилингвиального образования являются вариациями билингвиального обучения. К основным функциям билингвиального образования можно отнести следующие:

- даптация индивидуума к реалиям современного мультикультурного общества;
- совершенствование коммуникации членов общества;
- более глубокое понимание культуры и обычаев других этносов;
- толерантность по отношению к другим культурам;
- конкурентоспособность личности на рынке труда.

В структуре двуязычного/полиязычного образования можно выделить два аспекта: содержательный и процессуальный. Средством их размежевания является язык, который является объектом изучения в содержательной стороне полиязычного образования и средством обучения в процессуальном аспекте [Жетписбаева 2009:114].

Специалисты рекомендуют начинать билингвиальное/полилингвиальное обучение в начальной школе, опираясь на родной язык обучающегося. Модель обучения в данном случае довольно проста: обучение иностранному языку учащихся, которые имеют иной родной язык. Для старших возрастных групп в средней школе можно использовать модель обучения, где иностранный язык является средством передачи информации при преподавании отдельных дисциплин. При этом типичная рекомендация – на начальном этапе обучения как минимум 50 процентов информации должно передаваться ученику на втором языке; постепенно этот объем доводится до 70 процентов [Baker1996: 332].

Республика Казахстан (РК) относится к числу стран с многонациональной и полилингвистической структурой: в стране проживает более 130 этнических групп. Конституция РК гарантирует право каждого говорить на своем родном языке и получать образование на родном языке (Статьи 7 и 19 Конституции РК). Обучение в стране ведется на пяти языках: казахском, русском, уйгурском, узбекском и таджикском. Помимо этого в образовательных учреждениях регионов с компактным проживанием отдельных этносов изучается 16 языков, например, немецкий, украинский, корейский, турецкий и др. [Государственная 2008: 5]. В настоящее время система образования РК переходит на трехъязычие, результатом нововведения должно стать свободное владение тремя языками: казахским, русским и английским.

В 2007- 2008 гг. на основании приказа Министерства образования и науки РК за номером 387 была введена программа внедрения трехъязычия первоначально в 31 школе для одаренных детей. Пилотный проект включал:

– изучение одного или более предметов естественно-математического направления на английском языке;

– преподавание казахского языка, казахской литературы и истории Казахстана на казахском языке в школах с русским языком обучения;

– преподавание русского языка и литературы на русском языке в школах с казахским языком обучения.

Оценка результатов данного проекта в полной мере пока не проводилась, но известны трудности на пути осуществления проекта: неподготовленность и непрофессионализм учителей, работающих в рамках данной программы; отсутствие мониторинга за качеством учебных пособий, выпущенных специально для осуществления данного проекта. Тем не менее, данная инициатива заслуживает внимания и поддержки как со стороны правительства, так и со стороны общественности.

Отдельная проблема – совершенствование языковой компетенции в системе высшего образования. Языковое образование в высшей школе выходит за рамки только лингвистического образования, оно приобретает политическую и экономическую окраску. Выпускникам высших учебных заведений приходится работать в глобализированном мире в условиях жесточайшей конкуренции на рынке труда. Задача высшего образования– подготовить специалиста со свободным владением профессионально ориентированными иностранными языками. Для погружения студента в языковую среду своей специальности вузы вводят преподавание предметов на иностранных языках. Несмотря на общественную и политическую значимость языковой подготовки специалиста, количество исследований, посвященных теме билингвизма/полилингвизма через преподавание предметов на иностранном языке в системе *высшего образования*, весьма незначительно. В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на проблеме преподавания учебных дисциплин, в частности, гуманитарных предметов на английском языке в высшей школе.

Учебные планы вузов Республики Казахстан все чаще стали включать преподавание предметов на английском языке, но академическое сообщество РК даже не приступило к рассмотрению вопроса об *особенностях* педагогики, методологии и методики данной формы преподавания. Проблема преподавания учебных предметов на английском

языке не является новой, в мировой образовательной среде дискуссия о необходимости особого подхода к интегрированному обучению интенсивно ведется со второй половины XX века. С 1990-х годов развивается и активно внедряется методика CLIL (Content and Language Integrated Learning). Но и данная методика, в основном, ориентирована на школьное обучение; вопрос о методике преподавания в вузе рассматривается поверхностно. При методике CLIL учебный предмет полностью или частично изучается через иностранный язык, когда второй или третий язык обучающегося является инструментом для изучения предмета, а иностранный язык изучается через предмет. Методика CLIL не предусматривает создание какой-либо универсальной модели обучения, моделей множество, и каждый преподаватель может создавать свою собственную модель, руководствуясь основными принципами CLIL: преподаватель должен нести двойную ответственность «за развитие языка при преподавании другого предмета» [Do Coyle 2010: 7]. Несмотря на гибкость данной модели, трудностей на этом пути немало. Будучи специалистом в области исторических наук, автор предлагает рассмотреть проблему через призму преподавания истории на английском языке в вузе.

История как учебная дисциплина является благодатным материалом для одновременного изучения предмета и английского языка, на котором уже напечатана и сейчас издается львиная доля источников, английский– это язык подавляющего числа средств массовой информации и язык Интернета. Проблемы возникают уже на стадии введения подобного курса в учебный план: *сколько кредитов* должно быть отведено на дисциплину двойного предназначения: одновременное изучение и предмета, и иностранного языка? В Казахско-Американском университете в Алматы, например, количество кредитов для дисциплины, преподаваемой на английском языке, определяется Государственным стандартом и рабочим учебным планом. Лекции читаются на английском языке, на практические занятия учебная группа делится на категории в зависимости от уровня языковой подготовки студентов. Группа состоит примерно из 10-15 студентов, при такой численности процесс обучения ориентируется на студента, преподаватель может выбирать виды деятельности и технологии обучения, исходя из языкового уровня обучающегося.

Другой проблемой является *нехватка квалифицированных педагогических кадров*. В 70-х годах XX в. некоторые факультеты Казахского государственного университета готовили специалистов для преподавания предметов на иностранных языках, в основном, английском и немецком. Абитуриенты, поступающие на специальные отделения или в специальные группы при факультетах проходили жесткий отбор: они должны были отлично знать профилирующий предмет и иностранный язык. Конкурс был огромный, студентами становились самые достойные. Помимо большей, по сравнению с другими отделениями, учебной нагрузки, студенты спецотделения учились на один год дольше других. В результате факультеты выпускали высококвалифицированных специалистов, которые могли работать в науке, в системе образования, в таких сферах деятельности, где требовалось знание иностранного языка применительно к основной профессии. Позже спецотделения были упразднены, долгое время подготовка таких специалистов в вузах не велась.

Университет Кэмбриджа ввел новый модуль теста под названием Cambridge Exam TKT- Content and Language Integrated Learning (CLIL), который может помочь администрации вузов при подборе квалифицированных кадров.

Даже при решении вышеуказанных проблем остается главная проблема – отсутствие или недостаточная разработанность *методики преподавания*. Личный многолетний опыт автора, получившего специальность преподавателя истории на английском языке, позволяет высказать некоторые соображения по поводу требований к студентам, преподавателям и методике преподавания истории на английском языке в вузе для студентов гуманитарных специальностей:

– абитуриент должен обладать определенной компетенцией и подготовленностью к обучению в системе, где английский язык является средством изучения учебных дисциплин;

– преподаватель истории на английском языке должен обязательно иметь двойную подготовку, что должно быть отражено в дипломе или подтверждено соответствующими сертификатами;

– история как учебная дисциплина имеет собственные цели, методологию, технологии преподавания, определенное содержание; преподавание английского языка имеет свои особенности – данные факторы должны быть отражены в учебно-методическом комплексе дисциплины;

– английский язык как язык преподавания должен соответствовать компетенции студентов;

– содержание курса истории должно быть адаптировано в соответствии с уровнем знания студентами английского языка;

– подбор исторического контекста для студентов *первого-второго курсов* может быть упрощен, лексический материал тщательно отобран, чтобы не допустить учебную перегрузку студентов, грамматика должна проверяться преподавателем и, при необходимости, корректироваться;

– студенты *старших курсов* должны использовать исторический материал преимущественно на английском языке, так как данный подход к обучению предполагает, что в результате комбинированного изучения английского языка и учебного предмета на английском языке, студенты выпускных курсов свободно владеют необходимым лексическим и грамматическим материалом;

– на всех этапах необходимо сотрудничество преподавателя английского языка и преподавателя-предметника с целью выяснения профессиональной специализации студентов и тематики, которую необходимо включить в учебный курс (для преподавателей- языковедов);

– уровня знания английского языка у студентов и консультации по нормам и правилам употребления тех или иных лексических или грамматических форм (для преподавателей – предметников).

Главный вопрос – что дает внедрение преподавания предметов на иностранном языке для студентов? Опросы студентов, проводившиеся автором в течение многих лет, показали, что изучение дисциплины на иностранном языке усложняет процесс обучения, но дуальная подготовка – по предмету и по иностранному языку – способствуют формированию более прочного знания и по предмету, и по иностранному языку и, следовательно, приобретению более высокой квалификации.

Литература

Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011 – 2020.Астана, 2008.

Жетписбаева Б.А. Теоретико-методологические основы полиязычного образования. Автореф. … дис. докт.пед.н. Караганда, 2009.

Baker Colin.Foundations of Bilingual Education and Bilingualism// Multilingual Matters Ltd, 1996.

Do Coyle, Philip Hood, David Marsh. Content and Language Integrated Learning. Cambridge University Press, 2010.

Education in a Multilingual World. UNESCO Education Position Paper, 2003.

Implementation of a Language Policy for the World Based on Multilingualism. UNESCO, 1999.

Kaplan R.B.,Baldauf R.B., Jr. LanguagePlanning// MultilingualMattersLtd, 1997.

Tollefson J.M. Critical Theory in Language Policy.In: Tom Ricento (Ed). An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford, 2006.

В.М.Грязнова, А.Д.Мустапаева
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РУССКОЙ РЕЧИ ЧЕЧЕНЦЕВ-БИЛИНГВОВ НА ФОРУМАХ ИНТЕРНЕТ-СЕТИ

В статье выявляется и описывается специфика типов и видов языковой игры в русской речи чеченских билингвов на форумах Интернет-сети.

Ключевые слова: интернет-сообщение, билингвизм, русская речь чеченца-билингва, языковая игра билингва.

Общение на форумах Интернет-сети характеризуется непринужденностью и свободным отношением к форме речи. Если свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное (острота, шутка, метафора, сравнение), такое явление ученые квалифицируют как «языковую игру», которую рассматривают как реализацию поэтической функции языка. «Играя, говорящий большое внимание обращает на форму речи, а устремленность на сообщение как таковое и есть характернейшая черта поэтической функции языка» [Русская разговорная речь 1983: 172].

Конечно, поэтическая функция языка прежде всего характерна для языка художественной литературы, но она не чужда и спонтанной разговорной речи. По мнению Ш.Балли, «”эстетическая” окраска спонтанной речи естественно входит в общую категорию субъективной оценки и в более частную категорию удовольствия и неудовольствия» [Балли 1961: 212]. Желание не быть скучным, развлечь собеседника, образно и тонко передать свои мысли и факты характерно для всего массива текстов, которые можно определить как реализацию спонтанной речи, независимо от того, является русский язык родным для его носителя, или вторым, усвоенным в процессе обучения. Приведем определение языковой игры А.П.Сковородникова, на которое мы опираемся в своей работе: «Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоня-

ющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы), использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера» [Культура русской речи 2003: 802].

По мнению авторов коллективной монографии «Русская разговорная речь»? языковая игра складывается из двух различных стихий: 1) «балагурства, не связанного с передачей содержания речи, уходящего корнями в явления народной смеховой культуры, когда смешно все грубое, низкое, необычное, перевернутое («изнаночное»), и 2) острословия, когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной, экспрессивной передачей содержания» [Русская разговорная речь 1983: 175].

В русской речи чеченцев-билингвов в Интернет-коммуникации наблюдаются и явление балагурства, и явление острословия. Рассмотрим конкретный материал. В балагурстве смех говорящего/пишущего направлен на форму речи. Комизм создается разными способами преобразования слова, например, в результате изменения тематической сферы обсуждаемого вопроса (из высокой сферы в низкую), неправильного образования падежных форм, не связанного с выражением какого-либо значения. Приведем пример диалога:

А. «***Пустота внутри тов…»*** – Б. ***«У него что кишков не было?».*** В тексте употреблено жаргонное междометие ***тов*** – ’ничего себе!’, ’вот ты даешь’; это междометие чеченцы произносят, когда удивляются или над чем-то смеются.

Пользователь А употребляет существительное ***пустота*** в переносном значении ’отсутствие интересов, стремлений’ (от мотивирующего прилагательного пустой – 2. ’перен. Бессодержательный, ничего не выражающий’ [Сл. Ожегова, Шведовой 1996: 622], а наречие ***внутри*** в значении ’в пределах, в середине человека’, имея в виду душу человека.

Пользователь Б акцентирует иное значение слова ***пустота*** – абстрактный признак по прилагательному пустой в значении ’ничем не заполненный, полый внутри’ [Сл. Ожегова, Шведовой 1996: 622], а наречие ***внутри*** толкует как ’в пределах, в середине внутренностей человека’. В результате заявленная пользователем А высокая (сакральная) тема обсуждения превращается в бытовую (профанную) и возникает эффект балагурства, который усиливается нелитературной формой лексемы ***кишки***.

Кроме того, полагаем, что в данном диалоге пользователь Б выступает под речевой маской малокультурного простачка: ведь для создания комического эффекта он инкрустирует свою речь диалектно-просторечной формой слова ***кишков***. Как пишет М.М.Бахтин, «диалекты становятся как бы целостными образами, законченными типами речи и мышления, как бы языковыми масками» [Бахтин 1965: 511]. Эффект комизма возникает в результате контраста между речевой ситуацией и характерными приметами чужой речи, которые вызывают представление о других пользователях и другой ситуации.

Приведем еще один пример балагурства. Один из пользователей форума Palbu.ru взял себе никнейм ***«ХАЦКЕР».*** На вопрос о значении никнейма и причине, по которой было выбрано именно такое виртуальное имя, пользователь ответил: «***хацкеры – это люди без профессиональных навыков, косящие под хакеров».*** В этом случае перед нами фонетическая деформация слова, коверканье фонетической

формы лексемы. Данный прием языковой игры используется с целью почудить, побалагурить, говорящий не преследует цели сказать нечто остроумное, он хочет подчеркнуть раскованность ситуации.

Острословие как вид языковой игры базируется на содержательной и формальной многоплановости, основанной на контрасте того, что говорится, и фона, которым служит ситуация речи. Данный контраст актуализирует как семантическую структуру слова, так и внеязыковой фон, сопутствующий ситуации речи. Острословие отражает желание говорящего/пишущего пошутить, поиграть с формой слов.

Продемонстрируем такой вид острословия, как **игра со значением многозначного слова в русской речи** чеченцев-билингвов. Многозначное слово способствует развитию ассоциаций в нескольких направлениях, создавая разные семантические поля значений. Такое слово служит объединяющим звеном между смысловыми ассоциациями и на стыке присущих ему значений может создавать неожиданный и богатый образ. Приведем пример одного диалога: А. ***Сюда подтягивайтесь все… Где вы?*** - Б. ***Чё то я невижу здесь турникета***😁.

Пользователь А. использует глагол ***подтягиваться*** в переносном значении ’сосредоточивая, приблизить, подвести куда-нибудь’ [Сл. Ожегова, Шведовой: 535], пользователь Б. возвращает собеседников к прямому значению этого глагола – ’упираясь, держась, подняться’ [Сл. Ожегова, Шведовой 1996: 535]. В результате такого каламбурного сближения разных значение многозначного слова возникает комический эффект.

В следующем примере пользователь в рамках такого явления, как острословие, использует прием **построения необычных языковых единиц**, в нашем случае необычного словосочетания, не характерного для русского языка и русской речи: ***Зубной парикмахер, приветш***.

Автор нарушает законы лексической сочетаемости слова ***парикмахер***, относит его к иному денотату (стоматологу) и тем самым акцентирует распространенный в современном обществе такой вид работы стоматолога, как украшение зубов: отбеливание, инструктирование. Эффект комизма создается в результате нарушения ожиданий носителя русского языка, связанных с типичной лексической сочетаемостью лексем ***зубной*** и ***парикмахер***.

Необходимо отметить, что в данном тексте употреблена гибридная форма нарицательной лексемы, включающая основу русского существительного (без формообразующего аффикса) и формообразующий суффикс чеченского языка *-ш-*, являющийся одним из формантов множественного числа в чеченском языке, который совпадает по своей функции с соответствующим русским суффиксом.

Продемонстрируем такой прием острословия, как **отзвучие с предыдущим словом или с прецедентным словом.** В целях шутки в разговорной речи используется прием экспрессивного отзвучия к лексеме, которая определена носителем языка как базовая. В нашем материале это пример никнейма ***Зайнаб Ди*** (отзвучие с номинацией Леди Ди). Подобные отзвучия могут выражать различные коннотации. В нашем случае это экспрессивнно-эмоциональные оттенки и лингвокультурологические подтексты.

Продемонстрируем такой прием острословия, как **возникновение окказиональных и потенциальных русских лексем.**

В русской речи чеченцев-билингвов мы находим **окказиональные и потенциальные русские** лексемы, т.е. такие, в которых нарушены либо структурные, либо семантические (либо те и другие одновременно) закономерности словообразовательной или формообразовательной модели, к которой относятся данные лексемы.

1. Это существительное ***ПаЗиТиФфФкА*** (= пазитифка)***,*** которое является никнеймом одной из пользовательниц. Данная номинация является мотивированным существительным, образованным от абстрактного существительного ***позитив*** с помощью словообразовательного форманта -к(а) и имеющим словообразовательное значение «лицо женского пола». В русском национальном языке существует высокопродуктивная словообразовательная модель, именующая представительниц женского пола с названным словообразовательным формантом, однако мотивирующие лексемы этой модели именуют лиц мужского пола: студент – студентка и т п. В словообразовательной структуре существительного ***ПаЗиТиФфФкА*** нарушены семантические закономерности, так как в нем в качестве мотивирующего выступает абстрактное существительное: *позитив – позитивка*, поэтому мы определяем его как семантический окказионализм в русской речи. В НКРЯ названное существительное не отмечено.

2. Это лексема ***GrOzNeR*** (на кириллице Грознер), входящая в состав никнейма пользователя **GrOzNeR-95**. Существительное ***грознер*** является мотивированным существительным, образованным от субстантивированного прилагательного Грозный с помощью словообразовательного форманта -ер-. Данное имя, очевидно, обладает словообразовательным значением ’житель местности, указанной мотивирующим словом’. В РГ-80 отмечена схожая непродуктивная модель S + суффикс -ер-, однако она имеет иное значение – ’лицо по отношению к предмету’, например, миллионер, гондольер. На основании изложенных фактов полагаем, что лексема ***GrOzNeR*** относится к семантическим окказионализмам русской речи. В НКРЯ названное существительное не отмечено.

3. Это субстантивированное страдательное причастие прошедшего времени ***Улыбнутая*** (форма глагола *улыбнуться*), являющееся никнеймом одной из пользовательниц. Полагаем, что значение данной формы названного глагола можно описать так: ’находящаяся в состоянии по глаголу *улыбаться*, которое вызвано внешней силой (одушевленным или неодушевленным субъектом)’. И значение, и форма субстантивата ***Улыбнутая*** являются нетипичными, выходящими за рамки образования страдательных причастий прошедшего времени в русском национальном языке, поэтому мы определяем его как семантический и структурный окказионализм русской речи.

4. Словосочетание ***Папина Доча,*** являющееся никнеймом одной из пользовательниц. Оно включает разговорную лексему ***доча,*** представляющую собой результат словообразовательной операции усечения основы нейтрального существительного *дочь* и присоединения к усеченной основе форманта -а. Усечение произведено с целью экспрессивизации, желания придать новое звучание привычному слову *дочка*. Подобное усечение финали русского существительного на -ка, -ик периодически (но нечасто) происходит в заимствованных в русский язык словах, например: разговорно-бытовое

колготы из *колготки*, нейтральное и общеупотребительное *зонт* из *зонтик*. Мы определяем лексему ***доча*** как семантический и структурный окказионализм русской речи.

Лексема ***доча*** распространена в русской разговорно-бытовой речи, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русской речи (далее НКРЯ). В НКРЯ находим 58 документов, 106 вхождений с данным словом. Приведем некоторые примеры. «Перед смертью он опустился и пропил всю обстановку, кроме пианино. Всем ясно, что и ***доча*** и жена не пропадут у нас в Советском Союзе, несмотря на отсутствие обстановки… ***Доча*** закончит школу и, может быть, даже станет профессиональной пианисткой» (Евгений Попов. «Пять песен о водке», 1970-2000).

5. Особого замечания требуют потенциальные лексемы ***душняк, мутняк, скучняк***, выявленные нами в русской речи чеченцев-билингвов, пользователей Интернета.

Они принадлежат к одной и той же словообразовательной модели: Adj + суффикс -ак-, обладающей значением «носитель отвлеченного признака». В РГ-80 данная словообразовательная модель отмечена как продуктивная в разговорной речи и в просторечии (*наивняк, тускляк*), в то же время указанные лексемы не приводятся в списке примеров данной модели.

В НКРЯ существительное ***мутняк*** не зафиксировано, а лексемы ***скучняк*** и ***душняк*** имеют по одному вхождению. Приведем эти единичные примеры. «***Душняк!*** Парфюм французский от фабрики «Свобода» и тот, бедняга, не справлялся, сникал перед сибирской удалью желез многообразных. (Сергей Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева, 1991– 1995). «Может, напьемся, потом погудим с ними. А то лето кончается, а все какой-то ***скучняк***: нечего и вспомнить потом будет» (Владимир Козлов. Порнуха. 2002).

Приведенные факты о степени зафиксированности лексем ***душняк, мутняк, скучняк*** в русском национальном языке позволяют сделать вывод о том, что в русской речи чеченцев-билингвов это **потенциальные** слова, демонстрирующие свободу самовыражения пользователя и хорошее знание системы словообразования русского языка, даже в ее субстандартных ареалах.

6. Форма именительного падежа множественного числа существительного человек (***человеки***) в русской речи чеченцев-билингвов (ассаламалайкум, ***человеки!)*** также является потенциальной лексемой, созданной по образцу форм узбеки, таджики, казаки и т.п.

Необходимо сказать, что в конце 18-19 столетии форма человеки активно употреблялась в произведениях А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, В.С. Соловьева и имела книжную стилистическую окраску. В начале 21 века лексема ***человеки*** обладает ироничной сниженной стилистической окраской. Данная лексема распространена в бытовой речи носителя русского языка. В НКРЯ находим 305 документов, 470 вхождения данного слова. Приведем некоторые примеры. «Она ухитряется оставаться сама собой даже там, где люди и все прочие ***человеки*** становятся ничем». Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004). «***Человеки —*** такие существа, которые никому не поверят, пока мордочкой не тыкнутся». Наши дети: Малыши до года (форум) (2004).

7. Лексема ***киллермен***, являющаяся частью ника **§§§~KILLER]~[MAN]~§§§** одного из пользователей. Полагаем, что данное неузуальное слово создано по образцу следующих заимствованных в русский язык существительных: *конгрессмен, кроссмен*. В нем мы наблюдаем избыточное на фоне семантики мотивирующей лексемы ***киллер***

усиление финали слова суффиксом, имеющим значение «лицо по роду занятий», которое входит в содержание мотивирующей лексемы. Очевидно, пользователю значение ’лицо по роду занятий’ показалось недостаточно коммуникативно акцентированным, и он придумал слово ***киллермен***. В НКРЯ данное существительное не зафиксировано.

В целом выявленные нами факты интерференции лексических навыков в русской речи чеченца-билингва в рамках Интернет-коммуникации демонстрируют тенденции общего характера, наблюдаемые как в ходе взаимодействия двух языков – родного (чеченского) и усвоенного позже (русского), так и в русской речи носителя русского языка как родного. К ним мы относим сленгированность речи, разностильность, стремление к эмоциональности, различные виды языковой игры.

В то же время наши наблюдения показывают, что «язык падонкаф», обсценная лексика в русской речи чеченцев-билингвов, пользователей Интернета, отсутствуют, полное пренебрежение к правилам орфографии также отсутствует (нормы орфографии нарушаются редко), а к правилам пунктуации проявляется безразличие, сокращения (ППКС, имхо – in my humble opinion) отсутствуют, характерна языковая игра, знаки эмоций редки (в основном это скобки радости и печали, смайликов очень мало).

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

И.О. Гурьянов
Казанский федеральный университет (Казань)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КНИЖНОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена обзору программ, которые позволяют изучать статистику использования языковых единиц в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: фразеология, корпус, статистика, трансформации, книжный стиль.

Введение. Вопрос применения математических и статистических методов исследования в лингвистике является давним вопросом на стыке наук. На возможность использования математических методов при исследовании языковых особенностей указывал Бодуэн де Куртенэ. Несмотря на это только в начале XX века с появлением структурной лингвистики ученые начали экспериментировать с применением математических методов для анализа языковых процессов.В.А.Звегинцев выделяет следующих ученых-математиков: В.Я. Буняковского, А.А. Маркова. Языковые элементы рассматривались ими как подходящий иллюстративный материал для построения квантитативных методов или для

статистических теорем, совершенно не задаваясь вопросом, представляют ли интерес результаты такого исследования для лингвистов [Звегинцев 1962:115]

Современные компьютерные технологии дают большой простор для проведения различных исследований. Большие вычислительные мощности позволяют обрабатывать большие массивы данных. Нами были использованы следующие ресурсы: «GoogleNgramviewer» и «Ruscorpora» – корпус русского языка, «BNC» – британский национальный корпус.

Применение методов квантитативной лингвистики во фразеологии является сложной задачей. Это объясняется тем, что основной предмет изучения – фразеологические единицы, обладают следующими характеристиками: воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность, (раздельнооформленность), принадлежность к номинативному инвентарю языка.

Современные российские и зарубежные ученые рассматривают использование фразеологических единиц в контексте. Обзор литературы вопроса показал, что большинство ученых выделяют два вида употребления фразеологизмов узуальный (словарная форма единицы) и окказиональный (трансформация единицы на одном из языковых уровней). Ученые не определили свое отношение к окказиональному способу употребления фразеологизмов: «С одной стороны, подобные преобразования рассматриваются как отклонения от нормы и, следовательно, подвергаются открытой критике. С другой стороны, контекстуальное обыгрывание фразеологических единиц приветствуется как неисчерпаемый источник творческой фантазии носителей языка» [Арсентьева 2009:4].

Основная часть. В ходе нашего исследования нами было отобрано 23 фразеологические единицы книжного стиля из англо-русского словаря под редакцией А.В.Кунина и 30 фразеологических единиц книжного стиля из русско-английского словаря под редакцией С.И.Лубенской.

Книжный стиль речи считается наиболее давним видом речи, так как возник вместе с первыми памятниками письменности. Именно поэтому книжные фразеологизмы являются наиболее связными и реже поддаются изменениям, в сравнении с фразеологическими единицами других стилей.

Э.М.Солодухов своих работах по изучению интернациональных фразеологизмов отмечал принадлежность некоторых фразеологизмов как к интернациональному, так и к книжному пласту фразеологии. Эта позиция подтверждается тем, что наиболее ранними памятниками европейской письменности считаются религиозные труды, включая Библию [Солодухо1989: 35]. Также отмечается, что большое количество книжных фразеологических единиц относится к устаревшей лексике.

Для проверки этой теории мы обратились к двум ресурсам, которые используются при обработке статистических данных языка.

Первая программа GoogleNgramViewer позволяет отслеживать частотность употреблений не только отдельных фраз, но и словосочетаний, а также фразеологических единиц. Программа производит поиск по обширной библиотеке GoogleBooks и отмечает количество употреблений рассматриваемой единицы. Отличительная особенность ресурса состоит в том, что на выбор представляется большое количество языков английский, русский, испанский, немецкий, китайский. С помощью данной программы нами был под-

твержден тезис о том, что большинство фразеологических единиц книжного стиля относятся к устаревшим выражениям. В английском языке у 23 отобранных единиц упики частности употреблений относились к XIX веку и началу XX. Приведем примеры:

ThewingsofAzrael – пик употребления 1923 год;

Appeal to Caesar–пик употребления 1824 год;

Обетованная земля – пик употребления 1847 год;

Почивать на лаврах - пик употребления 1824 год;

В английском языке выявилась следующая особенность – при добавлении артикля в конструкцию фразеологизма пик употребления может сместиться в сторону.

Theburdenofyears– бремя лет приходится на 1856 год;

Theburdenoftheyears – бремя лет пик приходится на 1916 год;

The cask of Danaides – бочка Данаид 1912год;

The cask of the Danaides – бочка Данаид 1823год;

При исследовании частотности употребления русских фразеологических единиц возникла проблема правильного написания фразеологических единиц, так как в 1917–1918 гг. произошла реформа орфографии. База данных GoogleNgramViewer состоит из оригинальных письменных источников, переведенных в электронный вид, что осложняет выявление частотности употребления фразеологических единиц.

Стоит отметить особенность использования программы GoogleNgramViewer. В окно поиска могут вводиться только узуальные образцы единиц, поиск трансформаций, которым подвергаются фразеологизмы, практически невозможен, так как согласно классификации Е.Ф.Арсентьевой существуют следующие типы трансформации:

1. Фразеологический каламбур – обыгрывание переносного значения фразеологизма и буквального значения его компонентов;
2. Замена лексического компонента/компонентов на лексему, связанную с окказионально варьируемым компонентом системными отношениями (синонимией, антонимией, принадлежностью к одному лексико-семантическому полю или одной тематической группе);
3. Вклинивание: 1) вклинивание, при этом вклинивающиеся слова синтаксически связаны с компонентами фразеологической единицы и 2) вклинивание, при котором вклинивающиеся слова синтаксически не зависят от компонентов фразеологизма;
4. Добавление переменного компонента/компонентов к концу или началу оборота;
5. Эллипсис – сокращение количества компонентов фразеологизма
6. Фразеологический повтор;
7. Расширенная метафора – создание нескольких ассоциативных метафор, связанных с базовым значением фразеологизма;
8. Фразеологическое насыщение контекста – простой тип представляет с собой одновременное использование двух или более фразеологизмов; второй тип подразумевает использование сразу нескольких типов контекстуальных трансформаций фразеологических единиц [Арсентьева2009: 8].

Если рассматривать данные трансформации как материал для использования в программе GoogleNgramViewer, то возникают следующие проблемы:

1. Программа не может отличить буквальное значение от переносного, поэтому стоит ограничиться лишь структурными изменениями фразеологических единиц, такими как вклинивание, лексическая замена, эллипсис и добавление компонента.

2. При вклинивании фразеологизма его компоненты могут быть разнесены в пределах предложения, но случаются случаи, когда разрыв выходит за пределы предложения. В результате, программа может пропустить данную трансформацию.

3. В русском языке возникает сложность при поиске единиц в дореволюционных источниках.

Основным источником сбора статистической информации для исследования является национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). Преимущество отечественного корпуса состоит в том, что частотность употребления каждой единицы можно рассмотреть как в синхронии, так и в диахронии. Наиболее важной особенностью следует считать возможность настраивать расстояние удаленности компонентов друг от друга, что позволяет осуществлять поиск единиц, трансформированных с помощью вклинивания, разрыва, лексической замены. Приведем примеры трансформаций, найденных в корпусе:

На смену романтическим порывам энтузиастов приходят здравомыслящие работяги, пытающиеся возвести на своих шести сотках **башню** из какой-нибудь **кости**, а то и цельный воздушный замок. [Дмитрий Бавильский.Новые стихи // «Дружба народов» 1999; НКРЯ]

Пример вклинивания в структуру фразеологической единицы с помощью местоимения.

Не правда ли, какая печальная, но и какая знаменательная **заключительная** нота в этом глубоко мрачном **аккорде** [В. Г.Короленко. Толки печати о Мултанском деле (1896); НКРЯ]

Но **черное** газетное **дело** давно уже опостылело ему [А. И. Куприн.Яма (1915); НКРЯ]

Расширение смысла фразеологической единицы с помощью вклинивания смыслового компонента.

Немаловажным аспектом, влияющим на удобство обработки и пользования программы, является вкладка «статистика» и «распределение по годам». Система строит графики частотности употребления данной единицы по временной оси. Во вкладке «статистика» мы наблюдаем статистику по метаатрибутам, стилистическое направление текста, пол автора, что делает интересным исследование с точки зрения гендерной лингвистики и другие показатели.

Британский национальный корпус языка (natcorp.ox.ac.uk) не располагает столь подробной статистической информацией при поиске языковых единиц, что отчасти компенсируется сторонними приложениями, BNCWebatOxford, BNCWebatLancasterUniversity. Для использования этих приложений необходимо зарегистрироваться во внутренней сети этих университетов, что в рамках исследования пока невозможно.

Стоит отметить, что, несмотря на большое количество статистических данных, полученные результаты требуют тщательной проверки, так как среди единиц с переосмысленным значением могут быть и свободные сочетания слов.

Заключение. Современное программное обеспечение позволяет облегчить поиск фразеологических единиц и способов их использования. Основная проблема при поиске фразеологизмов и их трансформаций заключается в невозможности для программы разделить прямое и переносное значение слова и словосочетания. При дальнейшем развитии искусственного интеллекта и создании самообучающихся систем поиска данная проблема может быть решена.

Программы по высчитыванию статистики при изучении фразеологических единиц значительно облегчают труд ученого по исследованию фразеологических единиц в диахроническом аспекте.

Тезис о том, что книжные фразеологические единицы принадлежат к устаревшему пласту лексики, подтвердлися лишь для английского языка, где пики использования 23 отобранных единиц пришлись на XIX в. и первую половину XX в., в русском языке, напротив, была отмечена растущая тенденция к популярности некоторых книжных фразеологизмов.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Контекстуальное использование фразеологических единиц. Казань, 2009.
Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения. Казань, 1989.
Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е, переработанное и дополненное.М., 1984.
Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. 2-е изд. М., 2004.
Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.

Программное обеспечение

http://www.ruscorpora.ru/
http://www.natcorp.ox.ac.uk/
https://books.google.com/ngrams

Гэн Цзе
Казанский феденальный университет (Казань)

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Современные научные изыскания часто обращаются к понятию «бинарная позиция», стремясь выявить в том или ином исследуемом объекте наличие так называемых «полярных» явлений, служащих отражением или одним из способов репрезентации исследуемого объекта. Так, термины «бинарность», «бинарная оппозиция», «бинаризм» активно употребляются в философии, социологии, психологии, антропологии, культурологии, концептологии, этнологии, лингвистике.

Согласно Этимологическому словарю русского языка, слово «бинарный» заимствовано из латинского языка «binarius» [Шанский 1965: 120]. «Словарь иностранных слов» дает следующее толкование: «Бинарный [лат. binarius] – двойной, состоящий из двух частей, компонентов и т.п.; бинарное счисление – двоичная система счисления, в которой все числа записываются с помощью двух цифр, например, 1 и 0; бинарные

сплавы – сплавы, состоящие из двух металлов (например, меди и олова) или металлов и неметаллов (например, железа и углерода)» [Словарь… 1964: 103].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой также присутствует определение понятия *бинарность*. Однако, на наш взгляд, в определении О.С. Ахмановой есть некоторое имплицитное указание на равноправность упоминаемых составных частей, что является немаловажным фактом: «Бинарный, англ. Binary. 1. Составленный из двух частей, имеющий две составляющих (англ. constituents). 2. Исходящий из двучленности как обязательного (конституирующего) свойства изучаемого лингвистического объекта и, следовательно, методологической основы его исследования и описания. Бинарный принцип (дихотомический принцип) англ. binary principle. Принцип описания языковых систем, основанный на предположении, что фонологическая - и даже морфологическая - система каждого языка поддается сведению к ограниченному числу бинарных оппозиций. Бинарное противопоставление *см.* противопоставление)» [Ахманова 1966: 67].

В данной словарной статье также имеется указание на лингвистическую природу бинарности и истоки формирования и развития данного понятия в рамках лингвистики. Так, первые упоминания о бинарности структур относят к деятельности Пражского лингвистического кружка.

Изучение бинарных оппозиций характерно для структуралистских изысканий Романа Якобсона, в рамках которых бинарные оппозиции рассматриваются как некоторая характеристика человеческого разума [Якобсон 1985]. В данном контексте бинарные оппозиции рассматриваются как некоторый упорядоченный способ восприятия и отражения окружающего мира, что в свою очередь непременно актуализирует в сознании человека знания о категории антонимичности, знакомой всем с раннего детства. Так, всем хорошо известны следующие оппозиции: правда – ложь, свет – тьма, добро – зло и т.д. Основоположниками изучения бинарных оппозиций являются представители научной мысли Древней Греции и Древнего Рима (Платон, Аристотель и т.д.). Введение термина «бинарная оппозиция» в лингвистический тезаурус было осуществлено Н.С. Трубецким.

Наличие данной оппозиции имеет физиологические причины: в первую очередь это обусловлено тем, что мозг разделен на два полушария, каждое из которых призвано строго выполнять закрепленную за ним функцию; во-вторых, строение человека имеет четкое деление на левую и правую части.

Далее бинарная оппозиция переходит на новый этап развития, что обусловлено когнитивной эволюцией сознания, благодаря чему начинаются выделяться дифференцирующие признаки каких-либо наблюдаемых явлений. Естественно предположить, что первые дифференцирующие признаки в рамках лингвистики будут развиваться в результате наблюдения за наиболее доступными для восприятия явлениями, что повлекло обращение к звуковой оболочке речи – фонетическому уровню языка. Так, известно, что звуки можно дифференцировать по следующим признакам: наличие/отсутствие препятствий при прохождении воздушного потока из легких (согласные и гласные звуки), степень звонкости (звонкие и глухие звуки), степень твердости (мягкие и твердые звуки). Данные дифференцирующие признаки находились под пристальным вниманием членов Пражского лингвистического кружка, особенно

Н.С.Трубецким, который разработал методологию наблюдения и изучения оппозиций, что находит применение и во многих современных лингвистических исследованиях.

Представляя бинарную оппозицию как крайние и резко противоположные члены некоторой оси координат, естественно предположить, существуют ли в данной системе члены, представляющие собой далеко не крайние точки избранной оси координат. Данные размышления обусловлены математическим восприятием оси, на которой обязательно выделяется нейтральная точка, отражающая усредненное выражение признака, а также диаметрально противоположные значения признака. Наличие некрайних точек, а также точки, отражающей нулевую степень проявления признака, обращает ученых к следующему размышлению: при каких обстоятельствах степень проявления признака сводится к нулю, то есть признак никак не проявляется.

Данные размышления были предприняты и учеными Пражского лингвистического кружка, в результате чего в фонологии появилось понятие нейтрализации звука. Так, для русского звука характерно оглушение согласного на конце слова: труд, сад, город.

Следующим этапом исследования бинарной оппозиции является использование данного явления в рамках художественного текста, где приводимая оппозиция направлена на создание некоего образа либо на противопоставление функционирующих в тексте героев.

Большую роль в исследовании бинарной оппозиции сыграли труды выдающегося антрополога, лингвиста – Клода Леви-Стросса. По его мнению, бинарная оппозиция является основным принципом восприятия окружающего мира. Ученым приводится философская причина развития исследуемой категории. В конце XIX века выходит в свет работа логика А.Кемпе, в которой четко представлена следующая мысль: для человека свойственно мыслить диадно: в любом событии человеческое сознание стремится выделить противоположные явления. Также отмечается, что именно диадное мышление лежит в основе любой из триад: третий компонент представляет собой нейтрализованную позицию какого-либо признака.

К. Леви -Стросс предпринял попытку сравнения мифа с языком, так как у мифа также есть внутренняя структура, не осознаваемая его носителями. Определение структуры мифа посредством вычленения бинарных оппозиций позволит определить культуру народа, его национальные особенности, сформировавшиеся ценности. Базой для вычленения оппозиций послужили данные пяти органов чувств («теплый – горячий», «горький – сладкий», тихий – громкий»), а также отношения между логическими и абстрактными категориями («единичное – целое», «жизнь – мерть», «порядок – хаос» и т.д.).

Следующая, не менее интересная, мысль К. Леви -Стросса заключается в том, что мышление даже первобытного человека аккумулировала набиравшийся опыт не просто в каких-то категориях, а в целых «ансамблях» логических категорий, также представленных в бинарных оппозициях («свет – тьма», «день – ночь», «левое – правое») [Леви-Стросс 2006].

Принимая во внимание тот факт, что бинарная оппозиция представляет собой крайние единицы, часто подчеркивается, что «чистая» оппозиция проявляется крайне редко, так как выявление оппозиции связано с особенностями восприятия человека того или иного феномена. Так, В.П.Топоров, описывая оппозицию «судьба – случай», приходит к выводу о том, что выделение полярных понятий, связанных с восприятием

определенного/ неопределенного, беспередельного/ определенного, допускает внутреннюю интерференцию, проявляемую на уровне семантики слов данной категории, что также обусловливается и этимологией слов.

Перечисленные факты свидетельствуют о некотором единстве, анализируемых оппозиций: «Об этом единстве двух полюсов – судьбы, полностью чуждой случайности, и случая, никогда не выступающего как необходимость, – можно догадываться и по тому, что между ними всё-таки лежит некое промежуточное пространство, заполненное явлениями «переходно-соединяющего» характера - воля богов, духов, разных сил - добрых, злых и нейтральных, - которые в одних случаях достаточно мощны, чтобы их принимали как судьбу, а в других - достаточно слепы (хотя и не абсолютно), чтобы отождествлять их волю с действием случая. Как бы то ни было, известное сродство судьбы и случая лежит не столько в их собственных особенностях, сколько в том, какими они представляются рефлектирующему над ними человеку» [Топоров, 1994: 38-65].

Охарактеризованные выше дополнительные особенности восприятия философских категорий придают данным категориям дополнительные, не крайние, оттенки, безусловно, расширяет палитру картины мира реципиента.

Полярные оппозиции исследуются и семиотикой. Так, В.В.Иванов отмечает сходство бинарных оппозиций с теми категориями, которые зафиксированы в фольклоре и мифологии. Кроме того, устанавливаемая оппозиция дополняется промежуточными членами, что делает ту или иную категорию более насыщенной: «Мифологические и ритуальные системы двоичных символов, соотнесенных с дуальной организацией коллектива, обычно характеризуется проведением дальнейших членений, благодаря чему (как и в языковых системах) с помощью композиции бинарных отношений строятся тернарные и еще более сложные структуры» [Иванов 1972, 206].

Бинарность, как писали В.В.Иванов, В.Н.Топоров, могла являться средством отражения мировосприятия, способом репрезентации известных атрибутов какого-либо предмета: «Вариантом устойчивого размещения атрибутов внутри единых параметров – серия бинарных противопоставлений, каждый из членов которых (или вся цепь соответствующих членов) закреплен за одним из персонажей» [Иванов, Топоров 1975, 70]. Причем учеными приводятся следующие оппозиции: верх – низ, небо – земля, огонь – вода.

Полярное восприятие ситуации и соответствующее поведение характерно для русского менталитета: не случайно говорят, что «середины не знает», «бросается из крайности в крайность», «либо пан, либо пропал». В данном случае в качестве основополагающего критерия для выделения бинарных оппозиций рассматривается издавна существовавшая религиозная оппозиция «рай-ад». И хотя в западных религиях имеется и третий компонент – чистилище, для русской православной традиции он не характерен.

Современные лингвистические исследования, построенные на исследовании различных оппозиций, избирают следующие термины: концепт – антиконцепт, концептуальная оппозиция, концепт– оппозиция, семантически сопряженные категории и т.п. С.Г. Воркачев в статье «Лингвокультурная концептология: становление и перспективы» отмечает, что антиконцепты, которые вместе с концептами составляют единое комплексное восприятие мира, что зафиксировано уже в следующих оппозициях: счастье-несчастье, праведливость-несправедливость [Воркачев 2007: 19].

В книге «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» Ю.С.Степановым также выделяются антиконцепты, развившиеся на основе базовых представлений человека: нормальное состояние – болезнь, страдание – наслаждение, искренность – ложь [Степанов 2007: 159 – 160]. Возможно также и следующее восприятие концептов: бинарные концепты трактуются как категории, имеющие семантическое сопряжение, характеризуемые непрерывностью пространства семантики, имеющие зону семантической интерференции, согласно которой выделяемая категория в определенных условиях развивает положительную или отрицательную коннотацию [Моспанова, 2005; Невинская, 2006; Хутова, 2008; Русина, 2008].

Необходимо также подчеркнуть, что в крайних точках оппозиции зафиксированы наиболее типичные и широко распространенные антонимичные признаки какой-либо категории.

Интерес к изучению бинарных концептов обусловлен также возможностью вскрыть внутренние особенности построения данных концептов, проследить, симметричны ли они по своему составу или же абсолютно ассиметричны.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М., 2004.
Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. / под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. Волгоград, 2007.
Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2006.
Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
Топоров В.Н. О мифопоэтическом пространстве: Избр. ст. Pisa, 1994.
Шанский Н.М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004.

Д.Н.Давлетбаева
Казанский федеральный университет (Казань)

АСИММЕТРИЯ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Проведен анализ структурно-семантических способностей фразеологизмов, обусловливающих различные трансформации в семантическом и грамматическом плане фразеологических единиц. Фразеологический фонд находит выражение в многочисленных проявлениях асимметрии языка. Выявлен структурный диапазон фразеологических единиц: от одновершинных фразеологических единиц, содержащих только один знаменательный компонент, до фразеологизмов со структурой сложного предложения. Структурная сложность фразеологизмов сочетается с семантической осложненностью. Активность преобразовательных процессов во многом определяется изоморфизмом содержания и формы, под которым понимается способность фразеологизмов члениться не только синтаксически, но и в смысловом плане. Асимметрия в сфере фразеологии – это отсутствие полной регулярности и единообразия в системе.

Ключевые слова: симметрия, асимметрия, семантика, фразеология

Асимметрия свойственна всем системам и уровням языка. Особенно яркое проявление она находит во фразеологии. Выражаясь образно, фразеология соткана из асимметрий, аномалий и парадоксов. Асимметрия в сфере фразеологии – это отсутствие полной регулярности и единообразия в системе. Наличие несоответствий и аномалий является онтологическим свойством фразеологии и проявляется в таких характерных для ФЕ антиномиях как раздельнооформленность внешней структуры и единство смыслового содержания ФЕ; устойчивость узуальной формы и склонность к окказиональным инновациям.

Общеизвестно, что языковая система не является жесткой, симметричной во всех своих звеньях. Она содержит как упорядоченность элементов, так и асимметрию. Асимметрия – непременный атрибут системы. К явлениям асимметрии можно отнести образность – безобразность, моделируемость – немоделируемость, полисемию – моносемию, раздельнооформленность – цельнооформленность и многие другие. Противоречивый характер фразеологической микросистемы находит выражение в многочисленных проявлениях асимметрии языка.

Фразеологизмы в отличие от слов являются раздельнооформленными образованиями. Их структурный диапазон весьма значителен: от одновершинных фразеологических единиц, содержащих только один знаменательный компонент, до фразеологизмов со структурой сложного предложения. Структурная сложность фразеологизмов сочетается с семантической осложненностью.

Устойчивости значения и воспроизводимости фразеологической единицы предшествует длительный путь становления формы и переосмысления буквального значения компонентов словосочетания. Однако симметрия знака *одно значение = одна форма* сменяется вариативностью формы и значения: фразеологизм стремится разорвать жесткие рамки формально-семантического равновесия и обрести новую форму. Направление последующего семантического и/или структурного варьирования определяется степенью ассимиляции компонентов ФЕ в языке, их способностью к образному переосмыслению, мотивировки и языковых ассоциаций ими вызываемых, прочностью интертекстуальных связей языковой единицы.

Высокая частотность использования ФЕ в речи способствует упорядочиванию структуры его значения, снижению экспрессии и постепенному вымыванию эмотивности и оценочности, на смену которым приходит стилистическая нейтральность. Таким образом, в этом состоянии (высокая частотность употребления, прозрачная внутренняя форма, мотивированность) узуальный фразеологизм, сохраняя асимметрию формы и значения, становится объектом фокуса внимания номинатора. При этом прагматические принципы эмфазы, экономии, эвфемизации, детерминирующие дихотомические механизмы модификаций знаков языка, обеспечивают динамику развития знака. Требование интенсификации смыслов приводит к тому, что номинатор, следуя своим интенциям, ищет возможные способы установления симметрии формы и содержания фразеологического знака за счет ряда операций: сужение/расширение состава, замена, изменение последовательности, изменение категориальной принадлежности знака и др. Например, изменения семантического порядка могут затронуть категориальную семантику исходной единицы, ее индиви-

дуальную семантику, а также то и другое одновременно: **to find a mare's nest** *попасть впросак* - **a mare's nest** *заблуждение* . В русском языке: «*... Потом – опять звонок Златогурова. И к утру его привезли в больницу. Когда разорвется этот круг? Что раньше кончится? Все кружится* ***в беличьем колесе****: ноги Златогурова, камни моей почки, гастроскопы на балансе…*» (Крелин Ю. Без затей).

Континуум фразеологических трансформов содержит окказионализмы, в которых изменены как формальная структура (**в ажуре, полный ажур → ажур был полный**), так и семантика (за счет ввода интенсификатора – **не, неполный**): «*Что скажешь в свое оправдание? – Полный ажур! ... Это главное, – сказал Молотков, помолчав, – чтобы* ***ажур*** *был* ***полный. Неполный*** *– это уже* ***не ажур***» (Валуев Г. Срок давности). Для сравнения: *С ЕГЭ у нас* ***полный ажур?*** (Глебова М. // Вечерний Петербург. 1.07.2009.). Как видим, в представленной иллюстрации наблюдается трансформация ФЕ, в основе которой – вычленение введенного интенсификатора ***неполный.*** При этом попадая в новый контекст, отличный от традиционного, фразеологический трансформ вновь "зажигается" (термин А.А. Реформатского), то есть обретает некоторую коннотативную нагрузку.

Большинство ученых придерживается мнения, что замена лексического компонента (реже компонентов), прием субституции является одним из самых распространенных типов контекстуальных трансформаций, например П.А. Абреимова, Е.Ф.Арсентьева, А.Р.Абдуллина. Замена компонента фразеологической единицы словом или словосочетанием типична для всех изучаемых языков.

Частным случаем субституции является *конверсная трансформация*, при которой глагольные компоненты заменяются глаголами, передающими обратные отношения. Например, **держать** в ежовых рукавицах – **попадать** в ежовые рукавицы. Таким образом, происходит замена ситуации, отражающей действие, производимое определённым субъектом, ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производимое другим субъектом. Конверсная трансформация, отражающая подобную замену ситуации, обусловленную изменением субъекта действия, может быть названа “конверсией ситуации” или “ролевой инверсией”.

Изучение фразеологического материала в русском и английском языках показывает, что изоморфизм семантических признаков, внутренняя форма и образность компонентов, сочетающихся в пространстве одной языковой единицы, играют в описанном процессе существенную роль, формируя фразеологический образ, создавая яркое представление, отличное от прототипа за счет изменения в составе или форме. При этом окказиональное фразообразование детерминировано следующими причинами: вычленение ключевого компонента, синтаксическая и морфологическая трансформации, изменение категориального значения, расширение компонентного состава ФЕ, контаминация ФЕ. Благодаря действию ряда субъективных факторов, а именно: потребность говорящих в экспрессивно-образных средствах, «спрос» на языковые средства определенной семантики в конкретную историческую эпоху, ассоциативная сеть изучаемой лингвокультуры, образные ФЕ подвержены наиболее интенсивному обновлению в языке.

Литература

Абреимова Г. Н. К вопросу об объеме фразеологии в русском языке / Г. Н. Абреимова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 85-летию проф. А. Н. Кожина. М., 2004. С. 212.

Давлетбаева Д.Н. Индивидуально-авторская фразеология: вызов времени и объективизация в языке (на материале русского, английского, французского и турецкого языков). Казань, 2012.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. 3-е изд. М., 1965. Ч. 2. С. 90–91.

А.А.Десятниченко
Омский государственный педагогический университет (Омск)

ОБРАЗЫ ЦВЕТОВ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ ПОЭТЕСС ЛИ ЦИНЧЖАО И СИ МУЖУН

В статье рассматриваются особенности использования цветочных образов в любовной лирике китайской поэтессы эпохи Сун Ли Цинчжао (цветы сливы, лотос, хризантема) и современной китайской поэтессы Си Мужун (цветы сливы, лотос, жасмин).

Ключевые слова: цветочный образ; Ли Цинчжао; Си Мужун; цветы сливы; лотос; хризантема; жасмин; поэзия; любовная лирика; династия Сун.

Образы цветов – неотъемлемая часть поэзии и прозы Китая. В литературных произведениях китайских авторов цветы зачастую являются не просто предметами любования, но еще и аллегорическими образами. Исходя из традиционного представления о гармонии человека и природы, а также знаний об особенностях разных видов цветущих растений, китайские поэты наделяли цветы самыми разными человеческими качествами.

Одним из величайших мастеров слова сунской эпохи была поэтесса Ли Цинчжао (1084 – 1151 гг), чьи стихи по праву принадлежат к числу высших достижений литературы Китая. Её поэзия отличается глубокой искренностью и достоверностью: все, о чем говорится в ее стихах, основано на действительно пережитом, будь то радость или тоска, любовь или разлука [Басманов 1970: 112]. Именно поэтому поэзию Ли Цинчжао можно называть автобиографичной.

Одной из ярких особенностей поэзии Ли Цинчжао является большое количество цветочных образов, зачастую имеющих символическое значение. В ходе исследования было проанализировано 50 стихотворений поэтессы Ли Цинчжао на любовно-лирическую тему. Было установлено, что в стихотворениях поэтессы наиболее часто встречаются образы цветов сливы (40% из числа проанализированных стихотворений), лотоса (16%) и хризантемы (20%).

В стихотворениях, где использовался образ цветов сливы, Ли Цинчжао, главным образом, пишет о своей любви к мужу и о горестях разлуки с ним. Поэтесса проводила параллель между образом сливы и собой в молодости, что помогало ей отвлеченно писать от

третьего лица и глубже раскрывать собственные переживания. Об этом свидетельствуют такие глаголы, как: запуталась, печалится, завидует, – так как именно эти глаголы передают в первую очередь человеческое состояние, переживания. Например: «梅怨» – «печалится слива», «梅定妒» – «завидует слива», «梅萼残» – «бутон сливы запутался».

В стихотворениях с образом лотоса красной нитью проходит мотив любви к мужу. Но, в то же время, звучат слова женщины, которая смирилась со своей судьбой: «莲子已成荷叶老» – «Закончились семена, состарились листья лотоса», «谁教并蒂连枝摘» – «кто же удержит два лотоса на одном стебле» (о любящих супругах в разлуке). Ли Цинчжао предстает уже не хрупкой девушкой, а совершенной, красивой молодой женщиной, которая ищет утешение скорби разлуки с мужем в своем творчестве.

Основной идеей стихотворений, в которых использовался образ хризантемы, служит мысль о безвозвратно ушедшем счастье. Ли Цинчжао пишет «Лучше опьянеть за чашей вина, чем лишний раз украшать себя хризантемами», говоря тем самым, что для неё душевное спокойствие важнее новизны украшений. Хризантема ассоциируется с благородной, статной женщиной, чья красота таится в мелких морщинках возле глаз, гордой осанке и невозмутимости взгляда.

В произведениях поэтессы Ли Цинчжао эпохи Сун она чаще всего сравнивает себя с цветком, образ которого глубже и ярче всего может передать её чувства на данном отрезке жизненного пути. В молодости Ли Цинчжао страдала от незавидной судьбы находиться вдали от любимого мужа, поэтому выбрала образ нежной, пылкой и стойкой сливы. Для передачи своих чувств и стремлений в более зрелом возрасте, который сама поэтесса характеризует как «период гармонии», она использует образ лотоса. Красоту же увядания Ли Цинчжао описывает с помощью образа благородной хризантемы.

Одной из наиболее известных современных поэтесс признана Си Мужун (р. 1943). Её поэзия самобытная и яркая. Её стихи наполнены душевной теплотой, любовью и тоской по родине [Китайская 1986: 336]. Также находят отражение сюрреалистические сны и явления действительности, которые кажутся то совсем близкими, то давно прошедшими. Поэтические произведения сочетают невероятное мастерство владения словом и такие известные всем приёмы, как вопрос к читателю или стилистические повторы.

При анализе стихотворений Си Мужун нами было отмечено, что жизнь поэтессы тесно связана с образом лотоса: воспоминания из детства, легенды, религия, – все это нашло отражение в поэтических строках: «佛陀般静坐于莲花之上» – «Будда, словно в лодке, сидел в чаше лотоса». Среди 50 проанализированных стихотворений поэтессы образ лотоса встречается 20 раз (40 %).

Были выявлены следующие качества, приписываемые лотосу: совершенный善 «善藕香残» – «совершенный лотос опадает», гармоничный 谐 «绣面谐芙饰» – «гармония лотоса украшает», «一朵永不凋谢的荷» – «вечноцветущий лотос». Глаголы, с помощью которых Си Мужун описывает лотос: «慎重地开了» – «осторожно раскрылся», «出水的莲» – «показавшийся из воды лотос», «千朵芙蓉淡淡地开在水中» – «тысячью цветов тихонько раскрылся в воде», «开得轰轰烈烈» – «бурно цветет», «山芙蓉迟迟开放» – «горный лотос поздно расцвел».

Лотос для Си Мужун является символом всего того, о чём она мечтает, чего желает достичь: возвращение на родину, обретение гармонии, полнота и спокойствие жизни. Поэтесса «отдаёт себя во власть образа» и надеется, что сможет найти свое место среди мирской суеты.

Образ цветов сливы в произведениях Си Мужун использовался 7 раз (14%). Мы встретили такие описания как «神奇的梅花» – «сказочная слива», «苍白梅花» – «безжизненная слива», «枯萎的梅花» – «одряхлевшая слива».

Что касается глаголов, то наиболее ярким описанием мы считаем следующее: «还没开过就枯萎了的花» – «цветы ещё не успели раскрыться, а уже опали», «剪下梅» – «срезать ветку сливы», «谁摘下的梅花» – «кто сорвал цветы сливы?».

Образ жасмина в проанализированных лирических произведениях встретился 6 раз (12 %). Поэтесса характеризует цветок следующим образом: «茉莉的清香» – «нежный аромат жасмина», «清香的蓓蕾» – «благоухающий бутон». Глаголы, с помощью которых Си Мужун описывает жасмин: «摘下的茉莉» – «сорванные цветы жасмина», «一丛盛开的茉莉» – «буйно цветущие цветы жасмина».

Образы сливы и жасмина передают чувства, надежды и переживания Си Мужун в определенные периоды жизни поэтессы. Слива, являясь прообразом красоты и молодости, невольно напоминала поэтессе о потерянных годах и возможностях, поэтому во всех лексических планах она характеризуется довольно резко, даже уничижительно. Образ жасмина, напротив, свидетельствует о поиске своего места в жизни и пути к гармонии и счастью – поэтесса говорит о чистоте помыслов, стойкости, которой научила её жизнь, и уверенности следовать своему пути.

Многие китайские поэты любили и воспевали в стихах прекрасные цветы. Среди них нежные цветы сливы, царственные пионы, благородные лотосы и тд. Каждый поэт стремился передать свое виденье и ощущение красоты этого мира через образы цветов.

Стихотворения Ли Цинчжао были формой любовного послания и всегда имели определенный адресат. Произведения же Си Мужун написаны во времена душевного разлада, и потому адресованы самой себе. Выразив тоску по давно ушедшим дням молодости и отчаяние, владевшие ей, она надеется найти покой и гармонию.

Мир цветов – залог бессмертия красоты, вдохновения и мудрости. Проанализировав теоретический материал по данной теме, мы пришли к следующему заключению: образ цветка – неотъемлемая художественная деталь лирических произведений сунской поэтессы Ли Цинчжао и современной поэтессы Си Мужун. Каждый из цветов не просто копируется и переносится на бумагу в форме слов, а предстает перед читателем целым миром неразгаданных тайн. Поэтессы привносят новые оттенки, свои чувства и переживания, придавая тем самым своим произведению автобиографичность и интимность.

Литература

Басманов М.В. Предисловие/Ли Цинчжао. Строфы из граненой яшмы. М., 1970.中国大百科全书•中国文学 (Китайская большая энциклопедия. Китайская литература). 上海., 1986.

Л.Э.Довбня
Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет
им. Григория Сковороды (Переяслав-Хмельницкий, Украина)

СЕМАНТИКО-ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАСЛАВЯНСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЖИВОТНЫХ ИЗ СПИСКА М. СВОДЕША В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются семантические изменения четырех праславянских по происхождению лексем русского языка в сопоставлении с украинскими, представляющими тематическую группу «названия животных» из известного списка американского языковеда М. Сводеша. Акцентируется внимание на основных семантических процессах, которые являются регулярными и продуктивными в рамках описанной лексики. Сопоставляются последствия историко-семантических изменений исследуемых существительных в современных русском и украинском языках. Делаются выводы об общих и отличительных образованиях в ядре и на периферии семантических структур описанных слов. Анализ охватывает длительный период (от праславянской эпохи до современной), в связи с чемавтор статьи использовал значительный массив лексикографических изданий: этимологических, исторических и современных толковых словарей.

Ключевые слова: праславянские лексемы, семантические изменения, тематическая группа, метафоризация, семантическая структура, родственные языки.

В современном языкознании значительное внимание уделяется вопросам семасиологии – как описательной, так и исторической. Из совокупностипроблем, которые были объектом научных интересов исследователей (А.А. Потебни, В.В. Виноградова, В.М.Русановского, А.А.Тараненко, М.П.Кочергана и других), необходимо выделить вопросы семантической трансформации праславянских по происхождению слов в близкородственных языках. В аспекте трансформационных изменений слов, которые восходят к одному архетипу, М.П.Кочерган исследовал природу гомогенных межъязыковых омонимов [Кочерган 2010]. Особого же внимания требуют слова основного лексического фонда русского и украинскогоязыков, которые в процессе своего исторического развития претерпели значительные семантические изменения, вызванные экстра- и интралингвистическими факторами. Несмотря на близкое родство языков, эти изменения далеко не всегда являются идентичными.

Анализ значений слов, являющихся названиями понятий из списка М.Сводеша [Сводеш 1960], позволяет определить общие закономерности развития семантических систем родственных языков и различия, обусловленные национально-культурным компонентом в семантических структурах номинативных единиц [Довбня 2013; Довбня 2014]. Определение характера и степени семантической соотнесенности слов, которые восходят к одному архетипу и функционируют в лексических системах разных языков, имеет большое значение для более глубокого осмысления семантических структур слов русскогоиукраинского языков, чем, собственно, и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Цель статьи – проследить, как в процессе исторического развития в русскоми украинском и языках трансформировалась семантика праславянских существительных, обозначающих названияживотных, а также определить самые общие закономерности становления их современных лексико-семантических вариантов. Достижение цели предполагает выполнение следующих задач: исследовать процесс формирования семантических структур лексем из списка М. Сводеша, обозначающих названия животных в русском и украинском языках, установить закономерности их семантического развития, определить общее и различное в семантической эволюции указанных лексем в двух языках.

В соответствии с данными списка М.Сводеша, в состав тематической группы «Названия животных» входят четыре слова: *птица/ птиця, рыба /риба, вошь/воша и пес / пес*. Эти существительные не подвергаются широкой семантической трансформации в русском и украинском языках. В частности, слово *птица/ птиця* (<прасл. *pъta* ’теплокровное позвоночное животное с телом, покрытым перьями и пухом, с двумя конечностями, крыльями и клювом’, родственное латышскому *putns* ’птица’, литовскому *putýtis* ’птичка’, *pučiùte* ’курица’[Фасмер 1987,III: 398]) в древнерусский, старорусский и староукраинский периоды не образует производных семем, употребляясь только в одном (праславянском) значении (о его этимологии и семантике делают выводы российские исследователи [Черных 1956: 45; Трубачев 1980: 11]). И только начиная с XVII–XVIII вв. у него получает развитие периферический ЛСВ ’человек, которому присущи те или иные качества, который занимает определенное общественное или служебное положение’ (разг.), возникший в результате метафоризации на основе общего семантического элемента ’способность подниматься на определенную высоту’, потенциального для указанного выше значения. В основе современной русской и украинской метафорической семемы ’ласковое название ребенка, девушки, женщины’ – потенциальные семы ’небольшой’, ’красивый’; ЛСВ ’то, что напоминает птицу по внешнему виду’[Словарь 1961, XI: 1637–1639; Словник 1976, VII: 378] оформляется на основе сходства по форме. В русской и украинской семантических структурах имени существительного *птица/ птиця* наблюдается совпадение основного (праславянского) значения и ряда производных от него.

Остальные имена существительные, входящие в состав анализируемой тематической группы, общепринятой этимологии не имеют. В частности, по поводу происхождения слова *вошь/ воша* наиболее вероятным кажется предположение, что указанное имя существительное унаследовано от прасл. *vъšъ*, родственного литовскому *vievesà* ’птичья вошь’, *usnis* ’чертополох’, готскому *fraivisan* ’сжирать, съедать’[Етимологічний 1982, I: 431]. Менее вероятные предположения представлены у М. Фасмера [Фасмер 1986, I: 359–360]. Слова с указанными значениями объединяются общими семами ’вред’, ’убыток’. Видимо, в древнерусском языке это имя существительное функционировало в значении ’мелкое насекомое на теле человека и животного’: *«Множьствомьвъшьи без мѣрысънѣдаемъ»*[Словарь 1976, III: 78]. В старорусский период анализируемое имя существительное начинает употребляться в контекстах, которые формируют его метафорическое значение ’насекомое, живущее на растениях’[Словарь 1976, III: 78]. В основе последнего лежат семы ’убыток’ и ’небольшой размер’. Этот ЛСВ оказывается настолько устойчивым, что наследуется современной семантической структурой русского имени су-

ществительного *вошь*. Он активно функционирует и в украинском языке. Его семантическая трансформация заключается в развитии одной метафорической семемы. Если считать правильной приведенную выше этимологию этого существительного, то необходимо отметить наследование современными языками его праславянского значения, которое в определенной степени подвергается специализации.

Не имеет общепринятой этимологии и общеславянское по происхождению имя существительное *пес / пес*, а значит, нет единой точки зрения по поводу его первичного значения. Некоторые лингвисты склоняются к мысли о его исходном значении ’сторож’; другие считают, что название *пес* восходит к ***pestrъ***’разноцветный, пестрый’; третьи связывают его с древнеиндийским *peçus* ’скот’, учитывая, что собака – одно из первых животных, приручennых человеком [Фасмер 1987, III: 249].

В восточнославянских языках оно активно функционирует в значении ’домашнее животное семейства собачьих, которое используется для охраны, охоты’. Именно с этим значением анализируемое имя существительное употребляется в древнерусском языке. Потенциальные семы ’злость’ и ’жестокость’ основного значения слова *пес* способствуют развитию древнего ЛСВ ’ругательное слово’[Срезневский 1958, II: 1778] (метафора) и современного ’человек, который вызывает возмущение, заслуживает презрения из-за своего поведения, поступков’[Словарь 1959, IX: 1071; Словник 1975, VI: 340].

В истории слов, не имеющих общепринятой этимологии, не всегда можно объективно интерпретировать семантические процессы. К словам с затемненной этимологией относится и имя существительное *рыба/ риба*, которое в плане происхождения, возможно, представляет собой табуистическое название вместо более древнего *zъvъ, сопоставляемое с литовским *žuvis* ’рыба’. В связи с созвучием с глаголом *звать / звати* рыбаки старались не употреблять его [Фасмер 1987, III: 526]. «Если общеславянское *рыба* является словом, родственным немецкому *Raupe* (< *rupa) – ’червяк, гусеница’, то можно думать, что первичное значение этого слова в общеславянском языке было другое (возможно, ’червяк’, откуда потом – ’налим’; ср. нем. *Aalraupe* – налим), что общее понятие ’рыба’ передавалось каким-то иным словом» [Черных 1956: 13]. В таком случае современное основное значение имени существительного *рыба / риба* является этимологически производным (метафорическим); оно получило развитие в связи со сходством по форме.

В древнерусском языке это слово употреблялось как в основном значении, так и в производном от него – ’знак Зодиака’: « $\widetilde{B}$I,риба Феуавраара $\widetilde{K}$»[Срезневский 1958, II: 207]. Название этого созвездия, как и созвездия, находящегося рядом (Водолея), связано с водой. Древние люди дали им такое название потому, что во время прохождения Солнца через них наступали периоды дождей (метонимический перенос, вызванный пространственной и временной смежностью). Кроме того, в этом случае имеет место мнимое сходство по форме (метафора). Указанные ЛСВ функционируют в языке в течение многих веков. Они унаследованы современным русским языком;в украинском языке производное значение не имеет соответствия. В состав современных русской и украинской семантических структур имени существительного *рыба / риба*’водное позвоночное животное, которое дышит жабрами, имеет конечности в виде плавников, холодную кровь и покрытую чешуей кожу’ входит метафорическое образование ’человек, не проявляющий своих эмоций’[Словарь 1962, XII: 1602–1603; Словник 1977, VIII: 526–527]. Возможно, в его основе лежит сема ’холодный’, потенциальная для последнего.

Таким образом, слова тематической группы, обозначающие названия животных, в отличие от имен существительных иных тематических групп из списка М. Сводеша [Довбня 2013; Довбня 2014], не подвергаются широкой трансформации значений. Производные семемы являются следствиями метафорических (реже – метонимических) переносов; наблюдается также комбинированный семантический процесс.

В большинстве случаев указанные процессы приводят к идентичным результатам в русском и украинском языках. Расхождения наблюдаются только в семантической структуре имени существительного *рыба / риба*.

Сделать выводы по поводу основных значений существительных анализируемой тематической группы достаточно сложно, т. к. все слова (за исключением слова *птица/ птиця*) не имеют общепринятой этимологии. Основное значение имени существительного *птица/ птиця* унаследовано современными украинским и русским языками без изменений. В основе современного основного ЛСВ слова *рыба / риба*, возможно, лежит метафоризация первичного значения. О становлении основных семем имен существительных *вошь / воша* и *пес / пес* выводы сделать невозможно в связи с отсутствием точных (общепринятых) этимологических данных.

Литература

Виноградов В.В. Об изучении общего лексического фонда в структурах славянских языков // Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 43–46.

Вступ до порівняльно-історичноговивченняслов'янськихмов/ ред. О.С. Мельничук. К., 1966.

Довбня І.П. Поняттяеволюції і динаміки в контекстііісторичногорозвиткумов// Проблеми семантики, прагматики та когнітивноїлінгвістики: зб. наук.праць / відп. ред. Н.М. Корбозерова. К., 2008. Вип. 14. –С. 178–187.

Довбня Л.Е. Семантична трансформація праслов'янських лексем на позначення назв рослин і їх частин в українській та російській мовах // Теоретична і дидактична філологія. Переяслав-Хмельницький, 2013. Вип. 14. С. 163– 174.

Довбня Л.Э. Семантические изменения в структурах общеславянских имен существительных, сохранивших первичное значение в русском и украинском языках (на материале тематической группы «Названия частей тела человека и животных») // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2014. №1. С. 43–56.

Кочерган М.П. Основизіставногомовознавства: [підручник]. К., 2010.

Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. М., 1960. –Вып. 1. С. 23–52.

Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 3–14.

Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Лексикографические издания

Етимологічний словник українськоїмови: в 7-ми т. Т. 1. К., 1982.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 9. М. – Л., 1959.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 11. М. – Л., 1961.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 12. М. – Л., 1962.

Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 3. М., 1976.
Словник українськоїмови: в 11-ти т. Т. 6. К., 1975.
Словник українськоїмови: в 11-ти т. Т. 7. К., 1976.
Словник українськоїмови: в 11-ти т. Т. 8. К., 1977.
Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. Т. 2. М., 1958.
Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. Т. 3. М., 1958.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М.,1986.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. М.,1987.

Е.Ю.Егорова
Казанский федеральный университет (Казань)

СЕМАНТИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОЛЬСКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ

Различия славянских языков в области словообразования обусловлены примерно тысячелетним дифференцированным развитием, берущим свое начало от эпохи относительного единства праславянского языка. Совершенно ясно, что в течение всей истории развития отдельных славянских языков их словарный запас во много раз увеличился, прежде всего, за счет словообразования, хотя количество словообразовательных средств изменилось лишь незначительно, основные же деривационные средства в большинстве своем были унаследованы из праславянского языка. Таким образом, современные славянские языки пользуются той же префиксальной системой, которая была характерна для эпохи языкового единства славян.

Префиксальная система русского языка на первый взгляд отличается большой устойчивостью. «Если система суффиксов общеславянской поры раннего периода до настоящего времени претерпела коренные изменения, то в области префиксов, – пишет Н.М. Шанский, – по сравнению с общеславянским языком в современном русском языке наблюдаются лишь отдельные новшества и утраты. Мы сейчас, в сущности, пользуемся той префиксальной системой, которая была характерна для эпохи языкового единства славян» [Шанский 1968: 35].

Действительно, количественный состав префиксов почти не изменился с древнейшей поры. Но смысловая сторона данной системы подверглась весьма существенной эволюции. Отмечаются многочисленные случаи взаимозамены функций префиксов, а также развитие и пополнение системы синонимических и антонимических отношений между разнопрефиксальными глаголами. Подобные отношения отличаются сложностью и неоднозначностью и представляют особый интерес для нас. Рассмотрим их на примере сопоставления семантики русских глаголов с префиксом **вы-** и польских глаголов с префиксом **wy-.**

Префикс *vy- появился еще в праславянский период. В современном польском языке ему соответствует префикс **wy-**, а в русском - **вы-**. Возникает вопрос, в обоих ли языках этот префикс выполняет одинаковую функцию. Ответ на поставленный вопрос существенно упростил бы изучающим один из сопоставляемых языков понимание и употребление префиксальных глаголов на **wy-** и **вы-.**

В научной литературе подчеркивается, что количество префиксальных образований в польском языке значительно превышает количество глаголов в русском. Попробуем выяснить, с чем это связано.

Собранный материал показывает, что в обоих языках основным значением рассматриваемых префиксов являются значения локальные, определяющие направления действия изнутри наружу.

Как мы уже отметили, количество потенциальных основ, к которым может присоединяться префикс **wy-** в польском языке, превышает количество русских основ в два раза. Это может быть связано с тем, что в русском языке те же значения префикса **вы-** способен выражать с префикс **из-**, глубокую синонимичность этих префиксов мы уже отмечали в первой главе. Их длительное сосуществование по-разному отразилось на поведении морфем в языке, в частности привело к разграничению глагольных основ, с которыми они сочетаются.

Одна из причин огромного перевеса польских образований на **wy-** заключается в следующем. Для польского глагольного словообразования очень характерны суффиксальные дериваты на **-овать**, образованные от иностранных основ. Среди таких глаголов в свою очередь распространена префиксация, в результате которой частотны такие образования: *wyeksportować, wyakcentować*. В русском языке подобная словообразовательная цепь не находит отражения, и поле реализации префикса **вы-** значительно сужается.

Ведущее в обоих языках значение «движение наружу» чаще всего сопровождается обстоятельством места: *wybiec z domu, wypłynąc z portu, выгнать из города, выехать из деревни*.

Подтип, выделяемый на базе основного значения – «отделение части от целого в результате действия мотивирующей основы» свойственен для обоих языков. Он активен и характеризуется большим количеством дериватов (чаще всего это глаголы физического действия): *выбить (гвоздь из доски), выварить (жир из костей), высосать (сок из березы) и wybronować, wypracować, wyradlić.* Подобные образования обычно имеют при себе дополнение: *wylać wodę, wycisnąc sok, вылить молоко.* Часть глаголов может иметь и дополнение, и обстоятельство: wydobyć co? skąd? и вылить что? откуда? При этом обстоятельство места выступает в форме Р.п. с предлогом *z* или *из*, например: *выложить (соль) из кораблей, выкатить (бочку) из подвала, выдавить (сок) из лимона, wyrwać włosy z głowy, wyjąć książki z torby.*

Мы видим, префиксальные глаголы на **вы-/wy-**, обозначающие направление действия изнутри наружу, имеют сходные синтаксические характеристики. Разница между ними заключается в количестве мотивирующих основ, к которым присоединяется префикс.

Следующий общий словообразовательный тип имеет значение «извлечь, добыть что-либо действием мотивирующей основы». Например*: вышелушить (вынуть, снять, шелуху), выбить (пыль из ковра), выжать (сок из винограда)*. В русском языке это непродуктивный тип, что может быть связано с поздним развитием вторичных значений префикса **вы-**. Напротив в польском языке этот тип очень продуктивен: *wyjuczuć (wyzwolić z juków), wykorzenić (wyrwać korzenie).*

Глаголы с префиксом **вы-/wy-** могут иметь значение «покрыть, обработать чем-либо поверхность предмета действием, названным мотивирующим глаголом». В подтверждение можем привести примеры: *wysypać, wyłożyć, wysłać и выложить, выкрасить*. В обоих языках объект, на который направлены действия, в предложении является дополнением в форме В.п.

Значение покрытия может выражаться мотивирующей основой, например: *wyasfaltować, wybetonować, wytapetować*. В русском языке эти глаголы передают свое значении, сочетаясь с префиксом **за-:** *заасфальтировать, забетонировать, но возможно образование выштукатурить*. Таким образом, даже при совпадении производящей основы и значения морфемы в исследуемых языках, не всегда наблюдается идентичность словообразовательных типов, в данном случае нет единства словообразовательных средств.

В обоих языках отмечается высокая продуктивность следующего типа с префиксом **вы-/wy-**: достижение позитивного результата с помощью действия, указанной мотивирующей основой. В качестве примеров можно назвать лексемы: *выплакать (прощение), вымолить* в русском языке и *(wczasy), wycyganić pieniądze* в польском. Синтаксически префиксальные глаголы в обоих языках оформляются однотипно: они распространяются дополнением в В.п., которое указывает на полученный предмет, и дополнение с предлогом *у* в русском языке и *u* или *od* в польском языке, указывающим на владельца предмета или лицо, которого о чем-то просили. Например: *выпросить цветок у матери, вымолить игрушку у сестры, wypłakać podwyżkę u szefa*. Эти глаголы имеют окказиональный характер и чаще встречаются в разговорном языке.

В обоих языках выступают глаголы с префиксом **вы-/wy-**, значения которых звучит как «износ, растрата кого-либо материала или уничтожения предмета в результате действия, названного производящей основой».

Это же значение в русском языке способен передавать префикс **из-**, образования на **вы-** со значением растраты лексически ограничены. Примеры: *вывязать (моток ниток), выклеить (банку клея), выпрыскать (флакон одеколона), wymydlić, wystrzelać, wypalić*. Префиксальный глагол управляет именем существительным в форме В.п., который называет предмет, подвергшийся уничтожению, растрате. Нередко это значение имеет количественную характеристику: *выбрызгать стакан воды, выкурить все папиросы, вымазать всю краску, wymydlić kawałek mydła, wyczęstować beczkę wina, wypalić całą świecę.*

В связи с вышесказанным мы вновь наблюдаем количественное несоответствие в глагольных образованиях на **вы-/wy-.**

Необходимо указать, что значение растраты предмета может развиваться в тех случаях, когда деятельность длится определенный период времени или была повторена несколько раз. В большинстве случаев оно актуализируется лишь в контексте: *вымылить ребенка и вымылить кусок мыла, выкурить лиса из норы и выкурить все папиросы, wytkać kilim и wytkać całą przedzę.*

Глагольные образования с префиксом **вы-/wy-** могут указывать на многократное повторение действия на одном или разных объектах. Это общий для обоих языков тип, хотя в русском языке, как уже упоминалось, употребление **вы-** ограничивается префиксом **из-.**

Эти глаголы определяются дополнением, в роли которого выступает собирательные существительные или существительные в форме множественного числа. Ту же функцию выполняет обстоятельство меры и способа действия, выраженное именем числительным, союзом или наречием (много, множество, дотла, целиком, полностью). Примеры: *выжить (все вокруг), выкосить (всю траву) и в польском: Wypsuć (wszystkie rzeczy), wtsieć, wychwytać, wytrućˊ, wytępić (wszystkie szczury).*

Глаголы с префиксом **вы-/wy-** и в том, и в другом языке могут иметь значение «интенсивное и (или) тщательное совершение действия», например: *wykreslić, wyrysować, wyprasować, wymalować и вычертить, выбелить*. Помимо дополнения при глаголах этого рода часто имеются наречия mocno, dokładnie, przesadnie, dobrze, starannie, wiele razy, długo, całkowicie, do woli и русские: полностью, совсем, до предела, вдоволь, до крайности. Многие глаголы образованы от прилагательных: *wybielić, wyzielenić, wyładnieć и выкруглить, выбелить.* В польском языке этот тип является очень продуктивным и практически от каждого прилагательного возможно образование соответствующего глагола с префиксом **вы-**. В современном русском языке префикс **вы-** присоединяется к основам прилагательных в меньшей мере, нежели в языке польском, т.к. значение «приобретение черт, указанных мотивирующей основой» может быть выражено с помощью других префиксов: **из-, по-, о-, об-**. Также возможно выражение значения аналитическим способом, что в польском языке встречается гораздо реже.

В русском языке глаголы движения, присоединяясь к префиксу **вы-** (а также **из-**), приобретают значение разнонаправленного перемещения. Это значение можно обозначить как «завершение действия в полном объеме связи с исчерпанностью маршрутов перемещения». Тип формируется такими производными как *выбегать, выбродить (всю местность), выходить (все поля), вышагать (весь город).* Глаголы этого типа всегда имеют ударение на первом слоге, в этом их отличие от глаголов несовершенного вида со значением направления действия. Ср.: *выходить все поля и выходить из дома.* Непереходный глагол становится переходным, а объект действия ставится в форму В.п.

В польском языке глаголы с префиксом **вы-** не получают такого значения, но в разговорном языке могут появляться формы, соответствующие русским глаголам. Например, *Schodziłam całe miasto, ale chleba już nigdzie nie było. Ojciec zjezdził całą okolicę w poszukiwaniu syna.*

В польском языке развита вторичная префиксация, т.е. префикс **вы-** может присоединяться к уже префиксальным глаголам, например: *wynanosić, wywspominać, wyzabijać, wyokładać, wyzacinać, wyzdychać.* Эти глаголы сопровождаются словами wielu, wszystkich, jednego po drugim, kolejno и т.д.

В русском языке подобное явление нерегулярно и относится скорее к окказиональным образованиям.

Таким образом, можно утверждать, что разница между польскими и русскими глаголами с префиксом **вы-** имеет характер скорее количественный и в редких случаях она проявляет себя качественно.

Исследование межъязыковых словообразовательных эквивалентных типов показало, что их судьба, подобно жизни внутриязыковых синонимов, подчинена действию

механизма тождеств и различий. Синонимические отношения возникают между лексическими и словообразовательными единицами при условии тождества их функции в выражении одного и того же денотата, в то время как их смысловая близость является относительной величиной, постоянно варьируемой от тождества к различию и наоборот. Использованный нами прием сопоставления единиц в разных языках на одном синхронном срезе дал возможность установить закономерности развития семантики и способы перераспределения ее между формальными средствами выражения. Сравнение словообразовательных типов позволило выявить те общие признаки, на которых зиждется сеть структурных словообразовательных отношений и связей, а также обнаружить лакуны при выражении того или иного смысла.

Литература

Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.
Онлайн-словарь PONS//URL: http://ru.pons.com
Русская грамматика. Том I. М., 1980.
Стыпула Р., Ковалева Г. Польско-русский словарь. Русский язык, Ведза Повшехна, 1980.
Черепанов М.В. Глагольное словообразование в современном русском языке: учебное пособие. Саратов, 1975.
Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
Grzegorczykowa R. Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Warszawa, 1979.
Ostromęcka-Frączak B. Rola prefiksów w komunikacji językowej studentów rosyjskojęzycznych // Kształcenie sprawności komunikacyjnej polaków ze Wschodu. Lublin, 1995.

А.Т. Зайдинова
Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск)

ДВУЯЗЫЧИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается вопрос о двуязычии как социальной потребности в обществе, о необходимости владении несколькими языками, об основной причине появления билингвизма и о проблеме развития билингвистики. Также затрагивается вопрос о социальном аспекте двуязычия.

Ключевые слова: язык, билингвизм, двуязычие, социальная потребность, культура.

Социально-экономическое развитие мира вызывает необходимость двуязычия и многоязычия в различных сферах и областях жизни. Владение двумя и более языками интересует педагогов, психологов, лингвистов. Изучение вопроса двуязычия отражено в трудах В.В. Виноградова, М.М.Михайлова, Ю.Г.Лебедевой, В. И.Петрянкиной, А.А.Метлюк, Н.А.Любимовой, Г.Н.Чиршевой и др.

Ю.Д.Дешериев определяет двуязычие или билингвизм как «свободное владение или просто владение двумя языками» [Дешериев 1976: 22]. Сходное определение дву-

язычия принадлежит В.А.Аврорину: «Двуязычием следует признать одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин 1972: 51]. Люди, владеющие двумя языками, называются билингвами. В настоящее время достаточно актуальна проблема билингвизма. Необходимость владения двумя и более языками связана с такими факторами, как официальное двуязычие страны, территориальное расположение и т. д.

Основной причиной появления билингвизма являются социальные факторы, т.к. развитие экономических и культурных связей между государствами приводит к росту количества двуязычных людей. О.И.Катютина пишет: «Билингвизм –это двуязычие, т.е. сосуществование у человека или у всего народа двух языков, обычно первого – родного и второго – приобретенного. Если знание двух языков свойственно отдельным членам социума, то это индивидуальный билингвизм, если большим контингентам говорящих –то это массовый билингвизм» [Катютина 2012: 4]. Термины «двуязычие» или «билингвизм» обычно понимаются и как применение в речевой практике более чем одного языка, при этом уровень владения каким-либо языком может быть различным. Те случаи, когда говорящий признает второй язык родным, являются высшей степенью двуязычия.

В последние годы актуальной становится проблема двуязычного обучения. Многие ученые, такие как Ф.Р.Фройденштейн, Л.С.Выготский, Е.И.Негневицкая, Г.И.Воронина, А.А.Леонтьев считают, что обучение в условиях билингвизма эффективно развивает личность человека. Развитие человеческой цивилизации связано с двуязычием. О.И. Катютина отмечает, что «билингвизм – феномен культуры, а культура, как и язык, явление общественное, то есть социальное. Культура имеет коммуникационную и символическую природу и связана с нравственной, интеллектуальной, духовной жизнью общества и человека. Культура многолика и многоязычна, но, тем не менее, цельна и гармонична. Подобная гармония возможна лишь при наличии контактов между культурами» [Катютина 2012: 3]. Известно, что разные языковые коллективы берут что-либо у своих соседей и сами являются источником определенных знаний и явлений для других сообществ. Процесс передачи своих знаний другим культурам является в основном обоюдным явлением, но может быть и неравномерным, поскольку один народ может дать больше, чем другой. Заимствуются почти все обычаи, традиции, понятия и представления об определенных явлениях, предметах, созданных природой, руками человека или промышленностью. Именно поэтому двуязычие сопровождало эволюцию человечества с древнейших времен. Как известно, племена и народы, изолированные от внешнего мира, не создают богатых культур и постепенно исчезают, если не сливаются или не общаются с соседними племенами и народами.

Билингвизм является редким позитивным явлением. В условиях современности необходимыми целями развития двуязычия являются:

1) всемерное способствование тесному сближению народов;
2) взаимообогащение их культур;
3) овладение всеми народами достижениями культуры;
4) наука и техника.

Проблема развития билингвизма у ребенка была остро поставлена в начале XX века, когда в силу исторических причин из многоязычного населения какому-либо языку предназначалась роль культурно превосходящего над остальными языками. Социальный аспект двуязычия связан с определением общих функциональных черт каждого из языков, которым пользуется двуязычное население. Среди них отмечается роль языка как средства коммуникации между людьми, средства обучения, развития в различных областях жизнедеятельности. Таким образом, второй язык способствует изменению отношения человека к миру, жизненным ценностям, которые определяют характер и содержание его поступков и деяний. Если человек способен понимать представителей других культур, то он сможет помочь в реализации общечеловеческих задач обучения языкам – установлению мира и взаимопонимания между разными культурами.

Литература

Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании. Ереван, 1976.
Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.
Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
Дешериев Ю.Д. Введение // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
Закирьянов К.З. Основы двуязычия. Уфа, 2008.
Катютина О.И. Двуязычие как синоним культуры в сфере дополнительного профессионального образования // Университетские чтения. Пятигорск, 2012.
Михайлов М.М. Двуязычие в современном мире. Чебоксары, 1988.
Саяхова Л.Г. Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография. Уфа, 2001.
Чиршева Г.П. Детский билингвизм и развитие бикультуральности // Вестник ЧГУ. 2010. С. 54-57.

Р.Ю. Закирова
Казанский федеральный университет (Казань)

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале русского и татарского языков)

В статье в сопоставительно-типологическом аспекте рассматриваются некоторые вопросы, связанные со спецификой выражения грамматических значений в языках различного типа (русском и татарском), что непосредственно связано с процессом формообразования в рассматриваемых языках. Представлена попытка терминологически обозначить способы формообразования путем анализа некоторых процессов формообразования в сфере различных частей речи в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: внутренняя и внешняя флексия, формообразующие аффиксы, флективный способ формообразования, супплетивизм, агглютинация, фузия, контаминация, инкорпорация, синтетический и аналитические способ формообразования, акцентологический и фонетический формообразующие способы.

Особенности формообразования в сфере различных частей речи менее изучены, чем способы словообразования. Об идентичности способов слово- и формообразования говорить не приходится, за исключением отдельных случаев частичного сходства. Кроме того, необходимо отметить, что способы формообразования менее изучены и терминологически не представлены не только в сопоставительно-типологическом плане, но и в теоретической литературе вообще.

Как известно, русский (РЯ) и татарский (ТЯ) языки относятся к разным типам языков: РЯ – к языкам флективным, синтетическим с элементами аналитизма. Татарский язык – агглютинативный с ярко выраженным аналитизмом.

Процесс формообразования в этих языках достаточно интересное явление, поскольку он связан со спецификой выражения грамматических значений. Грамматические (морфологические) значения (ГЗ) в языке могут выражаться различными способами: одни - синтетическим, то есть при помощи средств, находящихся в самом слове. К синтетическим способам относятся собственно морфологический (средства выражения **–** флексия, формообразующие суффикс или префикс, постфикс, супплетивизм), акцентологический (средство выражения – ударение), фонетический (средство выражения – чередование звуков). Другие ГЗ могут выражаться аналитическим способом, то есть при помощи дополнительных средств (в отсутствие формообразующих морфем). К таким средствам относятся вспомогательные слова, порядок слов в предложении, смысл предложения.

Флективные аффиксы нередко выражают одновременно несколько граммем (свойство синтетосемии, по Ю.С.Маслову); часто омосемичны между собой; могут конкурировать друг с другом в выражении одного и того же грамматического значения; могут иметь нулевые экспоненты; могут в результате процессов переразложения и опрощения как бы "сращиваться" с корневыми морфемами. Кроме того, во флективных языках грамматические значения могут передаваться не только сегментными морфемами, но и грамматическими чередованиями фонем внутри корня («внутренняя флексия»). Агглютинативные аффиксы, напротив, в принципе выражают не более чем по одной граммеме (по Ю.С.Маслову, свойство гаплосемии); не имеют омосемичных соответствий; стандартны в том отношении, что не имеют конкурентов в выражении того же грамматического значения; не могут иметь нулевые экспоненты; в линейном плане четко отграничиваются от корня и друг от друга. Кроме того, агглютинативным языкам не присуща внутренняя флексия. Чередования фонем в составе аффиксов не грамматикализованы и возникают лишь в силу инерционной (прогрессивной) ассимиляции, например, чередование гласных задается рядом (передним или непередним) гласного корня.

Наиболее распространенным способом выражения грамматического значения в РЯ является морфологический с широким спектром средств выражения. Самое универсальное средство – внешняя флексия, выражающая категорию числа и падежа, рода существительного (дом-□, дом-**а**, дом-**у**; дом-□, улиц-**а**, окн-**о**), категорию лица и числа глагола (чита-**ет** – чита-**ют**, пиши-□ - пиши-**те**), категорию рода, числа, падежа прилагательных, причастий и отдельных разрядов местоимений (красн-**ый**, красн-**ая**, красн-**ое**, красн-**ые;** пишущ-**ий**, пишущ-**ая**, пишущ-**ее**, пишущ-**ие**; котор-**ый**, котор-**ая**, котор-**ое**, котор-**ые**), падежа числительного и отдельных разрядов местоимений (пят-**и**, пят-**и**-десят-**и**, пят-**и**-

сот-□; себ-**я**, себ-**е**), поэтому **флективный** способ формообразования представлен в сфере большинства частей речи в русском языке. В ТЯ флексии соответствует словоизменительный аффикс падежа существительного, числительного (кешег-ә, бишк-ә), универсальный аффикс множественности (китап-*лар*, яза-*лар*), аффикс принадлежности существительного (китаб-*ы*), аффикс лица и числа глагола (яз-*а*). Несмотря на определенное сходство флексии РЯ и словоизменительного аффикса ТЯ, они различаются качественно, поскольку в русском языке формообразующие элементы, как правило, многозначные (*чита**j**-**ут*** – флексия выражает грамматические значения наклонения, времени, лица, числа, спряжения; *книг-**а*** **–** флексия выражает грамматические значения рода, числа, падежа), следовательно, можно говорить о ярко выраженном явлении грамматической фузии, когда речь идет о флективном способе формообразования. В ТЯ большинство словоизменительных аффиксов однозначные (*китап-**лар*** **–** выражает грамматическое значение множественного числа), и лишь в глагольных формах могут быть многозначными (*яз-**а*** **-** выражает ГЗ времени, лица, числа).

Морфологическим средством выражения ГЗ в РЯ могут быть аффиксы: суффиксы наклонения (*пиш-**и***-□), прошедшего времени (*прочита-**л***-□), инфинитива (*чита-**ть***) глагола, сравнительной степени прилагательного и наречия (*сильн-**ее***), множественного числа существительного (*стуль*-**j**-*а*, *неб*-**ес**-*а*), префикс с видовым значением *(читать –**про**-читать*), залоговый постфикс (*умывать - умывать-**ся***). что соответствует **аффиксальному** (суффиксальная, префиксальная, постфиксальная разновидности) способу формообразования. В некоторых случаях, учитывая эти особенности, процесс формообразования будет двуступенчатым, так, при образовании грамматической формы **прочитала** сначала образуется видовая форма аффиксальным (**префиксальным**) способом, а затем родо-временная форма посредством **агглютинации** «элового» формообразующего суффикса прошедшего времени и родовой флексии: например, читать → прочитать → прочита – **л** – **а.**

В ТЯ функцию, подобную функции этих формообразующих элементов в РЯ, выполняют формообразовательные аффиксы: залога (*укы-**л**-ган*), инфинитива (*яз-**ырга***), причастия, деепричастия (*яз-**ган,** яз-**ып***), отглагольного имени (*ук-**у***), сравнительной степени прилагательного (*коры-**рак***), а поскольку в структуре татарского слова префикс и постфикс как формообразующие морфемы отсутствуют, некоторые грамматические значения передаются аналитическим способом (укып чыктым, укып чыккан идем – прочитал, прочитала). Поэтому по отношению к ТЯ можно говорить лишь об **аффиксальном** способе формообразования, представленном двумя разновидностями – образование формы при помощи словоизменительного аффикса и образование формы при помощи формообразующего аффикса, что не исключает образования формы посредством формообразующего и словоизменительного аффиксов путем **агглютинации.**

Только для РЯ характерно такое средство выражения ГЗ числа (*человек - люди*), времени (*иду - шел*), падежа (*она - ее, ей*), вида глагола (*говорить - сказать*), как **супплетивизм**. Формирование этих, свойственных только РЯ, способов связано с длительным развитием РЯ, с историческим изменениями в структуре слова, с процессами сближения разных слов в соотносительную пару.

Специфичным явлением в русском языке можно считать своеобразные формы глаголов повелительного наклонения типа «споемте, идемте», в которых к форме 1 л.мн.ч. наст. или буд. времени изъявительного наклонения присоединяется окончание 2 л. мн.ч. повелительного наклонения: ид – ем + те, при этом флексия –ом (-ем) является показателем лица и числа, а флексия –те является показателем наклонения. В этом случае мы имеем пример не флективного способа образования формы путем агглютинации, а **контаминации**, т.е. образования грамматической формы путем «наложения» одной формы на другую.

Специфичным явлением в ТЯ следует считать образование грамматической формы слова полисинтетическим способом. Так, от глагольной основы **яз** (пиши) возможно образование форм аффиксальным, синтетическим способом **яз-а, яз-ды** (пишет, писал/написал), а также образование грамматической формы-предложения путем **инкорпорации**: яз+дыр (заставь писать/написать) → яз+дыр+ма+ячак+мын (не заставлю писать/написать), яз+дыр+ма+ган+лык+тан (из-за того, что не заставил писать/написать) → яз+дыр+ма+ган+лык+тан+дыр (видимо, из-за того, что не заставил писать/написать).

Кроме того, в РЯ выделяются такие способы выражения ГЗ, как фонетический (средство выражения – грамматикализованное чередование звуков, внутренняя флексия), акцентологический (средство выражения – ударение), которые могут быть как самостоятельными (собирать - собрать, насып**а**ть – нас**ы**пать), так и дополнительными способами (л**е**-с-□ - лес-**а)**, что является основанием для выделения **фонетического** и **акцентологического** способов формообразования. В ТЯ, во-первых, отсутствуют исторические чередования гласных и согласных звуков в определенных морфемах. Во-вторых, в ТЯ ударение носит закрепленный характер (падает на последний слог в слове), при образовании формы слова смещается на последний слог, поэтому не может служить средством разграничения форм.

Необходимо отметить, что ГЗ могут выражаться аналитическим способом, то есть при помощи дополнительных средств (в отсутствие формообразующих морфем и при их наличии). К таким средствам относятся вспомогательные слова, порядок слов в предложении (Мать любит дочь), смысл предложения (Отбойный молоток сменил комбайн). Вспомогательные слова выполняют различную функцию. Так, с помощью вспомогательных слов образуются аналитические формы слова. Такие грамматические формы состоят из двух и более компонентов: один – основной - является носителем лексического значения слова, остальные – вспомогательные - служат для выражения грамматического значения: ***буду*** писать (ГЗ времени, лица, числа***), более*** быстрый (ГЗ сравнения), яза ***торган*** (ГЗ процессуальности признака).эти примеры свидетельствуют о наличии **аналитического** способа формообразования в обоих языках. Кроме того, вспомогательные слова могут выражать грамматическую категорию, не образуя аналитическую форму основного слова: ***асфальтированное*** шоссе – ***асфальтированные*** шоссе (ГЗ рода, числа), **зур** таш - таш **күпер** (средства разграничения категориальных значений предметности и качества).

Аналитический способ выражения ГЗ в РЯ представлен также достаточно широким спектром средств: предлогами (путь - ***в*** путь), согласуемыми словами (**разноцветное** сари, **черный** кофе), формообразующими частицами (**Пусть** сильнее **грянет** буря!), порядком слов в предложении, смыслом предложения (см. примеры выше). В ТЯ средств выражения меньше: послелоги (кыз кайтты - кыз *белән* кайтты), вспомогательные глаголы (при образовании форм глагола: ала *идем*, алган *идем*, ала торган *идем*, алмаган *булган*, килә торган *булган* и т.д.).

Литература

Мельников Г.П. Системная типология языков. Принципы. Методы. Модели. М., 2003.
Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2-х ч. –Ч. 2: Морфология. Синтаксис. М., 2001.
Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. Тверь, 1982.
Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
Татарская грамматика: В 3-х т. Т. II: Морфология. Казань, 1995.

И.Ф.Зарипова
Башкирский государственный университет (Уфа)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ НЕЭЛЕМЕНТАРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье детерминация рассматривается как функционально-синтаксический способ расширения предложения с точки зрения нового подхода к выделению и описанию средств подчинительной связи слов. Статья посвящена описанию различных семантических групп обстоятельственных детерминантов, формирующих неэлементарные компоненты семантической структуры предложения, подразделяемых на два вида – коммуникативные и грамматические.

Ключевые слова: язык, структура предложения, подчинительная связь слов, детерминация, расширение предложения.

В словаре лингвистических терминов детерминант определяется как свободная словоформа, находящаяся обычно в начале предложения и осуществляющая грамматическую связь со всей последующей предикативной единицей, являясь ее распространителем (детерминирующим членом предложения) [Розенталь 2008: 104].

В современном языкознании в выделении и рассмотрении детерминантов существуют некоторые противоречивые мнения. В русской грамматике детерминантом считается распространитель минимальной структурной схемы предложения [Русская грамматика 1980, II:149], а в татарской – это дополнение или обстоятельство, непосредственно относящееся к главным членам, чаще всего к сказуемому, и распространяющее их [Татарская грамматика 1990, III: 342]. Если учесть, что к распространяющим членам

предложения относятся не только дополнение и обстоятельство, но и определение, которое не может быть детерминантом, так как у него очень сильная связь с определяемым словом, поэтому оно не может быть противопоставлено остальной части предложения и выполнять функцию темы сообщения. Справедливо считать детерминантом дополнение или обстоятельство, именно выражающее тему.

Из этих заключений возникает вопрос, а нельзя ли рассматривать детерминанты в двух аспектах: коммуникативном и грамматическом, следовательно, назвав их грамматически связанными и грамматически несвязанными?

К грамматически связанным детерминантам (далее сокращенно – ГД) можно отнести такие детерминанты, которые на самом деле связаны со сказуемым. В предложениях, в которых присутствует глагол, всегда есть возможность усмотреть наличие непосредственной подчинительной связи между этим глаголом и обстоятельственным детерминантом: *Бу килүендә ул авыл хәлләрен, авылдагы, Әйдүкләр кебек, ярлы кешеләрнең тормышларын, көнкүрешләрен сорашты (Һ.Такташ).* В данном случае налицо коммуникативное выделение указанной части предложения. Однако мы не можем говорить о детерминанте как о «несвязанном ни с каким отдельным членом предложения».

Но нужно ещё отметить те случаи, когда детерминант относится ко всей оставшейся предикативной части предложения в целом. Это – коммуникативно выделяемый детерминант (далее сокращенно – КД): *Бер кырыйда – кара көмештән коелган мәһабәт бер лачын сыны, чын сәдәфтән эшләнгән лира һәм калам сабы (Г.Бәширов).* В подобных предложениях детерминанты не подчинены какому-либо определенному члену предложения. Однако это не значит, что связь его с предложением в целом вообще отсутствует: он связан с предложением свободным присоединением, внешне сходным с примыканием, но отличающимся от него своим неприсловным характером.

Учитывая возможность разделения детерминантов на два типа – грамматически связанные и грамматически несвязанные, необходимо внести уточнение в само определение детерминанта. Таким образом, детерминантом можно считать дополнение или обстоятельство, выражающее тему, семантически (коммуникативно) относящееся к оставшейся предикативной части предложения в целом, синтаксически (грамматически) связанное или не связанное с каким-либо отдельным его членом.

В традиционном языкознании детерминанты подразделяются на две разновидности: детерминанты, формирующие элементарные компоненты семантической структуры, и детерминанты, формирующие неэлементарные семантические компоненты, т.е. разнообразные обстоятельственные детерминанты (квалификаторы). Последние же выражаются наречиями, разными формами падежей с послелогами и без послелогов. Они также подразделяются на различные семантические группы:

Обстоятельственные детерминанты с временным и количественно-временным значением: ГД: *Теперь он редко видится с друзьями. Быел иген бик уңган иде (Г.Ибраһимов). КД: Каждый вечер ссора. Соңгы ярты ел эчендә әллә нинди батырлыклар.*

Обстоятельственные детерминанты с пространственным значением: ГД: *Со стороны сада раздаются голоса*; *Тәрәзәдән кояш нуры төшә (М.Җәлил);* КД: *В стороне от дороги - сторожка*; *Бүлмәдә гомуми сөйләш, шаулаш, гөрләш (Ф.Әмирхан);*

Обстоятельственные детерминанты со значением причины, следствия, стимула, основания, повода, результата: ГД: *Июль числосының эсселегеннән …чокырларда булган сулар кибеп бетте (Г.Коләхмәтов); Заботами матери в доме тепло и уютно*; КД: *Благодаря друзьям в семье снова мир.*

Обстоятельственные детерминанты со значением цели: ГД: *В поисках старых рукописей ученый объездил всю страну*; *Сөмбелне эзләргә дип, культбудкадан чыгып китте (М.Хәсәнов)*; КД:*В целях усиления борьбы за качество много полезных решений*; *Укуын дәвам иттерү теләге белән шәһәргә.*

Беспослесложные обстоятельственные детерминанты со значением условия и уступки. ГД: *Несмотря на частые невзгоды, ему выпало на долю подлинное счастье быть обласканным своим народом* (Пауст.); *Һичнәрсәгә карамастан, бүген төнлә бу авылдан китәргә тиешсез (Г.Ибраһимов);* КД: *Шушы зифалыгы белән ялгыз; Вопреки зиме, над морем - неправдоподобно яркий, лазурный штиль.*

Обстоятельственные детерминанты со значением включения и исключения ГД: *Сверх указанного, не требуется никаких услуг*; *Күрешүгә шатланасы урынга, Фәез чак кына сәерсенгәндәй карап куйды (Ә.Баянов).* КД: *За исключением выходных дней, все время работа*; *Габдулладан тыш Самат.*

Обстоятельственные детерминанты со значением выделения, ограничения и замещения: ГД: *По полезности никакие препараты не идут в сравнение со свежими фруктами. Файдалылыгыннан авыл һавасы шәһәрнекеннән күпкә өстенрәк.* КД: *Вместо дела - пустые разговоры. Чыгышым белән мин Башкортстаннан.*

Обстоятельственные детерминанты со значениями сопутствия, обоснования, соответствия: ГД: *Согласно нормам нашей жизни, любой сигнал не остается без последствий*; *Борынгыдан калган гадәт буенча сөйләшә-сөйләшә чәй эчкәннән соң, без саубуллашып китеп бардык («Г.Ибраһимов турында истәлекләр»);* КД: *На основании решения горсовета у нас музей. Проект буенча яңа йорт.*

Обстоятельственные детерминанты со значением способа, качественной или количественной характеристики: ГД: *Сотнями олени уходят в тундру*; *Ашыгыч рәвештә ул өйдән чыгып китте.* КД: *Ценой больших усилий - ничья*; *Ашыгыч рәвештә юлга.*

Обстоятельственные детерминанты со значением сравнения, сопоставления: ГД: *В масштабах пятилетки этот успех может показаться незначительным*; *Үткәненә караганда аның киләчәге матуррак булырга тиеш!*КД: *В отличие от вас, оптимист*; *Чиләгенә күрә капкачы (М.).*

Таким образом, в татарском и русском языках детерминанты можно рассматривать в двух аспектах: грамматическом и коммуникативном. Обстоятельственные детерминанты, формирующие неэлементарные компоненты (детерминанты с временным, пространственным, причинно-следственным значениями, со значениями цели, условия и уступки, включения и исключения, выделения, ограничения и замещения, сопутствия и соответствия, способа, качественной и количественной характеристики, сопоставления и сравнения) выражаются наречиями, разными формами косвенных падежей с предлогами и без предлогов, компаративом, деепричастием, введениями с союзом *как, словно*. Формы косвенных падежей в своем подавляющем большинстве здесь совпадают с теми, которые в системе присловных связей являются примыкающими или слабоуправляемыми.

Литература

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Минск, Харвест, 2008.
Русская грамматика. Т.II. М., 1980.
Татар грамматикасы Т.III. М., Казан, 2002.

Т.И.Ибрагимов
Казанский федеральный университет (Казань)
М.Р.Сайхунов
Институт информатики АН РТ (Казань)

ПИСЬМЕННЫЙ КОРПУС ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА С ОЗВУЧЕНИЕМ ВИЗУАЛИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена изучению возможностей применения письменного корпуса татарского языка в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: татарский язык, письменный корпус, транскриптор.

В 2010 году в Лаборатории экспериментальной фонетики и прикладной лингвистики были начаты работы по созданию Письменного корпуса татарского языка. К середине 2012 года в сети Internet появилась его первая версия. Объем этой версии составлял 45 млн слов. Тексты, входящие в корпус, не подвергались аннотированию и стилистической дифференциации, за исключением разметки границ словоформ и предложений. Корпус предназначался, в основном, для решения задач статистической текстологии, машинного перевода, а также для создания интерфейсов систем речевого общения человека с компьютером. Поисковая система выполняла следующие функции:

– находила заданную пользователем словоформу, а также предшествующие и следующие за ней слова (левый и правый контексты данной словоформы, с которыми она может встречаться),

– определяла количество употреблений как заданной словоформы, так и слов, входящих в левый и правый контексты,

– в качестве примера предъявляла исследователю 50 предложений из корпуса, в которых использовалась заданная словоформа.

В последующие годы работы по увеличению объема и обогащению функциональных возможностей Письменного корпуса продолжались. К настоящему времени разработана новая версия Письменного корпуса татарского языка, позволяющая озвучивать визуализированные предложения [http://corpus.tatfolk.ru]. Объем данной версии Письменного корпуса достигает 116 млн слов или 10 млн предложений. Поисковая система Корпуса получила существенное расширение. Новая версия позволяет проводить морфологическую лемматизацию словоформы, многократно увеличить число примеров-предложений с участием заданной словоформы (путем повторения операции вывода на экран множества в 50 предложений).

Существенным преимуществом поисковой системы является возможность более точного определения значения заданной словоформы. Поясним это на примере.

Допустим, что переводчик (им может быть система машинного перевода) желает уточнить, в каком смысле используется в тексте словоформа *басмасын.* Она многозначна и может выступить как в значении глагола «пусть не наступит», так и в значении существительных «ступенька» и «издание». Анализ ближайшего окружения словоформы *басмасын* обнаруживает, что в данном тексте ей предшествует слово *яңа (‘новый’)*, а следует за ней

слово *узган (‘прошлый’)*, т.е словоформа встречается в сочетании *яңа басмасын узган.* Полученное знание исключает возможность выполнения словоформой *басмасын* функции глагола. Однако сохраняется неопределенность - употребляется ли она в значении «нового издания» или в значении «новой ступеньки».

Новая версия письменного корпуса позволяет некоторое расширение контекстов словоформы, т.е. возможность увидеть – какое слово предшествует словосочетанию *яңа басмасын узган*, а также - какое слово следует за данным словосочетанием. Для этого достаточно выделить слово *яңа* или слово *узган*. Если обнаружится, что перед словом *яңа* употребляется в той или иной форме слово *китап,* или *журнал*, или *гәзит* (*газета*), то можно считать, что словоформа *басмасын* употребляется в тексте в значении ‘*издание’*.

Если учесть, что лексическая полисемия в языках является основным препятствием для широкого употребления систем машинного перевода текстов и синхроного перевода речей ораторов, то дополнительные функциональные возможности новой версии Письменного корпуса важны в плане решения многих практических задач.

Новая версия Письменного корпуса татарского языка позволяет одновременно видеть и слышать предложения татарского языка.

Лингвистика последних лет преимущественно работает с письменной формой языка. Письменное общение в некоторой степени выглядит искусственным, оно исключает обстановку, ситуацию и реакцию слушателя. Оно лишено эмоциональной и просодической составляющих, оторвано от самой субстанции языка – членораздельных звуков.

В Письменном корпусе татарского языка с озвучением визуализированных предложений преобразование письменного текста в фонематическую запись производится на основе учения о фонеме и фонетической системе татарского языка одного из основателей Казанской лингвистической школы В.А.Богородицкого.

В учении В.А. Богородицкого о звуковой системе татарского языка важное место занимает понятие «народного говора», т.е. речь ведется о таких единицах языка и формах их произношения, которые отработаны общественностью. На основе исследования татарской речи и наблюдений над произношением своих учеников русских заимствований ученый делает следующие заключения:

1. Вокализим татарского языка содержит 9 полноценных /а/, /о/, /у/, / ы/, /ә/, /и/, /ө/, /ү/ и одну (/ый/) неполноценную (позиционно ограниченную) гласных фонем. Согласно В.А. Богородицкому, /ый/ встречается только в конце слова, заканчивающегося на гласную /ы/. Следует сказать, что при полном произношении слов фонема /й/ в составе конечной /ый/ звучит так же отчетливо, как и в начальной позиции слова. С учетом сказанного в принятой в Корпусе звуковой системе татарского языка значатся 9 гласных фонем.

2. Консонантизм народного говора включает согласные фонемы /б/, /в/, /g/, /д/, /ж/, /з/, /й/, /q/, /л/, /м/, /н/, /п/, /р/, /с/, /т/, /ф/, /х/, /ч/, /ш/, /w/, /ң/, /ж/, /h/, /к/, /г/. При создании системы озвучения Письменного корпуса встречающиеся в русских заимствованиях твердые согласные /к/ и /г/ были заменены на мягкие /к’/ и /г’/, как это происходило в народном говоре (*капуста – кәбестә, газета – гәзит*).

3. Татарскому языку несвойственно стечение согласных в пределах слога. Следовательно, не существуют в татарском языке и аффрикаты /ц/ и /щ/. В Корпусе при озвучивании слов /ц/ заменяется на /с/ (*матрац – матрас*) или на /тс/ (*полиция – палитсия*), а /щ/ - на однофокусное /ч/ (*плащ – плач*).

Анализ освоенных языком русских заимствований показал, что непалатализованные русские фонемы /к/ и /г/ близки по артикуляции и звучанию палатализованным вариантам татарских фонем /к/ и /г/, соответственно (*кәрзин, рәшәткә, кәмит, кәрниз, гер, мөгәрич, гәрмун*).

Большое значение для татарской фонетики имеет учение В.А. Богородицкого о просодии слова в татарском языке. При построении автоматического транскриптора авторы настоящей работы руководствовались следующими положениями классика: «Из ударяемых гласных значительные перемены коснулись русских гласных /о/ и /е/, из которых первый в татарском народном языке заменился через /у/, а второй – через /и/ [Богородицкий 1953: 209]. Далее, “В области неударяемого вокализма прежде всего обратим внимание на передачу предударенного орфографического /о/ ⟨...⟩ в виде /а/ ⟨...⟩ Предударный гласный /е/ ⟨...⟩ субституируется в народном татарском произношении через /и/» [Богородицкий 1953: 211].

Следует отметить, что приведенные примеры произношения татарами русских заимствований соответствуют теории языковой эволюции Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2]. Основоположник Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэна де Куртенэ считал, что одним из основных факторов, лежащих в основе развития языка, является стремление к удобству или экономии энергии. Согласно Бодуэну де Куртенэ, данная тенденция в языках проявляется в перемещении артикуляции в ротовую полость, а также гласных нижнего подъема вверх. Данное явление находит отражение и в артикуляции татарами русских заимствований, а также в ослаблении лабиализации к концу слова в словах типа *тормышым (моя жизнь)* и *бөреле (с почками)*.

При отсутствии словесного ударения (такого, как в русском языке) и богатом вокализме стремление к удобопроизнесению явилось основным фактором в формировании звуковой системы татарского языка. Так, в основе небной гармонии лежит стремление говорящего сохранить положение массивного артикуляторного органа – корня языка в первоначальном положении, разбиение консонантных сочетаний в начале и конце слова в заимствованиях вставочной гласной (*икс – икес, шкаф – ышкаф*) – стремление озвучивать звуковые сегменты при минимальной затрате энергии.

Литература

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание всвязи с другими тюркскими языками / Под ред.чл.-кор. АН СССР проф. Н.К.Дмитриева. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1953.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т.2.

Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс] / Сайхунов М.Р., Ибрагимов Т.И., Салимзянов И.Ф. Казань, 2012// URL: http://corpus.tatfolk.ru

Д.Ф.Каюмова
Казанский федеральный университет (Казань)

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТРУД» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ-ЗООНИМАХ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Фразеологические единицы описывают положительные и отрицательные качества человека посредством сравнения его с предметом, имеющим различные свойства. Зоохарактеристика человека ярко отражает национальную особенность языков через систему оценочных образов. Фразеологизмы с названиями животных отражают физические качества, черты характера, интеллект, действия человека.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, концептология, фразеологизм-зооним.

В этнокультуре разных народов фразеологизмы, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах. В речевом общении представителей разных языковых коллективов отражаются как универсальные черты, так и этноспецифические закономерности, характеризующие культурно-национальные особенности каждого народа и его языка.

Фразеологические единицы имеют цель оценить положительные качества человека посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные / положительные свойства. В качестве предмета сравнения могут выступать различные концепты живой и неживой природы. «Сам факт обозначения человека через его сравнение с животным / артефактом создает образную номинацию, сопровождаемую положительной или отрицательной коннотацией» [Карташкова, 2003: 241]. Нами не случайно выделена эта группа пословиц и поговорок, так как ПЕ с зоонимами и орнитонимами являются одной из самых характерных групп фразеологического фонда любого языка. Народные сказки, пословицы, поговорки с ранних пор формируют в сознании людей отношение к объектам живой природы через их сравнение с людьми.

В зооморфизмах ярче, чем в любой другой области языка, отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности, когда образы животных в разных языках наделяются, на первый взгляд, совершенно немотивированными свойствами. Включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристик человека, поиски сходства с образами реалий мира природы – важный этап развития человеческого знания. Зоохарактеристика человека, возникая на основе образного представления о том или ином животном, наиболее ярко и непосредственно отражает национальную самобытность языков через систему оценочных образов, характерных для данного этноса.

Метафоричность зооморфных коммуникативных фразеологизмов, присущая им субъективно-оценочная коннотация, специфика их семантических параметров и синтаксической структуры во многом обусловлена их референциальной сферой, основу которой составляет имплицитно – выраженный в них антропоцентризм как проявление древней фольклорной традиции приписывания животным определенных черт человеческого характера. Наименования животных (зоонимы) и птиц (орнитонимы) – один из самых древних

пластов лексики во всех языках мира. Стремясь охарактеризовать своё поведение, чувства, состояния, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего и похоже на него самого – животным миром. Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими свойства и качества человека: лиса – «хитрый, льстивый человек», гусь - «о ненадежном или глуповатом человеке», медведь – «о неуклюжем, неповоротливом человеке», петух – «о задорном человеке, забияке» и т.п. Представление о птицах как о человеческих душах распространено по всему миру так же широко, как и мнение, что они являются воплощением божества предсказаний, бессмертия и радости. В некоторых культурах птицы считаются предвестниками болезней – обычно это вороны, грифы. Однако более распространено мнение, что птицы – благоприятный знак. Считается, что птицы имеют контакт с божественными сферами и приносят послания оттуда, именно поэтому, например, кельты преклонялись перед ними. В представлениях людей птицы – это воплощение мудрости, интеллекта и молниеносности мысли. Во многих мифах, сказаниях и легендах птицы приносят полезные советы героям (например, сова). Таким образом, названия птиц (орнитонимы) представляют большой интерес во всех исследуемых языках с точки зрения этимологии.

В целом традиционный выбор зоонимов и орнитонимов в паремиологическом фонде английского и татарского языков имеет много общего как в аспекте теории номинации, так и с точки зрения оценочной коннотации.

На основе классификации свойств человека, предложенной Т.Н.Писановой, в работе нами дана классификация наиболее частотных положительных человеческих качеств и объективирующих их частных оценок. Рассмотрим как позитивные свойства человека отражаются в английской паремиологии.

В языках и национальных культурах содержательный признак «отношение человека к труду» входит в ряд основополагающих абстрактных понятий, имеющих непосредственное отношение к жизни людей. Именно поэтому в семантическом пространстве сублимированных оценок важная роль принадлежит интегральному дескриптивному компоненту «трудолюбивый», находяәемуся в отношении семантической противоположности к семантическому микрополю с общей дескрипцией «ленивый». Примечательно то, что концепт «труд» анализируется в работах целого ряда исследователей (Т.В. Гоннова, 1997, Г.В. Токарев, 2002, Н.Н. Иванова, 2002, А.В. Егорова, 2006, Г.А. Багаутдинова, 2007 и др.), поскольку отношение к труду позволяет раскрыть систему общественных отношений и тем самым базовые ценности общества.

В лексической семантике исследуемых языков представлено несколько поведенческих типов трудолюбивого человека, которые отличаются между собой по содержательным и целевым установкам. Семантическим механизмом, поддерживающим доминирующей статус положительной этической оценки, является принцип аксиологической идеализации трудолюбия. Его культурологическим базисом служит одобряемое обществом «поведение действия», которому противостоит осуждаемая социумом «идеология бездействия». Деятельное поведение человека, которое руководствуется созидательными целями, находит одобрение в любом национальном сообществе. Любовь к труду и связанная с ней конструктивная активность мотивируются самым сильным природным инстинктом – инстинктом самосохранения, который ученые относят к «инстинктивным основам человеческой культуры» (термин К. Лоренца). Конкретная

культура наполняет их собственным гуманизированным содержанием, которая обогащается разнообразными прагматическими установками [Писанова 1997: 164].

В исследуемых языках за многие столетия народного творчества сложились и впоследствии закрепились определенные образно-ассоциативные стереотипы. В английском и татарском языках встречаются названия целого ряда животных, с именами которых ассоциируется такая черта человека, как «трудолюбивый» в лексических парах *horse – ат* (лошадь), *dog – эт* (собака), и *wolf – бүре* (волк), например в английском языке: *a horse that will not carry a saddle must have no oats – кто не работает, тот не ест*; *the dog that trots about finds a bone – грибов ищут – по лесу рыщу*т. В татарском языке, например: *азыклы ат арымас* – букв. сытая лошадь не устанет; *ат тартмый, азык тарта* – букв. не лошадь тянет, а еда. Аксиологическая идеализация трудолюбия в зооморфных метафорах реализует себя через подчеркивание привлекательных сторон фаунистической реалии и намеренное исключение из фокуса внимания непривлекательных характеристик. Однако другой – активный – поведенческий тип отрицает наличие какого-либо принуждения и использования силовых методов, например в английском языке: *a good horse must not be spurred – хорошей лошади хлыст не нужен*. В татарском языке данной пословице соответствует следующая пословица: *ат яхшы булса, чыбыркы кирәкмәс*. В приведенных примерах трудолюбивый человек предстает таким, для кого труд является приятным, увлекательным, интересным и желанным занятием.

В ходе исследования нами были выделены фразеологизмы, в которых положительно оценивается / одобряется такой биологический тип человека, как «жаворонки» – люди, которые рано встают и вследствие этого успевают за день выполнить значительно больше работы. Следовательно, здесь не может наблюдаться тенденции подавления каких-либо негативных частных оценок за счет приоритета морально-этического начала. Приведем примеры пословиц английского языка и их соответствий в татарском языке: *he that would eat the fruit must climb the tree – чикләвек ватмасаң, төшен ашый алмассың* – успех дается трудом (ср.: *без труда не вытащишь и рыбки из пруда*); *many a little makes a mickle – бөртеклəп чүплəп, ач калмыйсың* – из мелочей слагается крупное; курочка по зернышку клюет, да сыта бывает (ср.: *копейка рубль бережет*); *he that runs fastest gets the ring – чапкан узар, яткан калыр, йөгергән алыр* – кто всех опережает, тот награду получает; награда дается самому быстрому.

Следует отметить, что большое количество идиоматических выражений с именами животных выражают одобрение приобретению положительного жизненного опыта, побуждают молодых брать пример с более старших, бывалых и компетентных в какой-либо области, тех, кого «не проведешь», например, в английском языке: *you cannot catch an old bird with chaff – воробья на мякине не проведешь*. В татарском языке данной пословице соответствует следующая ФЕ: *карт чыпчык кипкән ипигә алданмас* – старого воробья на мякине не проведешь; *an old dog barks not in vain –карт эт җилгә өрми* –старый пес на ветер не лает; *old fox wants no tutors – карт төлке юлны таба* – букв. старая лиса дорогу найдет (старой лисе учителя не нужны). Дескрипция «опытный» в английском и татарском языках выражена эксплицитно посредством прилагательного *old* (англ.), *карт* (тат.). В данном случае это вполне оправдано, так как с возрастом человек становится мудрее, опыт позволяет ему быстрее ориентироваться в ситуации, а, следовательно, с прагматической точки зрения он более успешен, приспособлен к жизни.

Содержательное противоречие некоторой части татарских пословиц устраняется благодаря ценностной идеализации семантического признака «трудолюбивый». Последний возвышается над другими семантическими признаками, отражающими моральные и физические издержки трудолюбия, как то - изможденный, надорванный и т.п. В результате семантический компонент «трудолюбивый» и соответствующая ему положительная этическая оценка выдвигаются на первый план. Культурные основания положительной этической оценки в данном случае связаны с одобрением качеств трудолюбивого человека, поведение которого соответствует «идеологии действия» и поэтому поощряется национальным сообществом. Причем при выборе зоонима данный принцип распространяется как на диких, так и на домашних животных. Таким образом, с прагматической точки зрения, согласно народной мысли, даже домашним животным необходимо трудиться.

Зоологические наименования *собака* и *волк* в бытовом сознании носителей обеих лингвокультур часто сопровождаются негативной коннотацией, содержащей информацию о характеристиках животных: «хитрый», «опасный», «агрессивный» и т.п. Однако этим животным сопутствуют и положительные характеристики – «сильный», «выносливый», «упорный в достижении цели». При этом «хитрый» под влиянием положительной коннотации основного значения «трудолюбивый» переходит в «хитроумный». Такое благоприятное сочетание перечисленных качеств позволяет им быть прекрасными охотниками и получать положительную маркировку, несмотря на агрессивные и небескорыстные побуждения, лежащие в основе их поведения, а значит и человека, на которого переносятся данные характеристики. В зооморфных метафорах английского языка *wolf* и *dog* основаниями положительной этической оценки, включенной в семантический компонент «трудолюбивый», являются позитивные телеологические и утилитарные оценки, сопровождающие понятия о целесообразных, эффективных и полезных действиях животных.

В татарском языке пословицы и поговорки с лексическими единицами *собака* и *волк* часто ассоциируются с отрицательной коннотацией, например: *эт дисәң йоны юк, адәм дисәң сыны юк* – ни рыба, ни мясо; *эт эченнән өйрә эчкән* – собака мысленно локала похлепку; *эт талый дип, бет талый* –досл. глядя на собаку ухитряется кусать и вошь; *бүрәнә аркылы бүре күрә* – у страха глаза велики. Во многих пословицах названные животные противопоставляются друг другу, например: *эт белән бүре туган булса да, тума душман* – букв. хотя волк и собака родня, все равно враги; э*т өрер, бүре йөрер* – укв. собака лает – волк бегает.

Показательно также, что для некоторых языков (ср. испанский язык) не характерно использование зоометафор *собака* и *лошадь* в качестве обозначений трудолюбивого человека, тогда, как в английском, и особенно в русском фразеологическом фонде, частотность употребления метафоры *horse* (лошадь) велика. Следует отметить неоднозначность и многоплановость данного образа с точки зрения актуализирующего его активного или пассивного начала.

Рационалистическая ориентация трудолюбия поощряется социумом, но не является обязательным предписанием: «Несмотря на то, что компоненты «старательный», «усердный» из семантического поля «трудолюбивый» относятся к моральным качествам с положительно оцениваемой практической ориентацией, они не могут индуцировать положительную телеологическую оценку, так как соответствующие качества не

гарантируют эффективный труд и удачные результаты. Вместе с тем комбинации положительных этических, нормативных и утилитарных оценок, по замечанию автора, являются регулярными» [Писанова 1997: 170].

Несмотря на наличие сходных черт и структурно-семантических параллелей, зооморфные пословицы исследуемых языков обладают яркой национальной спецификой, обусловленной как экстралингвистическими факторами, так и особенностями национально-культурной среды. Следовательно, в данном случае мы имеем дело именно со спецификой национального менталитета по выбору прообраза, лежащего в основе метафорического переноса.

Положительное качество «опытный» определяет присутствие дескриптивных компонентов «умный» и «сообразительный», фиксирующих положительную интеллектуальную оценку. В высказываниях такое сочетание семантических компонентов сопровождается выводом о результативности действий человека, умении добиваться поставленной цели и извлекать выгоду, а также быть защищенным в любой ситуации.

Фразеологизмы часто имеют цель высмеять человека или похвалить и оценить его лучшие качества посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные / положительные свойства. Часто в качестве предмета сравнения, как справедливо отмечает В.И.Карасик, выступает представитель животного мира [Карасик, 1989]. Подводя итоги, необходимо отметить, что язык и образ мышления любого общества взаимосвязаны. Фразеологические единицы, заключающие в себе лингвоспецифическую информацию, одновременно отражают и формируют образ мышления носителей языка.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2002.

Карташкова Ф.И. Косвенная номинация в аспекте мыслительноязыковой деятельности. Иваново, 2003.

Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. М.: ИКАР, 1997.

Токарев Г.В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд»// Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Матер. междунар. симпозиума. Волгоград, 2002. С.192-201.

М.Ф.Киямова
Казанский федеральный университет (Казань)

ПАДЕЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДЛОГА *МЕЖДУ/МЕЖ* В ЯЗЫКЕ А.С.ПУШКИНА

В статье рассматривается специфика падежного управления предлога *между/меж* в языке А.С.Пушкина.

Ключевые слова: А.С.Пушкин, предлоги, падежное управление.

Д.О.Добровольский в статье «К динамике узуса» отмечает, что «основные грамматические характеристики русского языка практически не изменились со времен Пушкина» [Добровольский 2001: 161]. Вместе с тем, по мнению исследователя, «при сопоставлении языка… произведений Пушкина с современными нормами

словоупотребления… можно прийти к прямо противоположным выводам» [Добровольский 2001: 161]. Действительно, обращают на себя внимание изменения в грамматической системе русского языка, в частности, в сфере функционирования предложных единиц.

Обращение к языкуА.С.Пушкина обусловлено признанием пушкинской эпохи начальным этапом становления современного русского литературного языка. Как отмечает В.А.Гофман, «А.С.Пушкин стремится осмыслить и учесть необходимость пройденного языком исторического пути развития: поскольку язык наш исторически сложился так, а не иначе, необходимо считаться с этим, чтобы успешно двигать его дальше, учитывая уроки истории» [Гофман 1937: 43].Так, интерес А.С.Пушкина к истории русского языка проявляется не только в использовании старославянского и русского фонетических вариантов предлога *между*, но и вобращении к явлению морфологической предложной синонимии (термин М.В.Всеволодовой).

Многие исследователи считают, что данный предлог управляет творительным (ТП) и родительным (РП) падежами. Среди них можно отметить Н.Н.Астафьеву, В.С.Бондаренко, М.В.Всеволодову с соавторами. Однако Н.Н.Никольский придерживается другой точки зрения: он полагает, что после предлога *между (меж)* используется только ТП. Вместе с тем в «Словаре русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой указано, что предлог *между* употребляется с ТП и РП, причем большинство из значений, передаваемых формой РП, сопровождается пометой «устар.», кроме следующего: «Употребляется при указании на положение предмета среди других предметов или на то, что действие совершается в окружении, посреди каких-л. предметов» [Евгеньева 1999, 2: 245]. По мнению ученых, подобное вариативное управление было характерно для древнерусского языка. Например, А.Н.Стеценко отмечает, что «предлог *между (межи, межю, межь)* сочетался в древнерусском языкес родительным, винительным и творительным падежами» [Стеценко 1972: 105]. Н.И.Букатевич в своей работе «Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке» пишет, что «с самых ранних памятников русской письменности обнаруживается двоякое употребление предлога *между (меж)* в отношении падежей: то с родительным, то с творительным» [Букатевич 1957, 1: 90]. Аналогичную позицию по этому вопросу занимает Т.Н.Чивикова: «*…между, меж* в древнерусском языке употреблялось с двумя падежами: с творительным и родительным» [Чивикова 1948: 64]. Эта тенденция прослеживается на последующих этапах развития русского литературного языка, в том числе в языке А.С.Пушкина:*Мы бы его в моду пустили между фрейлинами*(«Письмо П.В.Нащокину», 3 августа 1831 г., с. 39); *Никто на празднике блистательного мая, Меж колесницами роскошными летая, Никто из юношей свободней и смелей Не властвует конём по прихоти своей* («Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает…», с. 344), но: *…в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцевпервобытной свободы* («Примечание к цыганам», с. 439);*Уже с венком из роз душистых, Меж кудрей вьющихся, златых… Заздравным не стучишь фиалом…* («К Батюшкову», с. 46).

При этом необходимо заметить, что предложным вариантам *между* и *меж* свойственна различная сочетаемость, которая в той или иной степени проявляется в текстах разного характера. Предложная единица со старославянской огласовкой *между*в прозе писателя чаще управляет ТП, чем РП, тогда как в поэтических

произведениях РП активнее ТП. Предлог *меж*в прозаических произведениях А.С.Пушкина реже выступает с РП, а в стихотворных текстах число примеров с ТП и РП приблизительно одинаково.

Выбор формы с РП в поэзии А.С.Пушкина может быть связан с требованиями размера: *Предметом став суждений шумных, Несносно(согласитесь в том) Между людей благоразумных Прослыть придворным чудаком…* («Евгений Онегин», с.134); *Ты, детскую качая колыбель, Мой юный слух напевами пленила И меж пелен оставила свирель, Которую сама заворожила*(«Наперсница волшебной старины», с. 292), но: *Тише, тише! под кустами Что-то кроется во мгле… Между месяцем и нами Кто-то ходит по земле* («Русалка», с. 167); *Он меж печатными строками Читал духовными глазами Другие строки. В них-то он Был совершенно углублен* («Евгений Онегин», с. 145).

Кроме того, сочетаемость предлога с тем или иным падежом в определенной степенизависит от частеречной принадлежности слова, употребляющегося с предлогом. Так, предложные варианты *между* и *меж*, как правило, используютсяв составе конструкций, включающих в себя существительные или местоимения в ТП:

– *Между* + существительное в ТП ед.ч.

К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским… («Дневник 1833 – 1835 гг., с. 687).

– *Между/меж* + существительное в ТП мн.ч.

Мы бы его в моду пустили между фрейлинами(«Письмо П.В.Нащокину», 3 августа 1831 г., с. 39); *Долго мертвый меж волнами Плыл качаясь как живой; Проводив его глазами, Наш мужик пошел домой* («Утопленник», с. 462).

– *Между/меж* + существительное + существительное (в ТП)

Ульянов, Давыдов и Белобородов действовали между Уфою и Казанью(«История Пугачева», с. 552-553);*Она меж делом и досугом Открыла тайну, как супругом Самодержавно управлять, И все тогда пошло на стать* («Евгений Онегин», с. 39).

– *Между* + местоимение в ТП + существительное в ТП

…все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою…(«Барышня-крестьянка», с.258); *Недавно прочел я в его журнале сравнение между мной и Полевым…* («Письмо М.П.Погодину», 11 июля 1832 г., с. 73).

Управление РП представлено в большинстве случаев в стихотворных произведениях писателя при личных местоимениях: *День каждый, каждую годину Привык я думой провождать, Грядущей смерти годовщину Меж их стараясь угадать* («Брожу ли я вдоль улиц шумных…», с. 494); *Но между вас я вижу новы лица …* («Борис Годунов», с. 43).

Особое внимание хотелось бы обратить на словосочетание *между Берновом и Малинников*, в котором первое существительное стоит в ТП, а второе – в РП (начальные формы лексем: *Берново*, *Малинники*): *Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал* («Письмо Н.Н.Пушкиной», 21 августа 1833 г., с. 92). Здесь, вероятно, можно усмотреть контаминацию двух типов конструкций: с ТП и РП. Аналогичный

пример встречается в поэзии А.С.Пушкина: *Внемлите мне: могу равенство Меж вас и мной восстановить* («Клеопатра», с. 180).

Стоит отметить, что выбор падежного управления предлога зависит не только от характера текста и частеречной принадлежности слова, употребляющегося с предлогом, но и от семантики конструкции. Так, еще А.Х.Востоков в «Русской грамматике» писал, что «наречия *между, промежду*, и сокращенно *меж, промеж*, управляя родительным падежом, показывают путь, управляя же творительным, показывают место действия» [Востоков 1838: 277]. Данное положение в своей работе развивала Г.А.Золотова: «*Между (меж)* - 1. РП. В глагольных сочетаниях с глаголами движения получает транзитивный оттенок пути движения: *Ты шагом едешь меж полей*; 2. ТП. В глагольных сочетаниях при глаголах положения в пространстве: *Я спал между печью и окном …* [Золотова 1988: 72, 259]. Вместе с тем в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И.И.Давыдова находим иное объяснение: «Предлог *между* сочиняется с двумя падежами - с творительным, при выражении покоя, и с родительным, при выражении движения: «Хижина лежит между скалами», и «ручей течет между скал» [Давыдов 1852: 309]. Однако А.С.Пушкин не следует этим предписаниям. Как показал анализ примеров, в произведениях писателя предлог *между (меж)* преимущественно управляет ТП, если он используется в конструкциях, обозначающих:

а) объектные отношения между однородными лицами или предметами

Между мертвецами поднялся ропот негодования… («Гробовщик», с. 239); *Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками*(«О народном воспитании», с. 560);

б) сравнение, сопоставление [Потебня 1985: 210]

Замечательная разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым(«История Пугачева», с. 601); *К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским, между гвардейским офицером и другим чиновником…* («Дневник 1833 – 1835 гг., с. 687);

в) лиц, предметы, которые вступают во взаимодействие друг с другом

Но дружбы нет и той меж нами(«Евгений Онегин», с. 32); *...недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более укреплялось…* («Барышня-крестьянка», с. 263);

г) пространственные отношения

Между Волгой и Яиком… кочевали мирные калмыки… («История Пугачева», с. 531); *Между месяцем и нами Кто-то ходит по земле* («Русалка», с. 167).

Предлог *между (меж)* употребляется с РП в конструкциях, выражающих:

а) объектные отношения между однородными лицами или предметами

И встретил нас Куницын Приветствием меж царственных гостей(«Была пора: наш праздник молодой…», с. 600); *...в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы* («Примечание к цыганам», с. 439);

б) пространственные отношения

И всю теснину между скал Загородил… («Обвал», с. 265); *Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен…*(«Письмо Н.Н.Пушкиной», 21 сентября 1835 г., с. 179);

в) временные отношения

Люблю я дружеские враки… Порою той, что названа Пора меж волка и собаки… («Евгений Онегин», с. 76).

Кроме того, наблюдения над особенностями падежного управления предлога *между* позволяют говорить о некоторой зависимости от стилистической маркированности контекста. Предлог *между (меж)* используется с РП в контекстах, передающих ироничную: *«Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию»* («История села Горюхина», с. 278); *«Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей: К чему бесплодно спорить с веком? Обычай деспот меж людей»* («Евгений Онегин», с. 14*),* а также народно-разговорную интонацию*: Полетел и опустился Между моря и небес На корабль – и в щель залез* («Сказка о царе Салтане»,с. 330), тогда как управление ТП представлено в большинстве случаев в стилистически нейтральных контекстах: *…переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами …*(«История села Горюхина», с. 270); *Пугачев стоял на высоте между двумя дорогами* («История Пугачева», с. 592).

Таким образом, падежное управление предлога*между (меж)* в языке А.С.Пушкина зависит от таких факторов, как частеречная принадлежность управляемого слова, семантика и стилистическая маркированность конструкции, в составе которой функционирует предложная единица, требования размера.

Литература

Астафьева Н.И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления. Минск, 1974.

Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.

Бондаренко В.С. Пространственные отношения, выражаемые с помощью предлогов / В.С.Бондаренко // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П.Потемкина. 1954. Т. 33. С. 19 – 42.

Букатевич Н.И. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке: в 2 ч. Одесса, 1957.

Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб, 1838.

Всеволодова М.В. и др. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога/ М.В.Всеволодова, Е.В.Клобуков, О.В.Кукушкина, А.А.Поликарпов // Вестник Моск. ун-та: сер. 9. 2003. № 2. С. 17 – 59.

Гофман В.А. Язык А.С.Пушкина // Стиль и язык А.С.Пушкина. М., 1937. С. 36– 65.

Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.

Добровольский Д.О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 161– 178.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Никольский Н.Н. Служебные слова. Новосибирск, 1947.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1985. Т. 4. Вып. 1.

Пушкин А.С. Драматургия. Проза. – М., 2008.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. Проза. М., 2005.

Пушкин А.С. Собр. Соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1981.
Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Проза. М., 1987.
Пушкин А.С. Я вас любил … : стихотворения. М., 2010.
Пушкин А.С. Полное собрание поэм и сказок. М., 2013.
Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1981–1984.
Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
Чивикова Т.Н. Из истории предлогов // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1948. -Т. 12. Вып. 1. С. 61–68.

И.Е.Колесникова
Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ СВАРЛИВОСТИ
(на материале украинского, английского и крымскотатарского языка)

В статье исследуются вопросы сопоставительного идеографического анализа фразеологической микросистемы, обозначающей склонность к распространению сплетен в украинском, английском и крымскотатарском языках. С учетом достижений современной психологической науки, выводов этнолингвистической и лингвокультурологической отраслей лингвистики составлена схема идеографической классификации рассматриваемой микросистемы. Проализированы некоторые факторы, влияющие на наполнение фразеологических микросистем в названных языках.

Ключевые слова: черты характера человека, фразеологческая микросистема, синонимический ряд, семантическая группа, сварливость.

Фразеология является закономерным результатом общности окружающего нас мира, репрезентируя культуру народа-носителя. Изучение же культурных особенностей понятий, представленных фразеологическими единицами (далее ФЕ), в сопоставительном аспекте дает возможность выявить как систему оценок и ценностей, необходимых для исследования межкультурных различий, так и своеобразие менталитета и миропонимания людей. Поэтому труды, ориентированные на субъекта познания – человека, подтвердили интерес ученых к широкому кругу проблем, которые решаются на материале генетически родственных и неродственных языков. Высокая значимость черт характера человека обуславливается частотностью их фиксации во фразеологии украинского, английского и других языков [см., например, об этом: Алешин 2011; Арсентьева 1989; Литвинова 2004; Подюков 1991; Райхштейн 1980].

Цель работы – сопоставительное идеографическое описание фразеологической микросистемы со значением сварливости в украинском, английском и крымскотатарском языках в структурно-семантическом и ономасиологическом аспектах.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: 1) охарактеризовать интралингвальные и экстралингвальные факторы формирования фразеологических микросистем в разноструктурных языках; 2) проанализировать идеографические

характеристики фразеологических микросистем со значеним сварливости в украинском, английском и крымскотатарском языках; 3) проследить некоторые факторы, влияющие на наполнение этих фразеологических микросистем в названных языках.

Семантико-мотивационные модели сознания способствуют выделению ключевых концептосфер в соотношении *человек – социум*: интеллектуально-рациональную, соматическую, стереотипы вербального и речевого поведения, жестовую, социальную, семантико-аксиологическую, предметно-артефактуальную, пространственную, агентивноу, фаунонимную, флоронимную [Тищенко 2000].

Данная статья является частью комплексного исследования фразеологической микросистемы ‘черты характера человека’, в рамках которой опубликован ряд работ [Колесникова 2009, 2013]. Фразеологическая микросистема ‘черты характера человека’ в соответствии с иерархией идеографической классификации фразеологических единиц, предложенной профессором Ю.Ф.Прадидом [Прадид 1997: 40], называется нами как тематическое поле. В свою очередь, данное тематическое поле состоит из ряда тематических групп, семантических полей, семантических групп и синонимических рядов. Мы считаем, что к каждому из этих составляющих может быть применен употребляемый в современном языкознании термин фразеологическая микросистема, которым обозначают сравнительно небольшие в своем количественном составе структуры группирования ФЕ.

Согласно представленной классификации фразеологическая микросистема ‘сварливость’ в трех языках реализуется как семантическая группа, образующая тематическую группу ФЕ ‘черты характера человека по отношению к себе’. В свою очередь, тематическое поле ФЕ ‘черты характера человека’ состоит из трех тематических групп: ‘черты характера человека по отношению к делу’, ‘черты характера человека по отношению к другим’, ‘черты характера человека по отношению к себе’.

К наивысшим психическим процессам, которые присущи только человеку, принадлежит речь. Поэтому вполне естественно, что речь может реализовываться в таких чертах характера человека, как сварливость, склонность к распространению сплетен и т.п. Доказано, что речь влияет на других людей, побуждает их на определенные действия, поступки и т.д. [Общая психология 1981: 258–270; Психология 1990: 342–343 и др.]. Но показательно и целостное восприятие самого человека – как он регулирует свою речь. Итак, фразеологизмы со значением сварливости характеризуют человека, который резкими, обидными словами может выражать недовольство, осуждение, упреки. Такой человек обостряет взаимоотношение с другими, что в итоге может привести к ссоре. Фразеологическая микросистема ‘сварливость’ образована семантическими группами (23 ФО в украинском языке, 15 ФО в английском, 10 ФО в крымскотатарском), которую составляют синонимические ряды со значением:

а) кричать, шуметь: ***рвати горло (горлянку).*** *Справник з фаєтона захрипів... до громади зривним голосом: видко тепер доводиться* ***рвати горло*** (М. Стельмах) (*букв.* Исправник с фаэтона захрипел ... к обществу срывающимся голосом: видно теперь приходится драть горло) [ФСУМ: 732]; ***роззявляти / роззявити пащеку (пельку),*** *вульг.* [Русаловський:] *Чого ти так* ***пащеку роззявив****? Та нехай тобі заціпить!* (І. Карпенко-Карий) (*букв.* [Русаловский:] Чего ты так пасть разинул? Да пусть тебя приткнет!) [ФСУМ: 749] и т. д.; ***have (got) a foot on the loud pedal.*** *Hark! She's worth listening to when she's* ***got her foot on the loud pedal*** (*букв.* Только послушайте! А послушать стоит, когда она разойдется. Сейчас начнет обзывать его!) [АРФС: 292]; ***raise the roof*** *разг.*

...if she were cross she'd ***raise the roof,*** *break anything* (J.B. Priestley) (*букв*. ... когда моя сестра в плохом расположении духа, ей ничего не стоит устроить грандиозный скандал и разбить все, что подвернется под руку) [АРФС: 640] и т.д.; ***богъаз кермек****, лакъ., такъ. Яваш сойлесе – эшитмей,* ***богъаз керсе*** *– бегенмей* (*букв.* Если говоришь тихо - не слышит, если глотку дерешь - не нравится) [РКУФС: 44]; ***давулгъа къоюп зурнагъа чалмакъ*** *кимни, нени, лакъ., такъ. Бу вакъианы* ***давулгъа къоюп зурнагъа чалдылар*** (*букв.* Об этом случае рассказали всем) [РКУФС: 49] и т. д. (8 ФЕ в украинском языке; 7 ФЕ в английском языке; 3 ФЕ в крымскотатарском языке);

б) ругаться, сквернословить, критикуя, высказываться грубо: **р*озпускати / розпустити морду (писок),*** *грубо. – Чого се* ***розпустив морду****, як халяву? Та се не Січ: тут тобі гетьман не свій брат* (П. Куліш) (*букв*. – Чего это распустил морду, как халяву? И это тебе не Сечь: здесь тебе гетман не свой брат) [ФСУМ: 756]; ***обкидати словами*** **[як компресами]** *кого, фам., рідко. Анархісти уперто не хотіли злазити* [з грузовика] *і чогось чекали,* ***обкидаючи*** *шофера* ***словами, як компресами*** (Ю. Яновський) (*букв*. Анархисты упорно не хотели слезать [с грузовика] и чего-то ждали, обкладывая шофера словам, как компрессами) [ФСУМ: 568] і т. ін.; ***call smb. names*** [этим. лит.* Эта идиома зарегистрирована в конце 17 ст., но В. Шекспир использовал похожее выражени ранее в драме «Ричард III»: «That thou hadst *called* me all these bitter *names*» [dictionary.reference.com/browse/call+names]**.** *...he flew into a tremendous passion****; called*** *him all manner* ***of names*** (Ch. Dickens) (*букв.… он пришел в страшную ярость и начал обзывать Фреда последними словами*) [АРФС: 524]; ***talk Billingsgate*** *розм.* [этим. *Billingsgate – название большого рыбного рынка в Лондоне]. *The two men with the barrows quarreled over a market pitch and both of them began* ***to talk Billingsgate*** (DEI) (*букв.* Двое мужчин с тележками поссорились из-за места на рынке и давай обсыпать друг друга бранью) [АРФС: 82] и т. д.; ***акъыл къоймакъ*** *кимге, лакъ.* (*букв.* Ум класть) [РКУФС: 49]; ***запарта чекмек*** *кимге, лакъ.* (букв. Вынести строгий выговор) [РКУФС: 49]; ***зыкъы бермек*** *кимге, лакъ. Бабасы онъа бир* ***зыкъы бермиш*** (*букв. На него накричал отец*) [РКУФС: 47] и т. д. (8 ФЕ в украинском языке; 4 ФЕ в английском языке; 4 ФЕ в крымскотатарском языке);

в) неистово, очень громко: ***на весь світ*** *зі сл.* кричати. *Вона* ***кричала на весь світ*** (*букв*. Она кричала на весь свет) [ФСУМ: 783]; ***на всю пельку****, вульг. зі сл.* кричати, репетувати *і т. ін. Вдома вона* ***кричала*** *й репетувала* ***на всю пельку****: там вона забувала, що вона свята та божа...* (І. Нечуй-Левицький) (*букв.* Дома она кричала и вопила во всю глотку, там она забывала, что она святая и божая) [ФСУМ: 611]; ***на чім (на чому)*** **[тільки]** ***світ стоїть*** *зі сл.* лаяти, клясти, проклинати *і т. ін. Лає* [Олекса] *панів* ***на чім світ стоїть****. Так клене часом, що Єлена не може того слухати* (Г. Хоткевич) (*букв*. Ругает [Олекса] господ на чем свет стоит. Так клянет иногда, что Елена не может этого слушать) [ФСУМ: 783]; ***бар сесинен*** *багъырмакъ, окюрмек, лакъ. Адам* ***бар сесинен*** *багъырды* (*букв.* Человек крикнул во все горло) [РКУФС: 43]; ***сес-седа (чыкъармакъ)*** (*букв.* Звонко-звонко голосить) [РКУФС: 43] (2 ФЕ в украинском языке; в английском языке ФЕ не зафиксированы; 2 ФЕ в крымскотатарском языке);

г) грубый, несдержанный в высказаваниях: ***поганий на язик***. [Одарка:] *Мені здається, що я б його ніколи не прохала: такий у нього страшний погляд. Та сердитий, та* ***поганий на язик!*** (М. Кропивницький) (*букв*. [Одарка:] Мне кажется, что я бы его никогда не просила: такой у него страшный взгляд. И сердитый, и поганый на язык!) [ФСУМ: 656]; ***різкий на язик. Різкий на язик****, грубуватий, як усі сини півдня, Селаброс*

часом грубо різав правду в вічі (І. Нечуй-Левицький) (*букв.* Резкий на язык, грубоватый, как все сыны юга, Селаброс иногда жестко резал правду в глаза) [ФСУМ: 738] и т.д.; ***тили бир къарыш*** *олмакъ кимнинъ, лакъ., такъ. Онынъ* ***тили бир къарыш*** (*букв.* У него очень длинный язык) [РКУФС: 43] (5 ФЕ в украинском языке; в английском языке ФЕ не зафиксированы; 1 ФЕ в крымскотатарском языке);

д) крикливый, сварливый, грубый человек: ***баба Палажка*** **[і баба Параска].** *Був час, коли Гітлер не мовчав перед німцями «мов скеля», він був охочий до самохвальби, як та* ***баба Палажка*** (П. Козланюк) (*букв*. Было время, когда Гитлер не молчал перед немцами «как скала», он был любитель самовосхваления, как и баба Палажка) [ФСУМ: 16]; ***базарна баба. Базарною бабою*** *називали її всі сусіди* (*букв.* Базарной бабой называли ее все соседи) [ФСУМ: 16] и т. д. (4 ФЕ в украинском языке; в английском и крымскотатарском языках ФЕ не зафиксированы).

Как показывает проведенный анализ, идеографическая структура в трех языках реализуется в виде семантической группы, состоящей из синонимических рядов. Но способы наполнения самих фразеологических микросистем разные. В украинских и крымскотатарских ФЕ наличие компонентов-соматизмов *рот (пащека, пелька), горло, язык* определяют речевой аппарат человека, которому нравится ругаться: ***рвати горло (горлянку),*** [рвать горло (горлянку)] ***роззявляти / роззявити пащеку (пельку)*** [разевать пасть], ***розпускати / розпустити язика*** [распускать язык]**,** ***агъыза тюшмек*** [попасть в рот], ***богъаз кермек,*** [горло растягивать], ***тили бир къарыш*** [язык в пядь].

Однако сквернословие ассоциируется не только с речевым аппаратом, но и с принадлежностью к определенной социальной группе – торговцам, извозчикам: ***базарна баба*** [базарная баба]**,** ***swear like a bargee*** *(также* ***swear like a fishwife, like a sailor*** *или* ***like a trooper)*** [браниться как барочник (как торговка, как моряк или как сапожник), браниться], ***talk Billingsgate*** [говорить как на Биллингсгейте].

Выводы. В исследовании из фразеологического состава украинского, английского и крымскотатарского языков выделены ФЕ со значением сварливости. Эта группа ФЕ передается достаточно широким диапазоном номинаций в трех языках, и реализуется в виде семантических групп. Однако макромотивационные модели во фразеологических микросистемах разные. Так, большинство украинских и крымскотатарских ФЕ со значением сварливости соотносится с речевым аппаратом человека. А в семантических группах в английском и украинском языках использовались образы торговых реалий. Представленный сопоставительный анализ ФЕ со значением сварливости может содействовать дальнейшим лингвистическим исследованиям во фразеологической идеографии, разработке общей методики для изучения фразеологических микросистем в неродственных и структурно отдаленных языках.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРФС – Англо-русский фразеологический словарь = English-Russian phraseological dictionary : [ок. 2000 ф. ед. / авт.-сост. А. В. Кунин]. М., 1984.

РКУФС – Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. Симферополь, 2004.

ФСУМ – Фразеологічний словник української мови : в 2-х кн. / [Уклад. В. М. Білоноженко та ін.]. – К., 1993.

Литература

Алешин А.С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека (лингвокультурологический аспект): автореф. дис.. … канд. филол. наук. СПб, 2011.

Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань, 1989.

Літвінова М.М. Семантичні властивості фразеологічних одиниць зі значенням рис характеру людини (на матеріалі німецької мови XIX − XX ст.): автореф. дис. … філол. наук. – ХарківХ., 2004.

Колеснікова І.Є. Характеристика фразеологічної мікросистеми на позначення обережності в українській, англійській і кримськотатарській мовах / І.Є. Колеснікова // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 22 (61). 2009. № 4 (1). С. 238-242.

Колеснікова І.Є. Особливості фразеологічної мікросистеми на позначення відданості в українській та англійській мовах // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. 2013. № 4. С. 252-257.

Общая психология / Под ред. Б.Б. Богословского, А.А. Степанова. – М , 1981.

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры.Пермь, 1991.

Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень). К., 1997.

Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. 2-е изд., исправл. и доп.. М., 1990.

Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М. , 1980.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии/ Сост., авт. комм. и послесл. А.В.Брушлинский, К. Л. Абульханова-Славская. СПб., 2000.

Тищенко О.В. Обрядова семантика у слов'янському мовному просторі. К., 2000.

Dictionary.com// URL: http://dictionary.reference.com/browse/call+names (дата обращения: 18.10.2014).

Е.И.Колосова, М.Ю. Кашарин
Казанский федеральный университет (Казань)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СТАТЬЯХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

В статье рассматриваются прецедентные феномены, в частности прецедентные имена, в политическом дискурсе. Дан сопоставительный анализ употребления прецедентных имен, которые используются российскими политиками В.В.Путиным и В.В.Жириновским в статьях для СМИ. Сделаны выводы относительно частотности и индивидуальной манеры обращения к прецедентным феноменам.

Ключевые слова: прецедентные феномены, политический дискурс.

Актуальность исследования заключается в том, что роль общения политиков с гражданами посредством печатных средств массовой информации сегодня значима как никогда ранее. И, несмотря на то, что в последнее время гораздо больше людей ориентируются на информацию, представленную телевидением и другими электронными

СМИ, печатные издания сохраняют свое особое положение за счет того, что ориентированы на более узкий и, соответственно, на более образованный круг населения. В связи с этим, безусловно, политики должны особенно внимательно подходить к вопросу о том, каким образом нужно строить текст, обращенный к гражданам страны, и какие языковые средства воздействия при этом использовать. В этой работе мы уделили внимание конкретному языковому приёму – использованию в речи политиков прецедентных феноменов, а именно прецедентных имен.

«Исследование президентского дискурса – одно из перспективных направлений современной политической лингвистики. Помимо монографии и докторской диссертации М. В. Гавриловой, в которой детально рассмотрены коммуникативные особенности выступлений Б.Н.Ельцина и В.В.Путина (2004, 2005), можно выделить несколько кандидатских диссертаций (Каслова 2003, Стрельников 2006, Моисеева 2007, Чернякова 2007 и др.), а также целый ряд статей (Белкина 2002, Вепрева 2007, Маркова, Харламова 2005, Светоносова 2005 и др.)» [см.: Нахимова 2007: 5].

Материалом для исследования послужили тексты статей российских политиков для печатных средств массовой информации, а в центре внимания находятся прецедентные имена и средства речевого воздействия (манипуляции). Мы посчитали необходимым выбрать для анализа статьи представителей разных политических сил. Первая – программная статья В.В.Путина в то время, когда он был кандидатом на пост президента. Статья называется «Россия: национальной вопрос», она была опубликована на страницах «Независимой газеты» 23 января 2012 г. Автором второй статьи является В.В.Жириновский – представитель ЛДПР, оппозиционной к власти партии. Его статья «Куда двигаться России» была опубликована в газете «Известия» 1 февраля 2012 г.

По определениям, которые мы находим в работах современных исследователей, прецедентное имя – это имя, которое понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, Летучий голландец), обозначая при этом одно понятие» [Красных 2002: 48]. Прецедентные феномены непосредственно в политическом дискурсе рассматривал Д.Б.Гудков в работе «Прецедентные феномены в текстах политического дискурса». Активное употребление прецедентных феноменов в политическом дискурсе он объясняет тем, что в основе политического дискурса «лежит стремление к созданию суггестивного эффекта, что обуславливает обращение не к понятию, а к образу, не к дискурсивному, а к мифологическому сознанию; это типично для речи «вождя», обращающегося к толпе» [Гудков 2003: 53].

Сравнительный анализ использования прецедентных имен в статьях названных российских политиков был сделан с целью выявления особенностей их использования . Результаты оказались достаточно интересными. Известно, что политики часто ссылаются на авторитеты. Путин не является исключением. В поддержку своих слов он приводит прецедентные высказывания историка В.О.Ключевского («*Однако даже в тот момент, когда государство как институт критически ослабело, Россия не исчезла. Произошло то, о чем Василий Ключевский говорил применительно к первой русской Смуте: «Когда надломились*

политические скрепы общественного порядка, страна была спасена нравственной волей народа» [Путин]), философа И.И.Ильина («*Именно об этом особом характере русской государственности писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину, всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство*») и писателя Ф.М.Достоевского («*всемирная отзывчивость*» [Путин]). Приводя высказывания Ключевского и Ильина, Путин использует цитаты, вероятно, поэтому впервые в своей статье указывает на источник прецедентности. Высказывание Ф.М.Достоевского «*всемирная отзывчивость*» Путин использует, когда говорит о миссии русского народа. «Эта способность, по словам Достоевского, есть «всецело способность русская, национальная», унаследованная Пушкиным от своего народа, для которого характерна «склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению» [Сохряков 2010: 24]. Все три прецедентных высказывания относятся к одному историческому времени, что свидетельствует о том, что Путин очень тщательно подходит к выбору прецедентных феноменов.

В статье В.В. Жириновского для газеты «Известия» «Куда двигаться России» можно встретить довольно большое количество намеренно использованных прецедентных имен. Мы выбрали эту статью, так как Жириновский и его партия ЛДПР принадлежат той политической силе, которая активно критикует власть, поэтому их программа резко отличается от программы крупнейшей партии, представленной в Думе, «Единой России». Обратимся к контекстам: «*В начале марта жителям нашей страны придется в очередной раз выбирать президента. Март является знаковым для России. Посудите сами: в марте 1801 года был убит Павел I, в марте 1881 года убит Александр II, в марте 1887 года произошло покушение на Александра III, 2 марта 1917 года отрекся от престола Николай II, 2 марта (а не 5-го) умер Сталин, 2 марта 1931 года родился Горбачев, разваливший СССР. А 4 марта 2012 года граждане России решат свою судьбу, выбрав президента*». Жириновский использует большое количество прецедентных имён, однако все они приводятся в одном абзаце: Павел I, Александр II, Александр III, Николай II, Сталин, Горбачев. Эти имена являются не просто именами собственными, политика интересуют не столько конкретные личности, сколько обстоятельства, их объединяющие. Например, в случае с императорами – это насильственное свержение с трона (или попытки такого свержения). Жириновский приводит прецедентные имена в хронологическом порядке, указывая исторический период, к которому они относятся, облегчая тем самым восприятие данных феноменов читателями. Формально Горбачев относится к «ключевому тексту текущего момента», тогда как Павел I, Александр II, Александр III, Николай II и Сталин к так называемым «сильным текстам», т.е. текстам, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений». Очевидно, что через определенное количество времени к ним можно будет причислить и имя Горбачева.

Если в статье Путина имена Ключевского, Ильина и Достоевского используются для указания на источники прецедентных высказываний, то в статье Жириновского используются сами прецедентные имена как особые выразительные средства.

Интерес представляют и хронологические рамки, к которым относятся прецедентные имена. Самый поздний период, к которому относится прецедентное имя в статье В.В. Жириновского, – это XIX в. Большинство же из используемых им имен относится к XX и XXI вв. Любопытно, что в нескольких случаях исторический период

установить не удалось (речь идет о прецедентных именах со сферой-источником фольклор). У В.В. Путина другая ситуация: в его статье можно найти прецедентные феномены, относящиеся и к XXI, и к XX, и даже к IV векам. Одна из функций прецедентных феноменов, в том числе и прецедентных имен, – актуализация прагматического материала, «под которым понимается способность текста производить воздействие на типового, «усреднённого» адресата…» [Назина www. ru], поэтому выбор таких прецедентных феноменов, которые относятся к настоящему времени, может расцениваться как попытка быть понятым большим количеством людей.

Следует отметить, что самые распространенные понятийные сферы-источники – история и политика. Характер прецедентности, как правило, национальный. Чаще всего используются те прецедентные феномены, которые испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений. Стоит отметить, что типы прецедентных феноменов практически не зависят от политической направленности автора статьи, поэтому все рассматриваемые нами феномены можно считать универсальными для политического дискурса.

Литература

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. М.: 2003.
Красных. В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекц. курс . М., 2002.
Назина О. Прецедентные феномены как средство усиления прагматического потенциала гендерно ориентированных рекламных текстов// URL: http://gisap.eu/ru/node/41475 (дата обращения: 18.10.2014).
Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. М., 2010.

Источники

Путин В.В. Россия: национальный вопрос// URL: http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html (дата обращения: 12.10.2014).
Жириновский В.В. Куда двигаться России// URL: http://izvestia.ru/news/513893 (дата обращения: 10.10.2014).

Е.И.Колосова, К.М. Миниханова
Казанский федеральный университет (Казань)

ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (сопоставление переводов повести бр.Стругацких «Понедельник начинается в субботу» на польский и украинский языки)

В статье рассматриваются традиционные приемы передачи реалий в художественном тексте, которые используют переводчики при работе с научной фантастикой. Дан сопоставительный анализ переводов на польский и украинский языки на примере повести бр. Стругацких "Понедельник начинается в субботу".

Ключевые слова: переводы, польский язык, украинский язык, творчество бр. Стругацких, повесть «Понедельник начинается в субботу».

Без сомнений, переводная литература во все времена служила бесконечным источником взаимного духовного обогащения жителей разных стран мира. Сюжеты переводной литературы являются живой связью литератур и фольклора различных народов, связью между веками, между разнородными культурами, отвечая самым различным запросам национальных литератур. В некоторые эпохи в разных национальных культурах переводная литература играет едва ли не более важную роль, чем оригинальная. Но это отнюдь не показатель слабости национальной культуры, а, напротив, симптом её бурного роста и значительных общественных изменений.

Исторически так сложилось, что советская научная фантастика была областью литературы в наибольшей степени подверженной давлению идеологической конъюнктуры, и потому как в художественном отношении, так и в отношении популярности отечественные писатели-фантасты существенно проигрывали своим западным коллегам. К числу немногих исключений из этого правила принадлежат братья Стругацкие (здесь и далее АБС), сумевшие добиться мирового признания писатели, книги которых читают до сих пор.

Самый первый рассказ АБС «Извне», вышедший в свет в 1958 году, был в тот же год переведён на венгерский, румынский и польский языки. В дальнейшем география зарубежных публикаций Стругацких только расширялась: 1960 – 3 опубликованных перевода, а в 1988 – 44. «Российское авторское общество свидетельствует, что Стругацкие на протяжении всех этих лет были неизменными лидерами по изданиям за рубежом – не среди фантастов, а среди всех советских писателей вообще» [Скаландис 2008: 206].

Польских читателей с произведениями Стругацких знакомили переводчицы Ирена Петровска (I. Piotrowska) и Эва Скурска (E. Skórska). Ирене Петровской принадлежат переводы повестей: «Трудно быть Богом» (Trudno być Bogiem), «Понедельник начинается в субботу» (Poniedziałek zaczyna się w sobotę), Второе нашествие Марсиан (Drugi najazd Marsjan). Эва Скурска работала над произведениями: «Путь на Амальтею», «Стажеры» (Lot na Almateę. Stażyści), «Полдень, XXII век» (Południe, XXII wiek), «Понедельник начинается в субботу» (Poniedziałek zaczyna się w sobotę), Град обреченный (Miasto skazane), Хищные вещи века (Drapieżność naszego wieku) и другие.

Перед людьми, которые позволяли иностранному читателю познакомиться с выдающимися авторами научной фантастики, творившими на русском языке (хотя А.Стругацкий занимался переводами японских авторов!), стояла сложнейшая задача: сохранить коммуникативную интенцию авторов, показать колорит и национальное своеобразие, не только верно передать фантастическую терминологию, но и тонкое чувство юмора и иронию – что куда сложнее.

Переводить Стругацких на украинский язык стали намного позже. Перевод повестей «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине» выполнил Анатолий Саган («Понеділок починається в суботу. Казка для наукових співробітників молодшого віку», «Пікнік на узбіччі»), повестей «Парень из пекла», «Малыш» - А.Саган в сотрудничестве с Б.Щавурским («Хлопець із пекла», «Малюк»). Они увидели свет только в 2007 году.

Для анализа использовались переводы Ирены Петровской «Poniedziałek zaczyna się w sobotę», опубликованный в 1989 году в издательстве Iskry (Warszawa), и А.Сагана под редакцией Б.Щавурского «Понеділок починається в суботу. Казка для наукових

співробітників молодшого віку», опубликованный в 2011 году в издательстве Навчальна книга – Богдан (Тернопіль).

Несмотря на то, что русский, украинский и польский языки родственные, поскольку относятся к славянской группе балто-славянской ветви индоевропейской семьи, русский и украинский языки восточной подгруппы, а польский – западной. Следовательно, в украинском и русском языках куда большее количество общих реалий, и, наоборот, в русско-польском переводе повысится концентрация безэквивалентной лексики, тем самым затрудняя работу переводчика, хотя, в целом, многие проблемы перевода будут нивелированы.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в переводящем языке соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску.

Помимо этого можно выделить и некоторые иные трудности, обусловленные жанром научной фантастики и, собственно, своеобразием языка и идиостиля произведений АБС:

Во-первых, это многочисленные **реминисценции и аллюзии** на произведения русской классики и русского фольклора, например, цитата из «Капитанской дочки» А.С.: «Я приближался к месту моего назначения…», ономастиконы из поэмы «Руслан и Людмила»: Наина Киевна Горыныч, Лукоморье, кот Василий и др.), «Вия» и «Мёртвых душ» Н.В.Гоголя («Вий»: Х.М.Вий, Хома Брут, «Мертвые души»: цитата во 2 главе 1 части: «Подавались ему обычные в трактирах блюда…»), французские выражения в речи Выбегаллы заимствованы из романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н.Толстого, присутствуют цитаты из произведений А. К. Толстого, фольклорные герои (Щука из сказки о Емеле-дурачке), фольклорные ономастиконы (Лысая гора) и некоторые другие архетипы и мифологемы.

Во-вторых, сложность вызывает перевод таких окказиональных образований, характерных для научной фантастики, как **квази-слова и квази-термины** [Соскина 1980: 27]. Стругацкими были придуманы следующие квази-термины: умклайдет, контрамоция, кадавр, аквавитометр и др.

В-третьих, повесть «Понедельник начинается в субботу» юмористическая, следовательно, там присутствуют приёмы, создающие **комический эффект**: черты южновеликорусского говора в речи Амвросия Амбруазовича Выбегаллы («Эта… У меня, может, сегодня кто вылупиться. В лаборатории, значить…»), смешение терминов с простонародной лексикой в его речи, которое указывает на невежественность («Я прошу всех присутствующих отметить этот провокационный вопрос, от которого за версту разит мальтузианством, неомальтузианством, прагматизьмом, экзистенцио.. оа… нализьмом и неверием, товарищи, в неисчерпаемую мощь человечества»). Даже его фамилия употребляется Романом Ойрой-Ойрой в ироническом контексте: «Выбегалло забегалло?» и т.п.

Исследователи Влахов С. и Флорин С. выделяют два пути передачи реалий:

I – транскрипция

II – перевод

В свою очередь перевод может быть осуществлен тремя приёмами:

1) введение неологизма (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм);

2) приблизительный перевод (родо-видовое соответствие, функциональный аналог, описание/ толкование);

3) контекстуальный перевод [Влахов С. 1980].

Наиболее близким к оригиналу является метод **транскрипции**. **Транскрипция** предполагает механическое перенесение реалии из исходного языка (далее ИЯ) в переводящий язык (далее ПЯ) графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме, например, оним Наина Киевна Горыныч, в котором имя Наина взято авторами из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», где так звали злую колдунью, отчество Киевна отсылает к легендарному основателю Киева Кию, а фамилия Горыныч связана с былинным драконом Змеем Горынычем, в переводе на украинский выглядит как Наїна Київна Горинич, на польский – Naina Kijewna Horynycz. Оним Амбросий Амбруазович Выбегалло, где Амбруаз – французская форма имени Амвросий, а фамилия Выбегалло образована от глагола «выбегать», в украинском передан как Амвросій Амбруазович Вибігалло (от глагола вибігати – ‘выбегать’), а в польском как Ambroży Ambruazowicz Wybiegałło (от глагола wybiec – ‘выбегать’).

Этим же способом переведены такие советизмы, как марки машин, производившихся в СССР: ГАЗ-69 [ПНВС: 7] (ГАЗ – Горьковский автомобильный завод): ГАЗ-69 (укр), gaz-69 (пол.) Запорожец [ПНВС: 52] (выпускался в городе Запорожье): Запорожець (укр.), zaporożec (пол.).

Аналог волшебной палочки – умклайдет [ПНВС: 64], для которого АБС позаимствовали из немецкого языка слово umkleiden, означающее ‘переодевать’, ‘обивать, обтягивать’ и ‘окружать’, обозначается по-украински умклайдет, а по-польски umklajder. Прибор для измерения свойств живой воды – аквавитометр [ПНВС: 138] (от лат. aqua ‘вода’ и vita ‘жизнь’, Aqua vitae - ‘вода жизни’ + корень «метр» по аналогии с амперметр, термометр, манометр) переводится как аквавітометр и akwawitometr на украинский и польский соответственно.

Перевод реалии как способ передачи её на ПЯ применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция невозможна или нежелательна. Один из способов – **введение неологизма** – по-видимому, наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии: путем создания нового слова (или словосочетания) порой удается добиться почти такого же эффекта. Такими новыми словами могут быть, в первую очередь, **кальки**: Изнакурнож (изба на куриных ногах) [ПНВС: 11] – Хатнакурніж (хата на курячих ногах), Chatnakurnóż (Chatka na Kurzych Nóżkach), НИИЧАВО (Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства) – НДІЧАВО (Науково-дослідний інститут Чародійства і Ворожби), INBADCZAM (Instytut Badań Czarów i Magii), комический эффект таких окказиональных аббревиаций в русском языке возникает в результате совпадения внешнего облика окказиональных аббревиатур и слов, заимствованных из специфических пластов языка и сохраняющих свои исконные ассоциации, что, к сожалению, невозможно сохранить в переводах; **полукальки** – своего рода частичные заимствования, тоже новые слова или (устойчивые) словосочетания, но состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, например, сказочная формула «По щучьему велению, по моему хотению» [ПНВС: 34] на польский язык переводится выражением «Na

szczupaka polecenie spełnij się moje życzenie» – ‘По щучьему велению исполни моё желание’, чтобы сохранить рифмованность. В украинском же языке сохраняется возможность перевести дословно и сохранить рифмовку: «За щучим велінням, за моїм хотінням», т.е. это полная калька.

И наоборот, детская присказка «Наши пальчики устали, мы писали, мы писали» [ПНВС: 16] переводится на украинский с помощью полукальки: «Наші пальчики стомились: ми писали, ми трудились», а на польский – способом приблизительного перевода, близким к объяснению: «Paluchy mi zdretwiały od tej pisaniny» – ‘Пальцы одеревенели от этой писанины’.

Освоением называется адаптация иноязычной реалии, т. е. придание ей на основе иноязычного материала обличие родного слова. Например, miecz-samosiecz (Мечкладенец, буквально: ‘меч, который сам секёт врага’) или buty siedmiomilowe (Сапоги-скороходы, буквально: ‘сапоги семимильные’).

Сюда же относятся попытки Александра Привалова расшифровать аббревиатуру ЧАВО: «Чаво? В смысле – чего? Чрезвычайно Автоматизированной Вооружённой охраны? Чёрных Ассоциаций Восточной Океании?» [ПНВС: 46]. «ЧАВО? Тобто – чого? Числової Автоматизированної Воєнізованої Охорони? Чорних Асоціацій Внутрішньої Океанії?» (‘То есть - чего? Числовой автоматизированной военизированной охраны? Черных Ассоциаций Внутренней Океании?’) или «CZAM? Czego? Czarn ych Asocjacji Melanezji? Częstotliwości Aberracji Myślowzch?» (‘Чего? Чёрных Ассоциаций Меланезии? Частоты Мыслительных Аберраций?’).

Семантический неологизм от кальки отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом. Таким способом переводятся фразеологизмы, пословицы, поговорки, разговорные выражения и т.д. Например, «– Ёлки-палки, – сказал я и повесил трубку» [ПНВС: 89]. В украинском переводе из уст Александра Привалова прозвучало ругательство «Хай йому грець», которое переводится как ‘Чёрт возьми’. Или когда Привалов думает: «– Ай-ай-ай, – подумал я» [ПНВС: 20] в польском языке происходит нечто совсем иное: «Ładna historia, pomyślałem» (‘Красивая история, – подумал я’).

Приблизительный перевод встречается в повести исключительно редко: приём **генерализации** (или родо-видовой замены) не употребляется вообще.

Функциональным аналог – элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у иноязычного читателя – представлен всего несколькими примерами: «Доставить в Е[го] И[мператорского] В[еличества] Академию наук, СПб» [ПНВС: 35] в польском переводе заменяется на «Dostarczyć do Cesarskiej Akademii Nauk, SPb», т.к. очевидно, что формула «Его Императорское Величество» не имеет аналогов в польском языке. Или аббревиатура ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи) заменяется в польском языке частотным словом komsomoł.

Описание, толкование как прием приблизительного перевода обычно используется в тех случаях, когда нет иного пути: понятие, не передаваемое транскрипцией, приходится просто объяснять. Например, такой фонетический феномен, присутствующий в русском языке, как «оканье»: «– Опять на рынок поволочешь? – сильно окая, сказала щука». В польском переводе это предложение выглядит как «– Znowu będziesz mnie wlokła na rynek? – przemówił szczupak z wyraźnym aksentem na „o”», т.е. ‘сказала с сильным акцентом на о’. В украинском языке, существует деепричастие окаючи, с помощью которого переводится

данный термин: «– Знову на ринок потягнеш? – сильно окаючи, запитала щука». Это единственный пример, когда более точного перевода не удалось подобрать.

Контекстуальным переводом переводчики не пользовались.

Таким образом, можно отметить, что родственность языков значительно упрощает перевод и делает его куда болем точным. Наиболее частотными методами передачи реалий являются транскрипция и калькирование/ полукалькирование. А также довольно часто применяется освоение иноязычной реалии с помощью «родных» слов и, отчасти, введение семантического неологизма. Транскрипция применяется для обозначения многих советизмов, знакомых жителям Польши, а тем более, Украины, входившей в состав СССР, окказионализмов и авторских новообразований (квазитерминов), которые в большинстве своём были взяты из других языков – немецкого или латинского. С помощью калькирования переводятся различные аббревеатуры, которых в повести достаточно много, и некоторая волшебная атрибутика. Семантические неологизмы и освоение вводятся переводчиками для передачи устойчивых словосочетаний и фраз. Методы приблизительного перевода встречаются в переводах крайне редко. Превалируют приёмы, которые позволяют передать содержание без потери смысла. Сложные и спорные места успешно преодолеваются, сохраняется национальный колорит и юмор оригинала.

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.

Колосова Е.И. Несколько замечаний о проблемах родственных языков // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия "Филология". Том 19(58). 2006№ 2. С. 218–222.

Скаландис А. Братья Стругацкие. М.:, 2008.

Соскина С.Н. Окказиональные образования научной фантастики (на материале английского языка): дисс. … канд. филол. наук. – Л., 1980.

Тельпов Р.Е. Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких. –М., 2008.

Фантасты братья Стругацкие: Стругацкие: Комментарии: Понедельник начинается в субботу//URL: http://www.rusf.ru/abs/ludeni/pnvs2.htm (дата обращения: 22.10.2014).

Г.В.Колпакова
Казанский федеральный университет (Казань)

ДИСТИНКТИВНАЯ СИНОНИМИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматривается феномен дистинктивной (различительной) синонимии в теориях зарубежных исследователей и определяется статус дистинктивной синонимии в сопоставительном исследовании немецких и русских антропонимов (наименований лица), обосновывается необходимость разграничения семантического и энциклопедического знания при проведении сравнительных исследований синонимии в двух неблизкородственных языках.

Ключевые слова: дистинктивная синонимия, сопоставительное исследование, синонимический ряд, семантическое знание, энциклопедическое знание.

Семантические методы исследования и описания являются методами структурирования и перефразирования сообщаемого посредством языка значения. Это относится к теории семантических признаков (Merkmalsemantik), которая может рассматриваться как самый разработанный семантический метод [Busse 1997]. Применяемый в нашем исследовании дефиниционный анализ использует словарную дефиницию как развернутое описание значения языковой единицы, позволяющее сопоставить значения двух и более единиц в двух неблизкородственных языках, пределом при таком сопоставлении являются синонимические ряды или лексико-семантические группы. Сопоставление синонимических рядов в двух языках возможно при разграничении языкового семантического и энциклопедического концептуального знания, что находит отражение в наличии в семантической структуре слова семантических и энциклопедических признаков. Это утверждение существенно для проведения сопоставительных исследований синонимии в неблизкородственных языках, так как различная концептуализация семантического пространства и различие категоризации, рубрикации внеязыковой информации в разных языках обусловливают разные языковые картины мира в этих языках, а концептуальное энциклопедическое знание, основывающееся на социальном опыте и культурно-исторических традициях каждого языкового коллектива, вносит существенные изменения в традиционно рассматриваемый как синонимический ряд феномен, являющийся основополагающим для сопоставительных исследований. Сопоставление синонимических рядов, а не отдельных лексем-синонимов позволяет выявить различную концептуализацию семантического пространства в разных языках, различие ментальных репрезентаций, обусловливающих выбор разнообразных, часто специфических форм выражения в каждом языке.

Исходя из двухуровневой концепции теории семантики, следует говорить о семантических репрезентациях, находящихся в ведении лишь языковых, возможно, универсальных принципов, и концептуальных репрезентаций, подчиняющихся действию всеобщих (неязыковых) принципов концептуальной системы, например, в случае узуальных предлогов – в ведении концептуальной системы пространства. При построении концептуальных репрезентаций может учитываться знание о мире и знание соответствующего контекста [Wunderlich 1991]. Проблема соотношения языкового семантического знания и внеязыкового концептуального знания обсуждается многими зарубежными (K.-P.Konerding, P.R.Lutzeier, M.Schwarz, I.Pohl, G.Faeuselow, P.Staudacher) и отечественными (Ю.Д.Апресян, Ю.Н.Караулов, А.В.Бондарко, Е.С.Кубрякова, Ю.С.Степанов, А.А.Брагина) лингвистами. В современных семантических теориях немецких лингвистов различают два направления в зависимости от того, разграничивают ли авторы языковое (семантическое, лексическое знание) от внеязыкового (энциклопедического, ситуативного, контекстуального знания, знания о мире) или разграничение языкового знания от знания о мире признается невозможным. Та же проблематика характеризует широко распространенное в лингвистике противопоставление значения в узком смысле слова (лексического значения) и значения в широком смысле слова (коммуникативного смысла).

Предпосылкой для сравнения синонимических рядов в двух неблизкородственных языках является разграничение языкового семантического знания и энциклопедического концептуального знания, знания о мире, что находит отражение в семантической структуре слова в наличии семантических, а также энциклопедических признаков. «Нагруженность» сопоставляемых лексем в двух языках дистинктивными, различительными признаками

оправдывает расширение понятия синонимии при сопоставительных исследованиях. Разграничение языкового и концептуального знания является важной предпосылкой для сопоставления членов одноименных синонимических рядов в разных языках, значения которых совпадают по релевантным, существенным семантическим признакам, составляющим ядро значения слова, и могут отличаться дистинктивными, различительными признаками (семантическими и концептуальными), находящимися на периферии значения слова и составляющими отличия в языковых картинах мира данных языков. Для подтверждения нашего тезиса обратимся к концепции синонимии Х.- М.Гаугера, полагавшего, что «предметом синонимики с самого начала было легкое различие значений, не их идентичность. Совершенной синонимии не требовалось бы рассмотрения в науке о синонимах, к ней просто нечего бы было добавить» ("…der Gegenstand der Synonymik war – von ihren Anfaengen an – die Aehnlichkeit, also die leichte Verschiedenheit der Bedeutungen, nicht deren Identitaet. Eine vollkommene Synonymitaet erforderte keine Betrachtung im Sinne der Synonymik: es ließe sich zu ihr nichts weiter bemerken") [Gauger 1972: 8-9]. При сопоставительном исследовании синонимов-антропонимов в немецком и русском языках мы были вынуждены отказаться от спорного термина «синонимия», отождествляемого с идентичностью значения, и использовали термин «идеографический ряд», отвечающий концепции синонимии в широком смысле слова. Речь идет об «отвлечении» от дифференцирующих признаков с целью «выравнивания» одноименных семантических фрагментов в немецком и русском языках для создания основы для проведения сопоставительных исследований и максимального достижения цели функционально-адекватного перевода.

Синонимический ряд (СР) Neider – СР завистник представляет собой редкий случай, когда многочленному ряду в одном языке противостоит единственное стилистически немаркированное слово в другом языке. В то время как в синонимическом ряду Neider согласно словарю [Synonymwoerterbuch 1974] присутствуют помимо доминанты – суффиксального производного Neider 7 сложных слов с различной нормативной и экспрессивной окраской: Neidhammel, Neidkragen, Schiefauge, Schielauge, Giftnudel, Giftkroete, Giftzahn, русский синонимический ряд включает наряду с единственным суффиксальным производным завистник синонимы в виде прилагательного или причастия: завистливый, завистный, завидущий. Словарь [Woerterbuch Synonyme 1999] включает лишь 4 члена: Neider, Neidling, Neidhammel, Neidkragen. Словарь [Словарь 1970] содержит синонимический ряд с доминантой 'завистливый ': завистный прост., отриц., завидущий прост., отриц.; словарь [Александрова 1969] фиксирует аналогичный СР с доминантой 'завистливый': завидущий прост., завистный уст. и обл. Следовательно, объективно в русском языке отсутствует синонимия стилистически маркированных существительных в данном семантическом фрагменте, в то время как в немецком языке одноименный семантический фрагмент включает значительное количество синонимов в виде стилистически и нормативно маркированных сложных существительных с различной внутренней формой: завистливый баран, завистливый воротник, косящий глаз, ядовитая жаба, ядовитая лапша и др.

В словаре [Bulitta 1995] синонимический ряд Neider не зафиксирован, а в словаре [Textor 1996] единственный синоним Neidhammel включен в состав лексико-семантической группы Geizhals «скряга». Анализу были подвергнуты русские соответствия немецким синонимам, членам СР Neider, на основании двуязычного словаря [Большой 1980]: Neider – завистник, Neidhammel – завистник, завистливый человек, Neidkragen = Neidhammel,

Schiefauge – завистник, Schielauge - завистник, Giftnudel – ехидный (желчный) человек, Giftkroete разг. – клеветница, злостная сплетница, Giftzahn – ядовитый человек, злюка. Словарь [Duden 1989] отражает следующие дефиниции синонимов Giftkroete, Giftnudel, Giftzahn: Giftkroete, die (ugs. abwert.) – sehr boshafter, gehaessiger Mensch; Giftnudel = Giftkroete; у лексемы Giftzahn подобное значение отсутствует. В словаре [Wahrig 1996] не отмечена лексема Giftkroete; лексема Giftnudel определяется как boshafter, mißguenstiger Mensch, а лексема Giftzahn характеризуется как Sinnbild fuer Bosheit. Согласно дефинициям лексем Giftkroete, Giftnudel, Giftzahn в словарях [Duden 1989] и [Wahrig 1996] их можно условно рассматривать в качестве синонимов СР Neider, как это зафиксировано в словарях синонимов [Synonymwoerterbuch 1974] и [Woerterbuch Synonyme 1999], хотя по своему значению они несколько отличаются от синонимов с инвариантом «завистник» Neider, Neidhammel, Neidkragen, Schiefauge, Schielauge, не говоря уже о лексеме Giftkroete, имеющей по данным двуязычного словаря [Большой 1980] русское соответствие «клеветница, злостная сплетница», что вообще делает сомнительным включение этой лексемы в качестве синонима в синонимический ряд СР завистник - СР Neider. Можно предположить, что немецкой лексикографической традиции не свойственны такие же строгие критерии отбора синонимических единиц, как это принято в русской лексикографии. Но в идеографический ряд Neider эти лексемы могут быть включены вне всякого сомнения, что подтверждает правомерность введения понятия идеографического ряда в сопоставительных исследованиях синонимии. При сопоставительных исследованиях синонимия оказывает, скорее, сдерживающее, нежели стимулирующее воздействие, следовательно, целесообразно заменить синонимический ряд как специфический для каждого национального языка феномен идеографическим рядом как межъязыковым феноменом, учитывая различие интерпретаций синонимии в неблизкородственных языках, что нашло отражение и в различии лексикографических принципов описания синонимии в немецком и русском языках.

Литература

Bulitta E. und H. Woerterbuch der Synonymie und Antonymie. Frankfurt am Main, 1995.
Busse D. Semantisches Wissen und sprachliche Informationen. Zur Abgrenzung und Typologie von Faktoren des Sprachverstehens // Sprache – System und Taetigkeit. Bd. 22. Methodologische Aspekte der Semantikforschung. Frankfurt am Main, 1997. S. 13 – 34.
Duden. Deutsches Universalwoerterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zuerich, 1989.
Gauger H.-M. Zum Problem der Synonymie. Tuebinger Beitraege zur Linguistik. Bd.9. Tuebingen, 1972.
Synonymwoerterbuch / hrsg, von H.Goerner und G.Kempcke. Leipzig, 1974.
Textor A.M. Sag es treffender. Reinbek bei Hamburg, 1996.
Wahrig. Deutsches Woerterbuch. Guetersloh, 1996.
Woerterbuch Synonyme / hrsg. von H.Goerner und G.Kempcke. Muenchen, 1999.
Wunderlich D. Bedeutung und Gebrauch // Semantik. Semantics. Ein internationales Handbuch der zeitgenoessischen Forschung. An international Handbook of Contemporary Research. Berlin, New Jork, 1991. S. 32 – 52.
Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969.
Большой немецко-русский словарь / под рук. О.И.Москальской. М., 1980. Т.1,2.
Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П.Евгеньевой. Л., 1970. Т.1,2.

А.Л.Кормильцева
Елабужский институт Казанского федерального университета (Елабуга)

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЖЕНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу фразеологизмов русского и английского языков, обозначающих женский интеллект, на предмет гендерности. Автор выделяет фразеологизмы с явным гендерным потенциалом, фразеологизмы с женской семантикой и фразеологизмы без ярко выраженной гендерной окраски, используемые для вербализации понятий о женском интеллекте в двух разноструктурных языках.

Ключевые слова: фразеологизм, интеллект, женщина, гендер.

На наш взгляд, фразеологизмы любого языка несут в себе всю широту народной мысли, накапливаемый веками опыт поколений. Данный материал как ничто другое ярко репрезентирует стереотипы гендерности, заложенные во внутренней форме фразеологических единиц. Ведь гендерный аспект в выражении фразеологизмами (в данном случае эквивалентными слову или словосочетанию) интеллектуальных качеств лиц женского пола является весьма распространенным речемыслительным явлением. Тема женского ума, глупости, женской логики, хитрости на протяжении веков остается предметом досужих разговоров. Так, гендерный аспект интеллектуальной деятельности находит отражение в пласте русских и английских фразеологических единиц, где женщина как субъект мыслительной деятельности, как носитель знаний получает некоторую оценку.

Итак, в английских и русских фразеологизмах анализируемого поля нами были выявлены следующие соотношения:

– фразеологизмы с явным гендерным потенциалом (один референт – женщина), ввиду номинации лиц женского пола;

– фразеологизмы с женской семантикой, использующие фемининную лексику;

– фразеологизмы без ярко выраженной гендерной окраски, применяемые к лицам обоих полов.

Представленную типологию можно проиллюстрировать анализом фразеологизмов. Как было упомянуто выше, широко распространенной лексемой русского языка выступает лексема *баба*, которая используется в отношении лиц женского пола, соответственно гендерно маркирована. Фразеологическое сочетание *базарная баба* [Арсентьева 1999: 13], например, негативно характеризует женские интеллектуальные свойства, так как указывает на неумение женщин достойно себя вести в обществе. Высмеивает женскую простоватость, недалекость. В английском языке нами не было выявлено эквивалентного выражения, да и схожего по значению фразеологизма не представлено. Это можно объяснить уникальностью происхождения фразеологических единиц в каждой отдельной ментальности.

Упомянутая выше лексема *баба* представлена также на уровне фразеологических сочетаний *бабье царство* [Арсентьева 1999: 308] и *бабье сословие* [Лапшина 2008: 15]. Первое выражение означает группу, либо скопление женщин, объединенных, например, общим занятием, следовательно, является гендерно маркированным. Второе выражение, по мнению

О.Г. Лапшиной, является многозначным: в значении устар. ’женщины’ образует синонимический ряд с фразеологизмами *слабый пол, нежный пол, прекрасный пол, Евино племя* и др. с общим значением ’женщины’; во втором значении фразеологизм *бабье сословие* – устар. ’женщины низкого, непривилегированного сословия’ образует внешние синонимы со словами бабы, простолюдинки, крестьянки [Лапшина 2008: 17]. Оба выражения, впрочем, имплицируют женщинам слабый интеллект за счет использования лексемы *баба*, что само по себе уже создает образ грубой и необразованной женщины. В противоположность упомянутому фразеологизму представлено выражение *дамское сословие* – устар. ’женщины, относящиеся к элитным, аристократичным слоям общества’ [Лапшина 2008: 21]. В английском фразеологическом пространстве нами было выявлено выражение *petticoat government* [Арсентьева 1999: 304] (досл. господство юбки), эквивалентное выражению *бабье царство*, что, несомненно, указывает на гендерный потенциал фразеологизма.

Следующая группа фразеологизмов русского языка объединена использованием в своем составе лексемы *дура*. Это выражения типа: *дура дурой* [Бирих 1996: 62]; *дура набитая* [Бирих 1996: 62]; *петая (отпетая) дура* [Бирих 1996: 62]. Из коннотации всех упомянутых выражений следует, что интеллект у лиц женского пола отсутствует напрочь, имплицируется открытая глупость, тупоумие. Здесь наблюдается явный гендерный признак, ведь *дура* – лицо женского пола. Для сравнения возможно взять выражение *дурья голова* [ФСРЛЯ 1995: 117], которое, по нашему мнению, не несет гендерной окраски, так как может быть использовано по отношению к лицам обоих полов. В английском фразеологическом фонде можно констатировать лакуну данного типа выражений, так как само слово *fool / дурак* (дура) не различается по полу.

Рассматривая русскоязычные фразеологические единицы на предмет гендерности, невозможно упустить из виду и выражения с лексемой *курица*. Например, *умница как пестрая курица* [Холманских 1999: 217] либо *умница как попова курица* [там же]. Оба выражения гендерно маркированы, так как используют лексемы *умница* и *курица* женского рода. Сочетание упомянутых лексем, на наш взгляд, придает некий оттенок ироничности фразеологизму. Обычно используются данные выражения в отношении лиц женского пола с низким уровнем интеллекта, которые совершают какой либо глупый поступок, при этом считая свои действия правильными. А вот русский фразеологизм *слепая курица* [Арсентьева 1999: 136], несмотря на наличие той же лексемы женского рода, не является, на наш взгляд, гендерно маркированным. Так называют человека, который плохо видит, либо что-то не разглядел, хотя чаще употребляется в отношении женщин и связан с простоватостью и недалекостью. В английском языке подобных выражений не выявлено. Хотя, по нашему мнению фразеологизм *куриные мозги* [ФСРЛЯ 1995: 301], что является полным семантико-синтаксическим эквивалентом *chicken’s mind*, обладает женской семантикой, широко используется в обозначении женской глупости, недалекости, инфантильности. По мнению В.Н. Телия, данный фразеологизм «*приложим не к любому ’недо-уму’, а обычно к уму незрелому, неглубокому, каковым и считается женский ум*» [Телия 1996: 267] Однако о его гендерной маркированности утверждать не приходится, так как выражение может быть применимо к лицам обоих полов. То же самое, на наш взгляд, просматривается и в выражении *курья голова* [ФСРЛЯ 1995: 118].

Выражение *синий чулок* [Арсентьева 1999: 308], полным английским эквивалентом которого в семантико-синтаксическом плане является *a blue stocking* [там же], хотя

и не содержит в себе феминнной лексики, все же обладает явным гендерным потенциалом. Применяется в отношении женщины-педантки, погруженной в науку, не интересующейся традиционно женскими вещами, семьей, детьми и т. п. Выражение обозначает некую презрительность к референту женского пола.

Похожее значение просматривается и во фразеологизме *генерал в юбке*, по Е.Ф Арсентьевой *a woman who is engaged in some men's business* (женщина, занимающаяся мужскими делами) [Арсентьева 1999: 311]. Обычно применяется в ироническом обозначении женщины, имеющей властный характер, считающей себя умнее мужчин, пытающейся ими командовать.

Зачастую гендерно окрашенные фразеологизмы содержат в себе женские имена собственные, что прослеживается в обоих языках. Например, русское выражение *бесполденная Арина (Арина бесполденная)* [Бирих 1999: 32] означает бестолковую женщину. Английские выражения типа *dumb Dora* [Кунин 2000: 223] (досл. немая Дора – глупая девушка), *giddy Gertie* [Кунин 2000: 314] (легкомысленная Герти) также используются в отношении недалекой, глупой, бестолковой женщины. Многим подобным выражениям свойственна ирония по отношению к женскому интеллекту: *как умная Маша*, жарг., ирон. [Бирих 2005: 424].

Фразеологизм *женская логика* [Телия 1996: 267], эквивалентом которого можно назвать английское выражение *woman's reason* [Fergusson 1995: 264], по праву считается «*эталоном нелогичности мышления*» [Телия 1996: 267]. Сюда же можно отнести и выражение *девичья память* [Даль 2002, Т. 1: 391], указывающее на женскую забывчивость. На наш взгляд, данные фразеологизмы обладают ярко выраженной гендерной окраской, хотя по мнению В.Н. Телия, «*эти сочетания употребляются для обозначения 'неполноценности' как женского, так и мужского интеллекта»* [Телия 1996: 267].

Некоторые фразеологизмы являют собой часть паремиологических единиц. Например выражение *ум короток* [Бирих 1996: 48], на первый взгляд гендерно нейтрально, но в составе поговорки *волос долог, да ум короток* [Даль 2002, Т. 1: 425] является гендерно маркированным, поскольку содержит лексический компонент *волос*, что в переносном плане означает женское начало.

Следующим выражениям свойственно использование в своем составе феминной лексики, хотя они не всегда могут обладать гендерным потенциалом: *под каблучком* /be/ under smb's thumb [Арсентьева 1999: 120], *глуп как бабий пуп*, нар. [Бирих 2005: 580]. Первому выражению все же свойственна женская направленность, так как каблук ассоциируется с женщиной, означает господство, власть женщины над мужчиной, его некое подавление. Второе выражение гендерно нейтрально, может использоваться по отношению к лицам обоих полов с изменением синтаксической формы лица.

Русские выражения *глупа как гусыня* [Квеселевич 2000: 24], *вумная как вутка* [Бирих 1996: 62], *тупая как овца*, диал. [Холманских 1999: 216], *умна как попова свинья* [там же: 217] безоговорочно относятся к гендерно окрашенным единицам вследствие использования соответствующих окончаний прилагательных. Но существуют и подобные выражения, не обладающие явным гендерным потенциалом, хотя чаще используются по отношению к лицам женского пола: *как овца круговая* [Холманских 1999: 217], *как пробка* [ФСРЛЯ 1995: 95], *балда осиновая* [Бирих 2005: 42], *доходит как до утки – на пятые сутки* [Бирих 1996: 162].

Английское устойчивое выражение *a woman of the world* (женщина мира) [Cambridge 2002: 433] не подозревает мужского референта, так как использует лексему

woman, маскулинной направленностью обладает выражение *a man of the world* (мужчина мира) [там же] со сходным значением человека, умудренного жизненным опытом.

Проанализированные нами фразеологизмы и идиомы английского языка, как выяснилось, не обладают ярко выраженным гендерным потенциалом, большинство выражений подобного типа гендерно нейтральны, хотя чаще используются в отношении лиц женского пола. Например, выражение *as stupid as a pig* [Квеселевич 2000: 50] можно сравнить с *умна как попова свинья* [Холманских 1999: 217]; *as light as a butterfly* [Кунин 1984: 117] использует лексему *бабочка*, что более свойственно женскому началу; *weak in the head* [Horn. 1982: 512], или *be (up) in the clouds* [Кунин 1984: 155], или *have one's head in the clouds* [Longman 1998: 208], или *from a different world* [Пархамович 2000: 50] или *living in a different world* [Пархамович 2000: 50] также чаще встречается в описании женщин. Хотя подобные выражения часто представлены в справочной литературе в конкретных ипостасиях: *in a world of her own* [Пархамович 2000: 50], *in her (infinite) wisdom* [Cambridge 2002: 427], что говорит об их гендерном потенциале. Явно нейтральными в гендерном аспекте выражениями можно считать: *crazy as a fox* [Кунин 1984: 129], *a queer bird* [Кунин 1984: 84,281], *a queer duck* [Кунин 1984: 614], *a queer fish* [Кунин 1984: 84,281], *a strange bird* [Кунин 1984: 281], *a strange fish* [Кунин 1984: 281], *an odd bird* [Кунин 1984: 281], *an odd fish* [Кунин 1984: 281] и т. п.

Таким образом, анализ русских и английских фразеологических единиц, обозначающих женский интеллект, на предмет гендерности показал:

– гендерный аспект языка находит свое вербальное выражение во фразеологизмах русского и английского языка;

– фразеологические единицы с явной гендерной окраской превалируют в русском языке ввиду наличия широкого спектра номинаций глупой женщины (*баба, дура, курица, блондинка* и т.п.);

– большая часть фразеологических единиц английского языка обозначает глупого человека вообще, то есть не несет явной гендерной асимметрии.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Русско-английский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева: под ред. Ч. Карлсона. Казань, 1999.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов-н/Д, 1996.

Бирих А.К. и др. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб., 1999.

Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М., 2005.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. Т. 1: А – О. М., 2002.

Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. М., 2000.

Кунин А.В Англо-русский фразеологический словарь/ Лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.,1984.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 2000.

Лапшина О.Г. Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2008.

Пархамович Т.В. 1000 русских и 1000 английских идиом: Словарь с пояснениями и примерами использования. 3-е изд. Минск, 2000.
Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. М., 1995.
Холманских И.В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков): Дис. канд. …филол. наук (Приложение). Тюмень, 1999.
Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 2002.
Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. Middlesex, England, 1995.
Longman Dictionary of English Idioms. Addison Wesley Longman Limited, 1998.

Т.А.Корнеева, И.Н.Стеблинская
Казанский федеральный университет (Казань)

ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы методики обогащения словарного запаса учащихся при изучении художественного произведения, обращается внимание на приёмы семантизации слов, на особенности интегрированных уроков русского языка и литературы.

Ключевые слова: русский язык, методика, словарный запас, художественное произведение, приёмы семантизации слов.

Изучение художественного произведения представляет собой сложную, кропотливую, но увлекательную работу, требующую от читателя, исследователя не только глубоких знаний, но и талант интерпретатора. В её основе лежит комплексный анализ текста, предполагающий рассмотрение сложно организованной структуры во взаимодействии всех компонентов. Как отмечал В.М.Жирмунский, «в художественном произведении его тема не существует отвлечённо, независимо от средства языкового выражения, а осуществляется, как и художественное слово». При этом «все значимые элементы произведения не могут рассматриваться как заранее готовые детали: каждый из них обретает свою смысловую определённость и художественную значимость лишь в процессе развёртывания целостного художественного мира как один из образующих его моментов» [Жирмунский 1977: 27].

В школе изучение любого художественного произведения, а особенно классического, должно начинаться со слова и предваряться серьёзной лексической и словарно-семантической работой, причём рассредоточенной во времени и желательно охватывающей значительную часть школьного курса русского языка. Проблему детского «нечитания» можно в какой-то степени назвать «лингвистической», вызванной тем, что ученики «не понимают» текст, «не узнают» слова — наименования деталей быта, эпохи и т. п. и теряют

интерес к книге. Так, на первых страницах повести Н.В.Гоголя «Тарас Бульба» современных семиклассников могут озадачить слова *бурса, семинарист, свитка, мазунчик, подрясники, пундики, горелка*; восьмиклассники удивятся *инвалидам с длинными косами и в треугольных шляпах* из повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка»; девятиклассников поразят слова *брегет, боливар, форейтор, цевница, шлафрок, куртины, васисдас* и др. из романа «Евгений Онегин», *рессорная бричка, канифасовые панталоны* из поэмы Н.В.Гоголя «Мёртвые души»; а воинские чины и звания, упоминаемые в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» (*унтер-офицер, штаб-офицер, штабс-капитан, ротмистр, штаб-ротмистр, вахмистр, флигель-адъютант, генерал-аншеф, генерал-фельдмаршал, член гофскрига, гренадер, кавалергард, егерский полк* и т.п.), навсегда оставят впечатление о непостижимости великой эпопеи. Незнание лексического значения слова и отсутствие у школьников привычки обращаться к словарю может привести к опасному искажению смысла авторского слова: *кораблик 'головной убор', сластёны 'пышки', сопилка 'род флейты', шишка 'небольшой хлеб на свадьбах'*. Не случайно Н.В.Гоголь, предваряя повести из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», пишет замечательные слова»: «На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны» [Гоголь 1982: 7].

Предварительная пропедевтическая работа над лексическим значением незнакомых слов приведёт школьников к 1) «узнаванию» текста, 2) привлечению внимания к тексту, 3) пониманию текста, 4) осознанной работе над идейно-тематическим содержанием художественного текста, а может быть, и к 5) увлечению творчеством данного писателя (поэта).

Как видно даже из приведённых выше примеров, наибольшие трудности возникают с пониманием устаревшей, диалектной и заимствованной лексики, которая становится частью пассивного словарного запаса школьников. Поэтому работу над некоторыми словами, которые встретятся учащимся при изучении произведений, целесообразно начинать с пятого-шестого классов во время изучения программных тем по русскому языку: «Устаревшие слова (архаизмы и историзмы)» (почему не взять в качестве примеров некоторые слова из «Слова о полку Игореве»?); «Диалектные слова» (некоторые примеры из рассказов М.А.Шолохова); «Заимствованные слова» (украинизмы в произведениях Н.В.Гоголя, заимствованная лексика в романе в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и т. п.). Большую помощь учителю окажут словники «незнакомых слов» для каждого произведения и имеющиеся словари писателей. Традиционно в тематические группы, необходимые для пополнения словарного запаса учащихся, включают *общественно-политическую* лексику, *морально-этическую, спортивную,* лексику *гигиены и здравоохранения, искусства и культуры, военную* лексику, *связанную с обороной Отечества*, лексику *права, труда, бытовую* и *нейтральную* лексику, *историческую* лексику. Включение в данные группы некоторых «незнакомых слов» из художественных произведений, изучаемых в школьной программе по литературе, приведёт к качественному улучшению методических разработок и учебных пособий для учителей и учащихся, будет способствовать формированию не только языковой, но и культуроведческой компетенции последних.

Методика обогащения словарного запаса учащихся разработана достаточно полно и подробно, известные приёмы семантизации слов, приёмы запоминания новых слов, многообразие словарно-семантических упражнений, упражнения по толковому словарю, лингвистические конкурсы, викторины, олимпиады можно назвать универсальными. Кроме того,

в современных условиях формирования коммуникативно-деятельностного подхода к обучению, развития информационной компетенции школьников и компьютеризации образования в целом возможности учителя и ученика расширяются. Интересными представляются научно-исследовательские проекты школьников, связанные с лингвистической проблематикой, уроки-проекты «Энциклопедия одного слова», «Презентация слова» (включающая толкование слова, его синонимы, антонимы, фразеологические обороты с данным словом, афоризмы, отрывки из художественных произведений, в которых встречается данное слово, иллюстрации, видеоролики и т.п.). Современные компьютерные технологии позволяют имитировать путешествие в древнерусскую школу, в Запорожскую Сечь, в пушкинский Лицей, на батарею Тушина и т.д. и одновременно обогащать словарный запас и духовный мир школьников.

Развитие речи, формирование языковой, лингвистической, коммуникативной, культуроведческой компетенций тесно связано с формированием взглядов учащихся на окружающий мир и на понимание себя в нём. В связи с этим нельзя не обратить внимание на учение о языковой модели мира и экстраполировать его основные положения на методику: наряду с логической язык несёт в себе аксиологическую интерпретацию мира», «преобразуя мир в идеи, язык не отражает уже известное представление о мире, а самым непосредственным образом его формирует. Именно благодаря внимательной работе со словом на уроках русского языка закладываются те основы, которые формируют мировоззрение школьников и рождают читателя.

Работе над употреблением слов в устной и письменной речи, над их значением уделялось внимание с самого начала возникновения методики преподавания языка как науки. Основными задачами практической работы словесников и теоретических изысканий методистов являются обогащение словарного запаса школьников, обучение связной речи, развитие умения грамотно употреблять средства языковой выразительности.

Несомненный вклад в разработку данного вопроса внесли такие видные ученые, как Ф.И.Буслаев, И.И.Срезневский, К.Д.Ушинский, В.Я.Стоюнин, Л.И.Поливанов, В.П.Шереметевский, А.М.Пешковский, В.В.Голубков, А.Д.Алферов, М.А.Рыбникова, К.Б.Бархин, Н.М.Соколов, Л.С.Троицкий, С.А.Смирнов, Н.В.Колокольцев, А.А.Липаев, современные ученые К.В.Мальцева, М.Р.Львов, Т.А.Ладыженская, А.В.Текучев, М.Т.Баранов, В.Я.Коровина, Г.А.Богданова, Н.А.Демидова, Л.М.Зельманова, Т.Ф.Курдюмова, Н.И.Кудряшев, О.Ю.Богданова и другие.

Один из первых научных трудов по методике обучения русскому языку принадлежит Федору Ивановичу Буслаеву. Он стоял у истоков методики русского языка как науки. Его книга «О преподавании отечественного языка», изданная в 1844 году, дала начало научному подходу к методам обучения русскому языку. Ф.И.Буслаев первым в отечественной методике сформулировал мысль о том, что нельзя изучать грамматику русского языка отдельно от литературы, и практически проиллюстрировал их взаимосвязь. Он утверждал, что все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя. Главная задача состоит в том, чтобы дети ясно понимали прочитанное и умели правильно выражаться словесно и письменно. Именно этот этап, по мнению Ф.И.Буслаева, и является первым в изучении языка. Принцип неразрывной связи чтения (или литературного чтения, литературы) с изучением грамматики русского языка до сих пор актуален, постоянно разрабатывается и совершенствуется современными методистами.

В.П.Шереметевский развил идеи ученых второй половины XIX века Ф.И.Буслаева, И.И.Срезневского, К.Д.Ушинского. С точки зрения В.П.Шереметевского, предметом преподавания родного языка является слово, обучение же должно преследовать цель овладения учащимися живой речью, что возможно достичь в процессе практической работы над упражнениями по развитию речи, особенно в процессе изучения морфологического состава слова, а также чтения и изучения образцовых литературных произведений.

Свое развитие тема обогащения словарного запаса находит и в исследованиях Г.А.Богдановой, которая предложила органичную систему работы по обогащению словарного запаса школьников. «Обогащение словарного запаса – одна из сторон развития речи учащихся – заключается как в количественном пополнении запаса слов, так и в качественном его совершенствовании. Качественное совершенствование словарного запаса происходит благодаря усвоению производных значений известных слов и замене в речевом обиходе учащихся просторечных и диалектных слов словами литературного языка. Расширение запаса слов обеспечивает учащимся лучшее понимание изучаемого материала по всем предметам, обогащает их устную и письменную речь» [Богданова 1987: 40]. Наиболее полно разработана тема обогащения словарного запаса в работах М.Т.Баранова. Стройная, хорошо структурированная система позволяет преподавателю в полной мере проводить работу в соответствии с главной задачей обучения русскому языку.

Большое внимание проблеме обогащения словарного запаса и его активизации как одного из этапов развития речи уделяет В.И.Капинос. В качестве основного из ведущих методов работы она предлагает изложение с лингвистическим анализом текста, что является особенно актуальным в данное время, т.к. именно такие умения и навыки становятся объектом проверки при сдаче единого государственного экзамена в 11 классе (проверяется умение проводить лингвистический анализ текста) и государственной итоговой аттестации в 9 классе (проверяется умение проводить речеведческий анализ).

Е.С.Антонова методику преподавания русского языка рассматривает с позиции коммуникативно-деятельностного подхода. В своей работе «Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход» Е.С.Антонова обращает внимание на то, что все школьное обучение построено на чтении текстов. «Исследуя смысловые границы литературных текстов, устанавливая правила обращения (чтения, понимания) с отрывками произведений, помещенных в учебнике, учитель закрепляет знания по русскому языку и одновременно приучает учеников наблюдать, какую роль играет в текстах языковые средства, какое значение имеет их правильное употребление, к каким последствиям может привести нарушение языковых норм. Анализ образцовых текстов, обсуждение языковых средств делает понятной ученику причину, по которой следует изучать грамматику и фонетику, морфемику и синтаксис. Ведь именно они, эти разделы науки о языке и создают «его сундучок с инструментами», которые всегда с ним в любой ситуации и который можно воспользоваться для понимания чужих или объяснения своих мыслей» [Антонова 2007: 153].

Большое значение в обогащении активного и пассивного словаря учащегося имеет словарная работа при изучении художественного произведения.

Основными аспектами методики обогащения словарного запаса учащихся являются принципы словарной работы, методы и приемы раскрытия значения слова, отбор языкового материала для изучения, формы организации учебной работы и некоторые другие.

Современная методика преподавания русского языка рекомендует преподавателю, организуя работу по обогащению словарного запаса учащихся, основываться на следующих принципиальных положениях:

1) необходимо учитывать, что работа над словарем имеет огромное воспитательное значение для формирования личности ребенка и должна быть ориентирована на будущую практическую деятельность;

2) анализ лексического значения слова должен проводиться прежде всего с точки зрения современного словоупотребления, целесообразно также рассмотрение эволюции значения слова с диахронической точки зрения;

3) словарная работа должна быть хорошо организована, проводиться систематически, она должна быть связана со всеми разделами языкознания, изучаемыми в школьном курсе русского языка;

4) содержанием работы является семантизация слова и его актуализация в речи учащегося;

5) в содержание словарной работы входит пополнение словарного запаса школьников, словарно-орфографическая работа, знакомство со словом как средством художественной выразительности;

6) чем богаче активный словарный запас человека, тем содержательнее, доходчивее и красочнее его устная и письменная речь.

В качестве средств семантизации слов (толкования лексического значения слова) используются две основные группы словарно–семантических приёмов и упражнений.

1. Приёмы и упражнения, направленные на объяснение лексического значения нового слова и закрепления нового слова в памяти.

– Обращение к толковому или энциклопедическому словарю. Этот приём позволяет раскрывать смысл слова, понять его родовую и видовую характеристику, приучает школьников работать со справочной литературой.

– Обращение к изображению (показ предмета или его изображения, этнографические зарисовки). Довольно узкий диапазон данного приёма обусловлен характером лексического значения слова, т.к. наглядно можно представить только конкретные предметы или явления. А вот абстрактные понятия не могут быть объяснены совсем. Зато применение этого способа прекрасно оправдало себя при знакомстве с устаревшей лексикой.

– Семантическое определение (минимально развёрнутое толкование лексического значения слова; словесное описание свойства, роли в ситуации, значения в жизни и т.п.). Данный приём также имеет довольно ограниченные возможности в толковании слова, т.к. не дает исчерпывающей информации о толкуемом слове. Но с успехом может применяться вместе с другими способами.

– Сопоставление. Сущность этого приёма состоит в переносе значения известного слова на неизвестное по сходству (если подобран синоним) или по противоположности (если подобран антоним).

– Мотивационный анализ. При применении этого приема совершается попытка возбуждения у учащихся интереса к процессу возникновения слова и его трансформации с течением времени.

– Морфемный анализ. Этот приём необходим для осуществления анализа значения морфем, при помощи которых произошло образование этого слова.

– Введение слова в контекст. В данном случае все решает грамотный подбор контекста для верного толкования слова, поскольку иногда создается только иллюзия понимания слова, что, несомненно, приводит к лексическим ошибкам. Для более верного и ясного представления о слове необходимо использование и других приёмов семантизации слова. Однако в полной мере этот приём оправдывает себя на уроках литературы, где учащиеся часто сталкиваются с устаревшей лексикой.

Каждый из вышеизложенных приёмов словарной работы имеет ограниченные возможности, поэтому для толкования слова часто используется несколько способов. Выбор способа семантизации слова зависит от множества различных факторов: от особенностей лексического значения слова, в активный или пассивный словарь вводится слово, и т.п.

2. Приёмы и упражнения, направленные на развитие умения употреблять новые слова. К актуализации слов в речи школьника можно приступать лишь после полного усвоения лексического значения слова. Для введения новых слов в активный словарный запас учащихся существуют следующие виды упражнений:

1) составление словосочетаний, отражающих типичную лексическую сочетаемость слова;

2) составление предложений с новым словом по предложенным схемам (с учётом изученного грамматического материала и пунктуационных правил);

3) введение нового слова в орфографические диктанты разных видов (словарный, предупредительный, объяснительный, комментированный, выборочный, распределительный, выборочно-распределительный, творческий, свободный и т.п.);

4) употребление новых слов в творческих работах;

5) нахождение и исправление лексических ошибок в тексте (редактирование текста); и т.п.

Продуктивным является упражнение по *комплексному анализу слова* (составление *семантико-грамматического поля слова*). Сущность этой работы состоит в анализе лексической единицы с точки зрения её фонетических, лексико-семантических, грамматических, стилистических особенностей, установлении его связи с другими единицами языка – однокоренными словами, подбор синонимов, антонимов и т.д. Работа проводится по определённой схеме:

1) указать лексическое значение слова;
2) определить, употребляется ли слово в переносном смысле;
3) произвести фонетический разбор;
4) указать часть речи и ее грамматические признаки;
5) разобрать слово по составу и подобрать не менее 3 однокоренных слов;
6) подобрать синонимы (гипонимы, гипероним);
7) подобрать антонимы;
8) подобрать паронимы;
9) определить, имеет ли слово омонимы;
10) указать стилистические особенности слова;
11) составить словосочетание (предложение) по предложенной схеме.

Такой вид анализа требует от учащихся систематического повторения материала, необходимости держать в памяти упорядоченные сведения о системе языка, уметь применять их на практике. Первоначально такой вид работы должен проходить под руководством

учителя, но по мере формирования учебных навыков можно предлагать такой вид работы в качестве самостоятельного. Количество пунктов может варьироваться в зависимости от возраста и степени подготовленности учащихся. Широкие возможности различных подходов к выполнению подобного упражнения позволяют утверждать, что это один из эффективнейших способов словарной работы.

Немаловажной задачей для организации учебной деятельности школьников является и подбор дидактического материала, на основе которого будет выстроена и проведена подобная работа.

Образцовые художественные тексты служат хорошей основой для организации работы по любому разделу русского языка от фонетики до синтаксиса, одновременно позволяя осваивать и речеведческие понятия. Такой комплексный подход всемерно способствует достижению главной цели преподавания русского языка – формированию правильной речи.

Привлечение текстов художественных произведений интересно и для самих школьников, поскольку литературные произведения позволяют познакомиться с удачными примерами использования всего лексического богатства языка, но нельзя не отметить, что подобная лексическая работа требует учета уровня подготовленности к анализу текста. Развитие умения выполнять полный или частичный лингвистический анализ должно происходить постепенно от ступени к ступени, от класса к классу в результате специально организованной систематической работы, только тогда можно ожидать проведения учащимися полноценного анализа как лексики, так и средств выразительности текста.

Включение текста художественной литературы в урок русского языка, конечно, не может быть механическим, для этого необходимо создание определенной языковой ситуации, в полной мере соотнесенной с дидактическими целями уроков языка. Именно поэтому целесообразно планировать упражнения на уроках русского языка параллельно с изучением литературных произведений, для осуществления наблюдения над лексическим материалом на основе текста изучаемого произведения.

Каждое из вышеперечисленных упражнений выполняет свою роль в системе работы по развитию речи в общем и по обогащению словарного запаса учащихся в частности. Комплекс вышеуказанных упражнений, используемых систематично и последовательно, способствует формированию и развитию языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций учащихся.

Системный подход открывает возможности более экономного и рационального использования времени на уроках русского языка, а использование изучаемого художественного произведения в качестве дидактического материала позволяет организовать наблюдение как над языковой стороной текста, так и над речеведческими понятиями.

Систематическая работа над обогащением словарного запаса учащихся при изучении художественного произведения и в контексте формирования лингвокультуроведческой компетенции способствует не только расширению активного и пассивного словарного запаса школьников, но и формирует личность учащегося, приобщает его к культуре народа. Именно поэтому обогащение словарного запаса школьников как один из аспектов развития

речи всегда находилось в центре внимания ученых, создавших действенную систему работы над словарем школьников. Большое значение в организации подобной работы всегда придавалось интеграции уроков русского языка и литературы.

Литература

Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно – деятельностный подход: учеб. пособие. М., 2007.
Богданова Г.А. Обучение русскому языку в 6 классах. М., 2013.
Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. М., 1982.
Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

Е.Л. Кудрявцева
Международный методсовет по вопросам многоязычия
и межкультурной коммуникации

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ
(содержательная и пространственная мобильность ДОО – школа – вуз)

Многоязычие как явление экстралингвистического порядка, проявляющееся в языке (речи), является не более чем инструментом для обслуживания иных уровней человеческого сознания и деятельности. Лингвистическая составляющая естественного многоязычия располагается и реализуется в ряду иных компетенций: социо-, медиа-, Я-, межкультурной. Язык, выдвигаемый нами при проведении тестирования, протоколировании наблюдений и т.д. на первый план, здесь принимает подчиненную, инструментальную функцию, «выражая» и «отражая» вовне специфику внутреннего мира дву- или многоязычной личности. Исходная принадлежность билингва к двум культурам, традициям, национальным картинам мира и результирующая (при корректном выстраивании индивидуального образовательного маршрута) из них – интеркультурность, – вот тот фундамент, на котором родители и педагоги во взаимодействии друг с другом и с ребенком могут выстроить здание бинарного и многогранного видения мира, вне привязанности к единичным функциональностям. И процесс этот оптимально облечь в форму, отвечающую потребностям и компетенциямсамого ученика, реализуя их в реальных ситуациях – коммуникативных и деятельностных (в т.ч. игровых, без возрастных ограничений) – в аутентичной среде. Если же говорить об интегративности (в т.ч. инклюзивности) образования, то неизбежна постановка вопроса о:

– мобильности (внешней и внутренней, содержательной) образовательного пространства;

– интерактивности образовательного процесса в поликультурном сообществе,

– креативности, творческом начале образовательного процесса (инновации в комплексе с утвердившими себя на образовательном пространстве методами и технологиями);

– постоянной самоактуализации педагогов и родителей.

Все обозначенные критерии реализуемы при четком соблюдении принципов «треугольника взаимной интеграционной сохранности» семьи, образовательных организаций и общества.

Ключевые слова: естественное и искусственное многоязычие, межкультурная коммуникативная компетенция, диалог этно- и социо-культур, переключение лингвокультурных кодов (лингвистических и поведенческих), самоактуализация обучающегося и обучающего, регулярное и неформальное образование, мобильность/ интегративность/интерактивность образовательного процесса в поликультурном пространстве, глобализация образовательного пространства, «треугольник взаимной интеграционной сохранности», геймификация образовательного процесса, инновационные/ игровые технологии, проектная деятельность.

Межкультурная компетенция в поликультурном пространстве (образовательном, профессиональном и бытовом) начала XXI столетия понимается как способность «вести себя адекватно и проявлять мобильность в общении в рамках ожиданий партнера по коммуникации – представителя иной культуры; понимать культурные различия (диффиренцию) и взаимовлияния (интерференцию) между собственной и иной (чужой) культурой и формой жизни и сохранять свою культурную идентичность, способствуя диалогу культур» [Bredellau.a. 2000: 38]. При этом межкультурная коммуникация может происходить как между представителями различных культур на одном географическом пространстве (т.е. в одном поликультурном обществе, **этнокультурный диалог**) в той же степени, как и членами единого монокультурного сообщества, но состоящего из представителей различных полов, поколений, профессий или социальных слоев (**социокультурный, гендерный диалог, диалог поколений**). Интеркультурность и диалог культур в широком смысле как инструментализация процесса таким образом становится не только «модулем взаимопонимания в постоянно глобализирующемся мире» [Wierlacher 2003: 28 – 41], но и путем «кооперативного, взаимного самообразования» [Lämmert 1991: 9– 26] и образования – непрерывного и системного.

На данный момент практически невозможно описать точную модель реальной межкультурной коммуникации в глобальном и постоянно меняющемся мире и предложить обучающимся в форме готового рецепта, поэтому важно **научить их учиться:** самостоятельно вычленять основные признаки межкультурной коммуникации в постинтеркультурном сообществе из реального коммуникативного акта. Причем основная цель: более глубокое познание собственной культуры в рамках коммуникативного акта с представителем иной культуры, рассмотрение сильных и слабых сторон с точки зрения носителя иной национальной картины мира и использование вновь обретенных знаний и компетенций для «продвижения» своей культуры в ино-, меж- или интеркультурном пространстве. Для билингвальных учащихся важна постановка еще одной цели: научиться балансировать между двумя «собственными» культурами и расширять познания в каждой из них в процессе коммуникации, помня, что коммуникация бесконечна и начинается задолго до, а заканчивается намного позже собственно акта вербального взаимодействия.

Таким образом, целеполагание современного образовательного процесса расположено в зоне практико-ориентированного обретения следующих компетенций:

1) в сфере межкультурной коммуникации:

– способности сохранять, использовать и передавать следующим поколениям свою этнокультурную идентичность без того, чтобы препятствовать реализации или унижать иные нации и культуры;

– действовать, исходя из понимания и знания особенностей иных культур и социальных слоев (включая историю их возникновения), без утраты связей со своей исконной культурой (для би- и полилингвов – культурами) и социумом;

– принимать проявления иных этно- и социокультур в объеме, диктуемом ситуацией взаимодействия и стараться максимально передать партнерам знания о своей этно- и социокультуре для достижения в процессе общения оптимального результата;

– помогать партнеру при помощи вербального и невербального общениянайти свой путь в окружающем поликультурном пространстве с тем, чтобы быть принятым как равный новым этносоциумом;

2) в сфере образовательной бытовой/ повседневной и профессиональной коммуникации:

– способность к принятию инновативных и креативных решений и их актуализации с учетом ситуации (содержательная мобильность);

– пространственнаямобильность (онлайн- и оффлайн), включающая требования к регулярной актуализации уровня коммуникативной компетенции (лингво-, социо-, медиасоставляющих);

– способность (желание и готовность) к регулярной самоактуализации как в контексте ситуации, так и в более обширном профессиональном (повышение квалификации) и бытовом контекстах;

– способность агировать в сетевых сообществах, образуя оные или входя в них в различных ролях (участника, руководителя, координатора и т.д.) (функциональная независимость/ свобода в реальном и виртуальном сотрудничестве);

– трансдисциплинарность (междисциплинарное образование и повышение квалификации как «доступ» в смежные и иные сферы знаний).

Эти требования, в основном, согласуются с результатами исследования, проведенного Институтом будущего (TheInstitutefortheFuture– IFTF) совместно с научно-исследовательским институтом Феникса (ThePhoenixResearchInstitute), отраженными в статье «Рабочие навыки будущего» (Рис.1) [FutureWorkSkills: www.ru]:

Процесс самоактуализации родственен по сути процессу обретения знаний, умений и навыков, но расположен на более высоком уровне развития – в зоне ихперехода в разряд способностей и индивидуальных компетенций. И возможен он лишь при системном и последовательном подходе как к процессу регулярного, так и дополнительного (неформального образования); при соблюдении преемственности в них на внешнем (пространственном) и внутреннем (структурном и содержательном) уровнях (Рис. 2).

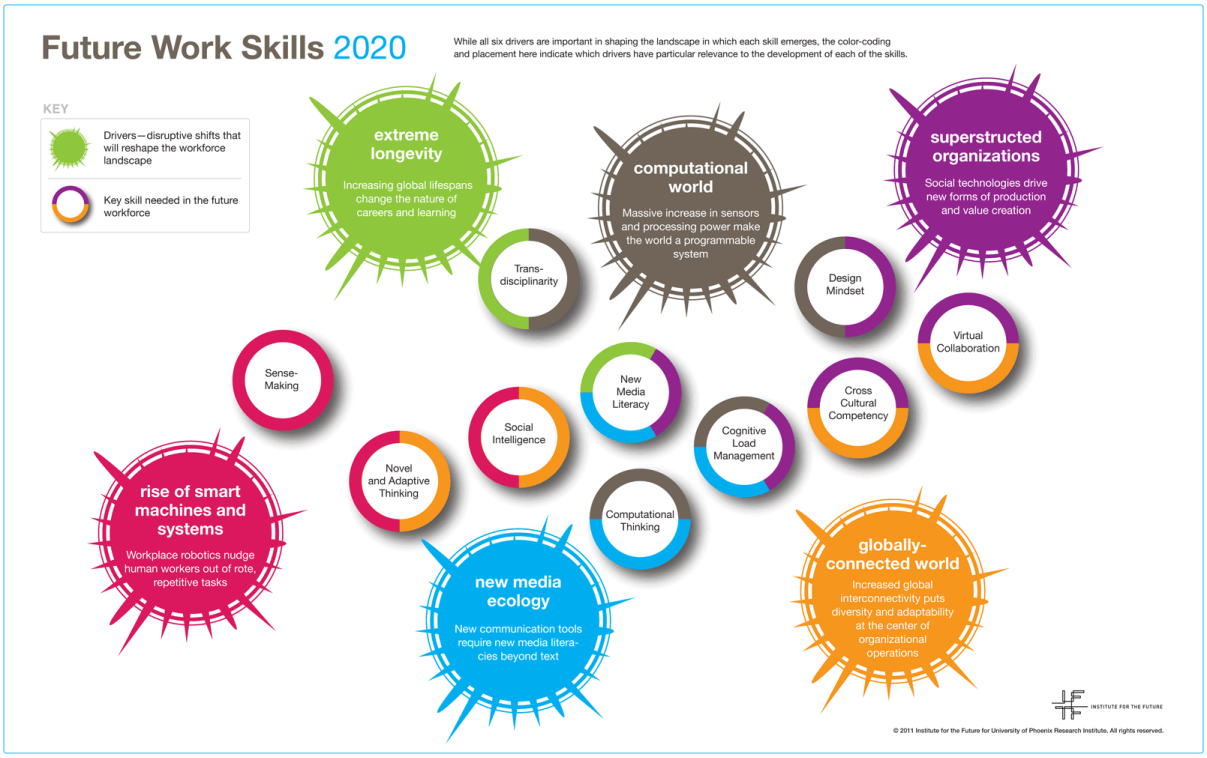

Рис. 1. Навыки будущего (как фундамент для развития компетенций в процессе самоактуализации по каждому из направлений)

Рис. 2. Лестница (пирамида) развития креативности/ «самоактуализации»

Основными показателями преемственности в условиях глобального поликультурного образовательного пространства являются:

– непрерывность и системность регулярного, дополнительного и самообразования и их взаимодействие в едином процессе «образования длиною в жизнь»;

– индивидуальный подход к образованию с учетом существующих компетенций и потребностей конкретной личности (личностно–ориентированный) и окружающего ее общества (социо–ориентированный) (в т.ч. учет этно– и социокультурного компонентов);

– привлечение существующего опыта (практико–ориентированного) и информационного (теоретического) комплекса, накопленного предыдущими поколениями как фундамента инновационной деятельности по преобразованию системы с целью ее адаптации к меняющимся условиям и характеристикам субъектов образовательной деятельности;

– интернационализация процесса образования с учетом глобализации образовательного пространства (в т.ч. за счет расширения: стандарта педагога как посредника между культурами, и портрета ученика как носителя не только национальной, но и би–/интернациональной картины мира);

– универсализация процесса образования (научить учиться в любой среде, общаться в любой коммуникативной ситуации и т.д., креативно используя имеющийся набор сформированных компетенций как «отмычки» или «ключи» для решения поставленных задач и достижения желаемой цели);

– углубление внутренней составляющей («семантизация») мобильности и полифункциональности пространственной среды образовательного учреждения для ребенка; ее преемственность от дошкольного периода к начальной и средней, а затем старшей школе и вузу (в т.ч. введение «подготовительных/ переходных этапов», «периодов привыкания и содержательной адаптации» между ДОО и школой, семьей и ДОО/школой, например, по образцу ФРГ);

– открытый характер группового обучения (взаимообучение детей одного и разного возраста как одна из его составляющих) вместо одновозрастных групп; функциональные помещения вместо групповых (например, комната для проведения экспериментов, для театральных занятий, для занятий спортом, мастерская юных художников и т.д. уже в ДОО, а не в начальной школе);

– инклюзивный и интегративный характер образования (как цель: образование активного члена данного общества с учетом его индивидуальности как источника и поддержки позитивных общественных процессов);

– направленность образования от передачи знаний, умений и навыков к самостоятельному формированию компетенций в свойственной данному возрастному периоду деятельности (игровой, экспериментальной, проектной и т.д.).

Таким образом, непрерывность и преемственность затрагивают все уровни и структуры образовательной деятельности для обеспечения эффективного поступательного развития личности:

– личностный уровень (индивидуальный, Я–компетенция);

– общественный уровень (этносоциальный и этнокультурный, социо– и межкультурная компетенция; в т.ч. семья как ближайший первичный социум);

– организационный уровень (структурный, от ДОО к вузу и НКО; законодательный, включая стандартизацию; пространственный, включая мобилизацию пространства с учетом контингента и инклюзивного образования);

– программный уровень (включая образовательные процессы, программы, цели и задачи, формы и методы организации образования в их взаимосвязи);

– содержательный уровень (предметный).

Следовательно, реализация преемственности и непрерывности возможна только в так называемом «треугольнике взаимной интеграционной сохранности», в равновесии (координации и взаимодействии) семейного, регулярного и дополнительного (неформального, в т.ч. само-) образования, позволяющем учесть все перечисленные факторы и реализовать их на обозначенных выше уровнях и в соответствии с новым ФГОС РФ. Тем более это важно в поликультурной и многоязычной образовательной среде с высоким уровнем мобильности участников как в реальном (миграция), так и в виртуальном (медиа-компетенция) пространстве. Так, при наличии у ребенка нескольких языков социализации (и несколько социумов: первичный, семейный и вторичный, ДОО или школьный социумы), ни ему ни педагогам не обойтись без межкультурной коммуникативной компетенции, навыков переключения лингвистических и поведенческих кодов, а следовательно, регулярной ступенчатой самоактуализации в контексте каждой из культур.

В реальности же осуществлению подобной преемственности препятствуют:

– несогласованность «выходных» и «входных» параметров и требований ДОО и школы (для школы и вуза данная проблема отчасти решена ЕГЭ);

– отсутствие взаимодействия между регулярным и дополнительным образованием (в т.ч. сетевых структур ДОО–семья–школа–общество; хотя в ряде регионов РФ данная проблема решается семейными ДОО и комплексами ДОО–школа);

– осуществление образовательной деятельности на новом этапе без опоры на реализацию 5 описанных выше уровней на предшествующем этапе и без учёта дальнейших перспектив их развития;

– несоответствие учебных пособий и «рабочего места» ученика и педагога новым условиям, формам, целям и требованиям образования в XXI веке (например, не реализована потребность в геймификации образовательного процесса, разработке и внедрении инновационных/ игровых технологий; создании мобильных образовательных сред – в реальном и виртуальном пространстве);

– отсутствие специалистов–межпредметников; педагогов, сочетающих профкомпетенции для дошкольного и начального школьного или старшего школьного и вузовского этапов обучения; педагогов–менеджеров, способных самостоятельно актуализировать как процесс, так и образовательное пространство, проводить занятия–проекты и т.д.;

– неоправданные онтогенезом ребенка или подростка требования и скачки в интенсивности обучения; отсутствие опоры на собственные компетенции ребенка (акцентирования его «сильных сторон»);

– замкнутость образовательного пространства ДОО, школы и вуза как «группового» (по возрастному или структурному признаку), а не «функционального» (по интересам, потребностям и компетенциям учащегося);

– отсутствие взаимодействия между регулярным и дополнительным (неформальным) образованием (в Республике Татарстан взаимодействие реализуется, например, на базе системы лагерей отдыха Клуба «Сәләт», http://mon.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/310641.htm).

Для решения перечисленных выше задач необходимо:

– осмысление процесса повышения квалификации как системы теоретической подготовки и практико–ориентированного обмена опытом в рамках региональных, страновых и международных стажировок (расширение числа стажировочных площадок в регионах РФ и партнерского взаимодействия с образовательными учреждениями в мире); а также как пути самоактуализации личности (движения по «лестнице развития креативности»);

– осмысление системного целеполагания в образовании и путей достижения поставленных целей не только на уровне руководящих органов, но и педагогов–практиков от ДОО до вузов, НКО с образовательным компонентом и представителей семейного образования;

– привлечение зарубежных специалистов–межпредметников (например, из ФРГ, где педагог обязан иметь минимум две специализации – русский и английский, немецкий и география и т.д.) и представителей иных негуманитарных профессий к созданию нового поколения мультимедийных образовательных (а не учебных) пособий;

– обучение педагогов в рамках повышения квалификации основам менеджмента образовательной и проектной деятельности; раскрытие для педагогов, учеников и родителей значимости и путей использования портфолио (профессионального, образовательного, языкового);

– обеспечение содержательной мобильности и интерактивности рабочего места педагога и ученика с учетом существующих у них и востребованных современным обществом компетенций (например, интерактивные доски и компьютеры нужны не в каждом классе, а лишь там, где они необходимы в рамках реализации процесса (само)образования; а ДОО они иногда даже вредны);

– организация функционально ориентированного, а не группового подхода к работе с учащимися (функциональные помещения, полифункциональность использования пространств/ внешняя и внутренняя мобильность).

Литература

Источники

Bredellau.a., 2000 - Bredella B., Meissner F.-J., Nünning A., Rösler D. (Hrsg.) Wie ist Fremdverstehen lehr- und lernbar?: Vorträge aus dem Graduiertenkolleg «Didaktik des Fremdverstehens». – Tübinger: Gunter Narr Verlag: Электронное издание// URL: http://books.google.de/books?id=
WeFGSDLKSKUC&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Дата обращения: 31.07.2014).

Matoba, Scheible, 2007 - Matoba K., Scheible D. InterkulturelleundtranskulturelleKommunikation// Working Paper of International Society for Diversity Management e.V., № 3: Электронное издание// URL: http://www.idm-diversity.org/files/Working_paper3-Matoba-Scheible.pdf (дата обращения: 31.07.2014).

Lämmert, 1991 – Lämmert E. Die Herausforderung der Humanwissenschaften in einer industriellen Kultur// E. Timm (Hrsg.) Germany and Europe. The Politics of Culture: Proceedings of a DAAD Conference at the University of Toronto, Sept. 1990. – Columbia: Camden House.
Wierlacher, 2003 – Wierlacher A. Was ist Interkulturalität?// O. Rösch (Hrsg.) Veränderungen in Europa: Anforderungen an interkulturelle Kommunikation mit osteuropäischen Partnern. – Berlin, 2003. (WildauerSchriftenreiheInterkulturelleKommunikation. Bd. 5).

Справочные материалы

Koudrjavtseva E., Volkova T. BILIUM-Bilingualism Upgrade Module (Part II): A comprehensive approach to teaching bilingual children language (non-native and another/second native) in the early childhood educational systems (ECES) of the European Union: A framework for an advanced training programme for pre-school teachers and similar structural units in mainstream schools (pupils from the age of 1.5 years to 5 years). Riga, 2014.

Peters H., Koudrjavtseva E. BILIUM-Bilingualism Upgrade Module (Part I). Riga: RetorikaA, 2014.

Волкова Т., Кудрявцева Е. Как слово наше отзовется. Особенности работы с билингвами// Классное руководство и воспитание школьников. 2013. №10 (133). 1-31.10.

Волкова Т.В., Кудрявцева Е.К., Червова А.С. Два языка, две культуры: Психолого-педагогическая поддержка ребёнка-билингва// Школьный Психолог (методический журнал для педагогов – психологов). 2014. № 2 (519). С. 37– 39

Волкова Т.В., Кудрявцева Е.Л. Пути создания искусственной лингвосоциокультурной среды при изучении иностранного и поддержания другого родного языка в дошкольном и младшем школьном возрасте.// Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века/ Multilingualism and Intercultural Communikcation: Challenges ot the XXI Century:
Материалы Междунар. конф. и VII междунар. научно-практ. семинар (Прага, 11-13 октября 2013 г.) / Comp. by E.L. Kudryavtseva. 1. Ed. – Publ. by Fakulty of Humanities, Charles University in Prague; Printed by ERMAT Praha, Ltd., 2013.

Евсина А.А., Кудрявцева Е.Л. Концепция повышения статуса и закрепления уровня владения русским языком как иностранным, неродным или другим родным в системе международных детских центров// Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века/ Multilingualism and Intercultural Communikcation: Challenges ot the XXI Century: Материалы Междунар. конф. и VII междунар. научно-практ. семинар (Прага, 11-13 октября 2013 г.) / Comp. by E.L. Kudryavtseva. 1. Ed. /Publ. by Fakulty of Humanities, Charles University in Prague; Printed by ERMAT Praha, Ltd., 2013. С. 31

Ершова Е. и др. Речевая палитра: Пропедевтикум с логопедической доминантой для билингвов. Эл.книга на диске. Aufl. 1. Riga: RetorikaA, 2012. -

Кудрявцева Е. и др. Сказочный алфавит (для обучения билингвов русской культуре). Эл.книга на диске. Aufl. 1. Riga: RetorikaA, 2012.

Кудрявцева Е., Бубекова Л., Буланов С., Зеленина Т. Инновационные игровые технологии в изучении и освоении языков первичной и вторичной социализации в рамках межкультурной коммуникации (в печати).

Кудрявцева Е.Л. (Само)диагностика уровней владения языком на основании коммуникативной компетенции: приглашение к размышлению// Проблемы межкультурной

коммуникации в современном обществе: международный сборник научных трудов (Казахстан – Венгрия) / Отв. ред. Е.А. Журавлева. Астана, 2014. – 280 с. – С. 159– 164.
Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В. Комплексные рекомендации по мобилизации предметно-пространственной среды в дошкольной образовательной организации (в печати).
Кудрявцева Е.Л. Roadcardbilingual: современный инструмент целевого психолого- и медико-педагогического сопровождения билингвов//Билингвальное (полилингвальное) образование и межкультурная коммуникация в XXI веке: сборник научных статей/ Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Г. П. Захарова. Чебоксары, 2014. С. 150–153
Кудрявцева Е.Л. Использование тандема (интегрированного и неинтегрированного) для изучения русского языка как иностранного и сохранения русского языка как родного у естественныхбилингвов. Аттестационная работа// URL: http://de.scribd.com/doc/127006916/Tandem-Bilingual-DIPLOM2end2-1 (дата обращения:1. 01. 2013).
Кудрявцева Е.Л. Проект «Дети мира» как образец междисциплинарного и международного сетевого взаимодействия в образовательной среде //Ресурсы педагогического сообщества в глобальном информационном пространстве/ Сб. материалов первой Всероссийской научно-практ. конф./ М.В. Кузьмина. – Киров, 2014. С. 19–26// URL: http://krcdo.ru/news/itogi
_konferencii_resursy_pedagogicheskogo_soobshhestva_v_globalnom_informacionnom_prostranstve/2014-03-07-473 (дата обращения:5. 10. 2014).
Кудрявцева Е.Л., Берсенева М.С., Громова Л.Г. Четыре методических статуса в преподавании русского языка// Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин/ред. Ж.В. Ганиев. – М., 2014. – С. 286-295// URL: http://www.flinta.ru/book.php?id=1169 (дата обращения:1. 01. 2013).
Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В. Методические рекомендации по использованию плаката в оформлении образовательного пространства русскоязычного образовательного центра. Рига, 2013.
Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В., Якимович Е.А. Обучение русскому языку в билингвальной среде. Методические рекомендации. М, 2013.
Кудрявцева Е.Л., Кабяк Н.В. «Дом для Кузьки»: Анимация в обучении русскому языку детей-билингвов 6-7 лет (развивающий урок)// РЯЗР. 2014. № 2 (243). С. 4 –21.
Кудрявцева Е.Л., Корин И.В. Создание единой системы тестов для определения уровня межкультурной компетенции// РЯЗР. 2013. № 3. С. 14 – 25.
Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В. Комплексный подход к обучению языку (как неродному и другому родному) детей билингвов (в возрасте 1 года –6 лет) в образовательных организациях с этнокультурным компонентом. Riga, 2014.
Хентшель Т., Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В. «Дорожная карта билингва» – инструмент психолого-педагогического и социального сопровождения семей мигрантов в интеграционно-образовательном процессе//Тезисы VI Междунар. конф. по когнитивной нуке (23-27.06.2014; Калининград, Россия. Kaliningrad, Russia)/ под ред. А.А. Кибрик и др. Калининград, 2014 - С.695 – 696.

М.А.Кулькова
Казанский федеральный университет (Казань)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ (на материале русского и немецкого языков)

В статье приводятся различные дефиниции народных примет российских и зарубежных авторов, рассматриваются основные функции примет. Особое внимание уделяется анализу содержательной структуры народных примет и их вариативной формально-структурной организации в русском и немецком языках.

Ключевые слова: народная примета, формально-структурная организация народной приметы, смыслообразование паремии.

Народные приметы (далее – НП), пройдя длительный путь «шлифовки» временем, представляют собой замечательный продукт народного творчества, демонстрируют яркий образец структурно-смыслового единства языка и стиля. В работах отечественных паремиологов (Г.Л. Пермякова, Н.Н. Фаттаховой, Е.Г.Павловой, В.К.Харченко и др.) примета определяется в качестве клишированного изречения с доминантной прогностической функцией (ср. [Пермяков 1975: 256], [Фаттахова 2002: 3-4], [Павлова 1984: 294], [Харченко 1992: 78]). При этом учеными справедливо отмечается, что приметы базируются на «презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» [Харченко, Тонкова 2008: 14]. Автором предлагается следующее определение народных примет: народные примеры – это устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, являющиеся продуктом многовековой народной рефлексии и направленные на моделирование человеческого поведения, осуществляемого благодаря наличию в примете предсказательно-побудительных установок [Кулькова 2011а: 39], [Кулькова 2011б: 155].

По нашему глубокому убеждению, народные приметы вне зависимости от своего лексического наполнения и формальной организации облигаторно включает в свою структуру темпоральную характеристику описываемых явлений. Как отмечает Н.Н.Фаттахова, «временная отнесенность примет связана с выражением значения постоянства, причем такой его разновидности, как расширенное время, не имеющее точной локализации. Две ситуации, вступающие в условно-временную связь, могут иметь возможное конкретно-временное прикрепление, но при этом всегда в конкретном проявляется обобщенное, то есть имеются в виду подобные ситуации, совершаемые ранее, причем, как правило, имеющие прерывистый характер» [Фаттахова 2002: 38]. При этом временная константа в приметах характеризуется цикличным характером, отражающим космологическое сознание архаичного человека, которое предполагает, что «в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст» [Успенский 1988: 32], таким образом, в приметах находит отражение «циклическая модель времени» [Мелетинский 1991: 253]. Согласно Ю.М.Лотману, культура, ориентированная на повторное воспроизведение текстов, требует особого устройства коллективной памяти, важное значение для которой имеют мнемонические символы,

ориентированные на будущее [Лотман 1987: 5]. Большое количество подобных мнемонических символов можно наблюдать в НП.

Временные координаты в приметах (календарные праздники, дни недели, месяц года, время года, год) являются неотъемлемым компонентом системы ожиданий, репрезентированной в приметах в виде формулы «Если А, то следует ожидать В» эксплицитно либо имплицитно [Фаттахова, Кулькова 2013: 44].

Экспликация смысла народных примет реализуется в виде моно- и полипредикативных конструкций, обладающих вариативным набором лексических, морфологических и синтаксических средств, разнообразным коммуникативным и модальным смыслом, однако при наличии различных коммуникативной и модальной рамок (модуса) пропозитивное содержание паремий (диктум) остается единым.

Например, семантическую схему пропозиции НП можно представить в виде инвариантной формулы **«Если S_2P, то S_1P»**, где S_1 – субъект базовой пропозиции, S_2 – субъект побочной пропозиции, а Р – предикат пропозиции, характеризующий признак субъекта пропозиции.

Указанная схема может также подвергаться различным модификациям, в результате которых первая часть приметы может быть свернута и репрезентирована в тексте паремии благодаря атрибутивным и сирконстантным компликаторам, выражающим «сценарный характер высказывания». Тогда семантическая схема высказывания приобретает несколько иной вид. Например: *«S_2 P S_1»*, либо *«При условии существования S_2 S_1 P»*.

Объективную семантическую константу народной приметы составляет ее глубинное содержание, которое можно представить в виде следующей пропозиции: *«Совершение физического / ментального / вербального действия с учетом некоторых обстоятельств»*. Данное пропозитивное содержание образует стабильное семантическое ядро любой приметы. В результате наложения модальной рамки, относящейся к субъективным переменным паремиологического высказывания, на ткань паремиологического дискурса возникает различный интенциональный рисунок высказывания [Кулькова 2014: 89].

Таким образом, содержательную структуру народной приметы представляют пропозиционально-когнитивный и коммуникативно-прагматический компоненты, каждый из которых выполняет определенную роль в смыслообразовании паремии. Центральным в порождении и интерпретации приметы является пропозиционально-когнитивный компонент, в ядерной зоне которого располагается пропозиция, моделирующая инвариант значения паремии. Благодаря коммуникативно-прагматическому компоненту содержания народной приметы осуществляется актуализация ассоциативных связей со стандартными коммуникативно-прагматическими ситуациями, информация о которых представлена в интерпретационной зоне дискурсивного пространства паремии.

Облигаторным элементом в пропозитивном содержании НП служит пропозиция-следствие, эксплицитно либо имплицитно представленная в обусловленной части приметы благодаря номинации следствия проявления признаков обусловливающего явления / события / действия. Второй элемент пропозитивного содержания НП – пропозиция-условие – также может быть представлен в примете эксплицитно либо имплицитно, в виде свернутой пропозиции. Например: *Если гуси и журавли не спешат к отлету, стужа наступит не скоро и зима будет мягкой; Ворона каркает – к дождю; На Кузьму сеют морковь и свеклу;*

Wenn die Vögel um Michaelis noch nicht ziehen, so wird an Weihnacht keine starke Kälte spüren; Die Krähe ruft den Regen; An St. Kilian säe Wicken und Rüben an.

Факультативным компонентом пропозитивной структуры НП выступает пропозиция-цель, содержащая результативное значение, как правило, предписываемого действия. Присутствие данного компонента обусловливается необходимостью аргументации предписываемого действия в том случае, если прескрипция носит жесткий характер и нуждается в смягчении благодаря привлечению мотивационного компонента, либо может показаться реципиенту неубедительной. Например: *Перед Рождеством все деревья в садах надо обвязывать соломенным «перевяслом», чтобы они хорошо родили; На Онисима овчары окликают звезды, чтоб овцы ягнились; Zweige schneiden an Sankt Barbara, dann sind die Blüten bis Weihnacht da; Willst du Gerste, Erbsen, Zwiebeln dick, dann sä' sie an St. Benedikt.*

Языковое оформление НП отличается разнообразием структурных форм и их смыслового наполнения. Вариативная формально-структурная организация НП, проявляющаяся в гармоничном сочетании лаконичных клишированных паремий с объемными текстовыми описаниями, обусловливается интенциональной характеристикой приметы, степенью иллокутивной силы и вектором коммуникативной направленности паремии (категоричный запрет, деликатный совет или подробная инструкция поведения в определенных жизненных ситуациях). Инвентарь лексических единиц, используемый в построении паремиологических конструкций, с удивительной точностью отражает крестьянский быт, уклад жизни, национальные обычаи и нравы, что в свою очередь помогает воссоздать подлинную картину жизни народа того времени. Ср.: «Когда в сене дождевина, тогда *в сусеке ведрина*»; «*Жать ячмень зеленком (впрозелень)* – дойдет в снопах»; «Высушишь пашню – *не замесишь квашню*»; «Много комаров – *готовь коробов (под ягоды)*, много мошек – *готовь лукошек (по грибы)*»; «На Василия (25 апреля) и земля *запарится, как старуха в бане*»; «Земля в снегу – *быть пирогу*» и т.д.

Таким образом, многие приметы, с одной стороны, являются древними народными изречениями, базирующимися на ассоциативных представлениях архаичного человека, свидетельствующих о синкретичном способе отражения окружающего мира в его психике (А.А. Потебня, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, Е.Ф. Будде, А.Н. Афанасьев, А.Ф. Лосев, Н.Б. Мечковская). Такой способ мышления («дологический» согласно Н.Б. Мечковской, или «инкорпорированный», согласно А.Ф. Лосеву) объясняет самобытный характер народных примет и характеризует их как «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» [Харченко, Тонкова 2008: 14]. С другой стороны, народные приметы представляют постоянно развивающийся фольклорный жанр, демонстрирующий особенности своего функционирования в современном речевом употреблении в качестве языковых способов выражения запрета, разрешения, предостережения, наставления, совета и т.д., и могут быть охарактеризованы как истолкования неких ситуаций, которые применяются представителями определенной лингвокультуры для выстраивания своих поведенческих линий. Несмотря на различное понимание народных примет современными исследователями, ученые сходятся в едином мнении о пропозициональном содержании примет, формируемом благодаря наличию в их семантической структуре причинно-следственной связи между явлениями.

Литература

Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения: Монография. Казань, 2011а.

Кулькова М.А. К вопросу о когнитивно-смысловой организации народной приметы // Вестник ТГГПУ. 2011б. № 1(23). С.155-161.

Кулькова М.А. Прогностическая сущность народных примет в русском и немецком языках (сопоставительный анализ) // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте. М., 2014. С. 85-95.

Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

Мелетинский Е.М. Время мифическое // Мифы народов мира / Под ред. С.А.Токарева. М., 1991. С. 252-253.

Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 294-299.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 247-274.

Успенский Б.А. История и семиотика // Труды по знаковым системам XXII. Зеркало. Семиотика. Зеркальность. Тарту, 1988.

Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. Казань, 2002.

Фаттахова Н.Н., Кулькова М.А. Народные приметы в разноструктурных языках. М.: Флинта: Наука, 2013.

Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. 1992. № 1. С. 78-82.

Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. Монография. Белгород, 2008.

Левушкин Т.Н., Байрамова Л.К.
PR Consulting, Казанский федеральный университет, (Казань)

«ПИЩЕВОЙ» КОД ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

В исследовании анализируются французские и русские фразеологизмы [ФРФС; Байрамова 2011] их «пищевой» код, семантика и «пищевые» компоненты как символы.

Что может быть проще питания и всего остального, что с ним связано, когда оно признано самым обыденным явлением жизни? Приём пищи является не только человеческой природной потребностью – он, по выражению М.Л.Ковшовой, «регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями», уходящими своими корнями в глубокую историю. Как отмечает М.Л.Ковшова, «о переосмыслении пищи в ценностных категориях культуры свидетельствуют знаки из её различных «пластов» – фольклорного, религиозного, литературного и др.» [Ковшова 2009: 17].

В работе дана классификация французских фразеологизмов, в которых с помощью «пищевых» образов описывается собственно «пищевая» и другие темы.

Нами была предложена классификация французско-русских фразеологизмов с «пищевыми» компонентами: *pain* (хлеб), *soupe* (суп), *gras* (жир), *poulet* (курица).

I Французские фразеологизмы с «пищевыми» компонентами семантически связаны с определённой пищей, которая четко разграничивается: а) пища для бедных; б) пища для богатых.

А. Французские фразеологизмы с «пищевым» компонентом, указывающие на пищу для бедных:

– *le pain: manquer de feu et de pain – разг.* сидеть без куска хлеба.

Русские фразеологизмы с «пищевым» компонентом *хлеб* также связаны со сферой ‘бедность’: *сидеть на чёрном хлебе* – жить впроголодь; *сидеть на хлебе и (на) воде* – жить впроголодь. Хлеб и вода являются «самодостаточными» минимальными продуктами для поддержания жизни. Недаром в пословице говорится: *хлеб да вода – крестьянская еда* – жизнь впроголодь.

– *la sauce: bouffer / manger des briques (à la sauce aux cailloux), прост.* – голодать (*букв.* есть кирпичи (под соусом из камней)). Во фразеологизме *brique* восходит к старо-французскому *briche,* которое означало ‘крошка хлеба’ и употреблялось в качестве второго элемента отрицания. Этот отрицательный оборот сохранился в некоторых современных диалектах северной Франции, где вместо литературного *ne…pas* употребляется *ne…brique.* По мнению П.Гиро, прототипом объясняемого выражения было словосочетание *ne manger brique* ‘не есть ни крошки хлеба’, т.е. ‘не есть ничего’, которое в процессе фразеологизации подверглось изменению: оно утратило отрицательную частицу *ne.* В результате *brique* стало осмысляться как существительное ‘кирпич’ (на это указывает появление перед ними артикля) и выражение приобрело свою современную форму [Назарян 1968: 54].

– *croûte: Ne manger que des croûtes* – скудно питаться; довольствоваться обьедками (*букв.* кушать исключительно корки). «Пищевой» компонент *корочка* символизирует бедность и в русском фразеологизме *перебиваться с корочки на корочку* – жить очень бедно, голодно. Лексема *корочка* олицетворяет очень скудную пищу; имеется в виду корочка хлеба.

– *la soupe* (суп): *soupe populaire* – бесплатные обеды для бедняков (*букв.* бесплатный суп для бедняков); *être dans la panade* – быть в хлебной похлёбке; *la panade* – хлебная похлёбка (устар.) атрибут бедного человека, бедность [НФРС: 773].

Б. Французские фразеологизмы с «пищевым» компонентом, указывающие на пищу для богатых:

– *le pain: avoir du pain (cuit) sur la planche* – жить зажиточно, в достатке, а также быть обеспеченным на будущее (*букв.* иметь (печёный) хлеб на полке);

– *la pâte: être (vivre) comme un coq en pâte, разг.* – жить в полном довольстве, кататься как сыр в масле, жить припеваючи (*букв.* быть/жить как петух в тесте). Компонент *en pâte* ‘в тесте’ появился в XVII веке (например, в словаре Французской Академии 1964 г.). Метафора связана с мыслью о пироге с курицей (куриное мясо находится в мягком и тёплом ложе из теста), и эта прямая аналогия тепла и уюта сочетается с метонимическим переносом предвкушения удовольствия от вкуса этого пирога на саму жертву, петуха [Назарян 1968: 80].

– *la poule: mettre la poule au pot* – сделать жизнь зажиточной; жить в достатке (*букв.* положить курицу в горшок); *la poule au pot* – жизнь в достатке, сытная жизнь

(курица в горшке). Как утверждают некоторые исследователи, выражение приписывают французскому королю Генриху IV как его пожелание, чтобы по воскресеньям у каждого французского крестьянина была курица в супе [ФРФС: 874.] Другие исследователи уточняют, что данное выражение Генриха IV было адресовано герцогу Савойскому : «Если бог продлит мне жизнь, я добьюсь того, чтобы в моём королевстве не осталось ни одного крестьянина, который не был бы в состоянии иметь курицу в своём горшке». В русском языке фраза получила крылатость в варианте: «Я хотел бы, чтобы по воскресеньям у каждого крестьянина была своя курица в супе» [РФИЭС: 367.] В основе фразеологизма лежит старинный французский обычай по откармливанию петуха в закрытой корзине, так чтобы он не двигался и быстро прибавлял в весе. В XIX веке существовало выражение *coq au panier*.

Русские фразеологизмы с «пищевыми» компонентами: *сыр, масло, молоко, кисел, мёд* своей семантикой обозначают жизнь в довольстве, достаток, благополучие. *Как / словно / точно сыр в масле кататься* – жить в довольстве, достатке; *молочные реки и кисельные берега* – сказочное изобилие, привольная, сытая, обеспеченная жизнь; символ достатка и благополучия (образ фразеологизма навеян русскими сказками); *реки, текущие молоком и медом, устар.* – о богатой стране; об изобилии (образ фразеологизма основан на библейском тексте*:* Господь обещал Моисею вывести израильтян из Египта *«в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед»* [Исход, 3: 8].

Ряд французских и русских фразеологизмов с «пищевым» компонентом является оригинальными и и не имеет параллельных эквивалентов, т.е. является лакунарным: фр.: *bouffer / manger des briques (à la sauce aux cailloux (перевод); mettre la poule au pot(перевод;* русск.*: кока с соком, устар. прост.* часто *шутл.* – материальный достаток, богатство (*Кока с соком* – забытое лакомое кушанье: яйцо с толчеными конопляными семенами*); пить чай с таком, разг. шутл.* – пить чай ни с чем.

II. Французские фразеологизмы с «пищевым» компонентом формируют ситуации, не связанные с приёмом пищи, и свидетельствуют о различных духовно-нравственных и морально-социальных ценностях и антиценностях. Фразеологизмы с «пищевым» компонентом, указывающими на ценности:

А. народно-культурные: *Mardi Gras* – масленица (жирный вторник). Кстати, подобный фразеологизм (без «пищевого» компонента) имеется и в русском языке: *не жизнь, а масленица, разг. фам.* – привольная, сытая жизнь. Масленица – земледельческий праздник проводов зимы у древних славян и др. народов, приуроченный христианами к неделе перед великим постом; во время праздника масленицы пеклись блины и устраивались различные увеселения. Фразеологизм содержит метафору, в которой жизнь уподобляется праздничному времени масленицы.

Б. социальные: *avoir la pêche* – быть энергичным (*букв.* иметь персик), это выражение было заимствовано из лексикона боевых видов спорта. Его употребляли боксеры, которые отличались силой удара *(pêche = coup de poing).*

Русский фразеологизм с «пищевым» компонентом *хлеб* раскрывает интеллектуально-духовную ценность жизни человека: *не хлебом единым жив человек, книжн.* Фразеологизм имеет источником Библию: «*Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе,*

что не одним хлебом живет человек, но всяким (*словом*)*, исходящим из уст Господа, живет человек*. – Втор., 8: 3.».

Фразеологизмы с «пищевым» компонентом, указывающие на антиценности:

а) материальная антиценность:

– *le pain: avoir plus de la moitie de son pain cuit* – разориться (*букв*. иметь более половины своего хлеба испеченным / испечь более половины своего хлеба);

б) материально-нравственная антиценность. Русский фразеологизм *каши просят*, связан с материальной антиценностью.

– *le beurre*: l*'assiette au beurre* – доходное, выгодное место, доход (не всегда легальный) (*букв*. тарелка с маслом);

– *le gras: graisser la patte à quelqu'un*, *разг*. – дать взятку кому-л. (*букв.* смазать салом чью-л. руку);

– *каша: каши просят* – износились, продырявились, требуют починки, ремонта (сапоги, ботинки, подметки и т.п.);

в) духовно-нравственная антиценность:

– *la soupe – cracher dans la soupe* – привередничать; отворачиваться от помощи; проявлять неблагодарность (*букв.* плюнуть в суп). Для народа суп всегда был ценным блюдом, особенно в темные времена (имеется в виду раздача супов для бедняков). Им можно было пропитаться за неимением другого. Таким образом, плевок в суп показывал презрение и пренебрежение тому, что может принести пользу.

Русский фразеологизм с «пищевым» компонентом *хлеб* связан с витально-духовной антиценностью: *есть чужой хлеб, неодобр.* – жить за чужой счёт; быть на чьём-л. содержании. Компонент *хлеб* во фразеологизме употреблен в значении ‘пища, пропитание’; фразеологизм отражает образ жизни нахлебника.

Русский фразеологизм с «пищевым» компонентом *капуста* связан с материальными ценностями: *рубить капусту*, *нов. сленг* – зарабатывать доллары. Во фразеологизме компонент *капуста* является семантической калькой < *англ. cabbage* (‘капуста’): так именуются доллары (*сленг*) на основе сходства цвета (зеленого) доллара и капусты.

В заключение отметим, что французские фразеологизмы с «пищевыми» компонентами не всегда однозначны, т. е. полисемантичны. Это объясняется амбивалентностью, противоречивостью самой системы ценностей.

Литература

Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань, 2011.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. …д-ра филол. наук. М.: 2009.

Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. М., 1968.

НФРС: Гак В.Г. , Ганшина К.А Новый французско-русский словарь. М., 2001.

РФИЭС: *Бирих А.К. и др*. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова / под ред. В.М.Мокиенко. М., 2007.

ФРФС: Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И.Рецкера. М., 1963.

Gourmandise sans frontier// URL:http:gourmandisesansfrontieres.fr (дата обращения: 6.06.2014).

Ли Цинцзе
Северо-западный университет национальностей (Китай, г. Ланьчжоу)

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена истории изучения бессоюзных сложных предложений в русской синтаксической науке.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, открытая/закрытая структура, типизированная/нетипизированная структура, смысловые отношения, сочинение, подчинение.

Одним из сложных и дискуссионных вопросов русской синтаксической науки является изучение семантической структуры, функционального и классификационного статуса бессоюзных сложных предложений, названные предложения, в силу своей уникальности, с одной стороны, обращены в синтаксис, а с другой – в текст.

В современной науке о языке нет всеобъемлющей однозначной классификации бессоюзных сложных предложений (далее – БСП), исходя из которой можно их анализировать. В связи с этим «новая постановка старой проблемы» обоснована следующими факторами: во-первых, изучение БСП в истории русского синтаксиса позволяет существенно продвинуть вперед их исследование и, во-вторых, анализ нового языкового материала, который не находил осмысления в старых концепциях, продолжит дальнейшее развитие данной проблемы.

Смысловые отношения между частями БСП так или иначе опираются на конкретное, определяемое лексическим составом частей содержание, поэтому важность семантического аспекта в описании БСП несомненна и признается многими исследователями. Однако в теоретическом плане семантический аспект в описании БСП остается мало разработанным, хотя исследование семантики отношений – неотъемлемый компонент изучения БСП. Современные ученые считают, что семантический компонент в описании БСП – это компонент, без которого вообще не может состояться концепция БСП.

История изучения БСП богата различными кардинальными изменениями. Еще А.А. Потебня обратил внимание на то, что многие значения, в частности продиктованные смысловой зависимостью, могут быть переданы без помощи союзов [Потебня 1941].

А.М. Пешковский полагал, что в БСП интонация может принимать на себя те функции, которые в союзном типе выполняют союзы или союзные слова. В плане понятия синтаксической формы это означает, что БСП отличаются от союзных предложений только синтаксическим средством, но не значением. Такой подход к БСП является частным случаем общей лингвистической идеи А.М. Пешковского, известной в науке под названием компенсационного закона А.М. Пешковского [Пешковский 1956]. Однако интонация, дифференцируя сочинение/подчинение, не может показать, какая часть является подчиненной. Определить подчиненную часть можно только путем предположительной вставки союза, следовательно, подчиненная часть выделяется уже не на грамматической основе, ее обозначение не заложено в синтаксической форме

БСП. Неясные положения концепции А.М.Пешковского, и прежде всего вопрос о сочинении/подчинении в БСП способствовали возникновению новой теории.

С 50-х годов XX столетия БСП стали рассматривать как особую разновидность сложных предложений, в частности в трудах Н.С.Поспелова. Основное отличие теории Н.С.Поспелова от концепции, предложенной А.М.Пешковским, в том, что БСП рассматривается как некоторая достаточно изолированная часть системы, не опирающаяся на систему сложного предложения.

Как и А.М.Пешковский, Н.С.Поспелов полагает, что интонация принимает участие в оформлении БСП, но тот или иной интонационный тип БСП по выражаемым им отношениям не равен семантике определенного союза, а передает некоторое особое значение. Н.С.Поспелов вводит противопоставление БСП по принципу однородного и неоднородного состава, который не является грамматической категорией и устанавливается не на формальных, а на логико-семантических основаниях [Поспелов 1950].

БСП однородного состава характеризуются однотипностью частей в смысловом отношении и одинаковым отношением к тому целому, к которому они относятся. Кроме того, они характеризуются открытой структурой, смысловым и грамматическим равноправием частей, семантической соотносительностью лексических единиц, одинаковой грамматической оформленностью предикативных частей, общностью их временных и модальных планов. Среди БСП однородного состава выделяются 2 типа предложений: со значением противопоставления и со значением действия и его результата.

В основе БСП неоднородного состава лежит логико-семантический принцип. Это предложения, которые выражают ту или иную зависимость друг от друга составляющих их предикативных единиц: обусловленность последующей предшествующей или раскрытие в последующей какого-либо предшествующего содержания. Среди БСП неоднородного состава выделяют три основные группы. Одни из них имеют значение обусловленности; другие имеют общее значение пояснения, выражая какое-либо обоснование, указывают на причину или следствие чего-либо; в третьих само содержание высказываемого раскрывается во второй части, так что первая часть получает только предварительный, обрамляющий характер. Следовательно, в трудах Н.С.Поспелова синтаксические формы БСП обобщаются в типы с однородным/неоднородным содержанием на логико-семантической основе. Классификация БСП Н.С.Поспелова отличается внутренней непротиворечивостью и лишена неясностей, отмеченных в концепции А.М.Пешковского.

Согласно этому принципу БСП рассмотрены и в «Грамматике русского языка» АН СССР. Предикативные единицы, образующие БСП, могут быть однотипны и разнотипны по характеру их взаимоотношений. БСП, состоящие из однотипных частей, могут иметь общее значение перечисления или общее значение сопоставления. БСП с общим значением перечисления выражают либо одновременность, либо временную последовательность, либо взаимное соответствие фактов, явлений, событий. БСП, состоящие из разнотипных частей, могут выражать более сложные смысловые взаимоотношения, более сложные виды зависимости; интонационные средства при этом более разнообразны. По характеру зависимости между частями такие БСП могут быть разделены на три основных типа: 1) предложения, выражающие отношение обусловленности (со значением прямой обусловленности и со значением обратной обусловленности); 2) предложения, вторая часть которых содержит пояснение и обоснование, указание на причину и следствие того, о чем сообщается в первой части;

3) предложения, во второй части которых раскрывается содержание первой части [Грамматика 1954].

Семантическая классификация БСП, разработанная Н.С.Поспеловым, явилась важным этапом в изучении БСП, но она не учитывала структурные показатели разных типов БСП. Между тем основная задача грамматики – это описание структуры сложного предложения и выявление той семантики, которая создается этой структурой.

В этом плане показательна классификация БСП, предложенная В.А.Белошапковой и «Русской грамматикой» и учитывающая формальные показатели и семантическую структуру БСП [Русская 1980]. БСП, как и союзные, могут быть открытой или закрытой структуры. БСП открытой структуры составляют один структурно-семантический тип с союзными соединительными предложениями открытой структуры, вместе с которыми они и описываются. БСП закрытой структуры составляют особый структурный тип: в них снято противопоставление сочинения и подчинения, поскольку закрытость структуры возможна как при сочинительной, так и при подчинительной связи. Значение этих предложений непосредственно определяется семантикой их частей. В некоторых случаях для БСП закрытой структуры можно установить определенные особенности лексического состава и строения частей; в других – такие показатели отсутствуют. Соответственно выделяются БСП типизированной структуры и БСП нетипизированной структуры. Существует три вида БСП типизированной структуры: 1) с анафорическим элементом; 2) незамещенной синтаксической позицией и 3) с факультативной позицией заключительной частицы. БСП нетипизированной структуры не имеют формальных показателей, они различаются лишь характером смысловых отношений. Среди них наиболее частотны в русском языке объяснительные предложения, первая часть которых содержит сообщение о явлении, а вторая часть комментирует это сообщение, давая ему мотивирующее или уточняющее пояснение, и сопоставительно-противительные предложения, которые характеризуются несоответствием или, по крайней мере, некоторым различием в содержании частей [Белошапкова 1967].

Интенсивное изучение БСП приходится именно на 70-е – 80-е гг. XX в. Так, Н.С. Валгина классифицирует БСП на предложения со структурно-обусловленными частями и предложения со структурно-необусловленными частями. Предложения первой группы имеют структурные показатели объединенности частей (местоименные слова *так, таков, как, что*; существительные, содержание которых раскрывается второй частью предложения; в первой части БСП может оказаться незамещенная синтаксическая позиция). Предложения второй группы не имеют специальных структурных показателей объединенности частей [Валгина 1983].

В 1977 году выходит переизданная книга «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» под редакцией С.Е.Крючкова и Л.Ю.Максимова, в которой достаточно подробно рассматриваются БСП. Авторы выделяют 2 типа БСП на основании смысловых отношений между предикативными частями и особенностей интонации: одни из БСП по смыслу и интонации близки к ССП, другие – к СПП. Однако они отмечают, что среди БСП есть и такие, которые могут быть соотнесены и с ССП, и СПП. Среди БСП С.Е. Крючков и Л.Ю. Максимов выделяют 7 типов: со значением перечисления, с распространительно-присоединительным значением, со значением сопоставления, условно-следственным значением, со значением причины и следствия, со значением пояснения и изъяснительно-объектным значением [Крючков 1977].

В 1979 году В.В.Бабайцева в книге «Русский язык. Синтаксис и пунктуация» затрагивает вопрос о БСП, отмечая в них отсутствие союзов и меньшую степень дифференциации смысловых отношений по сравнению с союзными предложениями. Структурно-семантическая цельность БСП создается смысловой взаимосвязанностью частей, некоторыми грамматическими средствами, соотношением видо-временных форм сказуемых, порядком частей. В.В. Бабайцева БСП по семантике делит на: БСП со значением одновременности; БСП со значением временной последовательности; БСП со значением противопоставления; БСП с общим значением причинно-следственных отношений; БСП с пояснительными отношениями и БСП с присоединительным значением. Избирая в качестве основного критерия классификации БСП их речевую семантику, В.В.Бабайцева учитывает и их языковое значение, находящее выражение не только в лексических, но и в лексико-грамматических средствах связи частей [Бабайцева 1979].

На наш взгляд, наибольший интерес с позиции семантической классификации БСП представляет монография Е.Н.Ширяева, где отмечается, что в БСП открытой структуры выражаются только перечислительные отношения, а БСП закрытой структуры членятся на БСП с дифференцированными отношениями (изъяснительными, причинными, знаковыми, противительными, объяснительными и пояснительными) и БСП с недифференцированными отношениями (условно-временными, причинно-следственными, противительно-уступительными) [Ширяев 1986].

Итак, отсутствие подчинительных и сочинительных союзов – основных показателей сочинения и подчинения; невозможность точного разграничения интонации сочинительного и подчинительного характера; наличие БСП с недифференцированным значением – все это обусловливает выделение БСП в особый структурно-семантический класс, который в какой-то степени противопоставляется сложным предложениям с союзной и относительной связью. В основном БСП благодаря особенностям своего строения и связанных с ним различиям в грамматических значениях поддаются дифференциации на структурно-семантические типы. При этом наряду с интонационными различиями и различиями в соотношении видо-временных и модальных форм сочетающихся предикативных частей особенно важными становятся и такие элементы, как наличие в первой части указательных слов, неполнота первой части и наличие специальных частиц, различных типизированных лексических элементов во второй части.

Литература

Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979.
Белошапкова В. А. Сложные предложения в современном русском языке. М., 1967.
Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1983.
Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. М., 1954.
Крючков С. Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения: учебное пособие. М., 1977.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
Поспелов М.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941.
Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

Р.Р.Лукманова
Башкирский государственный университет (Уфа)

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ): К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена обзору некоторых конкретных проблем, возникающих в связи с достижением семантической адекватности оригинального и переводного текстов. Особое внимание уделяется рассмотрению такого экстралингвистического фактора, как культурологический контекст оригинального произведения. Не меньшее внимание уделяется и культурологически маркированной лексике.

Ключевые слова: перевод, адекватность перевода: семантический аспект, оригинальный текст, переводной текст, языковая картина мира, культурологически маркированная лексика.

Современное языкознание органично вписывается в рамки интенсивных глобализационных процессов, и это обусловливает развитие и изучение межкультурной и межэтнической коммуникации, поэтому проблемы теории и практики перевода являются предметом серьезных научных дискуссий, обсуждаются на международных форумах. Важным представляется то, что в рамках современной филологии оформилась самостоятельная дисциплина – переводоведение (theory and practice of translation, science of translation, translatology), объектом исследования которой является перевод, выступающий в качестве основного вида межъязыкового посредничества.

В научной литературе существует большое количество дефиниций термина «перевод». Мы вслед за А.В.Фёдоровым понимаем под переводом следующее: «Перевести значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 2002: 14].

Обращение к анализу семантического аспекта адекватности перевода обусловливается, прежде всего, господством антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках. В рамках данной парадигмы вопрос о доминирующей стороне языка – плане выражения или плане содержания – решается в большинстве случаев в пользу последнего. Современные лингвистические изыскания характеризуются семантикоцентризмом и текстоцентризмом, последний выражается в том, что все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте [Кубрякова 1994].

Чертой, отличающей перевод от других видов языкового посредничества (language mediation), является единство содержания переводного текста и его формы, то есть совокупности средств выражения данного содержания. Таким образом, рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту.

Уместным, на наш взгляд, будет сосредоточить внимание на том, в какой степени может быть достигнута тождественность оригинального и переводного текстов. Возможна ли абсолютная тождественность перевода оригиналу?

По мнению В.Н.Комиссарова, постоянные неизбежные потери, связанные с культурными и историческими ассоциациями, специфическими реалиями и другими

тонкостями художественного изложения, с несовпадением отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний, приводят к тому, что невозможно достигнуть абсолютного тождества оригинального текста переводу [Комиссаров 2004: 24].

В связи с проблемой тождественности оригинального и переводного текстов в современном переводоведении оперируют таким базовым понятием, как ***адекватность (adequacy)*** перевода.

С точки зрения отечественных ученых Т. Р.Левицкой и А. М.Фитермана, содержание термина «адекватность перевода» включает в себя следующие параметры:

1) правильную, точную и полную передачу содержания оригинала;
2) передачу языковой формы оригинала;
3) безупречную правильность языка, на который делается перевод.

Говоря о последнем пункте, следует иметь в виду, что никакое желание сохранить грамматические конструкции, фразеологические сочетания или стилистические приемы оригинала не может служить оправданием нарушения норм языка, на который делается перевод. Даже опытные переводчики порой допускают нарушение норм переводного языка, впадая в буквализм. Например, в переводе романа Дж. Голсуорси «Сдается в наем», выполненном Н.Вольпиным, встречается подобное нарушение:

Three days later, in that fast-yellowing October, Soames took a taxi-cab to Highgate Cemetery...

Три дня спустя, в быстро-желтеющем октябре, Сомс взял такси на Хайгетское кладбище.

Все три указанных аспекта адекватного перевода составляют неразрывное единство, поскольку игнорирование одного из них неизбежно ведет к пренебрежению другими.

Обратимся к работам представителей современного западного языкознания, в частности, немецкий лингвист В.Гладров следующим образом раскрывает сущность термина «адекватность перевода»: «Адекватностью называется системное соответствие типов ситуаций (речевых жанров и жанров текста) на основе их коммуникативной идентичности. При этом возможны различия в их структурной эквивалентности» [Гладров 2010]. Точка зрения автора представляется нам вполне обоснованной. Главной целью адекватного перевода является обеспечение прагматической задачи на максимально возможном уровне эквивалентности, не допуская при этом нарушений норм переводного языка и соблюдая при этом жанрово-стилистические требования оригинала.

Таким образом, адекватным может считаться семантически и прагматически эквивалентный перевод. Адекватность аппелирует к качественной оценке работы переводчика, она имеет дело с глубинными слоями семантики двух сопоставляемых языков. В этой связи важное значение приобретают многочисленные экстралингвистические факторы, в число которых могут быть включены психологический, ситуативный, культурологический контексты оригинала [Лескина 2009: 797]. В данной статье мы обратим особое внимание лишь на анализ проблем, возникающих в процессе перевода в связи с его культурным контекстом.

Создание адекватного перевода – становится неразрешимой проблемой без глубокого анализа национально-культурного своеобразия тех или иных аспектов или фрагментов языковой картины мира.

Как известно, язык сочетает в себе конкретное и абстрактное, субъектобивное и объективное, личностное и коллективное, национальное и универсальное. Национальная специфика проявляется в следующих компонентах культуры [Иванова 2002: 65]:

1) традициях, которые определяются как устойчивые элементы культуры;
2) бытовой культуре;
3) повседневном поведении и связанном с ним кинесическим кодом;
4) национальных особенностях мышления;
5) художественной культуре.

Очевидно, что все эти национально-культурные особенности находят свое отражение в языке как системе, которая при ее анализе выстраивается в определенную языковую картину мира. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации *(концептуализации)* мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается всем носителям языка. Таким образом, формируется языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Следует учитывать, что «в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которая порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Лукманова 2011; 66].

Учитывая то, что мы рассматриваем письменно-письменный вид перевода, в первую очередь следует обратить внимание на рассмотрение этнокультурной лексики, на выделение и анализ национально-культурного компонента единиц языка оригинала и языка перевода.

Для характеристики национально-специфической лексики С.В. Иванова вводит термин «культурологическая компонента», окрашивающая языковые явления в тона национального колорита [Иванова 2002]. В свою очередь, наличие культурологической компоненты в лексике именуется ***культурологическим маркером***, а лексика называется ***культурологически маркированной***.

В плане синхронии культурологический маркер предполагает устойчивость, то есть высокую степень узуализации. Культурологическая компонента относится к ряду динамических характеристик. Она может быть инкорпорирована в значение слова и воспринята всеми членами социума, а может оказаться забытой. Тем не менее она не теряет свою культурологическую маркированность.

Существует два подхода к определению культурологически маркированной лексики. В широком смысле по степени культурной окрашенности выделяют следующие группы слов:

1) ***слова-реалии*** – слова, называющие явления и понятия, относящиеся к культуре, быту, истории страны переводного языка [Томахин 1997: 125];

2) ***фоновая лексика*** – слова, которые совпадают по лексическому значению, но имеют особенности в содержании тех знаний о мире, которые стоят за ними. Так, при

назывании слова *книга* мы совершенно четко представляем его значение: это «произведение печати в виде бумажных листов с печатным текстом в переплете». В таком же значении представлено слово *book* в английском языке. В основе своей лексический фон слова *книга* совпадает в английском и в русском языках, но вот понятие *карманная книга (pocket book)*, известное в Англии, у нас отсутствует: хотя книги маленького размера издаются, но так у нас не называются [Саяхова 2006: 154];

3) ***коннотативная лексика*** – слова с добавочным, обычно эмоционально-экспрессивным или символическим значением, которое может быть разным для одного и того же слова в двух сопоставляемых языках. К примеру, носители русского языка часто употребляют фразеологическую единицу ***«Храбр как лев!»***. Если мы переведем ее на английский язык как *as brave as a tiger*, нельзя будет говорить о достижении семантической адекватности, так как в данном случае имеет место расхождение смысла слов *лев* и *tiger* в русском и английском языковом сознании. Слово *tiger* имеет в сознании носителя русского языка скорее отрицательную окраску (ср.: *Кровожаден как тигр)*, а у носителя английского языка – положительную.

4) ***безэквивалентная лексика***. В каждом языке представлено довольно большое число слов, не имеющих точного перевода в других языках. Такая лексика выявляется при сопоставлении двух языков и культур. В основном она обозначает специфические явления данной национальной культуры, символизирующие ее [Саяхова 2006].

В узком смысле под безэквивалентной лексикой, являющейся культурно маркированной, подразумевают слова-реалии, определение которых приведено нами выше.

Представим типологию слов-реалий, помещенную в лингвострановедческом словаре [Чернов 1996]. В словаре находим словарные статьи с описанием слов-реалий, обозначающих объекты окружающей действительности:

а) ***бытовые реалии*** – это наименования жилищ, видов труда, вещей домашнего обихода, одежды, мер, денежных знаков, народных праздников: ***a dime*** – *монета в десять центов,* ***starter home*** – *жилище, с которого начинает американская семья в расчете поменять его в будущем на более престижное,* ***Yule log*** – *большое полено, сжигаемое в канун Рождества;* ***bobbing party –*** *катание на санях, очень популярное развлечение в кругу аристократии 19 в.*;

б) ***общественно-политические реалии*** – названия различных государственных символов, структурных подразделений, аппаратов государственной власти и т.п.: ***North to the Future*** – *«На север – в будущее»* – девиз штата Аляска, ***cloak room*** – *комната отдыха для конгрессменов,* ***blue law*** – *синий закон*, пуританский закон, который регулирует закон воскресного дня;

в) ***религиозные слова-реалии*** – названия, касающиеся религиозной жизни той или иной нации: ***Mormons*** – *мормоны,* ***tabernacle*** – *молитвенный дом, храм мормонов,* ***Jesus Freaks*** – *«причуды Христа»* – новое направление в христианской религии, возникшее в США в начале 70-х гг. XX века, популярное среди молодежи;

г) ***слова-реалии, называющие предметы флоры и фауны*: *moose*** – *американский лось,* ***Douglas Fir*** – *сосна Дугласа,* ***Grand Prairie*** – *«Великая прерия»* – в прошлом обширные районы прерий в северной части штатов Индиана и Иллинойс.

Представленная типология отнюдь не единственная, см. например [Томахин 1997].

Следует подчеркнуть, что анализ культурологически маркированной лексики, наполняющей текст оригинала, – один из важных этапов в процессе порождения адекватного перевода. Переводчик должен усвоить и впоследствии применить свои знания в области культуры, литературы, истории других народов, в особенности того народа, с языка которого он переводит. Отсутствие таких знаний приводит к ошибкам в переводе, обесцвечивает его, лишая национального колорита. Вследствие этого у рецепиентов перевода создается ложное представление о стране и ее народе.

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 2008.
Гладров В. Сопоставительные исследования немецкого и русского языков // Языкознание: реферативный журнал. Серия 6. Социальные и гуманитарные науки. 2010. С. 36-35.
Иванова С. В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа, 2002.
Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2004.
Кубрякова Е. С. Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53, №2. С. 3-15.
Левицская Т. Р., Фитерман А. М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1973.
Лукманова Р. Р. Адекватность перевода художественного текста: формальный и семантический аспекты (на материале романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. …канд. филол. наук. Уфа, 2011.
Саяхова Л. Г. Методика преподавания русского языка. Лингвокультурология. Лексикография. Уфа, 2006.
Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре// Иностранные языки в школе. 1997. №3. С. 13-17.
Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 2002.
Чернов Г. В. Англо-русский лингвострановедческий словарь. Смоленск, 1996.

Г.Ф.Лутфуллина
Казанский государственный энергетический университет (Казань)

ДЕЙКТИЧНОСТЬ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена рассмотрению ключевого понятия категории перцептивности – перцептивного пространства, которое ограничено пределами восприятия и тождественно дейктическому полю. Отличительными характеристиками являются наглядный (ad oculus) способ указания в непосредственно воспринимаемой ситуации; наличие воспринимающего субъекта, т.е. связь с первичным дейксисом «воспринимающий, здесь, сейчас».

Ключевые слова: перцептивное пространство, первичный дейксис, категория перцептивности.

Каждый язык имеет способ сообщения о восприятии информации органами зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Около четверти языков мира обладают грамматическими средствами для выражения перцептивности. В некоторых языках глаголы видения сопряжены с когнитивными смыслами. В других познание связано с глаголами

слухового восприятия, осязания или обоняния. Зрительное восприятие или «видение» не является универсальным предпочтительным средством перцепции. В многочисленных культурах присутствуют табу, связанные с запрещением визуального восприятия. Созерцание может рассматриваться как навязанный и агрессивный способ восприятия, тогда как слуховое восприятие и обоняние могут выступать основными способами обучения, понимания и знания. Обширные исследования данной тематики представлены в книге А. Айхенвальд на материале языков Африки, Океании и Южной Америки [Aikhenvald 2012].

Дейктическое поле представляет собой контекст употребления дейктических единиц с указанием на дейктическое поле говорящего в системе пространственно-временных координат высказывания [Щербаков 2005:13]. Функционирование дейктических единиц зависит от прагматических факторов, что подтверждается исследованиями ряда ученых.

Д. Кеммерер указывает, что различие проксимальных и дистальных местоимений (например, *this* vs. *that, here* vs. *there*) не соответствует установленному разграничению ближнего и дальнего в зрительной системе, а основано на внутриязыковых факторах [Kemmerer 1999:35]. Значительная часть языков в мире имеют системы указательных местоимений, которые делят пространство на три или более эгоцентрически обоснованные зоны. Эмпирические исследования указательных местоимений в разных языках свидетельствуют о том, что они обозначают абстрактные семантические понятия, которые в сочетании с прагматическими особенностями коммуникативных контекстов, позволяют выразить практически неограниченное количество пространственных контрастов расстояния. Результаты исследований позволяют утверждать, что лингвистические и перцептивные представления о пространстве не совпадают [Kemmerer 1999:62].

К аналогичному заключению приходит в своих исследованиях К.Ю. Щербаков, заявляя, что основное значение дейктических единиц в сфере функционирования дейктического поля лежит не в плоскости передачи их первичного пространственно-временного значения. Они обеспечивают выражение особых прагматических факторов, т.е. дейктическое значение редуцируется [Щербаков 2005:13]. Динамический характер дейктического поля определяет переориентацию дейктических элементов с эгоцентрической модели, в которой говорящий субъект выполняет функцию начальной точки отсчета дейктических координат языка, «*на модель, где основополагающим является позиция субъекта восприятия, на которого замкнуты дейктические единицы, составляющие дейктическое поле»* [Щербаков 2005:13]. Ориентация дейктических механизмов на субъект восприятия свидетельствует об общей организации языкового материала и особенностей когнитивной деятельности человека.

С.А. Моисеева, указывая на связь дейктического поля с перцептивным актом, пишет, что высказывание подобно перформативному акту при условии совпадения субъекта перцептивного акта с подлежащим и репрезентации сказуемого глаголом восприятия настоящего времени. В этом случае речевое действие обозначает действие перцепции: *I listen to you – Я вас слушаю. I see him coming – Я вижу, что он подходит.* Согласно ее точке зрения, содержание грамматической категории изъявительного наклонения опирается на полученные перцептивным путем данные. Утверждение *Helene came* / *Елена пришла* предполагает модус *Я говорю, что я знаю, потому что видел, что Елена пришла*, но сама ситуация вос-

приятия остается «за кадром», т.е. факт перцепции не обозначается и входит в пресуппозицию данного высказывания [Моисеева 2006:13]. Функционирование дейктиков (указательных слов) возможно, когда акт номинации совпадает с актом восприятия, что объясняет изменение их содержания в зависимости от ситуации общения. Сенсорные глаголы занимают серединное положение между дейктическими знаками и назывными словами: 1) их денотативно-сигнификативные значения как назывных слов обусловлены отдельной сенсорной областью восприятия, а не ситуацией; 2) специфичность референтности состоит в том, что они соотносятся с наглядным (ad oculus) способом указания в непосредственно воспринимаемой ситуации и связаны с первичным дейксисом «*воспринимающий, здесь, сейчас*» [Моисеева 2006:13]. Перцептивное пространство задается семантикой глаголов восприятия. В случае выхода за его пределы (за пределы досигаемости органов восприятия) происходит модификация семантического значения глаголов восприятия из конкретного в более абстрактное, обозначение мыслительных процессов познания и осознания – *to see / видеть, to hear / слышать = to understand /понимать*.

В рамках перцептивного акта выделяются объекts и субъекts перцептивного акта: перцептивный агенс (воспринимающий) *I see the girls;* перцептивный пациенс (воспринимаемый): *Helen is seen*; перцептивный каузатор (инициирующий перцептивный акт): *I show Helene my room.*

Е.Л. Григорьян рассматривает основным ориентиром не только *говорящего*, а использует термин *наблюдатель* для лица, с позиции которого представляется ситуация. По ее мнению, фактор наблюдателя исключительно важен для определения содержания многих языковых единиц и категорий. Дейктический компонент, явно или скрыто, содержится в лексических значениях многих слов. В этом плане характерно различие между английскими глаголами *come* и *go*, не всегда очевидное для изучающих английский язык. *Come* указывает на движение, направленное к наблюдателю, а *go* – от наблюдателя. Именно по этой причине возможно *He came up to me,* но не *He went up to me.* Предложения *John came up to the door* и *John went up to the door* оба соответствуют русскому "*Джон подошел к двери*", но первое предложение подразумевает, что Джон двигался по направлению к говорящему / наблюдателю, т.е. наблюдатель находился ближе к двери, во втором же случае подразумевается, что Джон двигался в направлении от наблюдателя. [Григорьян 2003:23].

В работах Ж. Ф. Волковой также исследуется явление субъективно-инклюзивного дейксиса [Волкова 1987]. Исследование дейксиса с позиций категории перцептивности позволяет объяснить особенности пространственно-временного членения действительности и специфические черты их актуализации в корпусе языковых средств.

Как можно убедиться значимость перцептора в дейктическом поле однозначно признается большинством лингвистов. Однако его статус не так прост и не ограничивается передачей созерцаемого. Перцептивный акт сопровождается мыслительными операциями. Т.М. Матвеева пишет, что в структуре категории перцептивности выделяются два плана: когнитивный, являющийся продуктом естественной категоризации, и аксиологический как результат оценочной категоризации. Эти два плана взаимосвязаны и взаимообусловлены, что отражается в функционировании языковых единиц. Структура каждого из концептов способов восприятия позволяет выделить перцептивный и неперцептивный уровни информации. В основе данных уровней лежат результаты обработки информации разных типов: объективной информации о физическом

мире и субъективированной (национально-культурной) информации о реальных и виртуальных связях, отношениях и свойствах, значимых для человека [Матвеева 2005:17].

Нарратор / перцептор	Временной дейксис	Тип речевого акта
категория перцептивности – первичный дейксис		
нарратор / перцептор: *I / я* или *he, she / он, она*	Одновременность (наст.)	Описание
Категория косвенной эвиденциальности – вторичный дейксис		
I / Я = нарратор, *He, she / он, она* = перцептор	Одновременность (наст.)	Репортаж
	Предшествов. (прошед.)	Свидетельствование

Если нарратор и перцептор совпадают – то речь идет об эвиденциальной категории перцептивности при условии экспликации ситуации восприятия, если нарратор имплицитивно или экспликативно информирует о наличии другого перцептора / нарратора (другого источника, воспринимавшего ситуацию) – то речь идет о категории косвенной эвиденциальности. Нарратор в большинстве случаев является воспринимающим ситуацию и действует в поле восприятия, которое для него и есть поле повествования. Однако нарратор и перцептор не всегда совпадают: *I see you* (совпадение), *He saw her* (нарратор за рамками высказывания), *This picture is seen everywhere* (нарратор и перцептор за рамками высказывания). Категориальное отличие косвенной эвиденциальности заключается в том, что нарратор изначально позиционирует себя вне поля восприятия.

Таким образом, перцептивное пространство тождественно понятию дейктического поля, которое задается тремя параметрами – временным, пространственным и персональным – *сейчас, здесь, я = воспринимающий*. Главные отличия заключаются в следующих особенностях:

1) интерпретации субъективного элемента, т.е. обретении нарратором статуса перцептора в рамках перцептивного пространства обретает, т.е. он является одновременно говорящим и воспринимающим ситуацию;

2) пространственно-темпоральной конкретности перцептивного пространства, детерминированной экстралингвистической ограниченностью реального пространства.

Литература

Волкова Ж. А. Субъективно-инклюзивный дейксис и классификация глаголов в современном английском языке // Теория лингвистических классификаций. М., 1987.

Григорьян Е.Л. Лингвистическая прагматика. Ростов-на-Дону, 2003.

Матвеева Т.М. Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации: Автореф. … дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.

Моисеева С. А. Глаголы восприятия в западно-германских языках: Автореф. … дис. докт. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Щербаков К.Ю. Прагматика дейктических полей с разноплановой структурой: на материале английского языка: Автореф. … дис. канд. филол. наук. –Кемерово, 2005.

Aikhenvald A.Y. Perception and Cognition in Language and Culture. Cologne, 2012.

Kemmerer D. “Near” and “far” in language and perception. Cognition. 1999 Nov 9;73(1). P. 35-63 // URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/10536223 (дата обращения: 21.10.2014).

И.А.Макарова
Казанский федеральный университет (Казань)

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена анализу единиц морфологического уровня языка, функционирующих в текстах рекламы косметических средств. Выявлены грамматические особенности данных единиц; определены их функции с точки зрения восприятия рекламного текста адресатом.

Ключевые слова: рекламный текст, косметическое средство, части речи, тематические группы существительных.

Для современного этапа лингвистики, как известно, характерно стремление к расширению границ своих исследований, что ведет к формированию новых научных дисциплин. Одной из них является рекламоведение. Рекламный дискурс, своеобразие которого играет все более заметную роль в нашей жизни, во многом определяется экономическими, социальными и национально-культурными особенностями развития современного российского общества [Фаст 2003].

Составить рекламный текст, на первый взгляд, легко, однако создать реально «работающий» рекламный текст зачастую непросто. С этой целью исследователи изучают языковые особенности рекламного дискурса. Проблема функционирования языковых средств в рекламе привлекла внимание таких ученых, как И.Л. Викентьев, М.Р. Желтухна, И.В. Крылов, Г.Г. Почепцов, Л. Фаст и другие. В то же время до сих пор отсутствуют работы, которые бы содержали всесторонний анализ морфологических единиц, употребляемых в рекламных текстах. Поэтому объектом нашего внимания стал анализ морфологических единиц русского языка, используемых в текстах, рекламирующих косметические средства. Материалом для исследования послужили тексты, опубликованные в женских глянцевых журналах «Cosmopolitan», «Glamour» и «Топбьюти» с ноября 2013 по май 2014 года.

Основу рекламного текста, как известно, составляют слова, относящиеся к общеупотребительной лексике. Изучение грамматических особенностей данных лексем показало, что среди них преобладают слова, относящиеся к трем грамматическим классам: существительных, глаголов и прилагательных. В классе существительных наиболее высокой частотностью употребления обладает слово *кожа.* Например: *Тональная основа Wake up Make-up делает Вашу* **кожу** *ярче, сглаживает легкие несовершенства* **кожи** *и мелкие морщины. Благодаря содержанию мощных увлажняющих компонентов Ваша* **кожа** *остается свежей и здоровой в течение всего дня.* Довольно часто встречаются и другие существительные, которые могут быть отнесены к следующим тематическим сферам:

1) естественные составляющие тела человека (*тело, кожа, волосы, лицо, ресницы*);

2) те негативные проявления, на ликвидацию которых направлены косметические средства (*морщины, прыщи, несовершенства*);

3) косметическое средство и его компоненты (*крем, формула, комплекс, текстура*);

4) абстрактные понятия (*молодость, уход, борьба*).

Реже встречаются отглагольные существительные, обозначающие результат действия косметического средства: *увлажнение, разглаживание, омоложение, обновление, изменение.*

Значительную смысловую нагрузку несут используемые в рекламном тексте глаголы, среди которых наиболее частотной является лексема *содержать.* Например: *Новый Dove Интенсивное восстановление* **содержит** *молекулы Keratin Actives, которые заполняют поврежденную структуру волоса, восстанавливая Ваши волосы и делая их сильными, упругими, блестящими и устойчивыми к повреждениям.* Часто употребляются и другие глагольные предикаты: *уменьшать, делать, сокращать, восстанавливать, стимулировать.*

Имея в виду формальные признаки предикатов, следует отметить, что наиболее часто в рекламных текстах используются глаголы несовершенного вида, настоящего времени, третьего лица, единственного числа. Реже встречаются следующие формы глаголов: а) 2-го лица, множественного числа, настоящего и будущего времени (*мечтаете, поверите, добьетесь*); б) 2-го лица, единственного и множественного числа, повелительного наклонения (*объяви, заботься, скажите, используйте*); в) инфинитив (*сделать, выглядеть*).

Причастия в рекламе косметических средств используются довольно редко и, как правило, лишь при описании воздействия косметического средства. В основном это причастия действительного залога настоящего времени (*увлажняющий, обновляющий, восстанавливающий*) и причастия страдательного залога прошедшего времени, которые могут быть использованы как в полной, так и в краткой форме (*обновленный, разглаженный, разработана, сокращены*).

Эмоциональная составляющая рекламного текста во многом обеспечивается благодаря употреблению прилагательных. Среди наиболее часто используемых адъективов можно выделить две группы лексем. Одни прилагательные (*антивозрастной, гладкий, чистый, здоровый*) используются для описания того результата, который следует ожидать после применения рекламируемого косметического средства. Подтвердим сказанное фрагментом рекламного текста: *Молодость кожи – это не только то, что Вы видите. Ученые считают, что возраст можно оценить простым прикосновением к коже. Вы увидите и ощутите первые результаты уже через 7 дней: обновленная,* **гладкая** *и сияющая кожа. Уже через месяц ваша кожа становится более плотной. Почувствуйте молодость кончиками пальцев.* Вторая группа прилагательных (*новый, инновационный, эксклюзивный*) описывает и рекламирует сам косметический продукт. Например: *Ее секрет?* **Эксклюзивный** *дизайн щеточки, расположенной под небольшим углом, и* **инновационная** *формула, обогащенная активатором роста ресниц. Тушь Be Long Mascara обеспечивает не только моментальный эффект удлинения, но и стимулирует*

естественный рост ресниц. Реже употребляются прилагательные, обладающие яркой экспрессией и используемые с целью речевого воздействия на адресата (*соблазнительный, волшебный, культовый, легендарный)*. Приведем фрагмент из рекламного текста: **Легендарные** *Météorites от Guerlain, сверкающее созвездие оттенков, вновь дарят вам свое сияние. Смешайте* **волшебные** *жемчужины и озарите Вашу кожу удивительным светом.*

Нередко прилагательные выступают в форме сравнительной степени для сравнения свойств объекта воздействия до и после применения косметического средства, например: *моложе, ярче, более глубокий, более ровный.* Отмечены также прилагательные в форме превосходной степени сравнения: *наиболее эффективный, самый глубокий*.

Для усиления речевого воздействия в дополнение к прилагательным используются наречия: *невероятно, заметно, восхитительно* и другие. Обращает на себя внимание частотность наречий *мгновенно, моментально*, которые благодаря своему лексическому значению способны указывать на минимальное время, необходимое для получения наилучшего результата. Например: *Мечтаете о том, чтобы ваша кожа* **моментально** *стала гладкой? Увлажняющий комплекс OLAY и пудра с инновационными микронаполнителями* **мгновенно** *уменьшает видимость морщин, помогая вашей коже выглядеть гладкой сразу после применения.*

Интерес представляет и тот факт, что в рекламных текстах обнаруживается частое использование однокоренных слов, принадлежащих разным частям речи. Данную группу языковых единиц составляют слова с такими корнями, как – *молод-, -стан-, -мягк-, -действ-, -влаж-, -глад-, -лучш-, -мен-, -польз-, -эффект-*. Употребление однокоренных слов, относящихся к разным частям речи, можно рассматривать как один из приемов усиления речевого воздействия рекламного текста.

Таким образом, можно заключить, что в текстах, рекламирующих косметические средства, основную смысловую нагрузку несут существительные, которые образуют четыре тематические группы: 1) естественные составляющие тела человека; 2) те негативные проявления, на ликвидацию которых направлены косметические средства; 3) косметическое средство и его компоненты; 4) абстрактные понятия (*молодость, уход, борьба*). Важная роль принадлежит и функционирующим в рекламных текстах признаковым лексемам – глаголам, прилагательным и наречиям. Использование предметных лексем той или иной тематической группы способствует привлечению внимания адресата к рекламируемому косметическому средству, в то время как признаковые слова употребляются, главным образом, для усиления речевого воздействия текста, создавая эмоционально насыщенный рекламный образ косметического продукта.

Литература

Фаст Л. Национально-культурная специфика языка маркетинга: рекламное послание в лингвистическом аспекте // Рус. яз. за рубежом. – М., 2003. – № 1.

М.К.Матевосян
Казанский федеральный университет (Казань)

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ПОЭЗИИ М.ЦВЕТАЕВОЙ

В статье представлена структурная и функциональная характеристика микросистемы фигур, построенных по принципу синтаксического параллелизма, в поэзии М.И. Цветаевой.

Кроме того, дано определение понятия «синтаксический параллелизм», определены виды и формы синтаксического параллелизма, исследованы стилистические возможности и прагматические функции фигур, построенных по принципу синтаксического параллелизма, в поэзии М.И. Цветаевой, описаны особенности функционирования указанных фигур в поэтических текстах М.Цветаевой.

Ключевые слова: синтаксический параллелизм, изоколон, лексико-синтаксическая анафора, симплока, антитеза, полисиндетон, климакс (градация).

Развитие функциональной грамматики, прагмалингвистики активизировало новые направления стилистических исследований. Одним из ключевых направлений в этой связи становится изучение экспрессивного синтаксиса, который обладает богатейшим набором средств речевой выразительности. Стилистической фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, образуют огромный пласт выразительных средств языка. Таковыми являются анафора, эпифора, период, антитеза, параллелизм, градация, инверсия, хиазм и др.

Фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма – одно из таких средств, не нашедших пока достаточного отражения в исследованиях по экспрессивному синтаксису современного русского языка. Нельзя сказать, что само явление синтаксического параллелизма до сих пор не привлекало внимания ученых. Так, синтаксический параллелизм рассматривается в качестве способа-модели организации песенных синтаксических единиц - Е.Б. Артеменко [Артеменко: 1977], а В.И.Еремина [Еремина: 1972] указывает на него как на существенный признак частушки. В этой работе будут рассмотрены синтаксические особенности текстов М.И. Цветаевой.

«Параллелизм (от греч. – находящийся или идущий рядом) – композиционный прием, подчеркивающий связь обычно двух или трех элементов речи в художественном произведении. Эти элементы располагаются параллельно в смежных фразах, стихах, строфах, благодаря чему выявляется их общность, создается единый поэтический образ» [Книгин 2009: 315].

Посредством синтаксического параллелизма, который является ключевым средством стилевой реализации одного из основополагающих принципов литературы модернизма – алогизма, неоднозначности, М.И. Цветаева воссоздает недостающие, специально опущенные, элементы в своей поэзии. И именно наличие этих фигур придает языку М.И. Цветаевой лаконизм, предельную сжатость, ясность, сконцентрированность, энергию, динамизм текста.

В творчестве М.Цветаевой можно наблюдать такие синтаксические конструкции, построенные по принципу синтаксического параллелизма, как изоколон, лексико-

синтаксическая анафора, симплока, антитеза, полисиндетон, климакс (градация). Обратимся к рассмотрению каждой из фигур.

Изоколон – стилистическая фигура речи, основанная на полном параллелизме соседних синтаксических конструкций.

Структура изоколона в поэзии М.И. Цветаевой отличается своим многообразием. Она может быть представлена конструкциями, составляющими предикативную часть предложения: *«Всходили и гасли звезды, Всходили и гасли очи»*; может представлять из себя лишь словосочетание, смысл которого будет ясен из контекста: *«Покидают норы, Ведут разговоры»*. Многие примеры изоколона чаще всего являются обращениями: *«Плачь, Юность! Плачь, Любовь! Плачь, Мир!»* или же представлены глаголами в повелительном наклонении: *«Наклони лицо. Расколи яйцо»*. Изоколон строится на параллельности, симметрии, повторении, и ничто не дополняет усиленность эмоций так, как экспрессивные знаки препинания: *«Что ж, что неласков! Что ж, что рассеян!»; «О, даль! Даль! Даль! О. высь! Высь! Высь! О, страсть! Страсть! Страсть!»*.

Лексико-синтаксическая анафора – лексический повтор в разных синтаксических позициях в начале двух и более речевых отрезков. Но в отличие от других видов повторения, например, эпифоры, анафора, как это явствует из ее названия, относится к повторению начальных частей речевого потока (звуков, слов, фраз, стихов, строф, ритмических и синтаксических построений, интонации). знаки препинания: *«Что ж, что неласков! Что ж, что рассеян!»; «О, даль! Даль! Даль! О. высь! Высь! Высь! О, страсть! Страсть! Страсть!»*.

Анафора выделяет такие параллельные элементы и позволяет свести в один ряд зачастую различные по строению и синтаксическому уровню конструкции (например, отдельное словосочетание и предложение), соотнося с одним и тем же предшествующим или последующим элементом:

«Как ни мани,
как ни зови,
как ни балуй в уютной холе»;
«Забыть, как сердце раскололось,
Забыть свои слова и голос».

Антитеза – стилистическая фигура контраста в художественной или ораторской речи, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом.

Резко оттеняя контрастные черты сопоставляемых членов, антитеза именно благодаря своей резкости отличается слишком настойчивой убедительностью и яркостью: *«Нынче тошно, завтра сладко. Нынче помер, завтра жив»*. Здесь мы видим употребление данной стилистической фигуры при сопоставлении образов или понятий, контрастирующих между собою, а именно времени суток и жизни и смерти. Антитетические понятия или образы могут своей совокупностью выражать нечто единое: *«Я и жизнь маню, я и смерть маню»*. Посредством контраста «жизни» и «смерти», который является в поэзии М.И. Цветаевой преобладающим, мы видим в этой строчке противоречивость её натуры.

Симплока – стилистическое повторение слов в смежных стихах или фразах. Как правило, определяется как сочетание эпифоры и анафоры, то есть повторение начала и

конца с вариацией середины, например: *«В дивном граде сем, В мирном граде сем»* (Стихи о Москве). В этом стихотворении поэт любуется красотой родного города, называет его мирным (безопасным) и дивным (удивительным). *«В дивном граде сем, В мирном граде сем, Где и мертвой мне Будет радостно…»*.

Полисиндетон – многократное использование союзов (как правило, сочинительных) в предложении для достижения плавности речи, замедления ее темпа или для придания ей большей эмоциональной силы: *«Мать и плачет, и стонет, и тужит»*. Анализ поэтического наследия М.И. Цветаевой позволил сделать выводы о том, что полисиндетон используется в конструкциях, организованных по принципу перечислительного ряда: *«И жжешь, и звенишь, и топочешь, и свищешь, И ревешь, и рокочешь …»* (Я вижу тебя черноокой, - разлука), и в конструкциях, организованных в соответствии с принципом синтаксического параллелизма.

Климакс (градация) – стилистическая фигура, состоящая в последовательно нарастающей группировке выражений, относящихся к одному предмету: *«Пригубь! Прельстись! Испей!... Возьми – втяни, глотни» (Бессонница! Друг мой!).* В этом стихотворении М.И. Цветаевой каждая последующая часть высказывания оказывается более насыщенной, более выразительной или впечатляющей, чем предыдущая.

В этом примере климакс помогает выразить всю полноту чувства любви: *«Летят они, – написанные наспех, горячие от горечи и нег. Между любовью и любовью распят, мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век»* (Стихи о любви). Поэт говорит о неистребимой силе любви, которая занимает всё твое существо, все время, всю жизнь, от мига до века.

Самой характерной чертой экспрессивного синтаксиса М.И. Цветаевой является не предпочтение, отдаваемое тем или иным синтаксическим формам, а их скрещение, сплав: *«Так любите: за мой ночной покой, За редкость встреч закатными часами, За наши не-гулянья под луной, За солнце, не у нас над головами, – за то, что вы больны – увы! – не мной, за то, что я больна – увы! – не вами!...»* («Мне нравится, что вы больны не мной»). В этом стихотворении мы видим переплетение лексико-синтаксической анафоры: (раз повторяется предлог «за»), симплоки («увы»), асиндетона (отсутствие союзов) и периода (общей составляющей «Так любите»). Произведение словно сплетено в венок из многочисленных анафорических повторов, большую часть из которых составляют отрицания. В этом произведении отражена некоторая ирония по отношению к человеческим слабостям. С другой стороны, героиня благодарит за любовь, и благодарность эта перечисляется посредством предлога «за».

Уникальный пример сплетения полисиндетона и климакса наблюдается в одном из стихотворений, посвященных А. Ахматовой:

«И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят».

Несмотря на то, что глаголы в климаксе имеют форму инфинитива, а в антиклимаксе один из них превращается в деепричастие, это никак не противоречит смыслу сказанных ею слов, а лишь наоборот сближает поэта с читателем, окуная его в мир воспоминаний и переживаний.

Надо отметить, что фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, способны выполнять выделительно-эмоциональную, выделительно-оценочную, выделительно-образную, ритмико-интонационную, выделительно-логическую функции.

Таким образом, рассмотренные нами стилистические фигуры на синтаксическом уровне образуют идиостиль М.И. Цветаевой.

Литература

Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной песни в аспекте ее художественной организации Воронеж, 1977.

Еремина В.И. Повтор как основа построения лирической песни // Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972.

Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. М., 2009.

Н.Г.Мингазова
Казанский федеральный университет (Казань)
Р.Р.Закиров
Российский Исламский Институт (Казань)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (на материале татарского и арабского языков)

Статья посвящена изучению категории залога в разноструктурных неродственных языках, каковыми являются татарский и арабский языки. Выявляются сходства и различия функционирования исследуемой категории в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: категория залога, действительный, страдательный, возвратный, взаимный и понудительный залоги, татарский и арабский языки.

Категория залога представляет собой глагольную категорию, выражающую различные отношения между субъектом и объектом действия, имеющие свое морфологическое выражение в форме глагола.

Р.С. Газизов выделяет в татарском языке пять залогов: действительный, страдательный, возвратный, взаимный, понудительный и характеризует их следующим образом [Гатиатуллина 1979: 76-79]:

Формы *действительного* залога не имеют особых морфологических показателей. Категория переходности / непереходности является неграмматической, переходность и непереходность глагола характеризуется лишь его семантикой.

Страдательный залог образуется от переходного глагола посредством аффиксов *-л- (-ыл-, -ел-)*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на все согласные кроме как на *-л,-ла,-лэ*и на гласный,или *-н- (-ын-, -ен-)*, который присоединяется к основам, которые оканчиваются на *-л,-ла,-лэ* с последующим присоединением личных аффиксов второй категории. Например, рассмотрим спряжение глагола в страдательном залоге*юылырга* «быть вымытым» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин ю*ыл*а**м** Меня моют	Без ю*ыл*а**быз** Нас моют
2	Син ю*ыл*а**сың** Тебя моют	Сез ю*ыл*а**сыз** Вас моют
3	Ул ю*ыл*а его моются	Алар ю*ыл*а(**лар**) Их моют

Как известно, при страдательном залоге возникает такая синтаксическая конструкция, в которой логический объект становится грамматическим субъектом, а логический субъект принимает форму грамматического объекта. Например:

1. *Г.Тукай «Шүрәле» поэмасын 19 гасырда язган* «Г. Тукай написал поэму Шурале в 19 веке».

2. *«Шүрәле» поэмасы 19 гасырда Г.Тукай тарафыннан язылган* «Поэма Шурале написана Г. Тукаем в 19 веке».

Так, во втором предложении логический объект, выраженный словом *поэмасы*, становится грамматическим субъектом (подлежащим), а логический субъект, выраженный сочетанием слов *Г.Тукай тарафыннан* становится грамматическим объектом; глагол *яз**ыл**ган* «написана» имеет форму страдательного залога. Как видно, слово *тарафыннан* «со стороны» является одним из специальных оборотов для выражения действующего лица в предложении со страдательным залогом.

При глаголе-сказуемом страдательного залога может и не быть логического субъекта-грамматического объекта. Например: *Безнең өй таштан салынган* «Наш дом построен из кирпича».

Возвратный залог обозначает такое действие, при котором субъект и объект совпадают в одном лице или предмете и действие направлено на само действующее лицо. Возвратный залог образуется от переходного глагола путем присоединения аффикса *-н-* после гласных и *-ын-, -ен-* после согласных и гласных *у, ү, и* с последующим присоединением личных аффиксов второй категории. Например, рассмотрим спряжение глагола в возвратном залоге *юынырга* «мыться» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин ю*ын*а**м** Я моюсь	Без ю*ыл*а**быз** Мы моемся
2	Синю*ын*а**сың** Ты моешся	Сез ю*ыл*а**сыз** Вы моетесь
3	Ул ю*ын*а Он моется	Алар ю*ыл*а(**лар**) Они моются

Взаимный залог обозначает совместное действие двух или более субъектов, а также помощь или содействие кому-либо в исполнении работы и образуется от переходных глаголов с помощью присоединения к основе аффикса *-ш- (-ыш-, -еш-)* с последующим присоединением личных аффиксов второй категории. Например, рассмотрим спряжение глагола во взаимном залоге *юышырга* «помогать мыть» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин ю*ыш*а**м** Я помогаю мыть	Без ю*ыш*а**быз** Мы помогаем мыть
2	Синю*ыш*а**сың** Ты помогаешь мыть	Сез ю*ыш*а**сыз** Вы помогаете мыть
3	Ул ю*ыш*а Он помогает мыть	Алар ю*ыш*а(**лар**) Они помогают мыть

Понудительный залог обозначает побуждение к действию повелением, приказанием, принуждением, просьбой и т.д. и образуется при помощи различных аффиксов, в зависимости от конечного звука основы с последующим присоединением личных аффиксов второй категории:

1. *-т-* присоединяется к двусложным и многосложным основам, оканчивающимся на гласный, кроме *у, ү, и*, и на согласный *р, й, к,* например, рассмотрим спряжение глагола в понудительном залоге *сөйләтергә* «заставлять говорить» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин сөйлә*т*ә**м** Я заставляю говорить	Без сөйлә*т*ә**без** Мы заставляем говорить
2	Синсөйлә*т*ә**сең** Ты заставляешь говорить	Сез сөйлә*т*ә**сез** Вы заставляете говорить
3	Ул сөйлә*т*ә Он заставляет говорить	Алар сөйлә*т*ә(**ләр**) Они заставляют говорить

2. *-ер-, -ыр-* присоединяются к некоторым основам, оканчивающимся на *т, ч, ш,* например, рассмотрим спряжение глагола в понудительном залоге *батырырга* «погружать» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин бат*ыр***ам** Я погружаю в воду	Без бат*ыр***абыз** Мы погружаем в воду
2	Синбат*ыр***асың** Ты погружаешь в воду	Сез бат*ыр***асыз** Вы погружаете в воду
3	Ул бат*ыр***а** Он погружает в воду	Алар бат*ыр***а**(**лар**) Они погружают в воду

3. *-дыр-, -дер-* присоединяются к односложным основам на *у, и, й* и основы на звонкие согласные, и *-тыр-, -тер-* к основам на глухие согласные, например, рассмотрим спряжение глагола в понудительном залоге *яздырырга* «заставлять писать» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин яз*дыр***ам** Я заставляю писать	Без яз*дыр***абыз** Мы заставляем писать
2	Синяз*дыр***асың** Ты заставляешь писать	Сез яз*дыр***асыз** Вы заставляете писать
3	Ул яз*дыр***а** Он заставляет писать	Алар яз*дыр***а**(**лар**) Они заставляют писать

4. *-гыз-, -гез-, -кыр-, -кер-* присоединяются к некоторым основам на *р, т,* например, рассмотрим спряжение глагола в понудительном залоге *торгызырга* «поднимать» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин тор*гыз***ам** Я поднимаю	Без тор*гыз***абыз** Мы поднимаем
2	Син тор*гыз***асың** Ты поднимаешь	Сез тор*гыз***асыз** Вы поднимаете
3	Ул тор*гыз***а** Он поднимает	Алар тор*гыз***а(лар)** Они поднимают

5. *-ар-, -әр-* присоединяются к некоторым основам, например, рассмотрим спряжение глагола в понудительном залоге *кайтарырга* «возвращать» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин кайт*ар***ам** Я возвращаю	Без кайт*ар***абыз** Мы возвращаем
2	Синкайт*ар***асың** Ты возвращаешь	Сез кайт*ар***асыз** Вы возвращаете
3	Ул кайт*ар***а** Он возвращает	Алар кайт*ар***а(лар)** Они возвращают

6. *-сәт-, -гәз-, -кәр-, -кәз-, -дар-, -ез-* присоединяются к некоторым основам, например, рассмотрим спряжение глагола в понудительном залоге *күрсәтергә* «показывать» в настоящем времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин күр*сәтә***м** Я показываю	Без күр*сәтә***без** Мы показываем
2	Син күр*сәтә***сең** Ты показываешь	Сез күр*сәтә***сез** Вы показываете
3	Ул күр*сәтә* Он показывает	Алар күр*сәтә***(лә)р** Они показывают

В татарском языке выделяют *вдвойне понудительные* глаголы, которые образуются от простых понудительных глаголов посредством присоединения к ним аффикса *-т-*, который присоединяется к глаголам на *-дыр-, -дер-, -тыр-, -тер-* и аффиксов *-дыр-, -дер-, -тыр-, -тер-* , к глаголам на *-т-, -з-* например, рассмотрим спряжение понудительного глагола *торгызырга* «поднимать» в двойне понудительной форме настоящего времени:

Лицо/число	Ед.ч.	Мн.ч.
1	Мин торгыздыр**ам** Я заставляю поднять через кого-либо	Без торгыздыр**абыз** Мы заставляем поднять через кого-либо
2	Син торгыздыр**асың** Ты заставляешь поднять через кого-либо	Сез торгыздыр**асыз** Вы заставляете поднять через кого-либо
3	Ул торгыздыр**а** Он заставляет поднять через кого-либо	Алар торгыздыр**а(лар)** Они заставляют поднять через кого-либо

В арабском языке различают два залога: действительный и страдательный.

Действительный залог показывает, что действие, производимое субъектом-подлежащим активно направлено на объект-дополнение. Например: **يُحِبُّ حَمِيدٌ اللُّغَةَ الْعَرَبِيَّةَ جِدًّا.** «Хамид очень любит арабский язык».

Страдательный залог всех пород образуется от формы действительного: в прошедшем времени путем замены огласовки средней коренной на кясру [и], а всех предыдущих огласовок на дамму[у]; долгое [аа] превращается в долгое [уу]. Например: I порода **كَتَبَ** [к***а***т***а***ба] «написать» – **كُتِبَ**[к***у***т***и***ба] «быть написанным», III порода**قَابَلَ** [к***аа***б***а***ла] «встречать» –**قُوبِلَ** [к***уу***б***и***ла] «быть встреченным» и т.д.; в настоящее-будущем времени путем замены огласовки личного префикса фатхи[а] на дамму[у] (во II, III и IV породах дамма[у] личного префикса сохраняется) и замены огласовки средней коренной на фатху[а] (в V и VI породах фатха[а] сохраняется), например: I порода **يَكْتُبُ** [й***а***кт***у***ту] «он пишет» – **يُكْتَبُ**[й***у***кт***а***бу] «о нем пишут», III порода**يُقابِلُ** [й***у***кааб***и***лу] «он встречает» –**يُقابَلُ** [й***у***кааб**а**лу] «его встречают», V порода**يَتَحَيَّلُ** [й***а***тахайй***а***лу] «он встречает» –**يُتَحَيَّلُ**[й***у***тахайй***а***лу] «его встречают» и т.д.[Гранде 1998].

В предложении со страдательным залогом имя, выражающее объект, который подвергается действию, оформляется как подлежащее, с которым и согласуется глагол, а имя, выражающее деятеля, производящего действие, оформляется как косвенное дополнение. Для выражения действующего лица используются специальные обороты **مِنْ طَرَفِ...، مِنْ قِبَلِ...، مِن جانِبِ...** «со стороны», а для выражения действующего предмета предлог**بِ** «посредством» [Ковалев, Шарбатов 1999: 385-387]. Например, сравним следующие предложения в действительном и страдательном залогах:

يُتَرْجِمُ الولدُ المَقالَةَ «мальчик переводит статью» –**مِنْ طَرَفِ الوَلَدِتُتَرْجَمُ المَقالَة** «статья переводится мальчиком».

Таким образом, категория залога в сопоставляемых языках совпадает только в наличии форм действительного и страдательного залогов; в татарском языке выделяются дополнительные формы залога, которые передаются в арабском языке посредством глагольных пород или лексически. Например, возвратный залог может передаваться V, VII,VIII или X породами, взаимный залог может передаваться VI породой, основное значение которой – взаимность действия, понудительный залог – лексически [Мингазова, Закиров 2014: 63-66].

Литература

Гатиатуллина З.З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков. Казань, 1979.

Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М., 1998.

Закиев М.З. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань, 1993.

Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка . М., 1998.

Мингазова Н.Г., Закиров Р.Р. Сопоставительная типология татарского и арабского языков. Ч.1: учебное пособие. Казань, 2014.

А.А.Морозова, Л.А.Мардиева
Казанский федеральный университет (Казань)

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ)

В статье анализируются сингра-, супра- и топографемные средства выразительности в письменной молодежной речи.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, параграфемика, письменные формы разговорной речи.

Бурное развитие интернет-коммуникации, в том числе ее онлайновых форм, приводит к необходимости изучения языковых особенностей общения в сети Интернет. Характерными признаками письменной разговорной речи, к которой относят виртуальную электронную коммуникацию в форумах, чатах и социальных сетях, являютсядистантность, опосредованность, неформальность общения, неподготовленность и спонтанность. Наиболее яркими стилевыми чертами рассматриваемого типа общения являются экспрессивность, эмоциональность, креативность в выборе и использовании лингвистических средств коммуникации [Горошко 2008: 389], а также динамичность – постоянная смена способов и форм выражения мыслей и чувств.

Письменная форма коммуникативного взаимодействия накладывает определенные ограничения на репертуар знаковых средств общения, в первую очередь – паралингвистических, в число которых входят «невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию» [Николаева 1990: 367]. Различают три разновидности паралингвистических средств: графические, кинетические и фонационные. Из перечисленных видов невербальных знаков в Интернет-коммуникации возможно использование только графических средств. К графическим средствам, как правило, относят «тип букв и пунктуационных знаков (почерк), способы графических дополнений к буквам, их заменители (символы типа &, § и т.п.)» [Николаева 1990: 367]. Это стандартные нейтральные средства общения, которые явно недостаточны для осуществления неформальной эмоционально насыщенной коммуникации в сети Интернет. Однако наряду с графемной системой существует также особая система графических элементов, которая не входит в набор собственно дифференциально-графических противопоставлений (букв алфавита) [Щербаков www.ru], эту систему принято называть параграфемикой. Основная функция параграфемных средств заключается не в передаче информации, а в воздействии на адресата. Исследователи выделяют три основных вида параграфемных средств: сингрaфемные (художественно-стилистическое варьирование пунктуационных знаков), супраграфемные (шрифтовое варьирование), топографемные (плоскостное варьирование текста) [Баранов, Паршин 1989: 43].

Как показывает проведенное исследование, в языке социальной сети ВКонтакте используются все указанные разновидности параграфемных средств.

Синграфемные средства выразительности. В неформальной письменной Интернет-коммуникации обращают на себя внимание особенности употребления трех пунктуационных знаков – многоточия, вопросительного и восклицательного знаков.

Многоточие. Этот знак употребляется, как правило, для обозначения незаконченности высказывания, вызванной различными причинами, для указания на прерывистость речи, неожиданный переход от одной мысли к другой и т.д. [Розенталь 1989: 80]. В исследуемых нами текстах, извлеченных из личной переписки в социальной сети ВКонтакте, знак многоточия используется для передачи на письме таких особенностей неподготовленной спонтанной речи, как ее недосказанность, прерывистость, определенный темп (например: *Аэлита: Дэ... Тут дело не совсем <в> учебе... Тут с другим уровнем проблемы... Статьи надо писать, а у меня времени не хватает...*), сбивчивость выражения мысли или дефекты речи (*Рафаэль: Ну да ладно, для этого нужно еще Тебя выков..выковорить..выковарить..выковырять из...этой...как её.. раковины*). Многоточие, считает Н.С.Валгина, становится эмоционально наполненным знаком, способным передавать еле уловимые оттенки значений, которые невозможно выразить словами [Валгина 2001: 271], что подтверждается и нашими примерами:*Алёна: ну что я пишу… ну а как не написать; Лера: а эти...кхмкхм...сценаристы... добили меня; Таня: не отчаивайся.... передохни немного, отвлекись.... а потом с новыми силами приступай к работе..... лучше делать на свежую голову…*

Вопросительный знак. Вопросительный знак в обыденной письменной речи ставится в конце предложения, заключающего в себе прямой, косвенный или риторический вопрос. Наш исследовательский материал показывает, что в неформальной письменной Интернет-коммуникации этот знак может передавать широкий спектр эмоциональных состояний пишущего: раздражение (*Маша: Та блин, сколько еще раз мне надо сказать, что у меня 4?????????????)*, испуг (*Вика: уже завтра?? Я ж не успею подготовиться!*), недоумение (*Лена: Дружеский знак??? Нифига себе дружба…)* и т.д.

В исследуемом нами неформальном Интернет-дискурсе возможно использование вопросительного знака в целях указания на степень выраженности эмоционального состояния. В этом случае мы наблюдаем увеличение количества следующих друг за другом вопросительных знаков: *Маша: А че эт ты можешь спрашивать, а я нет????; Вилена: И че теперь делать??????*

Восклицательный знак есть средство выражения восклицательной или побудительной интонации. В молодежной письменной речи этот знак используется и в целях парцелляции, задача которого заключается в эмоциональной актуализации каждого отдельного слова, а также указании на повышенную степень эмоциональной возбужденности:*Линара: Не!Беси!Меня!*

Супраграфемные средства выразительности.

Достаточно продуктивным супраграфемным средством общения в исследуемой нами социальной сети является написание текста или отдельных его частей прописными буквами, что предполагает использование режима «CapsLock». Цель такого типа письма – передать на письме паралингвистические особенности голоса (его усиление), например:*Эльза: а можно тогда...как в американских фильмах..я буду бить по тебе висячей...и орать:...ГДЭ МАЙ КОНФЕТЫ????))); Маша: БЫЛИ ВООБЩЕ МОМЕНТЫ, КОГДА МЫ ЖИЛИ В МИИИРЕ И СПОКОЙСТВИИ??*

Еще один яркий прием – так называемый «заборчик». Это метод письма, при котором чередуются строчные и прописные буквы. Применяется в людической (игровой функции), а также в целях привлечения внимания: *Катя: ВсЕм ДоБрА!*

Топографемные средства выразительности.

Для привлечения внимания коммуникантов слова могут менять свое горизонтальное расположение на вертикальное (каждая буква в этом случае пишется с новой строки). Сообщение с такой организацией текста занимает много места и выделяется среди других сообщений. Так, нередко пользователи пишут слово *Привет*, записывая каждую букву с новой строки.

К особым паралингвистическим средствам непринужденной письменной интернет-коммуникации относят эмотиконы. Эмотикон, «смайл», «смайлик» – это пиктограмма, которая чаще всего составляется из типографских знаков и служит для передачи эмоций. Наиболее распространены в Интернет-дискурсе классические и азиатские эмотиконы. К классическим относят такие эмотиконы, как

:)‘улыбка’, например, *Вика: Пойду я спать... Спокойной ночи:)*

:(‘грусть’, например, *Сергей: Тоже так хочу :(*

:Дили XD‘смех’, например, *Алёна: Они спрашивают меня, есть ли мне 18... что мне ответить?XD*

_ ‘восхищение’. *Эльвира: Там такой крутой парк аттракционов* *_* и т.д.

К азиатским относят следующие эмотиконы:

^_^ ‘счастье’. *Лера: Я прям счастлив ^_^ давно такое хотела)*

0_o ‘удивление’. *Алина: он без вирусов?0_o*

-_- ‘флегматичность’. *Ира: у нас училки в классе нет и нам ничего делать не надо* -_- и др.

Менее распространенным топографемным средством (вероятно, в силу сложности воспроизведения) является составление из типографских знаков различных изображений. В Интернете эта практика получила название аски-арт по названию стандартного кода ASCII [Сонин, Мичурин 2012: 166]. ВКонтакте наиболее часто используются такие знаки, как @}->-- ‘роза’, <:3)~~~ ‘мышь’, <^..^> ‘летучая мышь’, >(///)<‘конфета’ и некоторые другие. Реже используются более объемные изображения:

```
../'´'´'\
.//^  ^\\
(/(_♥_)\)
._/''*''\_
(/_)^(_\)
```

```
(\ /)
( . .) ♥●•·.·
c(")(") ♥
```

```
_/|''|''''\___
'-O---=O-°
```

В социальной сети ВКонтакте, как и в большинстве других социальных сетей, форумов, блогов и чатов, есть свой банк графических эмотиконов, которые активно употребляются в письменной речи коммуникантов: *Виталик: А женщинам вообще нельзя доверять* (‘гнев, негодование’); *Рафаэль:Его почти никто не понял* (‘смех’); *Гульназ***:** *я предупредила* (‘безразличие’).

Широко используются и являются интересным объектом для дальнейшего более детального исследования, в том числе и с точки зрения параграфических неологизмов, акронимы. Вслед за М.С.Школовой, под акронимами мы понимаем абсолютно все буквенные сокращения [Школовая 2005: 60]. Наиболее часто пользователи социальной сети ВКонтакте применяют в речи следующие акронимы: ИМХО – in my humble opinion ‘по моему скромному мнению’ (например: *Рафаэль: Таких немного, ИМХО*), ЛОЛ – laughing out loud ‘громкий смех’ (*Саша: Короче, это лол*), Кэп – капитан очевидность (*Ландыш: проехали уже))) я просто намекала на то, что ты кэп)*) и т.д.

К графическим выразительным средствам современного печатного текста Е.В.Дзякович [1998: 142] относит не только элементы параграфемики, но и неизменно сопутствующие им схемы, рисунки, графики, цветовое оформление сообщения.

Наибольшую популярность в Интернет-среде получили Интернет-мемы, использующиеся в основном для достижения комического эффекта. Интернет-мем (или Интернет-феномен) – это единица информации, объект, который спонтанно получил популярность в среде, обслуживаемой информационными технологиями [Щурина 1998: 162], например:

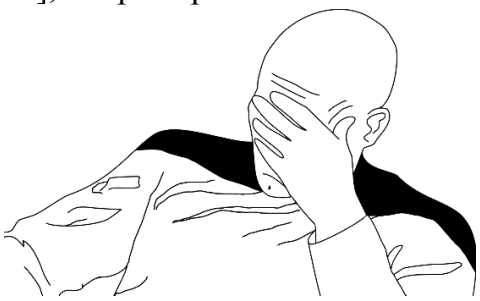

Рис.1. Facepalm (рукалицо) – картинка, на которой изображается закрывающий лицо руками человек (чаще всего это капитан Пикар из сериала «Звездный путь»). Это изображение транслирует эмоциональное состояние стыда, отчаяния и разочарования коммуниканта по отношению к объекту речи.

Рис. 2.Fuckyea (вот так то!) – изображение самодовольного человека, которое используется, когда коммуникант желает показать свое превосходство, победу в определенной ситуации или над собеседником.

Опираясь на мнение ученого, к паралингвистическим средствам выразительности письменной разговорной речи можно отнести и такие специфические для Интернета средства, как изображения и файлы gif, несущие в себе смысловую и эмоционально-экспрессивную составляющие.

Исследователи паралингвистических средств общения отмечают, что дальнейшее развитие и преобразование графической системы происходит за счет перехода статичной картинки в динамичное изображение, благодаря которому появляется возможность передать глубину различных эмоций посредством их пошагового отображения [Беляева, Варюхина 2013: 101]. Особую популярность в молодежной среде получают gif-файлы – популярный формат графических изображений, представляющий собой несколько статичных кадров, которые воспроизводятся последовательно, созда-

вая впечатление короткого видеофрагмента. Чаще всего изображения формата gif используются для передачи каких-либо действий или состояний, отягченных эмоциональными созначениями. Преимущество этого формата перед другими заключается в его небольшом объеме. К сожалению, формат нашей работы не позволяет наглядно показать возможности gif-анимации.

Таким образом, разнообразные параграфемные средства способны восполнять некоторую ущербность письменной коммуникации. Они насыщают опосредованное Интернет-общение эмоциями, наполняют письменную речь «звучанием», актуализируют те или иные значимые для коммуникантов текстовые фрагменты, позволяют расставлять смысловые акценты. В неформальной Интернет-коммуникации парадюграфемные средства подвержены постоянным изменениям, на смену одним средствам общения приходят другие – более совершенные и более оригинальные, они побуждают коммуникантов к игровым формам речевой (параграфемной) деятельности, способствуют раскрытию творческого потенциала языковой личности.

Литература

*Баранов А.Н., Паршин П.Б.*Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989. С. 41–115.

Беляева В.А., Варюхина С.А. Трансформация передачи эмоций через знаковые системы в медиапространстве //Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: Матер. научно-практ. конф. М., 2013. С. 100–104.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2001.

Горошко Е.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета // Образовательные технологии и общество.2008. № 11(2). С. 388–411.

Дзякович Е.В. Особенности использования средств параграфемики в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики.1998. № 27. С. 140 – 145.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

Николаева Т.М. Паралингвистика// Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1989.

Сонин А.Г., Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2. С. 164–173.

Школовая М.С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2005.

Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.

Щербаков А. В. Паралингвистические явления в текстах рекламных сообщений // Российский государственный гуманитарный университет // URL:http://kafmr.rggu.ru/index.php?id=555(дата обращения: 10.09.2014).

Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог.2012. №3. С. 160–172.

Л.А.Москалёва
Казанский юридический институт МВД России (Казань)
Т.С.Шахматова
Казанский федеральный университет (Казань)

VOYAGE EN RUSSE: МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ФОРМЕ РОМАНА-ИГРЫ

Статья предлагает описание авторской методики преподавания РКИ для взрослых студентов, сочетающей традиционные подходы и приёмы с игровой формой, благодаря чему книга может быть использована как в качестве учебного или корректирующего пособия, так и самоучителя.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, активные методы обучения языку, самоучитель, РКИ для франкофонов.

Практически каждый учебник (учебный комплекс) является специфическим авторским решением определённой методической задачи. Как известно, на условия эффективного усвоения материала влияет целый комплекс факторов: психологические и познавательные особенности аудитории, специфика грамматической системы родного языка, артикуляционные навыки обучающихся и другое. В итоге процесс обучения языку превращается в тонкую настройку «здесь и сейчас», что, в свою очередь, вызывает трудности в подборе максимально отвечающего задачам обучения учебного пособия.

В основном при обучении студентов из Европы используются учебные комплексы, снабжённые словарём, на нескольких языках, например, «Поехали!» С.Чернышова, «Дорога в Россию» В.Антоновой, М.Нахабиной, М.Сафроновой, А.Толстых. Также это могут быть комплексы сграмматическими комментариями в конце учебника («Русский язык как иностранный» М.Будильцевой, Н.Царёва и др.).

Подобные учебные системы, безусловно, необходимы при работе в классе с учителем. Однако, известно, что значительная часть взрослых студентов приезжает в Россию не только в качестве слушателей учебных заведений. Активно расширяющееся сотрудничество с иностранными торговыми, промышленными и производственными компаниями ставит задачи обучения русскому языку вне классной аудитории.

Один из авторов представляемого учебного комплекса Т. Шахматова, работая со слушателями из компании «Рено-Ниссан» (АВТОВАЗ, г. Тольятти), пришла к выводу, что необходим комплекс, который может быть использован не только как учебник, но как самоучитель и средство систематизации и корректировки изученного на уроках, а при желании и навыках в изучении иностранных языков может быть освоен самостоятельно. В то же время был необходим комплексный подход, дающий в компактной, комфортной для обучающегося форме широкое представление о русском языке с нулевого владения до полного освоения уровня А1-А2 (элементарный-базовый).

Под комфортной формой авторы данной методики подразумевают такие условия, в которых материал дозируется в соответствии с имеющимися навыками обучающегося и вписывается в неискусственные и понятные речевые ситуации. Другим

условием комфортного освоения материала является поддержание концентрации внимания обучающегося за счёт устранения рассеивающих внимание факторов: в пособии авторов статьи весь необходимый вспомогательный материал даётся непосредственно там, где возникает в нем необходимость, в конце учебника представлен только словарь.Третьим условием авторы определили возможность исключения преподавателя, чью роль принимают на себя персонажи учебника.

Для решения этих задач мы включили курс русского языка в состав полноценного приключенческого сюжета, встроив грамматический комментарий и задания в структуру игрового квеста. Чтение романа, освоение сюжета, продвижение в игре, происходит параллельно с овладением русским языком, а накопление и усвоение лингвистических знаний являются основным условием адекватного прочтения романа. Дипломированный специалист Института восточных языков и культур (INALCO, Париж), преподаватель французского и русского языков Анаис Ам провела работу по адаптации методики для франкоговорящих слушателей. В целом методика имеет универсальный характер, ориентированной на носителя европейской культуры.

Грамматический и лексический материал расположен согласно тематическим блокам. Каждая речевая ситуация чётко привязана к определённой грамматической теме и этапу приключений героя. Усвоение лексического материала в объёме базового уровня достигается (после разового предъявления) за счёт многократного повторения слов и моделей уже в речевых ситуациях, в которые вовлекаются герои.

Для прояснения специфики метода вовлечения остановимся на системе персонажей учебника.

Главный герой книги – молодой человек (художник С. Шахматов) француз, экономист по образованию *Жан Паскаль.* Дед Жана жил в России, когда был ребёнком, а отец является специалистом по русской истории. То есть, персонаж не лингвист и в такой же мере новичок в деле изучения русского языка, как и среднестатистический ученик, открывший книгу. При этом герой в достаточной степени образован, умён, возможно, так же, как и большинство учеников, в начале обучения считает русский язык невероятно трудным.

Нередко человек в иноязычной среде попадает в ряд сложных, смешных, забавных и опасных ситуаций. В подобные ситуации в книге попадает и Жан, концентрация их тем более высока и исход их тем менее предсказуем, потому что Жан приехал в Россию, чтобы отыскать в архиве и скопировать для отца, который по состоянию здоровья не смог поехать сам, важные документы. Проблема в том, что документы ищет не только Жан. А “плохой русский” язык в России никак не может быть конкурентным преимуществом в поисках.

Главный герой в книге действует в обществе персонажей-помощников и противников, которые являются проводниками в мир русского языка.

Отец Жана – *Этьен Паскаль* проводит с сыном «курс молодого бойца» (являющийся, по сути, вводно-фонетическим курсом с объёмом материала элементарного уровня). Выступая в функции классического учителя, Этьен Паскаль даёт информацию о русском языке в формате «интенсив».

На данном этапе крайне важным является способ подачи артикуляции русских звуков. Москалёва Л.А., имея значительный опыт в постановке и коррекции звукопроизношения у представителей различных языковых групп, предложила модифицированный метод, сочетающий в себе подходы преподавания РКИ и логопедические приёмы.

Графическая и фонетическая система русского языка даётся в сопоставлении с системой французского языка, прогнозируя возможные затруднения у франкофонов, снимая предполагаемую в конкретных случаях интерференцию. При этом крайне деликатно предлагаются логопедические упражнения на продуцирование и закрепление звуков. Героям книги часто позволено то, что не выполнимо на уроках со взрослыми студентами: изобразить старый мотор, отрабатывая звук [р] в сочетаниях с переднеязычными [т] и [д], зажимать в зубах карандаши и т.п. Упражнения, которые не всякий ученик станет выполнять в классе, однако при погружённом неспешном чтении с удовольствием осуществит дома перед зеркалом. Так вводится фонетика, основные сведения о русской падежной системе, спряжении и временах русского глагола, прилагательном, местоимении, интонационных схемах. На этапе уроков с Этьеном Паскалем особенно часто используются приёмы межъязыкового сопоставительного анализа русского и французского языков.

По окончании вводно-фонетического курса авторы позволяют герою выйти из ситуации комфорта и предлагают «полевую практику» со сменой персонажей. Этот этап готовит обучающегося-читателя к переходу от обучения «в классе» к применению полученных знаний в коммуникации, в том числе к реагированию на русском языке в ситуации стресса и к самостоятельному решению коммуникативной задачи.

Маша Скворцова (студентка) персонаж «из скайпа». Отражает распространённую в наши дни ситуацию, когда изучение языков происходит посредством общения с носителем изучаемого языка через интернет. При этом учитель и ученик не являются профессионалами. На темах «Обо мне», «О моей семье» «О моих увлечениях» отрабатываются и закрепляются знания, полученные Жаном от отца.

Непосредственно в работе над обсуждаемым фрагментом книги сформировалась уникальная методика анализа письменного текста с помощью «вычисления» словоформ и их грамматических значений, отталкиваясь от уже освоенного материала. Таким образом, прививаются навыки самостоятельной работы с текстовым материалом. Обучающемуся предлагается текст о семье одного из персонажей (Маша), значительный по объёму Главный герой и читатель оказываются в равной ситуации: обучающемуся предстоит преодолеть психологический барьер перед объёмным текстом. Ему поэтапно предъявляются грамматические модели с анализом глагольных форм и падежа; освоенные модели также поэтапно обнаруживаются в тексте, осмысляются и помечаются маркером соответствующего цвета; информационные лакуны в тексте постепенно заполняются; когда в тексте не остаётся неосвоенных моделей он прочитывается ещё раз.

Роман Харитонов (мнимый друг) – персонаж, обеспечивающий Жану и читателю погружение в ситуации стрессового общения.

Например, речевая тема «в ресторане»: Жану предстоит разобраться, что является частью чего (вводится понятие родительного падежа части), какой заказ чей (родительный падеж принадлежности), а также, какие блюда из меню надо выбрать, чтобы ужин был похож на привычный европейский и не случилось никаких неприятностей.

Jean commençait à comprendre les conversations. L'arrivée des plats donna lieu à l'échangesuivant (Жан немного привык и уже начал понимать, о чём говорят русские. Наконец принесли заказ):

Све́та: Жан э́то Ва́ша лапша́ грибна́я?

Рома́н: Нет, э́то моя́ лапша́. У Жана борщ.

Све́та: Чей сала́т?

Рома́н: Э́то сала́т Жа́на.

Све́та: Чьё францу́зское вино́?

Рома́н: Жа́на.

Све́та: Чьи щи?

Рома́н: Щи мои́.

Све́та: Чей пиро́г с яйцо́м и лу́ком?

Рома́н: Жа́на.

Све́та: Чья ка́ша?

Рома́н: Жа́на.

«Étrange, voilà qu'ils me donnent un prénom de femme», – pensa Jean. Il se frappa la poitrine de la paume de la main etarticula («Странно», - думал про себя Жан. – «Поймали, привезли, кормят и почему-то называют женским именем. Что ещё за Жана?». Он стукнул себя ладонью в грудь и отчётливо произнёс):

– Меня́ зову́т Жан. Я Жан.

– Да, да, – approuvèrent les Russes, souriantethochant la tête, et ilspoursuivirentleur discussion (улыбались русские, приветливо кивали и продолжали).

Све́та: Чьи пирожки́ с мя́сом?

Рома́н: Жа́на.

Жан: Я Жан. Я не Жа́на.

Все задания на языковую догадку сопровождаются подробным грамматическим комментарием с последующим разъяснением и отработкой. Таким образом, ученик может читать текст, пропуская грамматику (если задача стоит «освежить» в памяти материал) или с подробной остановкой на каждом аспекте с выходом в упражнения на закрепление изученного.

Андрей Григорьев (журналист) – новый русский друг Жана Паскаля становится главным помощником в достижении цели путешествия. Коммуникация с Андреем возможна только по-русски. Знание им французского языка самое базовое и он прибегает к помощи интернациональных слов и уже известных Жану конструкций, довольно высокий уровень образования, изобретательность и чувство юмора позволяют Жану и Андрею находить общий язык и осваивать новые модели.

Важным методическим приёмом представляемого учебного пособия является цветовое решение книги: повествование постепенно переходит с французского языка на русский язык, последняя глава практически вся написана в диалогах по-русски. Графически в книге это отображено с помощью цвета: русский текст представлен фиолетовым, французский – чёрным. Постепенно общий цвет книги меняется и ученик может в буквальном смысле слова видеть, как французские модели в его активном словаре замещаются русскими. Наглядностью личных успехов достигается значительное психологическое раскрепощение обучающегося.

Сюжетная условность позволяет авторам варьировать сравнительно небольшой набор грамматических конструкций (уровень А1 – А2) и слов, выстраивая из них полноценные диалоги на различные темы элементарного-базового уровней: о себе, в аэропорту, в ресторане, на встрече, в театре, знакомство, о погоде, о хобби, в полиции, в магазине, в библиотеке и т.д.

В достаточной мере представлены задания на письмо: заполнение анкет, въездной визы, бланков официальных заявлений. Тренировка навыков аудирования: к книге прилагается диск с аудиоупражнениями и озвученным словарём.

Необходимо отметить и широко применяющиеся в учебнике мнемонические приёмы: авторская разработка комплекса «откуда – куда – где» как «правило 2-4-6» и аналогичное «от кого – к кому – у кого» как «правило 2-3-2»; стихи для запоминания, схемы, рисунки.

Подводя итог обзору авторской методики, реализованной в учебном пособии «Вояж по-русски», отметим: учебное пособие «Voyage en russe» (Вояж по-русски) на сегодняшний день является единственным, реализующим методику романа-игры с полноценной сюжетной линией и постоянными персонажами, а также единственным комплексом-самоучителем для франкоговорящих студентов.

Авторами получены положительные отзывы аудитории, подтверждённые результатами тестов, методика получила положительную рецензию редколлегии издательства «Златоуст» (Санкт-Петербург), после чего была издана в виде книги с иллюстрациями и аудиоприложением. С содержанием и фрагментами книги можно ознакомится на сайте издательства: http://www.zlat.spb.ru/catalog5_1_471.html

Литература

Москалёва Л.А., Шахматова Т.С., Ам А. Вояж по-русски: Интенсивный курс русского языка в виде приключенческого романа. СПб., 2014.

А.М.Мубаракшина
Казанский федеральный университет (Казань)

ЯЗЫКОВАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ОППОЗИЦИЙ НРАВСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале романов Сергея Минаева)

В соответствии с авторским замыслом, романы Минаева зачастую являются своеобразным вызовом всему общепринятому, стремятся спровоцировать у читателя рефлексию по поводу происходящих социальных сдвигов, в частности, в плане нравственных устоев и критериев.

Традиционная связь русского человека с общинным мироощущением, с потребностью в моральном оценивании поведения со стороны общественного мнения, по мнению писателя, приобретает формальный характер, а проявление безразличия по отношению к соблюдению нравственных норм другими становится частым явлением в жизни общества.

Это можно проследить при анализе лексем смыслового поля, объединенных интегративным значением «общественный, *т.е. ‘принадлежащий обществу, нечастный, коллективный’* [1:452] в рамках бинарной оппозиции «общественный – частный».

Так, одно из значений лексемы «культура» в толковом словаре С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой трактуется как *‘высокий уровень чего-нибудь, высокое развитие, умение’*. У С.Минаева это значение ассоциируется с советским периодом развития общества, обладает ироничным оттенком и архаично применимо к современному функционированию общества.

Работников советской торговли отличает кристальная честность и ***высокая культура обслуживания*** [3:234].

И провоцируют потребителей, по его мнению, исключительно люди ***низкой профессиональной культуры***[3:48].

Здесь имеет место говорить о вербализации временной оппозиции «советский период – современность» с проекцией на нравственное начало.

Общая содержательная концепция проанализированных романов выводит на первый план группу смысловых единиц, находящихся в оппозиции по отношению к нравственности, а именно лексем, вербализующих «антинравственность»/«безнравственность»: *неприличный, неприлично, неприличие*, которые заменяют такие, как *приличный, прилично, приличие* (все чаще эти слова можно отнести к пассивной лексике).

Мы смеемся и ведем себя совершенно ***неприлично*** [3:260].

Я в этот момент, можно сказать, покраснел до ***неприличия****»*[3:176].

В настоящее время понятие «общественный» активно уступает место термину «*корпоративный – узкогрупповой, замкнутый пределами корпорации*», что свидетельствует о стремлении людей с ограниченным кругом интересов обособиться от окружающих, установив таким образом свои нормы и правила в субгруппе, которые будут более соответствовать их интересам и потребностям, а соответственно и выполняться с большим желанием и ответственностью.

Как обычно, все началось со скандала, который закатила мой шеф-редактор группе Хижняка за воровство наших гостей… «Против ***корпоративных правил****!»* [2:194].

Я, как поднаторевший в ***корпоративной этике*** *бульдог, заблаговременно позвонил в девять утра своей секретарше* [2:26].

И вот я выхожу из лифта на восьмом этаже и открываю дверь офиса, источая из себя флюиды вечных ценностей, таких как: ***пунктуальность, служебное рвение,начальственная мудрость*** *и* ***забота об интересах компании*** [2:26].

Большое место в лексике, вербализующей языковую оппозицию «нравственность – безнравственность» занимают слова, описывающие криминогенную обстановку и преступность современного общества, а так же отголоски царящего в 90-е годы «криминального мира».

В какой бар «Кружка» превратят они страну, прикрываясь желанием отмыть ее от скверны ***«прошлого преступного режима»*** [3:157].

Пытался заинтересовать меня парой бессмысленных скандальных историй и ***хулиганством*** *в клубе* [3:195].

Вероятно, поры их тела выделяют особый гормон, пахнущий застенчивым стыдом, ***жульничеством*** *и страхом* [3:202].

Безусловно, любые установленные в обществе нормы и правила соответствуют позиции каждого либо находятся в противоречии со взглядами отдельно взятого представителя социума, его духовным миром и внутренними установками. В рамках общественных правил у Минаева появляется идиома ***«общественная совесть»***, хотя понятие «совесть» трактуется как «*чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом»* и в буквальном смысле сочетание «общественная совесть» означает *«ответственность общества перед самим собой»*.

Корю себя за то, что сорвался на Таню, но на нее злюсь еще больше, потому что терпеть не могу людей, которые берут на себя функцию ***общественной совести*** *и начинают изъясняться допотопными, укоряющими штампами* [2:436].

Таким образом, в интерпретации автора категория общественной совести приравнивается не к общему, а к общему в единичном воплощении, чем вполне объясняется ее употребление в данном контексте.

Также в активное употребление лексики, вербализующей общее через единичное входят лексемы «этика», «эстетика», «этикет». В толковых словарях (Ожегов, Шведова [1], Ушаков[4]) понятия «эстетика» означает *«философское учение о сущности и формах прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни, об искусстве как особом виде общественной идеологии».* Этика же рассматривается в качестве *«философского учения о морали, ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе».* Таким образом, интегративным является значение «философское учение», однако функцию регулирования порядка в обществе эстетика отдает искусству, а этика – морали. Минаев же с присущим его стилю скептицизмом и прагматизмом иронизирует над преувеличенным значением искусства в жизни общества и дает оксюморонное сочетание*... заметного на* ***жути*** *совковой министерской* ***эстетики****...* [3:24].

Близким, но не родственным понятием является «этикет», имеющий значение «установленный, принятый порядок поведения, форм обхождения». *Нет, всего лишь матерился как сапожник, куда только* ***манерность*** *делась, ума не приложу* [2:252].

Автором этот смысл воспринимается как реальный и не имеет субъективных оттенков.

…Каждый самостоятельно, нам стоит выдержать приличествующий моменту ***этикет***[3:98].

Здесь же можно обратить внимание на гендерный аспект соблюдения правил этикета. Примечательным является тот факт, что ни разу в анализируемом материале не встречается слово «леди» в значении *«девушка, женщина, подчеркнутой вежливости»*, однако часто встречается лексема «джентльмен» и ее производные, обозначающие мужчину, строго соблюдающего правила и нормы поведения.

Я, конечно, ***джентльмен,*** *но если ты против, можем обсудить как опцию, в будущее* [2:262].

У меня возникает сразу несколько идей, как то: вскочить и вытирать этих телок салфетками; протянуть руку, чтобы помочь подняться официанту; слегка ударить Ваню, как бы обнаруживая свои ***джентльменские намерения*** [2:82].

Таким образом, еще одной интересной особенностью вербализации категории «нравственность» в романах Сергея Минаева является ее принадлежность предпочтительно лицам мужского пола, когда антинравственность чаще характерна духовному облику современной женщины.

Следующей немногочисленной, но немаловажной реализацией семантической оппозиции «нравственность – безнравственность» является лексика, характеризующая категории с интегрирующей семой «ценность» – ‘*важный предмет, явление’*. Систематизация исследуемой лексики позволяет выделить оппозицию «материальные ценности – нематериальные ценности». Левая часть оппозиции представлена лексемой «деньги» и все, что обозначает предметы вещного мира.

...Который вдруг осознал, что есть еще более ***важные,*** *чем деньги* ***ценности****. Понимаете, Ален?* ***Более важные ценности*** [3:48].

Для того чтобы сакцентировать внимание читателя именно на нематериальной стороне человеческих ценностей в текстах часто используются лексические повторы. Значение правой части оппозиции не конкретизируется частными категориями, что предоставляет читателю возможность индивидуальной интерпретации понятия.

...Потому что, кроме всех вышеперечисленных талантов, он моложе и более погружен в процесс, а значит, может выдать себя за сценариста – то есть человека, который создает ***нематериальные ценности*** *шевелением мозговых клеток* [2:347].

...Тогда как она совсем этого не понимает, и есть еще и ***другие ценности…***[3:126].

Кроме того, понятие «общечеловеческие ценности» содержит и частное значение «ценности определенной ячейки общества»: *Интересно, что же я ответил? Оказывается, я за* ***семейные ценности.*** *Значит, интервью еще и цензурировали на канале* [2:20], – и «ценности, существующие вне времени»: *И вот я выхожу из лифта на восьмом этаже и открываю дверь офиса, источая из себя флюиды* ***вечных ценностей…***[3:26].

Продолжая анализировать типичные для автора языковые оппозиции, нельзя не упомянуть частотную пару «уважение – неуважение» применительно к собеседнику или к окружающим людям.

С другой стороны, оставшись в офисе, он высказал бы полное ***неуважение*** *ко мне* [3:203].

Причем, здесь автор неоспоримо считает себя частью социума и проецирует все действующие нормы и правила на себя непосредственно, не противопоставляя себя обществу, а представляя его.

Положительно маркированная сторона данной оппозиции вербализуется посредством лексем «дружелюбие», «извинения», «деликатность», «вежливость» и т.п.

Окружающие во время оглашения моих результатов пялятся на меня очень ***дружелюбно*** [3:107].

Деликатно *пьют кофе,* ***вежливо*** *раскланиваются с московскими работниками* [3:107].

Возвращение чашки с ***извинениями*** *и* ***реверансами*** [3:102].

В оппозиции «образованность – необразованность» интегрирующей семой является «образование», однако противопоставление прослеживается скорее на уровне территориальной принадлежности, нежели на различии в уровне имеющихся знаний, умений и навыков.

Безусловно, питерцы гораздо интеллигентнее, ***образованнее*** *и человечнее прочих жителей России* [3:195].

Это объясняется, вероятно, происхождением Сергея Минаева и его субъективной позицией по отношению к жителям РФ.

По мнению автора, внутреннее состояние человека напрямую выдает его внешний вид. *В разговор встревает девушка лет двадцати,* ***с милым, интеллигентным лицом, неплохо одетая и весьма ухоженная*** [3:158].

Таким образом, рассматривая семантические оппозиции в рамках общественной и частной морали, можно сделать вывод, что не все значения слов воспринимаются писателем как реальные, то есть авторская интерпретация взятых категорий во многом расходится с общепринятым толкованием, зафиксированным в ряде словарей. Это объясняется, прежде всего, тем, что произведения Сергея Минаева относятся к современному периоду общественного развития (рамки создания 2001-2011 годы), тогда как многие словари датируются прошлым веком и не отражают в полной мере постоянно меняющуюся систему лексики и ее семантики. Кроме того, профессия и возраст автора позволяет ему открыто иронизировать над существующими проблемами общества, чтобы привлечь к ним активное внимание читателя и желание к дискуссии. Отметим, что в настоящее время в российском обществе наблюдается пестрая картина моральных представлений и тенденций их развития, вот почему мобильность и неоднозначность трактовок весьма актуальны.

Литература

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений/ Российская АН Ин-т рус.яз.; Российский фонд культуры. М., 1992 .
Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви. М., 2009.
Минаев С. The Телки: два года спустя, или Videoты. М., 2010.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. д-ра филол. наук Н.Ф.Татьянченко М., 2005.

Е.А.Муллаева, В.Г.Фатхутдинова
Казанский федеральный университет (Казань)

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале региональной прессы Республики Татарстан)

В статье представлена общая характеристика феномена вербальной агрессии в газетном медиатексте. Рассматриваются языковые особенности современных СМИ, выявляются лексические средства речевой агрессии.

Ключевые слова: публицистический стиль, вербальная агрессия, лексика.

Взаимодействие двух функций языка: информационно-содержательной (функция сообщения) и воздействующей (функция убеждения) находит системное и последовательное отражение в публицистическом стиле современного русского языка. Информация в данной сфере общественной деятельности адресуется широким массам населения. В этой связи основным требованием публицистики является быстрота передачи информации, ее актуальность и соответствие насущным проблемам социума. Функция воздействия предопределяет эмоционально-экспрессивную окраску языковых средств, поэтому в разных жанрах публицистики нередко содержится субъективная оценка передаваемой информации. Оценка может носить как позитивный, так и негативный характер; пейоративная оценка, как правило, граничит с таким явлением, как «речевая агрессия». Как известно, речевая агрессия препятствует реализации основных задач эффективной речевой коммуникации, она оказывает деструктивное воздействие не только на сознание, но и на речевое поведение участников общения. Речевая агрессия затрудняет полноценный обмен информацией, препятствует гармоничному взаимодействию и взаимопониманию речевых партнеров.

Цель статьи – охарактеризовать феномен речевой агрессии в публицистическом дискурсе современного русского языка. Материалом для исследования послужили медиатексты республиканских СМИ, и в частности, он-лайн версии газет «Известия Татарстана», «Казанские ведомости» и «Мой город – Зеленодольск». При анализе языкового материала мы опирались на теоретические положения, изложенные в книге Н.Е.Петровой и Л.В.Рацибурской «Язык современных СМИ: средства речевой агрессии» [2011]. Авторы считают, что к новым тенденциям в развитии публицистического стиля современного русского языка относятся демократизация, интеллектуализация и субъективизация текстов СМИ, усиление личностного и диалогического начала, стилевая контаминация, связанная с активизацией влияния разговорной речи (городского просторечия), актуализацией жаргонной, арготической и просторечной лексики. «Для современных СМИ особенно характерны пафос, гипертрофированная функция воздействия, усиление авторского начала» [Петрова 2011: 18]. О превалировании апеллятивной функции над коммуникативной пишет и Е.И.Коряковцева: «Для современного языка СМИ характерно форсирование авторского начала, замещение информативной функции воздействующей. В этой связи журналисты-словотворцы, привлекая широкий арсенал средств оценки и экспрессии, вводят в публицистические тексты маргинальные слова (жаргонизмы, сленгизмы, профессионализмы, созданные по маргинальным словообразовательным моделям с суффиксами стилистической модификации»: *презентуха* – от презентация, *послабуха* – от послабление, *депрессуха* от *депрессия* и др. [Коряковцева 2013: 21].

Воздействующая функция языка имеет место и в «черной риторике», под которой понимается «манипулирование всеми необходимыми риторическими, диалектическими, эристическими и рабулистическими приемами для того, чтобы направлять беседу в желательное русло и подводить оппонента или публику к желательному для нас заключению и результату» [Бредемайер 2008: 12].

По утверждению Е.Н.Басовской, эмоциональное состояние современного человека во многом зависит от СМИ: при этом не только от тематики публикуемых материалов, но и от их языка. Чтобы сделать свои публикации максимально привлекательными, интересными и убедительными, журналисты «нередко выбирают

агрессивную речевую стратегию». Сравнивая речевую агрессию при непосредственном устном общении с речевой агрессией в репликах журналистов, автор статьи приходит к выводу, что вербальная агрессия последних проявляется «в соответствии с продуманной стратегией», а не под влиянием эмоционального порыва. У журналистов вербальная агрессия является «не средством борьбы, а модным… риторическим приёмом». Тогда как речевая агрессия при устном общении «служит грубым волюнтативным средством», выступает инструментом самозащиты, выполняет «компенсирующие функции, замещая физическую агрессию» [Басовская 2004: 257].

К способам выражения речевой агрессии, по мнению ученых, относятся следующие явления:1) немотивированное, затрудняющее понимание текста использование иноязычной лексики; 2) экспансия жаргонизмов; 3) инвективная лексика; 4) языковая демагогия; 5) излишняя метафоризация; 6) использование устойчивых выражений, пословиц и поговорок, связанных с негативно оцениваемыми ситуациями; 7) использование имен нарицательных, соотносимых с определенными отрицательно оцениваемыми явлениями; 8) выражение состояния адресата, свидетельствующего о его отношении к определенному событию, поступку, ставшему причиной этого состояния и др.

С целью создания «агрессивной экспрессии» в публицистическом дискурсе возможны сочетания слов с различной функционально-стилевой окраской, как книжной (например, научной, официально-деловой), так и разговорной, при этом подобное сочетание часто носит нарочитый, «конфликтный» характер. Данное явление получило название «лингвистическая эклектика» (термин В.Г.Костомарова). Приведем пример использования разностилевых элементов, а именно лексики официально-делового и обиходно-разговорного стилей: *Последний* ***приговор*** *в свой адрес женщина заслушивала всего полтора года назад. Единственная причина, по которой для нее не наступает* ***реальная ответственность*** *– это малолетние дети. Именно их* ***мамаша корыстно использует*** *в качестве своего прикрытия, накапливая годы заключения за совершенные преступления.* ***Согласно решению суда****, после достижения детьми 14-летнего возраста, она отправится за решетку. А пока ее* ***отпрыски*** *подрастают под присмотром* ***бабушек, мать-наркоманка*** *продолжает вести* ***разгульный образ жизни****. При этом отец малолетних детей уже давно* ***отбывает*** *заслуженное* ***наказание в местах не столь отдаленных*** [http://zeleo.ru/kriminal/item/1387-deti-kak-schit-ot-tyurmyi.html].

Среди лексических средств вербальной агрессии Л.В.Рацибурская [2011] выделяет оценочную, инвективную и стилистически сниженную лексику; жаргонизмы; агрессивные сравнения и метафоры; заимствования. Особое место в этом ряду занимают словообразовательные неологизмы как средство вербальной агрессии: «…оценочность новообразования может быть связана с различными компонентами его словообразовательной структуры: с мотивирующей (производящей) базой и (или) словообразовательным средством. В создании негативной оценки активное участие принимают маркированные аффиксы» [Петрова 2011: 66]. Об одном из таких словообразовательных средств пишет Е.И.Коряковцева: «С недавнего времени структурный компонент *–завр* стал активно использоваться русскоязычными реципиентами текстов российских СМИ при создании инвектив, обозначающих недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера», ср.: *быдлозавр* (примитивный человек, не имеющий моральных принципов, *лохозавр* (глупый, наивно-доверчивый человек), *хамозавр* (примитивный хам) и др. [Коряковцева 2013: 20]. Другую группу средств речевой агрессии образуют такие

средства, как языковая демагогия (сознательное нарушение словесных прессуппозиций, постулатов успешного общения, использование речевых импликатур), тенденциозное использование негативной информации, интертекстуальность. Эти средства являются собственно дискурсивными и используются преимущественно для непрямой, скрытой речевой агрессии [Петрова 2011: 30].

Следующий отрывок, несмотря на его тематическую актуальность и правомерную заостренность, носит, на наш взгляд, скрытно-агрессивный характер: *Когда* ***наркопотребители*** *приходили за товаром, женщина* ***угощала их чаем****, всячески располагая к себе. За образом* ***милой и доброй старушки*** *скрывался* ***алчный и расчетливый наркоделец****. Она* ***безжалостно травила*** *десятки молодых граждан. При этом* ***злоумышленница*** *признается, что прекрасно знала об* ***опасности употребления курительных смесей****. Но даже не задумывалась о судьбе тех, кому раз за разом продавала зелье,* ***преследуя меркантильные цели*** [http://www.kazved.ru/article/55561.aspx]. В данном отрезке текста маркерами негативного отношения к субъекту выступает как книжная лексика, включающая в себя терминологические словосочетания и речевые штампы, так и обиходно-разговорная с фамильярной коннотацией. В целом весь контекст формирует восприятие субъекта как преступника, вызывающего неприязнь и отвращение.

Многие тексты СМИ строятся зачастую таким образом, чтобы создать в сознании адресата определенные, заданные установки на восприятие реальной действительности: *«Если РФ не хочет окончательно и бесповоротно потерять братскую Украину как дружественную страну, если она хочет получить границу НАТО у себя под Смоленском,* ***пусть сидит и смотрит****, как крымчане пытаются сами смести эту* ***бандеровскую нечисть****, которая полностью финансируется и вооружается холодными прагматиками из Вашингтона и Брюсселя. Но наших ресурсов недостаточно», – заявил ИА «IslamNews» известный крымский общественный деятель, политик Васви Абдураимов* [http://tatarnews.ru/articles/7588].

Итак, вербальная агрессия – явление многогранное, которое может затрагивать практически все сферы жизни человека. В газетной речи одним из самых распространенных средств выражения субъективного негативного отношения к какому-либо явлению становится экспрессивная, стилистически маркированная лексика, а также метафоры и сравнения, преобладающие над нейтральными языковыми ресурсами. Газетные медиатексты чрезмерно насыщены «негативной» риторикой и радикализмом оценки, в результате чего происходит скрытая подмена системы аргументов и фактов на эмоциональную авторскую позицию.

Литература

Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. Вып.7. 2004. С.257 – 263.

Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова. М., 2008.

Петрова Н.Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учебное пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. М., 2011.

Koriakowcewa E.I. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slavists, 20 – 27.08. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersitetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2013. – P. 9 – 38.

Л.Р.Мухаметзянова
Казанский федеральный университет (Казань)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ЛЕКСЕМ *ДӨНЬЯ, МИР* И *WORLD* В ТАТАРСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье автор рассматривает происхождение слов *дөнья, мир* и *world* в татарском, русском и английском языках. Сопоставляя внутреннюю форму данных лексем, автор приходит к выводу, что в данных языках они имеют разное мотивационные признаки: в татарском (арабском) – религиозный, в русском – бытовой, в английском – связанный с понятиями ‘человек’,‘время’ и ‘пространство’.

Ключевые слова: этимология, лексема, имя существительное, сопоставление.

Этимологический анализ лексемы в разных языках позволяет раскрыть историю развития значения у слов, наметить возможные направления его дальнейшего смыслового варьирования, судить об этимологической связи слова с синонимами и омонимами. Этимология раскрывает многие ассоциативные связи, закрепившиеся в сознании людей, она связана с мифологией, поскольку отражает представления людей, их нравы, обычаи, верования. Анализ происхождения того или иного слова вскрывает первоначальную внутреннюю форму слова.

Внутренняя форма слова – это как бы историческая память языка, след вчерашнего видения предмета, которое оттесняет его сегодняшнее понимание [Маслова 2001: 46]. Этимология, таким образом, есть предыстория, дописьменная история слова [Степанов 1997: 7].

Татарское слово *дөнья* является заимствованием из арабского языка. Раскрывая его внутреннюю форму, мы выявляем особенности восприятия мира народом. Это позволит нам выяснить в каком виде слово проникло в татарский язык и поможет определить первоначальное значение лексемы в данном языке. В арабском языке существительное دنيا (дөнья) образовалось на основе прилагательного женского рода в превосходной степени, означающего ‘ближайшая’, которому противопоставлялось слово *ахир* (‘следующий’). Второе прилагательное явилось основой слова *ахирәт* (‘тот мир’) татарского языка. В каком-то смысле выражение *теге дөнья* (тот мир) является неверным и противоречит самому себе, так как в самом слове *дөнья* заложено значение противоположное значению слова *теге.* В арабском языке слово *дөнья* имеет также значения ‘принадлежность к этому миру’, ‘светскость’, ‘погода’, ‘скончаться’, ‘мировой’, ‘светский, мирской, земной’ и входит в состав таких выражений, как на дворе зима, *на дворе светло, в глазах у него потемнело, ничего не случилось* [Баранов 1989: 264].

Из вышесказанного следует, что первоначальным значением слова, как в арабском, так и в татарском языках было религиозное значение ‘(ближайшая) мирская, земная жизнь’ в противопоставлении (следующему) бытию после смерти. И, по-видимому, таким оно вошло в лексику татарского языка. Это же значение указывается и в ‘Опыте словаря тюркских наречий В.В.Радлова [1963]. Автор приводит устойчивые выражения, являющиеся примером функционирования лексемы в этом значении, а также упоминает словосочетание *теге дөнья* (тот мир), определяя его как ‘будущяя

жизнь’. В Древнетюркском словаре [1969] наряду со значением ‘мир, свет’ даны значения ‘благо’, ‘имущество, богатство’, которые, по-видимому, также вошли в татарский язык из арабского. Арабско-татарско-русский словарь заимствований К.З.Хамзина [1965] переводит арабо-персидский дериват рассматриваемого слова *дөньядар* как ‘богатый, богач’. Остальные дериваты *дөньяви* (мировой, светский, мирской) и *дөньяпәрәст* (преданный мирским удовольствиям, жизнелюбивый) обнаруживают связь слова с первоначальным его значением. В словаре К.З.Хамзина указывается также на значение ‘множество’, используемое в татарском языке (в отличие от арабского). Дальнейшее развитие значений лексемы *дөнья,* характеризующее уже особенности мировосприятия самой татарской национальной языковой личности, поможет проследить подробный семантический анализ слова и построение структурно-семантической схемы полисемии слова.

В русском языке происхождение слова м*ир* связывают с обоими его омонимичными значениями (‘пространство’ и ‘согласие’). Как отмечает Ю.С.Степанов, концепт ‘Мир’ в древнерусской культуре восстанавливается как непосредственное продолжение архаического концепта ‘Мир’: пространство, сравнительно небольшое, ограниченное от остального мира, где живут ‘свои’, ‘мы’,‘наше племя’, ‘наш род’, где все люди ‘милы’ друг другу; где господствуют хорошие договорные отношения, лад, ‘мир’, покой; это место, где процветает ‘жизнь’, а может быть, где она была ‘зарождена’ [Степанов 1997: 99]. М.М. Маковский связывает происхождение слова мир в значении ‘вселенная’ со значениями ‘гнуть, резать’[Маковский 1989: 132].

М.Фасмер, обнаруживая корень *мир*-, означающий ‘мир, покой, согласие, свет’, во многих славянских языках (украинском, болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, польском), а также древне-литовском и латышском, связывает его с албанским *mirë* («хороший) древне-индийским *mitrás* («друг»). При этом этимолог отмечает, что значение ‘сельская община’ развилось из ‘мир, мирное сообщество’ [Фасмер1986: 626], из чего можно сделать вывод, что первоначальное значение слова *мир* сводится к понятию ‘наше племя, где царит покой и согласие’.

Английское слово *world* образовано из древнеанглийского *worold, woruld*, что означает ‘человечество, человеческое существование’. Это слово характерно для германских языков (голландский язык – *vereld, wereld,* немецкий – *welt*, старый норвежский – *verold*, старый фризский – *warld*). Прагерманское– *wer-ald (alt*) буквально переводится как эра человека. Компонент *wer* сохранился в таких словах как *virile* (зрелый, мужской) и *werewolf* (оборотень). Изначально данная лексема имела значение только ‘нашего мира, мира на земле’, но позже его значение расширилось до ‘вселенной’ [www.ru].

Таким образом, в татарском (арабском), русском и английском языках происхождение слов *дөнья, мир* и *world* имеют различные мотивационные признаки: если в татарском языке – это арабское заимствование, происхождение которого основано на религиозных понятиях, то в русском языке этимология слова *мир* базируется на житейских и бытовых представлениях людей, их образе жизни. В английском же языке в происхождении слова *world* переплетена понятийная триада человек –пространство – время.

Литература

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Около 42000 слов . 7-е изд., стер. М., 1989.

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2001.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. Т. III. Ч. 2. М., 1963.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. –М., 1997.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т.2. 2-е изд., стер. М., 1986.

Хәмзин К.З. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965.

Online etymology dictionary // URL: http://www.etymonline.com/ index.php?allowed_in_frame=0&search=world&searchmode=none (дата обращения: 13.03.13).

Г.Н.Мухарлямова
Институт развития образования Республики Татарстан (Казань)

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У ШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

В статье рассматривается проблема нарушений письменной речи у школьников в условиях татаро-русского двуязычия. Симптоматика дисграфии проявляется в стойких и повторяющихся ошибках в процессе письма. Это – искажения и замены букв, искажения звукослоговой структуры слова, нарушения слитности написания отдельных слов в предложении, аграмматизмы на письме. Все они требуют особого подхода в процессе их профилактики и преодоления, особенно при билингвизме.

Ключевые слова: особенности нарушения письменной речи, дисграфия, билингвизм, дефект, стойкие ошибки, лексико-грамматический строй языка.

Одна из целей общеобразовательной школы – это обучение школьников чтению и письму, от которого зависит, насколько они будут готовы освоить весь последующий учебный материал. В то же время в процессе освоения письма и чтения могут возникнуть определенные проблемы, в частности при билингвизме, когда ребенок не владеет достаточным уровнем речеязыкового развития, но должен научиться правильно писать на неродном ему языке, точно воспроизводя звуки на письме, верно согласуя между собой слова и правильно конструируя предложения.

Нарушения письменной речи называются дисграфией. Дисграфия – это частичное нарушение процессов письма. Симптомами дисграфии является «наличие стойких специфических ошибок, возникновение которых у учеников общеобразовательной школы не связано ни со снижением интеллектуального развития, ни с выраженными нарушениями слуха и зрения, ни с регулярностью школьного обучения» [Садовникова 1997: 3]. Поэтому мы полностью согласны с мнением И.Н.Садовниковой, что речь идет не о расстройстве, как таковом, а скорее о трудностях освоения школьниками письмен-

ной речи. Хотя дисграфия может сопровождаться и неречевой симптоматикой (неврологическими нарушениями, нарушениями познавательной деятельности, восприятия, памяти, психическими нарушениями).

Дисграфия в современной школе все больше становится актуальной проблемой, которую, как показывает практика, решать не спешат. С одной стороны, уже в начальной школе с детьми, у которых отмечаются те или иные нарушения в освоении письма учителя работать не любят, полагая, что в большинстве случаев такие дети необучаемые, невнимательные, беспокойные и ленивые. С другой стороны, они либо не осознают важность этой проблемы, не понимая, что в основе этих ошибок лежат более серьезные причины, либо не знают методику работы с такими детьми. Как результат, в старших классах у таких учащихся отмечается стойкая неуспеваемость, обусловленная различными нарушениями устной и письменной речи, в некоторых случаях отклонения в формировании личности ребенка.

По официальным данным среди учащихся общеобразовательных школ дисграфия встречается в 20% случаях. С каждым годом число учащихся с нарушением письма увеличивается, более того усложняется симптоматика и механизмы этого нарушения.

Учитель-словесник должен обратить внимание на то, когда ученик делает ошибки, связанные со звукопроизношением, смешивает и заменяет фонемы по акустико-артикуляционному принципу, обозначает мягкость согласных, пропускает буквы и слоги, не дописывает слова, пишет слова, предлоги, слитно, приставки пишет раздельно, допускает ошибки при оформлении предложений, а также случаются ошибки по оптическому и кинетическому сходству.

При дисграфии дети не употребляют заглавные буквы, а их диктанты пестрят ошибками. Учащиеся-дисграфики пишут диктанты неровно, медленно, в случае если они чем-то расстроены, то их почерк совершенно невозможно различить. Также и при самостоятельном письме дети употребляют краткие фразы с небольшим словарным набором. В то же время необходимо понять, что погрешности, которые были допущены из-за незнания правил грамматики, дисграфией не являются.

Учитель должен уметь своевременно распознать и понять характер речевого дефекта, обязан отправить учащегося к логопеду, который правильно определит основные методы обучения, его принципиальное направление.

В условиях двуязычия на возникновение дисграфии оказывают влияние и психологические трудности, и трудности формирования речи, и трудности обучения. В то же время к дисграфии приводит не столько психологический конфликт или аффективные нарушения, сколько особенности экспрессивной речи, развивающейся в условиях билингвизма и характеризующейся многообразными нарушениями: нарушениями произношения, несформированностью лексико-грамматического оформления и понимания речи.

Овладение языковыми обобщениями при двуязычии затруднено, ведь каждый язык характеризуется своей фонематической системой, определенными закономерностями грамматического строя. В связи с этим в процессе овладения устной речью языковые закономерности одного языка будут как бы вступать в противоречие с еще плохо усвоенными закономерностями другого языка. Так, в татарском языке в отличие от русского языка не существует понятия мягкости и твердости согласных звуков. Поэтому в татарском языке мягкий знак для обозначения мягкости согласных не

ставится: *гөл [гөл`], белгән [бел`гән]*. Соответственно, учащиеся могут “забывать” ставить мягкий знак и при письме на русском языке.

У детей-татар при освоении русского письма наблюдается много случаев неправильного согласования слов в словосочетании или в предложении в целом. Это связано с незнанием грамматических правил. Много проблем в этом плане возникает именно при обучении русской письменной речи детей-татар. Следует учесть некоторые моменты грамматики татарского языка, которые в той или иной степени имеют отличия от русской грамматики.

Первое, на что нужно обратить внимание отсутствие рода в татарском языке. Если на русском языке *красивый дом, красивая девочка, красивое платье, красивые дети***,** то в татарском языке прилагательные не изменяются ни по родам, ни по числам, и во всех случаях перед существительным будет стоять *матур*. Татароязычным детям в большинстве случаев очень трудно дается понимание этого момента, вследствие чего дети пишут *красивый девочка***,** или *красивая платье***.** Некоторые трудности доставляет и тот факт, что в татарском языке прилагательные не изменяются по падежам: *зур өй – зур өйгә* (*красивый дом – красивому дому*). Ребенок долго не может усвоить это правило, что в некоторых случаях может привести уже к стойким ошибкам и систематически повторяться.

Такие же трудности возникают в согласовании существительных и местоимений с глаголами. Например, *она знал, он показала, солнце вышла* и др. В 3-м лице множественного числа в в татарском языке окончание *-лар/-ләр* может опускаться, то есть можно сказать *алар баралар* и *алар бара*. Основываясь на это правило, татароязычный учащийся может применить его и в русском языке. Отсюда *они придет, дети говорит* и др.

Не следует забывать, что в татарском предложении иной порядок слов, здесь сказуемое всегда стоит в конце предложения. Поэтому дети-билингвы в русской устной и письменной речи говорят и пишут так, как в татарском языке. Например, *Я в шесть часов утром встаю*, вместо *Я утром встаю в шесть часов.*

У школьников-билингвов отмечается много ошибок на уровне слова. Тот факт, что в устной речи слова в синтагме произносятся слитно, на одном выдохе, а в письменной речи слова пишутся раздельно, вызывают определенные трудности в их письменной речи. Учащийся не может уловить и вычленить в речевом потоке устойчивые речевые единицы и их элементы, вследствие чего наблюдается слитное написание смежных слов или раздельное написание частей слова.

В большинстве случаев такие учащиеся слитно пишут предлоги, союзы с последующим и предыдущим словом. Это объясняется и тем, что в татарском языке нет предлогов, есть послелоги и частицы, которые стоят после слова. Дети-билингвы в большинстве случаев в русской письменной речи пишут их слитно: *ксаду – к саду, всад – в сад, березыи дубы – березы и дубы* и т.д. также может встречаться слитное написание двух самостоятельных слов: *весьдвор – весь двор, былавесна – была весна* и др.

Встречаются ошибки смещения границ слов, включающие одновременно слияние смежных слов и разрыв одного из них: *розывсаду розы в саду, време нинет – времени нет***.**

Ошибки допускаются и в случае, когда на стыке слов встречается одноименная буква, то есть учащийся на «общем» звуке переходит на следующее слово. Вследствие этого, как правило, пропускается часть первого слова: *идтиграть, труднобидеть – трудно обидеть.*

Также у большинства учащихся с нарушением письменной речи наблюдается раздельное написание частей слова, которые выражаются в случаях, когда при стечении согласных из-за их меньшей артикуляторной слитности происходит разрыв слова: *вер нул – вернул, се стра – сестра, од нажды – однажды*.

Следующий случай – когда приставка, а иногда начальная буква или слог в бесприставочных словах похожи на предлог, союз или местоимение: *и грать – играть, по вернул – повернул, с вернул – свернул, я блоко – яблоко*. И.Н. Садовникова считает, что в этом случае «имеет место генерализация правила о раздельном написании служебных частей речи» [Садовникова, 1997: 24].

Школьники-билингвы допускают значительные ошибки при словообразовании. Например, при образовании прилагательного от существительного: *день, когда идет дождь – дождевой день; цветок из бумаги – бумагный цветок и др.*

Несформированность языковых обобщений у детей-билингвов приводит к уподоблению различных морфем: *обклеил бумагый – обклеил бумагой.*

Встречающиеся обычно в начальной школе трудности членимости речевых единиц в тексте, у школьников-билингвов могут наблюдаться и в старших классах. Отсюда отсутствие заглавных букв, точек, например: *накраю города стоит домиклес ника многов нем разных чудес – На краю города стоит домик лесника. Много в нем разных чудес.*

Самое большое число ошибок у школьников-билингвов среднего звена наблюдается в нарушении связи слов согласования и управления: *большая светлая солнце – большое светлое солнце, птица прилетело – птица прилетела, бежит ручьи – бегут ручьи, море взволновалась – море взволновалось, многа снега – много снега.*

Очень много ошибок допускается в употреблении норм управления: *катался на лыжей – катался на лыжах, бежал за поездой – бежал за поездом, по лесным тропинком – по лесным тропинкам, вдоль лесу – вдоль леса, вернулся из школой – вернулся из школы.*

У школьников-билингвов в русской письменной речи достаточно много ошибок встречается в употреблении предлогов: предлоги могут пропускать или заменять: *пошли лес – пошли в лес, вернулись прогулки – вернулись с прогулки, вышел с комнаты – вышел из комнаты* и т.д.

Еще раз хочется подчеркнуть, что эти ошибки имеют стойкий характер, их можно устранить только в ходе особой логопедической работы.

Таким образом, дисграфия у школьников-билингвов имеет как универсальные, то есть типичные для дисграфии вообще, так и специфические черты. Преодоление дисграфии у детей-билингвов требует разработки особых методов и приемов дополнительно к тем, которые принято использовать при дисграфии у монолингвов. Не следует забывать, что успех билингвального обучения детей письму зависит от уровня развития у них, как неродного, так и родного языка.

Литература

Садовникова И.Н. Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников. – М., 1997.

А.Н.Набиуллина
Казанский федеральный университет (Казань)

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИЧЕСКОГО (на материале произведений Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Ф.Амирхана, Г.Исхаки)

В статье рассматриваются жанрово-стилистические особенности комического на материале произведений русских и татарских писателей. Выявляется универсальное и национальное в пониманиии комического, а также своеобразие творческой индивидуальности писателей: принципы художественного изображения, жанровая специфика произведений, особенности стиля. Сделан вывод о необходимости разграничения комического и смешного.

Ключевые слова: комическое; национальная специфика; смешное; ирония; смех.

Неоднозначное понимание комического обусловлено универсальным характером этой категории общечеловеческой культуры. В философии категория комического понимается как *культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное*. Комическое считается «логическим коррелятом трагического» [Сычев 2003: 66].

Комическое, как *эстетическая категория, включает в себя огромную градацию отношений – от дружественной улыбки над явлениями действительности – до злого, бичующего, беспощадного издевательства, иронии, насмешки над тем, что омерзительно, целиком неприемлемо, вызывает чувство вражды.*

По утверждению Борева – это определенная эстетическая ценность явления для человека и человечества. Смех – всегда реакция личная и не всегда общественная. «Эстетическая природа, социальный характер выделяют комическое из широкой сферы явлений, способных вызвать смех. Смешное шире комического. Комическое – прекрасная сестра смешного. Комическое порождает социально окрашенный, значимый, одухотворенный эстетическими идеалами, «светлый», «высокий» (Гоголь) смех, отрицающий одни человеческие качества и общественные явления и утверждающий другие» [Борев 1970: 10]. Кроме того, Борев находит комическое не только в литературе, но и в музыке, изобразительном искусстве, критике, таким образом, обобщая феномен комического как категории эстетики в целом.

А.Бергсон рассматривает комическое как *социальное явление.* Согласно его воззрениям, смех и юмор могут быть поняты только в рамках самого общества, так как не существует комического вне собственно человеческого.

В отечественном литературоведении сложились иные подходы к пониманию категории комического.

По мнению Тюпы комическое – это *«модус художественности* – всеобъемлющая характеристика художественного целого» [Тюпа 1999: 469]. Наряду с героикой, трагизмом, элегизмом, драматизмом и другими модусами художественности, Тюпа выделяет *сатиру* (недостаточность внутренней данности бытия «Я» относительно его

внешней заданности –виртуальной границы)*, комизм* (дивергенция внутренней данности бытия и его внешней заданности – виртуальной границы) *и иронию* (дивергенция внутренней заданности бытия и его внешней данности).

Как вид пафоса определяет комическое и отмечает его разновидности – *юмор, сатиру и иронию*, которые базируются на общей основе комического.

Определенные сложности для типологии, по мнению Есина, вызывает разграничение сатиры и юмора, так как сатира появляется в том случае, если её объект осознаётся автором как противоположный идеалу. В связи с этим, сатира направлена на те явления, которые препятствуют установлению идеала.

Я.Е.Эльсберг определяет сатиру как «особый идейно-художественный принцип изображения действительности», особый род, но говорит о сатире именно как о пафосе, как о стороне содержания художественного творчества. «Гоголь и Щедрин видели в юморе и смехе, то есть в умении найти комическое и выставить его на осмеяние, важное и даже отличительное оружие сатирика... Сатирические характеры во всем их индивидуальном своеобразии и типическом значении были сотворены художниками благодаря присущему им чувству юмора, умению схватывать черты комического» [Эльсберг 1957: 155].

В отличие от русской, татарская комедиография имеет свои особенности. Подход к комическому в татарской литературе можно рассматривать сквозь мировоззренческую концепцию единства мира, сложившуюся благодаря особому внутреннему миру мусульманского человека, характеризующегося замкнутостью, подчинением традициям, особой эстетикой восприятия мира.

«Анализируя характерные для человека восточного типа культуры черты отношения к миру, ученые обращают внимание на потребность уйти в себя, созерцать окружающий мир, не отделяя себя от него, исходящие изнутри состояние успокоенности, наслаждение самой жизнью, такой, какая она есть, попытку найти гармонию и равновесие путем установления тесных уз с историческими традициями, доверие интуиции» [Аминева 2010: 45].

Г.Сагди рассматривает татарскую литературу как сложный и оригинальный процесс, эволюцию которого можно проследить в рамках татарской социокультурной жизни. Представление о том, что татарская литература данного времени была подлинно народной и самобытной по форме и содержанию, национальной по своему характеру подвело Г.Сагди к мысли о самобытном развитии татарской литературы, где литературный процесс рассматривается в связи с эволюцией общественной мысли, языка, просвещения, религии и науки.

В.Ф.Макарова прослеживает зарождение и художественное своеобразие татарской смеховой прозы начала XX в., выделяет средства сатирического изображения действительности и утверждает, что основные аспекты развития комического в татарской литературе в начале XX в. корнями восходят к народному смеху. Смех в произведениях татарских писателей, по мнению В. Макаровой, «развивался в рамках утверждения или осуждения тех или иных человеческих качеств, в свете нравственных канонов ислама» [Макарова 2011: 120].

В отличие от западного мышления с присущими ему процедурами абстрагирования и обобщения, отличительными чертами классической арабской культуры являются конкретное мышление и интерес к каждой отдельной ситуации как самоценной и несущей общую идею. Эти выводы находят подтверждение в трудах известных востоковедов, анализирующих сатирические стихи древних арабов: они «сугубо конкретны, … направлены всегда против определенного лица, племени, рода и обвиняют в двух стандартных пороках – скупости – трусости – противоположности традиционных добродетелей – щедрости и доблести» [Шидфар 2011: 119].

Таким образом, факторами, обуславливающими вариативность категории комического, являются: особенности восприятия мира, национальное самосознание, сложившийся жизненный уклад и традиции, культура и поведение в обществе. Эти факторы во многом зависят от религии. Подобно тому, как русская литература тяготеет к православию и продолжает традиции древнерусской литературы, татарская литература связана с исламом и исламской литературой. Следствием этого является особенное отношение к действительности, отражающееся в специфике национального мышления. Следовательно, одно и то же явление может восприниматься носителем того или иного национального самосознания по-разному, следовательно, категория комического может быть использована в качестве параметра сопоставительного изучения творчества писателей, принадлежащих к разным национальным литературам.

Комическое в художественном тексте выявляет то общее, *универсальное,* что объединяет писателей, представляющих разные национальные литературы. В то же время, эта категория позволяет рассматривать произведения искусства в адекватной им системе эстетических координат: с точки зрения проблематики, развития сюжета, своеобразия конфликта, пространственно-временной организации текста и др.

Комическое в произведениях Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Ф.Амирхана и Г. Исхаки выполняет культурологическую, психологическую, характерологическую функции.

В «Миргороде» и «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя и в произведениях Ф.М. Достоевского «Бедные люди», «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Сон смешного человека» комическое представлено иронией, юмором и сарказмом. Через виды комического раскрывается как типическое, так и индивидуальное в характерах героев.

В произведениях Ф. Амирхана и Г. Исхаки комическое также представлено иронией, юмором и сарказмом и выполняет сходные функции социальной типизации и психологической индивидуализации характеров.

С помощью комического обнаруживается пошлость, безнравственность, бездуховность реальной жизни. Таким образом, комическое выступает тем аксиологическим фоном, на котором разворачивается трагедия человеческой жизни.

Реализация категории комического в произведениях писателей имеет ярко выраженную *национальную специфику.*

Результат сравнительного анализа произведений русских писателей Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского и татарских писателей Ф.Амирхана и Г.Исхаки в аспекте интерпретации категории комического выявляет особенности творческой индивидуальности писателей. Для творческой манеры Н.В.Гоголя характерно умелое использование комических

деталей для изображения истины жизни. Новаторство писателя выражено в принципе изображения действительности, называемом «смех сквозь слёзы», который реализуется через сочетание противоположных начал: низкого и высокого, смешного и трагического. Этот принцип позволяет изобразить жизнь, полную драматизма, в эпической целостности. Гоголевский смех носит обличительный характер, обладает разрушительной силой и заставляет задуматься над жизнью и тем самым вызывает слезы. Гоголевские слезы – это слезы осознания пошлости жизни, ее никчемности и безнравственности.

Ф.М.Достоевский, будучи преемником традиций Н.В.Гоголя, еще больше расширяет тему комического в своем творчестве, придает смеху не только обличительный характер, но и делает его средством понимания жизни. Если у Гоголя смех – это реакция живого, умного, понимающего всю трагичность жизни человека, то у Ф.М.Достоевского смех – это мера самого человека. Смех у Достоевского наделяется оттенком истинности, только с помощью него возможно «очистить» и найти правду жизни. К тому же, в творчестве Ф.М. Достоевского комическое сочетается с трагическим, выступает фоном для изображения трагедии человеческой жизни, несоответствия идеала и действительности.

В целом для творчества русских писателей – Н.В.Гоголя и Ф.М.Достоевского характерен трагикомический пафос, предполагающий наличие и смеха и печали.

Сравнительный анализ произведений татарских писателей Ф.Амирхана и Г.Исхаки, позволил выявить некоторые особенности функционирования комического в татарской литературе этого периода. В произведениях Ф. Амирхана существует неотделимость комического от трагического. Синтез двух противоположных начал приводит к появлению в повествовании экзистенциального смеха как средства переосмысления субъектом сознания окружающей действительности. Чаще всего это происходит в переломный для судьбы героя момент, когда он может оказаться в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Амбивалентная природа экзистенциального смеха позволяет писателю многогранно осветить ту или иную проблему, показать с разных сторон психическую реакцию героя на происходящие события. Такого рода смех позволяет осуществить запечатление глубокого эмоционального и духовного измерения современного писателю человека, изобразить психологическую ситуацию, в которой он находится, выразить уникальные психологические трудности, с которыми он сталкивается.

У Г. Исхаки трагическое и комическое не сочетаются, а лишь переходят друг в друга. Переходы между комическим и трагическим в повествовании сопровождаются наличием метафизической иронии (иронии судьбы) и экзистенциального смеха, что разрушает связь комического и смешного.

Метафизическое начало иронии в творчестве писателя предполагает понимание основ мира, первоначальной природы и бытия как такового. Эта ирония, понимается нами в творчестве писателя как величина бесконечного и абсолютного отрицания действительности. В силу существования некого высшего начала – судьбы – ирония у Г. Исхаки связана с предопределенностью. Часто эта ирония переходит в самоиронию, и герои оказываются в ситуации отрицания самих себя в существующей действительности.

Таким образом, в творчестве татарских писателей существуют экзистенциальный смех и метафизическая ирония, разрушающие связь смешного и комического. Различные эмоций и переживания, которые испытывают герои в произведениях татарских прозаиков, полны драматизма. Горечь, боль, невозможность изменить несовершенный мир делают героев носителями не трагикомического, а скорее, трагического пафоса. Комическое несоответствие, показанное в произведениях, является лишь фоном, усиливающим драматизацию событий.

Своеобразие творческой индивидуальности писателей определяется принципами художественного изображения, жанровой спецификой произведений, особенностями стиля.

Доминирующим приемом создания комического у Н.В.Гоголя и Ф.Амирхана является детализация, с помощью которой писатели обнаруживают действие закона несоответствия – главного принципа комического. Преимущественно детализация используется при описании быта и портретных характеристик героев. Посредством деталей создается особая пространственно-временная картина мира, отражающая как особенности творческого мышления каждого из писателей, так и передающая черты характерного для них специфично национального восприятия жизни.

В произведениях Ф.М.Достоевского и Г.Исхаки, в которых доминирует эпическое начало, изобразительность преобладает над выразительностью. Оба писателя стремятся к широкому объективному изображению действительности. Для достижения комического эффекта Ф.М.Достоевский и Г.Исхаки активно используют речевые средства: эпитеты, алогизмы, диалоги, авторские комментарии, риторические вопросы, восклицания, ритмизацию текста. С помощью данных средств писателям удается достичь комического тона повествования в целом.

Таким образом, комическое, представленное в татарской литературе репрезентирует экзистенциальный смех и метафизическую иронию, которые разрывают связь комического с традиционно смешным, нарушают логическую корреляцию категории комического с трагическим, и это позволяет выявить необходимость разграничения комического и смешного.

Литература

Аминева В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). Казань, 2010.

Борев Ю.Б. Комическое. М., 1970.

Макарова В.Ф. Особенности становления татарской смеховой прозы//Вестник Удмуртского университета. 2011. №4. С.120-127.

Сагди Г.Г. История татарской литературы. Казань, 1926.

Сычев А.А. Природа смеха, или философия комического. М., 2003.

Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI – XII вв.). М., 2011.

Эльсберг Я.Е. Вопросы теории сатиры. М., 1957.

А. А. Намдакова
Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОВЛАДЕНИЯ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ В МНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов просодической интерференции в условиях аудиторного многоязычия, которое характеризуется взаимодействием трех языков с разными просодическими системами. Рассмотрены случаи проявления интерференции на уровне интонации в речи учащихся-билингвов, носителей бурятского и русского языков, изучающих в качестве иностранного английский язык, на материале повествовательных предложений и специальных вопросов.

Ключевые слова: многоязычие, билингвизм, просодия, интерференция, мелодика речи

На протяжении уже более века проблема изучения языковой интерференции в процессе овладения вторым языком является объектом лингвистических исследований. Однако, в течение последнего десятилетия, повышенный интерес проявляется в отношении недостаточно изученной области – взаимодействие трех и более языков в лингвистическом сознании индивидуума. Существует позиция, что в рамках лингвистических исследований должна закрепиться многоязычная личность, а само понятие многоязычия должно рассматриваться как принцип, неразрывно связанный с представлениями о национальном самосознании и культурном многообразии.

В современных условиях профессиональное изучение иностранных языков требует от обучающихся достижения высочайшего уровня использования всех языковых ресурсов – грамматических, лексических и фонетических для овладения общелингвистической компетенцией, составной частью которой является фонологическая компетенция [Медведева 2013 : 256]. Фонологическая компетенция включает в себя знания о произносительной специфике иностранного языка (звуки, просодия, акцентно-ритмическая организация слова и фразы и т. д.), а также умения и навыки применения этих знаний в реальной ситуации общения с учетом факторов социальной среды.

Изучение специальной литературы по интересующей нас проблеме дает нам возможность говорить о том, что просодическая интерференция является не менее значимой, чем лексическая, грамматическая и другие ее виды. Правильное просодическое оформление высказываний на английском языке чрезвычайно важно для студентов, поскольку интерференция родного языка не только создает в речи сильный иностранный акцент, но и может искажать семантическое значение высказывания. Кроме того, распознать конкретные эмоции, связанные с содержанием высказывания, практически невозможно без владения просодической системой изучаемого языка.

По мнению лингвистов, важным средством предупреждения интерференции на просодическом уровне является сопоставление основных просодических моделей родного и иностранного языков, нахождение и описание их общих и специфических черт.

Это является важным шагом в исследовании интерференции, однако известно, что не все потенциальные формы интерференции реализуются.

Английский, бурятский и русский языки относятся к «нетональным» языкам, но относятся к различным языковым группам: английский – к группе германских языков, русский – к группе славянских, а бурятский – к северно-монгольской группе монгольских языков. Таким образом, мы можем говорить о генетически обусловленных типологических различиях в просодических системах трех языков.

В ходе нашего эксперимента были отобраны дикторы, в равной степени владеющие двумя языками – бурятским и русским – и изучающие английский язык как иностранный. Анализ проводился на материале аудиозаписей чтения англоязычного текста двумя группами дикторов: носителями нормативного варианта английского (группа RP) и бурятско-русскими билингвами (группа B). В рамках настоящей статьи рассматриваются случаи употребления многоязычной личностью интерферированных просодических конструкций в оформлении английского повествовательного предложения и специального вопроса.

В ходе аудиторского анализа мы определяли направление движения тона во фразе, тип терминального тона, затем вычислялась частотность использования определенных шкал и конфигураций тона у каждого информанта, после чего выводились среднегрупповые результаты в процентном соотношении.

Полученные результаты подтверждают общеизвестное положение о том, что нисходящее движение тона является одним из самых характерных в оформлении повествовательных и вопросительных предложений носителями английского языка. Что же касается особенностей мелодики речи в группе бурятско – русских билингвов, то характерным в данном случае является преобладание волнообразных и ровных шкал по отношению к ступенчатой, что доказывает факт проявления просодической интерференции родного языка в иноязычной речи. Частотность употребления ступенчатой нисходящей шкалы в реализации группы дикторов – носителей английского языка (51%) в 3,5 раза выше, чем в группе бурятско – русских билингвов (15%). При этом преобладание процента употребления волнообразной шкалы в 2,5 раза также наблюдается в группе бурятско – русских билингвов (50%). Аналогичная ситуация отмечена в частотности употреблении ровной шкалы в английских повествовательных предложениях, реализуемой бурятско – русскими билингвами (35%).

Эксперимент показал, что как русскоговорящие монолингвы, так и бурятско – русские билингвы зачастую не справляются с правильным интонированием постепенно нисходящей шкалы. Вместо того, чтобы произносить каждый ударный слог с ровным тоном, а каждый следующий за ним безударный на том же уровне, что характерно для носителей английской нормированной речи, они произносят каждый ударный слог с повышением тона, а на следующих за ним безударных слогах продолжают повышение тона.

Следует отметить, что интонационный рисунок английской постепенно нисходящей шкалы, подвергшийся интерференции со стороны бурятского и русского языков, во многом соответствуют интонационному рисунку, характерному для скандентной либо для

волнообразной шкалы. Данный тип шкалы является весьма типичным для английской эмфатической речи. Следовательно, интерференция на уровне шкалы, изменяя эмоциональную сторону высказывания, может затрагивать его смысловую сторону.

В ходе нашего экспериментального исследования мы рассмотрели особенности употребления терминальных тонов в английских повествовательных и вопросительных предложениях, а также выявили наиболее типичные случаи проявления интерференции в оформлении терминальных тонов в реализации иноязычных дикторов.

Итак, как известно, *низкий нисходящий тон (Low Fall)* в английском языке является типичным тоном в оформлении повествовательных неэмфатических предложений [Антипова 1985: 42]. К характерным особенностям нисходящего тона в английском языке относится резкое понижение тона на последнем ударном слоге, он достигает самого низкого уровня диапазона говорящего. Что касается бурятского и русского нисходящего тона, данный мелодический рисунок для них не является характерным, поскольку движение тона в шкале восходяще-нисходящее, и интервал изменения тона на последнем ударном слоге недостаточно большой. Кроме того, высота тона ударного слога не достигает нижней границы диапазона. Интерференция русского и бурятского языков в воспроизведении нисходящего тона иноязычными группами дикторов придает английскому интонационному контуру недостаточно ярко выраженное завершение.

Результаты нашего анализа также выявили типичные отклонения в оформлении перечисления в реализациях иноязычных дикторов. Нормативным интонационным оформлением данного типа структуры в английском языке считается употребление первого члена со средним нисходящим тоном (Mid Fall), второго члена – с низким восходящим тоном (Low Rise). В русском языке картина прямо противоположная: первый элемент произносится с повышением тона (ИК-3,4), а второй элемент – с понижением тона (ИК-1,2). Как показал наш эксперимент, оформление двучленных перечислений бурятско-русскими билингвами практически не отличается от оформления одночленных предложений при помощи восходящего тона (ИК-3).

Помимо проявления интерференции русской и бурятской ИК-3 в нефинальных синтагмах, данный тип интерференции также встречается и *во вводных словах и структурах в начале предложения*. Для английского языка наиболее типично употребление в этих структурах низкого восходящего (Low Rise) и нисходяще-восходящего (Fall-Rise) тонов, которые значительно отличаются от ИК-3, поэтому интерферирующее влияние в данном случае является особенно явно различимо на слух.

Наш эксперимент также выявил случаи интерференции *во вводных словах и структурах в середине предложения*. Между английским, русским и бурятским языками существует принципиальное отличие в оформлении парентетических внесений в данной позиции. Если в английском языке они присоединяются к предыдущей синтагме и оформляются как ее постцентровая часть, то в бурятском и русском языке они, как правило, выделяются в отдельную синтагму с собственным интонационным центром [Бураев 2004 : 97].

В ходе исследования вопросительных предложений были рассмотрены случаи употребления многоязычной личностью интерферированных просодических конструкций в оформлении английского специального вопроса. Имеются существенные различия в интонационных системах трех языков: если наиболее характерным в английском

языке является Low Fall в оформлении специальных вопросов в нейтральной речи, то для бурятского и русского языков характерны иные интонационные контуры. В бурятском языке интонационный центр располагается на вопросительном слове, которое произносится восходящим тоном. Дальнейшее направление движения ЧОТ нисходящее (бурятская ИК-2). В русском языке в специальных вопросах также употребляются контуры с нисходящей мелодикой – русская ИК-2, которая характеризуется наличием интонационного центра на ударном гласном первого слова и ровным или нисходящим движением тона.

Анализ исследуемого материала показал, что влияние раннее усвоенных языков в интонационном оформлении специального вопроса группой дикторов-полилингвов проявляется в нарушении диапазона речи. В данной группе наблюдается недостаточно большой интервал изменения тона на ударном слоге, и вместо постепенного и полного понижения высоты тона наблюдается недостаточно ярко выраженное завершение. К тому же высота тона ударного слога не достигает нижней границы диапазона голоса. Исследование диапазона ЧОТ, который называется одним из главных показателей идентификации речи, показало, что диапазон, которым характеризуется речь носителей английского языка намного шире, чем у группы полилингвов (RP – 250 Hz, B – 156 Hz). Нормативное английское произношение требует реализации специального вопроса в пределах высокого начала первого ударного слога и широкого мелодического диапазона, о чем свидетельствуют полученные нами показатели, представленные в таблице. Сужение диапазона речи, в свою очередь, изменяет эмоциональную окраску, а именно, привносит оттенок недоверия.

Как отмечалось выше, как в английском, так и в бурятском и русском языках в специальных вопросах используются конструкции с нисходящей мелодикой. Однако в бурятском ИК-2 происходит повышение тона на вопросительном слове. Эксперимент показал, что замена Low Fall на ИК-2 в вопросах данного типа является весьма распространенным.

Кроме того, во время эксперимента были выявлены случаи интерференции второго (неродного) языка при оформлении английских специальных вопросов, а именно, использование вместо английского Low Fall русской ИК-2. Данный тип интерференции характеризуется заменой контура, которая нередко сопровождается изменением места центра контура. В английском вопросе этого вида движение тона происходит на последнем ударном слоге. В русском языке – на вопросительном слове. Интерференция в данном случае приводит к усилению иноязычного звучания, к тому же эмфатически выделяет вопросительное слово, что не входит в коммуникативное намерение говорящего.

Следует также отметить, что при интерференции бурятской и русской ИК-2 проявляются также особенности ИК-1, поскольку по характеру движения тона эти контуры имеют много общего. Оформление Low Fall в центре контура характеризуется недостаточно глубоким падением. Также наблюдается интерференция на уровне шкалы, вызванная трудностями интонирования английской постепенно понижающейся шкалы, используемой в специальных вопросах. Бурятская ИК-1 характеризуется восходяще-нисходящим движение тона в предцентровой части высказывания. Что же касается русской ИК-1, то здесь движение тона ровное, а на гласном центра тон понижается. В этом

случае движение тона в предцентровой части контура близко к английской скандентной шкале. Кроме этого, ровная шкала используется в английском языке в высоко эмоциональной речи, когда говорящий хочет выделить конечное ударное слово. Данные типы шкал придают высказыванию эмфатическую окрашенность, а следовательно, в нейтральной речи, как правило, не используется.

Исходя из результатов данного исследования, мы можем сказать, что преодоление интерференции родного языка (или двух языков) в специальных вопросах должно основываться на освоении правильного интонационного оформления английской постепенно понижающейся шкалы и движения тона в центре контура. При этом особое внимание должно уделяться правильному выбору местоположения центра контура и оформлению терминального тона.

Обучение иноязычной речи в данной связи является непростой лингводидактической задачей, поскольку, во-первых, неизменно сопровождается акцентно-мелодическими искажениями английской речи билингвов, вызванных наложением трех просодических систем контактирующих языков, и, во-вторых, требует от преподавателя пересмотра образовательных стратегий, нацеленных на учет возможных интерферирующих факторов при обучении иноязычной интонации в лингвистически неоднородной аудитории [Бабушкина 2013: 14].

Литература

Антипова А.М. и др. Пособие по английской интонации /А.М. Антипова, С.Л. Каневская, Г.А. Пигулевская. М., 1985.

Бабушкина Е.А. Особенности изучения английской интонации в лингвистически неоднородной аудитории // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. М., 2013. Вып.(1) 580. –С. 9-16

Бураев И. Д. Акцентно-интонационная система бурятского языка. Улан-Удэ, 2004.

Медведева Т.В. Фонологическая компетенция как условие успешной межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. М., 2013. Вып.(1) 580. С. 255-264.

Л.М.Насибуллина
Гимназия №17 (Казань)

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ (на примере изучения темы “Глагол”)

В статье рассматриваются некоторые проблемы повышения качества обучения, особое внимание уделется формированию орфографической зоркости и пунктуационной грамотности учащихся при изучении темы «Глагол».

Ключевые слова: уровни сопоставления, глагол, наклонение глагола.

Сопоставительное обучение как одно из инновационных направлений совершенствования обучения, используется, как правило, в предметах близких или содержанием, или объектом изучения. Известны сопоставительные уроки между двумя учебными предметами, такими как биология и химия, литература и история, физика и математика, а также между несколькими предметами.

Можно выделить несколько уровней сопоставления:

1) начальный, объединяющий элементарные знания о предмете познания;

2) промежуточный – сопоставление знаний раздела, тем по предметам;

3) заключительный – сопоставление на завершающем этапе обучения в связи с изучением теории по отдельным предметам.

Учителя гуманитарного цикла Татарской гимназии №17 имени Г.Ибрагимова ведут работу по реализации сопоставительных связей русской и татарской филологии. Совместная работа началась с ознакомления содержания программы сопоставляемых учебных предметов, составом и структурой знаний. Сразу возникли объективные трудности: программы совершенно разные, не совпадают по времени изучения разделы грамматики и синтаксиса. Если, например, обучение «Фонетики» и «Морфологии» (как и других разделов русского языка) на уроках русского языка происходит линейно – ступенчато и продолжается с 5-го по 7- е классы, то на уроках татарского языка «Фонетика» изучается только в 5-м классе, а «Морфология» полностью в 6-м классе. На изучение «Глагол» на уроках русского языка было отведено 14 часов + 4 часа на развитие речи: всего 18 часов, а на уроках татарского языка – 40 часов!

В конце изучения темы учащиеся должны были показать свои знания, умения и навыки не только по результатам контрольной работы, но и в своих творческих работах: сочинениях – описаниях по картине Е.А. Симбирина «Поэт Г.Тукай», как итог работы над лексической темой раздела «Г. Тукай – певец татарского народа».

Основной акцент было решено сделать на те грамматические признаки глагола, которые присутствуют в обоих языках:

– наклонения глагола;

– переходность – непереходность;

– спряжение.

Например, тема «Наклонения глагола» и в русском, и татарском языках глагол имеет категорию наклонения:

изъявительное наклонение – хикая фигыль,

условное – шарт фигыль,

повелительное – боерык фигыль.

Изучение данной темы (и вообще темы «Глагол») на уроках татарского языка началось раньше, и это позволило ученикам-татарам более уверенно приступить к его освоению. Обучение началось со сравнительно-сопоставительного анализа изъявительного наклонения в обоих языках. Были предложены вопросы:

1) Что обозначают глаголы в изъявительном наклонении в обоих языках?

2) Как они образуются?

3) Какие морфологические признаки имеют?

4) Синтаксическая роль в предложении?

В ходе работы использовалась таблица:

Хикая фигыль	**Изъявительное наклонение**
1.Значение Обозначает действие, которое происходит в настоящее время, происходило в прошедшем, будет происходить в будущем: ***Бара – барды – барыр. Идёт – шёл - пойдёт***	
2. Способы образования При помощи окончаний и суффиксов: ***- ам, - асын, - а, - абыз, - асыз, -алар; -у, - ёшь, -ёт, - ём, -ёте, -ут(-ют);*** ***- дым, - дын, -ды, - дык, - ыгыз, - ылар; - л(а, о, и);***	
3. Морфологические признаки Число, переходность – непереходность, время, спряжение: **Играет на скрипке (скрипкада уйный) – глагол ед. ч., непер., наст. вр., 1-го спр.**	
4. Синтаксическая роль в предложении ***Сказуемое Сказуемое***	

В трудных случаях, опираясь на составленную таблицу, учащиеся безошибочно могли определить морфологические признаки (время, спряжение, число) и личные окончания глаголов, их синтаксическую роль в предложении. А знание и понимание лексического значения определенного глагола (перевод с русского языка на татарский и наоборот) способствовало повышению орфографической зоркости и пунктуационной грамотности учащихся.

Итоговая контрольная работа по теме «Глагол» показала, что качество знаний по изученной теме возросла с 52% до 58% (+ 6% – это неплохой результат) при 94% успеваемости. А в грамматическом задании 84% качества при 100% успеваемости.

Во время анализа контрольных работ и работы над ошибками, учащиеся-татары подчёркивали, что им легче было воспринимать и изучать тему «Глагол», опираясь на полученные знания по родному языку через сравнительно – сопоставительный анализ изучаемых категорий.

Применение различного уровня сопоставления (начального, промежуточного, заключительного) позволяет учащимся качественно усвоить теоретический материал по предмету и хорошо закрепить его на практике.

Следовательно, сопоставление является средством повышения успеваемости и качества обучения при изучении русского языка посредством сравнительно – сопоставительного анализа категорий, присутствующих в обоих языках (русском и татарском).

Литература

Байрамова Л.К. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань, 1997.
Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика: Учеб. пособие. Воронеж, 2007.
Цалиуллина З.М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Словообразование и морфология /Под ред. М.З.Закиева, Л.З.Шакировой. Казань, 1983.

С.П.Никифорова, В.Г.Фатхутдинова
Казанский федеральный университет (Казань)

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на материале газетного медиатекста рассматривается проблема интеграции функциональных стилей современного русского языка, возможности контаминации языковых ресурсов при создании речевых произведений определённых жанров.

Ключевые слова: функциональная стилистика, функциональный стиль, медиатекст, публицистика, жанр.

При описании функциональных стилей русского языка лингвистическая стилистика опирается на следующие общепринятые положения: 1) стилевая дифференциация литературного языка – явление исторически обусловленное и изменчивое; 2) дифференциация литературного языка на стили вызывается функциональной целесообразностью: отбор, комбинирование, объединение языковых средств в одну стилевую систему зависят прежде всего от того, в какой сфере общественной деятельности происходит общение; 3) стилевая система обладает относительной замкнутостью.

Предметом нашего исследования стали факты интеграции и взаимопроникновения функциональных стилей русского языка, а именно контаминация языковых средств и стилистических ресурсов в пределах одного текста.

Под функциональным стилем в работе понимается «исторически сложившаяся к данному времени в определенном языковом коллективе разновидность языка, представляющая собой относительно замкнутую систему языковых средств всех уровней, которая регулярно функционирует в определенной сфере общественной деятельности» [Крылова 2006: 50], ср. другое определение: «Стиль – это разновидность языка-речи, относительно замкнутая система, которая служит целям общения людей в той или иной сфере их деятельности» [Бондалетов 1982: 184].

Как известно, любой жанр состоит из текстов (высказываний), соотносимых с определенным актом речи. Каждый текст на основе содержания, структурно-композиционного оформления и характерных языковых особенностей можно соотнести с определенным стилем и подстилем.

В современной лингвистической литературе распространены три понимания термина «текст»: 1) как высший уровень языковой системы (собственно лингвистический аспект), где текст рассматривается как единица языковой системы; 2) как область функционирования языка, его использования в речи, т.е. как единица речи (что позволяет использовать номинации «речь» и «текст» в качестве синонимов); 3) как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью, предназначенная для передачи замысла в процессе общения посредством текстов. «Текст, являясь продуктом речемыслительной и коммуникативной деятельности, в то же время в свернутом виде содержит динамику своего развертывания, почему и может служить объектом изучения его порождения и интерпретации рядом научных направлений языкознания, в том числе и функциональной стилистикой» [Котюрова 2010: 33].

В функциональной стилистике текст соотносится с широким контекстом, или его экстралингвистической основой: выявляется коммуникативная целесообразность использования языковых ресурсов в той или иной сфере и ситуации общения, устанавливается соответствие их целевой установке говорящего и т.п., иначе говоря, осуществляется выход во внешнюю среду вплоть до широкого социокультурного контекста, т.е. за рамки языковой системы. В целом можно констатировать, что только в тексте происходит материализация, воплощение стилистических ресурсов русского языка с учетом соответствия формы содержанию, целям, условиям, в которых осуществляется данный акт речи. Поэтому материальной единицей стилистической структуры языка является отдельное речевое произведение.

Несмотря на то, что функциональный стиль определяет общую установку на отбор и организацию речевых средств, каждый текст индивидуален в большей или меньшей степени. Текст отражает характер личности автора, поскольку в конечном счете только говорящий решает проблему выбора языковых средств из ряда возможных. Основная часть текстов, особенно публицистического стиля, несет печать индивидуальности их авторов.

Для каждого стиля характерен определенный набор языковых средств с однотипной стилистической и функционально-стилевой окраской, а также наличие межстилевых (нейтральных) языковых средств. В то же время стили разграничены не только наличием определенных особенностей (стилеобразующих черт), но и невозможностью включения в каждый стиль таких элементов, которые ему «не дозволены» [Бондалетов 1982: 185].

Действительно, функциональные стили по ряду признаков неоднородны, но в то же время находятся между собой в отношениях большей или меньшей близости. Они не являются замкнутыми системами, каждый стиль в определенных пределах допускает взаимопроникновение языковых элементов. Анализ газетного медиатекста показал, что для современного русского языка характерна ***интеграция функциональных стилей*** и взаимодействие их языковых ресурсов. «…Соединение элементов из различных стилей – это свойство речи, свойство многих речевых стилей, которые в других сферах общественной деятельности обнаруживают аналогичное свойство: проникновение элементов из одних подсистем литературного языка в сферу функционирования элементов из другой подсистемы в целях усиления экспрессии» [Крылова 2006: 163].

Показатели нескольких стилей могут сосуществовать в одном тексте, образуя смешанные стилевые жанры. В настоящее время получил бурное развитие жанр научно-популярной публицистики, в частности, на медицинские темы. В качестве примера приведем следующий отрывок из текста об оказании первой медицинской помощи при отморожении:

*Россия – место холодное, так что **одна из угроз** для русского человека –**обморожение**. Сталкивались с ним почти все – уши и нос становятся белыми, **теряют чувствительность**, но если их потереть руками или снегом, быстро краснеют, а потом приходит боль. Почему так больно-то? Да потому, что наш **организм** (уж простите за упрощение) – это система **трубочек** и **проводочков**, где первые – **кровеносные сосуды**, а вторые – **нервные окончания**. На морозе **трубочки** замерзают, кровь по ним не **циркулирует** (отсюда белый цвет), **проводочки дубеют**, и все это становится хрупким. А мы начинаем растирать. И **крушим-ломаем** меленькие*

трубочки-проводочки, ***нанося*** *организму серьезный* ***ущерб*** [режим доступа:http:www.fishki.net].

В данном тексте нами выделены лексические единицы, употребляемые преимущественно в научном, публицистическом и обиходно-разговорном стиле.

Можно сказать, что в публицистическом стиле наблюдается экспансия всех стилей, в том числе и разговорного. С точки зрения межстилевой интеграции наиболее проницаемым, по мнению ученых, в современном русском языке оказывается публицистический стиль, менее проницаемым – официально-деловой. Е.Ю.Скороходова так пишет об этом: «публицистический стиль, утратив идеологический и агитационный пафос, растворяется в рекламе, просторечии, общем жаргоне, деловой документации или научном (научно-популярном) изложении. Те факторы, которые прежде обеспечивали его целостность (единая идеология, цензура и автоцензура, строгая система жанров) в настоящее время теряют свое влияние на язык современных средств массовой информации» [Скороходова 2006: 103].

Казалось бы, текст, совмещающий несколько функций одновременно, можно отнести сразу к нескольким стилям. Однако, рассматривая стилистическую окраску языковых единиц в их соотнесенности с функциональными стилями, можно говорить лишь об ограниченном или преимущественном использовании тех или иных стилистически окрашенных языковых средств в том или ином функциональном стиле. Кроме того, следует учитывать, что содержательную направленность стиля обусловливают прежде всего тематически ограниченные группы слов. Таким образом, классификация стилей, основанная на функциях языка, оказывается недостаточно строгой и четкой.

Итак, функциональные стили – наиболее общая дифференциация языка, позволяющая обобщить все его частные проявления в зависимости от условий общения. Традиция в отборе и комбинировании языковых средств связывает определенный стиль с определенной сферой деятельности человека. Фактор функционирования языка, на основе которого выделяются функциональные стили, позволяет обосновать определенные закономерности специфического использования языковых средств в различных видах коммуникации. Функционально-стилистическая система современного русского литературного языка складывается из особенностей, свойственных функциональному стилю, подстилю и жанру речевого произведения.

Стилевая дифференциация современного русского языка, как и смешение, взаимопроникновение и интеграция функциональных стилей, являются универсальными факторами его существования и развития.

Литература

Бондалетов В.Д. Стилистика русского языка: Учеб.пособие / В.Д.Бондалетов, С.С.Вартапетова, Э.Н.Кушлина, Н.А.Леонова; Под ред. Н.М.Шанского. Л., 1982.

Котюрова М.П. Стилистика научной речи: учеб.пособие. М., 2010.

Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: Учеб.пособие. М., 2006.

Скороходова Е.Ю. Использование некодифицированной лексики в текстах СМИ // Филологические науки. 2006. №3. С. 100-108.

М.О.Новак
Казанский федеральный университет (Казань)

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД АПОСТОЛА: СЕМАНТИКА ИМПЕРАТИВА

В статье рассматриваются варианты перевода греческого глагола *paraggellein*, имеющего императивную семантику, в славянских версиях Деяний и Посланий апостолов. Особое внимание уделяется анализу глагола *(за)претити*, как выступающего равным образом в контекстах с «позитивным» и «негативным» императивом.

Ключевые слова: древнеславянский перевод Апостола, семантика глаголов, императив.

В данной статье пойдет речь о славянских параллелях греческого глагола *paraggellein* ‘приносить весть, возвещать, объявлять; указывать, предписывать, приказывать, требовать; призывать, побуждать; приглашать’ [Alpha 2002-2009] в разновременных версиях древнеславянского перевода Апостола. Эта частная тема обсуждается в рамках масштабного исследования лексики Апостола в диахронии [см. Новак 2014] и является значимой в силу важности коммуникативных ситуаций для текстов Нового Завета в целом. Внимание исследователя привлекает факт широкого лексического варьирования, требующего интерпретации, а также семантическая специфика славянских глаголов. «Семантика императива», упомянутая в заголовке статьи, подразумевает не реализацию грамматической категории наклонения, но лексическую семантику приказа / распоряжения, свойственную указанному греческому глаголу и его славянским эквивалентам.

Прежде всего, следует отметить, что глагол *paraggellein* (как и его производное *paraggelia* ‘приказание, распоряжение; наставление, руководство, правило; заповедь’) характерен далеко не для всех частей Апостола: он употребляется в книге Деяний, посланиях ап. Павла коринфянам, фессалоникийцам и Тимофею. Именно в перечисленных новозаветных книгах наиболее частотны коммуникативные ситуации, предполагающие императивное воздействие одного участника диалога на другого. При этом приказывающая сторона персонифицируется по-разному, и воздействие осуществляется как по модели «Бог → человек», так и по модели «человек → человек».

Второе важное обстоятельство, имеющее прямое отношение к особенностям употребления славянских лексических единиц, связано с характером императива, который может быть либо позитивно-побудительным (типа «делай(те)!»), либо негативно-запретительным (типа «не делай(те)!»). И.В. Ягич, еще в начале XX столетия рассмотревший лексику древнеславянского Апостола (в основном – на материале сербского Матичина списка конца XIII в.) по тематическим группам на фоне греческих соответствий, попытался вывести следующую закономерность употребления: в предложениях с запретительной семантикой славянские списки Апостола передают *paraggellein* как *запрѣтити* / *запрѣщати*, в контекстах с побудительной семантикой – как *заповѣдати* или, чаще, *повелѣвати* [Jagić 1919-1920: 74]. Однако обращение к большему числу источников показывает, что реальная картина сложнее. Обсуждаемый

ниже материал приводится по изданию [Христова-Шомова 2004] и ряду других (более подробный список источников см. в [Новак 2014]). Орфография источников несколько упрощена по техническим причинам, титла раскрыты.

Во-первых, обращает на себя внимание чрезвычайно широкое употребление глагола *(за)прѣтити* / *запрѣщати* в списках Апостола архаичных редакций (о текстологии Апостола подробнее см. [Алексеев 1999], [Христова-Шомова 2004]), отмечаемое не только для негативно-запретительных (как полагал И.В. Ягич), но и для позитивно-побудительных контекстов, ср.:

Деян.15:5: *вь ѡны дьни въсташе ѥтеры иже ѿть ѥреси фарисѣискыѥ вѣровавьше и глаголюще. яко подобаѥть … **прѣтити** же блюсти законь моисеѡвь* (Шишатовацкий Апостол XIV в., апракос, сербский – далее Шиш; так же Матичин Апостол XIII в. – далее Мат), ср. в этом же контексте *запрѣщати* в среднеболгарском Слепченском апракосе XII в. (далее Слепч) и последовательных апостолах XIV в. – древнерусском Толстовском Апостоле (далее Толст) и сербском списке, хранящемся в Национальной библиотеке Кирилла и Мефодия в Софии (НБКМ №89).

Деян.16:23: ***запрѣщьше*** *тьмничному стражю твьрдо стрёщи я* (Христинопольский Апостол, древнерусский толковый список XII в. – далее Христ); так же Шиш, Слепч, Толст, а также древнерусский Чудовский Новый Завет XIV в. (далее ЧНЗ) – *запрѣтивъше*.

Деян.17:30: *б(ог)ъ… **запрѣщаетъ** чл(овѣ)комъ всѣмъ. весде каяти сѧ* (Охридский Апостол, среднеболгарский апракос XII в. – далее Охр, так же Слепч, Толст, ЧНЗ, боснийский сборник Хвала 1404 г. – далее Хвал – и др.).

Деян.23:30: *абьѥ послахъ и к тобѣ **запрѣтивъ** и клѥветьникомъ гл(агол)ати на нь прѣдъ тобою* (Христ), ***запрѣшть*** в Хвал.

Региональная принадлежность цитируемых списков указана намеренно: нам важно подчеркнуть их текстологическую общность и, следовательно, «не-случайность» переводческого решения. Сегодняшний читатель, исходя из современного понимания глагола *запретить* ‘не позволить что-н. делать’ [Ожегов 1972: 200], рискует истолковать приведенные контексты прямо противоположным образом – например, призыв Бога к покаянию в Деян.17:30 может быть ошибочно интерпретировано как запрет на покаяние, и т.п. Однако очевидно, что интересующий нас глагол в древности мог означать не запрет, а повеление, что подтверждают данные многих других древнеславянских памятников, отраженные в словарях. При этом в некоторых лексикографических материалах значению ‘приказать, повелеть’ не всегда отводится первостепенное место в структуре словарной статьи. Так, в «Материалах…» И.И. Срезневского значение ‘повелевать с угрозой’ фиксируется после значений ‘запрещать, не позволять’, ‘угрожать’, ‘наказывать’ [Срезневский 1893: 940-941]. В современном академическом Словаре русского языка XI-XVII вв. семантика глагола *запрѣтити* трактуется похожим образом: ‘повелеть (с угрозой), приказать (не делать чего-л.)’ [СлРЯ 1978: 278]. Не вполне последовательную позицию занимает и «Slovník jazyka staroslověnského» Чешской Академии наук, где в статье *запрѣтити* первым корректно указано значение ‘приказать’ [SJS I, 2: 654], а в статье *запрѣщати* дифференциация

значений странным образом отсутствует: под цифрой 1 объединены значения ‘приказывать, запрещать’, под цифрой 2 – значения ‘угрожать, укорять’ [SJS I, 2: 655].

Между тем наш материал ясно свидетельствует о том, что в древнеславянский период негативная, «запретительная и угрожающая» составляющая могла либо отсутствовать в семантике *запрѣтити* / *запрѣщати*, либо не проявляться так отчетливо, как в более позднее время. Этимологические словари не дают ясного ответа на вопрос об изначальной структуре значения обсуждаемой лексической единицы, однако А. Преображенский отмечает, что первичной для славянского *прѣтити* была, по-видимому, семантика противостояния или противодействия [Преображенский 1910-1914, 2: 125]. Можно с осторожностью предположить также, что значение ‘повелевать’ могло актуализироваться именно благодаря наличию этой общей пространственной модели противостояния, в которой конкретизировалась фигура приказывающего и получающего приказ / повеление.

Вместе с тем, сема запрета весьма рано начинает доминировать в значении *запрѣтити* / *запрѣщати*. Об этом говорит, во-первых, тот факт, что греко-славянская параллель *paraggelein* / *запрѣщати* наиболее широко распространена в тех контекстах, где так или иначе (эксплицитно или имплицитно) реализуется негативная модель императива (модель типа «не делай(те)!»), ср.:

Деян.4:18: *и призвавьше я* ***запрѣтише*** *има ѡтьнюдь не провѣщавати ни ѡучити ѡ имени іисоу христовѣ* (Шиш, так же Толст и южнославянские списки XII-XIV вв., хранящиеся в НБКМ).

1Кор.7:10: *а оженьшимъ сѧ* ***запрѣщаю*** *не азъ нъ г(оспод)ь. женѣ ѿ мѫжа не разлѫчати сѧ* (Христ, так же Слепч, Мат, Толст, Шиш, Хвал, ЧНЗ и др.).

2Фесс.3:6: ***запрѣщаемъ*** *же вамъ братиѥ… лоучити сѧ вамъ ѿ всѧкого брата бе-щиноу ходяща* (Христ, так же Слепч, Шиш, Толст, ЧНЗ, списки афонской редакции XVI вв.).

1Тим.6:17: *богатыимь вь ныняшнии вѣкь* ***запрѣщаи*** *не высокомѫдрствовати* (Шиш, так же Слепч, Мат, Хвал, Толст, ЧНЗ и др.).

Число примеров можно было бы увеличить. Однако следует отметить и второй важный момент – вытеснение форм глаголов *запрѣтити* / *запрѣщати* в тех контекстах Апостола, где негативный императив отсутствует. Так, в Деян.15:5 уже в *Христ* находим *завѣщати*, в афонских списках XIV-XVI вв. и в печатной Острожской Библии 1581 г. (далее ОБ) – *завѣщевати*. Подобная замена обнаруживается и в других контекстах Деяний и Посланий. Данное словоупотребление акцентирует внимание на семантике основы греческого глагола, отражая, по сути, переводческий прием калькирования (ср. *aggelos* ‘вестник’). Именно оно оказывается впоследствии наиболее жизнеспособным, и по сей день сохраняется в церковнославянском тексте Нового Завета (далее ЦНЗ). Менее частотны синонимы *повелѣвати* и *заповѣдати*, которые делают лексическое варьирование еще более широким. Это касается как глагольных форм, так и отглагольного существительного, ср.:

Деян.17:30: Деян.17:30: *б(ог)ъ…* ***запрѣщаетъ*** *чл(овѣ)комъ всѣмъ. весде каяти сѧ* (Охр, так же Слепч, Толст, Хвал, ЧНЗ) vs. ***заповѣдаѥть*** (Христ, Мат), ***возвѣщаетъ*** (списки афонской редакции XIV-XVI в., Геннадиевская Библия 1499 г. – далее ГБ), ***повелѣваетъ*** (ОБ, ЦНЗ).

1Тим.1:5: *кончина же* ***повелѣнию*** *есть любы ѿ ч(и)ста с(ь)рд(ь)ца* (Христ, так же Шиш, Толст) vs. ***запрѣщенью*** (ЧНЗ), ***възвѣщению*** (списки афонской редакции XVI в.), ***завѣщанія*** (ЦНЗ).

1Тим.1:18: се ***запрѣщеникъ*** *прѣдаю ти чадо тимоѳее* (Христ, так же Слепч, Мат, Шиш, Толст, Хвал и др.) vs. ***заповѣдь*** (ЧНЗ), ***възвѣщение*** (списки афонской редакции XIV-XVI в.), ***запоржченіе*** (ГБ), ***завѣщаніе*** (ОБ, ЦНЗ).

Необходимо добавить, что существуют контексты, в которых запретительный императив выражен настолько однозначно, что формы глаголов с основой *прѣт-* сохраняются в них до сих пор:

Деян.5:28: *не* ***запрѣщениемь*** *ли…* ***запрѣтихомъ*** *вамъ не оучити о имени семъ* (Толст, так же списки афонской редакции XVI в., ГБ, ОБ, ЦНЗ), *не* ***прѣщениемь*** *ли* ***запрѣтихомъ*** (ЧНЗ).

2Фесс. 3:11-12: *слышимъ ины въ васъ … ничсоже дѣлающа. нъ зълая дѣлающа. таковымъ же* ***запрѣщаемъ***… (Христ, так же Толст, ЧНЗ, списки афонской редакции XVI в., ОБ, ЦНЗ).

Вместе с тем, возможны случаи, когда *paraggellein* вообще не коррелирует в контексте с *запрѣтити*. Это ситуации однозначно позитивного императива:

Деян.10:42: *и* ***повелѣ*** *намъ проповѣдати … яко тои естъ … сѫдеи живыімъ и мр(ъ)твъімъ* (Охр, так же Христ, Слепч, Шиш, ЧНЗ, ГБ, ОБ, ЦНЗ), ***заповѣда*** (Толст).

1Фесс.4:11: *безмълствовати и … дѣлати рѫкама своима. якоже вамъ* ***повелѣхомъ*** (Христ, Шиш, списки афонской редакции XVI в., ОБ, ЦНЗ), ***заповѣдахомъ*** (Толст, ЧНЗ).

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Списки Апостола XII-XIV вв., отражающие наиболее древние слои текста, представляют глагол *запрѣтити* / *запрѣщати* и его производный субстантив в синкретичном значении, которое дает возможность выражения семантики как позитивного, так и негативного императива. Конкретизация значения и его «дрейф» в сторону негативного императива начинаются рано, о чем свидетельствуют лексические замены и вытеснение форм исследуемого глагола контекстуальными синонимами. При этом происходит дифференциация словоупотребления в контекстах – в зависимости от представленного в них того или иного типа императива.

Литература

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Новак М.О. Апостол в истории русского литературного языка: дис. … докт. филол. наук. Казань, 2014.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1910-1914.

СлРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 5. М., 1978.

Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893.

Христова-Шомова И. Служебният Апостол и славянската ръкописна традиция. Т. I. Изследване на библейския текст. София, 2004.

Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х. Дворецкого [Электронный ресурс] / Version: 3.7, sept 2009. Copyright (C) 2002-2009 Sergey Gurin: [программное обеспечение] // URL: http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html (дата обращения: 12.09.2013).
Jagić V. Zum altkirchenslavischen Apostolus. III. Lexikalisches (2). Die Physiognomie der slavischen Uebersetzung (2) (Schluss) // Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosofisch-historische Klasse. Sitzungberichte, 197. Band, 1. Abchandlung. Wien, 1920.
SJS – Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae / ed. Kurz J., Hauptová Z. T. I–IV. Praha, 1966-1997.

Г.М.Нуруллина
Казанский федеральный университет (Казань)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ (на примере отрывка из рассказа В.Токаревой «Телохранитель»)

В статье исследуется современное толкование текста как продукта речевой деятельности, рассматриваются процессы порождения и восприятия текста. В настоящей работе предлагается анализ текста с позиций психолингвистики.

Ключевые слова: психолингвистика, речевая деятельность, анализ текста.

Психолингвистика как самостоятельная наука сложилась относительно недавно. Основной чертой, отличающей ее от лингвистики, являются фактор ситуации, в которой речевые высказывания конструируются и воспринимаются, и фактор человека, производящего или воспринимающего речь [Сахарный 1989]. Предметом анализа в психолингвистике чаще всего выступает высказывание, которое, являясь единицей речевого общения, в речевой деятельности соотнесено с отображаемой ситуацией, «социально» и психологически ориентировано на участников речевой коммуникации. В большинстве случаев речевая коммуникация осуществляется на основе использования не отдельных слов или фраз; основной единицей коммуникации являются развернутые высказывания, языковой формой выражения которых является текст [Кружилина 2012: 193].

Текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел. Важнейшими составляющими структуры текстовой (рече-мыслительной) деятельности, помимо текста, являются автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел.

Текст как сложное семантико-синтаксическое образование обладает рядом психолингвистических характеристик. К их числу относятся цельность (смысловая, структурная композиционная целостность), а также смысловая и грамматическая связность речи. Кроме того, в тексте, рассматриваемом как продукт речевой деятельности, проявляются следы невербального поведения участников коммуникации, и он обладает большой степенью «интерпретативности» (варианты интерпретации смыслового содержания слушающим или читающим).

В современной литературе существует много подходов к психолингвистическому анализу текста. Так, Т.Н.Ушакова в своем анализе выделяет такие элементы внешней структуры общения, как количество включений в разговор, продолжительность участия в разговоре, интеллектуальное или эмоциональное отношение к обратной реакции и др. Кроме Т.Н. Ушаковой, примечателен также анализ В.В. Красных, в котором выделяются следующие элементы: конситуация, время, последовательность реплик коммуникантов, конкретный субъект, стимул к речевому действию и интенция (намерение) порождения речи, вербальная форма продукта речемыслительной деятельности, реакция на конкретное речевое действие, структура текста, логико-смысловое строение текста, конкретное речевое действие, связи между речевыми действиями.

В настоящей работе мы попытались проанализировать (по В.В.Красных) отрывок из рассказа современного автора В.Токаревой «Телохранитель».

«…Вестибюль больницы оказался просторным, с мраморными полами, высокими потолками. Похоже, больницу строили в прошлом веке. Сейчас так не строят. Современное строительство – минимум затрат.

Одновременно с Татьяной в вестибюль ввезли на железной коляске подломанного бродягу. Он где-то упал и сломал ключицу. Бродяга был в грязной куртке, с волосами, слипшимися от грязи, и казалось, что по его лицу ползут вши.

На Татьяне тоже была довольно грязная куртка – дачная рабочая одежда. Она убирала в ней территорию и жгла костер. На первый поверхностный взгляд они с бродяжкой не особенно отличались друг от друга. Этакая опустившаяся парочка.

У бродяги была хрустальная мечта: остаться в больнице хотя бы на неделю, поспать на простынях, поесть по утрам горячую кашку. У Татьяны была противоположная мечта: наложить гипс и уехать из больницы как можно быстрее, в эту же ночь.

Вышла женщина-врач – сонная и раздраженная.

– Поспать не дают, – с легкой ненавистью сообщила она. – Везите на рентген…

Последние слова относились к медсестре.

Рентгеновский кабинет оказался закрыт. В него долго стучали, как в амбар, поскольку дверь была обита железом. Но так и не достучались. Кто-то куда-то ушел. Пришлось ехать в другой рентгеновский кабинет, в конец длинного коридора. Медсестра везла Татьяну, глядя перед собой светло-голубыми прозрачными глазами. Медсестра обладала внешностью фотомодели, но почему-то работала в травматологии. Имела место явная несправедливость, и Татьяна чувствовала себя виноватой.

Врач стала делать рентген. Уложила ногу. Татьяна чувствовала себя виноватой перед врачом за то, что не дала ей спать. Она была виновата во всем, и выражение лица у нее сформировалось зависимое, как у нищенки…»

В анализируемом тексте представлены *две конситуации*: 1) Вестибюль больницы; 2) Рентгеновский кабинет. Действия происходят в больнице.

Время ночное. Это мы понимаем по контексту: «У Татьяны была противоположная мечта: наложить гипс и уехать из больницы как можно быстрее, в эту же ночь…»; «Вышла женщина-врач – сонная и раздраженная...».

Последовательность реплик коммуникантов. Диалог в начале текста происходит в вопросно-ответной форме (врач пишет историю болезни) без пауз, т.е. контакт на

уровне «врач-пациент»; особенных отношений между коммуникантами нет (подчеркивается фразой «спросила врач»).

Конкретный коммуникант – рассказчик, от лица которого повествуется все происходящее. Поскольку автор произведения В.Токарева – писательница, то и рассказчиком выступает лицо женского пола. Наверное, поэтому в тексте много говорится не столь о физическом, сколько о психоэмоциональном состоянии героини, которая чувствует себя виноватой («Татьяна чувствовала себя виноватой перед врачом за то, что не дала ей спать. Она была виновата во всем, и выражение лица у нее сформировалось зависимое, как у нищенки... Татьяна вздохнула и снова почувствовала себя виноватой за свое государство, которое держит врачей в нищете...»).

Стимулом и интенцией речевого действия, т.е. создания текста является психофизиологическая репрезентация языковой личности автора. В тексте много рассуждений о возрасте, о профессии, о социальном статусе человека.

Реакция на конкретное речевое действие: когда Татьяна предложила деньги врачу, то мы наблюдаем невербальную («Врачиха тут же проснулась и с удивлением посмотрела на денежный знак») и вербальную реакцию («Зачем? – удивилась она человеческим голосом»).

Логико-смысловые блоки (фрагменты коммуникации) соответствуют конситуациям.

Связи между речевыми действиями: выявлены и показаны связи между (а) речевыми действиями одного коммуниканта (размышления Татьяны) и речевыми действиями разных коммуникантов (цепочка связанных реплик при диалоге врача и пациентки).

Таким образом, психолингвистический анализ текста еще раз доказывает уникальность языковой личности, рассмотрение порождения и восприятия текста как результата речемыслительной деятельности индивида, как «способа отражения действительности в сознании ... с помощью элементов системы языка» [Белянин 2000: 13]. В психолингвистике текст принято определять как «опредмеченную форму акта коммуникации, минимально необходимыми компонентами которой является предмет коммуникации, автор и реципиент» [Апухтин 1977: 6]. Следовательно, любой текст должен рассматриваться в рамках конкретной коммуникативной ситуации; при этом форма и содержание текстов определяются психологическими особенностями индивидов - участников коммуникации.

Литература

Апухтин В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1977.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М., 2000.

Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.

Красных В.В. К вопросу о психолингвистическом анализе текста // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 1998.

Кружилина, Т.В. Текст как психолингвистический феномен. Вестник ТвГУ. Серия: Филология (2). 2012.

Нуруллина Г.М. Психолингвистические особенности обучения категории рода учащихся // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов:, 2014. № 5. Ч. 1. С. 122-124.
Нуруллина Г.М. Формирование речевой деятельности учащихся в процессе лингвистического анализа текста (на примере рассказа В. Астафьева «Ягодка»)// Актуальные проблемы педагогики и психологии: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв.ред. А.А.Сукиасян. Уфа, 2014. С. 224-227.
Психолингвистический анализ речевой коммуникации: Учеб. пособие / Сост. Нуруллина Г.М., Рахимова Д.И., Федорова Н.И. Казань, 2014.
Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.,1989.

Т.В.Пентковская, А.В.Уржа
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕТАТЕКСТОВЫХ СМЫСЛОВ В РАННИХ И СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В докладе рассматривается реализация метатекстовых смыслов в древних и современных русских переводах. Набор метатекстовых смыслов, интерпретируемых в переводе, является устойчивой составляющей переводного текста, при том что их средства вербализации становятся более многообразными в современных переводах. Увеличение разнообразия переводческих решений связано с ослаблением зависимости от синтаксических особенностей оригинала и позволяет выявить тесную связь метатекста с организацией хронотопа и перспективы произведения, с жанром и целевой аудиторией перевода.

Ключевые слова: церковнославянские переводы, переводной нарратив, метатекст.

Исследования переводных текстов показывают, что некоторые элементы семантической структуры нарратива регулярно оказываются более стабильными при переводческой интерпретации, чем другие. Если диктумные смыслы, связанные с событиями текста, их таксисными отношениями и набором участников, варьируются от перевода к переводу весьма незначительно, то модусная семантика, «окрашивающая» диктум субъективным отношением говорящего, дающая адресату текста возможность интерпретировать деятельность нарратора, может ощутимо различаться в переводных вариантах. Представление о метатексте, обозначенное Романом Якобсоном [Якобсон 1975: 202] и развитое Анной Вежбицкой [Вежбицка 1978], позволяет нам обратиться к «подвижной» семантической зоне переводного нарратива. Цель статьи – выявить особенности вербализации метатекстовых смыслов в ранних и современных русских переводах.

В раннецерковнославянских переводах с греческого языка, выполненных на Руси в к. XI-XIII вв., несмотря на то, что переводчики очевидно были зависимы от особенностей своего оригинала, можно найти некоторые случаи эксплицитного выражения метатекстовых смыслов, появляющиеся при привлечении внимания адресата к фактам повествования.

1. Прежде всего, среди метатекстовых операторов выделяются выражения, в которых эксплицитно упоминается сам акт речи. Это так называемые скрепы, то есть фразы, вносящие метатекстовые смыслы в высказывание и текст. В первую очередь это глаголы-перформативы, грамматические выраженные 1л. (‘я говорю’) [Лосева 2004: 10-11]. Так, в Житии Василия Нового (предположительно киевский перевод к. XI в., далее - ЖВН) ученик св. Василия Григорий вступает в двойной диалог: с Господом в Видении Страшного суда и в мысленный диалог с самим собой: РГБ, Егор. 162 (XVI в.) *г҃оу моємоу і(с҃)с х(с҃)оу рекшоу къ мнѣ. възвѣсти ре(ч҃) всѧ цр҃квамъ моимъ. и оу чюдихсѧ дх҃мъ моимъ. мнѧ мирови преити. ѿ тлѧ на нетлѣнїє всѧ преставлѧющоу... кымъ цр҃квамъ исповѣмъ реkoу въ помышленїи моємъ* (ἔφασκον ἐν τῇ ἐμαυτοῦ διανοίᾳ) *ибо мнѧхъ видѣнїє соуще видимоє* (192 б). В данном случае указанной конструкции (ср. вставное предложение в системе современного русского языка) имеется точное соответствие в греческом тексте.

2. Метатекстовые скрепы, вводящие цитаты и толкования. Этот метатекстовый оператор связан со способом оформления и развертывания текста [ср. Шаймиев 1996]. В этой группе слов важную роль играет релятивизатор *еже то*, вводящий толкования в особой группе толковых переводов домонгольского периода, в частности, в древнейших переводах Толкового Евангелия и Толкового Апостола, а также в Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова. Эта группа переводов возникла, в к. XI – нач. XII вв. [Пентковская и др. 2011; Пичхадзе 2013: 246, 250]. В греческом оригинале в таком случае находится артикль в форме ср.р. τό, выполняющий роль своего рода кавычек и являющийся сигналом переключения от авторского рассуждения к чужим словам. Такой артикль может, впрочем, оставаться без перевода или передаваться как *еже* или *се*. См., в частности, в Толкованиях Никиты Ираклийского: *бе(з)смертїе скаже(т), е(ж) то поразиша. добро бо тако разорити, да не оумре(м)* ‘о бессмертии говорит слово ‘побили’: хорошо ведь поразить таким образом, чтобы мы не умерли’ <перевод А.А. Пичхадзе> [Пичхадзе 2013: 250].

В той же функции в греческом тексте могут выступать пояснительные частицы и выражения δηλαδή 'очевидно, конечно, разумеется', τουτέστι ‘таким образом, то есть’, ἤτοι ‘вот так, то есть’. Для их передачи в церковнославянских переводах используются различные лексемы, употребление которых, по-видимому, позволяет разбивать эти переводы на локальные группы. Так, наиболее стандартным средством их передачи в значении ‘то есть’ являются лексемы *рекше, сирѣчь, се же есть* (дословный перевод τουτέστι), а также субстантивированная форма местоимения *еже*. В уже упоминавшейся группе толковых переводов регулярным средством передачи этого значения являются глагольные лексемы *а рекоу* и *а река* (форма дейст. прич. наст. вр.) [Пичхадзе 2013: 253].

3. Важная роль в системе метатекстовых операторов в современном языке отводится частицам. К числу частиц, способных выполнять метатекстовые функции, в современном русском языке относится большая группа слов: буквально, будто (бы), как бы, то есть, именно, даже, собственно, вообще, де, дескать, мол, якобы и др. [Лосева 2004: 14-18]. Однако в древнейших переводных текстах частиц, выполняющих метатекстовую функцию, сравнительно немного. При этом, как и в современном русском языке, наличие у частицы метатекстовой функции обусловлено контекстом [ср. Лосева 2004].

3.1 В восточнославянских переводах домонгольского периода такая роль может быть приписана частице *ти*. Эта частица по происхождению связана с мест. 2-го лица *ти* ‘тебе’ в функции Dativus ethicus [Фасмер 1996, IV: 54-55; Молдован 1996: 258]. Ее появление в берестяных грамотах и других некнижных древнерусских текстах связано с семантикой ‘усилителя индикативности’ [Зализняк 2004: 197], а значение может быть описано как ‘обращаю твое внимание на следующий факт’ или ‘воистину’ (буквального перевода такое *ти* обычно не имеет) [Молдован 1996: 258].

Как средство, широкое употребление которого связано в целом с некнижным узусом, эта частица избегалась в церковнославянских переводах. Однако она достаточно активна в новгородском переводе Жития Андрея Юродивого (нач. XII в.), в котором насчитывается 17 примеров свободного употребления этой частицы, причем точного соответствия в греческом тексте этой частице, как правило, нет [Молдован 1996: 258].

В других переводах эта частица отмечается спорадически, например, в ЖВН: Егор. 162 *вънимаи оубо. яко сихъ ради брани слють ти сѧ по странамъ* (79 а), без соответствия частице в греческом тексте. Это контекст пророчества (‘действительно, будет так’), что дополнительно подчеркивается воспроизведением Евангельского узуса.

В составе не первого предложения текста частица *ти* может сообщать высказыванию дополнительные оттенки смысла [Молдован 1996: 258]. В следующем контексте из ЖВН значение этой частицы близко значению частицы *ведь*: Егор. 162 *и приимаше мѧ любезьнѣ радовашесѧ мл(с҃)тьнѣ гл҃ше. кто тѧ сѣмо присла. сладкоє моє чадо. и паче ѿ мира сего к неве(ч҃)рнемоу дн҃и семоу. ци оуже преставилсѧ єси яко сѣмо приде … рекохъ к неи, гж҃е моѧ азъ ти не оумрохъ. и єще бо мл҃твами прп(д)бнаго ѡц҃а нашего василїа. в мирѣ семъ пребываю* (49 в). В греческом тексте соответствия данной частице нет.

Следует отметить, что в берестяных грамотах в свободном употреблении эта частица функционирует в основном в период XI-XII вв., далее она входит в состав других единиц (*нетуть, дать* и пр.) [Зализняк 2004: 197]. Поэтому ее наличие в переводах в свободном употреблении является дополнительным (косвенным) датирующим фактором (до XIII в.).

3.2. Употребление метатекстовой частицы *ти* в переводных текстах, как уже было отмечено, почти всегда не поддерживается греческим оригиналом, так что вербализация данного смысла принадлежит переводчику. Имеется, однако, и противоположный случай, при котором, при переводе не распознается метатекстовая частица греческого оригинала. Эта частица δῆθεν ‘будто бы на самом деле (когда утверждается нечто мнимое), по-видимому, якобы’, относящаяся, по современной классификации, к так называемым ксенопоказателям (ср. частицы -де, дескать, мол, якобы, несущие субъективно-модальное значение). Функция ксенопоказателей состоит прежде всего в «отстранении от номинации». Одновременно с этим выражается сомнение в достоверности передаваемой информации [Лосева 2004: 18-20].

Эта частица в древнейшем переводе ЖВН передается наречием *злѣ*: *самона же разоумѣвъ. коєѧ ради вины таковаѧ прп(д)бныи ре(ч҃) посрамисѧ ѿ пре(д)стоѧщихъ. яко злѣ хоулившю єго* (ὡς δῆθεν ἐνύβρισεν αὐτόν) *разгорѣсѧ аростью и гнѣвомъ* (4 а) – ‘сделав вид, притворившись что разгневался’… Такая же передача обнаруживается в уже

упомянутой группе домонгольских толковых переводов: Толковом Евангелии и Толкованиях на Песнь Песней [Пичхадзе 2013: 251].

4. Наличие ксенопоказателей связано с выражением категории эвиденциальности, при последовательном выражении которой происходит грамматикализации метатекстового смысла. В русском языке, в отличие от болгарского, эта категория не получает грамматического развития, однако в древнерусских текстах встречаются реликтовые случаи использования причастной предикации для передачи чужой речи или мысли, находящие параллель в балтийском языковом материале. Именно такие конструкции служат для оформления чужой мысли и являются показателем эвиденциальности. См., например, в древнерусском переводе «Пчелы»: *вса яже хощеши тако твори, яко мнѣ, яко ни ѿ когоже не мога оутаити* – ἅπαντα δόκει ποιεῖν ὡς μηδένα λήσων 'словно думая, что ни от кого не можешь утаить' <перевод А.А. Пичхадзе> [Пичхадзе 2011: 477-478].

Подводя итоги данному обзору, следует отметить, что в русских переводах домонгольского периода отмечаются единицы разного уровня, способные вносить метатекстовые смыслы в высказывание и текст. Это прежде всего метатекстовые скрепы – фразы и различного рода частицы, однако имеются и причастные предикации в реликтовой для древнерусского языка функции выражения значения эвиденциальности. Как правило, их появление связано с задачей передать в переводе аналогичные по функции единицы греческого текста. Однако в переводах находит отражение и метатекстовая частица, употребление которой не зависит от греческого оригинала (частица *ти*). Этот «усилитель индикативности» связан с планом реальной (индикативной) модальности, который в русских северо-западных диалектах позднее передается другими способами, в частности, частицами, восходящими к бытийному глаголу и имеющими так называемый заверительный статус (например, есь <есть): Все дешевое было есть [Шевелева 2001: 211-215]. Более широкий план задает формирующаяся в позднее время (после XIV в.) категория глагольного пересказа, однако это уже среднеболгарская традиция, которая не получает развития в русской языковой системе.

Если проявление переводческой инициативы в сфере интерпретации метатекстовых смыслов в ранних переводах немногочисленно, то корпус современных русских переводных нарративов демонстрирует разнообразие стратегий передачи подобной семантики в тесной связи с установкой переводчика на воспроизведение авторского замысла и стиля.

Основываясь на результатах исследований вариантов русского перевода произведений Э.А.По, О.Уайльда, А.Конан Дойля, Г. Уэллса, О.Генри, Марка Твена, Дж.К.Джерома, П.Треверс, Р.Брэдбери, Э.Берджесса, Ричарда Баха, К.С.Льюиса и др., можно отметить, что интерпретация метатекстовых операторов обусловлена их функцией в тексте, жанром произведения, а также характером целевой аудитории, которой адресован перевод. При этом во всех случаях изменения, девербализации или экспликации метатекстовых смыслов наблюдаются преобразования в сфере темпоральной организации текста и его субъектной перспективы.

Так, вставка или изъятие операторов со значением «говорю» создает или, напротив, ликвидирует отсылку к моменту повествования, акцентируя деятельность рассказчика (в первом случае) или привлекая внимание читателя к событиям сюжета (во втором):

I went below – not without a full presentiment of evil. *E. Poe 'Ms. Found in a Bottle'*	Я спустился в каюту не без дурных предчувствий. (М.Энгельгардт)	Я сошел вниз, и**, должен сказать**, в душе у меня было полное предчувствие беды. (К. Бальмонт).
Harris is **what you would call** a well-made man of about number one size, and looks hard and bony, and the man measured him up and down, and said he would go and consult his master… *J.K.Jerome 'Three Men in a Boat'*	А Гаррис, **скажу я вам**, мужчина крепкого сложения, саженного роста и с виду кажется сильным и здоровым. Незнакомец смерил его взглядом и сказал, что сходит посоветоваться с хозяином.... (М.Донской- Э.Линецкая)	Гаррис – здоровый детина: рослый, плечистый, плотный, - так что незнакомец, измерив его взглядом, объявил, что пойдет и скажет хозяину… (М. Энгельгардт)

Использование метатекстовых скреп в цитатах или толкованиях создает более тесный контакт между адресантом (поясняющим) и адресатом, в то время как опущение этих скреп может служить специфическим задачам переводчика, стремящегося погрузить читателя в драматичную, эмоционально насыщенную реальность оригинального текста.

There were three devotchkas sitting at the counter all together, but there were four of us malchicks and it was usually like one for all and all for one. *Antony Burgess 'A Clockwork Orange'*	За стойкой рядышком сидели три kisy (**девчонки, значит**), но нас, patsanov, было четверо, а у нас ведь как - либо одна на всех, либо по одной каждому. (В.Бошняк)	Около стойки на вращающихся стульчаках сидят три герлы, но нас четверо, а закон стаи суров: ван фор ол, и все за одного. (Е.Синельщиков)

Опущение ксенопоказателей сопряжено с изменением точки зрения на события, что происходит в случае, если переводчик «следует» за доминирующим в тексте сознанием, пренебрегая усложнением перспективы произведения:

The tyrant regarded her, for some moments, in **evident** wonder at her audacity. He **seemed** quite at a loss what to do or say – how most becomingly to express his indignation. *E. Poe 'Hop-Frog'*	Несколько мгновений тиран смотрел на нее, **очевидно**, пораженный ее дерзостью. Он, **по-видимому**, совершенно не знал, что ему делать или говорить, – как наиболее прилично выразить свое негодование. (К.Бальмонт)	В течение нескольких мгновений тиран глядел на нее вне себя от изумления. Он просто растерялся, не зная, как лучше выразить свое негодование по случаю такой дерзости. (М.Энгельгардт)

Наконец, под влиянием жанровых стереотипов (сказки, фантастического повествования, философского нарратива) переводчики склонны добавлять метатекстовые показатели в завершение текста, дополнительно проявляя повествователя в финале произведения:

It is supposed that…together, they effected their escape to their own country; for neither was seen again. *E. Poe 'Hop-Frog'*	Думают, что… оба они бежали на родину, ибо никто их больше не видал. (К.Бальмонт)	Думают, что... они вместе бежали на родину. **Как бы там ни было**, но они оба исчезли в тот же день, и никто никогда больше не слыхал о них ничего. (Вест. ин. лит.)

Итак, природа и функции метатекста, набор метатекстовых смыслов, интерпретируемых в переводе, не изменились на протяжении веков, хотя средства, вербализующие их, стали гораздо более разнообразными. По сравнению с ранними переводами, где интерпретатор в значительной степени следовал синтаксису оригинала, современные переводные произведения представляют нам спектр переводческих решений, выявляющих тесную связь метатекста с организацией хронотопа и перспективы произведения, с жанром и целевой аудиторией перевода.

Литература

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып VIII. 1978. С. 402-421.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Лосева С.В. Частицы в системе метатекстовых операторов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Владивосток, 2004.

Молдован А.М. Из синтаксиса древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 256-275.

Пентковская Т.В., Индыченко А.А., Федорова Е.В. К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2011. С. 5-29.

Пичхадзе А.А. Лингвистические особенности славянских толковых переводов XI-XII вв. // XV Международный съезд славистов. Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 246-265.

Шаймиев В.А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. Русско-американский журнал по русской филологии. – № 4. Санкт-Петербург (Россия) Лоуренс (США) Дэрел (США), 1996. С. 80-92.

Шевелева М.Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом есть// Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К.В.Горшковой . М., 2001. С. 199-216.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.I-IV. Изд. 3-е. СПб., 1996.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.

А.В.Пестова
Казанский федеральный университет (Казань)

PR-ТЕКСТ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

В статье рассматриваются особенности PR – текста в сфере физической культуры и спорта. Жанрообразующими факторами для PR-текста признаются следующие: предмет отображения, целеустановка, метод отображения, функции и стилистико-языковой фактор.

Ключевые слова: PR-текст, физическая культура, спорт.

В современных условиях связь с общественностью оказывает влияние на развитие различных сфер деятельности нашего общества. Повышение эффективности процессов развития, функционирования и управления физической культурой и спортом сегодня невозможно без средств PR.

Одним из значимых средств PR является PR-информация, которая реализуется в текстовых носителях, PR-текстах.

PR-тексты в сфере физической культуры и спорта имеют жанровую специфику. Жанрообразующими факторами для PR-текста признаются следующие: предмет отображения, целеустановка, метод отображения, функции и стилистико-языковой фактор.

Предметом отображения PR-текста могут быть событие, процесс, ситуация, отражающие деятельность базисного субъекта PR, а также персона.

Основные цели PR-текста – информирование и создание (а иногда и поддержание) оптимальной коммуникационной среды базисного субъекта PR - достигаются через описание предмета или установление причинно-следственных связей события, процесса, ситуации.

Спорт – это массовый продукт. Следовательно, PR в спорте необходим для достижения таких целей, как положительный имидж, репутация спортивного клуба, спортсмена или спортивной организации.

PR массового спорта жизненно необходим любому государству, так как популяризация физической культуры и здорового образа жизни – задача социально важная, и кроме того, способствующая увеличению потенциальной аудитории спорта профессионального.

PR-текст в сфере физической культуры и спорта призван решать следующие основные задачи:

1) информирование – обеспечение осведомленности о существовании предприятия (организации, учреждения) физкультурно-спортивной направленности и характере предоставляемых им услуг;

2) увещевание – формирование расположения к предприятию (организации, учреждению) физкультурно-спортивного профиля, убеждение в серьезности его намерений и потенциала, высоком качестве предлагаемых услуг, «подталкивание» клиента к обращению за дополнительной информацией или к немедленной покупке услуг и т.п.;

3) напоминание – используется уже известными, признанными предприятиями (организациями, учреждениями), а также теми, кто уже провел значительную работу по информированию и увещеванию. Такого рода задачи наиболее актуальны в период,

предшествующий началу летних отпусков и каникул, а также набору в физкультурно-спортивные секции, группы, школы и т.п. Такого рода обращения напоминают потребителям (в том числе и родителям несовершеннолетних детей) о том, что услуги физической культуры и спорта могут понадобиться им в самом ближайшем будущем, поэтому важно, не теряя времени, наладить контакты;

4) подкрепление сделанного выбора – убеждение клиентов в правильности сделанного ими выбора, в открывающихся перед ними перспективах, предотвращение оттока, естественного отсева занимающихся.

При этом основными средствами распространения PR-информации и соответствующими им видами PR-текстов, применяющихся в сфере физической культуры и спорта могут быть:

Печатная продукция

1) объявления, статьи, интервью, репортажи и другие публикации обзорного и пропагандистского характера, содержащие материалы физкультурно-спортивной тематики;

2) каталожные издания (проспекты, буклеты, листовки, плакаты и т.п.);

3) подарочные издания (фирменные календари, записные книжки, поздравительные открытки и т.п.)

Экранная продукция

– Кино- и видеофильмы (ролики, фильмы, видео-информация, видео-интервью, видео-репортаж, слайды и др.)

Аудиопродукция

– Радиообъявления, радиоролики, радиожурналы, радиорепортажи.

Компьютерные коммуникации

– Размещение PR-информации на веб-сайтах

Почта

– Прямая почтовая рассылка информационных писем, целевая рассылка печатных материалов

Личные контакты

– Личное общение, обмен информацией

В письменных PR-коммуникациях существует пять жанровых групп среди первичных простых PR-текстов:

– оперативно-новостные (пресс-релиз и приглашение);

– исследовательско-новостные (бэкграундер и лист вопросов-ответов);

– фактологические (факт-лист и биография);

– исследовательские (заявлением для СМИ);

– образно-новостные (байлайнер, поздравление, письмо).

А.Д. Кривоносов также классифицирует такую группу письменных PR-коммуникаций как медиатексты (имиджевая статья, имиджевое интервью и кейс-стори).

PR-тексты в сфере физической культуры и спорта могут быть классифицированы по таким же признакам, что и вышеобозначенные. В этой сфере используется большинство жанров письменных PR-коммуникаций, что приводится в типологии, предложенной А.Д. Кривоносовым.

Однако чаще всего спортивные PR-менеджеры обращаются к исследовательско-новостным и фактологическим жанрам.

Пресс-релиз в сфере физической культуры и спорта является основным жанром, содержащим предназначенную для прессы актуальную оперативную информацию о событии, касающемся какой-либо физкультурно-спортивной организации, спортивного деятеля, спортсмена.

Цели пресс-релиза – формирование оптимальной коммуникационной среды и информационная – достигаются через описание спортивного события или деятельности спортивного руководителя, спортсмена, физкультурно-спортивной организации или команды.

По тематике пресс-релизы в сфере физической культуры и спорта можно классифицировать на пресс-релизы, посвященные деятельности спортивных руководителей, освещающие проведение спортивных мероприятий и их итоги, а также информирующие о мероприятиях организационного характера в сфере физической культуры и спорта.

Однако при этом подавляющее большинство пресс-релизов посвящено именно различного рода спортивным мероприятиям.

Как и в любой другой сфере, пресс-релиз спортивной тематики отличает оперативность, релевантность, фактологичность. Отличие заключается в том, что если по закону жанра, пресс-релиз должен быть емким и лаконичным, в сфере физической культуры и спорта встречаются и черезчур короткие тексты, и тексты, отягощенные разного рода дополнительной информацией. Но в любом случае все они характеризуются однотемностью, передают данные о месте, времени, характере изображаемого события.

Языковое и стилистическое оформление пресс-релиза в сфере физической культуры и спорта подчиняется общим требованиям.

Имиджевое интервью в сфере физической культуры и спорта – это жанр, который представляет собой текст беседы с первым (или должностным) лицом спортивной организации, спортсменом, тренером и т.д. и способствует формированию (приращению, отстройке) паблицитного капитала этого базисного PR-субъекта.

Биография – жанр PR-текста, представляющий опорную фактическую информацию о должностном лице, организации или социально значимой персоне. В сфере физической культуры и спорта это могут быть спортсмены или тренеры.

Биография спортсменов и спортивных деятелей может подразделяться на следующие жанровые подгруппы: биография-конспект, биография-рассказ, биография-повествование. В средствах массовой информации биография в качестве PR-текста может быть использована как сопровождающий основной журналистский материал текст.

PR-текст – это один из важных инструментов эффективных публичных коммуникаций. В сегодняшнем коммуникационном пространстве PR-текст сосуществует в тесном взаимодействии с текстами двух других родственных форм – рекламными и журналистскими. Общей отличительной особенностью PR-текстов в данной сфере является то, что они не преследуют какой-либо явной пропагандистской (как в политике) или коммерческой (как в сфере экономики и торговли) цели. Спортивная организация или спортивный деятель, используя PR-тексты с целью наращивания своего паблицитного капитала, тем самым преумножают его и для всей сферы физической культуры и спорта.

В соответствии с этим формируется и жанровое своеобразие PR-текстов: в каждом из жанров так или иначе присутсвует информация о достижениях, успехах, победах на спортивном поприще.

Литература

Апциаури Л.Ш. Спорт как социальное явление и фактор социализации личности // Теория и практика физической культуры. 2003. №1. С. 12-14.

Горохов В.М., Комаровский В.С. Паблик рилейшнз: сущность, функции, тенденции современного развития. М., 1996.

Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций . 2-е изд., доп. СПб., 2002.

Кривоносов А.Д. Жанры PR-текста: учеб.пособие для студентов отделений связей с общественностью. СПб., 2001.

Лубышева Л.И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью //Теория и практика физической культуры. М., 1999. № 6.

Мухин В.Г. Социально-экономическая и педагогическая направленность рекламной деятельности в сфере физической культуры и спорта: дис. … канд. пед. наук. М., 2002.

Степанова О.Н. Маркетинг в сфере физической культуры и спорта. М., 2005.

М.А.Пильгун
НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: РОССИЯ И ИСПАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы мультикультурализма на примере русско-испанского культурного диалога, который на протяжении нескольких столетий обогащал культурный контекст наций, позволял полнее понять архитектоническое строение культуры, ее глубинные смещения. Важнейшую роль в данном процессе играют сопоставительно-типологические исследования и теория и практика перевода.

Ключевые слова: мультикультурализм, культурный диалог, сопоставительно-типологические исследования, теория и практика перевода.

Одна из актуальных проблем современной Европы – политика мультикультурализма. Отношение к самой проблеме, к способам ее решения очень разнятся. Некоторые европейские лидеры уже провозгласили провал мультикультурализма. Между тем, очевидно стремление европейских политиков сохранить ядро европейской культуры, используя при этом потенциал живущего в стране некоренного населения, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют концепции современных интеграционных программ, в которых основной акцент делается на предоставлении мигрантам базовых возможностей для интеграции – обучения языку и доступа к образованию. Подобные меры должны привести к расширению границ культурного диалога и увеличению эффективности адаптации мигрантов в инородной социокультурной среде.

С XX столетия диалог культур как взаимодействие, влияние, проникновение или отталкивание разных исторических или современных культур, как формы их конфессионального или политического сосуществования становится в центре политических, экономических и социальных проблем. В соответствии с блистательной формулировкой М.Бахтина: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не

ставила, мы ищем в ней ответ на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. …При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются» [1986: 354].

Процессы интеграции культурного влияния и проникновение элементов одной культуры в другую осуществляются, как правило, при формировании специфических черт или культурно-исторических типов внутри определенной культуры. Формирование самостоятельных культурных целостностей, таким образом, является необходимым условием интеграционных процессов в культуре. В современном мире, в котором традиционные коммуникации стремительно уступают место новым, границы между государствами и людьми рушатся, информационные потоки имеют практически неограниченную свободу распространения, возрастает роль перевода и его статуса как коммуникативного акта.

Анализ переводов свидетельствует о том, что, как и любая речевая деятельность, перевод не осуществляется по единой модели. В процессе перевода находят применение и грамматические трансформации, и лексико-синтаксические перифразы, и семантические преобразования. При этом выбор оптимального способа анализа исходного текста и построения соответствующего текста на другом языке диктуется конкретными условиями межъязыкового коммуникативного акта. Поиск оптимального решения при переводе заключается в последовательном приближении к оптимальному варианту путём перебора нескольких возможных вариантов и отклонения тех, которые не соответствуют определённым критериям [Швейцер 1988: 60].

Перевод художественного текста непосредственно зависит от индивидуального понимания переводчиком оригинала, от того, насколько полно он сумеет раскрыть и объяснить авторскую позицию, выявить и перераспределить типы информации, представленные в данном тексте.

Испания на протяжении последних столетий была для русских важной частью Романского мира [Домашнев 2001: 3-11; Степанов 2001: 285-289] – геополититической, цивилизационно-культурологической и лингвистической общности некого феноменологического пространства общей истории и коллективной памяти народов, возникших в синергетическом движении от единого центра (Рима) и внутри единого языка (латинского).

Объединяющим центром Романского мира служат духовые и культурные основы, которые являются значимыми и для русского сознания: христианство, являющееся доминантным вектором развития культуры, науки, бытовых и речевых норм; принадлежность к европейской культуре, основой которой является греческая и римская цивилизация; ориентация на гуманистические идеалы – идеи свободы личности, прав человека, индивидуализма, гедонизма. Особую роль в российской эволюционном развитии сыграли идеи эпох Возрождения, Просвещения и Великой французской революции XVIII века «свободы, равенства, братства», которые также являются краеугольными для культурологического цивилизационного самоопределения Романского мира.

Историческое развитие Испании и России также позволяет выделить совпадающие траектории: борьба против социального неравенства под влиянием идей просветителей,

национально-освободительные войны против наполеоновской Франции и этапы революционной борьбы, гражданские войны, периодически разрывавшие обе страны, периоды изоляции в европейском пространстве, несколько волн эмиграции в XX в.

Периферийно-европейское расположение стран сделало их своеобразными очагами пересечения западной и восточной культур. Культурный синтез средиземноморских евразийско-африканских компонентов, сформировавший испанскую культуру, предопределил поиск национальной традиции, важность осознания специфических черт, объединяющих культурную испанскую традицию. Аналогичные процессы оставались актуальными на протяжении всего развития русской культуры, также характеризующейся разноаспектной неоднородностью (византийские идеологические традиции, элементы восточной государственности, церковно-славянская и народно-разговорная языковые стихии). Кроме того, для обеих культур чрезвычайно важна идея мессианства (выраженная в русской религиозной философии в концепции «Москва – третий Рим» и в испанской национал-католической доктрине «Испанидад»).

Например, испано-арабские отношения в средние века имеют много общего с русско-монгольскими в период, предшествовавший образованию централизованного национального русского государства, и сопоставление их объясняет многое и в более поздних сложных процессах взаимодействия культур Европы и Востока, в частности, относительно роли «экзотического колорита» в искусстве, трансформации литературных жанров и т.д. (см. Алексеев 1964).

Показательно, что тоталитарные режимы XX в. в Испании и России привели к резкому излому интеллектуально-культурной жизни: вычеркиванию важных составляющих научной и культурной парадигм; идеологическому переосмыслению видов искусств. Между тем это привело к обостренному интересу к культурным реалиям, запрещенным видам искусства, философско-историческим и метафизическим проблемам.

Начало русско-испанских взаимосвязей имеет длительную традицию и восходит к периоду формирования национальных государств (к XV – XVI векам). Уже в «Торговой книге» (XVI в.), представлен предшествующий опыт русской торговли с иностранными государствами [Клибанов 1987: 8].

Важным рубежом в развитии русско-испанских отношений стала деятельность в начале XVIII века Петра I, решившего интегрировать Россию в западно-европейское политическое и культурное пространство. 20 сентября 1719 года Петр писал русскому посланнику в Гааге, князю Куракину: «…понеже ныне англичаня в союз со шведами вступили, того ради надлежит вам всемерно гишпанской стороны искать” [Алексеев 1964: 32].

Во второй половине XVIII века Испания, как и Россия, попадает в сферу французского культурно-идеологического влияния и именно Франция является катализатором процесса испано-русского культурного сближения. В России во второй половине XVIII в. интересовались Испанией не меньше, чем в Испании – Россией; испанская литература – главным образом при посредстве французских переводов – заняла в русской переводной литературе довольно большое и своеобразное место (см. Амельченкова 2008: 11).

Важно отметить, что испанская тематика становится популярной в разных социальных слоях русского общества: от дворянской среды до мещанской. Доказательством

этого может служить популярный памятник XVIII в. - «Письмовник» Н.Г. Курганова, который выпускался семь раз в XVIII в. (между 1769 и 1802 гг.) и перепечатывавшийся ещё позже (1809, 1818, 1831, 1837 гг.). «Письмовник» Н.Г. Курганова содержит целую испанскую серию коротких юмористических рассказов и новелл.

Однако достаточно долго испанская культурно-литературная традиция попадала на русскую почву посредством французских, немецких, английских переводов.

Только с 1812 года начинается первая волна русского «испанофильства» [Алексеев 1964: 97]. На фоне побед Испании над Наполеоном, бурного подъема национально-освободительного движения, постепенно превратившегося в революционное, закономерно возрастает интерес русской общественности к Испании. В 1811 году выходит первая «Краткая испанская грамматика». В.А. Жуковский переводит романсы о Сиде, пользуясь еще немецким переводом Гердера, а П. Катенин, самостоятельно выучивший испанский язык, мог уже сравнивать «Романсеро» Гердера с подлинными испанскими романсами и был вправе заметить: «Жаль, что Гердер, при всех достоинствах его переложения, не попекся более о точности и позволил себе кое-что на свой вкус переиначить» [Испанская поэзия в русских переводах (1792-1976) 1978: 13].

Особый интерес и любовь к испанской традиции в русском обществе вызвал А.С. Пушкин. Роль А.С. Пушкина в преобразовании русской литературной речи огромна и неоспорима. Гениальный компромисс, который разрешил в языке А.С. Пушкина, казалось бы, непримиримые противоречия между церковнославянской и русской языковыми стихиями, определил основные тенденции развития русского литературного языка на столетия.

Как известно, гений А.С. Пушкина проявился в исключительном разнообразии и разносторонности его творчества, охватив все формы и виды искусства слова. Наряду с революционными трансформациями русского стихосложения, А.С. Пушкин известен как создатель величайших образцов новой художественной прозы. Новаторство его прозаических произведений имело определяющее влияние на русский литературный процесс XIX и XX веков.

В огромном количестве исследований, посвященных языку А.С. Пушкина, уже было неоднократно показано многостороннее влияние гения на национальный язык. Практически все значительные явления в русском языке или художественном процессе послепушкинской поры берут начало в творчестве А.С. Пушкина, которое столь многомерно, что продолжает удивлять новыми гранями.

Открытия при создании новой художественной действительности были мало оценены современниками А.С. Пушкина, но нашли продолжение и развитие в дальнейшей истории русской словесности. До сегодняшнего дня А.С. Пушкин служит эталоном художественного вкуса и смелости творческих поисков, как для отдельных литераторов, так и целых литературных направлений. Один из героев В.В. Набокова, явно озвучивая мысль автора, говорит: «…когда я посчитываю, что теперь для меня уцелело из этой новой поэзии, то вижу, что уцелело очень мало, а именно то, что естественно продолжает Пушкина».

Притягательный для российского сознания романтический образ Испании, безусловно, сформирован испанскими мотивами в произведениях А.С. Пушкина, создавшего образы страстных вольнолюбивых испанцев.

В частности, в «Маленьких трагедиях» с исключительной силой проявилась способность А.С. Пушкина «описывать совершенно сторонний мир», словами В. Белинского «быть у себя дома во многих и самых противоположных сферах жизни», представлять образы и нравы даже никогда не виданных им стран. Интерпретация А.С. Пушкиным мифа о Дон Жуане занимает важное место не только в русской, но и в мировой литературе.

В XIX веке этот образ представлен в философской драме А. К.Толстого, пьесах А.Н. Бежецкого и А.О. Мордвина-Щодро. В XX веке появились прозаическая пародийная пьеса А.В. Амфитеатрова и философское эссе Б. К. Зайцева, стихотворные драмы Н.С. Гумилева и футуристов В. Казакова. Широко представлен образ Дон Жуана в поэзии Серебряного века в циклах К. Бальмонта и М. Цветаевой, в творчестве А.А. Блока. В журнале «Мир искусства» выходит трактат К. Бальмонта о Дон Жуане как мифе Нового Времени. Эссе А. Ахматовой о «Каменном госте» А.С. Пушкина является блистательным свидетельством важности для русской культуры как самого произведения, так и образа главного героя.

Для российской культуры, кроме образа Дон Жуана, особенно привлекательным оказывается образ Дон Кихота, который также является знаковым для испанской литературы.

Показательно, что, осмысляя формирование новой литературы, Н. Гумилев в программой статье «Наследие символизма и акмеиз» провозглашает победу в новом художественном сознании романского духа над германским: «Романский дух слишком любит стихию света, разделяющего предметы, четко вырисовывающего линию; эта же символическая слиянность всех образов и вещей, изменчивость их облика могла родиться только в туманной мгле германских лесов»; «Головокружительность символических метафор приучила их к смелым поворотам мысли; зыбкость слов, к которым они прислушивались, побудила искать в живой народной речи новых – с более устойчивым содержанием; и светлая ирония, не подрывающая корней нашей веры, – ирония, которая не могла не проявляться хоть изредка у романских писателей, – стала теперь на место той безнадежной, немецкой серьезности, которую так взлелеяли наши символисты» [Гумилев 1991: 17].

В дальнейшем русско-испанский литературный диалог продолжился в русской поэзии и прозе на испанские темы и в испанских произведениях на русские темы (З. Вальшонок, В. Гришин, В. Мезенцев, А. Сантос, Х. М. Пеман, М. де Гонгора, А. де Фош и др.).

Таким образом, русско-испанский культурный диалог на протяжении нескольких столетий обогащает культурный контекст наций, позволяет полнее понять архитектоническое строение культуры, ее глубинные смещения. В современном мире только совмещение открытости национальных культур с сохранением и развитием национальных традиций может позволить избежать унификации культур, которая низводит до уровня фольклора национальные и социальные особенности, подмены понятия «диалог культур» понятием «обмен продуктами культуры». Не вызывает сомнений, что важнейшую роль в данном процессе играют сопоставительно-типологические исследования и теория и практика перевода.

Литература

Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений. Издательство Ленинградского государственного университета. Л., 1964.

Амельченкова С.А. Испанское влияние на русскую культуру в XIX веке**.** автореф. дис. … канд. культурол. наук. М., 2008.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Гумилев Н.С. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Письма о русской поэзии. М., 1991.

Домашнев А.И. Горизонты романского мира в трудах Г.В. Степанова// RES PHILOLOGICA – II. Филологические исследования: Сб. статей памяти академика Г.В.Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919 – 1999). СПб, 2001.

*Швейцер А.Д.*Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М., 1988.

Р.М.Планкина
Казанский федеральный университет (Казань)

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ– ЧУЖОЙ» В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию культурных особенностей оппозиции *свой – чужой* в русской и татарской лингвокультурах. В ходе исследования были выделены тематические группы, в рамках которых лексемы отражают критерии отнесения человека к *своему* или *чужому*.

Ключевые слова: язык, культура, концептуальная оппозиция *свой – чужой*, тематическая группа.

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса, еще Пифагор «для познания нравов какого ни есть народа» советовал, прежде всего, изучить его язык [Воркачев 2001: 64]. Столь же неоспорима связь языка с культурой, орудием и ипостасью которой он является или же, в более сильной, гностической формулировке, отраженной в Евангелии от Иоанна, он несет в себе источник всего сущего («В начале было слово…»), в том числе и самого человека [Толстой 1997: 312].

Еще со времен Вильгельма фон Гумбольдта исследователи говорят о связи языка и культуры и пытаются решить вопрос как о первичности того или другого, так и о взаимоотношениях сознания, общения, поведения, ценностей, языка. Данными проблемами занимались и занимаются такие ученые, как И.Гердер, А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, Э.Сепир, Г.О. Винокур, К.Фосслер, Ю.М. Лотман, В.Н. Телия и другие.

Культура представляет собой своеобразную историческую память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия 1996: 226].

При рассмотрении проблемы соотношения языка и культуры, исследователи не могли не затронуть вопрос о месте человека в этой системе (Э.Бенвенист, А.Н. Уайтхед и др.). В нашей работе, вслед за В.Н. Телия, мы придерживаемся точки зрения, в которой делается упор на приоритетную позицию человека как порождающего начала для двух других

компонентов культуры язык – культура – человек: культура, равно, как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека» [Телия 1996: 224].

Размышления об особенностях менталитета, чертах национального характера той или иной культуры, нередко способствуют обращению к проблемам возникновения и функционирования в культуре оппозиций, во многом определяющих ее существенные свойства.

В лингвистике не ослабевает интерес к изучению концептуальных оппозиций, причем наблюдается активизация исследований, посвященных проблемам их функционирования и национально-культурного своеобразия, что обусловлено повышенным стремлением к решению вопросов о взаимосвязи языка и культуры.

Концептуальной оппозицией в широком понимании можно считать бинарную оппозицию концептов, находящихся между собой в отношениях противоположности (жизнь-смерть, день-ночь, счастье-несчастье и др.). При этом категория противопоставленности характеризуется такими свойствами, как взаимообусловленность, взаимополагание, взаимоисключение и взаимопроникновение противопоставляемых реалий.

В данной статье, в рамках концептуальной оппозиции мы рассмотрим культурные концепты *свой-чужой* в сопоставительном аспекте, а именно, на материале повести Л.Н. Толстого «Казаки» и в татарском языке на материале трагикомедии «Жан Баевич» Г.Исхаки. Пристального внимания заслуживает конкретно-бытовая лексика, которая, как известно, отражает материальную и духовную культуру общества, а в исследуемом материале служит средством внешнего и физического противопоставления *своего* и *чужого* миров. Основными критериями отнесения человека к своему или чужому могут явиться их внешность, речевое поведение, одежда, пища, обычаи и традиции.

Выявленная лексика была сформирована в тематические группы: *язык, поведение, одежда, пища.*

1. Язык

В качестве базового критерия отнесения человека к группе «своих» можно выделить владение им тем же языком, что и остальные представители данной общности; следовательно, иной, другой язык приобретает коннотацию не своего, чужого.

Рус. - *«Дю те вулеву? (хотите чаю? – франц.) – говорил Ванюша, ухмыляясь. – Ты не наш! Не по-нашему лопочешь, черт!...».* [Толстой 1984: 148]

Рус. *«– Кошкильды! – сказал он. – Это по-татарски значит: здравия желаем, мир вам, по-ихнему».* [Толстой 1984: 130]

Тат. *“Әти”, “әни”, ул ни дигән сүз? “Маман” диең, “маман”! ... “Әти” түгел, “папа” диең”.* [Исхакый 2009: 337-338]

2. Поведение

Исследуемый материал показывает, что оппозиция *свой - чужой* в названных текстах (в определенном языковом окружении) способна трансформироваться в свой – странный. Итак, странным может показаться поведение другого народа:

Рус. *«Надо пить по-казацки, – и, взяв чапуру, налил вина и выпил почти всю. Девки с недоумением и почти с испугом смотрели на него, когда он пил. Это им казалось странно и неприлично».* [Толстой 1984: 172]

В языке русского и татарского народа в качестве примеров поведения, обнаруживаются следующие примеры, характеризующие особенности, присущие определенной культуре:

Рус. *«Девка, не оборачивая головы, ровно и сильно размахивая руками, шла мимо окна тою особенною щеголеватою, молодецкою походкой, которую ходят казачки».* [Толстой 1984: 131]

Тат. *“Ни дип син миңа сөт китерәсең? Нинди графлар, нинди князьләрнең иртә берлә сөт ашаганын күргәнең бар? ... Пристав: “Какой ул князь? Ул – простой государственный крестьянин»”.* [Исхакый 2009: 349]

3. Одежда

Следует отметить, что наименования предметов одежды способны многое рассказать о культурных предпочтениях людей, которые ее носят.

Рус. *«Он был одет по-черкесски, но плохо; всякий узнал бы в нем русского, а не джигита».* [Толстой 1984: 126]

Одежда другого народа может приобрести комическое свойство:

Рус. *«Ему ужасно смешно казалось, что на ней одна рубаха, обтянута сзади и поддернута спереди, и еще смешнее то, что на шее висели полтинники. Он думал, что это не по-русски и что у них в дворне то-то смеху было бы, кабы такую девку увидал».* [Толстой 1984: 132]

Тат. *«Кием первый сорт. (Әнвәргә гаскәри бер кием кигезә. Бер ягына кылыч тактыра. Бер ягына револьвер астыра. Башында кәләпүш, аякта читек, малай кызыгып тора... Бу нинди мәсхәрә! Син әллә угылымны кәмитче ясамакчы буласыңмы?... Син белмисең, син бояр халкыны күрмәгән!».* [Исхакый 2009: 338]

Следующий контекстуальный пример подчеркивает непригодность русской одежды для татарина:

Тат. *«Бу, абзый, урыс киеме икән. Аллам сакласын аны киргә! »* [Исхакый 2009: 335]

4. Пища

Неоднократно в литературе указывалось, что лексемы с компонентом *пища* отражают национальную культуру и национальную специфику народа. Так, в повести «Казаки» обнаруживаются названия блюд и напитков, заимствованных из языков обитателей Кавказа: *каймак (сметана), буза (татарское пиво из пшена), пилав (блюдо из мяса и круп), черкесское чихирь (молодое вино);* а так же слова, переосмысленные казаками: *закуски (называются пряники и конфеты)* [Толстой 1984: 170]; глагол *помолить* на казачьем языке приобрел значение «за вином поздравить кого-нибудь или пожелать счастья») [Толстой 1984: 134].

В татарском языке о «своем» сигнализируют сами названия пищи, такие как: *пәрәмәч* [Исхакый 2009: 374], *почмак* [Исхакый 2009: 328], *коймак* [Исхакый 2009: 332], *чәй* [Исхакый 2009: 346], *татар аш* [Исхакый 2009: 353], *пилмән* [Исхакый 2009: 331]. Однако, для главного героя комедии «Жан Баевич» как для человека образованного, татарская пища становится непригодной:

Тат. *«Календарьда бүген суп а ля тәртуф, соус, майонез, шницель. Голубцы. Аис крем... Ай бер тәрилкә пилмән ашап җибәрергә! Рәхәтләнеп китәр идең бит, ярамый шул, затсызлык була, образованный кешегә килешми»* [Исхакый 2009: 350].

В заключении отметим, что анализ фрагментов художественных текстов продемонстрировал некоторые признаки концептуальной оппозиции *свой-чужой*, актуальные как для русской, так и для татарской языковой картины мира. Наш материал показывает, что семантика названной оппозиции может быть репрезентирована достаточно широким корпусом лексических единиц и оппозиций.

Литература

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. №1. С. 64-72.
Исхакый Г. Әсәрләр. 15 томда. V т. Казан, 2009.
Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
Толстой Л.Н. Кавказский пленник: Рассказы и повести. Казань, 1984.
Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997

Д.И.Рахимова
Казанский федеральный университет (Казань)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСЕМЫ *ИГРА* С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ В РОМАНЕ В.В.НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Статья посвящена анализу семантики лексемы игра и особенностям ее перевода с русского языка на английский в романе В.В.Набокова “Защита Лужина”. Автор дает обзор наиболее интересных и существенных работ, посвященных изучению феномена игры в творчестве В.В.Набокова. В работе расширяется значение понятия «игровой текст», рассматриваются случаи употребления лексемы игра в новых значениях, не зафиксированных в словарях.

Ключевые слова: игра, игровой текст, В.В.Набоков.

В условиях глобализации, которая затронула все сферы жизнедеятельности человека, важно отслеживать взаимодействие культур и языков, поэтому сопоставительная лингвистика является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики.

Как отмечают исследователи, в процессе перевода необходимо решить не только проблему языковой адаптации текста, но и переосмысления ценностей, заложенных в нем, с позиции автора переводимого текста как носителя определенной культуры. Внимание переводчиков фокусируется, таким образом, не на значении отдельных слов в предложении, а на тех тонких смыслах, которые рождаются в контексте благодаря взаимодействию этих слов. При этом очень важно прочувствовать то, что хотел сказать автор, и подобрать наиболее подходящую лексическую и грамматическую оболочку той или иной мысли.

Материалом нашего исследования стал роман В.В.Набокова «Защита Лужина». Оригинальный талант этого автора обладает удивительной, магической силой, притягивая к себе читателей. В литературной истории XX века этот автор занимает уникальное место, чему способствует, в первую очередь, его двуязычие.

Общеизвестно, что язык произведений В.В.Набокова исследован сегодня недостаточно, что большинство работ по этой проблематике принадлежат западным ученым, которые ориентируются на англоязычные варианты набоковских текстов, из-за чего русскоязычные произведения освоены в гораздо меньшей степени. Это удивительно, поскольку как утверждает Александров В.Е. «начиная с 20-х годов, когда Набоков сделался видной фигурой русской литературной эмиграции в Европе, <…> критики самых разных направлений и вкусов неустанно повторяют, что ядро его книг составляет ироническая игра приемов и повествовательных форм» [Александров 1999: 6].

В.В.Набоков сам довольно успешно переводил как произведения классиков, так и некоторые свои творения. Однако этот роман он доверил начинающему молодому переводчику Майклу Скаммеллу, но под своим контролем. Он ревностно отстаивал каждую свою идею.

Ряд исследователей, причисляя Набокова к тому или иному типу мировоззрения, художественной формации, в качестве доминантной характеристики его творчества выделяют игровой принцип, а роман «Защита Лужина» называют игровым. Под игровым текстом мы понимаем «художественный текст, построенный по законам развития какой-либо игры, которая становится способом моделирования художественного мира автора» [Рахимова 2012: 68].

М.Н.Эпштейн выделяет два типа игры:

1. Свободная игра, не связанная никакими условиями, правилами, прелесть ее состоит в том, что любые ограничения серьезной жизни могут в ней легко преодолеваться. Этот тип игры передается английским словом play, под которым игра понимается как процесс.

2. Игра по правилам, о которых заранее договариваются между собой участники, и она внутренне гораздо более организована, чем окружающая жизнь. Шахматы, карты, футбол, рулетка – примеры такой игры, в которой ценна не свобода выразить себя, а достижение выигрыша и избежание проигрыша. Этот тип передается словом game [Эпштейн 1988: 281].

Таким образом, налицо оппозиция, которую составляют понятия play и game по двум различным параметрам:

1) игра импровизационная – игра организованная, формализованная;

2) игра как процесс – игра как результат [Эпштейн 1988: 283-284].

В ходе исследования нами были выявлены контексты, в которых лексема игра использована в следующих значениях [Большой 2012: 373]:

1. К играть:

1) забавляться, резвиться, развлекаться. Игра детей прекратилась. Вмешаться в детскую игру. Игра с ребенком, собакой.

Преданье говорило, что, в первое время ее существования, учителя в час большой перемены возились с ребятами, – физик мял, глядя через плечо, комок снега, математик получал на бегу крепкий мячик в ребра, ***и сам директор веселым восклицанием поощрял игру*** [Набоков 2002: 114] – ***and even the headmaster himself would be there, cheering the game on with jolly ejaculations*** [Nabokov].

2. Занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для заполнения досуга, для развлечения, являющееся видом спорта. Спортивные игры. Шахматная игра. Игра в шашки, карты. Нарушать правила игры. Азартная игра. Подвижные игры.

«Вот у тебя был дядя, он тоже хорошо играл во всякие ***игры, – в шахматы, в карты, на биллиарде,*** *– но у него была и служба, и карьера, и все»* [Набоков 2002: 172]. *– Look, you had an uncle who was also good at all sorts of* ***games – chess, cards, billiards*** *– but at least he had a job and a career and everything* [Nabokov].

5. Преднамеренный (обычно неблаговидный) ряд действий, преследующий определенную цель, интриги, тайные замыслы. Дипломатическая, политическая игра. С моей стороны была не любовь, а только игра: <…> *он* <…> *смотрел и слушал, не проскользнул ли где намек на следующий ход, не продолжается ли* ***игра, не им затеянная, но с ужасной силой направленная против него*** [Набоков 2002: 250]. <…> *he* <…> *looked and listened for a hint as to the next move, for a continuation of the* ***game that had not been started by him but was being directed with awful force against him*** [Nabokov].

Помимо контекстов, где лексема игра употреблена в прямом значении, в романе встречается случай использования данной лексемы в переносном значении: <…> ***ему хотелось остановить часы жизни, прервать вообще игру, застыть,*** *и при этом он замечал, что продолжает существовать*…[Набоков 2002: 241]. Но и в этом случае переводчик использует лексему game:<…> ***he was tempted to stop the clock of life, to suspend the game for good****, to freeze, and the same time he noticed that he continued to exist*…[Nabokov].

Вызывает интерес и такое предложение, как *«****Игра Лужина****, в ранней его юности так поражавшая знатоков невиданной дерзостью и пренебрежением основными как будто законами шахмат, казалась теперь чуть-чуть старомодной перед блистательной крайностью Турати» [Набоков 2002: 161]*. В данном контексте лексема игра использована в значении, которое не зафиксировано в словарях: «манера, стиль игры». Но и в этом случае при переводе использована та же лексема, что и в предыдущих примерах: *Luzhin's game, which in his early youth had so astounded the experts with its unprecedented boldness and disregard for the basic, as it seemed, rules of chess, now appeared just a little old-fashioned compared with the glittering extremism of Turati* [Nabokov].

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе лексемы игра в тексте романа В.В.Набокова в различных контекстах используется лексема game, которая имеет такой же широкий спектр значений, что и ее русский эквивалент.

Литература

Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / В.Е.Александров. СПб, 1999.

Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб, 2002.

Набоков В.В. Романы. Рассказы . М., 2002.

Рахимова Д.И. Семантика и функционирование лексемы игра (на материале романа В.В.Набокова "Защита Лужина"): дис. … канд. филол. наук. Казань, 2012.

Эшптейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX– XX вв. М., 1988.

V.V.Nabokov "The Defence"// URL: http: // lavachequilit.typepad.com/files/the-defence.pdf (Дата обращения: 21.01.2014).

К.Э.Садриева
Казанский федеральный университет (Казань)

КОЛОРАТИВЫ КАК СРЕДСТВО СЛОВЕСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕЙЗАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА И А.И. КУПРИНА

Статья посвящена сравнительному анализу колоративов, использующихся как средство словесного описания пейзажа, в художественной прозе И.А. Бунина и А.И. Куприна, творивших на рубеже 19-20 веков. Были проанализированы наиболее частотные имена прилагательные лексико-семантической группы цвета с учетом их синтагматических связей с именами существительными. Особое внимание уделено окказиональной сочетаемости с именами существительными и индивидуально-авторским новообразованиям.

Ключевые слова: адъективы, эстетическое значение, многоплановость слова, колоративы, окказиональные образования, двузначность эпитета, художественная манера писателя.

Вопросы изучения языка художественной литературы занимают одно из центральных мест среди актуальных лингвистических проблем.

В тексте художественного произведения различные группы слов, в том числе имена прилагательные, могут сохранять свойственные им общепринятые значения, а также приобретать новые смыслы. Подобное семантическое обогащение происходит под влиянием контекста, идеи и проблематики произведения, авторского видения мира.

При этом не следует забывать, что, когда мы говорим о художественном языке, речь идет о такой категории художественных текстов, как эстетическое значение. Отметим, что «эстетическое значение – термин, которым мы обозначаем различные типы индивидуально-авторских значений, оттенки значений, эмоционально-экспрессивные, эмоционально-оценочные и стилистические сдвиги в смысловой структуре слова» [Донецких 1980: 13], то есть индивидуально-авторские значения, которые не допускает слишком конкретных толкований.

Для изучения данной стороны художественных произведений особое значение имеют имена прилагательные, которым свойственна наибольшая семантическая емкость, то есть они обладают особым потенциалом в семантической и коннотативной сферах.

Смысловой объем имен прилагательных обогащается в том числе и в определенном синтагматическом окружении, в сочетании с разнообразными именами существительными. Именно в подобных словесных связях особенно ярко раскрываются семантические, экспрессивные и функциональные возможности адъективов. К тому же главное свойство прилагательных «заключается в том, что этот класс слов семантически несамостоятелен» [Вольф 1978: 7], сдвиги в значении прилагательного находятся «в зависимости от сочетаемости с разными существительными» [Вольф 1978:4]. Слова данной части речи легко подвержены «малозаметным, но существенным смысловым смещениям в различных сочетаниях с именами существительными» [Сорокин 1977: 45]. «Прилагательное легко приспосабливается к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении» [Вольф 1978: 4].

Следует подчеркнуть, что «основополагающим, категориальным, свойством языка И.А. Бунина и А.И. Куприна является смысловая многоплановость слова, полисемия» [Зубова 1989: 60] имен прилагательных. Чаще всего это факты совмещения прямого и переносного значения слова, использование принципа «сцепления значений в пределах многозначного слова» [Шрамм 1979: 3]. Целесообразным представляется рассматривать «многозначное слово как нежесткую, открытую структуру» [Шрамм 1979: 79], в связи с чем источником семантической структуры многозначных прилагательных является контекст.

В настоящей работе мы обращаемся к особенностям употребления имен прилагательных, описывающих природу, в прозе двух писателей, творивших на рубеже 19-20 веков – И.А. Бунина и А.И. Куприна.

Творческие манеры Бунина и Куприна отличаются своеобразием. Характерной чертой идиостиля Бунина является изобразительность, достижение эффекта чувственного восприятия изображаемого, раскрытие мира во всем его многообразии звуков, запахов, оттенков цвета, что обусловило использование широкого круга прилагательных в его произведениях.

Имена прилагательные, служащие для описания природы, представлены в произведениях и Бунина, и Куприна. Однако в количественном отношении адъективы данной группы преобладают у Бунина, поскольку всю красоту жизни писатель выражал именно через описание природы. В своих произведениях писатель высказывает философскую концепцию, которая заключается в следующем: «все проходит,… все тлен – вечна только природа» [Кирнос 1992: 85]. Важно подчеркнуть, что оба писателя говорили о пагубном влиянии отрыва человека от природы. Поэтому тема природы затрагивается и Куприным.

При этом особого внимания заслуживают прилагательные, относящиеся к лексико-семантической группе цвета. Данная лексико-семантическая группа представлена значительным количеством примеров, которые используются для словесного изображения пейзажа.

Анализ колоративов, описывающих природу, начнем с наиболее частотных цветовых обозначений в творчестве Куприна. Писатель, как правило, наделяет предметы и явления природы только одним четким цветом. Например, з*еленый луг*, *голубое небо*, *черная туча*, *черные нивы*, *черный пар*, *серое утро*, *коричневые почки тополя*, *лиловые головки колокольчиков*.

В прозе Бунина одно имя прилагательное нередко содержит в себе указание на несколько цветов, что объясняется импрессионистской манерой письма. Например: *коралловые рябины*. Прилагательное *коралловый* обозначает разные цветовые оттенки: от ярко-красного до бледно-розового. В словосочетании *свинцовые тучи* – тучи синевато-серого цвета. В примере *линючие тучи* используется сравнение с цветом вылинявшей, выцветшей ткани.

Характерной чертой художественной манеры Бунина является его обращение к сложным прилагательным, в результате чего создается целая палитра цвета. Например: *золотисто-светлое небо*, *винно-красное солнце*, *красно-золотой вечерний свет в аллее*, *серо-красные тучи*, *бело-огненные иглы воды*, *серо-зеленые равнины*, *оранжево-алая*

муть, *сине-лиловое небо*, *сиренево-серые облака*, *пепельно-оранжевые облака*. С помощью подобных композитов Бунин активно апеллирует к воображению читателя.

Не менее выразительны оттеночные цветовые прилагательные. Например: *темно-синяя глубина неба*, *нежно-голубые дали*, *бледно-синеватая даль*. С помощью них создается картина русской природы, смена света, цвета. Настроения в зависимости от времени суток, от солнечного освещения.

Обратим внимание и на прием окачествления прилагательных, достаточно частотный в прозе Бунина. Например: *арктическая мгла* – окачествление относительного прилагательного *арктический*. Отметим переход данного адъектива в лексико-семантическую группу цвета. Прилагательное отсылает воображение читателя к затяжной арктической ночи, с непроглядной темнотой, чтобы подчеркнуть всю мрачность царящей вокруг мглы. Аналогичный пример – *тропическое небо*.

Для большей наглядности Бунин включает в свои цветовые определения металлы, минералы и т.д.: *бледно-серебристый бурьян*, *синевато-свинцовый свет угасающего дня*, *зелено-золотой сук*, *мутно-золотая заря*, *жемчужно-бирюзовоенебо*, *пыльно-серебристое небо*, *ржаво-соломенный цвет каменной громады*, *темно-аспидная туча*, *молочно-свинцовый туман*.

Интересен следующий пример композита, соединяющего в себе цветовое и нецветовое прилагательные: *сумрачно-лиловый запад*. В данном случае эпитет *сумрачный*, характеризующий, как правило, психологическое состояние, настроение в составе указанного сложного прилагательного раскрывает цветовое описание, а также передает печальное и угрюмое настроение в окружающем мире. Таким образом, происходит актуализация двузначности эпитета, то есть наличие в его семантической структуре нескольких значений.

Рассмотрим аналогичный пример окказионального композита из творчества Куприна: *вода была весело-синя*. В данном сложном прилагательном происходит соединение настроения, свойственного человеку, с цветом *синий*, тем самым создается образ не только весело сверкающей воды, но и появляется указание на то, что над водой синее небо.

Однако не всегда писателю достаточно лишь двухцветного сочетания для достижения полноты в изображении окраски, в этом случае Бунин добавляет к нему эпитет: *жестяное зелено-белое пламя грозы*, «*на огромном, то золотом, то бело-фиолетовом небосклоне*» [Бунин 1985: 218].

Иногда Бунин обращается и к трехчастным цветовым объединениям: «*трещали воробьи в золотисто-зелено-серых прутьях*» [Бунин 1985: 270], что является отличительным свойством художественной манеры писателя.

Как было отмечено выше, Бунин питает особое пристрастие к составным цветовым красочным эпитетам. Подобные композиты-колоративы писатель активно использует при описании животного мира, мира птиц и насекомых: з*елено-золотая иволга*, *старая черно-седая собака*, *огненно-золотые пчелы*, *смугло-золотые вальдшнепы*, *золотисто-купоросные мухи*, *металлически-серые мухи*, *зелено-лиловые мухи*, *рубиново-синие попугаи*, *золотисто-песочного цвета ястреб*.

В ходе анализа стало понятно, что имена прилагательные в творчестве Бунина достаточно разнообразны, однако нельзя забывать, что Куприным также была проделана работа

в области словесного изображения пейзажа. При этом его пейзажи, в особенности зрелого периода, написаны в индивидуальной, присущей именно ему манере; их отличает краткость, четкость рисунка, сочетающаяся с мягкостью красок, лиричностью.

Особое внимание прилагательным, описывающим русскую природу, Куприн начинает уделять именно в эмиграции, в которой писателя не оставляла тоска по русской природе. Поэтому следует отметить, что и в творчестве Куприна можно заметить сложные цветовые прилагательные и ряды эпитетов. Например: *бледно-зеленый свет в саду, молочно-розовый туман, бледно-малахитовое море, дымные пепельно-оранжевые облака*.

В прозе Куприна встретился следующий выразительный пример: *перламутровая вода в тихих каналах* – схожий с бунинскими сочетаниями *коралловые рябины* и *свинцовые тучи*. В данном случае, учитывая производящую основу прилагательного, Куприн создает яркий образ. В сознании читателей появляются разные цветовые оттенки: переливчатый и серебристо-розовый.

Также как и Бунин, Куприн старался уловить особенности смены цветов в природе, смену времени суток, переход от одного цвета к другому: «*Еще никогда никто … не сумел уловить момента, когда все в мире становится из бледного, розового – розово-золотым, золотым*» [Куприн 2008: 660].

В следующих двух контекстах писатель отразил целую гамму цветов и их различных оттенков, которые присутствуют одновременно: «*Еще оставшиеся кое-где местами зеленые ветки причудливо перемешаны с осенними тонами, то* ***светло-лимонными****, то* ***палевыми****, то* ***оранжевыми****, то* ***розовыми*** *и* ***кровавыми****, переходящими изредка в цвета* ***лиловый*** *и* ***пурпурный***» [Куприн 1957, 1: 119]; «*море лежало спокойное, ласковое,* ***нежно-изумрудное*** *около берегов,* ***светло-синее*** *посередине и лишь кое-где едва тронутое ленивыми* ***фиолетовыми*** *морщинками. Внизу под пароходом оно было* ***ярко-зелено****, прозрачно и легко, как воздух, и бездонно*» [Куприн 1957, 1: 210].

Таким образом, колоративы в прозаических произведениях Ивана Алексеевича Бунина и Александра Ивановича Куприна играют важную роль. В связи с этим словесное изображение пейзажа проанализировано именно через призму адъективов, относящихся к лексико-семантической группе цвета, поскольку данная группа предстает наиболее частотной и обширной в творчестве обоих писателей. Колоративы в художественной прозе И.А. Бунина и А.И. Куприна разнообразны, необычны в своих сочетаемостных способностях с именами существительными. В ходе анализа было выявлено, что среди имен прилагательных со значением цвета, описывающих природу, наиболее частотными и заслуживающими особого внимания, являются цветовые композиты.

Литература

Бунин И.А. Повести и рассказы. Л., 1985.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.

Донецких Л.И. Реализация эстетических возможностей имен прилагательных в тексте художественных произведений. Кишинев, 1980.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.

Кирнос Д.И. Индивидуальность и творческое мышление. М., 1992.

Куприн А.И. Повести. Рассказы. Очерки. М., 2008.

Куприн А.И. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1957-1958.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
Сорокин Ю.С. О поэтическом идиолекте. Из стилистических комментариев к пушкинским поэтическим текстам («Анчар») //Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. 1977. С. 38-61.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4 томах. М., 2000.
Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979.

А.Г.Садыкова
Казанский федеральный университет (Казань)

МЕТАФОРИЧЕСКИ ПЕРЕОСМЫСЛЕННАЯ ЛЕКСИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Работа посвящена метафорически переосмысленным лексемам семантического поля строительной лексики, рассматриваемые в качестве языковой репрезентации концептуальной сферы «Эмоции человека». Выявляются семантико-когнитивные и типологические особенности регулярного переосмысления исследуемых лексем.

Ключевые слова: концептосфера, метафора, концепт, функциональные особенности, категоризация, системность, семантико-когнитивный подход, концептуальная метафора, метафорическая модель.

В основе современного когнитивного подхода к исследованию метафоры лежит положение о метафорической природе мышления, которое представляет собой манипулирование когнитивными структурами знания. В основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью концептосферы (понятийной сферы, домена, ментального пространства), которые образуют тот фон, из которого выделяется концепт.

Исследования концептуальных метафор позволяет выделить ряд характерных черт, дающих основания для их интерпретации.

Фундаментальными особенностями концептуальных метафор являются категоризация, упорядочивающая воспринимаемую действительность, и системность, на основе которой Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004] выделили ряд когнитивных метафор, которыми оперирует понятийная система сознания человека.

Концептуальная метафора, устанавливая ассоциативные связи между концептуальными сферами когнитивного сознания носителя языка, играет роль инструмента, с помощью которого происходит категоризация и организованная классификация опыта человека, зафиксированного в языке и представленного языковыми единицами. Помимо категоризации опыта, метафора выполняет важную функцию его систематизации, то есть установления взаимосвязи между вычленяемыми категориями и их укрупнение в систематизированные когнитивные модели.

Нами будет рассмотрена концептуальная сфера «Эмоции человека» - это та область, в которой метафорический переосмысливаются эмоциональные свойства и состояние человека. Исследованию подвергаются метафорически переосмысленная строительная лексика.

Результаты проведенного исследования метафоризации рассматриваемой области позволяют выделить концептуальную метафору «эмоции и чувства – это здания».

Концепты эмоций и чувств и их проявления рассматриваются как здание или его разновидности, что позволяет выделить концептуальную метафору «эмоции и чувства – это здание». Отсюда возможность осознания чувств как здания, которому необходим фундамент: *основы наших чувств закладываются в детстве. Базовое доверие к миру закладывается в течение первого года жизни* [Ирсен 2009: 134]; *The foundation of courage; или здания, которое может рухнуть по каким-либо причинам: Her …feeling for him, or for any other man, collapsed that night. …* [Lawrence 2005: 75]; *Now the mental excitement had worn itself out and collapsed, and she was aware only of the physical aversion* [там же: 132]. Эмоции и чувства имеют свой порог, свидетельствующий о начале их проявления или, переступив который они существуют в качественно ином состоянии: *болевой порог; You eventually cross a threshold of emotion – mostly just by looking* [Шоу 2005: 247]; *You have terribly low threshold of shock [там же: 345]; I have a low/high boredom threshold* [CALD]. В концептосфере носителя русского языка психика как сложная многоуровневая душевная организация человека метафорически переосмысляется как многоэтажное строение: *Тревога – это пряная дорога в бессознательное, в те нижние этажи нашей психики, о которых мы часто не подозреваем* [Ирсен 2009: 134]; *И опять нам нужно опуститься в нижние этажи* подсознания [там же].

Единичными случаями метафорического переосмысления в английском и русском языках представлен концепт «любовь», как реализация базового переноса «эмоции и чувства – это здания». В концептосфере носителя английского языка «любовь» представляется как здание со сложно расположенными внутренними помещениями, запутанными коридорами, из которых трудно найти выход: *He was no stranger to the labyrinth of love* [CALD]; или как нематериальная сущность, которая не способна ни прокормить человека, ни предоставить ему спокойного сна, ни защитить его, например, от дождя: *Love is not all: it's not meat, nor drink, nor slumber, nor a roof against the rain* [Millay 2001: 346]. В концептосфере носителя русского языка экспликация данного концепта представлена и известна слоганом одного из реалити-шоу: *построй свою любовь*.

Реализацией метафорического переноса «эмоции и чувства – это здания» служит и актуализация концепта «уверенность» в концептосфере носителя английского языка. Чувство уверенности, твердую веру, убежденность в чем-либо необходимо последовательно «строить», при необходимости в течение определенного периода времени: *confidence builder* [MED]; *The food industry needs to build consumer confidence again* [там же]*; She'd been building up all week to telling them she was leaving* [там же]. При определенных сложившихся обстоятельствах данная постройка может рухнуть: *it was an experience that completely demolished her confidence* [там же]. На подобной ассоциации основано и репрезентация концептов «напряжение», «негодование», «раздражение» в следующих примерах: *Don't allow resentment to build up between you and your partner* [там же]; *Tension began to build as they argued more frequently* [LDOCE].

В концептосфере носителей английского и русского языка наблюдается устойчивая аналогия между восприятием эмоциональной преграды, разделяющей людей или являющейся препятствием для их полноценного эмоционального общения и стеной здания. В связи с этим, в рамках исследуемой метафорической модели мы можем говорить о существовании концептуальной метафоры «эмоциональная преграда – это стена». Этот базовый концептуальный перенос проявляется в следующих метафорических выражениях русского языка: *стена равнодушия, стена безразличия, стена непонимания, стена эгоизма, стена себялюбия, стена вражды* и т.д. Проиллюстрируем это проявление метафоризации концептов на материале английского языка: *There is a wall of mistrust between the two groups* [MED]; *The years have built a wall between the two families* [там же]; *A wall of silence had grown between them* [там же]; *When spoke to her, she seemed to be trying to catch a weak message being tapped through a thick wall* [Шоу 2005: 409].

Эмоциональное состояние крайнего раздражения, исступления во время ссоры и скандала конептосфере английского языка метафорически представляется как неспособность крыши здания или потолка помещения выдержать накал страстей: *to raise the roof* – be extremely noisy and boisterous, complain loudly and angrily: *They'd had a lot of drink and were really raising the roof last night; When the landlord increased the rent, the tenants raised the roof about his lack of repairs and maintenance*; *hit the ceiling* – explode in anger: *Jane hit the ceiling when she saw her grades* [yourdictionary.com].Схожесть прототипной ситуации прослеживается и в метафорических выражениях *up in the house roof, house-top* – enraged. Апелляция к верхнему структурному элементу здания для метафорического представления ужасной, неистовой, растущей ярости наблюдается и в микроконтекстах следующих выражений: *in a towering rage* - very great, intense, violent; *to drive/send up the wall* - to make a frantic, emotionally tense, crazy, etc [yourdictionary.com]. Последний пример семантически соотносится с выражением русского языка: *на стену (на стенку) лезть* – приходить в крайнее раздражение, исступление [Ожегов 1997]. Обобщение приведенных выше примеров позволяет нам выделить базовую концептуальную метафору, в рамках которой происходить осмысление таких негативных психоэмоциональных состояний, как гнев, раздражение, исступление, ярость, злость: «нарастание раздражение/гнева – это восхождение к верхнему уровню помощения/здания». Противоположный концептуальный перенос, актуализирующий нижний уровень здания, прослеживается в метафорическом выражении английского языка: *to sink through the floor* – to feel extremely embarrassed; */ didn't/ know what to say – I was completely floored* [CALD].

Таким образом, для когнитивного сознания носителей английского и русского языков характерно метафорическое структурирование области «эмоции человека» по аналогии создания, в основе которого лежит наглядная или функциональная ассоциация. Физической основой данного метафорического переноса является детальная структурированность и наглядность когнитивной области источника строительной метафоры и основополагающая прагматическая функция здания, которая позволяет сознанию человека рассматривать его в качестве источника когнитивной ориентации для репрезентации эмоциональных состояний. Количественный анализ подтверждает предположение о том, что когнитивное сознание носителей русского языка менее праг-

матично и более эмоционально. В связи с этим, семантическое поле строительной лексики русского языка не является частотным и продуктивным источником метафорической репрезентации эмоциональных состояний в концептуальной картине мира носителей русского языка, в отличие от когнитивного сознания носителей английского языка, которые достаточно часто обращаются к строительной лексике в целях метафорического представления концептов рассмотренной концептосферы.

Литература

Баранов А.Н. Метафорическая модель и смежные категории (к терминологии теории метафоры) //Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс исследователей русского языка. М., 2004.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: перевод с англ. под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова. М.: Editorial УРСС, 2004.
Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. Bodily action and metaphorical meaning // Style. Vol. 36 (3). 2002.
CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge university Press, 2009.
LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 2003.

А.Г.Садыкова, Л.Р.Закирова
Казанский федеральный университет (Казань)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится анализ содержательных аспектов англоязычных и русскоязычных спортивных рекламных слоганов, особенностей употребления функционально-экспрессивных и синтактико-стилистических приемов при создании слоганов. Рассматриваемые в статье приемы способствуют пониманию информации, заключенной в слоганах, принятию этой информации, а также их лаконичности и запоминанию.

Ключевые слова: рекламный слоган, атрибутивные словосочетания, метафора, окказионализмы, фразеологизмы, каламбур, сленг, английский и русский языки.

В современной жизни человека реклама играет очень важную роль. Язык рекламы отличается краткостью, выразительностью и яркостью. Целью рекламы является запоминание рекламного сообщения, а если говорить точнее, запоминанию финальной фразы – слогана, являющегося одним из важнейших компонентов современного рекламного текста Слоганы стали неотъемлемой частью человеческой жизни и используются во всех видах рекламы: телевизионной, газетной, журнальной, плакатной, радиорекламе и др.

Так, реклама спорта, спортивных мероприятий, товаров на сегодняшний день занимает отдельную нишу в рекламном бизнесе. Тенденции спорта как массового зрелища получили развитие с появлением СМИ и глобальных коммуникаций. Очевиден тот факт, что популярность спорта намного возросла в последние десятилетия; это один из наиболее востребованных видов деятельности. Спортивные лозунги печатаются на футболках, баннерах, вывесках, в телевизионной и печатной рекламе и т.д. Благодаря таким спортивным мероприятиям, как XXVII Всемирная летняя Универсиада-2013 в

Казани, Чемпионат по легкой атлетике в Москве, Олимпиада-2014 в Сочи, Чемпионат мира по футболу-2014 и многим другим, мир рекламы получил неограниченное количество рекламных слоганов. Приведем примеры некоторых из них: «Быстрее, выше, дальше» (ЧМ по легкой атлетике в Москве); «Нас не догонят!!!» (ЧМ по футболу-2014).

Так, слоганом XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 года в Казани является: «You are the world». Так как эмблема Универсиады была латинская букву «U», то было возможно использование следующего варианта написания данного слогана: «U are the World». Посредством такого написания создатели слогана трактуют его в двух значениях. «Весь мир в тебе» – дословно: «Ты − мир», а также: «Универсиада – это целый мир». Данный слоган многофункционален: он легок на восприятие, понятен, краток, экспрессивен. Цель создателей слогана была достигнута – он был успешен и его запомнил каждый.

Рассматривая вопрос создания эффективного спортивного рекламного слогана можно выделить ряд средств, привлекающих внимание аудитории: употребление семантико-стилистических свойств слов, структурных особенностей предложения, фонетико-интонационных, а также графических средств. Центральное место среди них занимает смысловое звено. Слоганы включают информативную и эмоциональную составляющие. Например: «Columbia. Проверено холодом»; «BOSCO SPORT. Олимпийские одежды»; «Roces. Ощути свободу движения» (роликовые коньки).

Необходимо отметить, что рекламный слоган должны отличать такие критерии, как доходчивость, яркость, лаконичность, экстравагантность, высокопрофессиональное исполнение.

Использование различных средств художественной выразительности, таких как рифма, метафора, каламбур, олицетворение, повторение, сравнение, гипербола, и другие, позволяют авторам рекламных слоганов не только создать выразительный слоган, но и повысить его эффективность.

Среди современных спортивных рекламных слоганов немало тех, которые имеют рифму. Рассмотрим слоган фитнес центра «Infinity Fitness»: «It’s never too late, to lose that weight», или слоган физкультурной акции в Москве для пожилых людей и слоган магазина спортивных товаров: «С активным долголетием отпразднуем столетие»; «В здоровом теле – здоровый дух! Этот лозунг ещё не потух!»

Как и любые строки стихотворного текста, ритмически составленные слоганы легко воспринимаемы, произносимы, а главное запоминаемы. Это и является одной из главных задач слогана. Наряду с рифмованными слоганами, можно выделить такой тип как – ритмически гармонизированные слоганы. Ритмическая форма слогана, безусловно, влияет на его содержание. Остановимся на двухсложных и трехсложных стихотворных размерах.

Первые передают идею бодрости, энергии и силы. Такие слоганы используются для фитнес клубов, собственных наименований магазинов: «World Class. Объединяя разное» (Сеть фитнес-клубов «World Class»); «Janinn Fitness. Подари себе модный фитнес!» (Фитнес-центр «Джанин Фитнес»); «Планета Фитнес. Всегда первые с 1990 года» («Планета Фитнес», сеть спортивно-оздоровительных клубов); «Триал-Спорт. Формула активного отдыха» (Специализированные спортивные магазины «Триал-Спорт»); «Дельта Спорт. Спортивный интерес к жизни» (Сеть магазинов спортивной одежды и обуви «Дельта-Спорт»). Наряду с двухсложными стихотворными размерами,

трехсложные передают идею сдержанности и умиротворенности: «Puma – Our Philosophy.Your Game»; «Champion – Be Your Own Champion».

В возникшей острой конкурентной борьбе за численность покупателей, авторы рекламных слоганов используют очень интересные решения проблемы. Наряду со способами привлечения внимания слушателя/зрителя, использование каламбуров, стимулирующих мыслительные процессы и порождающих ассоциации, является наиболее приемлемым. Каламбур придает рекламному слогану комический эффект, так как некоторые слова выступают омонимами или омофонами [Пирогова 2006: 74-75]. Например: «Best in the Field». В данном слогане обыгрывается слово «Field» – поле. Второе значение – футбольное поле. Магазин спортивного инвентаря «Кант» пользуется таким слоганом: «Кант. Легко выбрать свое!». Данный каламбур заключается в актуализации комичной ситуации, в которой оказалась известная личность, а именно философ Иммануил Кант, изображенный на горных лыжах на одном из рекламных проспектов. Нередко в рекламных текстах каламбур используется наряду с таким приемом как парадокс. Парадоксальность – чрезвычайно распространённое качество, присущее произведениям самых разных жанров искусства [Ушаков 2009]. Парадоксальные названия неизменно привлекают к себе внимание аудитории. Их использование в жанре рекламы не исключение. Одним из слоганов магазина спортивных товаров «Reebok» является: «Reebok. Наш клиент теряет только в весе».

Построенная на парадоксе, двойственность смысла в приведенном примере может породить некое недоверие у аудитории. Дело в том, что речевой оборот «терять в весе» имеет в некоторых случаях и иное значение. Данный оборот можно трактовать как – терять в престиже. Еще один слоган этой же компании: «Reebok. Наши кроссовки рвутся только вперед». Глагол «рваться» в данном слогане имеет двойной смысл. Во-первых, потенциальный покупатель может понять в значении – разрываться, так как кроссовки стремятся только вперед. На первое место выдвигается отрицательная характеристика товара, это необычно и привносит в слоган эффект словесной остроты. Во-вторых, в значении – стремиться, то есть ускоряться, и быть первыми. «Одушевление» товара, динамичность также являются элементами словесной остроты, которые вызывают у потенциального покупателя желание приобрести рекламируемый товар.

Анализируя особенности многочисленных спортивных рекламных слоганов, можно заметить, что в основе многочисленных слоганов лежит достаточно распространенный литературный прием − метафора. Метафора является хорошим образным средством, с помощью которого можно представить неинтересную информацию в очень выгодном свете, данный факт немаловажен для рекламы. Использование метафоры в рекламе нацелено на создание оригинального рекламного образа, а также привнесение какого-либо оценочного эффекта в рекламный текст. В качестве очередного примера можно привести слоган XXI Зимних Олимпийских игр в Ванкувере: «With glowing hearts» (Пылая сердцами) – данная метафора в слогане привлекает внимание и вызывает положительные эмоции у аудитории [9]. Среди существующих метафор в рекламе можно выделить такой тип, как метафоры, связанные с организмом человека. Как правило, они создаются на основе слов: «жизнь», «здоровье». Например, «Вдохните жизнь в ваши мускулы» (Фитнес клуб «N-ergo»). Также выделяют такой тип метафор, как транспортные, они связаны со словами «путь», «шаги», «движение», «стремление», «гонка». Такие метафоры распространены в рекламе различных фитнес клубов, спортивных журналов, соревнований.

Например: «Everything's race» (Все в мире – это гонка) – слоган лошадиных скачек в Канаде, «Стремиться к совершенству. Всегда». Этот слоган для рекламы фитнес-центра «Марк Аврелий», «Мужской путь к успеху» (журнал «Men's Fitness»), Слоган «Тонус-Клуба» – «Самый легкий путь к красоте и здоровью».

Довольно часто в слоганах используются фразеологизмы. Спортивные рекламные слоганы не исключение: «Impossible is nothing» (Невозможное возможно) – один из известнейших слоганов спортивной компании «Adidas». Иногда в устойчивых словосочетаниях сознательно нарушается или порядок слов, или замена ключевого слова. Например: «Комфорт с первого взгляда» (Реклама спортивной одежды марки «Columbia») – слово «Любовь» заменили словом «Комфорт».

Рассматривая спортивные рекламные слоганы можно выделить особый характер употребления в рекламных текстах личных и притяжательных местоимений. С их помощью устанавливается дружеский контакт, возникает иллюзия, что потребитель с производителем состоят в хороших отношениях. Такие рекламные обращения, как принято, строятся на последовательном применении коммуникативной модели: «I, mine»/ «Я, мой» –для выделения личности потенциального покупателя; «We, our»/ «Мы, наш» – для обозначения рекламодателя; «you, your»/ «Вы, Ваш» – для обращения к потенциальному покупателю; «they, their»/ «Они, их» – для ссылки на возможных конкурентов. Например: рекламный слоган бренда «Puma»: «I'm going» (Я в движении); «We not me» (Мы, а не я) – Слоган баскетбольного клуба «Boston Celtics»; «Hot. Cool. Yours» − слоган XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи; «Я – это Я» («Reebok»); «You are the world» − (Универсиада-2013 в Казани); «Ты – это ты, и ничто другое не имеет значения» (Nike); «Новая форма. Новая ты» (Женская спортивная одежда и аксессуары «Emdi»); «Мы делаем спорт доступным!» (спортивный магазин «Спортмастер»).

Наиболее употребляемы слова в англоязычных спортивных рекламных слоганах это – good, better, best, leader, fullsure, wonderful, special, easy; в русских – лучше, выгоднее, единственный, уникальный, вдвойне, супер, сверх, первый. Все эти слова являются сигналами того, что рекламируемая марка в явном или неявном виде подается в сравнении с другими марками той же товарной категории. Например, «Вдвойне интересно» − слоган Центрального телеканала «Россия 2» (ранее «Спорт»).

В ходе исследования англоязычных и русскоязычных спортивных рекламных слоганов, было выявлено то, что для создания эмоционально-экспрессивной окраски рекламного текста также активно используются сленговые конструкции. Так, к примеру, спортивный рекламный слоган фитнес-клуба «N-choice Fitness» звучит так: «И качку, и новичку!». Используемое слово «качок», относится к молодежному сленгу. «Качок» то есть человек, занимающийся одним из видов спорта по формированию собственного тела, например – бодиблдинг.

В следующем примере: «Бросай инет, вставай на лыжи!», очевидно, что слово «интернет» заменено более разговорным «инет». Так как неотъемлемая часть молодежи проводит свое время во всемирной сети интернет, то они называют его сокращенно «инет». Авторы слоганов решили, что для того, чтобы язык слогана был более доступным для целевой аудитории, с ней необходимо говорить на одном языке.

Отдельно следует отметить систему знаков препинания в слоганах. Пунктуационные знаки, как и другие графические экспрессивные средства, используемые в рекламных спортивных слоганах, часто сопровождаются дополнительными средствами

выразительности. Приведем примеры некоторых из таких слоганов: «Talent wins games, Teamwork wins Championships!»; «Some dream about goals…we make them!».

В русскоязычной рекламе также используются графические средства, для большего привлечения внимания потенциального покупателя: «…здоровье – дороже золота» (один из слоганов фитнес клуба «Valery»); «Ты в норме…пока ты в форме» (Спортивный магазин «Спортмастер»).

Употребление многоточия в рекламных слоганах позволяет не только выделить и актуализировать вводимую часть высказывания, но и передать дополнительные контекстуально-обусловленные эмотивные оттенки, побудить читателя к самостоятельному домысливанию некоторых деталей.

Выявляя специфические особенности экспрессивности спортивных рекламных слоганов, было отмечено применение редукции, которая наблюдается в сокращении начальных букв вспомогательных глаголов (am –‘m; will –‘ll; are – ‘re; cannot – can’t) Рассмотрим примеры среди англоязычных слоганов: «Soccer, it’s in my blood» (Soccer slogan); «If volleyball was easy, they’d call it football»; «Protect yourself from what you can't see» (спортивная одежда «Columbia»). В русскоязычных исследуемых слоганах редукция не выявлена, так как сокращение начальных букв вспомогательных глаголов характерно для английского языка.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: изучение проблематики спортивных рекламных слоганов весьма интересно и заслуживает пристального внимания. Приведенный выше анализ дает основание утверждать, что знание функционально-экспрессивных англоязычных и русскоязычных спортивных слоганах повышает их эффективность, делает их более выразительными, а также помогает значительно увеличить целевую аудиторию. Кроме того, спортивные рекламные слоганы имеют характерные когнитивные и прагматические свойства. В них информация заключается в концентрированном виде, как обособленная языковая категория. Слоганы обладают системностью составляющих элементов на всех уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом. Принадлежность к тому или иному уровню зависит от передаваемой информации.

Литература

Бове К. Современная реклама /Под ред. О. А. Феофанова. Тольятти: Довгань, 2001.
Кеворков В.В. Слоган. М., 2006.
Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2006.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь . 2009//URL: http://ushakovdictionary.ru
100 лучших слоганов мировой рекламы. 2014//URL: http://www.adme.ru
SportSlogans . 2014//URL: http://www.thinkslogans.com
Официальный сайт XXII Олимпийских зимних игр. 2014//URL: http://www.sochi2014.com
Официальный сайт XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 в Казани. 2013 //URL: http://kazan2013.ru
Слоганы Олимпийских игр последних 20 лет. 2014 //URL: http://m.forbes.ru

З.Ж.Салихова
Казанский федеральный университет (Казань)

«СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В «ТАПШЫРЫЛМАГАН ХАТЛАР» А.КУТУЯ И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК»

В статье исследуются синтаксические трансформации в переводе на русский язык произведения известного татарского писателя А. Кутуя «Тапшырылмаган хатлар». Оно было одним из популярнейших произведений советского периода и переводилось на многие языки. В данной работе рассматриваются виды и особенности употребления трансформаций.

Ключевые слова: трансформация, перевод, лексика, татарский язык, переводной текст.

В данной работе мы будем рассматривать синтаксические трансформации, которые используются для достижения семантико-стилистической адекватности при переводе художественных произведений, а именно в «Тапшырылмаган хатлар» /«Неотосланные письма» А.Кутуя в переводе с татарского на русский язык. В годы Советской власти это произведение считалась очень популярной как среди коммунистической молодежи, так и среди широкого круга читателей. Если простые люди читали ее как любовный роман, то партийные работники использовали данное произведение как орудие распространения коммунистической идеологии. Повесть 6 раз издавалась на татарском языке. Её переводы были опубликованы 16 раз – на русском, 3 раза – на китайском, также на английском, арабском и многих других языках.

Для нас данное произведение интересно, как предмет переводного текста. Несмотря на то, что произведение было издано на русском языке 16 раз, перевод текста на русский язык был выполнен только одним автором – В.Важдаевым.

Синтаксические трансформации – это такой тип преобразований, при которых взаимоэквивалентные единицы ИЯ и ПЯ представляются разными членами предложения.

К синтаксическим трансформациям относятся: синтаксическое уподобление, перестановка, замена членов предложения, переход от обратного порядка слов к прямому, членение и объединение предложения, опущения. Данная классификация базируется на классификации Л.С. Бархударова.

Синтаксическое уподобление по-другому еще называют «нулевой трансформацией». Этот вид преобразований встречается довольно редко, только при наличии параллельных синтаксических конструкций в исходном и переводимом языках.

Например: *Әнкәем, шундый матур музыка...ә син тыңламыйсың!* [Г.Кутуй 1958:6] – *Мамочка! Такая хорошая музыка, а ты не слушаешь!*

Буген ял көне. – Сегодня выходной день.

Исеңдәме беренче танышуыбыз?! [Г.Кутуй 1958:5] – *Помнишь ли ты нашу первую встречу?*

Перестановка – изменение порядка слов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Такими элементами являются слова, словосочетания, главные и придаточные предложения. В русском предложении глагол может находиться в любой

части предложения, а в татарском – строго в конце предложения, если это не вопросительное предложение.

Например: *Райздрав уземә ашлык җыю вакытында медицина эшләрен яхшы куюым өчен патефон бүләк итте.* [Г.Кутуй 1958:33] – *За хорошее обслуживание колхозников медицинской помощью райздрав премировал меня патефоном.*

Дусларча язылган җылы хатын өчен рәхмәт [Г.Кутуй 1958:5]. – *Благодарю тебя за откровенное дружеское письмо.*

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Весьма распространенным видом грамматической замены в процессе перевода является замена части речи. К примеру:

Бу кичне сине култыклап барганда [Г.Кутуй 1958: 11]. – *В этот вечер, шагая с тобой рядом под руку... (култыклап барганда* рэвеш+фигыль – *рядом под руку* наречие +существительное с предлогом).

А в следующем случае односоставное определенно-личное предложение заменено сложноподчиненным изъяснительным предложением. *Тик Искәндәр генә бу елауга ачулана* [Г.Кутуй 1958: 30]. – *Только Искандер сердится, что она плачет*.

Трансформация приводит к синтаксической перестройке, сходной с преобразованиями при использовании трансформации членения или объединения: *Мин биегән чагында Кадриям кычкырып көлә* [Г.Кутуй 1958: 31] – *Я пляшу, а Кадрия громко смеется*. Здесь сложноподчиненное синтетическое предложение времени заменено на сложносочиненное предложение с противительным союзом.

Бала да булгач,кыз да тугач, син әллә нишләдең . [Г.Кутуй 1958:25]-*С рождением дочери ты стал неузнаваем*. Сложноподчиненное синтетическое предложение времени заменено двусоставным простым предложением.

Мин шатлаша-шатлана риза булдым [Г.Кутуй 1958: 10]. – *Я с радостью пошла с тобой. Шатлана-шатлана* – наречие заменено существительным с предлогом *с радостью.*

Особой разновидностью синтаксических трансформаций является объединение предложений, то есть соединение двух простых предложений.

Например: *Яз көннәрендә авыл ап-ак чәчәклэргэ күмелә .Авыл өстенә хуш исаромат җәелә* [Г.Кутуй 1958:36]. – *Весной вся деревня в белых цветах, льется их медовый запах.*

Билгеле,шушындый кечкенә әйберләр дә башта каршылыкларга очрады.Җыелыш уздарырга туры килде. Пунктның эчке тәртибен төзеп аңлаттым.Авылларга чыгып йөрергә план төзедем [Г.Кутуй 1958: 38]. – *Но хотя ничего особенного я не делала, все эти необходимые для работы вещи встретили сопротивление со стороны сотрудников. Пришлось созвать собрание, разъяснить правила работы пункта и даже приказать. Кроме того, было составлено расписание выездов. Аптыравымнан нәрсә әйтергә белмәдем. Катып калдым. – Я остолбенела, не знала,что сказать.*

Обратной по сравнению с предыдущей является членение предложения – разделения сложного предложения на два или более простых предложения. Данного вид преобразования является структурно-типологическим расхождениям между предложениями исходного и переводящего языков.

Это можно доказать такими примерами: *Балама мин Кадрия дип исем бирдем* [Г.Кутуй 1958: 25]. – *Кадрия! Так назвала я свою дочь.*

Мин килеп төшкәндә амбулатория-врач пункты ташландык хәлдә иде: бинасы җимерек, пычрак, салкын-кичләрен җилләр ызҗырып тора [Г.Кутуй 1958: 37]. – *Врачебный пункт был в заброшенном состоянии. Здание полуразрушенное, грязное, холодное. По вечерам в щелях выли ветры.*

Опущения. При переводе опускаются чаще всего слова, которые являются семантически избыточными, при извлечении из текста которых особых изменений смысла не произойдет.

Например: *Сәхнә мине кызыктыра алмады – сцена меня не влекла; мине өчен дә кайгы була торган иде – Мне было обидно;*

Ял йортынын, флагы көндезге йолдызсыман жем-жем итэ,җелферди [Г.Кутуй 1958: 36]. – *Яркий полощется флаг на ветру.*

При использовании в переводе текста дополнительных слов, не имеющихся в оригинале применяются добавления. По словам Л.С. Бархударова, добавления – это формальная невыраженность семантических компонентов словосочетания на исходном.

К примеру: *тиз иялэштем – привыкла и даже привязалась;*

Мин сиңа үзем ясаган рәсемнәремне күрсәтермен.Үбәм [Г.Кутуй 1958: 54]. – *Мы очень скучаем по тебе,приезжай поскорее папочка. Я покажу тебе свои рисунки.Крепко,крепко тебя целую.*

Кызың Кәдрия-твоя дочь Кадрия;

Проанализировав грамматические категории и формы языков в «Тапшырылмаган хатлар» А.Кутуя и его переводе на русский язык, мы пришли к таким выводам:

–та или иная категория в обоих языках не присутствует;

– есть частичные совпадения;

– в редких случаях можно встретить и полное совпадение.

Применение синтаксических трансформаций необходимо при первом и втором случаях. Это обусловлено тем, что языки по типологическим строям относятся к разным типам, русский – к флективным, а татарский – к агглютинативным. В татарском языке есть принадлежность, образуемая с помощью 3 лица (я, ты, он, мы, вы, они) и 1 числа, которая на русский язык переводится отдельными словами. Например: *Исеңдэме беренче танышыубыз?(3 лицо, множественное число) – Помнишь ли ты нашу первую встречу?*

В русском языке есть категория рода, которая отсутствует в татарском языке. Переводчик, только исходя из контекста, понимает, о ком идет речь. Например: *Ә мин – Чулак Фәхри кызы – хәзер үзем доктор(6) . – А я – дочь пастуха – сейчас сама врач. Усал икән син – Ну и сердитая.*

Такие различия в грамматическом строе языка переводчик передает нам с помощью синтаксических трансформаций.

Литература

*Гарбовский Н.К.*Теория перевода. –М., 2004.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. ЛКИ, 2008.

Кутуй Г. Тапшырылмаган хатлар. // http://kitaphane.tatarstan.ru/teb.htm?page=5&pub_id=2679

Кутуй А. Неотосланные письма. Перевод В.Важдаева. Казань, 1996.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.,1974.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 2002.

Е.М.Сангова
Казанский федеральный университет (Казань)

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В работе исследуется культурологический концепт «любовь»; а также выявляются доминантные черты русского национального характера через семантический анализ слова любовь, приоритеты связанных с ним единиц во фразеологических оборотах.

Целью данной работой явилось описать с лингвокультурологической точки зрения фразеологизмы со значением любви в русском языке. Кроме того, было дано определение термину «концепт»; вычленены из словарей фразеологизмы со значением любовь; выявлена специфика метафорического осмысления любви в русской лингвокультуре; описаны выявленные в русском языке корреляции лексемы любовь.

Ключевые слова: концепт, менталитет, ментальность, фразеологизм, корреляция.

В каждом естественном языке существуют так называемые ключевые слова – слова, "особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры" [Вежбицкая 1996: 282]. Являясь коренными словами того или иного языка, ключевые слова и воплощенные в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет [Колесов 2004: 112].

Как замечает В.В. Колесов, понятие ментальность, или менталитет, этимологически связанное с латинским словом mens, mentis («мышление; образ мыслей; душевный склад», даже «сознание» или «совесть»), постоянно расширяло свой смысл в соответствии с исходными значениями латинского слова, постепенно насыщаясь символическими значениями. Под ментальностью следует понимать «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов: 138].

Обратимся к понятию «концепт». Концепт – это ментальная единица сознания (единица мышления и хранения информации в сознании), представляющая собой квант структурированного знания, репрезентирующий культурно-национальную ментальность его носителей. В языке концепт объективируется лексемами, свободными и устойчивыми словосочетаниями и может быть исследован на материале, полученном в результате свободного ассоциативного эксперимента, сплошной выборки из фразеологизмов, пословиц, поговорок и художественных текстов [Адонина: 46].

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

В статье мы проанализируем концепт «*любовь*», рассмотрим его лексикографическое использование и реализацию концепта во фразеологических единицах.

Для менталитета русского человека характерно описание мира в пространственных метафорах. Широта русской души не совместима с мелочностью, которая осуждается в русской культуре. Одной из важнейших ценностей в русской картине мира является простор, к тому же связанные с ним даль, ширь, раздолье и приволье. Для русской языковой картины мира особой значима душа, как орган внутренней жизни человека, средоточие его внутреннего мира, самое ценное, что есть у человека.

Одним из значимых мотивов русской языковой картины мира является внимание к нюансам человеческих отношений. *Отношение* одного человека к другому – это часть его внутренней жизни, которая может в чем-то проявляться, но может и не проявляться, не теряя при этом своего экзистенциального статуса. При этом фраза *Как ты ко мне относишься?* – это не только практикуемый среди подростков способ вынудить признание в любви, но также явный или скрытый сюжет весьма значительной части разговоров на русском языке.

Любовь как концепт явление сложное и многогранное, не поддающееся единому определению. В общекультурном значении «любовь» определяется как нравственно-эстетическое чувство в отношении людей друг к другу, сопровождающиеся излучением душевного тепла, сердечности.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова дано такое значение лексемы «любовь»: 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь. 4. Предмет любви. 5. Пристрастие, вкус к чему-нибудь. 6. Интимные отношения, интимная связь.

Анализ паремиологических единиц позволяет раскрыть национально-культурную специфику концепта «любовь». Любой афоризм, прежде всего, фиксирует коллективный опыт людей. Пословица – это не только изречение, но и выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век [Верещагин, Костомаров: 75].

Базовый концепт, обозначаемый наименованием романтической любви, коррелирует с другим концептом, создавая сложное концептуальное целое, то есть когнитивную модель, построенную на сравнении, утверждении или отрицании какого-либо свойства любви.

Корреляция **любовь-бедность** в русском языке имеет положительный смысл, то есть утверждается, что счастливая любовь вполне уживается с бедностью. Чрезвычайно сложное отношение сложилось в России к деньгам и богатству. Русская культура и литература всегда провозглашала, что «не в деньгах счастье»: *с милым рай в шалаше; хоть сухарь с водой, лишь бы, милый, с тобой; лучше с милым да в бедности, чем с постылым в богатстве.*

Корреляция **любовь-судьба, предопределение** достаточно широко распространено и в русском. О том, что от любви никуда не уйдешь и она тебя везде найдет в русском языке говорят следующие устойчивые сочетания: *суженного и на коне не объедешь; кому на ком женится, тот в того родится; любовь и на печке найдет; влюбился, как сажа в рожу влепился; влюбился, как мышь в короб ввалился; втюрился, как рожей в лужу.*

Корреляция **любовь-разлука** также отражена в русском языке. Она сопровождается тоской, унынием*: не мил свет, когда милого нет; без солнышка нельзя прожить, без милого нельзя пробыть; далеко от глаз, но близко к сердцу; жить в разлуке – жить в муке*, но, тем не менее, разлука сближает: *реже видишь – больше любишь.*

Любовь довольно часто определяется носителями языка **как некая болезнь**. Любовь сопровождается безумием и потерей памяти: *влюблен без памяти; без ума любить; любовь рассудку не подвластна; любовь не тюрьма, а сводит с ума.* В русской языковой картине мира можно «заставить» болеть любовью. Это отражено в следующих устойчивых выражениях и пословицах: *присушивать сердце; подвела сухоту к моему животу; девка парня извела, под свой норов подвела.*

Представляет собой интерес то, что в русском языке существует большое количество фразеологизмов о любви с компонентом **«душа»:** *войти в душу; прийтись по духу; пасть на душу; полонить душу; прикипеть душой; прирасти всей душой, души не слыхать в ком-либо, взять за душу души не чаять, принадлежать душою, сковывать чью-либо душу.*

Интерпретируя фразеологические единицы на основе соотнесения их ассоциативно-образные восприятия со стереотипами, отражающими народный менталитет, раскрывается их культурно-национальный смысл и характер, который и является содержание национально- культурной коннотации.

Все народы обладают присущим только им национальным характером. Для русской языковой картины мира особой значимостью обладает душа – орган внутренней жизни человека, средоточие его внутреннего мира, самое ценное, что есть у человека.

В фразеологизмах заключается истинная культура, «наивная картина мира» народа. Поэтому изучение парамеологического состава языка в лингвокультурном аспекте позволяет нам стать ближе к народу, понять его жизнь и культуру изнутри.

Литература

Адонина Л.В. Термин «концепт» в лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI вв. М., 2003.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание . М., 1996.

Колесов В.В. Ментальность и слово. Пути и источники изучения русской ментальности // Отражение русской ментальности в языке и речи. Липецк, 2004.

Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1986. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1990.

А.Ш. Сафиуллина
Казанский федеральный университет (Казань)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: русский язык, имя числительное, грамматическая форма, синтаксическая связь, цифра, имя существительное.

Проблема грамматической нормы в речи современного человека – это проблема не только культуры речи, но и общей культуры индивида. А в последнее время она все чаще связывается с понятием ’экология языка’. Необычайно пониженный уровень культуры речи у многих наших современников стал следствием почти повсеместного пренебрежения грамматическими нормами словоупотребления в обществе, в том числе и в деловых документах. Незачем говорить, насколько это недопустимо. Грамотная речь - один из важнейших показателей общей культуры. Грамотная деловая речь еще и один из немаловажных залогов делового успеха в условиях рыночной экономики и свободной конкуренции. Наблюдения над современной речевой практикой показывают, что немалое количество ошибок встречается при употреблении имен числительных, причем особую трудность представляют собой падежные формы и лексическая сочетаемость числительных с другими словами в тексте. Сложности с употреблением числительных «*начинаются с нуля*». Как следует называть эту цифру: *нуль* или *ноль*? Форма нуль сейчас считается устаревшей, хотя и допускается в сочетании *абсолютный нуль*. Принято говорить: *ноль целых и пять десятых, ноль часов ноль минут, счет матча ноль – ноль, телефон службы спасения – ноль один*. Однако это относится только к форме именительного падежа, в косвенных падежах предпочтительны формы варианта нуль: *ниже нуля, от нуля, к нулю, хотя формы ниже ноля, от ноля, к нолю не считаются ошибочными* [Медведева 1986: 85]. Но единственной правильной формой прилагательного признается вариант с буквой у – *нулевой*. Приведем примеры стилистической правки речевых ошибок, вызванных неверным образованием собирательных числительных (от двузначных и трехзначных чисел), а также нарушением норм согласования в количественно- именном сочетании:

1. Трудились без отдыха 23 суток. (неправильно)

1. Трудились без отдыха в течение 23 суток (23 дня.(правильно)

2. Для уроков труда нужно купить 34 ножниц. (неправильно)

2. Для уроков труда нужно купить 34 штуки ножниц.(правильно)

3. В пакете 24 рукавиц. (неправильно)

3. В пакете 24 пары (две дюжины) рукавиц.(правильно)

Трудности представляет и образование многозначных порядковых числительных. Так, заголовок «*1 100 000 000-й гражданин*», бесспорно, привлечет к себе внимание, но каждый испытает затруднение при попытке прочитать его вслух или изобразить на письме словами. В процессе освоения словом значения цифры между словом и цифрой образуется своеобразная пограничная зона. Затруднения пишущих, вызванные вариативностью грамматических форм имени числительного и синтаксических связей при употреблении так называемых счетных оборотов, свидетельствует об активности

идущих процессов. Практическая стилистика фиксирует эти затруднения, но ее рекомендации учитываются далеко не всегда, и в тексте журналистских публикаций появляются конструкции, которые говорят о непонимании семантики собирательных числительных и незнании правил их употребления: *сейчас в валютном секторе восемь человек вместо двоих; ...разбор повзводно, когда двое долбят пятнадцатерых*, а также конструкции, чтение которых затруднит любого читателя *(...ледокол обошел Антарктиду за 162 суток*) [Новикова 2001: 44]. Не принимается во внимание возможность выбора между качественной и количественной характеристиками при употреблении счетных оборотов и т. д.

Автор газетного текста редко ограничивается простым предъявлением количественных характеристик, гораздо чаще они выступают в сравнении друг с другом, выявляют динамику процессов, служат основанием для вывода. Цифра и слово, числовой показатель и единица измерения образуют в представлении читателя смысловое единство, включение которого в текст необходимо оправдать логически. Величины должны быть сопоставимы. Однако часто это очевидное требование, последствия которого особенно ощутимы при анализе операций с денежными единицами, нарушается: *Активы банка к середине III квартала 1995 г. превысили 22 трлн. рублей. Собственные средства достигли 650 млн. долларов, прибыль 144,5 млн. долларов…; Местные потребители задолжали за электроэнергию 50 млрд. тенге (663 млрд. долларов), «Казакгелекому» должны около 100 млн. долларов, а «Казакгаз» – одной из государственных трубопроводных компаний - 24 млрд тенге там же…* Читатель не сможет сопоставить числовые значения и в том случае, если заимствованные из отчетов данные представлены бессистемно*: Прирост производства за первые два месяца года был зафиксирован по легковым автомобилям на 16 % – их произведено 146 тыс. штук, по автобусам – на 2 % (до 6 тыс. штук), а по мотоциклам – в 3,5 раза (до 3,4 тыс. штук)* [Новикова 2001: 45]. Провести сравнение между точным и приближенным числовым значением невозможно, так же как сравнить увеличение на указанное количество процентов с увеличением в 3,4 раза. О непроработанности исходного материала свидетельствует в данном случае и стилистика текста (оставлена типичная для канцелярского языка конструкция с предлогом по).

В русском языке собирательные числительные имеют некоторые особенности употребления. Например, собирательные числительные сочетаются:

– с существительными мужского и общего рода, называющими лиц;

– с существительными мужского рода на – а сочетаются только собирательные числительные;

– с существительными *дети, ребята, люди* и с существительным *лицо* (в значении человек);

– с существительными, имеющими форму только множественного числа;

– с личными местоимениями;

– с названиями детенышей животных;

– в качестве числительных, перешедших в разряд существительных;

– с существительными, называющими парные предметы;

– с существительными, относящимися к официально-деловой лексике.

Собирательные числительные в косвенных падежах имеют окончания полных прилагательных множественного числа. В косвенных падежах при неодушевленных

существительных собирательные числительные обычно заменяются на количественные. В сочетании с одушевленными существительными собирательные числительные употребляются как в именительном, так и в косвенных падежах. Неопределенно-количественные слова (сколько, столько, несколько, мало, много и т.п.) сочетаются с существительными как обычные количественные числительные, а склоняются по типу собирательных числительных. В сочетании с предлогом по неопределенно-количественные слова употребляются в двух падежных формах. Отдельными правилами определяются правописание сложных слов, в состав которых входят числительные, а также особенности согласования сказуемого с подлежащим, в состав которого входит числительное. Порядковые числительные обозначают порядок предметов при счете и согласуются с существительными в формах рода, числа и падежа и имеют падежные окончания прилагательных. Это происходит путем прибавления к полной основе количественного числительного окончания полного прилагательного (шесть – шестой), у сложных числительных (от 50 до 80 и от 200 до 900) изменяется и первая часть основы (например, триста – трехсотый и т.п.). Составные числительные при образовании порядковых преобразуют только последнюю часть (двадцать пять-двадцать пятый). В числительном сороковой и тысячный выделяются словообразующие суффиксы прилагательных -ов и -н. Порядковые числительные, оканчивающиеся на -тысячный, -миллионный, -миллиардный, пишутся слитно. Числительные девяносто и сто сохраняют свою начальную форму. При наличии сочетания с половиной, за которым следуют тысячный, миллионный, миллиардный, получается, например, сочетание семи с половиной тысячный. В исследованиях функциональных стилей цифры обычно не рассматривают как органическую часть текста, считая их принадлежностью исключительно деловых документов и научной литературы. Отсюда и главная рекомендация – умеренно использовать цифровые данные. Однако речевая, в частности, журналистская практика опровергает эту точку зрения, активно реализуя возможности, возникающие на границе между двумя уровнями общей системы языка – цифрой и словом. Представление о тексте как о смысловом и стилистическом единстве не допускает дискриминации входящих в него элементов. Встречающееся в просторечии количественное числительное полста (пятьдесят) не склоняется. Оригинальная форма числительного полтора (с необычным ударением) употребляется со словом «сутки» – по?лтора суток. Например: От Тюмени до Москвы можно доехать на поезде за по?лтора суток. Грамматически сочетание полтора суток не совсем правильно: в именительном падеже количественное числительное полтора управляет существительным в единственном числе (полтора метра, полтора часа). Но в литературном языке выражение полтора суток (но не полторы суток) существует. Так как слово сутки не имеет формы единственного числа, то заданный смысл рекомендуется выражать описательно, например: в течение полутора суток, полтора дня (если точное значение слова сутки не принципиально). С существительными, не имеющими формы единственного числа, следует употреблять слово полутора: Не прошло и полутора суток. Время ожидания приближается уже к полутора суткам. Все ограничилось полутора сутками. Стоит ли так много говорить об этих полутора сутках? Кстати, полтора – это сращение слов полъ и вътора – «полвтора», «половина второго». После выпадения редуцированных согласных лвт упростилось до лт [Земская 1992: 182]. Кстати, слово «сутки» в именительном падеже не сочетается с некоторыми числительными, например, с такими,

как 22, 23, 34 ... 183 и т.д. В этом случае целесообразно использовать другой падеж (в течение двадцати трех суток) или заменить слово ’суток’ на день.

При соединении составного числительного, оканчивающегося на ’два’, ’три’, ’четыре’, с существительными, имеющими только формы множественного числа (сутки, сани, ножницы), возникает синтаксическая несочетаемость: нельзя сказать ни ’двадцать два суток’, ни ’двадцать две сутки’, ни ’двадцать двое суток’. В подобных случаях можно лишь заменить либо слово, либо грамматический строй предложения: двадцать два дня, в течение двадцати двух суток, двадцать две штуки ножниц и т.п. Числительные два, три, четыре (а также составные числительные, оканчивающиеся на два, три, четыре, например, двадцать два) в именительном падеже сочетаются с существительными в форме родительного падежа и единственного числа, например: двадцать два стола, тридцать три несчастья, пятьдесят четыре человека. Числительные пять, шесть, семь, восемь, девять и т. д. и составные числительные, оканчивающиеся на пять, шесть, семь, восемь и т. д., согласуются с существительным, стоящим в форме родительного падежа множественного числа, например: сорок восемь преступников. Однако в косвенных падежах согласование выравнивается: родит. п. двух столов, пяти столов, дательн. п. – двум столам, пяти столам. В некоторых случаях для обозначения количества используются, наряду с количественными числительными, также числительные собирательные (двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро). Двумя последними числительными мы практически не пользуемся.

В косвенных падежах при неодушевленных существительных употребляются количественные числительные: *более трех суток.* Собирательные числительные с существительными, обозначающими лиц мужского пола, иногда вносят сниженный оттенок (*нежелательно: двое генералов, трое профессоров).* Собирательные числительные не сочетаются с именами существительными, обозначающими лиц женского пола (нельзя сказать: *трое студенток, четверо подруг*). Не сочетаются они также с существительными мужского рода, обозначающими название животных (нельзя сказать: *трое волков*). Слово «клиенты» в предложении: *«Фирма «Красота», обладающая 40 000 замечательных клиентов, выходит на международный рынок»* можно употреблять только в родительном падеже: «*Обладающая сорока тысячами (кого?) клиентов (но не клиентами).* Падежом существительного в данном предложении управляет числительное. Говоря о количественно-неопределенных числительных, следует учитывать, что в русском языке функционирует только числительное «оба» и его падежные формы: обоих, обоим, об обоих. Числительного ’обое’ в русском языке нет. Часто в профессиональной деятельности мы сталкиваемся с необходимостью произнести дробное числительное в сочетании с существительным. На письме проблем нет: *45,7%; 3,35 руб.; 125,4 га, но в устной речи возникает путаница.* Правило употребления дробных числительных не из особо сложных: существительное после таких числительных ставится в единственном числе (*сорок пять целых и семь десятых процентА, три целых тридцать пять сотых рублЯ, сто двадцать пять целых четыре десятых гектарА).* Гораздо сложней оказывается склонять составные количественные числительные, например: *456789.* Прежде всего, надо помнить простое правило: при склонении таких числительных следует изменять каждую часть, например*: в четырехстах пятидесяти шести тысячах семистах восьмидесяти девяти случаях*. Вряд ли нам придется часто использовать в устной речи такие числительные, но ошибки возникают и при употреблении более простых форм. Серьезной проблемой современной речевой практики стало и то, что в настоящее время уже

не приходится, как раньше, ориентироваться на речь дикторов радио и телевидения как на норму. Речевые ошибки для многих программ и телеканалов стали почти нормой, причем их совершают не только участники передач, которым это в некоторой степени простительно, но и сами журналисты – это уже профессиональный брак. Речевой ошибкой является любое отступление от современной языковой нормы. Под языковой нормой понимается общепринятое и формализованное (в словарях и учебниках русского языка) употребление слов, словообразований и синтаксических конструкций [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 39].

Чрезвычайно распространенная в разговорной речи ошибка, перенесена сейчас и в эфир: *слово пара применимо лишь к тем предметам, которые существуют в парном виде: пара глаз, пара ног, пара ботинок, но ни в коем случае не пара лет, пара домов и пр.* Морфолого-стилистические ошибки являются следствием нарушений правил образования различных форм слова. Особенно часто встречаются такие ошибки при употреблении имен числительных. Объясняется этот грустный факт достаточно просто: незнанием особенностей склонения имен числительных. Как уже говорилось, в составном количественном числительном изменяется каждое слово.

Пример склонения количественного числительного 3892 человека:

Имен. – Три тысячи восемьсот девяносто два человека

Родит. – Три тысячи восьмисот девяноста двух человек и т.д.

При смешанном числе (*целое и дробь*) существительным управляет дробь, а не целое число. При употреблении слов с половиной, с четвертью, с третью, существительным управляет целое число. Десять и пять десятых процента (существительное процент употребляется в единственном числе). Десять с половиной процентов (существительное ставится во множественном числе). Особенности в склонении имеют слова полтора, полторы, полтораста, относящиеся к дробным числительным. При склонении они имеют формы только двух падежей.

Имен. – Полтора метра, полторы тонны.

Родит. – Полутора метров, полутора тонн и т.д.

В то же время включение цифры в словесный текст часто приводит к очевидным ошибкам, которые не всегда можно объяснить невниманием, небрежностью или незнанием школьной грамматики. Корни многих наших затруднений лежат значительно глубже. Их следует искать в формировании языкового сознания, в особенностях восприятия текста, в истории языка, в истории нашей письменности. Казалось бы, выбор между словом и цифрой при обозначении числового значения не должен представлять особой сложности, тем более что выбор этот оговорен правилами, принятыми издательской практикой. В них просматриваются традиционные для русской письменности представления о том, как следует изображать количество на письме. Числа в пределах первого десятка, легко осознаваемые предметно, рекомендуется изображать словом. Словесная форма используется также для всех количественных значений в текстах художественной и близкой к ней литературы, где точность передачи количества не играет, как правило, решающей роли. В случаях, когда важно сообщить точное числовое значение в литературе научной и технической, предпочтение отдается цифре. Однако жанровое и стилистическое своеобразие журналистских публикаций, активные поиски выразительной формы представления в тексте фактического материала часто создают предпосылки для отхода от общепринятых рекомендаций и делают выбор между словом и цифрой практически важной задачей. Цифра, включенная в

словесный текст, прерывая ряд слов, всегда останавливает на себе внимание. Цифра «*бросается в глаза*» зачастую еще до прочтения всей фразы. На первый план выступает не содержательная информация, а выразительная сторона количественной характеристики явления. Не случайно цифры так часто включают в заголовочные элементы публикаций – собственно заголовки, начальные фразы, выделенные шрифтом, лид.

«*Оптический эффект»* цифры хорошо известен составителям рекламных текстов. Специальные исследования позволили им, например, выработать рекомендации по назначению предельных цен. В пределах от 1 до 9,99 рекомендуют обозначение цен цифрами, оканчивающимися только на 5 и 9. В пределах от 10 до 99,99 рекомендуется круглая цифра или оканчивающаяся на 50 [Пирогова 2001: 124]. До недавнего времени самым большим числом, которое встречалось в газетных публикациях, был миллиард. Сейчас мы свободно оперируем числом триллион. Будут ли в ближайшее время освоены языком газеты следующие числовые разряды – квадриллион, септиллион и другие, сказать трудно. Однако очевидно, что цифры с пятнадцатью и более нулями трудно прочитать и тем более трудно осознать. Их цифровая запись может служить лишь привлечению внимания, значение же нуждается в специальной расшифровке. Примеры, взятые из журнальной подборки, представляются убедительными*: ' 29 700 000 000 000 рублей, или 24,4 процента всех денежных средств россиян, было затрачено ими на покупку иностранной валюты в минувшем январе'. ' 17 000 000 000 000 рублей – именно столько, по словам вице-премьера, рассчитывало получить государство в виде акцизов...'* [Панорама 2004: 124].

Литература

Валгина Н.С. Современный русский язык. М., 2002.
Введенская Л.А. и др. Русский язык и культура речи. Ростов н/Д, 2003.
Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.,1990.
Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1990.
Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988
Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2001.
Граудина Л.К., Ицкович В.И., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. М., 2001.
Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. М., 2001.
Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.
Кочергина В.А. Современные задачи исследования частей речи. М., 1989.
Лекант П.А. Современный русский язык. М., 1998.
Медведева С.Ю. Специфика языка печати как средства массовой коммуникации. М., 1986.
Новикова В.И. Употребление числительных в современной речевой практике. М., 2001.
Панорама. 2004. № 1,2,.
Пирогова Ю.К. Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2001.
Розенталь Д.Э. Современный русский язык. – М., 2004.
Современный русский язык/ под. ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.
Фомина М.И. Лексикология. М., 1998.
Шанский Н.М. Словообразование. Морфология. М., 1981.

С.Г.Сафонова
Казанский федеральный университет (Казань)

ОБРАЗНАЯ, ПОНЯТИЙНАЯ И ОЦЕНОЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

В статье рассматривается репрезентация концепта «богатство» в романе Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома». Содержание концепта в романе основывается на трех уровнях: образном (конкретные эталоны), понятийном (успех, удобства, спокойствие и т.д.) и ценностном (положительное и отрицательное значение богатства). Реализация концепта на данных уровнях свидетельствует об индивидуальном восприятии Ф. М. Достоевским понятия «богатство» через призму сознания героев произведения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», концепт, богатство, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Хотя термин «концепт» прочно утвердился в современной лингвистике, он до сих пор не имеет единого определения. Существует два подхода к определению концепта: концепт равен компоненту значения слова и концепт как единица ментальных ресурсов нашего сознания. Второе определение используется в когнитивной лингвистике, и мы придерживаемся определения концепта, данного Кубряковой Е.С.: концепт - это «оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (lingvamentalis) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 2009: 12].

Лингвокультурологическая интерпретация концепта «богатство» в романе Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» обусловлена семантикой слова «богатство» в русском языке.

Согласно «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова **б**огатство – это:

1. Большое имущество, преимущ. денежное. Совокупность материальных ценностей.

2. перен. множество, обилие. Язык Шекспира отличается богатством слов.

3. Великолепие, пышность. Богатство украшений на здании [Ушаков].

Следуя семантике концепта, реализацию концепта «богатство» в романе Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» можно разделить на следующие уровни:

– образная составляющая, складывающаяся из изображения конкретных эталонов богатства, характерных для данного произведения;

– понятийная составляющая, т.е. лексическая фиксация концепта, отражение в человеческом сознании объектов действительности и их отношений;

– ценностная составляющая, иначе – оценочная, - положительная или отрицательная характеристика концепта.

Образная оставляющая:

Конкретные эталоны: *деньги, состояние, золото и т.д.*;

– капитал. В контексте данного произведения концепт «богатство», выраженный как «капитал», обретает значение противоположное – используется в значении убытка, уменьшения, движения вниз: *«Сказала она [Луиза] мне тоже, что послезавтра, в воскресенье, он их обеих утром на кофе звал и что будет еще один родственник, старик,* ***прежде был***

купец, а теперь бедный-пребедный*, где-то в подвале надсмотрщиком служит»* [Достоевский, с.94]. Сюда же можно отнести и другой пример: «*Но, кроме труда уберечь их [деньги], в остроге было столько тоски; арестант же, по природе своей, существо до того жаждущее свободы и, наконец, по социальному своему положению, до того легкомысленное и беспорядочное, что его, естественно, влечет вдруг «развернуться на все, закутить на весь* ***капитал****, с громом, с музыкой, так, чтоб забыть, хоть на минуту, тоску свою»* [Достоевский, с. 31]. Здесь Достоевский показывает психологию арестанта, его жажду свободы, желание развернуться, несмотря на недостаток средств.

Капиталом, ценностью может быть даже собственная часть тела арестанта. Как несколько иронично пишет Ф. М. Достоевский: «*Иногда маневр не удается. И тогда приходится рассчитаться своим последним* ***капиталом****, то есть спиной»* [Достоевский, с. 34].

– состояние. Как и капитал, концепт «богатство», реализуемый как «состояние», благодаря специфике романа имеет значение потери*: «Во время следствия и суда все* ***состояние*** *их пошло прахом»* [Достоевский, с. 173].

– роскошь. Роскошью может быть не только материальное богатство, но для многих исполнителей закона может быть и трезвая голова, здравый рассудок: «*Последнее особенно кажется многим из них излишнею и возмутительною* ***роскошью****, стеснением, нетерпимостью»* [Достоевский, с.108]. Причем, дается ироничное пояснение, что роскошь в данном случае для власть имущих явно лишняя.

– достояние. Достояние в «Записках о мертвом доме» чаще всего оценивается не в денежном эквиваленте, а через изображение предметов, ценных для каторжников. Например, скрипка: «*Был в остроге один полячок из беглых солдат, очень гаденький, но игравший на скрипке и имевший при себе инструмент – все свое* ***достояние****»* [Достоевский, с. 32].

– прибыль, барыш. «*Что же касается целовальника, то, наторговав, наконец,* ***огромную сумму****, несколько десятков рублей, он заготовляет последний раз вино и уже не разбавляет его водой, потому что назначает его для себя; довольно торговать: пора и самому попраздновать!»* [Достоевский, с. 35]. Редкое для данного произведения описание богатства как прибыли. Причем прибыль получает целовальник, человек, наживающийся за счет арестантов, следовательно концепт «богатство» и здесь также имеет косвенное значение убытка.

Конкретный эталон богатства в романе выражен и через понятие «подаяние». Подаяния могут быть как богатые: «*Были подаяния* ***богатые*** *– сдобные хлебы из чистейшей муки, присланные в большом количестве*» [Достоевский, с. 100], так и бедные: «*Были и подаяния* ***очень бедные*** *– такой какой-нибудь грошовый калачик и две какие-нибудь шаньги, чуть-чуть обмазанные сметаной: это уже был дар бедняка бедняку, из последнего»* [Достоевский, с. 100]. По характеру подаяния можно судить о богатстве подающего.

К образной составляющей концепта также можно отнести наименование категории людей, обладающих определенным достатком. В романе «Записки из Мертвого дома» это такие категории, как:

– мужик. «*Ломов был из зажиточных т-х крестьян, К-ского уезда.* ***Мужики*** *они были* ***богатые****. Говорили по всей губернии, что у них было до трехсот тысяч ассигнациями* ***капиталу***» [Достоевский, с. 172].

– мещанин. «*Дом тут стоял, с краю города. И* ***богатый*** *тут жил один* ***мещанин,*** *добра пропасть, ночью и положили проведать»* [Достоевский, с. 154]. В данном примере мы снова можем видеть характерную для данного произведения реализацию

концепта «богатства» как лишение состояния, как убытка: «положили проведать» означает, что богатого мещанина решили ограбить.

– немец. «О*дин немец, Шульц, дальний их родственник, часовщик,* ***богатый*** *и уже пожилой, изъявил желание на ней жениться…»* [Достоевский, с.94]. Здесь можно предположить, что немец-часовщик разбогател благодаря своей пресловутой немецкой предприимчивости и практичности.

– купец. «*Все они ехали на разбой, подстеречь на дороге* ***богатого*** *армянского купца и ограбить его»* [Достоевский, с.47]. В данном примере концепт «богатство» снова отображается специфично – как лишение состояния.

Концепт «богатство» может быть выражен и нематериальными ценностями, например:

Внутренний мир человека: «*И вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наружу, и вы видите в ней такое* ***богатство****, чувство, сердце, такое яркое пониманье и собственного и чужого страдания, что у вас как бы глаза открываются, и в первую минуту даже не верится тому, что вы сами увидели и услышали»* [Достоевский, с. 187].

Понятийная составляющая. Под понятийной составляющей понимается отражение в человеческом сознании объектов действительности и их отношений. Концепт «богатство» в романе «Записки из Мертвого дома» выражен следующими понятийными составляющими:

– принятие в обществе, несмотря на положение и расовую принадлежность: *Хоть пархатый, да богатый;* ***гроши ма*** [Достоевский, с.87]. В романе эти слова произносит еврей, над которым арестанты, хоть и потешаются, но который служит им некоей денежной базой, откуда всегда можно достать деньги.

– богатство будущего супруга – залог семейного счастья. *Так вот, говорит, Саша, он* ***богатый****, и это для меня счастье; так неужели ж ты меня моего счастья хочешь лишить?* [Достоевский, с.94].

– противопоставление бедности: *Он вышел в отставку, пару серых продал, потом все имение и впал даже в* ***бедность*** [Достоевский, с.205]. Бедность в романе может выражаться и косвенно, через использование автором народных выражений: *Дом у нас был еще так себе, ничего, хоть и гнилой, да свой, да в избе-то* ***хоть зайца гоняй*** [Достоевский, с.159].

Ценностная составляющая. Под ценностной составляющей концепта подразумевается наличие оценки понятий, выраженных концептами, в нашем случае – концептом «богатство».

Отрицательное состояние человека:

– вседозволенность: *«Играй, говорит, мне на гитаре и танцуй, а я буду лежать и в тебя деньги кидать, потому как я* ***самый богатый*** *человек* [Достоевский, с.159]**.** На данном примере можно заметить, что показывается не только вседозволенность, но и спесивость, хвастовство человека, обладающего состоянием, перед другими, не имеющими богатства.

– мотовство. *Там, в каком-нибудь укромном домике, где-нибудь на самом краю города, задается пир на весь мир и ухлопываются действительно* ***большие суммы*** [Достоевский, с. 35]. Здесь снова показывается стремление к разгулу, стремление к некоторой свободе, характерное, по наблюдению Ф. М. Достоевского, для заключенных.

Положительное состояние. Положительное состояние человека, обладающего богатством, в данном произведении практически не затронуто благодаря тематике романа. В качестве примера положительного состояния человека можно привести только

отсутствие нужды: *Он не нуждался, жил даже **богато**, но откладывал деньги и давал под заклад на проценты всей каторге* [Достоевский, с.85].

Итак, концепт «богатство» в романе Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» имеет многоуровневую структуру, состоящую из трех уровней – образного, понятийного и ценностного.

Содержание концепта внутренне упорядочено по полевому принципу - ядро, ближняя, и дальняя периферия. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Ближняя периферия включает универсальные знания, общие для всего народа, всей культуры. Дальняя периферия возникает на основе индивидуального знания, коннотаций и ассоциаций. Именно дальняя периферия и будет отражать особенность выражения концепта «богатство» Ф. М. Достоевским и составлять специфику художественного концепта.

В целом ядро и ближняя периферия концепта «богатство» в творческой картине мира Достоевского совпадает с соответствующими компонентами этого же концепта в русской картине мира. Это можно наблюдать на примерах выражения концепта как конкретных эталонов, наименований групп людей, обладающих богатствами, как отрицательное и положительное состояние человека, противопоставление бедности. Дальняя же периферия представлена у Ф. М. Достоевского довольно обширно и включает в себя такие определенные выражения концепта «богатство», как, например, капитал, прибыль, барыш, роскошь, а также категории людей, имеющих состояние: мещанин, мужик, немец. Также концепт выражается через такие понятия, как ценные вещи, подаяние, внутренний мир; через определенные понятийные составляющие (богатство – условие принятия в обществе, одно из достоинств будущего супруга или супруги, жизненные удобства). Содержание концепта «богатство» в романе можно представить в виде схемы (Рис. 1).

Рис. 1. Реализация концепта на данных уровнях свидетельствует об индивидуальном восприятии Ф. М. Достоевским понятия «богатство» через призму сознания героев произведения

Литература

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград, 2003.

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика. С. 5-40.

Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Униженные и оскорбленные.М.,1984.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кубрякова Е.С. Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.,1995.

Лингвистический энциклопедический словарь/ под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учеб. пособие. М., 2004.

С.С.Сафонова
Казанский федеральный университет (Казань)

ФРАЗЕОМОДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуются фразеомодели современного русского языка, выражающие квантитативно-сопоставительное значение, с позиций семантико-структурного синтаксисаи коммуникативно-прагматической лингвистики.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, прагмалингвистика, квантитативно-сопоставительная семантика, гипотетическая модальность, каузальные отношения.

В русле актуальных проблем современной лингвистики находится проблема фразеологизации синтаксических единиц как на уровне языковой системы, так и ее функционирования. Изучение аспектов взаимодействия синтаксиса и фразеологии, намеченных еще в трудах В.В.Виноградова, А.М.Пешковского, Л.В.Щербы и др., активизировалось на рубеже XX – XXI вв. в связи с доминирующей функционально-коммуникативной парадигмой лингвистических исследований и интегративным подходом к анализу языковых единиц.

Как отмечают лингвисты (В.И.Кодухов, С.Е.Крючков и др.), синтаксическая фразеологизация как процесс становления фразеомодели, и лексическая фразеологизация как процесс образования фразеологизма имеют общие и отличительные черты. С одной стороны, лексические фразеологические единицы и синтаксические фразеомодели, утрачивая семантическую, парадигматическую и синтагматическую полноценность и свободу, претерпевают деформацию, превращаясь во вторичные единицы языка связанной структуры, хотя и сохраняют соотнесенность со свободным сочетанием лексем и построением синтаксических моделей. С другой – лексический фразеологизм находится в синонимических отношениях со словом и имеет целостное (глобальное) значение, свойственное номинативным единицам языка, между тем как

синтаксическая фразеомодель вступает в синонимические связи не с лексемой, а с простым или сложным предложением, при этом организует и передает любую новую мысль [Кодухов 1967: 126-127].

Исследование синтаксических фразеомоделей предполагает освещение таких аспектов, как конструктивный, семантический, коммуникативно-прагматический, текстовый и стилистический. В системе гипотаксиса русского языка наиболее часто подвергаются фразеологизации предложения, выражающие темпоральные и каузальные отношения, осложненныеэкспрессивнойконнотацией. Среди них можно выделить следующие разновидности: 1) фразеомодели с семантикой назначения, построенные по схеме *на то и N, чтобы*: ***На то*** *мы* ***и люди, чтобы*** *побеждать в себе зверя* (А.П.Чехов); 2) фразеомодели с семантикой «причинного обоснования» (Р.М.Теремова) или «аргументированного несогласия» (А.Г.Хорошавина), построенные по схеме *не + N, чтобы*: *Люди* ***не боги, чтобы*** *требовать совершенства от них или их дел* (Н.Г.Чернышевский); 3) фразеомодели с семантикой необходимого основания с модальным компонентом (*надо*, *нужно*, *необходимо*, *должно* и др.), построенные по схеме *нужно…чтобы*: *Иной час и ревность* ***надобно*** *вызвать,* ***чтобы*** *удержать прелестную* (В.Пикуль); 4) фразеомодели с квантитативно-сопоставительной семантикой, построенные по схемам *слишком…чтобы*, *достаточно…чтобы*, *не так…чтобы* и др.: ***Одного взгляда*** *на несчастного принца было* ***достаточно, чтобы*** *понять – он не способен править государством, дикий несчастный человек* (Н.Соротокина).

Наибольший интерес, на наш взгляд, с позиций структурно-семантического и коммуникативно-прагматического анализа представляет исследование последней разновидности фразеомоделей, в которых выражается значение чрезмерной и недостаточной степени качества посредством скреп *слишком…чтобы, не так/не такой …чтобы*. В процессе исследования этих фразеомоделей необходимо учитывать такие параметры, как: 1) выделение постоянных компонентов в их составе; 2) установление синонимических вариаций квантитативных компонентов; 3) характеристика переменного лексико-грамматического наполнения; 4) выявление логико-смысловых отношений между предикативными единицами фразеомодели [Андрамонова 2008: 11].

Рассмотрим фразеомодели со значением чрезмерной степени качества, построенные по схеме *слишком…чтобы*, в которых интенсивность признака «становится препятствием для осуществления действия постпозитивной части и является одновременно основанием для выполнения действия противоположного, антонимичного» [Синтаксис 1985: 92]: *У завоевателя* ***слишком жалкий*** *вид,* ***чтоб*** *рассчитывать на победу* (В.Тендряков).

Наш материал показывает, что постоянный элемент фразеомодели – наречие степени *слишком* может вступать в синонимические отношения с квантитативами*чересчур*, *еще*, *уже* и др. и, как правило, выступает при лексемах со значением качества: *…и тогда я* ***уже*** *буду* ***стар и слаб, чтобы*** *отомстить за них* (М.Горький); *Алька подбежала скоком –* ***глупа еще, чтобы*** *девичьей поступью, но такая счастливая!* (Ф.Абрамов) Данные фразеомодели Р.М.Теремова квалифицирует как сложноподчиненные предложения, в которых «причинное значение главной части создается за счет его количественной оценки; результативное значение придаточной части аргументируется степенью качества… главной части» [Теремова2000: 67].

В данных фразеомоделях в качестве постоянного компонента, обозначающего избыток, выступает адвербиальная лексема *слишком* в следующих структурных схемах:

а) *слишком + глагол…, чтобы*. В роли переменного компонента модели способны выступать глаголы различных лексико-семантических групп, однако наиболее частотны глаголы со значением чувства, эмоций, психического состояния (*любить, скучать, уважать* и др.): *Я* ***слишком обиделась*** *на него,* ***чтобы*** *даже в трудную для меня минуту обратиться к нему за помощью* (В.Овечкин);

б) *слишком + адъектив/причастие…, чтобы*. В роли адъектива выступают прилагательные качественной семантики (*красивый,умный, молодой* и др.): *Но мы (люди)* ***слишком маленькие*** *муравьи на этой планете,* ***чтобы*** *воспользоваться этим богатством* (КП, 30.01.2002 г.);

в) *слишком + наречие…, чтобы*. В данной фразеомодели употребляются наречия со значением качества или количества (*хорошо, много, мало* и др.): *Экономика США развивалась* ***слишком хорошо, чтобы*** *это длилось вечно* (КП, 21.08.2001 г.);

г) *слишком + категория состояния…, чтобы*. В роли предикатива выступают слова, обозначающие эмоционально-психологическое и физиологическое состояние субъекта (*грустно, страшно, больно* и др.): ***Слишком чисто*** *у меня сегодня на душе,* ***чтобы*** *я могла говорить с вами и продолжать скрывать* (А.П.Чехов).

Весьма редко в силу своего общекатегориального значения предметности в роли стержневого слова выступает субстантив*: Вы* ***слишком люди, чтобы*** *не ужаснуться этих последствий…* (А.И.Герцен); *Виктор Гюго никогда не был в настоящем смысле слова политическим деятелем. Он* ***слишком поэт****, слишком под влиянием своей фантазии,* ***чтоб*** *быть им* (А.И.Герцен). В этих моделях имя существительное обозначает не столько субъекта, сколько его качества (люди – порядочные, честные и т.п., поэт – фантазирующий, воображающий и т.п.), поэтому в этом случае можно также говорить о проявлении интенсивности признака.

Во всех рассмотренных фразеомоделях лексема *слишком* по отношению к определяемому слову занимает контактную препозицию и коррелирует с союзом *чтобы*, находящимся в зоне ирреального следствия. Если же лексема *слишком* занимает инициальную позицию, то чрезмерность признака актуализируется настолько, что постоянный компонент *слишком* теряет непосредственную отнесенность к опорному слову и сообщает значение избыточности всей ситуации, изображенной в препозитивной части: ***Слишком*** *я люблю тебя и* ***слишком*** *ты дорога для меня,* ***чтобы*** *я посмел стать тебе поперек дороги* (А.П.Чехов).

Фразеомодели со значением недостаточной степени качества со скрепами *не так/не такой …чтобы* имеют аналогичные структурные схемы: а) *не так + глагол…, чтобы*: *Потери* ***пугали не до такой степени, чтобы*** *отречься от своей мечты* (С.Залыгин); б) *не так/не такой + адъектив…, чтобы*: *Я* ***не так глупа, чтобы*** *верить, и* ***не так ветрена, чтобы*** *увлекаться, когда не верю* (Н.Г.Чернышевский); в) *не так + наречие…, чтобы*: *Я* ***не так хорошо*** *тебя знаю,* ***чтобы*** *доверять* (Л.И.Бородин); г) *не такой + субстантив…, чтобы*: *Анфиса, конечно, баба видная, но уж* ***не такая*** *она* ***ягодка, чтобы*** *ради нее на край света ехать* (Ф.Абрамов). В этих фразеомоделях «выражается несоответствие между количественной или качественной стороной предмета или признака и предполагаемым явлением, о котором сообщается в придаточной части;

придаточная часть обозначает явление, осуществление которого заведомо невозможно» [Грамматика 1970: 685].

Однако наибольший интерес вызывают фразеомодели, построенные по схеме *не такой + N, чтобы*, где в роли контактной лексемы выступают оценочные субстантивы (*дурак, глупец, сокровище* и др.), причем оценка носит негативный характер, а качество, приписываемое субъекту, не достигает той степени, чтобы действие, указанное в консеквенте, осуществилось: – ***Не такой*** *Белов* ***дурак, чтобы*** *поверить тебе на слово* (Н.Соротокина). В русле межмодельной и внутримодельной корреляции исследуемые фразеомодели рассмотрены в других наших работах [Сафонова 2010: 89-90; Сафонова 2013: 100-101].

Что касается коммуникативно-прагматического аспекта анализа фразеомоделей, выражающих квантитативно-сопоставительные отношения, то исследуемые фразеомодели, как модусно-экспрессивный вариант стилистически нейтральных единиц, нацелены на выход в сферу антропоцентричности и коннотативности, поскольку характеризуют чувства, эмоции, психическое и психологическое состояние субъекта, а также оценочные признаки субъекта/явления/события. Так, в корпусе рассматриваемых фразеомоделей можно выделить такие прагматические составляющие, как одобрение/восхищение/уважение: *Он был* ***слишком честен, чтобы*** *не видеть народных страданий* (К.Г.Паустовский); совет: *Но, на мой взгляд, человеческая жизнь* ***не настолько велика, чтобы*** *тратить ее попусту, ломать ради карьеры* (КП, 25.11.2000 г.); осуждение: *У нас* ***слишком большое*** *население,* ***чтобы*** *можно было разбогатеть только за счет своих недр* (КП, 24.11.2000 г.); опасения: *К лопухинскому заговору Бестужев отношения не имел.* ***Слишком тяжело и долго*** *доставал он пост вице-канцлера,* ***чтобы*** *мелочной игрой поставить под удар труд многих лет* (Н.Соротокина); – сочувствие: *И нравственно я очень боюсь за него. У него* ***не такой характер****, как у нас, женщин,* ***чтобы*** *выстрадать и выплакать свое горе* (Л.Н.Толстой); сожаление: – *Свидания с Виктором Львовичем? – Да, они будут перерывать эту пустую, мрачную монотонность одиночества, – но они будут визитами в тюрьму, – как ни долги,* ***слишком коротки****, – как ни часты,* ***слишком редки, чтобы*** *жизнь в тюремной келье не была жизнью в тюремной келье, – одинокою, пустою, мрачною…* (Н.Г.Чернышевский); упрек:– *Я* ***не так хороша, чтобы*** *можно было поцеловать меня, – правда, – сказала она, засмеявшись…* (Н.Г.Чернышевский) и др. Если при оценке субъекта наблюдается «указание на те или иные качества субъекта, которые в сознании говорящего (дающего оценку субъекту) представляют собой отклонение от нормы (либо в конкретной ситуации, либо вообще отклонение от общепринятого) и являются причиной невозможности осуществления того или иного действия в отношении этого субъекта или самим субъектом», то при оценке ситуации «обстоятельства протекания какого-то действия характеризуются как не соответствующие тем «стандартным» условиям, в которых обычно реализуется определенное действие» [Данилова 2010: 21].

В заключение отметим, что фразеомодели с квантитативно-сопоставительной семантикой представляют собой идиоматические синтаксические единицы преимущественно разговорного характера, в которых негибкость структуры формируется сочетанием постоянных компонентов *слишком, не так, не такой* и др. с союзом *чтобы*,

выражающих значения чрезмерной и недостаточной степени качества. В этих фразеомоделях в антецедентной части содержится указание на отсутствие необходимого основания (его избыточность или недостаточность) для осуществления действия, описанного в консеквенте, который имеет значение «контрфактичности» и обладает гипотетической модальностью. Кроме того, гипотетичность фразеомоделей предопределяется также содержанием главной предикативной единицы и семантикой самого союза *чтобы*. Выражаемая в данных фразеомоделях оценка субъекта, ситуации, явления или факта базируется на прагматических основаниях осуждения, сожаления, сочувствия, упрека, совета и пр., что поддерживается структурно-семантическойорганизацией предложений-высказываний.

Литература

Андрамонова Н.А. Синтаксические фразеомодели с модальным компонентом в языке произведений А.П.Чехова // Русская и сопоставительная филология 2008. Казань, 2008. С. 10-13

Данилова Е.А. Характеристика высказываний с семантикой антицели в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2010. *Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970.

Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация //Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе: Сб. ст. Вологда, 1967. С. 123-137

Сафонова С.С. Синтаксические фразеомодели с модально-оценочным компонентом // Филология и культура. Philology and Culture. Казань, 2010. №1 (19). С.87-92

Сафонова С.С. Фразеологизация сложных предложений с союзом *чтобы* в современном русском языке // Филология и культура. PhilologyandCulture. Казань, 2013.№1 (31). С. 100-104

Синтаксис сложного предложения (Устойчивые структуры русского языка). Казань, 1985.

Теремова Р.М. Сложноподчиненные предложения результирующей цели: функционально-грамматический аспект //Сложное предложение: Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. М., 2000. С. 67-69

В.И.Саямова, Т.В.Олешко
Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону)

НЕКОТОРЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ПРЕДВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ

Рассматриваются некоторые современные инновационные технологии в обучении иностранных учащихся русскому языку, применяемые на предвузовском этапе медицинского университета. Подчеркивается роль комплексного учебника, как наиболее эффективного средства обучения, обеспечивающего взаимосвязь обучения языковым средствам и речевой деятельности и формирующего коммуникативную компетенцию.

Ключевые слова: Инновационные технологии, педагогические технологии, предвузовский этап, иностранные учащиеся, коммуникативная компетенция.

Интенсификация и модернизация современного образования требует от преподавателей новых форм и методов обучения. Все возрастающая роль в этом процессе отводится использованию инновационных образовательных технологий, являющихся наиболее эффективным средством создания учебной среды, обеспечивающей личностно-ориентированное взаимодействие всех участников процесса обучения. Решение таких проблем, как коммуникативность и системность и их взаимосвязь, межкультурная коммуникация и других в области современной методики преподавания русского языка как иностранного невозможно без «технологизации» учебного процесса, т.е. «превращения обучения в своего рода производственно-технологический процесс с гарантированным результатом», т.е. без использования педагогических технологий.

Педагогическая технология – это, с одной стороны, средство совершенствования педагогической деятельности преподавателя, а, с другой стороны, продуманный во всех деталях процесс обучения, в котором преподаватель и студенты являются элементами единой системы.

В общем виде любую педагогическую технологию можно представить как совокупность определенных способов организации учебной деятельности для достижения целей образования. В докладе ЮНЕСКО «Учиться, чтобы быть», педагогические технологии определены в качестве основной движущей силы развития системы образования, направленной на активизацию личностного фактора. В документах ЮНЕСКО (1986 г.) технология обучения рассматривается как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования.

Содержание технологии обучения мыслится как содержание и структура учебной информации, предъявляемой студентам, и комплекс задач, упражнений и заданий, обеспечивающих формирование учебных и профессиональных навыков и умений, накопление первоначального опыта профессиональной деятельности. При этом важную роль играют формы организации учебных занятий, направленные на овладение знаниями, умениями и навыками, их соотношение по объему, чередованию, а также формы контроля, способствующие закреплению полученных знаний.

Целью обучения иностранных учащихся на предвузовском этапе является их подготовка к изучению дисциплин в медицинском вузе в общем потоке с русскоговорящими студентами.

Решение этой задачи предполагает приведение в систему знаний, приобретенных иностранными гражданами на родине; восполнение имеющихся пробелов в образовании, обусловленных различным уровнем базовой подготовки; создание теоретической базы образования будущего медика; обучение языку предметов как средству получения научной информации в объеме, обеспечивающем свободное восприятие и понимание текстов учебников, учебных пособий и лекций на русском языке.

Наш опыт работы с иностранными гражданами на предвузовском этапе обучения позволяет выделить использование следующих педагогических технологий.

1. Информационные технологии.

Цель - подготовка эрудированного специалиста, обладающего большим запасом информации. Как известно, информационные технологии - это система работы с информацией в широком значении, будь то, например, учебная, научная, профессиональная или бытовая информация с применением новейших технических и педагогических средств [Елизарова 2010:176].

Основной формой организации и методом обучения иностранных учащихся подготовительного факультета во II семестре является учебная лекция. На лекции студентам сообщаются основы научных знаний по изучаемой дисциплине, строится логически последовательная, цельная система этих знаний. Как отмечает Е.И.Мотина, «…конспектирование и запись лекций занимают значительное место в учебной деятельности студентов.[Мотина 1988:176] Правда, студенты-иностранцы, обучающиеся на подготовительном факультете, еще только приобщаются к ведению конспектов и записи лекций по специальным дисциплинам, но именно в данный период закладываются первоначальные навыки и умения по этому виду речевого общения, которые становятся фундаментом для его дальнейшего расширения, углубления, совершенствования.

2. Технологии коммуникативного обучения.

Цель – совершенствование способов взаимодействия с людьми, организация групповой, коллективной или индивидуальной работы.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного наиболее эффективным средством обучения считает комплексный учебник, обеспечивающий взаимосвязь обучения языковым средствам и речевой деятельности и воплощающий в себе технологию формирования коммуникативной компетенции.

Преподавателями кафедры русского языка №1 подготовительного факультета по обучению иностранных граждан Ростовского государственного медицинского университета было создано пособие «Ждем вас в России» [Ждём 2012:134], основная цель которого заключается в подготовке будущих специалистов и лиц, имеющих контакты с русскоязычным населением, к активному общению на русском языке.

Поскольку активизация речевой деятельности возможна при использовании такой единицы, как типовой прагматически организованный учебный текст, то особое внимание уделялось подбору текстового материала, который формировался в виде тематических блоков, представляющих собой основу для решения коммуникативных задач: запрос и получение информации по различным проблемам социального, профессионального характера; выражение собственного мнения, оценка, обоснование событий, аргументация, констатация фактов, последовательное их изложение.

Все разделы объединены одной сюжетной линией, их названия отражают содержание данной части, включающей социокультурный компонент и соответствующий лексико-грамматический материал, позволяющий реализовать коммуникативные потребности в развитии всех видов речевой деятельности.

3. Личностно-ориентированные технологии.

Цель – формирование в процессе обучения активной личности, способной самостоятельно строить свою учебно-познавательную деятельность. Технологии содержит такие элементы как соотношение аудиторной и. внеаудиторной самостоятельной работы в пользу последней, индивидуальные формы контроля знаний и другие.

Непременным условием успешного преподавания является создание учебных пособий, обеспечивающих студентов материалом для самостоятельной работы, а преподавателей – средством управления учебной деятельностью группы.

Личностно-ориентированные технологии ставят в центр образовательной системы личность учащегося, обеспечение комфортных, бесконфликтных и безопасных условий ее развития, реализацию природных потенциалов. Используя навыки, полученные иностранными учащимися на Родине, преподаватели продолжают обучать их рациональным приемам работы с книгой, чтению профессионально ориентированной литературы, повышая мотивацию обучения на начальном этапе. Личность учащегося проявляется в освоении индивидуальных образовательных программ.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного рекомендует для обучения инициативной (спонтанной) устной речи предлагать учащимся набор конструкций и определенный список лексического материала, с помощью которого они смогут продуцировать речь. Подставляя в данные конструкции необходимые слова, можно получить бесконечное количество вариантов, представляющих логически связанные речевые высказывания.

Таким образом, на этапе предвузовской подготовки по русскому языку осуществляется обучение студентов в учебно-научной сфере общения и формируются коммуникативно-речевые компетенции учащихся.

Формирование лингвистической компетенции учащихся при обучении общему владению русским языком базируется на самой тесной взаимосвязи его системных аспектов - фонетики, лексики и грамматики.

Комплексность и аспектность в преподавании русского языка как иностранного, в обучении общему владению языком и научному стилю речи, фонетическому и лексико-грамматическому аспектам, взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности в настоящее время являются основой повышения качества языковой подготовки иностранных учащихся на всех этапах обучения, и, прежде всего, на предвузовском этапе.

Координация работы преподавателей кафедр русского языка и общетеоретических дисциплин (общей биологии и анатомии, физики и математики, химии) способствует соблюдению в учебном процессе единого языкового режима, разработке учебных тем, созданию методических пособий и учебников медико-биологической направленности, которые формируют уровень профессиональной, языковой и коммуникативной компетенции, обеспечивают потребности будущих студентов-медиков в практическом овладении русским языком как средством общения в учебно-профессиональной деятельности [Березняк 2009:187].

Рациональное сочетание современных педагогических технологий позволяет развивать активность иностранных студентов и повышать качество их обучения.

Инновационные технологии обогащают и разнообразят преподавание русского языка как иностранного. Монотонная работа на уроке уступает место интеллектуальному, творческого поиску, формирующему личность нового типа – целеустремленную, активную, стремящуюся к постоянному самообразованию и развитию.

Литература

Березняк Ю.Л., Олешко Т.В., Щербакова Т.К., Лузина В.М., Игнатенко В.З., Макуха С.И. О преподавании естественнонаучных дисциплин иностранным студентам подготовительного факультета на русском языке //Иностранные языки и инновационные технологии в образовательном пространстве технического вуза: Сб. матер. III Междунар. научно-метод. конф. Новочеркасск, 2009.

Елизарова Л.Ю., Шведова Л.П., Олешко Т.В. К вопросу о технологии организации работы иностранных учащихся с учебной литературой на предвузовском этапе обучения (медико-биологический профиль) //Дни медицинской лабораторной диагностики Южного Федерального Округа: Матер. IX Межвузовской конф. с междунар. участием. Ростов-на-Дону: РостГМУ., 2010. С.175-177.

Лучкина Н.В., Проценко И.Ю., Мирзоева С.А., Прокудайло Т.В., Саямова В.И. Ждем вас в России: учеб. пособие по русскому языку для студентов-иностранцев. М., 2012.

Мотина Е.И. Язык и специальность: лингво-методические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1988.

Е.Ю.Семушина
Казанский федеральный университет (Казань)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены способы передачи окказионального расширения фразеологических единиц (далее ФЕ) с английского на русский язык. Представлены способы передачи расширения с сохранением интенции автора и семантических изменений базовой ФЕ, с учетом особенностей построения окказионального контекста и структуры исследуемых языков.

Ключевые слова: фразеологизм, окказионализм, расширение, окказиональный контекст, трансформация.

Окказиональная лингвистическая единица на современном этапе развития языкознания характеризуется следующими чертами: новизна, непредсказуемость, индивидуальность, связь с базовой формой; функциональная одноразовость. В качестве основных способов окказионального изменения ФЕ в контексте предлагаются следующие: расширенная метафора, игра слов, разорванное использование, повтор, насыщение, замена компонента, вклинивание, добавление, эллипсис [Контекстуальное … 2009].

На современном этапе развития сравнительно-сопоставительного языкознания и переводоведения ощущается существенный недостаток системного анализа вариантов передачи окказиональных трансформаций ФЕ на другой язык при сохранении как содержательной, так и формальной стороны контекста.

При передаче окказионального явления на язык перевода, необходимо помнить, что изменения единицы происходят в контексте целенаправленно, соответственно в основе пе-

ревода должно быть сохранение содержания оригинала и иинтенции автора. Перевод в данном случае предполагает осознание семасиологических связей лингвистической единицы, то есть адекватная передача содержания возможна только в рамках определенного контекста. Намерения автора могут включать в себя изменение как структуры, так и семантики, что приводит к конкретизации, экспликации, экспрессивизации, интенсификаци, буквализации значения, сопровождающиеся расширением / эллиптизацией состава языковых ФЕ [Давлетбаева 2012]. Итоговая единица должна быть адекватно воспринята не только носителем языка, но и носителем языка перевода, поэтому поиск соответствия окказиональным элементам в языке перевода выходит на первый план.

Особенность взаимодействия ФЕ и контекста в том, что фразеологическая единица является одновременно и самостоятельным контекстом, и частью расширенного фразеологического контекста [Потолдыкова 2004]. Иными словами, окказионализмы выполняют текстообразующие функции, хотя и являются самостоятельными единицами. В целом, окказиональные ФЕ практически полностью зависят от контекста, поэтому в случае наличия некоторый семантической сложности при передаче на русский язык необходима подробная экспликация.

При передаче окказиональной ФЕ на язык перевода необходимо учитывать тот факт, что хотя перцептивные реакции всех людей обладают несомненным сходством, образные отклики человека на явления в картине мира универсальны. То есть, общекультурные концепты определяют универсальное, что сохраняется в рамках фразеологической единицы, но при этом в фразеологических окказиональных трансформациях получает отражение и различие национальных языков и культур [Давлетбаева 2012]. При этом, хотя значение фразеологизма целостно, под давлением системы языка значение может перераспределяться между компонентами ФЕ [Давлетбаева 2012], что представляет особый интерес для передачи значения на другой язык, так как позволяет перемещать коммуникативный центр предложения в стилистических целях.

В целом, контекстуальные трансформации фразеологических единиц подчиняются определенным правилам функционирования, которые основаны на особенностях структуры, прагматики, внутренней формы и экстралингвистических реалий [Давлетбаева 2012]. При окказиональнои расширении преимущественно имеет место семантическая модификация значения базовой ФЕ: привнесение в значение ФЕ дополнительных признаков квалификативного или квантитативного характера; конкретизация значения ФЕ соответственно с содержанием, включая текстовую ситуацию; эмоционально-экспрессивная интенсификация [Бершадская 1972].

При передаче окказионального расширеная на язык перевода, один из основополагающих аспектов – учет способа перевода базовой фразеологической единицы. Передача расширения фразеологической единицы, как препозиционного, так и постпозиционного, на язык перевода облегчается тем фактом, что преимущественно имеет место изменение не структуры базовой ФЕ, а семантики.

Для адекватной передачи содержания рекомендуется использовать контекстуальный способ перевода, который является ведущим для адекватного отражения содержания высказывания на языке перевода.

Особенности передачи расширениной ФЕ с английского на русский язык зависят от типа окказионального расширения:

А) Препозитивное расширение (добавление прилагательного перед базовой ФЕ). Данный вид трансформации в английском языке в большинстве случаем приводит к модификации коннотативного компонента значения.

Например, расширение за счет двух прилагательных приводит к усилению экспрессивности выражения *wet blanket (зануда)* в английском языке, соответственно именно передача данного аспекта значения:

“Oh, it isn’t me,” said Henry. “It’s the Foreign Office we’re worried about, and that *soppy little wet blanket Howe*” [Coe 2008: 387].

«Это не обо мне» – сказал Генри. «Мы говорим об Министерстве иностранных дел и об этом*маленьком сентиментальном зануде Хоуи*».

Особый интерес представляет перевод расширения ФЕ в виде нескольких синонимов. В следующем примере для достижения адекватного эффекта (показать максимальную степень раздражения героя) в русском языке вводится дополнительная лексема «конкретной», то есть на первый план выходит передача семантики, а не структуры текста.

But like all manifestations of the Second Coming, all saints, savours and gurus, Magid Iqbal was also, in Neena’s eloquent words, *a first-class, one hundred per cent, bona fide, total and utter pain in the arse*[Smith 2006: 427].

Но, как предсказания Второго пришествия, как все эти святые, спасители и гуру, Маджид Икбал был, по меткому выражению Нины, *первоклассной, стопроцентной, несомненной, подлинной, конкретной, абсолютной занозой в заднице*.

При передаче расширения с изменением денотативного аспекта сохранение значения прилагательного представляется возможным, однако при изменении структуры предложения.

“If you hit me”, he said quickly, “I’ll tell The Parents.” But he himself had made the invocation useless, a ruined totem of *a lost golden age* [McEvans 2002: 57].

«Если ты меня ударишь», – он быстро произнес, – «я пожалуюсь родителям». Но он сам сделал бессмысленным этот вызов, который стал *разрушенным символом исчезнувшего золотого века*.

Б) Постпозитивное расширение фразеологической единицы. Данный тип расширения представляет большую сложность для передачи на другой язык, так как приводит к образованию комплексных случаев контекстуальной трансформации в виде расширенной метафоры или игры слов, которая исключительно сложна для передачи вследствие образности. Для передачи необходимо подобрать соответствующие подобразы во втором языке, в случае невозможности подбора абсолютного соответствия, желательно сконцентрироваться на содержательной, а не формальной стороне текста. В следующем примере необходимо провести структурную трансформацию ФЕ (*heavy heart*) для сохранения постпозитивного расширения, которое приводит к созданию расширенной метафоры.

She woke on the morning appointed for her initiation into the Shadow Scheme with *a heavy heart, which the weather did nothing to lighten* [Lodge 1989: 95].

Она проснулась утром, когда ей предстояло участвовать в этой теневой схеме,на *сердце с тяжестью, которую даже погода не могла уничтожить.*

В) Смешанный тип расширения. Одновременное постпозитивное и препозитивное расширение фразеологической единицы также приводит к образованию комплексного случая трансформации ФЕ, соответственно передача значения компонентов зависит от перевода всей фразеологической конструкции. Например, адекватная передача игры слов, основанная на двух типах расширения ФЕ "*old fox*" требует введение дополнительной лексемы «хитрый», которая и позволяет актуализировать прямое значение первого компонента ФЕ:

"Well, I'll give you a warning, my dear. Don't take Saxenden at his face value. He's *an astute old fox, and not so old either*" [Galsworthy 1980: 86].

«Я тебя предупреждаю, дорогая. Не принимай все, что делает Саксенден, на веру. Он *проницательный старый хитрый лис, и, кстати, в действительности достаточно молодой*».

Итак, при передаче окказионального фразеологического контекста, основанного на расширении, прежде всего необходимо сохранение интенции автора, а также тип расширения – препозитивное или постпозитивное расширение для передачи значения контекстуально-трансформированной ФЕ. Если расширение является частью комплексного варианта трансформации ФЕ, поиск соответствия осуществляется на уровне контекстуальной трансформации в целом. Основными способами передачи окказионального расширения на язык перевода являются использование ФЕ-соответствия второго языка с добавлениемлексических элементов.

Литература

Бершадская Ф.М. Формы употребления ФЕ в речи: автореф. дисс. … докт. филол. наук. Л., 1972.

Давлетбаева Д.Н. Типологическая моделируемость фразеологических единиц (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): автореф. дисс. … докт. филол. наук. Казань, 2012.

Контекстуальное использование фразеологических единиц: коллективная монография. Казань, 2009.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.

Потолдыкова Е.В. Лингвопрагматический аспект фразеологической вариативности в англоязычном массово-информационном дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

Семушина Е.Ю. Особенности передачи окказионального фразеологического повтора (на материале английского и русского языков) // Филология и культура. Philology and culture. 2014. №33. С. 100-104

Coe J. What a carve up! London, 2008.

Galsworthy J. End of the chapter. Moscow, 1980.

LodgeD. Nice work. London, 1989.

McEwans I. Atonement. London, 2002.

Smith Z. White Teeth. London, 2006.

И.Б.Серебряная
Казанский федеральный университет (Казань)

ОЦЕНКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОЙ КРИТИКЕ 1-й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена высказываниям русских критиков 1-й половины XIX века о заимствованиях. В суждениях рецензентов отразилось характерное для данного периода непримиримое отношение к чужеземным» словам.

Ключевые слова: оценки языка, употребление иностранных слов, адаптация заимствований.

Наиболее заметной темой, которая широко обсуждалась в русской критической литературе 1-й половины XIX века, была проблема заимствований. Критики выражали озабоченность судьбами родного языка, ценности которого оказывались отвергнутыми по причине засилья иностранных слов. Так, поэт и общественный деятель В.К. Кюхельбекер, издатель альманаха «Мнемозина», с горечью писал в 1824 г., что мощное русское слово «обогащают… *архитравами, колоннами, баронами, траурами, германизмами, галлицизмами и барбаризмами*» [Русские 1960: 103].

Многочисленные высказывания против употребления писателями иностранных слов касались как художественных, так и – нехудожественных произведений; и в том, и в другом случае «чужеземные» слова считались равно неприемлемыми. Критики выделяли в рецензируемых текстах соответствующие лексические единицы по признаку их чужеродности, «экзотичности». При этом обвинения в связи с использованием заимствованных слов далеко не всегда сопровождались какой-либо правкой.

Так, например, не назвавший себя критик из журнала «Благонамеренный», рецензируя анонимную повесть «Разбойничий замок», воскликнул по поводу употреблённого в тексте словосочетания *гармонический аккордъ*: «Сколько иностранныхъ словъ!» [Благонамеренный 1825, Ч.29, №7: 241]. В отзыве о романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» перечислялись как ненужные употреблённые писателем иноязычные слова *инстинкт, машинально, цербер и* др. [Северная 1830, № 9].

Конечно же, множество критических замечаний по поводу употребления иностранных слов было сделано А.С. Шишковым в его «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка». Здесь, в частности, осуждались такие чужестранные слова, «растлевающие красоты языка своего», как латинизмы *прокламация, инклинация, сцена*, грецизмы *энтузиазм, патриотизм, антипатия,* галлицизмы *моральный, акция* и т.п. [Шишков 1818: 23, 173-175].

Историк Н.С. Арцыбышев обвинял в злоупотреблении иностранными словами Н.М. Карамзина. Рецензируя «Историю государства Российского», критик осудил такие употребленные автором лексемы, как *хронологический*, вместо *летоисчислительный, на троне*, вместо *на престоле, биография,* вместо *жизнеописание* [Казанский 1822, Ч.5: 7]. Что касается грецизмов *хронологический* и *биография*, то анализ свидетельствует о том, что в произведениях «европеиста» Карамзина эти слова употреблялись безальтернативно. Возможно, многосложные лексемы *летоисчислительный* и *жизнеописание,* рекомендованные критиком, плохо «вписывались» в напевную карамзинскую прозу. Однако старославянское по происхождению слово *престол* встречалось в «Истории государства

Российского» наряду с грецизмом *трон*. При этом можно заметить, что данные лексические единицы дифференцировались автором как семантически, так и стилистически: слово *трон* обычно употреблялось Карамзиным в конкретном значении ‘царское кресло’ или обозначало ‘символ власти’ иностранных правителей. Возвышенно-торжественное *престол* ‘владычество, кормило правления’ использовалось применительно к отечественным монархам или главам церкви и, чаще всего, было лишено конкретно-предметного значения. Например: *он сделал печать для хана и* ***трон*** *из слоновой кости* (История государства Российского, т.4, 1808-1820) и т.п., но: *да воссядет юноша* ***на престол*** *правды* (История государства Российского, т.6, 1811-1818); *возведен племянником* ***на*** *киевский* ***престол*** (История государства Российского, т.3, 1808-1818) и т.п. [Национальный]. Критик, однако, не стал вникать в эти особенности словоупотребления и стиля.

М.П. Погодин, издатель журнала «Москвитянин», также, не делая никаких скидок на стилистические особенности рецензируемого текста, определил как серьёзный грех против русского языка большое количество иностранных терминов, включённых профессором В. Мешковым в его «Историческое исследование начал неутралитета относительно морской торговли» (1841 г.).

Пародируя стиль авторского изложения, критик включил некоторые использованные в этом труде специфические для морского дела заимствованные термины в длинную шутливую тираду, призывающую любым путём изгнать «иноязычие» из русского языка: «Множество иностранныхъ словъ подъ союзнымъ *флагомъ*, но с враждебными *арматорами* и *каперами*, не имея никакихъ *цертификатовъ*, беззаконной *контрабандою*, путемъ *факта* вторглись въ священную гавань Русскаго слова и нарушили *неутралитетъ* его *территориума*. Вонъ ихъ, вонъ – хоть бы путемъ принуждения, хоть бы оставалось прибѣгнуть къ послѣднему средству *континентальной системы* – всесожжения» [Москвитянин, 1841, Ч.2, № 4: 524].

Такого рода оценки представляют немалый интерес не только как отражение лингвистических предпочтений российского литературного сообщества в изучаемый период, но и с позиций уточнения сведений об адаптации иностранных слов в русском языке. Можно видеть, что критик выделил как чужеродные для 40-х гг. XIX века слова *флаг* (нем. Flagge) [Словарь 1954: 378] и *факт* (латинск. Factum) [там же: 718]. Лексемы *цертификат* (от латинск. centrum ‘верно’ + facere ‘делать’) [там же: 633]**,** *неутралитет* (латинск. neutralis) [там же: 470] и *территориум* (латинск. territorium) [там же: 687] представлены в исконной звуковой форме, отражающей не завершившийся ещё процесс их освоения в русском языке (ср. современные *сертификат, нейтралитет* и *территория*). В этот же ряд включены морские термины *арматор* ‘судовладелец’ (латинск. armator ‘снаряжающий’) [там же: 72] и *капер* ‘морской разбойник’ (голландск. kapen ‘разбойничать на море’) [там же: 301].

Любопытно соотнести эти сведения с данными современных эпохе словарей. Из выделенных критиком иностранных слов в «Словарь Академии Российской» (1789 - 1794 гг.) были включены лишь два: *флагъ* «знамя морское на мачтѣ или кормѣ корабля» [Словарь 1789,VI: 492] и *каперъ* «родъ легкаго военнаго судна, употребляемаго въ военное время для поисковъ надъ непріятелемъ» [там же, III: 432]. В следующее по времени выхода в свет издание «Словаря Академии Российской» (1806 - 1822 г.) входили три слова: *каперъ* [Словарь1806, III: 58], *неутралитетъ* «Франц. Состояние того государства, которое между воюющими державами ни которой стороны не держится» [там же: 1378] и *флагъ* [там же, VI: 1114].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., кроме этих слов, имелись также *фактъ* ‘произшествие, событие, быль’ [Словарь 1847, IV: 384], *неутралитетъ* [там же, II: 455] и *контрабанда* «тайный непозволительный ввозъ въ какое-либо государство запрещенныхъ товаровъ» [там же: 198]. Но слова *континентальный, территориум(-ия)* и *цер (-сер)тификат* отсутствовали и в этом словаре.

Необходимо, впрочем, учитывать, что составителями данных лексикографических пособий чётко провозглашалось неодобрительное отношение к иноязычным словам. Так, в предисловии к «Словарю Академии Российской» указывалось, что в него не включаются все иностранные слова, «введенныя безъ нужды, и которымъ равносильныя Славенския или Российския находятся» [Словарь 1789, I: IX]. Аналогичное ограничение имелось и в «Словаре церковнославянского и русского языка», где ставилось целью «отвергать иностранныя слова, не нуждою, а прихотью введенныя» [Словарь 1806, I: XII].

Как уже отмечалось, рецензенты, демонстрируя своё отрицательное отношение к иностранным словам, далеко не всегда предлагали их отечественные варианты (которых во многих случаях просто не существовало), и это часто скептически воспринималось авторами и издателями. Например, А.С. Шишков в письме к издателю журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» (1821 г.) обвинил А.А. Бестужева (Марлинского) в использовании латинизма *религиозный*. По этому поводу Марлинский иронизировал: «Я был бы очень благодарен, если бы он… заменил чужестранное слово *религиозный* русским, равносильным» [Русские 1955: 105,434].

По утверждению В.В. Виноградова, усиление в период 1-й половины XIX века борьбы против излишнего употребления иностранных слов было связано с ростом национально-демократических тенденций в области литературного языка [Виноградов 1982: 223]. Преимущественное использование русского языка рассматривалось в это время как проявление патриотизма автора и провозглашалось периодическими изданиями в качестве программного требования.

Литература

Благонамеренный: литературный и критический журнал, издаваемый А. Измайловым. СПб, 1818–1826.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII– XIX вв. М., 1982.

Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском университете. Казань, 1821-1833.

Москвитянин: учено-литературный журнал, издаваемый М.П. Погодиным. М., 1841–1849.

Национальный корпус русского языка// URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 29.06. 2014 г.)/

Русские писатели о переводе: XVIII – XIX вв. Л., 1960.

Русские писатели о языке: Хрестоматия. Л., 1955.

Северная пчела: политическая и литературная газета. СПб, 1825 – 1849.

Словарь Академии Российской: в 6-ти ч. СПб, 1789 – 1794.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6-ти ч. –СПб, 1806-1822.

Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. I – М., 1954.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в 4-х т.СПб, 1847.

Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб, 1818.

Н.С.Субботина
Казанский федеральный университет (Елабуга)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОСЯЗАТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительной характеристике ЛСГ прилагательных осязательного восприятия в русском и английском языках. Рассматриваются русско-английские соответствия в сфере адъективов, называющих тактильные ощущения человека.

Ключевые слова: имя прилагательное, осязательное восприятие, ЛСГ, семантика.

Как известно, имя прилагательное входит в лексико-семантический класс предикатных слов, называющих непроцессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем. Прилагательное номинирует либо качественный признак предмета, вне его отношения к другим предметам, событиям или признакам, либо признак относительный, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету, признаку, событию [Языкознание 1998: 397].

Семантической основой имени прилагательного является, прежде всего, понятие качества, которое интерпретируется в грамматике очень широко.

Предметом нашего исследования стали прилагательные осязательного (тактильного) восприятия, являющиеся лексико-семантической универсалией для всех естественных языков.

Тактильная чувствительность (лат.*tactilis* – осязаемый, от *tango* – касаюсь) – ощущение, возникающее при действии на кожную поверхность различных механических стимулов. Она является разновидностью осязания и зависит от вида воздействия: прикосновения или давления. Тактильная чувствительность возникает при раздражении кончиков пальцев рук, губ, языка, где располагается большое количество разнообразных механорецепторных структур [Большая 1978: 565].

Проблемы семантической структуры, функционирования и сочетаемости прилагательных осязательного восприятия нашли отражение в работах Е.С. Астапкиной [2012], С.А. Моисеевой и Ж.А. Бубыревой [2010] и др.

Цель данной статьи – охарактеризовать лексико-семантическую группу прилагательных осязательного восприятия в русском и английском языках.

Под лексико-семантической группой (ЛСГ) в лингвистике понимается самая обширная по количеству своих членов организация слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом. Семантический компонент включает в свой состав одну и ту же классему – сему принадлежности слова к определенной части речи и одни и те же лексограммемы – семы, обозначающие лексико-грамматические разряды этой части речи [Современный русский язык 2002: 560]. Ср. определение В.И. Супруна, который под лексико-семантической группой понимает сегменты словарного состава языка (парадигмы), объединяющие лексемы с одинаковой предметной направленностью и однородной семантикой, обладающие общим главным интегрирующим семантическим множителем (инвариантом), относящиеся к одной и той же части речи и

характеризующиеся синонимичными (в широком смысле) и антонимическими отношениями между отдельными членами сегмента» [Супрун 1983: 49].

Специфика лексической и грамматической семантики слов разных частей речи заставляет модифицировать общую схему лексической идентификации с целью выявления семантически тождественных компонентов и близких по семантике слов. Прилагательные в силу развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленности их лексической семантики – самый сложный в этом отношении класс [Бабенко 2014: 21].

В «Словаре – тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» под редакцией Л.Г.Бабенко [2014] прилагательные делятся по смысловым лексическим группировкам разного уровня иерархии (сферам, классам, группам и подгруппам). В частности, в нем выделяется денотативно-идеографический класс прилагательных осязательного восприятия. К ним относятся следующие лексические единицы: *атласный, бархатный, бархатистый, влажный, грубый, жесткий, ледяной, липкий, мягкий, сладкий, твердый, теплый, шелковый; шершавый, холодный, горький, кислый, пряный, соленый, пресный, волглый, гладкий, горячий, клейкий, липучий, колкий, мокрый, негладкий, нежный, неосязаемый, неровный, осклизлый, остылый, ослизлый, осязательный, прилипчивый, ровный, сальный, скользкий, сухой, хладный, хлёсткий, холодный, чувствительный, шелковистый, шёлковый, шероховатый, шершавый, щетинистый, вкусный, вкусовой, вяжущий, вязкий, горько-соленый, кисло-сладкий, невкусный, нежный, несладкий, острый, пресный, приторный, терпкий, тонкий, травянистый.*

В английском языке также существует ЛСГ прилагательных, называющих тактильные ощущения человека, например *sweet* (сладкий); *damp* (влажный), *dry* (сухой), *smooth* (гладкий), *tough* (жесткий), *sour* (кислый), *soft* (мягкий), *flavourless* (безвкусный), *viscous* (липкий), *cooled* (охлажденный), *tactile* (осязаемый, ощутимый), *trenchant* (острый, режущий), *sugary* (приторный), *solid* (твердый) и др.

Необходимо отметить, что в английском языке помимо адъективов, характеризующих тактильные ощущения человека, часто используются и имена существительные: *satin* (атласный – атлас), *damp* (влажный – влага), *velvet* (бархатный – бархат), sweet (сладкий – сладость) и др. «В английском языке вследствие скудности морфологических показателей оказываются размытыми границы между частями речи, например, между прилагательным и существительным. По семантическим и синтаксическим характеристикам оно напоминает относительное прилагательное, хотя его вряд ли можно рассматривать как бесспорное прилагательное» [Гуревич 2007: 141].

В английском языке, так же как и в русском, конкретное значение прилагательного реализуется, прежде всего, в сочетании с существительными и в большей степени определяется семантикой последнего. Прилагательные осязательного восприятия могут сочетаться с субстантивными лексическими единицами обоняния: *spicy meals* (пряности, ароматные блюда) – *spicy jokes* (колкие шутки), слухового: *loud music* (громкая музыка) – *loud man* (человек с плохими манерами), зрительного: *dark room* (темная комната) – *dark days* (мрачные, безрадостные дни), вкусового восприятий, например: *sweet apple* (сладкое яблоко) – *sweet heart* (любимый человек), *bitter taste* (горький вкус) – *bitter tears* (горькие слезы) и т.д.

Одним из важных компонентов любой ЛСГ является наличие базового идентификатора, или базового слова. Базовый идентификатор обладает определенными свойствами и значительно отличается от других слов своей группы. Базовое слово, как правило, более употребительно, чем другие лексические единицы группы. Высокая частотность его употребления связана с тем, что его лексическое значение отличается, прежде всего, своей обобщенностью. Как правило, это слово имеет нейтральную стилистическую окраску, в нем отсутствуют коннотативные элементы значения. Именно поэтому в сочетании с отсутствующим конкретизатором это базовое слово может выступать практически в любом контексте. Семантика базового слова манифистирует тему ЛСГ.

Нами установлено, что спецификой ЛСГ тактильных (осязательных) прилагательных в русском и английском языках является отсутствие базовых идентификаторов, поскольку они характеризуются ярко выраженной семантической неоднородностью.

Анализ лексикографических источников указывает на то, что в английском языке в некоторых случаях одному русскому прилагательному данной семантической сферы может соответствовать несколько эквивалентов. Например: твердая земля *(hard ground)* – твердый характер *(strong personality)*, теплый день *(warm day)* – теплый дом *(heated house)*, жесткий матрац *(hard mattress)* – жесткие волосы *(wiry hair)*, сухие дрова *(dry wood)* – сухой хлеб *(stale bread)*, горячий чай *(hot tea)* - горячая любовь *(fervent love)*, влажный *(moist air)* – влажные пальцы *(damp fingers)* и т.д.

Прилагательные осязательного восприятия в русском и английском языках обладают обширным семантическим потенциалом и многие модели развития прямого значения являются метафорическими. Например, прилагательное *холодный* представляется в сочетаниях со следующими существительными: холодный чай – *cold tea*; холодная зима – *cold winter*; холодный дом – *unheated house*; холодная куртка – *thin coat*; холодный человек (характер) – *dispassionate, indifferent man*; холодное отношение – *callous treatment.*

В целом систему русско-английских соответствий прилагательных данной ЛСГ можно представить следующим образом: бархатистый – *velvety*, грубый – *rugged*, ледяной – *icy*, шелковый – *silk*, шершавый – *shaggy*, соленый – *salty*, пресный – *insipid*, волглый – *humid*, клейкий – *sticky*, колкий – *prickly*, мокрый – *wet*, негладкий – *uneven*, нежный – *delicate*, неосязаемый – *intangible*, неровный – *crooked*, осклизлый – *pitted*, остылый – *cooled,* прилипчивый – *adhesive*, ровный – *flat*, сальный – *tallow*, скользкий – *slippery*, хлесткий – *biting*, чувствительный – *perceptible*, шелковистый – *silky*, шелковый – *silk*, шероховатый – *shaggy*,шершавый – *rough*, щетинистый – *bristling*, вкусный – *tasty*, вкусовой – *flavouring,* вяжущий – *astringent*, вязкий – *viscous*, горько-соленый – *bitter-salted*, кисло-сладкий – *sour-sweet*, невкусный – *unappetizing*, несладкий – *unsweetened*, терпкий – *luscious*, тонкий – *subtle*, травянистый – *grassy*, приторный – *sugary.*

Итак, лексико-семантическая группа прилагательных осязательного восприятия в русском и английском языках представляет собой универсальный класс слов. Данные адъективы относятся к разряду качественных, они номинируют тактильное восприятие окружающего мира человеком. Сходства и различия в их составе и лексической сочетаемости отражают особенности перцептивного и ментального восприятия носителей русского и английского языков.

Литература

Астапкина Е.С. Закономерности семантической деривации прилагательных осязательного восприятия: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2012.

Бабенко Л.Г. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М., 2014.

Большая советская энциклопедия. М., 1978.

Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. М., 2007.

Моисеева С.А., Бубырева Ж.А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов. Воронеж, 2010.

Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие. М., 2013.

Современный русский язык*:* Учебник для студ. вузов/ под ред. П.А. Леканта. М., 2002.

Супрун В.И. О лексико-семантических группах слов. Супрун В.И. О лексико-семантических группах слов // Ruštinár. 1983. №3. С. 4–6// URL: http: www. grani. vspu.ru.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Е.В.Сыркина
Казанский федеральный университет (Казань)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

От того, как мы относимся к родной старине,
зависит, быть или не быть отечественной культуре.
Закон памяти: Народ, забывший свою историю, умрет.
Помни о своем народе и своей истории.

В настоящее время от выпускника школы требуется сформированная готовность и способность творчески мыслить, находить нестандартные решения, проявлять инициативу, т.е. выпускник должен быть конкурентоспособным. Школа является важным элементом в этом процессе. Главные задачи современной школы – раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Школьное обучение должно быть построено так, чтобы выпускники могли самостоятельно ставить перед собой серьёзные цели и стремились к их достижению.

Любые знания имеют ценностное, культурное наполнение. Следовательно, любое образование должно преследовать цель – развивать способность оценки окружающего мира, людей, себя с точки зрения субъекта культуры. В этом случае ученик будет не только образованным, но и культурным, духовным, нацеленным не на овладение готовыми знаниями и их применение, а на креативность.

Все предметы филологического цикла, изучаемые в школе, и, в первую очередь, русский язык направлены на формирование духовно богатой, высоконравственной, образованной личности, на укрепление исторической преемственности поколений.

Постановка и решение этих общепедагогических проблем очень важна в настоящее время – время возрождения национального духа, самосознания народа, когда обращение к своей истории вообще и к истории языка в частности является первостепенным, поскольку общество, утерявшее связь со своими истоками, забывшее свои традиции, культуру, историю народа и языка рождает «иванов, родства не помнящих», и не способно двигаться вперед, не способно воспитать духовно-нравственную, развитую личность, и, следовательно, не способно решить задачи, которые стоят перед страной и мировым цивилизованным обществом. А это, по моему мнению, приводит к тому, что современный человек может легко переступить через моральные принципы, нормы, не знает ответственности перед настоящим и будущим.

Поэтому основой своей работы с учениками я считаю духовно нравственное развитие учащихся через изучение древнерусских текстов, так как считаю, что они являются источниками и всей русской литературы, и культуры в целом. Обращение к памятникам древнерусской культуры способствует формированию у учащихся общечеловеческих ценностей через возрождение русских национальных и культурных традиций.

Использование такого текста в качестве основной единицы курса русского языка реализует текстоориентированный подход, который в методике преподавания русского языка в школе является определяющим. Вследствие того, что текст насыщен информативно, эмоционально, идейно, в нем текстово (или подтекстово) заложена культурная составляющая, несущая историческую память. Таким образом, работа с конкретным древнерусским текстом на занятии – это введение ученика в определенное поле культуры языка, а значит, в его историю. Кроме того, слово прошлого в определенных трактовках, объяснениях – текстах – соотнесено с миром индивидуального сознания и тем самым создает предпосылки духовно-нравственного воспитания личности.

«Обучаемые должны осознавать, что язык – составная часть культуры, основной инструмент усвоения, носитель специфических черт национальной ментальности. Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит»[1]**.** Будучи хранилищем духовной культуры русского народа, русский язык является одним из условий сохранения единства русской нации и воспроизводства этнической культуры. Поэтому еще одним важным направлением своей педагогической деятельности считаю этическое воспитание школьников средствами русского языка, в первую очередь – словом. «Язык, как выражение нравственной жизни народа, подлежит законам высокой нравственности, ибо составляется не случайной прихотью изобретателя, а устами целого народа как орудия творческой силы», - отмечал Ф.И.Буслаев, отстаивая исторический подход к изучению родного языка. Формирование нравственного идеала личности, сохранение традиций русского народа в его представлениях о добре, справедливости, чести, благородстве в процессе обучения родному языку чрезвычайно важно. И древнерусские тексты содержат в себе такие сведения. Внимание к человеку отражается во всех произведениях средневековой литературы, достигая своего пика в житийных текстах, так как религиозно-учительная литература XI – XIII вв., во-первых, дает представление о приемах психологического анализа, раскрытия внутреннего мира человека в его повседневном поведении; во-вторых, для древнерусского читателя эта литература имела не только церковное значение: она помогала разрешать вопросы личной и общественной морали, поучала разбираться в психологии своей и окружающий, вдумываться в побуждения, «помыслы», стоящие за поведением человека, воспитывала

художественный вкус. Время идет, но моральные принципы и устои, нашедшие отражение в древнерусских памятниках, не потеряли своей актуальности.

Формированию духовной культуры человека способствует и изучение исторической грамматики при работе с древнерусскими текстами. Установление межпредметных связей в системе древнерусского и современного русского языков, приобретение умений и навыков исторического комментирования фактов современного русского языка являются необходимым условием лингвистической грамотности. Для овладения русским языком как национальным феноменом необходимо осуществлять исторический (культурно-исторический) подход к его преподаванию. *Культурно-историческая направленность* лингвистического образования заключается в отражении не только синхронических, но и диахронических процессов, происходящих в системе языка, в обусловленности развития языковой системы культурно-историческим развитием народа, в формировании у обучаемых представлений о языке как части национальной культуры, в обеспечении мотивации на овладение языком как важнейшей составляющей культуры собственной личности. Изучение истории языка, его развития позволяет лучше понять его современное состояние. Многие современные грамматические правила обусловлены историческими языковыми законами. И знание о них способствуют более осознанному усвоению учебного материала. Кроме того, работа с древнерусскими текстами просто необходима при подготовке к предметным олимпиадам.

На основании всего вышесказанного могу сформулировать следующие задачи моей педагогической деятельности:

– научить учащихся читать древнерусские тексты, рассматривая их в нескольких плоскостях – как «вместилище» самой разнообразной информации (об авторе, об окружающем его обществе, об эпохе и т.п.), как средство самовыражения автора, как эстетическую единицу и проч.;

– расширить лингвистическую компетенцию учащихся, вооружив их знаниями исторических языковых явлений, которые помогут им осознанно объяснять многие явления современного русского языка, обусловленные историческими процессами;

– ввести их в культурный контекст Древней Руси, чтобы воспитать из них людей духовных, почитающих предков своих, понимающих свою историческую миссию; чтобы ценности усваивались ими не через лозунги и пропаганду, а через культуру русского народа, через его духовное богатство.

Литература

Веденина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Колесов В.В.. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.

Штрекер Н.Ю. Формирование этнокультуроведческой компетенции в процессе изучения лингвистических дисциплин// Культурологический журнал// URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/187.html&j_id=13 (дата обращения: 13.12. 2014).

А.М.Тарасов
Казанский федеральный университет (Набережные Челны)

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ *БЕЛЫЙ* И *ЧЕРНЫЙ* В НАРОДНЫХ ПРИМЕТАХ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Цвет, являясь неотъемлемым компонентом материального мира, окружает нас всюду. Люди могут различать цвета благодаря тому, что сетчатка глаза содержит ряд рецепторов, обладающих чувствительностью к частотам, которые соответствуют воспринимаемым цветам. Поэтому цвет выступает для человека как одно из элементарных и одновременно значимых зрительных ощущений.

Способность зрения различать цвета позволяет человеку наиболее полно познавать окружающий мир, лучше ориентироваться в нем, более полно и детально отличать изменения в предметах и явлениях. Обладать цветовым зрением – это по существу значит иметь возможность получать и перерабатывать большое количество информации о внешней среде.

Цветовое восприятие объектов материального мира – один из главных аспектов познавательной деятельности человечества. Благодаря этому система цветообозначений является одной из древнейших терминологических систем.

Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому. В этом вопросе нельзя не согласиться с В.Г. Гак: «Своя символика есть укаждого народа-носителя языка. С каждым языком связываются определенные представления, впечатления, чувства» [Куслик 1967:198].

Роль цвета в символике различных народов велика. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга.

Большое значение в становлении системы цветообозначений имеет различная потребность людей в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Важную роль в этом играют также и отличия в ассоциативном восприятии мира представителями различных национальностей и культурно-исторических эпох.

«В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная животь красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и предствлений» [Шерцль 1884:60].

Семантическая структура названий цвета выступает как «совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным» [Куслик 1967:4].

Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно «цветовых» признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный.Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета.

Слова-цветообозначения, выражающие жизненнонеобходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемостным потенциалом.

Рассмотрим прилагательные белый и черный в составе народных примет русского и татарского языков.

Лексема *белый (ак)* используется как в прямом, собственно цветовом значении, так в символическом и терминологическом значении.

Белый (ак) в народных приметах имеет значение «светлый, в противоположность чему-н. более темному, именуемому черным» (Ожегов, Шведова , с.43):

Белый огонь в печи – к оттепели (Рыженков с.96); Коли белый хлеб печется с головою – к безголовью (т.е. коли сбоку вылезет ком) (Даль с.388) – Кояш баю алдыннан ак болытдар йөрсә, төнлә бал явар (Мәхмүтов б.75); Күк болытлар арасында ак болыт булса, боз булыр (Мәхмүтов б.80); Җәй көне кояш баю алдыннан ак болытлар җөрсә, төнлә боз явар (Мәхмүтов б. 81).

Противопоставление белого (светлого) и черного (темного) может быть реализовано в одной примете: *Если заходящее солнце окружено белым, синеватым или черным кругом – признак жестокой бури (Рыженков с.95); Темные круги около звезд предвещают дождь, а красные и белые – ведро (Рыженков с.84).*

Активно лексема используется в приметах, которые содержат устойчивые обозначения различных животных, птиц, насекомых, растений и т п.: *Белянки (белые бабочки, капустнички) по лужам много – урожай на мед (оренб.) (Даль с.367); Цветок белой кувшинки закрывается – будет дождь (Рыженков с.104) - Ак чыпчык (ак күгерчен) күрсәң – бәхеткә (Татар мифлары б.275*).

Белый цвет характерен для суеверных примет, используясь в символическом значении, он противопоставляется черному цвету и, шире, негативному, темному, плохому в жизни человека: *Если белого голубя бросить на пожар, погаснет (Даль с.394); Яркие крещенские звезды породят белых ярок (Даль с.314); Белые мыши охраняют дом от беды и являются залогом счастья (Торпакова с.128); Белые лошади в конюшне приносят дому счастье и защищают от злых чар (Торпакова с.126) - Тырнакка ак төшсә, нинди бармакта булуына карап, юрыйлар (Татар мифлары б.275); Аяк бармаклары тырнагына ак тап төшсә – яңа аяк киеменә (Татар мифлары б. 275); Юлда ак төймә тапсаң –юл уңа (Татар мифлары б.279); Көлмәкнең ак төймәсе төшсә – тешкә, тешләвгә (ак төймә – ак төш), ягъни гайбәткә, чәнечкеле сүзгә (Татар мифлары б.296); Ак төстәге чәчәкләр – дуслык мөнәсәбәтләрен белдерәләр (Татар мифлары б. 297); Ак тәкә сөзсә – бәхеткә, сөенечкә (Татар мифлары б. 300); Ашка ак таракан егылып төшсә – кадерле кунак килә (Татар мифлары б.305); Умарта башына җәенке ак таш йә ат башы сөяге куйсаң – бал кортларына күз тимәс (Татар мифлары б.305);* но в русском языке существует и противоположная примета, связанная с чем-то чужим, вторгшимся в

мир хозяина: *Чужой белый конь, катающийся в пыли у ворот, предвещает кончину хозяина дома (Торпакова с.126).*

В символическом значении цветовые слова со значением белый могут вступать в антонимические отношения с лексемой зеленый: *Белее зима – зеленее лето (Рыженков с.107).*

Оттенок уменьшения, смягчения признака может передаваться лексемой *белесоватый – аксыл: Будет дождь или ненастье, если солнце садится в белесоватую тучу (Рыженков с.97) – Җәй көне яңгыр болыты аксыл күренсә, боз явар (Мәхмүтов б. 81); Һава яңгырлы һәм юеш вакытта күктә аксыл болытлар җөрсә, аязлыкка галәмәт (Мәхмүтов б.81); Яңгырлы вакытында аксыл болытлар булса, һава алмашынуны күрсәтер (Мәхмүтов б.81).*Прилагательное *черный* широко используется в народных приметах, однако сфера его употребления – прежде всего суеверные приметы, так как черный цвет в народных представлениях, с одной стороны, связан с темной, потусторонней силой, приносящей неудачу, а с другой – с удачей, счастьем, например, известная примета – *Черная кошка приносит несчастье, если пересекает путь слева направо* – сформировалась еще в средние века. Предки верили, что черные кошка, собака, козел сопровождают ведьм.

Папа Григорий IX в своей булле 1233 объявил их дьявольским порождением и призвал избавляться от них, но так как за ними еще тогда закрепилась репутация дающих счастье, некоторые держали их тайком (Коринфский с.341), такая же примета есть и в татарском языке: *Кара мәче кистереп узса – юлың бәлале булачак (Татар мифлары б.263).*

Двойственное отношение к черному цвету породило приметы с положительным значением в русском языке:

Черные тараканы в доме – к богатству (Торпакова с.55); Черная кошка спасает дом от воров (Коринфский с. 343); Если в первый день нового года в дом войдет мужчина с черными волосами – весь год будет удачным (Торпакова с.189);От грозы пожар заливай молоком от черной коровы (Даль с.394); Черный кот и черный пес, живущие во дворе, охраняют от злых чар (Торпакова с.123).

Такое же положительное значение имеют сельскохозяйственные приметы: *Акулины черные гречихи (Даль с.332)*; *Коли в кутью тропинки черны – урожай на гречу (Даль с.352); Травы черны – лошади кормлены (т.е. в сеногной овсы хороши) (Даль с.367).*

Отрицательное значение чаще связывают с самим человеком: *Черный глаз опасный. Бойся черного да карего глаза (Даль с.395); Появление чужого черного кота в доме – предвестье беды (Торпакова с.122); Недалеко беда, если черная кошка перебежит дорогу (Торпакова с.122); Черная кошка дорогу перебежит – не видать удачи в этот день (Панкеев с.74) – Кара балыкка каратсаң (имләсәң) – «сары авыруы» шул балыкка күчә (Татар мифлары б.271); Кояш баткач көмеш кара белән сызган яки кара тидерсәң – тимерәү бетә (Татар мифлары б.272); Сары күзле кара хатын очраса – бәләгә, авыруга (Татар мифлары б.272); Юлда барганда кара төймә тапсаң – юлың уңмый (Татар мифлары б. 296); Кара тәкә сөзсә – начар фал (Татар мифлары б.300); Бик елак бала кара күзле була, имеш (Татар мифлары б.249*).

Положительное и отрицательное могут быть противопоставлены в одной примете на основе традиционного противопоставления черного и белого цветов: *Черная и пестрая корова впереди стада – к ненастью, белая и рыжая – к ведру (Даль с.379);*

или черного и рыжего: *Рыжий таракан – к печали, черный – к подарку (Торпакова с.56); Если вечером впереди стада идет рыжая корова – следующий день будет солнечным, если черная – к ненастью (Торпакова с.120).*

В некоторых приметах значение черного и белого может нивелироваться: *Больной умрет, если черная или белая кошка войдет в его комнату (Торпакова с. 121).*

Противопоставление может быть связано не с цветом, а с функциональной характеристикой: *Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от грозы и от вора (и наоборот, они опасны во время грозы) (нижегор.) (Даль с.395).*

В татарском языке черный цвет некоторых природных явлений предсказывает дождь, непогоду: *Йолдыз тирәсендә кара алка булса, яңгыр булыр (Мәхмүтов б.78); Җидегән йолдыз карасу булып күренсә, яңгырлы булыр (Мәхмүтов б.81); Кара көзнең – кары ятмас (Мәхмүтов б.95); Кара суда (чокырлага җыелган көзге суларда) кар ятмас(Мәхмүтов б.95); Октябрь – кара бия, ноябрь – ала бия (Мәхмүтов б.95); Ай тирәсендә алка караңгы төстә булса, суык булыр (Мәхмүтов б.119).*

Литература

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1984. Т.2.
Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977.
Куслик А. М. Роль прилагательных, обозначающих цвет в лексической системе современного немецкого языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1967.
Мәхмүтов Х.Ш. Ел тәүлеге – 12 ай . Казан, 1991.
Народный месяцеслов: пословицы, поговорки, приметы о временах года и о погоде / Сост. Г.Д. Рыженков М., 1999.
Приметы на каждый день / Сост. О. Торпакова. М., 1996.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1989.
Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сыналышлар, йолар). Казан, 1999.
Шерцль В.Н. О названиях цветов // Филологические записки. 1884. Вып. 2. С. 60.

А.Н.Тарасова
Казанский федеральный университет (Елабуга)

ЭМОТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРИЕМЫ КАК ПРИЗНАК НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННОЙ ПУНКТУАЦИИ СЕТЕВОГО ТЕКСТА (на материале татарского, русского и английского языков)

В статье автор рассматривает особенности пунктуации в сетевых текстах разноструктурных языков. Одной их основных характеристик пунктуационного режима в сетевых текстах татарского, русского и английского языков являются эмотивно-экспрессивные пунктуационные приемы. На основе проведенного лингвистического анализа автор приходит к выводу о том, что в сетевых текстах рассматриваемых языков знаки препинания приобретают новые функциональные возможности передачи эмоций и чувств в печатной речи.

Ключевые слова: сетевой текст, пунктуация, печатная речь, экспрессивность.

В течение последних двух десятилетий мир подвергся стремительному развитию и значительным социальным трансформациям, которые главным образом связаны с широким использованием Глобальной сети Интернет. Если рассматривать Интернет с социальной точки зрения, то, безусловно, роль языка в нем занимает центральное место. Об этом, в частности, говорят многочисленные научные работы, посвященные исследованию языковой ситуации в условиях информатизации общества. Одним из разделов языкознания, который подвергся воздействию Глобальной сети, является пунктуация.

В данной статье мы ставим целью рассмотреть особенности пунктуации сетевых текстов на татарском, русском и английском языках. На наш взгляд, сетевой текст наиболее расположен к появлению новых тенденций в области пунктуирования. Это прежде всего связано с тем, что письменная (печатная) речь максимально сближена с устной, и в некоторых случаях существующих пункутационных знаков и приемов бывает недостаточно для выражения в полной мере структурно-семантической, интонационной и эмотивной сторон устной речи.

Анализ, проведенный на материале сетевых текстов, взятых из сферы Интернет-опосредованной синхронной и асинхронной коммуникации (блоги, чаты, электронные письма, мгновенные сообщения) показал, что пунктуацияв татарских, русских и английских сетевых текстахимееткак регламентированный, так и нерегламентированный характер. Регламентированный характер пунктуации выражается в употреблении тех или иных знаков препинания в соответствии с требованиями синтаксиса. Нерегламентированность пунктуации в сетевых текстах рассматриваемых разноструктурных языков заключается в прагматически оправданном отклонении от существующей грамматической нормы. Было выявлено, что целенаправленное нарушение правил пунктуации происходит с целью приобретения знаками препинания новых функциональных возможностей, а именно усиление выразительности печатной речи за счет актуализации эмотивно значимых единиц. В ходе исследования нами было выявлено, что в практике оформления печатной речи в сетевых текстах на татарском, русском и английском языках установилась система экспрессивно-эмотивных пунктуационных приемов, которые способствуют эксплицитному выражению эмоционально-оценочного отношения автора к высказываемой мысли и оказывают психо-эмоциональное воздействие на читающего. К ним мы отнесли следующие приемы:

1) Парцелляция. Данный прием является приемом стилистики и синтаксиса, однако его можно отнести и к пунктуационному, с точки зрения пунктуирования самостоятельных частей посредством точки и восклицательного знака. Основной функцией данного приема является семантическая актуализация эмотивно значимых единиц. Например:

Миңа 21 яшь. Интернетта бер кыз белән таныштык. 21 июньдә. – Мне 21. Познакомился с девушкой в интернете. 21 июня. [3]

У меня много родственников, но я нечего к ним не чувствую, нет ощущения, что мы родные люди. Не понимаю почему обязана их любить? и общаться с ними. [3]

Two of my favorite people. who remain completely devoted to that little doggie-woggie (why DOES she still do nothing but bark at me?!) – Двамоихлюбимыхчеловека. Кто остается преданным этой собачонке (и почему она то и дело на меня лает?!) [2]

2) Аддубитация, проявляющаяся в демонстрации автором своих сомнений (обычно слово или предложение), сопровождается вопросно-ответным ходом и кодируется вопросительным знаком. Эффективность приема заключается в создании автором тесной связи с аудиторией и выражении своего эмоционального напряжения. Например:

"Айфара"ның кызы,законсыз хатыны бар ди,икенчесе малае,законлы хатыны бар дип әйтә.Кызык,кайсы шуның дөрес икән?ә?может ул үзен шулай пиарить итәдер?! [5]

И как кст, они опознали там "изображение святого"? Экспертиза? Пивко? Травка? Банальное желание хоть как то заявить о себе? [1]

Have you ever heard about SUNY Ulster's Visual Arts Club? No? Yes, but not much? Notsure? Notyet? Thenkeepreading! – Ты слышал о клубе изобразительного искусства в Сани Алстер? Нет? ДА, но немного? Не уверен? Нет еще? Тогда читай! [6]

3) Адмирация – стилистический прием, заключающийся в демонстрации автором восхищенного состояния. В рамках нашего исследования мы рассматриваем его как пунктуационный, так как он предусматривает употребление восклицательных знаков в следующих друг за другом репликах. Например:

I just can't thank them enough! Bottom line is I really enjoyed after the ceremony part! I got to talk to my guests and went to do the videotaping part, and guess what! My favorite part: WE TOOK TONS OF PICS! :D YES!!!! Now I have LOTS of good memories! Woohoo! – Янезнаю, какихотблагодарить! Мне очень понравилась заключительная часть церемонии! Я общалась со своими гостями и знаете что! Мое любимое занятие:мы сделали кучу фотографий! Да!!!! У меня столько впечатлений! Уоху! [6]

Кэефлэрегез шэп булсын! Елмаеп,колеп,сагыш- борчыларны артка куеп,сэламэт,бэхетле булып яшэгез!!! Ата-аналарыгзнын,балаларыгзнын игелген куреп яшэгез дуслар!!!! Без яшэргэ туган бу доньяга!!! – Хорошего настроения! Живите счастливо, здорово, без горестей!!! Пусть Ваши родители и дети будут добры к вам!!! Мы рождены, чтобы жить!!! [3]

Столько искреней радости и восторга я не видел еще ни у одного человека! Дай бог этому человеку добра и здоровья! [3]

4) Синергия знаков препинания заключается в создании суммирующего эффекта взаимодействия различных знаков препинания, который значительно превышает эффективность знаков в случае отдельного использования каждого из них. Синергический эффект следующих знаков препинания следует признать наиболее продуктивным в повышении экспрессивности сетевого текста:

а) синергия вопросительных знаков:

Балтаччч кызлары кая сезззз???? – Девочки из Балтаси, вы где????[3]

Вы свои то легкие видели???????[4]

Whereididthetimego????? – Кудаутекловремя????? [2]

б) синергия восклицательных знаков:

Тик шуннан тавыш тын чыкмады!!!!!!!!!!!! – После этого ни слуху ни духу!!!!!!!!!!!! [5]

Ну зачем мне говорить с вами, если у меня нет 100 000 за годовую карту!!!!!! [4]

whatahappyface!!!! – Такая счастливая!!!! [2]

в) синергия вопросительного и восклицательного знаков:

Яратмыйсыз икэн тынламагыз, эллэ мэжбур итэлэрме сезне?!! – Если не нравится, не слушайте, вас заставляет кто-то?!! [5]

Если ты не идешь вверх, зачем так бежать????! Почему нельзя хотя бы сбоку встать??!!! [3]

No "I voted" stickers! ?! Don't bother voting - this is a scam. – Нехватилолистовок «Яголосовал»!?!И не голосуйте – это лохотрон. [2]

г) синергия многоточия и вопросительного знака:

Алайса,фәрештә,син И.ның мәхәббәте буласың инде???.....Котлыйм!Дан һәм шөһрәт!.... – Значит, фэрештэ, ты любовь И.???..... Поздравляю!Слава и почет!....[5]

КАААААААААААК, Я СПРАШИВАЮ КАААААК ОНИ ЭТО ВЫЯСНИЛИ??!! [3]

DoIreallyhavetotrythishard?... - Мнестоитпостараться?... [6]

д) синергия многоточия и восклицательного знака:

Синең абзарыңдагы бозауга охшаганчы эле ул бозауны мөгрәргә өйрәтергә кирәк!!!!!!!!..... – Прежде чем стать похожим на этого теленка, нужно научить его мычать!!!!!!!!..... [5]

Вот еще, точки считать!.....)) [3]

Happy Birthday !!.. you have such wonderful weather, so I hope you are out enjoying this awesome sunshine. – С днем рождения!!.. погода восхитительна, надеюсь, и ты ею наслаждаешься. [2]

5) Дистанцирование знака препинания от конечно буквы высказывания. Данный прием заключается в преднамеренном/непреднамеренном отделении знака препинания (точки, вопросительного и восклицательного знаков) от финальной буквы напечатанной буквы. В случае преднамеренного использования такой пунктуационный прием, на наш взгляд,обладает высокой экспрессивностью: пробелу соответствует продолжительная пауза, позволяющая читающему вникнуть в смысл высказываемой мысли и догадаться о возможном скрытом подтексте.

Татарлар димэссен дэ узегезне...урыслар да бу чаклы сугенми ! – и не скажешь, что вы татары… даже русские так не бранятся ! [5]

Есть такая закономерность:сколько бы парни не смеялись над девушками, постящими себе ванильные высказывания и картинки, сколько бы они не ржали над их любовью фоткаться в зеркалах(особенно в туалете) - все равно они встречаются именно с такими!

This is for my 3 grandaughters . – Это для моих трех внучек . [2]

6) В сетевых текстах анализируемых языков знаки препинания могут быть подвергнуты модификациям с целью приобретения ими новых функциональных возможностей. В татарском и русском языках одной из таких является функциональная модификация скобок: во-первых, этот знак становится одиночным, во-вторых, приобретает функцию выражения эмоций и чувств автора:

Кызлар эйдэ киттек гулять))) Казан шэхэрендэ))) – Девчонки, пошли гулять))) В Казани))) [3]

Все меня спрашивают: «Ты замуж собираешься?» Глупый вопрос, конечно собираюсь, но я такаааааая капуша...)))[3]

Также в татарских, русских и английских сетевых текстах наблюдается тенденция употребления конечного знака препинания (воспросительного и восклицательного знаков), а также скобки в начале высказывания. Данный прием способствует повышению экспрессивности текста за счет сближения устной и письменной речи.

))Руслан ничек? Этиен кайгырды инде ул чирлэгэч)) –)) Как Руслан? Папа так переживал)) [3]

!!! Это кто ж так шутит? По-моему, даже гугль-транслейт так не переведет. [3]

?? who is this person with you ??? - ?? Кто этот человек рядом с тобой ???[2]

Таким образом, проведенный нами анализ приемов пунктуации в сетевых тестах на татарском, русском и английском языках, позволил нам утверждать, что в сетевых текстах установилась особая система пунктуационных приемов, которые способствуют повышению эффективности восприятия печатной речи, ее эмоционального, интонационного и смыслового наполнения. Тот факт, что они образованы именно в сетевых текстах, является подтверждением их уникальности.

Литература

Блог «Живой Журнал»// URL: http://tema.livejournal.com/ (дата обращения 24.10.14).
Социальная сеть Facebook// URL: https://www.facebook.com/ (дата обращения 23.10.14).
Социальная сеть Вконтакте// URL: http://vk.com/ (дата обращения 25.10.14).
Стена ненависти// URL: http://vk.com/ (дата обращения 25.10.14).
Татар эстрадасы, йолдызлар// URL: http://bulmas.ru/ (дата обращения 23.10.14).
International Student Blog// URL: http://www.internationalstudent.com/ (дата обращения 24.10.14).

Ф.Х.Тарасова
Казанский федеральный университет (Казань)
Г.Б. Яковенко
Городской дворец творчества детей и молодежи №1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЧУВСТВА ТРЕВОГИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Статья посвящена исследованию лексических средств передачи чувства тревоги в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго». Анализ показывает, что лексические средства, использованные автором, сыграли очень важную роль в передаче чувства тревоги в рассматриваемом произведении.

Ключевые слова: лексические средства, тревога, анализ, перевод.

В организации художественного текста принимают участие единицы всех уровней языка. Несмотря на это, восприятие текста, как правило, в первую очередь зависит от того, какие лексические средства использует автор.

Данная статья посвящена изучению такого эмоционального состояния человека как тревога, с точки зрения лингвистики.

Объектом нашего исследования являются лексические средства передачи тревоги в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и способы их перевода на английский язык.

К настоящему времени написаны десятки работ, в которых говорится о таких эмоциональных концептах как радость (Кирьякова О.И., Киршинова О.В.), любовь и страсть (Широкова И.А., Шамратова А.Р.,Валиулина С.В.), злость (Крылов Ю.В.), стыд (Колиева И.Г., Лукина М.Г.), страх (Кириллова Н.В., Воронин Л.В.). Написаны работы по фразеолгизмам со значением эмоций (Швелидзе Н.Б., Силинская Н.П., Гатауллина Р.В.),есть труды, посвященные словам-названиям эмоций (Перфильева С.Ю., Гончарова Ю.Л.). Что касается лексемы «тревога», то на сегодняшний день, данному концепту посвящены диссертационные исследования Маркеловой В.М. (Лексико-семантическое поле «тревога» в лирике А.А. Блока, 2009г.) и Лагоденко, А.М. (Языковые средства репрезентации концепта "Anxiety" в современном английском языке, 2011г.). В сопоставительном плане данный концепт затрагивается лишь как один из многих, рассмотренных в работе Анфиногеновой А.И. (Вариативность эмотивных лексем в английских переводах пьес А.П. Чехова).

Таким образом, изучение языковых средств передачи состояния тревоги в русском языке и способов их перевода на английский язык на данный момент остается актуальным.

Следует также отметить, что, несмотря на достаточно большой список исследований романа «Доктор Живаго», языковые средства, выражающие чувство тревоги в данном произведении рассматриваются впервые. Особый интерес для нас представляют способы их передачи на английский язык.

Тревога (в психоанализе) – психологическое состояние человека, которое возникает у него в ситуации опасности. З. Фрейд писал и говорил о трех типах тревоги: объективной, невротической и моральной. Объективная тревога возникает под воздействием реальных, действительных угроз психологическому благополучию человека. Невротическая тревога порождается осознанием опасностей, исходящих из Ид. Моральная тревога появляется в результате заслужить моральное осуждение со стороны кого-либо [Мещеряков 2006: 441]. По справедливому замечанию Ч. Спилбергера, при всем смысловом различии термина "тревога" исследователи используют его чаще всего в двух основных значениях, которые взаимосвязаны, но относятся к совершенно разным понятиям. Речь идет о смешении в одном термине двух пониманий тревоги: как психического состояния и как свойства личности (тревожности). В первом случае термин «тревога» используется для описания неприятного эмоционального состояния, которое характеризуется субъективными ощущениями напряжения, ожидания неблагополучного развития событий. Возникает это состояние в ситуации неопределенной опасности, угрозы (ожидание негативной оценки или агрессивной реакции; восприятия отрицательного к себе отношения или угрозы своему самоуважению, престижу) и часто обусловлено неосознаваемым источником опасности. Во втором случае тревожность как черта, свойство личности характеризуется относительно устойчивой склонностью человека воспринимать угрозу своему «Я» в различных ситуациях и реагировать на них усилением состояния тревоги [Астапов 2001: 88]. На физиологическом

уровне реакции тревоги проявляются в усилении сердцебиения, учащении дыхания, увеличении минутного объема циркуляции крови, повышении артериального давления, возрастании общей возбудимости, снижении порога чувствительности. На психологическом уровне тревога ощущается как напряжение, озабоченность, нервозность, чувство неопределенности и грозящей неудачи, невозможность принять решение и др. [Немов 2007: 552].

В ходе нашего исследования выявлено большое количество лексических средств, помогающих автору передать чувство тревоги и беспокойства читателю.

Анализ показал, что самой большой группой слов, передающих чувство тревоги в рассматриваемом нами произведении, является лексическая группа «погода».

И под бормотание ветра Юрий Андреевич спал, просыпался и засыпал в быстрой смене счастья и страданья, стремительной и тревожной, как эта переменная погода, как эта неустойчивая ночь.

And to the muttering of the wind YuriiAndreievich slept and woke and slept again in a quick, troubled alternation of joy and suffering, as fleeting and disturbing as the changing weather, as the restless night (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Снова поднялся ветер.

The windrose again and the rain came down (при переводе использована грамматическая трансформация).

Помню, ветреный был день осенний, ветер крышу рвал и с ног валил, паровозы подъема не брали, им навстречу ветер дул.

I remember it was a windy day in autumn. The wind was tearing at the roof, it nearly knocked you off your feet, and the engines couldn't get uphill because the wind was head on (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Бесшумные отсветы молний западали в комнату мадемуазель, озаряли ее и задерживались в ней лишний миг, словно что-то разыскивая.

Noiseless reflections of distant lightning lit up Mademoiselle's room, lingering as though looking for something (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Мороз смягчился, с темного неба, покрытого низкими тучами, с минуты на минуту должен был повалить снег.

It was less cold, and judging from the look of the dark, low clouds it would snow any moment (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Необходимо также отметить, что одной из самых больших лексических групп средств передачи тревоги в романе является группа слов-цветообозначений.

Тучей саранчи висела над его крышами черная пыль, которую поднимали валившие через него войска и обозы.

Black dust hung over its roofs like a cloud of locusts (при переводе использован способ прямого перевода).

Улицы покрывал черный лед, толстый, как стеклянные донышки битых пивных бутылок.

The streets were covered with a thick, black, glassy layer of ice, like the bottom of beer bottles (при переводе использован способ прямого перевода).

Было сырое, серое, как этот шифер, темное апрельское утро, отовсюду спертое высотами и оттого неподвижное и душное.

It was a damp dark April morning, as gray as the slate, locked in by the mountains on all sides and therefore still and sultry (при переводе использован способ прямого перевода).

Осень пахла этим горьким коричневым листом и еще множеством других приправ.

The autumn smelled of these brown, bitter leaves and of many other things (при переводе использована лексическая трансформация).

В ходе исследования, мы также выяснили, что среди лексических средств передачи тревоги в романе немаловажную роль играет группа слов, описывающих психическое состояние человека.

Он хотел предупредить начальника о нависающей над лагерем опасности нового восстания, более угрожающего, чем подавленное, и не находил слов, потому что нетерпеливость Ливерия, раздраженно торопившего его, окончательно лишала его дара речи.

He wanted to warn him of an impending new rebellion, more dangerous than the one that had been put down, but Liberius, by hurrying him, deprived him of the power of speech (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Юрию Андреевичу не сиделось.

Yurii Andreievich could not sit still (при переводе использована грамматическая трансформация).

Он стал спиной к комнате, подпер щеку ладонью, облокотясь о подоконник, и устремил в глубь покрытого темнотою сада рассеянный, ищущий умиротворения, невидящий взгляд.

Leaning on the sill, his cheek on his hand, he stared into the dark garden with absent, unseeing eyes, trying to collect himself (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Очень часто Пастернак передает чувство тревоги через описание физического состояния своих героев.

Было ***больно*** *дышать.*

It hurther to breathe (при переводе использована грамматическая трансформация).

Когда Юрий Андреевич приближался к городу на своем последнем переходе и час или два тому назад шел по нему, безмерно увеличившаяся его слабость казалась ему признаком грозящего близкого заболевания и пугала его.

His sudden weakness earlier that afternoon as he approached the town and walked through it an hour or two ago had made YuriiAndreievich think that he was ill, and had filled him with fears (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Говоря о средствах передачи чувства тревоги в романе «Доктор Живаго», нельзя не упомянуть о лексической группе «время суток». Нами выявлено большое количество примеров с лексемой «ночь».

Ночью Юру разбудил стук в окно.

During the night the boy, Yura, was wakened by a knocking at the window (при переводе использована грамматическая трансформация).

В конце ее, ночью, он вдруг проснулся после тяжкой, привидевшейся ему нелепицы о драконьем логе под домом.

Toward the end of it, he woke up in the night from a nonsensical nightmare about a dragon that had its lair underneath the house (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Как может он дрыхнуть или спокойно лежать, слыша такой стук, в расчете, что, в конце концов, подымится она, слабая и беззащитная старуха, и пойдет отпирать неизвестно кому в эту страшную ночь в этой страшной стране.

How could he sleep soundly or lie calmly through all this noise, expecting that in the end she, a weak, defenseless old woman, would go down and open for God knows whom, on this frightening night in this frightening country (при переводе использованы грамматическая и лексическая трансформации).

Таким образом, анализ лексических средств, использованных Б. Пастернаком в романе «Доктор Живаго» показал огромную важность их употребления, ведь наряду с другими языковыми средствами, они помогли передать читателю всеобщее чувство тревоги, характерное для событий, описываемых в произведении.

Литература

Астапов В.М. Тревога и тревожность. СПб., 2001.
Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб, 2006.
Немов Р.С. Психологический словарь. М., 2007.

Т.И.Товкайло
Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет
им. Григория Сковороды (Переяслав-Хмельницкий, Украина)

ПОЗИЦИЯ КОНЕЧНОГО ФОРМАНТА *-ИК* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНО СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье осуществляется попытка описать акцентные позиции конечных формантов имени существительного современного украинского языка на материале лексем мужского рода. Отмечается, что такие морфемы в основном отдают предпочтение двум ударным позициям: либо сами находятся под ударением, либо стоят за ударным слогом. Объектом исследования является суффикс украинских существительных ***-ик.*** В языкознании к определению статуса указанных суффиксов существуют различные подходы, которые были учтены автором при анализе указанного форманта, что дало основание высказать предположение относительно статуса самой инвариантной морфемы.

Ключевые слова: формант, морфема, позиция, слог, ударение, дериватология, имя существительное.

В течение последних десятилетий в языкознании утвердилось мнение о свободном словесном ударении в восточнославянских языках и о зависимости между морфемной структурой слова и особенностями ударения суффиксов. В этом аспекте исследование акцентных характеристик суффиксов имен прилагательных впервые осуществила профессор

Н.Ф.Клименко [Морфемна 1979], которая доказала, что им свойственно максимальное количество позиций (5) относительно словесного ударения. В данной статье представлено описание выполненного по ее методике исследования конечного суффиксаимени существительного мужского рода в отношении словесного ударения.

Объектом исследования являются акцентуационные особенности суффикса имени существительного ***-ик***.

Материал для исследования взят из «Інверсійного словника української мови» [Інверсійний 1985], из которого выписаны все слова с этим суффиксом. По словарю ударений украинского литературного языка Н.И.Погрибного [Погрібний 1964] уточняем место ударения в слове. Деление слова с указанным суффиксом на морфемы представлено в соответствии со словарем-справочником И.Т.Яценко [Яценко 1981–1982]. Поскольку акцентные характеристики слов по разным словарям могут не совпадать, проверяем ударения анализируемых слов еще и по толковому словарю [Словник 1973, 4].

Цель статьи – описать акцентные характеристики суффикса ***-ик***.

В современном украинском языке суффикс ***-ик*** многозначный и омонимичный. Необходимо различать три омонимичных суффикса ***-ик***: ***-ик[1]****(на/пліч/н/ик)*, ***-ик[2]*** (*кóн/ик*) и ***–ик[3]*** (*кіберне́т/ик/*). На большую продуктивность и многозначность суффикса ***–ик*** обращает внимание М.А.Жовтобрюх: «На основе суффикса ***-ик*** путем переразложения основ прилагательных, причастий и существительных возникает исключительно продуктивный суффикс ***-ник***» [Жовтобрюх 1972: 343].

Суффикс ***-ик[1]*** (вместе с его производными) обозначает лиц, животных, предметы, растения. Его определяющей структурной особенностью является позиция после элементов ***-н, -ен, -ан, -ян, -ів, -ов,*** которые принадлежат производящим основам с одинаковой семантикой: *дека́д/н/ик, з/гу́б/н/ик, картопл/я́н/ик, криш/е́н/ик, срібл/я́н/ик, тан/е́ч/н/ик, фургóн/н/ик, щоде́н/н/ик*.

Омонимичный предыдущему суффиксу ***-ик*** со значением деминутивности, часто сопровождающимся еще и оттенком ласковости, может стоять сразу после корня и других суффиксов:*гнóм/ик, дóм/ик, жба́н/ик, кóн/ик, лóм/ик, óгн/ик, пі́вн/ик*. Иногда этот суффикс теряет упомянутые словообразовательные значения, и тогда у него доминирует только значение предметности: *пря́н/ик*.

Омонимичный заимствованный суффикс ***-ик/-ік***в преимущественном большинстве случав обозначает лиц по их научной и профессиональной деятельности (*акаде́м/ік, біо/хі́м/ік, гео/бота́н/ік, кано́н/ік*), реже – предметы (*дерев/опла́ст/ик, ела́ст/ик, пла́ст/ик*) и вещества (*анти/біó/т/ик, наркóт/ик*).

Характеристика суффиксов устанавливается в отношении словесного ударения. Известно, что последнее определяется при слогоделении. Часто границы морфемного деления и слогоделения не совпадают. Однако в данном случае это не играет существенной роли, поскольку важной является констатация места ударения в слове и позиция суффикса относительно ударения. По этой же причине не принимаются во внимание различия в главном и побочном ударениях сложного слова.

Анализ материала осуществляем по следующей схеме:

1) разбиваем каждое слово на слоги, морфемы и противопоставляем ударения;

2) уточняем, простым или сложным является данное слово и одновременно указываем количество слогов в нем;

3) фиксируем позицию суффикса относительно словесного ударения с помощью следующих признаков: а) стоит сразу после ударного слога; б) расположен через один, два, ..., n слогов после ударного; в) является ударным;

4) указываем, какая из этих позиций является наиболее характерной для суффикса, следовательно, наиболее частотной в словах с данной морфемой;

5) проверяем, возможно ли в словах с рассматриваемыми суффиксами параллельное ударение;

6) прослеживаем, зависит ли акцентная характеристика морфем от длины слова, которая измеряется количеством слогов в нем, от принадлежности его к простым (с одним) или сложным (с несколькими корнями);

7) сопоставляем акцентные характеристики суффикса ***-ик*** и производных от него суффиксов.

Существуют различные подходы к определению статуса суффикса ***-ик***. Согласно мнению Зденека Ф. Оливериуса [Оливериус 1976], суффикс ***-ик*** выступает не в осложненном (по принятому нами толкованию) виде, а как ряд отдельных суффиксов, особенно в пределах морфемного анализа: ***-н, -ик, -ник, -еник***.

«Конкретные значения этих четырех элементов не позволяют их свести в одну морфему», – отмечает ученый [Оливериус 1976: 117].

В других работах подериватологии встречаем иную трактовку данной проблемы: ***-ик, -ник, -еник*** считаются составляющими одной аффиксальной морфемы с одной словообразовательной функцией [Жовтобрюх 1972]. Изучая акцентуационные характеристики суффикса ***-ик¹***, считаем необходимым применить дифференцированный подход к анализу самого суффикса, иными словами, осуществляем анализ позиций относительно словесного ударения. Это позволит уточнить вопрос о статусе инвариантной морфемы. Позицию анализируемой морфемы относительно места ударения можно изобразить схематично, отмечая ударный слог и положение суффикса. Если в слове суффикс комплексный, его компоненты отделяются косой линией. Так, в слове *торпедник* ударная позиция суффикса ***-ик¹*** характеризуется схематично как ***ъ́н/ик***, то есть она занимает место сразу после ударного слога. Суффиксу ***-ик¹*** присущи следующие позиции:

1) безударный суффикс ***-ик¹*** может стоять после ***-н***, следующего непосредственно за ударным слогом: ***ъ́н/ик*** (800 единиц): *асфа́льт/н/ик, галантере́й/н/ик, торпе́д/н/ик, поро́м/н/ик, фурго́н/н/ик, фане́р/н/ик, ши́ль/н/ик, що/кварта́ль/н/ик*;

2) суффикс ***-ик¹*** стоит под ударением (78 слов со схемой ***ън/и́к***: *гірн/и́к, двій/н/и́к, коліс/н/и́к, комір/н/и́к, корін/н/и́к, муч/н/и́к, штаб/н/и́к)*;

3) безударный суффикс ***-ик¹*** стоит через один слог после ударного (67 слов со схемой ***ъ́ън/ик***: *бу́д/оч/н/ик, ву́л/ич/н/ик, ре/генер/а́т/ор/н/ик, троле́й/бус/н/ик, шви́д/кіс/н/ик)*;

4) или через два слога ***ъ́ъън/ик***: *ви́/уч/ен/ик, хи́м/о/род/н/ик*.

Материал показывает, что наиболее распространенным акцентуационным признаком суффикса ***-ик*** является его позиция после ударного слога.

Одновременно выявлены двенадцать слов с суффиксом ***-ик¹***, имеющих параллельное ударение. Позиция суффикса ***-ик¹*** в этих словах определяется схемой ***ъ́н/ик***. Как видим, в одном слове реализованы первая и вторая акцентные характеристики (десять слов): *во́д/н/и́к, мандр/і́в/н/и́к, мед/я́н/и́к, те́м/н/и́к, під/ри́в/н/и́к* и др. В двух словах наблюдаем схему ***ъ́ъ́н/ик***, в которой объединены первая и третья позиции: *за́/всі́д/н/ик, с/ні́/ва́/н/ик*. Возможно, в таком

сосуществовании наиболее характерного и часто реализуемого признака суффикса ***-ик[1]*** (сразу после ударного слога) и других его признаков проявляется тенденция к выравниванию ударения в литературном языке. Проследим, меняется ли акцентная позиция суффикса ***-ик[1]*** в зависимости от того, после каких элементов он стоит (***-ен, -ан, -ян, -отн, -изн***.., см. табл.). Следует отметить, что производные существительные с суффиксом ***-ик[1]***образуются от глаголов и имен прилагательных.

Таблица

Сводная таблица акцентных позиций суффикса-ик

-н	**н/ик** 800	**-ик** 78	**н/ик** 68	**н/ик** 1	*матрац/н/ик* *дв/ій/ник*
-ен	11	1	12	1	*криш/ен/ик* *уч/ен/ик*
-ан	4	1	0	0	*вбірж/ан/ик* *піщ/ан/ик*
-ян	6	12	4	0	*вод/ян/ик* *картопл/ян/ик*
-енн	3	0	0	0	*с/мир/енн/ик* *спас/енн/ик*
-отн	1	0	0	0	*цинг/отн/ик*
-изн	1	0	0	0	*спів/від/чин/ик*
ів н/ик	0	32	1	0	*руй/н/ів/н/ик*
ав н/ик	1	0	0	0	*кров/ав/н/ик*
Образованные от глаголов и прилагательных **льник**	229	0	15	0	*утюж/и/льн/ик* *м'я/льн/ик*

Омонимичному суффиксу-***ик*** с уменьшительно-ласкательным значением свойственны такие позиции:

1) в 25 словах безударный суффикс ***-ик*** стоит после безударного слога (после корневой морфемы) ***о́ик***: *ло́м/ик, ко́н/ик, со́м/ик, то́м/ик, фі́льм/ик, шра́м/ик, што́рм/ик*та ін.;

2) в двух словах ***-ик*** безударный (***о́ик***): *кум/и́к, огн/и́к*. Производные с суффиксом ***-ик*** образуются только от имен существительных.

Омонимичный заимствованный суффикс ***-ик / -ік*** имеет свои акцентные характеристики. Общее количествоотыменных слов с ним составляет 156 единиц:

1) в 155 словах суффикс ***-ик / -ік*** стоит послеударного слога (***о́ик/ік***): *астро/фі́з/ик, діабе́т/ик, лун/а́т/ик, кіберне́т/ик, рома́нт/ик, се́нт/ик, стати́ст/ик, хро́н/ік, хі́м/ік*;

2) в одном слове *єретик* этот суффикс является ударным. Таким образом, наиболее характерной для омонимичных суффиксов (***-ик, -ик, –ик***[3]) является их позиция послеударного слога. Следует отметить, что разное количество слогов в слове не влияет на акцентные характеристики анализированных суффиксов. Сравним для примера слова с разной слоговой длиной (от двух до семи), имеющие схему ударения ***о́н/ик***: *з/гу́б/н/ик, за/сту́п/н/ик, динам/і́т/н/ик, вул/е/вод/ді́ль/н/ик, вел/ик/о/розу́м/н/ик, пере/хрес/н/о/за/пи́ль/н/ик*.

Из приведенных примеров видно также, что акцентные характеристики суффиксов ***-ик, -ик, -ик /-ік*** не зависят от того, ккакой разновидности слов принадлежит производное – к простым или сложным, имеющим несколько корней.

Как видно из исследованного нами материала, важнейшей ударной позицией суффикса ***-ик*** является позиция после ударного слога, засвидетельствованная в 1130 словах. Наибольшее количество ударных позиций наблюдается у первичного суффикса ***-ик[1]***. Наименее реализованным акцентуационным признаком первичного суффикса ***–ик[1]*** является позиция через два слога после ударного (имеет место в пяти словах). Параллельное ударение совсем не свойственно словам с суффиксами ***-ик[2]*** и ***-ик[3] / -ік***, однако присуще словам с суффиксами ***-ик[1]*** и ***-ник,*** в которых их акцентные позиции совпадают.

По сравнению с ***-ик*** омонимичные ему суффиксы ***-ик[2]*** со значением деминутивности и заимствованные ***-ик/-ік***со значением лиц по роду деятельности имеют меньшее количество ударных позиций. Наиболее характерным для них акцентуационным признаком является позиция после ударного слога, что объединяет их с суффиксом ***-ик.*** В отличие от него в двух омонимичных суфіксах ***-ик*** и ***-ик/-ік*** акцентирование самого суффикса является редко реализованным признаком (наблюдается всего в трех словах).

Литература

Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М. Курс сучасної української літературної мови. К., 1972.
Інверсійний словник української мови / відп. ред. С.П. Бевзенко. К., 1985.
Морфемна структура слова /Т.О.Грязнухіна, Н.Ф.Клименко, Л.І.Комарова, М.П.Муравицька, М.М.Пещак. К., 1979.
Оливериус З.Ф. Морфемы руського языка. Частотный словарь. Прага, 1976.
Погрібний М.І. Словник наголосів української літературної мови. К., 1964. Словник української мови в 11-ти т. Т. 4.К., 1973.
Товкайло Т.І. Залежність наголосових характеристик іменникових суфіксів від морфемної будови слова та їхніх словотвірно-розрядних значень // Українське мовознавство: Міжвідомчий науковий збірник. Вип. 22. К., 2000. С.116–121.
Яценко І.Т. Морфемний аналіз: словник-довідник (у 2-х томах). К., 1980–1981.

С.В.Туганова
Институт экономики, управления и права (Казань)

СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ В СУЕВЕРНЫХ ПРИМЕТАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассмотрены локативные отношения в антропологических приметах двух этносов. В предпринятом исследовании на языковом материале исследованы пространственные предлоги, локализующие точку на теле и передающие геометрические отношения между физическими объектами.

Ключевые слова: народные приметы, синтагматика, локативность, пространственные предлоги.

Тело человека обладает характеристиками объемного трехмерного объекта, на основании чего при локализации местоположения Х используются предлоги, локализующие точку на теле. Пространственные предлоги передают простые геометрические отношения между физическими объектами, при этом релевантными для пространственного восприятия и пространственного мышления оказываются

характеристики, которые присутствуют в семантике пространственных предлогов, такие как, осевая ориентация и направление, относительное расположение, количественные характеристики ориентира.

Пространственные (локативные) отношения могут быть выражены любым специализированным средством, обозначающим связь двух субстанций. В русском языке одними из таких средств являются предлоги (и предложные сочетания), связывающие два существительных [Бондарко 1996: 12].

Семантике пространственных предлогов и наречий посвящена работа О.Н. Селиверстовой, в которой автор описывает преимущества и недостатки синтагматического и парадигматического подходов описания локативных предлогов. Так, в рамках синтагматического подхода проведены исследования Ф.Вуда и К.-Г. Линдквиста, где авторы уделяют основное внимание фактическим «контекстным значениям» локативных предлогов, при этом оставляя размытыми различия между самими предлогами, выражающие близкие или сходные пространственные отношения.

Синтагматическому подходу к описанию семантики пространственных предлогов и наречий противопоставлен парадигматический подход, в рамках которого исследователи (Дж.Лич, Д.Беннет, Н.Н. Леонтьева, С.Е. Никитина и др.) ставят своей целью определение значений пространственных единиц в языковой системе. Одним из недостатков этого подхода, по О.Н. Селиверстовой, является упрощенная система бинарных оппозиций, упускающая из вида всю сложность пространственных представлений, передаваемых предлогами, и индивидуальные пространственные значения отдельных единиц [Селиверстова 2004: 724-727].

По Дж.Миллеру и Ф.Джонсон-Лэрду, цель локативных конструкций – служить указанием для обнаружения объекта X. Исследователи определяют значение предлога как такое отношение между X-ом (референтом) и Y-ом (релятумом), которое позволяет наиболее уверенно установить «поисковый район» [цит. по Селиверстова 2004: 730].

Предлоги являются важнейшим средством выражения пространственных отношений в русском языке и применяются для описания местонахождения или перемещения предмета в пространстве. При определении положения субстанции в пространстве человеку приходится сталкиваться с такими понятиями, как точка, прямая линия, окружность. Поэтому частные локативные отношения подразделяются на три подгруппы в зависимости от того, изображают ли они положение одной субстанции в отношении другой в виде точки (трехмерного пространства), линии (плоскости) или окружности (дуги, сферы) [Бондарко 1996: 10].

Многие исследователи исходят из того, что пространственные предлоги передают простые геометрические отношения между физическими объектами, при этом релевантными для пространственного восприятия и пространственного мышления оказываются характеристики, которые присутствуют в семантике пространственных предлогов, например, осевая ориентация и направление (предлоги *behind, over, above, under, below*), относительное расположение (*in, on*), количественные характеристики ориентира (*between*) и др. [Селиверстова 2004: 737].

Так, в русских и английских СП нами были выявлены такие наиболее частотные первообразные простые предлоги, как: *под + тв. п. (below)*; *в + предл. п. (in)*; *через + вин. п. (over)*; *между + тв. п.(between)*; *на + предл. п. (on, in)*; *на + вин. п.*; *над + тв.*

п.(above,over); *за + тв*. п.; также был зафиксирован простой наречный предлог *сквозь + вин. п. (through)* [РГ 1980, Т.1: 706-707].

Локатив: первообразный простой предлог ***под + тв. п***. употребляется в именных сочетаниях при конкретных именах [Золотова 2006: 275]: *под головой, лицом, пяткой, плечом*.

В английском языке русскому предлогу *под* в данном значении соответствуют такие предлоги, как *under* и *below*: *under the head, (arm, tongue, shoulder).* Например: *Когда гремит первый гром, то бери то, что найдешь под левой пяткой, бумажку, тряпку, траву или землю, завяжи и привесь под левую мышку – будешь счастлив [Потанин 1864, в.6: 118]; – As a remedy for fever, place a bowl of water under the head of the patient's bed; or put a pan of water beneath the bed [Hyatt 1935: 252]*.

Предлог *below* (под) «lower than something» (ниже чем что-либо): *below the knee (the little finger, the fork of the breast, the Adam's apple)*: Например: *У кого под глазами зачешется, тому в тот день о чем-нибудь плакать [Пузин 1834: 158]; – An eelskin garter worn below the knee will prevent cramp [Opie 2005: 132]*.

Локатив: первообразный простой предлог ***в + предл. п.*** указывает на местонахождение. Употребляется в моделях, сообщающих о физическом состоянии лица, безличным глаголом, отвлеченным именем или предикативным наречием при комплексном обозначении субъекта состояния [Золотова 2006: 297]. Например: *Зачесалось в ухе – быть дождю [Панкеев 1997: 124]; – To wear rings in the ears will cure bloodshot or inflamed eyes [De Lys 1948: 159]*.

В английском языке предлог ***in*** используется при локализации болевых ощущений в теле. Например: *If you get a ringing in your ear you quickly ask someone for a number and go through the alphabet up to that number and you know who's talking about you [Opie 2005: 130]*.

Предлог **в + вин. п**. передает директив – направление действия, движения внутрь, в пределы названного предмета [Золотова 2006: 160]. Например: *Руки в голова не клади – память проспишь [Стрижев 1997: 245]*.

Локализация представлена в виде линии (плоскости) и выражается при помощи первообразного простого предлога-локализатора ***через + вин. п.*: «*сквозь*», «*через*»: линия, на которой расположен предмет А, находится внутри локализатора L» [Бондарко 1996: 10]:

Транзитив: путь движения (среда, преодолеваемая движением). Употребляется в глагольных сочетаниях при глаголах движения, перемещения [Золотова 2006: 224]: простой наречный предлог ***сквозь + вин. пад***. Например: *У грешника ангелы душу сквозь ребра вынимают, чтоб она только и досталась сатане [Даль 1996: 85]*.

Английский предлог *through* (penetrate – пронизывать) структурирует пространство как линию или плоскость, на которой предмет А проникает сквозь локализатор L. Например: *To be able to see the sunshine through the skin of a man's ears means he is a rascal [De Lys 1948: 163]*.

Транзитив (со значением пути движения). В сочетаниях с глаголами движения, перемещения [Золотова 2006: 226] предлог ***через + вин. п***. указывает на перемещение. Например: *Переступить через чьи-то вытянутые ноги – прервать его рост. Если такое случилось, надо тут же перешагнуть назад [Панкеев 1997: 126];*

В СП сопоставляемых языков предлог ***через + вин. п./over*** в сочетании с лексемой *плечо/shoulder* с глаголами *бросить, плюнуть/throw, spit* образуют устойчивые сочетания и употребляются в магических целях для предотвращения

сглаза, порчи и других негативных действий. Например: *Соль просыпать – к ссоре, во избежание ее нужно кинуть через левое плечо три щепотки соли [ЭС 2000: 431]; – When you have a bad dream, spit three times over your left shoulder [Opie 2005: 373]*.

Локализатор L может рассматриваться как единая субстанция, или как две, или несколько расчлененных субстанций. В последнем случае выделяется позиция *между* [Бондарко 1996]. Первообразный простой предлог ***между + тв. п./between*** локализует предмет в промежуточной точке между двумя объектами. Например: *Сколько морщин между бровями, столько раз жениться (или замуж выходить) [Панкеев 1997: 24]; – If you have a wide parting between your teeth you are going to be rich [Opie 2005: 394]*.

Первообразный простой предлог ***на + предл. п.*** **/on** определяется место на теле и указывает на местонахождение: локализатор L находится в позиция «*сверху*»:

а) с контактом – *на*: «разновидность модели, сообщающей о пространственном соположении предметов, представляют предложения с предицируемым компонентом, выраженным именем лица (либо частей его тела)» [Золотова 2006: 324]. Например: *Дети, родившиеся с большими волосами на голове, будут богаты и счастливы [ЭС 2000: 79]; – Hair on the arms is considered to betoken riches [Harland 1973: 225]*.

Английский предлог *on* определяет положение на поверхности человеческого тела. В русских и английских СП многочисленны приметы о пятнах черного или белого цвета на ногтях. Например: *To have yellow speckles on the nails of one's hand is a great sign of death [Opie 2005: 186]*.

При локализации неглубоких ран, ссадин, прыщей, новообразований (родимые пятна, родинки, веснушки) русскому предлогу ***на + предл. п.*** соответствует английский предлог ***on***. Например: *Если на голове появится перхоть, у тебя впереди будет много горя [ЭС 2000: 81]; – A blister on the tip of the tongue of a person shows that he told at least one lie [De Lys 1948: 167]*.

Русскому предлогу ***на + предл. п.*** соответствует английский предлог ***in*** для передачи:

а) «включенного» предмета в трехмерное пространство. Дж. Миллер и Ф.Джонсон-Лэрд описывают значение предлога *in* следующим образом: [цит. по Селиверстова 2004: 731]: in (X,Y) – Референт X находится в (in) релятуме Y,

если i [part (x,z) & incl (z,y)], т.е. если Z является частью X-а и Y включает Z. Например*: Ямочка на подбородке – свидетельство противоречивой натуры [Морок 2001: 151]; – Dimple in your chin, Your living's brought in; Dimple in your cheek, Your living's to seek [Opie 2005: 119]*.

б) при описании болезненных образований, таких, как «*ячмень/sty*». Например: *Если у тебя на глазу ячмень, посмотри в горлышко кувшина, и пройдет [Цивьян 1985: 169]; – To cure a sty in the eye, rub the part three times all one way with a wedding ring [Opie 2005: 175]*.

Первообразный простой предлог ***на + вин. п.*** указывает на перемещение. Директив – конечная точка или ориентир направленного движения. В сочетаниях с глаголами направленного действия и более тесная связь. Словообразовательно мотивированная, с директивом *на + вин. п.* у глаголов с приставкой *на-* [Золотова 2006: 189-190]. Например: *Кто перед днем Ивана Купала надевает венок из чернобыльника на голову, того головная и глазная боль минует [Панкеев 1997: 94]*.

Локатив. В качестве предицируемого компонента – обозначение места, пространства, среды, характеризуемой состоянием, либо происходящим в ее пределах действием, либо нахождением в ней предмета [Золотова 2006: 262]: без контакта –

употребляется первообразный простой предлог ***над + тв. п./above.*** Например: *Сколько у человека морщин над бровями, столько раз ему суждено овдоветь [Морок 2001: 18]*.

Предлог *above* локализует местоположение одного предмета непосредственно над другим без их соприкосновения. Например: *Raising the left arm too high above the head might interfere with the position of the heart and pull it out of place [De Lys 1948: 180]*.

Предлог *over* близок по значению к предлогам *above, across* и локализует предмет на поверхности с контактом или без контакта. Например: *A baby will be a prophet if it is born with a veil over its face [Dorson 1964: 338]*.

Директив – пространственный ориентир движения (коррел. с первообразным простым предлогом ***за + тв.*** **п.**: выйти за ворота – указывает на местоположение: быть за воротами). Например: *Черные пятна за ногтями – к смерти [ЭС 2000: 287]*. В английских СП нами не были зафиксированы примеры с предлогом *under* в аналогичном значении.

Таким образом, рассмотренный один аспект лексической сочетаемости названий частей тела показывает значительное сходство в семантическом значении локативных предлогов в сопоставляемых языках. Выделены характерные особенности семантического употребления пары русской предложно-падежной конструкции ***на + предл. п.*** и английского предлога ***in***, когда этот предлог получает два дополнительных значения: 1) «включенного» предмета в трехмерное пространство; 2) при описании болезненных образований на теле.

Литература

Бондарко А.В. Локативность. Бытийность. Поссессивность. Обусловленность. СПб, 1996.
Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереот. М., 2006.
Русская грамматика Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР, Ин-т русского языка. М., 1980. Т. 1. [РГ 1980].
Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. / под ред. А.К. Байбурина. Л., 1985.

Источники

Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. Материалы по русской демонологии. СПб, 1996.
Морок А., *Разумовская К.* Интимные приметы. М., 2001.
Панкеев И.А. Тайны русских суеверий. Суеверия, предания русского народа. М., 1997.
Потанин Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении [Текст] // Русское географическое общество. Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6.
Пузин П. Взгляд на суеверие и предрассудки [Текст]. СПб., 1834.
Стрижев А. Н. Народные приметы. М., 1997.
Энциклопедия суеверий / отв. ред. А. Егазаров. М., 2000.
A Dictionary of Superstitions / ed. by Iona Opie, Moira Tatem. Oxford, 2005.
De Lys C. A Treasury of American Superstitions / C. De Lys. New York, 1948.
Dorson R.M. Regional Folklore in the United States. Buying the Wind Chicago; London, 1964.
Harland J. Lancashire Legends, traditions, pageants, sports / J. Harland, T.T. Wilkinson. London, 1973.
Hyatt H. M. Folk-lore from Adams county Illinois. New York, 1935.

М.С.Устюжанина
Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск)

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется структура семантического поля восприятия на материале русского и английского языков, рассматривается тернарная оппозиция смыслов по Ю.Д. Апресяну внутри всего поля перцепции, а также характеризуется общий строй данного лексического объединения.

Ключевые слова: тернарная оппозиция смыслов, семантическая структура, иерархические отношения, пять микрополей восприятия.

Характеризуя организацию семантического поля глаголов восприятия, лингвисты отмечают, что в его структурном каркасе обнаруживается несколько организационных линий, которые, пронизывая поле, придают ему известную стройность и подчиняют составляющие его элементы определенной логике отношений [Макаров 1972: 75]. Семантическое поле, таким образом, предстает в виде сложного построения, в состав которого входит несколько элементарных полей, связанных между собой отношениями зависимости.

В формировании семантического поля глаголов восприятия отражаются общие тенденции человеческого мышления, универсальные законы, в связи с чем структура семантического поля глаголов восприятия в русском и английском языках в своих ключевых позициях одинакова: в СП глаголов восприятия этих языков входит пять микрополей со своими доминантами, ядром с центром и периферией. Доминантой ЛСГ в русском языке является лексема «воспринимать»– наиболее нейтральная для данного ряда, которая входит в семный состав каждого из основных глаголов чувственного восприятия, а именно: «воспринимать с помощью определенных органов или рецепторов»*;* в английском языке– это *perceive ‘воспринимать’, ‘ощущать’, ‘чувствовать’.*

В каждом микрополе выделяются подгруппы, которые связаны между собой определенными отношениями зависимости: субъектная и объектная часть, пассивное и активное восприятие, обладание перцептивной способностью и каузирование этой способности. Глаголы каждой из групп также иерархически взаимосвязаны как по вертикали, образуя гиперо-гипонимические отношения, так и по горизонтали– гиперонимы пяти микрополей.

При разработке **семантической структуры** исследуемого СП принимается во внимание, что первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый– тот, кто воспринимает, второй–то, что воспринимается. Следовательно, существует по крайней мере две серии глаголов (или других предикатных слов), которые называют состояния первого и второго актантов ситуации восприятия соответственно. Одну образуют глаголы, первая семантическая валентность которых заполняется именем субъекта восприятия, а вторая– именем воспринимаемого объекта; *Из траншеи мы видели узкую полоску берега.* Другую образуют конверсивные им глаголы или глагольные выражения, первая семантическая валентность которых заполняется именем воспринимаемого объекта, а вторая– именем субъекта восприятия; *Из траншеи нам была видна узкая полоска берега.* Субъект

восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире. Поэтому возможна еще одна серия глаголов–типа *смотреть.* В результате получается тернарная оппозиция смыслов: 'воспринимать'– 'восприниматься'– 'использовать способность восприятия'. Можно допустить необходимость четвертой серии глаголов, обозначающих активное воздействие объекта на орган чувства; *бросаться в глаза* для зрения, *доноситься* для слуха, *шибать (в нос)* для обоняния [Апресян 1995: 357].

Рассматриваемые нами подсистемы восприятия мы можем представить следующими тройками: *видеть–быть видным (кому-л.)–смотреть, слышать–быть слышным (кому-л.)–слушать, обонять–(чуять)–пахнуть–нюхать, ощущать вкус–быть на вкус–(На вкус ничего, но пахнет неважно)–пробовать, осязать–быть на ощупь–ощупывать. Когда же мальчик ощупывал его лицо, то ощущал своими чуткими пальцами его глубокие морщины* (В.Короленко, Дети подземелья). В русском языке все значения семантической парадигмы, для которых отсутствуют односложные выражения, заполняются свободными или полусвободными словосочетаниями. Сопоставляя этот материал с лексемами английского языка, мы наблюдаем следующее: *to see–to be visible–to look* для зрения, *to hear–to sound–to listen* для слуха, *to smell–to smell–to smell* для обоняния (*I can smell apples–Apples smell good– He bent over to smell a flower), to taste– to taste– to taste* для вкуса (/*can taste something very spicy in the food–The meat tastes delicious–He raised the glass to his mouth to taste the wine), to feel–to feel–to feel* для осязания (*he could feel the rough surface of the table–The water feels warm–Feel the bump on my head).* В английском нехватка словесного материала для заполнения всех клеток парадигмы компенсируется за счет многозначности [Апресян 1995: 358]. Организационное основание субъектно-объектной частей поля предполагает несколько дополнительных линий, усложняющих общую структуру поля, что создает объективную основу для существования большого репертуара структурно-семантических моделей, позволяющих выразить степень активности/пассивности субъекта, интенсивность ощущения, силу воздействия, состояния или реакцию субъекта и т.п., поскольку языковое обозначение перцептивной системы человека как его онтологической сущности относится к числу общеязыковых явлений [Золотова 1982: 223]. Рассмотрим гипероним ЛСГ зрительного восприятия– глагол *видеть*, в английском языке– *to see. Он* является наиболее нейтральным словом ряда и обозначает любой акт зрительного восприятия в любых условиях. Проанализировав словарные статьи этого глагола в русском и английском языках, мы обобщенно можем представить его значение следующим образом: 1) обладать зрением; 2) видеть увидеть, взглянуть; 3) смотреть; 4) видеться; 5) быть свидетелем; 6) бывать, посещать; 7) навещать; 8) изучать; 9) понимать; 10) знать; 11) делать умозаключение; 12) судить о…; 13) считать; 14) выходить на…, смотреть на…

На основании выявленных ЛСВ анализируемого глагола мы выделяем **два** смысловых **семантических стержня**. «Семантический стержень представляет собой единство совокупность значений внутри семантемы, характеризующий смысловой аспект отражения действительности, выявляющийся в этих значениях» [Моисеева 2005: 110]. В первый семантический стержень входят семь лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) (1-7), которые взаимодействуют в пределах микрополя зрительного восприятия. Их семантика отмечена специфическими оттенками и дополнительными средствами воплощения данного микрополя. Они представляют не весь его участок, а элементы его дробной репрезентации.

Во второй семантический стержень входят шесть ЛСВ (8-13), относящихся к семантическому полю умственной деятельности, последний (14-й) лексико-семантический вариант входит в другие семантические поля.

Глаголы микрополей обоняния, осязания, вкуса по числу обслуживающих их лексем уступают во многом микрополю зрения. Предикаты, порожденные вкусовыми, осязательными и обонятельными впечатлениями, не столь многочисленны, по этому критерию к ним можно присоединить и глаголы слухового восприятия. Вкусы, запахи, звуки, тембры воспринимаются человеком индивидуально. Думается, что неравномерная разработанность данного фрагмента языковой картины мира объясняется, прежде всего, различной степенью важности видов восприятия. Зрение, например, существенно важнее обоняния, осязания и вкуса, следовательно, соответствующие понятия в микрополе зрительного восприятия в языке развиты в гораздо большей степени. Исходя из количества глаголов, входящих в микрополе зрительного восприятия, мы можем сделать вывод, что среди значений, порожденных чувственным восприятием мира, наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты именно зрительных впечатлений. Зрительная семантика довольно четко расчленена, чего нельзя сказать о глаголах, относящихся, например, к слуховому, вкусовому и осязательному восприятиям [Гак 1977: 179-201].

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. Т. 2 Интегральное описание языка и системная лексикография. М.,1995.

Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.,1977.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1999.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.,1982.

Макаров В.В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972.

Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород, 2005.

З.Х.Фазлыева
Казанский федеральный университет (Казань)

К ВОПРОСУ О ЛАКУНАРНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на примере английского и турецкого языков)

Статья рассматривает проблему несоответствия фрагмента концептуальных понятий, выраженных фразеологическими единицами в английском и турецком языках. Тема лакунарности выявляется при изучении концепта «семья» во фразеологической системе двух неродственных языков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лакунарность, эквивалентность, сопоставительный анализ.

Актуальность данного исследования в теоретическом плане заключается в вычленении и изучении двух фразеологических групп английского и турецкого языков, соотносимых с понятием «семья» с последующим их сопоставлением. Результаты сопоставительного изучения ФЕ способствуют выявлению общих и специфических черт их структурных моделей.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить и показать их типологические сходства и различия фразеологических единиц двух разносистемных языков как в плане выражения, так и в плане содержания.

Фразеологическая лакунарность отражает отсутствие фразеологического эквивалента для передачи значения ФЕ другого языка.

Известно, что язык является одной из форм отражения объективной реальности, и в разных языках мироощущение и осмысление реальности разнятся; наиболее ярко это явление отражено при сопоставлении разноструктурных фразеологизмов.

Наиболее полное понимание фразеологической лакунарности представлено Г.З.Садыковой [Садыкова 1989: 16]. По мнению автора, фразеологическая лакунарность является двусторонней категорией, включающей как черты универсального, так и уникального.

Лакунарность на фразеологическом уровне вызвана прежде всего спецификой исповедуемой религии того или иного народа, канонами вероисповедания. Например, в турецком языке до сих пор существует принятый шариатом обычай смотрин невесты женихом, и это явление отражено во фразеологизме, лакунарном в английском языке görücüye çıkmak.

Для турецкого языка неизвестно выражение «трижды оглашать в церкви имена брачующихся (с целью выявления препятствий к осуществлению брака)», а в английском языке такое выражение есть – ask (call, read) the banns.

Приверженность древним традициям угадывается во фразеологизмах английского языка, лакунарных в турецком языке: Lares and Penates – домашний очаг; an Alruna wife – богиня домашнего очага. Лары и Пенаты были богами домашнего очага в эпоху римского правления, а Алруны – богами домашнего очага во времена древнегерманского язычества. Вообще фразеологизмы с именами собственными являются наиболее трудно переводимыми на другой язык.

Кроме указанных, можно назвать следующие фразеологизмы английского языка, которые не имеют места в турецком языке: Darby and Joan – старая любящая пара; May and December – старый муж и молодая жена; Strephon and Phyllis – сентиментальный молодой человек и его возлюбленная.

Сильное различие в культурах Англии и Турции наблюдается при анализе фразеологизмов, определяющих отношения мужчины и женщины в браке, и брак, в частности. Например, в английском языке имеются ФЕ grass widow – соломенная вдова и golf widow – женщина, чей муж чрезмерно увлекся гольфом. Понимание первого фразеологизма таково: «женщина, чей муж уехал в длительную командировку», в Турции же такого выражения нет лишь, как нам кажется, потому, что не в традициях исламской культуры оставлять замужнюю женщину надолго одну. Отсутствие в турецком языке фразеологизма golf widow объясняется тем, что игра в гольф не распространена в Турции.

В английском языке существует ФЕ a bachelor girl – девушка, живущая самостоятельно, «холостячка». Этим фразеологизмом, на наш взгляд, подчеркивается равноправие мужчины и женщины в английской культуре, в турецкой же – наоборот, демонстрируется превосходство мужчины над женщиной и зависимость последней от мужа. Примером служат фразеологизмы: evine göre pişir aşını, erine göre bağla başını – будь послушной женой и хорошей хозяйкой; baba ekmeği zindan ekmeği, koca ekmeği meydan ekmeği – замужняя женщина материально должна зависеть только от мужа и не полагаться на помощь родителей. Однако, в английском языке отмечается нелестное отношение к жене, которая попирает свободу мужа: it is a sad house where the hen crows louder than the cock – жалок тот дом, в котором жена верховодит мужем.

Собственно создается впечатление, что в Турции к женщине, девушке относятся как к легкомысленному созданию. Комментарием могут служить пять фразеологических единиц турецкого языка с семой «дочь»:

Kızı gönlüne bırakırsan ya davulcuya varır, ya zurnacıya – букв. "дай девочке волю, так выйдет замуж либо за барабанщика, либо за играющего на зурне (зурна - музыкальный инструмент)" – за дочерью глаз да глаз нужен.

Kızını dövmeyen dizini döver – не бьющий свою дочь в будущем об этом пожалеет;

Oğlan doğuran övünsün, kız doğuran dövünsün – пусть гордится тот, у кого родился сын, пусть убивается тот, у кого родилась дочь;

Kızın var, sızın var – есть дочь – есть печаль;

Bir evde iki kız, biri cuvaldız, biri biz – две девочки в семье – морока для родителей;

Oğlan olsun deli olsun – пусть родится дурак, но сын (а не дочь);

Отношение к матери у турецкого народа характеризуется почтительностью и уважением, о чем говорят следующие фразеологизмы, лакунарные в английском языке:

Ana hakkı Tanrı hakkı – правота матери – Божья правота;

Ağlarsa anam ağlar, başkası yalan ağlar – мать – самый близкий человек;

Ana gibi yar olmaz, Bağdat gibi diyar olmaz – нет человека лучше матери, как нет города красивее Багдада.

Если говорить о браке, то в английской культуре отмечается ироничное к нему отношение:

Double harness – супружество, замужество;

Ball and chain – семейные цепи;

Jump over the broom stick – повенчаться вокруг ракитового куста;

Wedlock is a padlock – супружество – это кандалы;

Все эти фразеологизмы неизвестны турецкой культуре.

Примером лакун в турецком языке служат английские фразеологизмы, отмечающие определенное количество лет, прожитых супругами вместе:

The wooden wedding – «деревянная свадьба» (5-летие совместной супружеской жизни (редк.));

The tin wedding – «оловянная свадьба» (10-летие совместной супружеской жизин);

The silver wedding – серебряная свадьба (25-летие совместной супружеской жизни);

The ruby wedding – рубиновая свадьба (40-летие совместной супружеской жизни);

The golden wedding – золотая свадьба (50-летие совместной супружеской жизни);

The diamond wedding – бриллиантовая свадьба (60- или 75-летие совместной супружеской жизни);

Абсолютными лакунами в английском языке являются ФЕ турецкого языка с семой «невестка». Отношения невестки и родителей ее мужа прочно вошли во фразеологический фонд турецкого языка. Этому, скорее всего, послужило проживание испокон веков под одной крышей невестки и родителей ее мужа, которым невестка должна была показать, какая она хозяйка. В мусульманской культуре существует обычай «взваливания» на плечи невестки как можно большего количества дел, причем со стороны свекрови редко оказывается какая-либо помощь.

Нужно учесть, что практически невозможно передать в чужом языке все оттенки семантики фразеологических единиц, не потеряв при этом их национального колорита и специфики.

Недостаточное знание фразеологии обоих языков и неумение адекватно передать в переводе значение фразеологической единицы оригинала вызывают трудности в процессе передачи их значения. Для преодоления этих сложностей, в основном, используют такие способы перевода, как: фразеологический способ и методы фразеологического калькирования и дескриптивной перифразы.

Литература

Гатиатуллина З.З., Адыгузель Х., Салахова Д. Фразеологический словарь. Стамбул, 1999.
Садыкова Г.З. Межъязыковая фразеологическая лакунарность и средства ее компенсации. автореф. дис…канд. филол. наук. Казань, 1989.
Фразеологический словарь русского языка /под ред. А.И.Молоткова. М., 1986.
Oy Aydın Tarih Boyunca Türk Atasözleri. İstanbul, 1972.

Н.Н. Фаттахова
Казанский федеральный университет (Казань)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА *ЗЕМЛЯ* В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТАХ

В статье рассматривается лексико-семантическая группа земля, функционирующая в русских народных приметах, выявляется структура данной группы, анализируются интегральные и дифференциальные свойства лексико-семантической группы.

Ключевые слова: народная примета, лексема, интегральный, дифференциальный.

Лексема *земля* имеет значения: 1. Третья от Солнца планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца и своей оси; 2. Суша в противоположность водному или воздушному пространству; 3. Почва, верхний слой коры нашей планеты, поверхность; 4. Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты [1:229].

В народных приметах данная лексема употребляется во всех четырех значениях, но наиболее частотными являются третье и четвертое значения: *Почва, верхний слой коры нашей планеты, поверхность*; *Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры*

нашей планеты. Сравните: *Земля согрелась – сей яровое; Хорошо зерно в землю спать уложишь – хорошо и разбудишь, сыт будешь; Овес не князь – любит грязь (сырую почву).*

Лексема *земля* в третьем значении часто употребляется как синоним лексемы *почва* (Почва – верхний слов земной коры, типы почв чернозем, глинистая: *Если ком земли не рассыпается, пахать рано: почва сырая.*

Почва – это рыхлый поверхностный слой суши, обладающий плодородием, то есть способностью обеспечить растения необходимым набором и количеством питательных веществ, водой, воздухом.

В.В.Докучаев – крупнейший русский ученый-естествоиспытатель называл почвы «зеркалом ландшафта», потому что почва – главный источник получения сельскохозяйственных продуктов и своим существованием человечество обязано почве, поэтому неудивительно, что самых древних текста, таких как народные приметы, почва, ее типы занимают большое место. По приметам можно установить, какой тип почвы был в тех или иных районах земли, как осуществлялось земледелие, какие растения были характерны для того или иного региона.

Отношение к земле у русского крестьянина отражается в тех определениях, эпитетах и метафорах, которые использовались для характеристики особой значимости, особой роли земли в жизни человека: *Снег **земле-кормилице**, что теплый кожух* [2]*; Поклонись **матушке-землице** – наградит сторицей; Без назема-батюшки не жди хлеба от **землицы-матушки**; В грозу дождь льет, чтобы **мать сыра-земля** не загорелась.*

Ориентация на народный календарь осуществляется указанием на день, отраженный в церковных святцах, так как святцы с их именами «святых» и перечнем церковных праздников давали в старину наиболее удобную основу для запоминания дат. Календарь как численник был неудобен, потому что числа в нем обезличены и повторяются каждый месяц, а записей крестьяне не вели: *На **Матвея** земля преет; На день **святого Василия** весна землю парит, земле пару поддает; Запарил землю **Василий** – выверни оглобли, закинь сани на поветь; **Василий Парийский** землю парит; **Федор Студит** землю студит; С **Михайлова** дня зима не стоит, земля не мерзнет; Пришел **Федот** – земля берется за свой род; На **Кирилу** отдаст землю солнышку всю свою силу.*

В части примет имеется указание на время года: ***Осень** землю не полелеешь, так летом пожалеешь; Коли земля не промерзнет, то **летом** соку не даст; Если **осенью** большинство листьев ложится на землю вверх изнанкой – к хорошему урожаю в предстоящем лете, а если лицевой стороной – к недороду; Листья осины, клена и орешника ложатся осенью на землю вверх лицом – зима будет холодная, а если кверху изнанкой – к теплой зиме;* ряд примет содержит указание на месяц года: *В конце **сентября** корень в земле не растет, а зябнет; В **октябре** птицы летят ниже к земле – быть ранней и холодной зиме; **Апрельские** ручьи землю будят; В **апреле** земля преет.*

Народные приметы могут содержать имплицитное указание на время года путем использования ключевых лексем (природные явления, растительность, животный мир), характерных для описания того или иного времени года, например: *Первый снег упал на мокрую землю - останется, на сухую – скоро сойдет; Ради земляники земле поклонишься не раз; Снег на земле, что навоз для урожая; Дождь припадет – землю целить*

начнет; Земля согрелась – сей яровое; Сыта земля грозовой водицей Шел дождь-долговяз – в сыру землю увяз; Малый дождь землю грязнит, а большой очищает; или через указание на определенную последовательность действий: *Садятся на вспаханную землю и замечают: чувствуется холод – пахать рано, теплая земля – паши; Если ком земли не рассыпается, пахать рано: почва сырая.*

Русские крестьянские приметы и пословицы о погоде определяли сроки пахоты, сева и уборки и связывали их с фенологическими явлениями, указывая на благоприятные или неблагоприятные последствия тех или иных природных явлений: *Дождь, перепадающий на первую, запаханную под озимь землю, – добрая примета; Когда земля успела прогреться. Грозы гремят, тогда лезут и рыжик и груздь; Даст небо дождь, а земля – рожь.*

Приметы давали краткосрочные и долгосрочные прогнозы о погоде, ориентируясь на процессы в растительном и животном мире: *Мыши полевки роют свои норы недалеко от поверхности земли – к снежной зиме; Насекомые закапываются глубоко в землю – к суровой зиме; Кроты выходят из-под земли – хорошей погоды не жди; Кроты усиленно роют землю – перед дождем; В октябре птицы летят ниже к земле – быть ранней и холодной зиме; Собака растягиваются на земле, лежит спокойно или спит, раскинув лапы, брюхом кверху – ждите тепла; Если летом собаки валяются на земле – к ненастью и ветру; Ласточки летают низко над землей – к дождю и ветру.*

Для того чтобы получить хороший урожай крестьянину нужно было не только хорошо работать, потому что: *Без хозяина земля – круглая сирота; Неразработанная земля не дает и плода; Землю потом не польешь – не уродит земля рожь; Лучше обрабатывай землю – хлебом будешь богат (хотя существует и: Не накормит земля – накормит вода);* но и заботиться о плодородии земли. Навоз или назем – пища для земли, поэтому в междупарье старались побольше вывезти навоза на паровой клин, почему эту пору и называли «навозницей»: *Без **назема-батюшки** не жди хлеба от **землицы-матушки**; Какова земля, таков и хлеб; Землю ори – дооришься до хлеба; Земля – тесто, навоз – закваска; Земля навоз помнит; Возвращай земле долг – будет толк; Землю пересушишь, так и хлеба не укусишь; На новь – хлеб сеять, на старь – навоз возить.*

Образование земли, или почвы, – сложный процесс, в народных приметах нашли отражение названия разных типов почвы, как правило, приметы построены на указании противоположных качеств почвы, учет которых необходим для получения хорошего урожая: *тучный (плодородный) – тощий (скудный)*; *сырой (глинистая) – сухой (песчаная);* на водоупорных глинах образовывались *тяжелые* почвы, на песчаных – *легкие*: *На тучной земле сей реже, на тощей – почаще; Овес не князь – любит и грязь (сырую почву), а ветру боится; Рожь любит хоть на часок, да в песок (сухую землю); Когда на дубе почки распускаются – пора сеять лен на легких землях (пензенская).*

Состав анализируемой группы формируется лексемами, состоящими в гиперо-гипонимических отношениях, родовым словом самого высокого ранга выступает слово *земля*, видовыми - *поле, пашня, нива,грядка, пар, дорога, тропинка, грязь, песок.*

Три парадигматических ряда, образованные данными словами, связаны следующими значениями:

1. интегральное – процесс, дифференцирующим – степень осуществления процесса: а) подготовленное для посева: *поле, пашня, нива, гряда;*

б) не подготовленное для посева: *пар*.

Базовое положение в первой подгруппе занимает лексема *поле (поля)* - обрабатываемая под посев земля, участок земли (О:552). Народные приметы позволяли крестьянину выработать алгоритм своего поведения в поле, последовательность действий была связана с определенными днями месяцеслова, разрешающими или запрещающими те или иные действия в поле: *На **Федосью** ходили в поле смотреть всходы; На **Ирину** худая трава из поля вон; На **Ильин** день в поле не работают; **Илья Пророк** в поле копны считает; Гром гремит - **Илья** в поле копны считает; После **Ильина** дня в поле сива коня не увидишь; На **Ильин** день скота не выгоняют в поле; На **Марию Магдалену** в поле не работают – гроза убьет; На **Прокла** поле от росы промокло;* значимым является и темпоральный признак: *Как день перевалил по продолжительности за 14 часов, так и пошла соха в поле гулять; Коли серп в поле, под гору лето катится.*

Ценность вспаханного поля отражается в народных приметах и пословицах: *Нет лучше сада, чем пшеничное поле; Не печь кормит, а поле; Красно поле снопами, а гумно – скирдами, Коноплю в поле сей и на рябину гляди – коли цвет в круги и конопли долги;* хотя существуют и противоположные пословицы: *Лето родит, а не поле; Не поле родит, а нивка.*

В определении лексемы *поле* фиксируется внимание на то, что это обрабатываемый участок земли, который требует постоянного ухода и забота: *Навоз полю – урожаю прибавка; Кто много навоза в поле кладет, тот всегда верной прибыли ждет; Влагу сбережешь, так и поля повезешь; Задержи снег на полях зимой – будешь с хлебом; Снег на полях – урожай в закромах; Поле вспахать – лишнюю копну нажать; Пока колос в поле – трудись подоле; Не обретешь вовремя кривого серпа – не пожнешь в поле снопа.* Поле следует вовремя засевать: *Незасеянное поле не зеленеет,* вовремя удобрять: *Тощее поле и небольшой заморозок прихватит.* Урожайность зависела и от погодных условий: *Желай на Татьянин день мороза и солнца – поля будут с хлебом; Гром и молния растят на поле хлеб.*

Поле как *безлесная равнина, пространство* синонимично лугу - *участку, покрытому травянистой растительностью*: *Луг – брат поля; Зазвенела коса на лугу – на душе радость.* Плодородие поля зависит от многих факторов: *Коли поле зимой гладко, и в сусеке будет гладко; Если весною на полях много хвоща – к хорошему урожаю овса; Лишний колос в поле пуды в амбар приносит,* в том числе и от леса: *Не будет за полем – не будет и на поле: не будет урожая грибов и ягод – не будет и хлеба; Вечерний лес теплее поля – к ведру.*

Поведение птиц и животных предсказывало погоду: *С раннего утра над полем кружит и поет жаворонок – к солнечной хорошей погоде; Если жаворонок среди дня спокойно расхаживает по полю – можно ожидать завтра ведренного дня.*

Лексема *пашня* определяется как *вспаханное поле* (О:497). Приметы фиксирует последовательность действий крестьянина, устанавливали благоприятный срок для вспашки поля: *Выходи на пашню, когда водяная лягушка начала квакать; Мокрый апрель – хорошая пашня; Ласточки прилетают – запахивают пашню; На Ивана Богослова паши пашню под пшеницу; На Егорья запахивают пашню.* Пашня требовала постоянной работы: *Вспашешь пашню один раз – один хлеб получишь, вспашешь два*

раза – два хлеба получишь; Лодырь на пашне, что трутень в улье; На пашне огрехи, в кармане прорехи. Результаты работы указывались: *Какова пашня, такова и брашня.*

Лексема *нива* определяется как *засеянное поле* [1:416]*: Дай ниве, то и ниве даст; Кто на ниве потеет, тот и хлеб имеет; Долго на ниве потеть – много хлеба иметь.* В приметах особое внимание обращалось на погодные условия: *Вся неделя с ветром – выжигают нивы.*

Лексема *гряда* имеет значение «полоса вскопанной земли в огороде, цветнике, на плантации» (О: 148): *Почва поспела – плуг в борозду, взбивай гряды (М:102); Вчера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал (М:35).*

Вторую подгруппу образует лексема *пар* «поле, оставленное на одно лето незасеянным для очищения от сорняков и удобрения почвы» [1: 492]. В приметах может использоваться словосочетание *паровое поле,* указывающее на состояние поля: *С Митрофана начиналась «навозница» – вывоз навоза в паровое поле.*

Лексема нечастотна в народных приметах: *Чистые пары – приносят хлебные дары*, *Клади навоз в пару – соберешь хлеба гору;* связана чаще с указанием на негативные последствия: *Поздний пар – пустой амбар.*

Лексико-семантическая группа существительных, называющих *сушу в противоположность водному или воздушному пространству* включает в свой состав слова предметно-пространственной семантики, реализуемых в пределах разных лексико-семантических вариантов. Ядерное положение занимает лексема *дорога/дорожка – полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения* [1:176]. Путь – то же, что дорога [1:634].

Путь хорош – к урожаю гречихи (12); Дорогу переметает – корм подметает (35); Если на сретенье будет переметывать дорогу – зима протяжная; Если метель дорогу переметет – весна будет поздняя и холодная; Метель дорогу переметет – корм подметет, к неурожаю; Снег через дорогу передувает – сей просо; На полузимницу дорогу переметает, корм подметает; Если на благовещенье сохранялась дорога – весна продлится еще неделю; Весной санный путь держится долго – к урожаю гороха, долго не тает снег – также к хорошему урожаю гороха.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что лексико-семантическая группа земля в народных приметах актуализирована прежде всего в приметах, связанных с сельскохозяйственной деятельность человека.

Литература

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка/ С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова – 4-е изд. дополн. – М., 1999.

Приметы даны по: Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1984. Т.2. *Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах и поговорках. СПб., 1901– 1905. Т.4.

Народный месяцеслов: пословицы, поговорки, приметы о временах года и о погоде / Сост. Г.Д.Рыженков. М., 1999.

Н.И. Федорова, Гэн Цзе
Казанский федеральный университет (Казань)

К ВОПРОСУ О СИММЕТРИЧНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *НЕБО* В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНАХ МИРА
(на базе ассоциативного эксперимента)

В статье рассматривается категория симметричности концепта на примере анализа ассоциативных реакций на слово-стимул небо китайскими и русскими респондентами. В ходе статьи доказывается экстралингвистическая обусловленность асимметричности структуры концепта в двух лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт, небо, ассоциативный эксперимент

Установление антропоцентрического подхода в лингвистических исследованиях позволило несколько иначе взглянуть на языковые средства, используемые человеком в процессе общения. Значительное внимание стало уделяться причинам употребления того или иного языкового средства. Популярными стали исследования, направленные на определение личностной и общекультурной составляющих при выборе языкового средства. В процессе анализа культурноспецифичныхязыковых единиц некоторой общности широкое распространение приобрело описание элементарной языковой единицы, часто называемой концептом.

К настоящему времени существуют достаточно разнообразные определения данного понятия (Е. Кубрякова, И. Стернин, Ю. Степанов, В. Карасик и др.). Так, В.И. Карасик определяет данное лингвистическое понятие следующим образом: «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2005, с.95]. Определение элементарной языковой единицы в рамках антропоцентрического исследования как результата осознания и систематизации имеющегося опыта делает необходимым воссоздание структуры восприятия имеющегося опыта. В данной связи появляется понятие симметричности-ассиметричности содержания концепта в различных культурах, что в свою очередь выявляет лакунарные концепты, часто имеющие этноспецифическую природу.

Кроме категории симметричности-ассиметричности, В.И. Карасиком вводится категория параметричности-непараметричности лингвокультурных образований. Параметрическими считаются те концепты, которые имеют целью систематизацию качества, количества чего-либо, какого-либо пространства и т.д. Параметризации какого-либо фрагмента опыта складывается благодаря периодическому наблюдению и выведению определенных закономерностей в процессе наблюдения за объектом.

Мы полагаем, что даже в случае наличия в двух культурах лексемы номинативного поля одного и того же концепта возможны отличия в структурном содержании искомого концепта, что позволит проанализировать сопоставляемые концепты с точки зрения категории параметризации и систематизации в целом.

Настоящая статья имеет целью сопоставление структурной организации концепта неба в китайской и русской картинах мира путем обработки данных, полученных в результате собственного эксперимента, а также обработки данных, представленных в словарях.

Настоящее исследование имеет целью сопоставить специфику ассоциаций, возникающих при предъявлении слова стимула небо. В данной статье мы оперируем терминами *слово-стимул, реакция*. Задачей предпринятого исследования является попытка проследить наличие универсальных составляющих при предъявлении респондентам слова-стимула небо. В качестве респондентов выступили студенты Пекинского университета, а также студенты Казанского федерального университета, кроме того в процессе исследования привлекались данные русского ассоциативного словаря.

Гипотеза о наличии универсальных реакций на слово стимул небо обусловлена тем, что небо является природным объектом, наблюдаемом в любом точке земли, а также проявляющем одинаковые свойства на протяжении всей поверхности.

В результате обработки полученных данных в качестве универсальных были выявлены 3характеристики:

1)цветовая;

2)удаленность предмета от наблюдателя;

3) восприятие неба как некоторой поверхности.

В настоящее время активно осуществляется исследование цветосемиотики с целью выявления культурно значимых особенностей восприятия того или иного явления.

Так, русскими респондентами были названы следующие ассоциации: голубое (201), синее (36), голубизна (3), синий(3), темное(3), лазурное (1), алое(1), багровое (1), зеленое (1), малиновое (1), серебристое, серое.

Как видим из приведенных данных, наиболее частотным является восприятие неба как предмета синего или голубого цвета. Причем, характеристика данного характера вводилась как при помощи прилагательных, так и при помощи существительных. Кроме того, были названы оттенки красного цвета: алое, багровое, что подчеркивает наблюдательность и интерес респондентов к небесному пространству.

Примечательно, что в качестве цветовой характеристики встречались лексемы, не называющие какой-либо точный цвет: темное, светлое, что наводит на ряд размышлений. Во-первых, лексемы *темный – светлый* представляют собой оппозицию по цвету. Причем данная оппозиция имеет в основе не какой-либо конкретный цвет, а общую дифференциацию цветового спектра на две светлые и темные оттенки цвета. Так, светлый по определению С.И. Ожегова: «1.Излучающий сильный свет. 2. Хорошо освещенный, яркий» [Ожегов 2007, 702]. Темный – ‘Лишенный света, погруженный во тьму’, 2. ‘По цвету близкий к черному, не светлый’. [Ожегов 2007, 793]. Данная оппозиция касается сферы синего цвета, так как едва в русском сознании можно встретить дифференциацию цвета неба на темно-красное и светло-красное. Мы полагаем, что дифференциация в области синего цвета русском сознании связана с тем, что оттенок синего цвета, приобретаемый небосводом, способен прогнозировать последующие метеорологические явления: темно-синее небо часто предвещает осадки, тогда как светло-синее небо не предвещает выпадение осадков. Об этом свидетельствуют и приводимые ниже значения слов пасмурный, хмурый, также названные респондентами в процессе эксперимента. Пасмурный «Хмурый и сумрачный, предвещающий дождь» [Ожегов 2011, с. 495]; Хмурый «2. ненастный, сумрачный» [Ожегов 2011, с.

864].Считаем, что оппозиция *затянуло-очистилось* также отражает наличие в русском сознании наблюдение за цветовой характеристикой неба. Кроме того, в последней оппозиции присутствует причина смены оттенка синего цвета – появление на небосводе туч или их исчезновение. К субъективному восприятию цвета неба можно отнести и лексему *жуткое*, которое носитель русского культурного сознания охарактеризует как темное небо, предвещающее выпадение осадков, возможно, с громом или грозой. Таким образом, на цветовую характеристику наслаивается оценочная характеристика, связанная с прогнозируемыми согласно окраске неба погодными условиями.

Среди ответов китайских респондентов цветовая характеристика неба не являлась доминирующей. Кроме того, в совокупности полученных цветовых оттенков также прослеживается некоторая специфика. Так, наиболее частотным являлось упоминание синего цвета (38). К собственно цветовой характеристике относится и упоминание серого (11) цвета неба. Кроме синего, предъявлены различные лексемы, описывающие небо как чистое, ясное: чистое (1), безоблачное(6), ясное(6), яркое(6), прозрачное(15), кристальное (19), разнообразное (5), разноцветное (5).

Полученные результаты показывают, что в китайском сознании отсутствует оппозиция темное-светлое небо, хотя китайцы в любом в случае наблюдают как темное, так и светлое небо. Полагаем, что отсутствие данной оппозиции в культурном сознании китайцев возможно объяснить фоновыми народными представлениями. Так, для китайского сознания небо представляет собой «небесного императора, владыку неба», управляющего жизнями и судьбами людей. Ключевой особенностью небесного владыки является поддержание доброго начала, толерантности и любви, поддержание заботы о людях. О подобном восприятии неба свидетельствуют и пословицы: 上天有好生之德(небо заботится о каждом живом существе /Heaven's care for every living thing), 天网恢恢, 疏而不失 (Небесные сети необъятны, у правосудия длиные руки, не пропустит никакого предступника; мельница Бога очень хороша / The net of Heaven has large meshes, but it lets nothing through.)

Отметим, что на наш взгляд, лексемы *прозрачное* и *кристальное* являются типичными исключительно для китайского языка для описания ясного неба. Мы полагаем, что данные характеристики имеют целью показать безупречность неба, но больше как место пребывания владыки, нежели как природного владыки, так как согласно религиозным представлениям китайцев, небо – это некоторая высшая недосягаемая субстанция, которая характеризуется как абстрактная и холодная, строгая и безразличная.

Специфичными являются и лексемы *разнообразное, разноцветное*. Данные цветовые характеристики также обусловлены культурно-религиозными воззрениями китайцев. Невозможность объяснить происходящие природные явления послужила поводом детерминировать все наблюдаемые явления волей неба, не воспринимавшегося как природное явление.

Кроме того, в китайском религиозном сознании имеется представлении о вознесении божественного существа на разноцветных облаках, являющихся символом счастья и исполнения желаний. Возможно, характеристика неба как разноцветное связано с возлагаемыми на небо надеждами китайцев о счастливой жизни.

Понятие разнообразное имеет конкретное в данном случае. Так, в китайской культуре принято вышивать разноцветные (пятицветные: красные, желтые, черные, белые, золотые) облака, символизирующие счастливую жизнь.

Следующей характеристикой неба является указание на отдаленность от наблюдателя. Наиболее часто встречаются лексемы высокое (8), высоко (2), низко (2), далеко, далекое, что вновь подчеркивает «структурное» восприятие объекта. Высокое небо встречается гораздо чаще. Семантически пространственную ориентацию указывает и форма слова *над головой*. Данная предложно-падежная форма не выражает какого-либо отношения к наблюдаемому небесному пространству. В данном случае осуществляется лишь указание на расположение искомого предмета безвведение субъективной оценки предмета. Пространственное расположение передает и словосочетание *становится ближе*. Приведенные результаты эксперимента вновь актуализируют бинарную оппозицию восприятия объекта, а также способность наблюдаемого предмета принимать не только крайние точки оппозиции, но и промежуточное положение, то есть передвигать по обозначенной оси.

В китайском сознании отсутствует противопоставление на степени отдаленности наблюдаемого объекта. Вернее, представлена только одна часть оппозиции *высокое – низкое*. Репрезентирована данная характеристика при помощи лексемы далекое. Однако лексема *далекий* указывает в первую очередь на отдаленность предмета, и даже, полагаем, на его недосягаемость, что вновь связываем с восприятием неба как религиозного культа.

Наиболее частотной среди китайских респондентов оказалась ассоциация неба как некоторого бескрайнего пространства: просторное, обширное, огромное (52), безграничное, бесконечное (51), великое, всеобъемлющее, великодушное (32),

Пространственная характеристика является ключевой при характеристике неба для китайского самосознания. Предъявленные выше реакции подчеркивают безмерность наблюдаемого пространства. Более того, на основе данного восприятия развивается субъективное восприятие неба как всемогущее создание: великое, всеобъемлющее, великодушное.

Аналогичное восприятие неба прослеживается и в следующих сравнениях: **海**阔天空широк, как море, и необъятен, как небо (обр. в знач.: беспредельный, безграничный, ничем не ограничиваемый).

Восприятие неба как необъятного пространства имеется и в русском сознании, однако данная характеристика встречается гораздо реже: Огромное (3), бездонное (2), безграничное (1), бесконечное (1). По нашему мнению, данная характеристика данная характеристика является не столь важной для русского сознания.

Таким образом, специфика репрезентации культурного концепта напрямую зависит от иных имеющихся культурных и эмпирических знаний, а также степени религиозности исследуемого концепта. Важным, в данном случае, является то, что доступные для каждого человека особенности наблюдаемого предмета по-разному находят отражение в культурном сознании. Так, в русском сознании активно проявляются бинарные оппозиции: темный-светлый, далекий-близкий, тогда как в китайском культурном сознании данные оппозиции представлены лишь частично.

Литература

Карасик В.И. Концепты-регулятивы// Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2005. Вып. 30. С.95-108.
Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.

Н.С.Фирсова
Казанский федеральный университет (Казань)

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСИКИ В РУССКОЙ СКАЗКЕ «КАША ИЗ ТОПОРА» И ТАТАРСКОЙ СКАЗКЕ «СОЛДАТСКИЙ ТОПОР»[1]

Статья посвящена сопоставительному анализу русской и татарской народных сказок в контексте диалога культур.

Ключевые слова: сказка, диалог культур, этнос, композиция, культура

Сказка является одним из самых интересных и ярких жанров народной культуры, который хранит и передаёт последующим поколениям память о прошлом предков, их быте, традициях, верованиях и культуре. В этой связи мы можем утверждать, что сказка позволяет изучать ценности и исторические аспекты жизни представителей того или иного этноса.

Кроме того, данный жанр отражает не только жизнь одной нации, но и позволяет рассмотреть взаимоотношения с другими народами. Исследователь Аникин В.П. утверждал, что такое своеобразное взаимопроникновение культур неизбежно вызывает интерес и наталкивает нас на изучение столь яркого и глубокого жанра, как сказка, с ещё большим усердием [Аникин 2001: 25].

Русскую сказку «Каша из топора» и татарскую «Солдатский топор» объединяет структура народной бытовой сказки, схожая сюжетная линия, одинаковая композиция, мотив хитрости, находчивости, яркое выражение народного идеала, мораль сказок, которая позволяет рассмотреть данные произведения в контексте диалога культур.

Русская и татарская сказки – бытовые, в них рассказывается о простых людях: солдате и старушке. В основе произведений лежат события повседневной реальности. Казалось бы, что ничего необычного не случается, нет волшебства, однако эти сказки вызывают улыбку, поскольку демонстрируют смекалку и находчивость солдата, который достигает своей цели, несмотря на нелепость ситуации, и в этом обнаруживается ирония.

Данные произведения лаконичны по объёму. В центре сюжета представлен один эпизод, действие развивается быстро. Композиция сказок может быть условно передана схемой: встреча, испытание, разлука.

Действие сказки включает в себя следующие мотивы: старушка не хочет накормить солдата, а он с помощью хитрости умудряется приготовить себе кушанье и разделить его с хозяйкой дома. Все остаются довольными, и в этом заключается ирония.

Сказочное пространство всегда связано с главным героем. Перемещение солдата в произведении представляет собой преодоление пространства с остановками в определённых местах, которые отмечены событиями, важными для развития сюжета. Сказочное пространство сказки «Каша из топора» может быть представлено следующим образом: Путь – изба – путь.

[1] Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ № 14-14-16014 (а)/2014 и АН РТ № 14-14-16014 (а)/ 2014 (РГНФ).

Пространство сказки «Солдатский топор» отличается от русской: герой приходит на лесную опушку, где отдыхает. Затем он отправляется в другой лес, заходит в избушку, готовит суп, а после странствует из деревни в деревню, прежде чем попасть в родные края. Таким образом, пространство татарской сказки шире, чем в русской.

Центральным в обоих произведениях является образ топора, который представляет собой мощный символический инструмент. В «Энциклопедии символов, знаков, эмблем» обозначено, что данный образ фигурирует почти во всех религиях древности. Его значение связывается, как правило, с «полновластием» [Королёв 600: 330]. И, действительно, в русской и татарской сказках солдату удаётся одержать победу над злой старухой с помощью смекалки и добра, двух качеств, способных обезоружить коварные замыслы любого человека. Топор представляет собой яркое воплощение народных представлений о мужском идеале, положительном мужском образе.

В данных произведениях также находят своё отражение и отличия, которые обусловлены спецификой культуры русского и татарского народов.

Одним из важных культурологических аспектов является национальная кухня, которая имеет многовековую историю и хранит самобытные черты: в татарской сказке солдат варит суп, а в русской – кашу. Как известно, жидкие блюда – супы и бульоны – играют первостепенную роль в жизни татар. При этом предпочтение отдаётся мучно-овощным супам, что находит своё отражение в произведении. Так, например, в сказке «Солдатский топор» в суп по просьбе героя добавляются «картошка» и «мучица» [Замалетдинов 1986: 21].

Каша же является самым популярным обрядовым блюдом русской кухни. Оно сопровождает человека на протяжении всей жизни, о чём свидетельствует большое количество пословиц и поговорок. Не случайно наименование этого кушанья выносится в название произведения. В сказке «Каша из топора» чётко обозначаются продукты, из которых готовится данное блюдо: «соль», «горсточка крупы», «масло» [Афанасьев 1957-1951: 56].

Важно отметить, что в обеих сказках подробно описывается процесс приготовления пищи, соблюдается последовательность необходимых действий, национальный колорит. Оговаривается и посуда, в которой традиционно готовится пища: у татарского народа в казане, а у русского – в котле.

Традиционно в татарской и русской народных сказках образ солдата наделялся такими качествами характера, как хитрость, находчивость, смекалка, ум. Однако в сказке «Солдатский топор» герой наделяется ещё и скромностью: «…Стесняется он еды попросить…» [Афанасьев 1957-1951: 56]. В сказке «Каша из топора» персонаж демонстрирует большую самостоятельность, поскольку предпочитает готовить без помощи хозяйки дома. Это черту характера можно объяснить возрастом героя, поскольку в русской сказке чётко обозначено: «Старый солдат шёл на побывку» [Замалетдинов 1986: 21].Образ народного героя, таким образом, раскрывается через поступки.

Композиция обозначенных произведений обнаруживает сходные особенности. Обеим сказкам свойственен краткий зачин, но данный композиционный элемент содержит некоторые отличия: в татарской сказке рассказывается о том, что топор был найден «в кустах» на лесной опушке. В русской же сказке солдат находит этот предмет под лавкой в доме. Развитие действия в сказках занимает большое место и связывается с процессом приготовления пищи, трапезой. Концовки произведений лаконичны: солдат покидает старушку вместе с топором. Однако в татарской сказке оговаривается, что солдат воспользовался своей задумкой не единожды: «Так и шёл от деревни к деревне,

и всюду ему суп из топора варили» [Афанасьев 1957-1951: 56], что подчёркивает типичность сложившейся ситуации. В русской сказке повторы действий солдата не находят своего отражения, это единичный случай.

Идейно-художественное содержание бытовых сказок определяет образ старушки, в котором высмеивается алчность и глупость. Особенно ярко это проявляется в русской сказке, так как она именуется «старухой» [Замалетдинов 1986: 21], что подсвечивает негативное и пренебрежительное отношение.

В произведениях красной нитью проводится мысль о том, что невозможно быть положительным человеком, не обладая такими качествами, как гостеприимство и добро. Именно такой урок преподаёт солдат героине, разделяя с ней трапезу, несмотря на нежелание хозяйки дома накормить уставшего путника, который является защитником народа.

Сюжетные линии произведений русского и татарского народов одинаковы, что обусловлено проживанием на общей территории и их взаимодействием. Вместе с тем, культура каждого этноса хранит в себе яркие самобытные черты и необыкновенное национальное своеобразие.

Русская сказка «Каша из топора» и татарская сказка «Солдатский топор» интегрируют в себе фольклорные представления об окружающем мире, о людях, проживающих в нём, их взаимоотношениях, утверждают необходимость быть добрыми, чуткими и внимательными, милосердно относиться к окружающим людям. Общие ценности и нравственные идеалы объединяют русскую и татарскую культуры.

Литература

Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М., 2001.
Каша из топора//Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т / Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа.М., 1957-1951. Т.1.
Королёв К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем// Мидгард, 2005.
Солдатский топор// Татарские народные сказки/ под ред. Л.Замалетдинова. Казань, 1986.

М.Р.Хабибуллин
Башкирский государственный университет (Уфа)

АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (на материале татарского и калмыцкого языков)

Статья представляет собой обзор некоторых аспектов лексических реконструкций тюркско-монгольских параллелей. А именно рассмотрение, на примере татарского и калмыцкого языков, устойчивых лексических единиц, относящиеся к когнитивной сфере «Человек». Когнитивная сфера «Человек» – один из частей четрехтомического синопсиса, предложенных А.Г. Шайхуловым, для классификации лексических единиц в близкородственных языках. Сравнительный анализ, а также системная характеристика общеалтайского лексического фонда в указанных языках может послужить основательной предпосылкой для создания сравнительно-исторической лексикологии, в том числе идеографических и этимологических словарей алтайских языков.

Ключевые слова: язык, татарский, калмыцкий, лексика, семантика, общество.

Как известно, для констатации генетического родства двух или более языков важнейшим условием является наличие в данных языках достаточно большого количества совпадающей базисной лексики.

В данной работе мы остановимся в основном на составлении идеографической классификации на материале татарского и калмыцкого языков с последующей лексикостатистической характеристикой.

В качестве «эталона» для исследования, нами взят четырехтомический синопсис, предложенный А.Г. Шайхуловым, составленную исходя из особенностей тюркской языковой картины мира: I. Природа (неживая и живая); II. Человек; III. Общество; IV. Познание (априори). Примером такого подхода является работа А.Г. Шайхулова «Теоретико-методологические аспекты характеристики структурной и идеографической парадигматики односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Повожья и Казахстана: опыт синопсиса и таксономии когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)»».

Мы же поставили перед собой задачу: попытка установить параллель между татарским и калмыцким языками, с дальнейшей классификацией выявленного материала в рамках когнитивных сфер и с последующим проведением лексикостатическим анализа, что позволит нам сделать выводы предварительного характера по исследуемой проблематике.

В этой статье представлен лишь небольшой фрагмент лексических единиц, относящихся к когнитивной сфере «Общество (человек как часть общества и государства)».

1. Лексика, связанная с понятием «верхняя одежда, обувь»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

1. калм. *эң*«ширина» = тат. *иң* «ширина; межплечье», *киң* «широкий, просторный, массивный»;

2. калм. *бееле*«рукавицы, варежки» = тат. *бияләй* «рукавицы, варежки»;

3. калм. *бешмед* «кафтан» = тат. *бишмәт* «бешмет, пальто, кафтан»;

4. калм. *заха* «воротник» = тат. *яка* «ворот, воротник», *як* «сторона, направление, бок»; *якла* – «защищать, заступаться, быть на чьей-то стороне»; *якташ* «земляк», *якын* «близкий, ближний, приближённый, родной, сходный, похожий»;

5. калм. *шалвр, шалбур* «штаны» = тат. *чалбар* «брюки»;

6. калм. *ула* «подметка, подошва» = тат. *олтан* «подошва (у обуви), подмётка», *олтырак* «стелька (сапог, туфель, сандалетов)»;

б) Частично совпадают по семантическому объему:

1. калм. *өрмөге* «сермяга» = тат. *тула* «домашнее сукно», *өргеч* «мех (кузнечный)», *ур* – «плести, вить»;

2. калм. *терлиг* «женский халат» = тат. диал. *тирлек* «нижняя рубаха без рукавов; потник (у седла)», *тир* «пот, испарина»;

3. калм. *түрее* «голенища» = тат. *түр* «глава, голова»;

в) Не совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

2. Лексика, связанная с понятием «жилище»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

б) Частично совпадают по семантическому объему:

1. калм. *терме* «решетка в юрте» = тат. *тирмә* «юрта; кибитка, войлочное жилище (тюрко-монгольских народов)»;

2. калм. *туур* «стенка» = тат. *түрге* «расположенный в глубине комнаты; передник», диал. *түрләү* «окаймлять (потолок); обвешивать бордюром (верхнюю часть стены и матицу дома)»;

3. калм. *өрөө* «горница,комната», *өргөө* «главная юрта, дворец» = тат. *бүлмә*«комната, кабинет»;

4. калм. *хош* «второстипенная юрта при главной» = тат. *куыш* «дупло, шалаш, шатёр, дом, жилище»;

в) Частично совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

3. Лексика, связанная с понятием «элементы жилища»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

1. калм. *боch, босога* «порог (двери)» = тат.*бусага* «порог, преддверие, грань»;

б) Частично совпадают по семантическому объему:

1. калм. *эркен* «боковые косяки двери» = тат. *яңак* «щека, косяк»;

в) Не совпадают по семантическому объему:

1. калм. *көрә, керей* «связь, связка» = тат. *киртә* «жердь, изгородь, ограда»;

4. Лексика, связанная с понятием «посуда»

а) Совпадают по семантическому объему:

1. калм. *сав, саба* «сосуд, вместилище» = тат. *савыт-саба* «посуда»;

2. калм. *таава, таабай* «сковорада» = тат.*таба* «сковорода»;

б) Частично совпадают по семантическому объему:

1. калм. *бәкрсн, бакрас* «маленжкий чугун» = тат.*бакыр* «медь»;

в) Не совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

5. Лексика, связанная с понятием «домашние принадлежности»

а) Совпадают по семантическому объему:

1. калм. *кебес, кебис* «ковёр» = тат. *келәм* «ковёр»;

2. калм. *хуруубчи* «напёрсток» = тат. *уймак* «напёрсток»;

3. калм. *ширде* «войлок, постель» = тат. *киез* «войлок»;

б) Частично совпадают по семантическому объему:

1. калм. *кешике, кешиге* «полог» = тат. *кишмә* «полка, перекладина для вещей»;

2. калм. *элгег* «прибор для сеяния» = тат. *иләк* «решето, сито»;

в) Не совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

6. Лексика, связанная с понятием «поведение человека»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

б) Частично совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

в) Не совпадают по семантическому объему:

1. калм. *өөй* «сноровка» = тат. *уй* «мысль, дума, идея»;

7. Лексика, связанная с понятием «коммуникация»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

б) Частично совпадают по семантическому объему:

1. калм. *зар* «известие, объявление» = тат. *хәбәр* «весть, известие»;

в) Не совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

8. Лексика, связанная с понятием «человек и состояние»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

1. калм. *байн, байан* «богатый» = тат. *бай* «богатый»;

2. калм. *инҗ, инҗа, инҗи* «приданое» = тат.*бирнә* «приданое», *бир-* «дать, давать»;

б) Частично совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

в) Не совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

9. Лексика, связанная с понятием «человек в семье»

а) Полностью совпадают по семантическому объему:

1. калм. *аав, ааба* «батюшка, папа», *авна, абага* «дядюшка», *ах, аха* «старший брат» = тат.*ата* «папа, отец», *абый* «старший брат, братец», *ага* «дядя»;

2. калм. *баз, база* «свояк» = тат.*бажа, бажай* «свояк»;

3. калм. *тохм, тохом* «род, происхождение» = тат. *токым* «порода, род, народность, племя»;

4. калм. *төркн, төрнөн* «родные» = тат. *туган-тумача* «родня, родичи»;

5. калм. *хатн, хатун* «супруга хана» = тат. *ханым* «женщина (замужняя), дама, госпожа», *хатын* «женщина, дама»;

б) Частично совпадают по семантическому объему:

(Примеров нами не обнаружено)

в) Не совпадают по семантическому объему:

1. калм. *бергн, бөрген* «жена старшего брата» = тат. *килен* «сноха, невестка»;

2. калм. *эш, эши* «свекровь» = тат. *иш* «пара, ровня, чета, сверсник»;

Лексикостатистическая процедура, примененная к лексике из 35- словного списка, когнитивной сферы «Общество», дает явно положительный ответ на вопрос о родстве татарского языка с калмыцким: всего имеем 17 точных совпадений лексических параллелей, это такие слова, как: «ширина», «рукавицы», «штаны», «порог», «посуда», «сковорода», «ковёр», «войлок», «отец», «богатый» и др., что составляет 48,5% лексики когнитивной сферы «Общество»; частично совпадающих по смыслу лексикических единиц – 14, это такие лексические единицы, как: «халат – рубаха», «чугун – медь», «сито – прибор для сеяния», «друг – муж», «насмешка – донос», «свекровь – чета», что составляет – 40% лексики когнитивной сферы «Общество». Можем предположить, что частично совпадающая лексика изменила свое семантическое значение в ходе своего исторического развития. Оставшаяся лексика – семантически абсолютно не совпадающая, их 4, что составляет 11,5%. Такое процентное соотношение татарско – калмыцкой лексики 88,5% (полностью совпадающая 48,5% + частично совпадающая 40%) к 11,5% может указывать только на факт о генетическом родстве этих языков.

Литература

Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.

Номинханов Ц.Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам. Алма-Ата, 1966.

Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в контикуме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. Уфа, 2000.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: в 4-х т. М., 1974 – 1989.

ДТС: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Халиуллина Н.У., Шайхулов А.Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (опыт лексико-семантического и идеографического словаря): Словарь. Уфа, 2004.

Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Щербак А.М. О характеристике лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языков// Вопросы языкознания. 1966. №3. С. 50 – 55.

М.М.Хабутдинова
Казанский федеральный университет (Казань)

ФИТОМОРФНЫЙ МИФ В ПОЭТИКЕ Г.Г.МАРКЕСА И А.М.ГИЛЯЗОВА

В статье дан сравнительно-сопоставительный анализ составляющих фитоморфного мифа в поэтике Г.Г.Маркеса и А.М.Гилязова. Выявлена роль колумбийского прозаика в формировании художественного мира татарского писателя. Сделаны выводы о значении фитоморфного мифа в авторской мифологии художников слова и соотношении растительной символики с национальным образом мира Латинской Америки и татарского народа.

Ключевые слова: Г.Г.Маркес, А.М.Гилязов, татарская литература, фитоморфный миф, национальный образ мира, авторская мифология.

Флора в творчестве А. Гилязова на редкость разнообразна и детализирована как ни у кого из татарских писателей. По воспоминаниям супруги, писатель всю жизнь трепетно и любовно относился к цветам, травам, деревьям, внимательно вглядываясь и вслушиваясь в их жизнь, часто скрытую от поверхностного взгляда. Просматривая газеты и журналы, перечитывая популярные труды натуралистов, он записывал в блокноты увлекательные факты из истории цветов. Большое влияние на него оказал фольклор татар-кряшен с их культом растений. Детские впечатления, безусловно, легли в основу произведений писателя. Образ Троицы возникает сначала в пьесе «У подсолнухов желтые соцветия», затем получает свое оформление в романе «Тоньше струны, острее меча».

Позднее, знакомясь с миром мировой и русской литературы, татарский писатель узнает, что цветы с древних времён служили человеку эстетическим отдохновением и средством изящного способа общения. Настольной книгой А. Гилязова со студенческой скамьи стало сочинение римского поэта I века н.э. Овидия «Метаморфозы».

А. Гилязов учился у русских поэтов и писателей искусству опосредованно выражать чувства с помощью цветов. Начинающий писатель взял на вооружение находки Тургенева и Гончарова в этом направлении, именно у них он учился психологизму. Об этом свидетельствует раннее творчество писателя. [Хабутдинова, 2013: 176-179].

Габриэль Маркес был любимым писателем Аяза Гилязова. Показательна в этом отношении дневниковая запись классика татарской литературы от 15 ноября 1994 г.: «Укыйсың, күшисең, уйландырмый хәзер укыган әсәрләр, очып китеп булмый! Шуннан әрлебирле сугаласың да күптәннән җан тиренә кереп оялаган элгәрге китапларга әйләнеп баш иясең. Һаман шул Ясунари Кавабата... Габриэль Маркес… Сетон-Томпсонны ничә кат укыганмындыр инде! Йөзме, әллә йөздәр дә ашып киттемме? Укыган саен рәхәт, "Виннипег бүресе"н укыганда бичара Джимны җәлләп әле дә күз яшьләрем сытылып чыга. Кавабатаның "Мең канатлы торна"сы чит дөнья хәлләрен бәян итә. Какудзо бөтенләй башка җир кешесе, уйлары, гамәлләре, тире-юненә, җирдәшләренә мөнәсәбәте японнарчы, ят, әммасың, күшисең, уйландырмый хәзер укыган әсәрләр, очып китеп булмый! Шуннан әрлебирле сугаласың да күптәннән җан тиренә кереп оялаган элгәрге китапларга әйләнеп баш иясең. Һамакучы күңеленә шул кадәр тәэсир итәрлек әсәрләр бармы икән?" [Гилязов, 1994] (Подстр. пер.: "Читаешь современные произведения, пережевываешь, однако они не побуждают к размышлениям! Затем, промаявшись, вновь склоняешь голову над книгами, которые уже давно воцарились в твоей душе... Снова обращаешься к Ясунари Кавабата... Габлиэлю Маркесу... Сколько раз я перечитывал Сетон-Топсона! Сто раз, а может быть, уже давно перевалил и за сто?. Каждый раз читаешь, испытываешь наслаждение, при чтении "Виннипегского волка" на глаза каждый раз наворачиваются слезы из-за возникшего чувства сострадания к бедняге Джиму. "Тысячекрылый журавль" Кавабата погружают меня в мир иной культуры. Какудзо человек из другого мира, его мысли, поступки, окружение, мировоззрение, характер взаимоотношений с соплеменниками чисто японские, однако очень поучительны, интересны. Идти вслед за человеком с ясной мыслью дарует силы жить! Я всегда замираю от восхищения перед Габриэлем Маркесом, который силой своего духа ведет за собой читателя. Есть ли в татарской литературе подобные произведения?»).

А.Гилязов с первых шагов на литературном творчестве был одержим идеей вывести татарскую литературу на мировую арену. Писатель еще в эпоху хрущевской оттепели" бросил клич к художникам слова: создавать произведения с ярко выраженной национальной спецификой, ориентированные на передачу специфики культуры татарского народа, раскрытие татарского национального характера, мирочувствования, системы ценностей. Этой идее А.Гилязов сохранял верность на протяжении всего творческого пути. В своих творениях классик татарской литературы обнаруживает глубокое знание татарской культуры, литературы, эстетики. В этих чертах обнаруживается татарская составляющая идентичности писателя. Однако умение посмотреть на татарскую культуру со стороны, четко осознать ее инаковость указывают на то, что А.М.Гилязов рассматривает проблему сквозь призму мировой литературной традиции.

В литературоведении немало работ о символике растений в творчестве писателей. О "вегетативной символике" пишет О.М.Фрейденберг [Фрейденберг, 1997: 226-228]. Мифологема мирового древа разработана В.Н. Топоровым [Топоров, 1997:

398-406]. Обязательным элементом пространства провозгласил мир флоры Г.Брейден [Брейден, 2006]. Универсальные растительные мифологемы проанализированы И.В. Стеблевой на материале турецких сказок [Стеблева, 2002: 52-66].

Литературовед К.В. Казанкова, анализируя природную панораму Латинской Америки, проявленную в произведениях Маркеса, называет следующие составляющие фитоморфного мифа: дерево и листва, бананы; роза. На примере целого ряда прозаических произведений литературовед доказывает, что фитоморфный миф в Космосе писателя присутствует в различных вариантах: *взаимоотражение* («Тот, кто ворошит эти розы», «Смерть всегда понадежнее любви», «Искусственные розы»), *взаимодействие* («Десять дней в открытом без еды и воды», «По следам твоей крови на снегу», «Любовь во время чумы»), *соприсутствие* («Сто лет одиночества», «Осень патриарха») [Казанкова, 2010: 28-32].

Сравнительно-сопоставительный анализ произведений Г.Г.Маркеса и А.М. Гилязова показывает, что в их творчестве растительные мифологемы выступают в качестве культурных кодов.

Дерево выступает в роли мирового древа. Если у Маркеса в романе «Сто лет одиночества» его символизирует каштан, то у Гилязова – это тополь, яблоня (рассказы «Беглец», «Листья мать-мачехи»), береза (повести «Три аршина земли», «В пятницу, вечером…»).

Важное место в художественном мире писателей отводится цветам. В рассказе Маркеса «А смерть всегда надежнее любви» роза превращается в символ жизни. Взгляд писателя прикован к человеку в пороговой ситуации. Страх смерти, испытываемый героем, обретает зримые очертания в образе розы. Измученный болезнью сенатор по роду службы приезжает в «Виррейский Розарий», убогую деревушку, которая ночью превращается в тайную гавань контрабандистов. Ее название «походило на скверную шутку», потому что единственную розу, которую в ней когда-либо видели, привез сам Онесимо Санчес, в тот день, когда повстречал Лауру Фарино, девушку, способную круто изменить судьбу. Маркес соотносит человека с цветком. Пожухшая роза становится проекцией происходящего в душе героя. Встреча с Лаурой перевернула его сознание, его жизнь обрела смысл. Весь ее облик был наполнен гармонией: красотой, благоухание, покоем. Сцена, когда Лаура наблюдает за «благоухающей розой», наполнена символическим смыслом. Сенатор умер через шесть месяцев и одиннадцать дней, плача от ярости не от страха перед смертью, а от того, что «умирал вдали от нее». Роза в рассказе символизирует возможность познания истинной любви, несмотря на быстрое приближение смерти.

У Гилязова точно также выстроен образ василька в повести «Три аршина земли». Это любимый цветок Шамсегаян, символ родной земли. По мере развития сюжета образ цветка, обогащаясь новыми смыслами, превращается в метафору человеческой жизни [Хабутдинова, 2009: 106-107]). Ночная фиалка – спутница жизни главных героев – превращается в проекцию души главной героини [Хабутдинова, 2009: 106-107].

Интересен и образ мать-мачехи в рассказе «Листья мать-мачехи». Мир в глазах влюбленных героев – Галимзяна и Сюмаи – внезапно преобразился, заиграл волшебными красками, так ранней весной преображается еще унылая земля, когда на ней расцветают маленькие солнышки, желтые цветы мать-и-мачехи. Антиномичность заглавия рассказа определила композицию образов. Чуткому Галимзяну противопоставляется образ грузчика Ханафи, превратившегося под грузом жизни из «беркута» в «суслика». Цветочная полоса в

рассказе сроди с нравственной межой между зоркой и слепой душами. А сам первоцвет обретает многозначность: ассоциируется с весной, первой любовью и одиночеством [Хабутдинова, 2010: 112-117].

Фитоморфный миф в Космосе Гилязова, как и у Маркеса, возникает через *взаимоотражение*, когда сущность человека находит свое воплощение через соприкосновением с миром растений (спор Ханафи и Галимзяна у цветочной поляны в «Листьях мать-мачехи»); *взаимодействие*: Собирая машинально смородину, главный герой повести «Посередине» вдруг почувствовал, как стекают в ведро не ягоды, а «черные думы». Лишь память об учителе, сохранившаяся в уголках памяти, даровала ему надежду выбраться из ямы; с*оприсутствие.* Цветок мирабилиса – ночной красавицы – распустился в рассказе "Качак" в момент мировоззренческого перелома в душе главной героини, и в результате цветок превращается в символ привязанности человека к родной земле. Это растение родом из Америки, его название в переводе означает "удивительная". Днем оно стыдливо прячется, скромно поникая и выставляя на всеобщее обозрение только острую зелень листьев, а ночью его куст, усыпанный яркими цветками, начинает напоминать клумбу. Этот цветок распускается на ночь и живет один день. А на следующий вечер распускаются другие... Своебразие этого растения в том, что куст выступает в роли колыбели, пространства существования и кладбища цветка. На смену одного цветка придут другие, но это будут его дети, внуки, правнуки. Образ цветка не случайно становится заключительным аккордом произведения, основную тему которого автор сформулировал следующим образом: "что бы ни случилось, в каких бы ты трудных обстоятельствах не оказался, не изменяй родной земле!». "Язык цветов", к которому прибегает А. Гилязов, призван помочь читателю глубже понять не только характер главной героини, но и проблематику рассказа.

Таким образом, фитоморфный миф у Маркеса и Гилязова своими корнями уходит в национальный фольклор. Его ткань вбирает в себя цветы, деревья, ягоды и плоды. Растительная символика выводит героев на бытийный уровень. Сравнительно-сопоставительный анализ показал типологическое сходство фитоморфного мифа в творчестве великих писателей.

Литература

Архив А.М. Гилязова: Дневник писателя. 15 ноября 1994 г.
Брейден Г. Божественная матрица. время, пространство и сила сознания. София, 2008.
Казанкова К.В. Фитоморфный миф в поэтике Г.Г. Маркеса //Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №21 (202). С.28 – 32.
Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии. М., 2002.
Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1997.
Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. М., 1997.
Хабутдинова М.М. Национальный миф в повести Аяза Гилязова «Три аршина земли» // Вестник ТГГПУ. 2009. №1 (16).
Хабутдинова М.М. Мифопоэтическая основа рассказа А. Гилязова «Листья мать-мачехи» // Вестник ТГГПУ. 2010. №1(19).
Хабутдинова М.М. "Тургеневское" в ранней прозе Аяза Гилязова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы междунар. научно-практ. конф. (14 мая 2013 г., Москва).

Г.А.Хайрутдинова
Казанский федеральный университет (Казань)

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПАРАДИГМ
(на материале русского и татарского языков)

Статья посвящена исследованию такого важнейшего понятия морфологии, как парадигма. Подробно рассмотрены типы парадигм, представленные в русском и татарском языках, что позволяет в контексте изучаемой проблемы отразить ряд особенностей грамматического строя данных языков.

Ключевые слова: парадигма, типы парадигм, парадигмы полные, неполные, дефектные, избыточные.

В сфере сопоставительного изучения языков описанию их морфологических подсистем принадлежит особое место: согласно справедливому мнению А.А.Реформатского, морфология – центр языкового пространства, и для того чтобы узнать язык, надо прежде всего понять его морфологию (цит. по кн.: [Радзиховская 2003: 5]). С нашей точки зрения, один из перспективных аспектов сопоставительного изучения разноструктурных языков может составить их описание при рассмотрении основных понятий морфологии, таких, как грамматическая форма, парадигма, формальные классы, морфологическое значение, морфологическая категория и часть речи. В рамках данной статьи мы сосредоточим свое внимание на понятии парадигмы. Кроме теоретической значимости, рассмотрение данной проблемы имеет и практическую направленность: правильная интерпретация понятия и соответствующего термина позволяет определить границы между словоформами разных лексем [Милославский 1981: 10].

Существует множество определений рассматриваемого термина, однако в рамках одного из его значений парадигма чаще всего трактуется как совокупность всех словоформ одной и той же лексемы. По вопросу о классификации парадигм мнения ученых не всегда совпадают. Так, Е.С.Кубрякова и В.Б.Евтюхин выделяют полные и неполные парадигмы [Кубрякова 1990: 366; Евтюхин 2013: 21]. Более детально парадигматические отношения грамматических единиц освещаются в работах Г.И.Пановой и Л.Д.Чесноковой, которые полагают, что слова могут иметь полную, неполную и избыточную парадигмы [Панова 2003: 30-31; Чеснокова 2006: 10]. С опорой на последнюю из названных классификационных моделей рассмотрим типы парадигм, представленные в двух языках - русском и татарском, которые, как известно, различаются с точки зрения генезиса и основных типологических свойств.

Полная парадигма, характеризующаяся наличием у слова всех грамматических форм, присущих данной части речи, свойственна значительной по объему группе лексем в обоих языках, однако между ними имеются различия с точки зрения количества словоформ. Так, в русском языке полной парадигмой обладают существительные *дом, сад, гора, книга, окно, дерево* и т.д., которые имеют 12 словоформ числа и падежа.

В классе татарских существительных полная парадигма характерна, например, для слов *йорт* ‘дом’, *бакча* ‘сад’, *юл* ‘дорога, путь’. Однако точные данные о количестве словоформ, характерных для полной парадигмы татарских существительных, в

научной литературе не представлены. По мнению М.З.Закиева, в составе такой парадигмы с учетом грамматических признаков числа, падежа и принадлежности насчитывается около 100 словоформ. Если в состав полной парадигмы существительного, например, слова *юл* включить и аналитические словоформы (*юл белән* ‘дорогой’, *юл аша* ‘через дорогу’, *юлыбыз кебек* ‘как наша дорога’ и др.), то это позволит увеличить ее состав до двухсот и более словоформ [Закиев 1997: 14-15]. Согласно нашим подсчетам, полная парадигма существительного в татарском языке (при традиционном подходе к категории падежа, без учета аналитических форм субстантива) состоит из 84 словоформ (12 форм числа и падежа без аффиксов принадлежности + 72 формы числа и падежа с учетом показателей принадлежности).

Особую сложность представляет задача описания полной глагольной парадигмы. По свидетельству С.А.Кузнецова, в разных работах называется разное количество словоформ, входящих в полную парадигму русского глагола (от 225 до 235). С точки зрения исследователя, некоторые русские глаголы обладают парадигмой, насчитывающей 333 формы, если учитывать также аналитические формы типа *была бы спасена* [Кузнецов 2000: 12, 31-42]. Данные о полной парадигме татарского глагола в научной литературе, к сожалению, отсутствуют.

Перейдем к рассмотрению неполной парадигмы, трактовка которой у большинства ученых обнаруживает сходство в позициях: у слов, обладающих парадигмой этого типа, отсутствует какая-либо грамматическая форма, присущая данной части речи. Однако если Е.С.Кубрякова наряду с термином *неполная парадигма* считает возможным использовать в качестве синонимичного словосочетание *дефектная парадигма* [Кубрякова 1990: 366], то, по мнению Г.И.Пановой, эти терминологические сочетания находятся друг с другом в родо-видовых отношениях. В дефектной (или недостаточной) парадигме как разновидности неполной парадигмы отсутствие какой-либо словоформы у данной лексемы обусловлено традиционным запретом на ее образование, однако данная грамматическая форма необходима слову для полной реализации его функциональных возможностей [Панова 2003: 30-31]. Если следовать точке зрения Г.И.Пановой, то на основании результатов проведенного нами анализа следует сказать, что в обоих языках имеются слова, обладающие неполной парадигмой. Например, система словоизменения русских существительных singularia tantum *смелость, кислород, молодежь* включает в себя только 6 падежных форм единственного числа, в то время как парадигма субстантивов pluralia tantum *каникулы, дрожжи, ворота* – лишь 6 форм множественного числа. Ввиду несогласованности друг с другом лексического и морфологического значений в парадигме презентных форм русского глагола *окисляться* имеются лишь формы 3-го лица (*окисляется* и *окисляются*). Некоторым татарским словам также свойственна неполная парадигма. Так, в системе словоизменения субстантивата *аклар* ‘белые’ отсутствуют формы единственного числа [Валиуллина 1997: 41]. У глаголов *кыю* ‘сметь’, *яңгырлау* ‘дождить’ нет форм понудительного залога [Зиннатуллина 1997: 182]. Однако, очевидно, лишь на материале русского языка можно говорить о наличии дефектных парадигм. В качестве слов с дефектной парадигмой можно, например, назвать существительное *мечта* (у которого отсутствует форма родительного падежа, множественного числа), глагол *победить* (в парадигме которого не образуется форма 1-го лица, ед. ч.).

Правомерно поставить вопрос о причинах неполноты парадигм. В результате анализа фактов русского языка обычно называются 3 причины: 1) семантическая (вследствие этого, например, отсутствуют некоторые формы лица у глагола *ветвиться*), 2) фонетическая (по этой причине не образуется 1-ое л., ед. ч. от глаголов *очутиться, чудить*) и 3) возможность возникновения омонимии с другими словами (так, на образование у глагола *бузить* личной формы со значением говорящего налагается запрет ввиду возможности омонимии с аналогичной формой, образуемой от глагола *будить*).

В татарских грамматиках, как правило, говорится лишь об одной причине неполноты парадигмы – семантической (например, глаголы *калтырата* ‘знобит’, *йоклата* ‘клонит ко сну’ имеют только формы 3 л. ед. ч., т.к. выражают значение бессубъектного действия [Тумашева 1997: 93]). Однако, с нашей точки зрения, неполнота парадигмы может быть обусловлена и возможностью омонимии с другой частью речи. Так, у субстантивов *олылар* ‘взрослые’, *аклар* ‘белые’ формы ед. ч. отсутствуют ввиду возможности омонимии с прилагательными *олы* ‘взрослый’, *ак* ‘белый’.

Избыточная парадигма, содержащая большее количество грамматических форм, чем в полной парадигме данной части речи, представлена только в русском языке - главным образом в классе глагольных лексем. Так, частную парадигму лица и числа настоящего времени глаголов *полоскать, махать, брызгать* образуют не 6, а 12 грамматических форм: как исконные формы с чередованием согласных (типа *поло***щ***у*), так и более поздние по времени возникновения формы, не обнаруживающие подобных чередований (*поло***ск***аю*). Избыточную парадигму, по мнению Л.Д.Чесноковой, имеют также русские существительные *год* и *человек* [Чеснокова 2006: 11].

Таким образом, сопоставительное изучение языков в предложенном аспекте позволяет наглядно представить ряд особенностей их формальных структур. Кроме того, исследования такого характера дают возможность выявить недостаточно исследованные, спорные вопросы, касающиеся описания их грамматического строя. Понимание обнаруженных несоответствий в морфологии русского и татарского языков позволит внести определенные коррективы в существующие методики преподавания.

Литература

Валиуллина З.М. Имя существительное // Татарская грамматика: в 3-х т. Т. II. Морфология. Казань, 1997.

Евтюхин В.Б. Введение в морфологию // Морфология современного русского языка: учебник / С.И.Богданов, В.Б.Евтюхин, Ю.П.Князев и др. СПб, 2013.

Закиев М.З. Введение // Татарская грамматика: в 3 т. Т. II. Морфология. Казань, 1997.

Зиннатуллина К.З. Залоги глагола // Татарская грамматика: в 3-х т. Т. II. Морфология. Казань, 1997.

Кубрякова Е.С. Парадигма // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

Кузнецов С.А. Глагольное словоизменение и формообразование в современном русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб, 2000.

Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка: учеб. пособие. М., 1981.

Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология: словарь-справочник. Ч. 1. Абакан, 2003.
Радзиховская В.К. Морфология современного русского языка. Вводный курс: учеб. пособие. М., 2003.
Тумашева Д.Г. Категория лица //Татарская грамматика: в 3-х т. Т. II. Морфология. Казань, 1997.
Чеснокова Л.Д. Морфология //Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е.И.Дибровой. М., 2006.

Чжан Хунъянь
Уханьский государственный университет (Китай)
Тао Юань
Шэньсийский педагогический университет (Китай)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ «ЛУНЬ ЮЙ» В РОССИИ С ПОЗИЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

«Лунь юй» является классическим произведением китайской конфуцианской школы и жемчужиной китайской цивилизации. С начала XVIII века в России стало распространяться китаеведение, поэтому и перевод «Лунь юй», вполне естественно, стал одной из ключевых точек в сфере этих исследований. С давних времен многие русские и западные ученые исследуют и переводят «Лунь юй» в целях более глубокого изучения великой китайской культуры. В данной статье рассматривается история перевода «Лунь юй» в России в разные периоды и излагается история переводов «Лунь юй» в ракурсе развития российского китаеведения.

Ключевые слова: «Лунь юй», китаеведение, русский язык, китайский язык, перевод.

«Лунь юй» – главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, содержащих высказывания, описывающих поступки учителя, а также диалоги с его участием. Книга написана на древнекитайском языке, состоит (в наиболее распространенной версии) из двадцати глав. Составление книги началось после смерти Конфуция в конце эпохи «Весен и Осеней» и заняло от 30 до 50 лет.

«Лунь юй» в русском переводе чрезвычайно богат различными версиями, данное обстоятельство полностью отражает особый статус России в области международного распространения конфуцианства.

1.1 Дореволюционный период: начало перевода «Лунь юй»

Перевод «Лунь юй» начался еще в период российской империи, в XVIII в. с попытки Петра Первого привлечь европейских, в частности немецких востоковедов, начать исследование Китая. Колыбелью российского китаеведения стала Русская православная миссия в Пекине. С 1715 по1956 год в общей сложности 20 миссионерских групп работали в Китае, откуда вышли все первые российские китаеведы, в том числе А.Л. Леонтьев, И.К. Россохин, Н.Я. Бичурин, К.А. Скачков, В.П. Васильев, П.И. Кафаров и др.

Никита Яковлевич Бичурин (1777-1853) – один из классиков российской ориенталистики, заложивший основы российской синологии XIX века [Бичурин 2002:

3-5]. Его перу принадлежит свыше 100 крупных исследований, статей и переводов китайских исторических, географических, этнографических и философских произведений. Благодаря трудам Н.Я. Бичурина, считал академик В.В. Бартольд, русская синология еще в 1851 и 1852 годах опередила западноевропейскую [Хуан 2007:124-125]. Его блестящие достижения принесли ему репутацию «основателя русского китаеведения». Н.Я. Бичурин возвеличил древнюю китайскую культуру, в особенности конфуцианство, считая, что учение Конфуция ни в чем не уступает христианскому учению. Он написал большое количество статей и книг о конфуцианстве. В произведении «Статистическое описание Китайской империи» Н.Я. Бичурин довольно подробно описал конфуцианство. Он считал, что овладение «Четверокнижием» – это предпосылка овладения великой китайской культурой [Скачков 1977: 94]. К сожалению, перевод «Лунь юй» Н.Я. Бичурина так и остался в состоянии рукописи и не был напечатан, так как в то время было очень мало людей, которые владели китайским языком.

В дальнейшем появление российской китаеведческой школы связано с именем академика Василия Павловича Васильева (1818-1900) – организатора и первого руководителя кафедры китайского языка на факультете востоковедения Санкт-Петербургского Императорского университета, которая и стала ведущим российским китаеведческим научно-исследовательским центром. В.П. Васильеву принадлежат многочисленные труды по истории, религии, географии и литературе Китая, часть из которых осталась, к сожалению, в рукописном варианте. Им был предпринят первый для российской науки опыт создания «Очерка истории китайской литературы». В первом разделе он коротко описал «Лунь юй». Исследования В.П. Васильева в области китайской идеологии нашли отражение в его фундаментальном труде «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм». В 1868 году В.П. Васильев опубликовал перевод «Лунь юй». Кроме того, он ввел изучение «Лунь юй» в Санкт-Петербургском государственном университете как обязательный предмет для студентов-китаеведов четвертого курса.

Еще одним российским ученым-китаеведом был П.С. Попов (1842-1913). Перевод «Лунь юй» П.С. Попова был опубликован в 1910 году. Это один из наиболее полных переводов дореволюционного периода, который играл важную роль в содействии распространению «Лунь юй» в царской России. П.С. Попов не только перевел полный сборник «Лунь юй», но и стремился к точности перевода, выражал свое мнение в комментариях для русских читателей. Это помогало всесторонне понимать конфуцианство и распространять его идеи, а следовательно, понимать духовную культуру коннотаций Конфуция более объективно и точно.

В начале XIX-го века китаеведение находилось на начальном этапе своего развития. Но влияние конфуцианства в России было ограничено. В 1899 году царским правительством был основан Институт Востоковедения во Владивостоке. Со дня его основания и до 1916 года, то есть менее чем за 20 лет, в нем было подготовлено более 500 китаистов. Изучение перевода «Лунь юй» П.С. Попова стало в данном университете обязательным учебным курсом.

1.2 Советский период: упадок и развитие переводов «Лунь юй»

По причине географической близости и в связи с нуждами практической дипломатии до Октябрьской революции в России уделяли много внимания исследованиям по истории и географии своего соседа, в особенности северных приграничных районов Китая.

Исследования Китая в советский период вновь оживились с наступлением периода дружбы между КНР и Советским союзом в 50-е годы XX века. В 1960-е годы, когда произошло ухудшение китайско-советских отношений, в связи с необходимостью изучения современного Китая в Академии наук СССР был создан Институт Дальнего Востока. Начиная с этого времени окончательно сформировалась структура русского китаеведения: Санкт-Петербург - на севере и Москва - на юге, где соответственно изучают традиционный и современный Китай, взаимно дополняя друг друга.

В.М. Алексеев（1881-1951) был Академиком СССР, прозванным «русским ханьлинцем». Вследствие недовольства переводом «Лунь юй» своего учителя П.С. Попова он заново начал переводить данный труд в соответствии с требованиями нового времени. Перевод В.М. Алексеева включает в себя перевод основного текста, объяснение конфуцианской терминологии, собственные взгляды, комментарии Чжу Си и комментарии к комментариям. Несколько разделов «Лунь юй», переведённые им, защищены в виде диссертации.

Позднее Н.И.Конрад (1891-1970) и Л.Д. Позднеева (1908- 1974) работали над переводом «изборника Лунь юя» для «Хрестоматии китайской литературы» (1959) и «Хрестоматии древней литературы Востока» (1963). Как видно из названия, их перевод был только частичным. В 1972 году В.А. Кривцов (1921-1985) фрагментно перевел «Лунь юй» и опубликовал его в «Древней китайской философии».

В это время самой известной версией перевода «Лунь юй» стала версия И.И. Семененко (1947-). Он родился в семье инженера, в 1965 году поступил в Московский государственный университет на факультет восточных языков. После окончания университета остался преподавать китайскую классическую литературу и древний китайский язык. В 1987 году он опубликовал перевод «Лунь юй».

В 1979 году в связи с политической реформой и открытостью Китая отношение к традиционной культуре изменилось. Произошел поворот от первоначального антиконфуцианства к изучению традиционной культуры и конфуцианства. В то же время некоторые быстроразвивающиеся страны Азии нашли связь своих успехов с конфуцианством. Это в какой-то степени заставило российских ученых вновь обратиться к изучению Китая и конфуцианства. Таким образом, после распада Советского Союза в России появилось большое количество работ о конфуцианстве и переводов «Лунь юй».

1.3 Постсоветский период: пик переводов «Лунь юй»

С ростом влияния конфуцианства в экономической, культурной, политической области, ученые четко признают его значимость. Что касается синологов, то в новом периоде, надо отметить самого известного из них - Л.С. Переломова. В научной и публицистической прессе КНР, Л.С. Переломова называют «московским Конфуцием».

В 1946 году Леонард поступил в Московский институт востоковедения, который закончил в 1951году, получив фундаментальную китаеведческую подготовку. В 1973

году, Л.С. Переломов перешел из Института востоковедения АН СССР в Институт Дальнего Востока РАН и стал специализироваться на исследовании конфуцианства. С началом проведения политики реформ и открытости в Китае изменилось отношение как к самому конфуцианству, так и к его исследователям. Леонард Переломов стал участником многочисленных российско-китайских симпозиумов. Перевод «**Четверокнижия**», выполненный под его общей редакцией и с его вступительной статьей, был выбран в качестве государственного подарка России Китаю, который В. В. Путин вручил председателю КНР **Ху Цзиньтао** в октябре 2004 года во время официального визита в КНР. С 2010 года Л.С. Переломов является главным научным сотрудником Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Можно сказать, что перевод «Лунь юй» Л.С. Переломова – это самый системный и полный перевод. Данный перевод выполнен на основе не только китайского, но и японского, английского, французского и немецкого текстов. В нем сравниваются разнообразные комментарии и интерпретации «Лунь юй». Поэтому данная версия перевода «Лунь юй» на данный момент является более объективной и всесторонней.

В 1999 г. в Санкт-Петербурге опубликована антология «Беседы и суждения Конфуция», где собраны все переводы «Лунь юй» на русский язык, начиная с перевода В.П.Васильева. Из последних переводов и исследований следует отметить работу А.Е.Лукьянова «Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао». (М., 2000). В книге дан авторский перевод «Лунь юй», рассмотрен генезис и развитие конфуцианской философии в сравнении с даосской философией, выявлен архетип конфуцианской философской культуры Дао, найдено терминологическое наименование конфуцианской философии, раскрыто его понятийное содержание. Книга известного российского китаиста А.С.Мартынова «Классическое конфуцианство» в 2-х томах (СПб., 2001) (том первый – «Лунь юй») адресована массовому читателю. Автор не только мастерски описывает жизнь Конфуция и судьбу его учения, но и характеризует конфуцианство как исторический, философский и литературный феномен. А.С.Мартынову удалось достичь почти невозможного. Отойдя от дословного перевода, он сумел передать основной смысл высказываний и диалогов «Лунь юй».

Перевод «Лунь юй» в российском китаеведении прошел довольно сложный и длинный путь, и переводчик в процессе перевода этой работы часто имеет свое собственное уникальное понимание и делает свои интерпретации. Поэтому в России было сделано много версий переводов этого произведения. Мы искренно надеемся на появление новых современных переводов.

Литература

Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978.
Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / научн. ред. К.М. Тертицкий. М., 2002.
Владимир Малявин Конфуций. М., 1992.
Головачева Л.И. Беседы и суждения Конфуция. М., 1992, №.1.
Кривцов В.А. (пер.) Лунь Юй // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1.М., 1972.
Маслов А.А. Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз в Китае. М., 2003.

Маслов А.А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы. Ростов-на-Дону, 2005.
Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. М., 1998.
Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц/ перевод с китайского с комментариями. СПб, 1910.
Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы/ перевод с китайского, снабженный примечаниями. СПб, 1904.
Семененко И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.
Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
Хуан Лилян. О. Иакинф (Н.Я.Бичурин) выдающийся русский китаевед (к 230-летию со дня рождения)// Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 5.
Янь Годун. Россия – родина выдающейся школы китаеведения. «Проблемы Дальнего Востока», 2006, № 5.
陈开科. 论语之路—记历代俄罗斯学者对“论语“的翻译与研究. 《汉学研究》[J], 2002, 第六集.
李明滨. 俄罗斯汉学史 [M]. 河南：大象出版社, 2008.
朱仁夫. 中国儒学在俄罗斯—献给中国文化年[J]. 《东方论坛》. 2006, 第三期.

Чжан Шуцзюань
Университет Внутренней Монголии (Хух-хото, Китай)
Р.Ф.Бекметов
Казанский федеральный университет (Казань)

КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ МИНСКОЙ ЭПОХИ В ПЕРЕВОДАХ И.С.СМИРНОВА

Илья Сергеевич Смирнов – один из видных представителей современной российской научной синологии, активный продолжатель традиций знаменитой востоковедческой школы В.М.Алексеева. Объектом его изучения была и остается китайская лирика эпохи Мин. Чтобы продемонстрировать русским читателям национальную специфику поэзии этой поры, И.С.Смирнов обращал пристальное внимание как на содержание, так и на структуру литературных антологий, придавая большое значение жанру комментария. Перевод для И.С.Смирнова – диалектическое единство ритмического рисунка строки, ее интонации и рифмы.

Ключевые слова: российская синология, И.С.Смирнов, стихосложение, размер, стопа, рифма.

В китайской классической словесности поэзия, как известно, занимает ведущее место. В эпоху Мин ей на смену приходит проза. Тем не менее, в этот период поэты продолжают создавать разнообразные стихотворения, включаемые в состав прозаических жанровых форм. Лирика эпохи Мин (XIV – XVII вв.) изучена слабо, причем как в Китае, так и за его границами. Один из тех редких исследователей, кто приложил много

усилий в ее научном освещении и художественном переводе на русский язык, был российский синолог Илья Сергеевич Смирнов (род. в 1948 г.).

Он окончил Институт восточных языков при Московском государственном университете в 1971 году. В 1978 году успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Гао Ци и его творчество» в Институте мировой литературы имени А.М.Горького АН СССР. С середины 1970-х годов вплоть до начала 1990-х был старшим редактором главной редакции восточной литературы издательства «Наука». С 2010 года является директором Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. Автор более 100 научных публикаций. Член Союза писателей России (с 1985 г.). И.С.Смирнов – синолог нового поколения алексеевской школы, один из лучших специалистов в области средневековой китайской литературы.

О китайской поэзии минской эпохи И.С.Смирнов написал четыре монографии: «Яшмовые ступени. Поэзия эпохи Мин» [Яшмовые ступени 1989], «Небесный мост. Поэзия Гао Ци» [Небесный мост 2000], «Прозрачная тень. Поэзия эпохи Мин» [Прозрачная тень 2000] и «Шедевры китайской поэзии X – XVII веков» [Шедевры 2010]. В его публикациях разрабатываются вопросы интерпретации традиционной китайской лирики (ср., например: «Закат поэзии, или поэзия заката» [Смирнов 2005], «Китайская поэзия: понимание и перевод» [Смирнов 2006], «Об одном стихотворении Ли Бо» [Смирнов 2007(а)], «Происхождение китайской лирики» [Смирнов 2007(б)]). Кроме того, он – составитель антологий китайской поэзии, автор многочисленных вступительных статей, ср.: «Предисловие редактора» в [Смирнов 2010(а)], «В.М.Алексеев и "Поэма о поэте" Сыкун Ту» в [Смирнов 2008]; «…доля нелегкая, но и счастливая тоже» в [Смирнов 2010(б)]. В 1999 году издательский центр «Петербургское востоковедение» начал публиковать книжную серию «Драгоценные строфы китайской поэзии», которая включала произведения выдающихся китайских поэтов средневековья. Ее инициатором и составителем был И.С.Смирнов. К настоящему времени уже изданы девять книг: 1) «Сухой тростник. Поэзия эпохи Тан» (1999), 2) «Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун» (2000), 3) «Прозрачная тень: Поэзия эпохи Мин» (2000), 4) «Небесный мост: Поэзия Гао Ци» (2000), 5) «Осенняя хризантема: Стихотворения Тао Юань-мина» (2000), 6) «Дальнее эхо: Антология китайской лирики» (2000), 7) «Чистый поток: Поэзия эпохи Тан» (2001), 8) «Постоянство пути: Избранные танские стихи» (2003) и, наконец, 9) «Резной дракон: Поэзия эпохи Шести династий» (2004). Длинный список книг этой серии – свидетельство большого научного вклада И.С.Смирнова в развитие российской синологии, яркий знак его необычного поэтического и переводческого дарования.

Свою творческую биографию И.С.Смирнов начал с перевода Гао Ци (1336-1373), известного лирика минской эпохи. Прожив недолгую жизнь, тот написал более 2000 стихотворений, высоко ценившихся в китайской традиции, благодаря многообразию художественного стиля, особой манере письма. И.С.Смирнов перевел более 1000 стихотворений поэтов эпохи Мин, впервые опубликовав обширный корпус лирических текстов, принадлежащих перу Гао Ци (около 100). У исследователя возникла идея полностью перевести одну из китайских антологий эпохи Мин (до него аналогичную мысль высказывал В.М.Алексеев, основоположник китаеведения в России), чтобы русский читатель имел полное представление о развитии китайской лирики в эту эпоху. Дело в том, что в России (да, пожалуй, и в Европе) существует весьма искаженный

образ дальневосточной поэзии, воплощенный в жанре лирической миниатюры: ночь, луна, одинокая лодка на реке, горы, сосны – и только. Безусловно, такого рода стихотворные произведения в Китае чрезвычайно популярны. Однако, наряду с ними, в китайской литературе существуют другие стихи, переводить которые гораздо сложнее, ибо они основаны на исторических примерах, реминисценциях и аллюзиях, составляющих главную ценность для образованного китайского читателя.

К своим переводам И.С.Смирнов всегда прилагает краткую информацию о поэте и – самое главное – детально разбирает конкретный лирический шедевр, чтобы прояснить глубокую мысль китайского автора, выраженную в лаконичных образных словах. Особенное внимание И.С.Смирнов уделяет самой структуре литературной антологии. По его мнению, не все переведенные им стихи красивы и выразительны в оригинале; отсюда – нельзя утверждать, что найден подходящий (адекватный) способ художественного перевода. Не все китайские поэтические тексты следует считать неподражаемыми (гениальными) образцами. Не случайно в XX веке российская синология выдвинула целый перечень строгих требований для верного (точного и благозвучного) перевода китайской классической лирики.

Показательно, что И.С.Смирнов придает большое значение жанру комментария. Он полагает, что научный комментарий – это важная, но многотрудная сторона в переводческом ремесле китаиста. Комментарий как таковой распространен в китайской литературе и потому достаточно традиционен. Ясно, что принцип составления китайского комментария к какой-либо стихотворной строке И.С.Смирнов изучал внимательно и вдумчиво. «Пристрастие китайцев-эрудитов ко всякого рода толкованиям и разъяснениям общеизвестно, – отмечал исследователь. – Оно связано с глубинными свойствами культуры, которая по самой своей природе ориентирована на толкование слова, на уловление подлинного смысла сквозь ложное облачко» [Яшмовые ступени 1989: 9]. Он заметил одну любопытную черту подлинного китайского комментаторства: даже если стихотворение короткое, к нему все же намеренно делаются развернутые пояснения, причем иногда значительно превышающие объем стихотворного текста. В.М.Алексеев когда-то фигурально называл комментарий «лесонадстройками», существенными для понимания внутреннего мира китайской лирики, и не согласиться с этим определением теперь невозможно. Так, например, китайская поэзия «гор и вод» считается (по инерции, сложившемуся опыту) легкой для восприятия, однако И.С.Смирнов настаивает на том, что некоторым стихотворениям этой тематической линии обязательно нужны комментарии; в противном случае от неподготовленного читателя ускользнет «ядро» эстетического смысла. И.С.Смирнов придерживается тенденции снабжать каждое стихотворение соответствующим комментарием; необходимо, на его взгляд, «насколько возможно, постепенно приучить русского читателя к существованию иной поэтики, иного представления о поэтичности, количеством разнообразных переводов даже создать необходимый для глубокого понимания китайских стихов поэтический контекст» [Яшмовые ступени 1989: 31].

Приведем типичную в работе переводчика иллюстрацию.

Переведя на русский язык стихотворение Гао Ци «Чувства в день Холодной пищи»:

Город приречный, покой, тишина,
дождь моросит обложной.
В ивах уже истаял туман,
ветви зеленой стеной.
После смуты заперли вход
в старый сад Сиюань.
Даже иволги нынче не те,
что пели нам прошлой весной

[Яшмовые ступени 1989: 56].

И.С.Смирнов поместил рядом комментарии, цель которых – разъяснить «темные» места произведения. Русский читатель открывает для себя, что «день Холодный пищи» («Ханьши») – это праздник обновления огня, с давних времен окруженный многочисленными легендами. Одну из них И.С.Смирнов приводит, и становится понятно, что пользоваться огнем в весенний праздник, действительно, запрещалось, люди принимали только холодную пищу. (Эта традиция имеет и научно-историческое объяснение, которое в комментарий тоже включено). «Садом Сиюань» («Западным садом») называли парк в провинциальном городке Сучжоу, место дружеских встреч и пиршественных застолий молодых, подающих надежды поэтов; этот парк принадлежал сановнику и покровителю искусств Жао Цзе, которого в эпоху династии Мин казнили. Иволги обозначают «друзей», и, скорее всего, в творчестве Гао Ци они восходят к образам из «Шицзина» («Книги песен», XI – VI вв. до н.э.), памятника древнекитайской литературы. Возможно, китайскому читателю этот комментарий показался бы излишним, но для русского он совершенно необходим: слишком различны типы рецептивного сознания людей в двух культурах, чтобы можно было обойтись без конкретных объяснений «грамматического» плана.

И.С.Смирнов, далее, в своей переводческой практике делал акцент на ритме и рифме. Его ранние переводы были рифмованными. В частности, у Гао Ци он бережно сохранял рифмовку; ср., к примеру: в «Сетовании на яшмовых ступенях» – перекрестная рифма; в «Думаю о Яне, Сюе и других изгнанниках; вспоминаю годы, когда в саду Сиюань мы слушали песни» – кольцевая; в «Навещаю монаха Яня у Западного потока» – парная. Вместе с тем переводчик указывал на тот факт, что звуковой состав китайского языка сильно изменился во времени, так что древняя рифма в современном употреблении становится менее четкой и заметной; рифмованные стихи уже не столь понятны. В таких случаях И.С.Смирнов использовал вместо рифмы то, что можно назвать «легким созвучием», подобием рифмы. Он рифмовал первые и последние строки поэтического текста, чтобы познакомить русского читателя с формой китайского стиха. Правда, некоторые строки в этих переводных экспериментах, по его признанию, получались натянутыми и эмоционально сдержанными. Ритмические переводы (без рифмы) все же были более похожими на оригинал. В конечном счете, большинство стихотворений поэтов эпохи Мин было переведено им на основе ритма. Переводчик, как правило, в этой ситуации при выборе слов обладает определенной свободой, отчетливее передавая ритм китайского подлинника. В.М.Алексеев соотносил этот ритм с дактилем и амфибрахием, Ю.К.Шуцкий (переводчик «Ицзина», «Книги перемен») – с ямбом, хореем и дольником, а И.С.Смирнов – в основном с дольником и другими стопами, чтобы представить читателю все ритмическое разнообразие китайской поэзии.

Вот смирновский перевод первых четырех строк стихотворения «Провожаю Сюй Ши, который вновь едет на службу в Шань» Сун Ляня (в каждом стихе оригинала – пять слов).

«Провожаю Сюй Ши, который вновь едет на службу в Шань»
[кит. «Сун Сюй Шиюн Хуань Янь»]

слоги слова

1. Цзунь цзю ду мэнь вай, Вино на прощанье 14 6
Мы пьем у ворот столицы.
2. Гу фань шуй и фэй. Единственный парус 15 5
Уносится прочь от причала.
3. Цин юнь чжу цзинь лао, Достигшие славы 15 4
Состарились и одряхлели,
4. Бай фа цзи жэнь гуй. А седоголовых 14 5
Сколь многих нету меж нами.

Схема стопы перевода И.С.Смирнова следующая:

слоги стопа

1. UU/ UU// U/ UU/ U 14 5
2. UU/ UU// UU/ UU/ UU 15 5
3. UU/ UU// UU/ UU/ UU 15 5
4. UU/ UU// UU/ U/ UU 14 5

В переводах И.С.Смирнова первые и вторые стопы даны полными, а в последующих трех стопах переводчик использует дольник, отличающийся от усечённых стоп, которые употреблял В.М.Алексеев. «Усеченная стопа – строка, в которой последняя стопа дана неполной, в конце строки количество слогов стопы меньше, чем в начале» [Чжан Сюэцзэн 1986: 38]. Усеченная стопа обычно находится в конце строки. В.М.Алексеев внедрял её во вторых и пятых стопах: он заметил, что в пятисловном стихе цезура следует после второго иероглифа, в семисловном – после четвертого; пауза делит на две стопы доцезурную часть строки. В пятисловном стихе вторая стопа является концом строки, а первые, третья и четвертые стопы даны обязательно полными. Из приведенного примера мы видим, что в переводе И.С.Смирнова первые и вторые стопы даны полными, изменения коснулись последующих трех стоп (в третьей и пятой стопах первой строки отсутствует безударный слог, но имеется многообразный дольник, с пропуском одного ударного слога). Переводчик чаще всего пропускал и безударный слог. Дольник, таким образом, менее ограничен и более свободен, чем усеченная стопа при выборе слов для ритмического совпадения.

И.С.Смирнов писал: «Если, скажем, сунская поэзия – это горная цепь, над которой вознеслись вершины, одна выше другой, а над ними господствуют недосягаемые пики (такие, как Су Ши или Лу Ю), то минская поэзия – гряда холмов, над которой если и возвышается, то линия вершин в один примерно рост» [Смирнов 2006: 9]. Несмотря на образность, это – очень точная и емкая характеристика китайской лирики минской эпохи.

И.С.Смирнов, подчеркнем еще раз, внес значительный вклад в изучение литературы старого Китая. Его скрупулезные исследования пролили новый свет на многие вопроса практического перевода и для китайских ученых.

Литература

Небесный мост. Поэзия Гао Ци (1336-1374) / пер., предисл., примеч. И.С.Смирнова. СПб, 2000.

Прозрачная тень: поэзия эпохи Мин (XIV – XVII вв.) / пер. с кит. и предисл. И.С.Смирнова. СПб, 2000.

Смирнов И.С. Закат поэзии, или поэзия заката // Китайская классическая поэзия / сост. и коммент. И.С.Смирнова. М., 2005. С. 5-22.

Смирнов И.С. Китайская поэзия: понимание и перевод // Стих, язык, поэзия: сб. ст. М., 2006. С. 571-583.

Смирнов И.С. Об одном стихотворении Ли Бо // Иностранная литература. 2007 (а). № 2. С. 58-64.

Смирнов И.С. Происхождение китайской лирики // Происхождение лирики: сб. ст. – М., 2007 (б). – С. 438-465.

Смирнов И.С., В.М.Алексеев «Поэма о поэте» Сыкун Ту // Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. М., 2008. С. 3-12.

Смирнов И.С. Предисловие редактора // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература (к 75-летию акад. Б.Л.Рифтина). М., 2010 (а). С. 11-12.

Смирнов И.С. «... доля нелегкая, но и счастливая тоже» // Баньковская М.В. Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М., 2010 (б). С. 3-10.

Чжан Сюэцзэн. Правила русского стихосложения: учеб. пособие. Пекин, 1986 (на кит. яз.).

Шедевры китайской поэзии X – XVII вв. / сост., вступ. статья, пер. и коммент. И.С.Смирнова. М., 2010.

Яшмовые ступени: из китайской поэзии эпохи Мин (XIV – XVII вв.) / пер. и предисл. И.С.Смирнова; отв. ред. Л.З.Эйдлин. М., 1989.

Чжуан Вэйвэй
Казанский федеральный университет (Казань)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (в аудиториях китайских учащихся)

Экспериментальная фонетика является одним из важной разделов общей и прикладной фонетики, в которой изучаются звуки и другие единицы речи с применением различных инструментальных средств. В экспериментальной фонетике обычно обращают внимание на три аспекта анализа звучащей речи: слуховой/перцептивный, артикуляционный/соматический и акустический. В связи с этим также говорят о трех разных фонетиках: фонетике слушающего, фонетике говорящего и фонетике наблюдателя. Акустические аспекты относятся к фонетике наблюдателя, так как акустические методы исследования предпочитают фиксацию и анализ особенностей речевого сигнала с позиций наблюдателя-экспериментатора[1]. Наше исследование выполнено именно в рамках данного раздела.

Сопоставительное исследование является оптимальным при изучении разносистемных языков в условиях национально-русского двуязычия. При сопоставлении обычно изучают комплексно языковые структуры разных уровней языка. В экспериментальной

фонетике также предполагается применение методов сопоставления, особенно в аудиториях иноязычных учащихся, где русский язык неродной. Соответственно, возрастет важность описания природы звуковой интерференции в динамике сопоставления фонетических систем родного языка и изучаемого. С помощью целенаправленных экспериментов, компьютерных технологий анализа речевого сигнала появляется возможность наблюдать речевые особенности иностранных учащихся во время говорения, чтения, пересказа, в частности особенности фонационного, орфофонического и просодического планов. В нашей работе мы исследовали речевые особенности китайских учащихся, которые изучают русский язык на разных этапах обучения. Русский и китайский языки принадлежат генетически к разным языковым семьям, типологически они также различаются между собой. Например, это касается артикуляционных баз: вокализм русского и китайского языков орфонически различается, номенклатурно в обоих языках представлены звукотипы А, О. У, И, Е, но по высоте, по тембру некоторые звуки не совпадают; см.о-о, и-i, у-u, эти тонкости выявились с помощью компьютерной программы; согласные звуки русского языка различаются по признакам твердости и мягкости м-м', д-д' , г-г', т-т', л-л' и т.д., в китайском языке такой фонологической оппозиции нет, согласные звуки в китайском языке классифицируются на придыхательные и непридыхательные, что стоит учитывать в практике преподавания русской фонетики китайцам, т.е. ракурс фонетических уникалий необходимо внести в технологии практической экспериментальной фонетики, например, b-p, m-f, d-t; в слоговой фонетике также есть интересные моменты: слог русского языка традиционно образован из двух или трех звуков ло, твё, ма, тру, слог китайского языка минимум состоит из двух звуков тоже, кроме того, встречаются и такие особенности huang, shang, long из четырех звуков; интонационная система двух языков: как правило, это показательно и в плане синтагматического членения, т.к. семантико-синтаксические основы порождения синтагм в обоих языках все же различаются. Однако индивидуальные признаки тоже наблюдаются, это можно проследить и в ракурсе длительности паузы, типов паузы, выделения смыслового центра и т.п. Китайский язык тональный, в процессе говорения тон участвуют в оформлении интонации, движения мелодики также интересны при описании их места положения в речи (например, в конце вопросительных предложений). Природа ударения в сопоставительных исследованиях позволяет более полно описать функции акцента в речи, но это касается только логического и фразового ударения, ударение словесное не участвует в системе интонации. Указанные особенности звукового строя русского и китайского языков дополняют те наблюдения, которые, могут быть получены в результате слухового описания, однако многие из них существенно дополнены благодаря применению экспериментальных методик, что указывает на сохранение традиций Казанской лингвистической школы в области прикладной инструментальной фонетики. Экспериментальная фонетика приобретает большую весомость в связи с растущей потребностью сопоставления и обобщения накопленных знаний на материале конкретных языков (в частности китайского и русского языков), развитием прикладной лингвистики, социальными задачами совершенствования методики преподавания неродных языков, преодоления явлений интерференции и иноязычного акцента.

Литература

Потапова, Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация от звука к высказыванию. М., 2012.

О.А.Чупрякова
Казанский федеральный университет (Казань)

ГЛАГОЛЫ В ГОВОРАХ ВОЛГО-КАМЬЯ: СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию экспрессивной глагольной лексики в русских говорах Волго-Камья. В ней предпринята попытка лингвистического описания экспрессивов, характеризующих действия человека. Экспрессивные глаголы разделены на лексико-семантические группы, исходя из их семантической структуры, деривационных особенностей и стилистической характеристики.

Ключевые слова: диалект, глагол, экспрессивность, эмотивность, оценочность, лексико-семантическая группа.

Диалектный язык наряду с просторечием послужил мощным источником формирования экспрессивной лексики литературного разговорного языка.

Термин экспрессивность употребляется в двух смыслах — широком и узком. В широком понимании экспрессивность рассматривается как свойство речи и приравнивается к выразительности. Это мнение достаточно четко сформулировано Е.М. Галкиной-Федорук: «Экспрессия — это усиление выразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И все, что делает речь более яркой, сильной действующей, глубоко впечатляющей, является эспрессией речи» [Галкина-Федорук 1958:107].

Наиболее ярким является признак «интенсивность проявления действия, состояния», выражаемый глаголами. В русском языке, в том числе диалектном, есть немало глаголов-характеристик, выражающих общее понятие «сильно ударить кого-нибудь, применив физическую силу»: трахнуть-шарахнуть, звезданути-засветить-залимонить-бзданути-брызнуть-хряснуть-хряпнуть-саданути-долбанути-жахнуть-ахнуть-врезать-шваркнуть-грохнуть-нажарить-брякнуть-бузыхнуть-буткать-бодрить-взбучить и т.п.; обширны группы глаголов с семантикой «резко, внезапно переместиться из стороны в сторону, изменить положение (о человеке)»: шарахнуться-кинуться-рвануться-сорваться-шмыгнуть; «упасть»: плюхнуться-бухнуться-брякнуться-грохнуться-грянуться-шарахнуться-ухнуть-ахнуть-рухнуть. Но экспрессивность гораздо шире интенсивности. Видимо, экспрессивным следует считать и признак «экстенсивный», актуализирующий такие объективные признаки, как медленность, слабость, вялость проявления признака и т.п. Например: ползти-плестись «передвигаться очень медленно»; валандаться-корячиться-шепериться «работать кое-как, еле-еле,медленно»; мямлить-шамкать «говорить медленно, непонятно».

Носители литературного языка легко могут понимать диалектные экспрессивные слова, имеющие прозрачную внутреннюю форму, например, ветродуй, шлында, дуропляс и др. Так, например, глагол жарить называет вполне определенное действие (жарить грибы, рыбу, мясо). Его омонимы же обозначают действие интенсивное, окрашенное эмоцией действующего лица, при этом как раз коннотативный компонент «интенсивность» выходит на первый план.

Экспрессивные слова образуют единый пласт в словарном составе языка. В то же время этот пласт семантически неоднороден, в чем можно убедиться, рассматривая семантическую структуру их лексических значений. Поэтому вслед за Н.А.Лукьяновой мы выделяем три типа экспрессивных глаголов.

1 тип – экспрессивно-эмоциональные глаголы. Они обозначают экспрессивное действие и эмоциональное отношение говорящего. В границах данного типа объединяется несколько ЛСГ глаголов:

ЛСГ «работать, трудиться»: пластаться, кажилиться, вкалывать, шуровать, буровиться «работать медленно, с трудом»: «Так давно буровишься, а огород не копан!» [СРГБ:1:58], ломать «много, тяжело работать»: «Ломаю, ломаю, а спасибо никто не скажет» [СРГБ:1:64], волочить «работать изо всех сил, не покладая рук»: «Волочу, волочу, никто не ценит, денег нет» [СРГБ:1:74], карачиться «много, усердно работать»: «На работе карачишься, домой придешь, опять карачиться надо!» [СРГБ:2:21].

ЛСГ «ударить, бить»: трахнуть, шарахнуть, звезданути, залимонить, бузовать, валтузить, долбануть, полыхнуть, полоснуть, прищучить, хлестнуть, пластать , брызнуть «сильно, неожиданно ударить кого-либо»: «Он начальника брызнул по лицу, когда пришел» [СРГБ:1:54]; нажарить «сильно побить, поколотить»: «Вот я тебя сейчас нажарю!» [СРГБ:2:90]; бузыхнуть «сильно стукнуть»: «Как бузыхнул в ворота, все выбежали!» [СРГБ:1:56].

ЛСГ «бежать, ходить, ездить»: нестись, лететь, отмахать и др.

ЛСГ «переместиться из стороны в сторону, упасть, изменить положение»: броситься, шарахнуться, рвануться, хлопнуться, брякнуться, сорваться, ринуться, шмякнуться, грянуться, плюхнуться, навернуться «сильно упасть»: «Ох, и навернулся я!» [СРГБ:2:85]; ахнуться «упасть»: «Пойдем ахнемся в холодок, эдакая жарища-то» [СРГБ:1:24] и др.

Вне контекста эти глаголы не выражают оценки действия, но на фоне контекста, в совокупности с другими средствами, они могут выражать положительную или отрицательную оценку.

2 тип – экспрессивно-эмоционально-оценочные глаголы: Следовательно, от глаголов первого типа они отличаются актуализацией семантического признака «оценочность». Поведения вне оценки не существует. Основой конкретной оценки поступка является понятие нормы. Общество в целях своего сохранения и развития вырабатывает целую систему правил (норм), отражающих в совокупности его интересы. Наибольшую опасность для общества представляют действия, не соответствующие общепринятым нормам: лодырничать, мошенничать, хитрить, дебоширить, хамить. Группа глаголов поведения формируется в основном за счет единиц, называющих различные формы негативного поведения: самодурствовать, артачиться, лебезить, балахрыстить, бахолить, вышибаться, глохтить, побежать, гордиться, пушиться, гнездиться, распутиться. Через оценку действия, которое они называют, выражается оценка человека, поэтому они близки по семантике существительным-характеристикам. Оценка человека может передаваться глаголом через такие действия, как «трудиться», «говорить», «вести себя каким-то образом по отношению к другим людям», физиологические процессы («пить», «есть»), проявление эмоционального отношения действующего лица и т.д. Лексический состав глаголов этого типа очень широк. В нем

можно выделить несколько ЛСГ, а внутри каждой из них – синонимические группы и ряды. Назовем только некоторые ЛСГ.

ЛСГ «сделать кое-как, испортить, привести в негодность»: завахлять, настебунять, пристебать, искурочить, изнахратить, накулемесить, перебуторить, размамаить, распорушить.

ЛСГ «говорить»: долдонить, балаболить, рявкать, нудить, бадандрясить «сплетничать», вытвораживать «манерно говорить, растягивая слова», скулить.

ЛСГ глаголов поведения: блуконять, востриться, варначить, выкобениваться, бариться, кособочиться, шалаться, выламываться, великаниться, есаулить, атаманить, подсевать, листопадничать, бархотить, гонориться, бахолить «озорничать»: «Выросла девка-то, а все бахолит!» [СВСМ:10]; вышибаться «вести себя слишком смело, задиристо»: «Больно вышибаться стала сноха» [СВСМ:24]; адовать «пьянствовать»: «Не адовал бы, так жили бы баско!» [ОСВГ:23]; вазьгать «смеяться над кем-либо»: «Весь вечер ты вазьгаешь!» [ОСВГ:2:14]; изгибаться «предаваться шутовству, шалить»: «Будет тебе изгибаться с девками!» [ОСВГ:95].

3 тип – экспрессивные глаголы широкой семантики: наяривать, жарить, шпарить, шуровать, дуть, чесать, бухать, грохать, пластать, полоснуть, взбуривать «бросать злой, сердитый взгляд»: «Ходят вот теперь и взбуривают друг друга» [ОСВГ:31]; выгнуть «стараться получить что-либо, настойчиво добиваться»: «Сумел я выгнуть из него долг все-таки» [ОСВГ:40].

В большинстве экспрессивных глаголов в создании усилительно-воздействующего эффекта участвует интеллектуальная (понятийная) семантика. Вне зависимости от конкретной семантики базового глагола ЛСГ экспрессивная часть этой ЛСГ составлена глаголами, характеризующими опорное понятие с точки зрения того, в какой степени интенсивно, быстро, уместно, правильно, целенаправленно и т.д. осуществляется это действие, например, турусить «говорить несуразное, невпопад», варганить «очень быстро говорить», торкать «громко кричать» (ЛСГ речи); сверкнуть «быстро пробежать», свашить «ходить без дела, заниматься сплетнями» (ЛСГ движения), чертолить «хорошо, долго, много работать», посемывать «делать что-либо медленно, неохотно, стараясь уклоняться от дела» (ЛСГ трудовой деятельности), зажваривать «бить, лупить», стибануть «ударить изо всех сил» (ЛСГ физического воздействия), вылупиться и выщелкнуться «одеться чересчур модно» (ЛСГ поведения). Признаковые семы «громко», «долго», «много», «сильно», «бесцельно» можно считать базовыми для семантического поля экспрессивной глагольной лексики. Опорный, базовый их характер подтвержается тем, что значительное число экспрессивных глаголов, входящих в разные подгруппы ЛСГ или даже разные ЛСГ, воплощаются в одной лексеме на базе одной признаковой семы. Так, глаголы набузгаться, навзбулындываться, наполучаться, насопениться, нахалкаться имеют значение «наесться, напиться вдоволь», глаголы завихаривать, жимануть имеют значение «быстро ехать или идти».

Экспрессивные единицы служат емким и экономным языковым средством объективации многообразных проявлений действительностии состояний сознания человека – сферы его интеллектуальной и эмоциональной деятельности.

Литература

Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1975.

Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика.Томск, 1984.

Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи в современном русском языке // Очерки по семантике русского языка: Ученые записки Башк. ун-та. Уфа, 1971. Вып.1. С. 24 – 38.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола: учеб. пособие. М., 1981.

Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 108 – 126.

Телия В.Н. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 25 – 36.

Словари и принятые сокращения

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии: В 4х т. / Под ред. проф. З.П.Здобновой. Уфа, 1997-2003.

СВСМ – Моисеенко М.Ф. Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья. Казань, 2002.

ОСВГ – Материалы для объяснительного словаря Вятского говора. Н.М.Васнецова. Вятка, 1907.

И.Б.Щёболева, Ли Лянданьян
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставлению формул приветствия в русском и китайском речевом этикетах на фоне сравнения культур двух народов, выявлению универсального и этноспецифического в плане выражения и содержания приветствия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, речевой этикет, коммуникативная ситуация, коммуникативные традиции и стратегии, национально-культурная специфика.

В последние десятилетия глобализация и стремительный рост межкультурного общения поставили в центр современной методики обучения иностранным языкам язык и культуру, коммуникативные стратегии и стили общения, взаимодействие культур.

В Институте филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета разработана магистерская образовательная программа по специальности «Русский язык как иностранный», заключены соглашения с китайскими вузами о совместной подготовке специалистов. Китайскими магистрантами подготовлены и успешно защищены диссертации по русскому языку на фоне сравнения культур и коммуникативных традиций поведения представителей двух народов.

Настоящая статья посвящена вопросам речевого этикета, а именно - выявлению универсальных и этноспецифических формул приветствия в русском и китайском языках. С одной стороны, речевой этикет традиционно исследуется в рамках грамматики

как средство достижения коммуникативной цели: привлечь внимание собеседника, выразить ему своё уважение, симпатию, создать комфортную атмосферу для общения. С другой стороны, речевой этикет является одной из важнейших частей национального языка и культуры. Невозможно говорить о высоком уровне владения иностранным языком, если это владение не включает в себя знание правил речевого общения и умение применять эти правила на практике. Особенно важно при этом иметь представления о расхождениях в национальных речевых этикетах [Хаматова А.А., Курилова К.А., 1994:38] Приветствие как одна из важнейших частей речевого этикета фиксирует наиболее устойчивый начальный этап коммуникативного акта. Оно относится к тем универсальным элементам речевого этикета, которые используются во всех слоях общества и предназначены для маркирования социальных ролей, поддержания иерархических отношений членов языкового сообщества.

Формулы приветствия в русском и китайском языках характеризуются общими чертами и особыми этноспецифическими чертами. В русском и китайском языках существуют такие универсальные приветствия, как

1) стилистически нейтральные формулы приветствия: “您好！– *Здравствуйте!*”, “你好！– *Здравствуй!*”;

2) приветствия, связанные со временем суток: “早上好！- *Доброе утро!*”, “晚上好！- *Добрый вечер!”;*

3) формулы, употребляемые в официальной обстановке: “非常高兴见到您！– *Очень рад вас видеть!*” ;

4) формулы с оттенком торжественности, уместные в деловом официальном общении: “欢迎！– *Добро пожаловать*!”;

5) формулы, заимствованные из английского языка и являющиеся принадлежностью молодежного жаргона, уместные в неофициальной ситуации общения: “嗨！– *Хай*!”, “哈喽！– *Хэлло!*”;

6) приветствие и вопрос о личных делах: “最近怎么样？– *Как дела*?”;

7) приветствие после долгой разлуки: “好久不见！– *Давно не виделись!*”

Однако существуют некоторые этноспецифические формулы приветствия в русском и китайском языках. Например, в русском языке существуют такие приветствия, которые отсутствуют в китайском языке, а именно:

1)разговорные фамильярные формулы приветствия, например, “*Привет!*”, “*Приветик!*”, “*Здорово!*” (чаще употребляется у мужчин);

2)приветствие, связанное со временем суток: “*Добрый день!*”(нужно отметить, что выражение *Добрый день*! не имеет эквивалентного выражения в китайском языке, так как китайцы разделяют один день на пять частей, т.е. 6:00-9:00-это утро; 9:00-12:00 -это первая часть дня; 12:00-14:00-это средняя часть дня; 14:00-17:00-это последняя часть дня;17:00-20:00-это вечер; 20:00-24:00-это ночь). Если перевести «*Добрый день*!» на китайский язык, то это выражение как бы объединяет три выражения «上午好»(буквально переводится на русский язык как “добрая первая часть дня”), «中午好» (буквально переводится на русский язык как “добрая средняя часть дня”), «下午好 »(буквально переводится на русский язык как “добрая последняя часть дня»)

3) традиционно-специфические формулы приветствия, например: “*Хлеб да соль!”, “Милости прошу!”*;

4) устаревшие формулы приветствия, например “*Доброго здоровья!”*;

5) приветствия при встрече второй раз в течение дня: “*Мы уже виделись!*”, “*Здравствуйте еще раз!*”(отметим, что у китайцев принято здороваться при каждой встрече, независимо от того, виделись ли они уже или нет).

В китайском языке также существуют этноспецифические формулы приветствия, которые отсутствуют в русском языке:

1)приветствия в форме вопроса, выражающие доброе отношение и заботу о делах, здоровье и занятиях собеседника и его членов семьи: “你吃饭了吗？– Ты уже ел?”, “你去哪？– Куда ты идешь?”, “这段时间忙什么呢？– Чем занят?”, “最近身体怎么样？– Как здоровье?”, “最近在哪儿发财呢？– Где ты сейчас богатеешь?” (ср.русск. Как дела? Как бизнес?), или так называемые ситуативные приветствия – речевые формулы, употребляемые в соответствии с обстоятельствами общения или местом встречи.

а) 你吃了吗？Ни чи л ма? (Вы завтракали/ обедали/ ужинали/ кушали?/ Ты завтракал/ обедал/ ужинал/ кушал?)

Это традиционное специфическое китайское приветствие, которое китайцы чаще всего употребляют при встрече со знакомыми. В течение длительного периода феодального общества Китая, «питание, еда» для простых китайцев было самой большой ценностью, большинство крестьян с трудом могло прокормить себя, поэтому с тех пор китайцы прежде всего спрашивают друг друга *«Вы завтракали/ обедали/ ужинали/ кушали?»* при встрече и выражают таким образом свою заботу о собеседнике.

С повышением уровня жизни в Китае проблема питания была решена, тем не менее фраза приветствия «*Вы завтракали/ обедали/ ужинали/ кушали?»* сохранилась. Она утратила свое первоначальное значение, осталась лишь формой приветствия и не содержит никакого оригинального контента – на самом деле не имеет значения, ел ли собеседник или нет. Поэтому в некоторых экономически развитых районах это приветствие расценивается как просторечное и устаревшее, воспринимается с улыбкой и постепенно заменяется другими фразами, например, заимствованными словами из английского языка «Hello, Hi, Hey».

Приведем пример из произведения китайского классика Лу Синя, иллюстрирующий употребление этого выражения и других «прямых» вопросов в качестве приветствия.

– После того как он переехал, он никому ничего плохого не делал, он не ходил ни к кому в гости и никто не приходил к нему.

Когда он встречался с соседями, соседи первыми его спрашивали:“Ты уже ел?», он отвечал:“Да!”, или он первый спрашивал соседей:“Отдыхаете?” Сосед отвечал:“Да, конечно, сижу и отдыхаю!” При этом он ни на одну минуту не останавливался и сразу уходил. [Лю Синь, Чёрная стена (1982)];

б) приветствия в форме вопроса в неформальном общении «*Куда ты идешь?*», «*В университет?*», *«На работу?*»

– Часы, лежащие на столе, прозвонили шесть раз.Чжо Цзиюй смело открыл глаза.“Вставай!”-подумал он про себя.-“Иди смотреть на снег в парке!Прогулка тоже полезна для здоровья!”

Южная дверь открылась.Чжо Цзиюй под своим одеялом закричал: “Это старый Ли? Куда ты идёшь?”

“*Иду смотреть на снег!” ответил Ли Тинчвен.*[Лао Шэ, Чжо Цзиюй: 1928].

Отметим, что для русского речевого этикета также характерны приветствия в форме вопроса в неформальном общении: «*Куда бежишь?*», «*На работу идешь*?», *«В магазин? За покупками?*», «*Гуляешь? Прогуливаешься?*». В западных странах подобные приветствия воспринимаются как вмешательство в личные дела, не касающиеся посторонних. Китайский народ, считающий всю страну одной большой семьей, полагает, что таким образом выражается забота о других, создается близость отношений между коммуникантами, а это способствует лучшему взаимопониманию обеих сторон в процессе общения.

Как правило, общевопросительные предложения употребляются в качестве приветствия между малознакомыми людьми, собственно вопросительные предложения - между хорошо знакомыми, и так как ответы на общевопросительные приветствия представляют собой односложные предложения *Да* или *Нет,* это в определенной степени ослабляет «угрозу» для личной жизни адресата.

В русском языке приведенные вопросы в качестве формул приветствия охватывают всю зону фактического общения и отличаются от информативных, поэтому не всегда этикетный вопрос предполагает подробный ответ. Часто ограничиваются лишь этикетными ответами: *Спасибо, хорошо. Нормально*. *Ничего* и др. В китайском языке на привествующие вопросы отвечают также кратко и обобщенно, не развивая информацию.

Китайский лингвист Го Пань в статье «Кратко о приветах» не только описывает содержание и условия употребления данных этикетных знаков, но и затрагивает вопрос их возникновения и эволюционирования в китайской языковой культуре. По мере того как понятие «приватность» становится все более важным в китайском обществе (как и в российском), эти традиционные формулы приветствия будут заменяться другими [Го Пань, 2001:112].

в)*最近在哪儿**发财啊**？(Где вы сейчас богатеете/занимаетесь бизнесом?/ Где ты сейчас богатеешь/занимаешься бизнесом?); 最近在哪儿**混**(нет эквивалентной лексики)呢? (Где ты сейчас работаешь?).*

Эта фраза приветствия только в последние годы стала популярной среди китайцев, занимающихся бизнесом. За долгий период развития истории, философии и культуры Китая концепция «Благородный человек должен ценить долг и свои обязанности больше, чем выгоду» укоренилась в сознании китайцев, но в результате экономических реформ и политики открытости в экономической сфере «выгоду» ценят все чаще. Политический призыв «разрешить людям разбогатеть» стимулирует интерес к повышению материального уровня всех жителей Китая, что отразилось в новых формах приветствия. Например,

– Hi, Сяован! На работу идёшь?

– Hello, Сяопэй! Да, на работу иду, а ты сейчас где богатеешь?/занимаешься бизнесом?

– В небольшой собственной фирме, занимаюсь торговлей обувью.

– Отлично, мне пора идти, я очень занят. До связи.

– Хорошо, до связи.

Таким образом, фраза «*Где вы сейчас богатеете/занимаетесь бизнесом?»* отражает изменения в культурной психологии китайцев и показывает, что в последние годы концепция «разбогатеть» играет очень важную роль в китайском обществе.

2. Приветствия при первой встрече, знакомстве, такие как 幸会！(*Очень счастлив вас видеть! Очень рад вас видеть!*)久仰！(*Давно вас обожаю! Давно о вас слышал! Давно вами восхищаюсь!*), например:

а) *幸会！ Синь Хуай! Очень счастлив вас видеть! Очень рад вас видеть*

Данное выражение часто употребляется между незнакомыми людьми и имеет оттенок комплимента, например:

– *Перед тем как познакомиться, Ван Си внимательно посмотрел на Тинь Чжи и всё понял. Он не подал руку Тинь Чжи и ждал, пока она подаст ему руку первой. Ван Си просто вежливо сказал: "Давно уже слышал о вас от других, знаменитый «золотой голос»! Очень рад вас видеть"* [Чэнь Цзяньгонг и Чжао да нянь. Возле запретного города]*;*

б) *久仰！久仰大名！Давно вас обожаю! Давно о вас слышал! Давно вами восхищаюсь!*

Выражение «久仰！久仰大名» часто употребляется между незнакомыми людьми при первой встрече, чтобы проявить уважение и выразить вежливость:

– *После того как все сели на свои места, Юй Гуань взял руку Фон Сяогана и, улыбаясь, представил всем: "Профессор Фон является опытным специалистом в сфере развлечений, он проделал значительную работу в нашей области". Все захлопали, каждый вежливо поздоровался и пожал руку профессору Фону: "Здравствуйте, здравствуйте. Давно вас обожаем".*

"Здравствуйте всем!" – сказал профессор Фон [Ван Шо. Вы не миряне (1992)];

В результате анализа этикетного жанра приветствия в русском и китайском языках можно сделать следующие выводы.

Формулы приветствия как в русском, так и в китайском языках могут быть самыми разнообразными: у «разных народов наблюдается многообразие приветствий, которое можно объяснить тем, что приветствие как начало взаимодействия коммуникантов является, по сути, универсальным элементом любого или почти любого акта общения» [Тарасов, 1977: 14-38]. Они различаются способами языкового выражения, стилистической окраской, степенью распространенности, а также особенностями информационного наполнения. Тем не менее, среди этого многообразия можно выделить как общие, универсальные приветствия, так и этноспецифические, зависящие от многих факторов. Очевидно, что для успешной межкультурной коммуникации необходимо знать культуру разных стран, национально-культурную специфику и менталитет разных народов.

Литература

Го Пань. Кратко о приветах// Прикладная лингвистика. 2003.

Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. –М., 1977.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Сколько способов поздороваться? // Русская словесность, 2001.

Хаматова А.А., Курилова К.А. О национально-культурной специфике речевого и неречевого поведения китайцев. –Владивосток, 1994.

Чжоу Сяоцзуань. Современный китайский речевой этикет. Ухань, 2005.

Т.Ю.Щуклина
Казанский федеральный университет (Казань)

СЛОВОТВОРЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются индивидуально-авторские новообразования как результат творчества языковой личности. Выявляются особенности функционирования авторских инноваций в фантастических произведениях братьев Стругацких; определяется динамика развития словотворческих процессов в текстах писателей-фантастов.

Ключевые слова: словотворчество, индивидуально-авторские слова, языковая номинация, языковая личность.

Сегодня, когда лингвистика перешла на новую антропоцентрическую парадигму исследования, в центре внимания ученых оказывается триада «язык – культура – языковая личность». Изучению языковых фактов и явлений с позиции человеческого фактора посвящены многие современные разноаспектные работы [Bochina, Miftakhova 2014; Erofeeva 2014; Karabulatova, Polivara, Zamaletdinov 2013;Fattakhova, Kulkova 2014;Schuklina 2014]. Языковая личность как уникальный феномен ярче всего проявляется в словотворчестве. Как известно, производное слово – это своего рода модель знаний о мире. Имея свою внутреннюю форму, оно отражает определенные представления об объективной действительности, позволяет понять специфику мировосприятия, мировоззренческой позиции языковой личности [Щуклина 2007: 79]. Индивидуально-авторские новообразования следует признать особым действенным средством экспрессивизации текста, поскольку они антропоцентричны по своей природе [Радбиль 2010].

Словотворчество является важной составляющей идиостилятаких ярких представителей современной русской фантастики, как братья Стругацкие.Именно функционирование индивидуально-авторских неологизмов определяет экспрессивность и своеобразие их текстов. Будучи эффективным средством выразительности и выполняя роль новых словесных образов, они в совокупности с другими языковыми средствами способствуют раскрытию художественного замысла произведений, познанию типа языкового сознания личности писателей, их системы ценностей. Процесс номинации является тем механизмом лингвокреативного мышления, который позволяет языковой личности проявить собственное понимание мира через анализ и синтез языковой формы [Щуклина 2011: 117].

Творчество братьев Стругацких достаточно разнородно.В большей степени индивидуально-авторские образования представлены в так называемых реалистическом и игровом типах их фантастических произведений.

В фантастических текстах, относящихся к реалистическому типу, принципы создания новых номинацийдиктуются, прежде всего, стремлением создать максимально убедительное и достоверное изображение мира будущего. Описания фантастического феномена в произведениях этого типа иллюстрируют главную мысль, содержащуюся в подтекстовой сфере данного рода фантастики. Следствием этого стремления стало

создание индивидуально-авторских слов, называющих объекты виртуального мира и имитирующих научно-техническую терминологию.

Новообразования в текстах Стругацких созданы как узуальными, так и неузуальными способами, однако первые преобладают над вторыми:

1) Новообразования, созданные путём суффиксации (*магоряне, пантиане* – названия жителей других планет; *алайцы, хонтийцы,пандейцы, ируканцы*– жители стран, расположенных на других планетах; *голованы, мокрецы, мертвяки*– названия необычных существ; *ментоскопист, конфигуратор* – названия лиц по роду деятельности; *грустецы,дзиюисты*- названия лиц по их политическим убеждениям или образу жизни и др.).

2) Новообразования, созданные путём сложения основ (*кристаллозародыш, бронеход* - названия технических приспособлений; *киберштурман, киберуборщик* – названия профессий; и др.).

3) Новообразования, созданные путём сложения слов (*эпсилон – детринитация; ридер-потенция* – абстрактная лексика, называющая некоторые свойства и качества объектов фантастической действительности; *нуль – связь, нуль-кабина, нуль-транспортировка*–обозначения принципов передачи информациии др.).

4) Новообразования, созданные путём усечения (*кибер, мимикрид*-названия технических приспособлений; *интель, полиментал* – обозначения лиц и др.).

5) Новообразования, созданные с использованием немотивированной основы (*тахорг* – название животного; *массаракш, заккурапия*– имитация «макароническом» лексики; *гаттаухом, гаттаух-оккамбороном* – названия должностей и др.).

Исследование терминологических новообразований, функционирующих в произведениях братьев Стругацких, позволяет говорить о динамике их словотворчества, которая проявляется в отказе от использования характерных для стиля ранних повестей (прежде всего для повести «Страна багровых туч») терминов-описаний, характеризующих фантастические реалии с точки зрения принципа действия устройств и веществ (*атомно-импульсные ракеты, водородно-тритиевая плазма, фотонный реактор, мезоатомная химия*и т.д.). Анализ этих терминов-описаний с точки зрения их места в языке относится, скорее, к области физики, чем лингвистики. Характерной чертой пришедших им на смену новообразований научной фантастики (*гипнополе, ментоскоп*и т.д.), призванных имитировать терминологию (квазитермины), является указание на функциональное соответствие, которое наблюдается между данными лексемами и скрывающимися за ними понятиями.

Если наличие в «Стране багровых туч» терминов-описаний обусловлено идеологической конъюнктурой – тем, что в соответствии с коммунистической идеологией научная фантастика должна была популяризировать новейшие достижение науки и техники, то обращение к «функциональной терминологии» обусловлено отходом от конъюнктуры и диктуется исключительно стилистическими приоритетами, прежде всего соображениями простоты и ясности.

Значительная часть терминологических новшеств братьев Стругацких, таких, например, как термин-описание *атомный вездеход*, введенное в связи с бурным ростом атомной промышленности, кажутся сейчас наивными и архаичными. Стремление избежать подобной ситуации сыграло не последнюю свою роль в переходе писателей к

функциональной терминологии. Авторы не идут по пути количественного умножения новообразований в своих произведениях, вместо этого они постоянно используют одни и те же языковые единицы, что придает их миру устойчивость и делает его вполне соответствующим «усредненной норме языка».

Если для реалистической фантастики братьев Стругацких характерно стремление следовать «усредненной норме языка», и новообразования, следующие этой норме, образуют единую непротиворечивую систему, содержащую названия для самых разных сфер футуристической реальности, то в игровой фантастике («Понедельник начинается в субботу», «Сказка о тройке», а также главы из повести «Отягощенные злом») неологизмы создаются с целью достижения комического эффекта.

В повести «Понедельник начинается в субботу», в которой авторские инновации сконцентрированы в большей степени, стилеобразующим приоритетом обладают не лексические новообразования, а искажение речевых клише, заимствованных из сказочного или из официально-делового стиля. В игровой фантастике из конститутивных признаков жанра научной фантастики сохраняется только наличие научно-технического антуража, который подвергается комическому (игровому) переосмыслению. На лексическом уровне это переосмысление осуществляется путем совмещения в одной единице элементов, заимствованных из разных сфер языка (в первую очередь, научной и фольклорной). При описании фантастических феноменов игровой эффект достигается либо при посредстве презентации новых «достоверных» сведений о мифологических персонажах, которые, как правило, противоречат уже сложившимся представлениям, либо при помощи описания ирреальных объектов в соответствии с реалистическими канонами (например, мифологических персонажей).

Словотворчество братьев Стругацких – один из ярчайших приемов авторской речи. Будучи феноменом идиостиля писателей, индивидуальные неологизмы в их текстах играют значительную смыслообразующую роль, помогают читателю в понимании авторской концепции,позволяют судить об особенностях идиолекта писателей, об их мастерстве в выборе средств языкового воплощения содержания. Словотворческие процессы в фантастике Стругацких имеют свою динамику развития, в соответствии с которой происходило формирование авторского лексикона; она проходила в направлении от идеологически обусловленного использования «фантастической» терминологии в ранних произведениях к стилистически обусловленному в более поздних текстах.

Литература

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М., 2010.

Щуклина Т.Ю. Словотворчество как реализация лингвокреативного потенциала детей // Вестник ТГГПУ. 2011. 2(24). С. 116– 120.

ЩуклинаТ.Ю.Экспрессивная деривация собственных (личных) имен в художественном тексте как феномен русской культуры // Вестник ТГГПУ. 2007. 1(8). С. 79 – 83.

Bochina T.G., Miftakhova A.N. Gender interpretation of man's figure in the Runet. XLinguae, 7(1): 2-14 (2014).

Erofeeva I.V. Nominalization in linguocultural paradigm of chronicles.Life Science Journal, 11(11): 438-442 (2014).

Karabulatova I.S., Polivara Z.V., ZamaletdinovR.R.. Ethno-Linguistic Peculiarities of Semantic Perception of Language Competence of Tatar Bilingual Children. World Applied Sciences Journal, 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication): 141-145 (2013).
FattakhovaN., Kulkova M. The Formation of Paroemiology in Russia and Germany.World Applied Sciences Journal, 31(5): 935-939 (2014).
Schuklina T.Y. Binary oppositions as a way of representing the Slavic culture (in the context of the Russian proverbs). Life Science Journal, 11(10): 638-641(2014).

Э.А.Эмиралиев
Казанский федеральный университет (Казань)

ФУТБОЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается футбольный молодежный сленг в лингвистическом аспекте.

Ключевые слова: язык, современный, футбол, молодежь, сленг, жаргон, лингвистический, социальный, общеупотребительный, речевой и т.д.

В последнее время наблюдается массовое использование жаргонной лексики всеми слоями населения вне зависимости от социальной или профессиональной принадлежности, возраста, коммуникативных особенностей употребления. Многие исследователи рассматривают процесс жаргонизации современной речи как своеобразную реакцию на недавнюю стандартизованность, «приглаженность», безликость публичных выступлений, насыщенных пропагандистскими штампами, поэтому в сленге иногда даже видят орудие борьбы с «тоталитарным языком».

В молодежном жаргоне, как в зеркале, отражаются процессы изменений общества – это и снятие запретов, цензуры, усиление влияния языка преступного мира, расширение сферы устной неподготовленной речи. Все эти процессы оказали влияние на молодое поколение, что нашло непосредственное отражение в речи молодых людей. Ряд арготизмов современные молодые люди воспринимают как «свой язык», как обычные, общеупотребительные слова, не подозревая, что они пришли из блатного языка (например, *нычка, заначка тайник, торчать«наслаждаться*). Ученикам 10 класса одной из школ г.Шебекина мы предложили заменить слово *заначка* (в заголовке газеты «Комсомольская правда») литературным синонимом. Задание вызвало у большей части школьников удивление, поскольку они считали, что *заначка* – это «нормальное слово». Таким образом, есть еще нравственная, духовная проблема, связанная с распространением жаргонизмов. Жаргон вымывает из нашей речи огромные пласты литературной лексики, обедняет речь, препятствуя интеллектуальному и творческому развитию личности: «Жаргон убивает мысль, отучает думать его рьяных поклонников», – справедливо полагает современный филолог Л.И.Скворцов [Скворцов 1996: 189].

Современный молодежный сленг (или жаргон) – структура достаточно сложная. Он включает в себя очень много подвидов (поджаргонов) – хиппи, панков, металли-

стов, рейверов, рэпперов, байкеров, компьютерщиков и др. Жаргон существовал всегда, но, на наш взгляд, никогда еще он не проникал так глубоко в литературный язык. Жаргонизмы, сленговые «словечки» стали своего рода «модой», они звучат везде, засоряя и обедняя речь современников, особенно молодежи, подростков: «Я хотел типа слинять…»; «За штуку ништяк оттопыримся…»; «Да мы чисто посмотреть…» и т.д. В наше время жаргонные слова можно услышать там, где им не может быть места: в речи политиков, государственных чиновников. Особенно много и обильно употребляются они в прессе, на телевидении, причем даже на ОРТ: «Непонятно, кто кого кинул: государство министерство или министерство государство»; «Они считают, что их разводят» (Михаил Леонтьев в программе «Однако»), канале «Культура» в передаче от 22.02.2006 г. ведущий употреблял слова «фанатеют», «серьезная разборка», в белгородской «Смене» от 4.02.2006г. читаем: «разборка», «наезд», а уж о центральных молодежных журналах и говорить не приходится. Некоторые издания как само собой разумеющееся употребляют слова *тусоваться, клёво, ошизеть, штука* (тысяча) и др. Таким образом, распространение молодежного сленга происходит в первую очередь «благодаря» СМИ. С «Откройте любой современный молодежный журнал, какой-нибудь «Молоток», и вы увидите, чем потчуют своих читателей их авторы. Заигрывая с молодежью, они иной раз выражаются «круче», чем сами подростки…», – пишет преподаватель Московского университета В.М.Касьянова [2004, с.121-122].

Причину усиления влияния жаргонов исследователи связывают с тем, что эти элементы нелитературной речи отражают сущность реальных социальных и экономических отношений. Изменение социально-политических условий, появление и развитие «теневого» частного предпринимательства, сопровождающееся борьбой за передел собственности и сфер влияния, смена в связи с этим ценностных ориентиров, проявление таких «язв» общества, как рэкет, наркомания и пр. – вот главные факторы активности подобной лексики.

Существенное влияние на молодежный жаргон оказывают сегодня английские заимствования, в частности, компьютерный сленг (*зависнуть, кликать* и др.); являясь одним из источников пополнения молодежного жаргона, в то же время сам компьютерный сленг испытывает влияние со стороны жаргонов, в результате чего «компьютерный язык» начинает выступать как новая разновидность молодежного жаргона. Так, Н.С.Валгина пишет: «Разговор о внелитературной лексике, находящейся на периферии языковой системы, можно было бы не начинать, если бы этот разговор касался только узких специалистов, но современная языковая ситуация такова, что просторечная (в том числе грубая) и жаргонная лексика вышла из ограниченной сферы употребления и активно вливается в язык современной массовой печати, звучит на телевидении и по радио…» [Валгина 2001, с.121]. Неумеренное, а главное, немотивированное использование жаргона в устной публичной речи, в письменной речи не только придает ей вульгарность, но и оказывает отрицательное влияние на языковую культуру россиян, в первую очередь молодежи. Известный современный социолингвист Л.П.Крысин отмечал в издании 70-х годов XX века «характерную особенность современного языкового развития: сфера употребления жаргонов постоянно сужается, а сфера общего для всех языка становится шире… Все аномальное, специфичное, особое стирается под влиянием литературного языка» [Крысин 1977: с.36]. Как видим, сфера употребления жаргонов не сужается, а наоборот – расширяется. И.А.Стернин говорит даже о возникновении общенационального сленга: «В стилистической системе русского языка

образуется новая функционально-стилистическая подсистема – общенациональный сленг, занимающий место между разговорной и сниженной лексикой» [Стернин, 2001, с.4], а Н.С.Валгина констатирует формирование интержаргона: «На базе совмещения лексических единиц разных языков создаются различные варианты интержаргона – молодежного, компьютерного, профессионального эстрадно-музыкального, обиходно-городского и др.» [Валгина, 2001, с.118].

В связи с вышесказанным особый интерес представляет жаргон футбольных болельщиков.

Сленг футбольных болельщиков состоит из нескольких тематических групп:

1) **наименования своего клуба, а также игроков, тренерского состава и болельщиков клуба** (*Зенитушка, зенитчик, Зеня, ЦСКАшник, Шава, Керж, Быстрый, Зыря* и т.д.);

2) **наименование городов, клубов, судей, а также игроков и болельщиков соперников** *(Ярик, кони, мясные, полосатый, крылышки, паровозы и т.д.);*

3) **наименования участников спортивного состязания** (*деф* (от англ. defender) – «защитник»), *хав* (от англ. half-back) – «полузащитник»), *кипер* (от англ. goal-keeper) – «вратарь», *страйкер* (от англ. striker) – «центральный нападающий»);

4) **лексика, характеризующая игровую ситуацию** (*пендаль* – «пенальти», *банка* - гол, *сейв* (от англ. save) – «стремительное спасение ворот вратарем», *горчичник* – «желтая карточка») и **внеигровую ситуацию** (*фаер* (от англ. fire) – «факел, петарда, зажигаемая болельщиками», *липа* – «предвзятое, неверное решение судьи», *минотавр, кентавр* – «конная полиция»);

5) **наименования, отражающие обиход, интересы и поведение болельщиков.**

Таким образом, принадлежность болельщиков к определенной субкультуре определяет главную черту их языка – его жаргонизацию.

Приведем примеры некоторых жаргонизмов футбольных болельщиков:

1. **Акция** – операция, проводимая какой-либо группировкой фанатов против другой (других).

2. **Банка** – 1. гол, 2. скамейка запасных, 3. ворота. Напр., забить банку – забить гол, сидеть на банке – сидеть на скамейке запасных, стоять на банке – играть на позиции вратаря.

3. **Выезд** – поездка фанатов в другой город/регион/страну на матч своей команды.

5. **Балабол** – телекомментатор.

6. **Гусары** – фанаты «ЦСКА» (Москва).

7. **Дерби** (английский Derby) – 1. встреча двух команд из одного города; 2. встреча двух команд, находящихся на первых строчках турнирной таблицы.

8. **Заряжать** – кричать на стадионе.

9. **Кузбас** – автобус, выделенный футбольным клубом для выезда болельщиков на гостевой матч.

10. **Ровный пацан** – уважаемый фанат.

11. **Стадик, стадио, стадо** – стадион.

12. **Татары** – фанаты ФК «Рубин» (Казань) и ФК «Таврия» (Симферополь).

13. **Утка** – 1.кресло на стадионе.2.обманная статья жёлтой прессы.

14. **Фантомас** – молодой, неопытный болельщик.

15. **Цербер** – сотрудник правоохранительных органов.

16. **Шиза** – активная поддержка команды на трибуне или беспредел.

17. **Щи** – 1) лицо; 2) фанат, человек. См.: Сложные щи (для усиления эмоциональной окраски часто пишут и говорят «щщи» (напр., «на сложных щщах»)).

Для футбольного молодежного сленга характерны следующие черты :

1) использование ограниченной группой лиц, объединенной единой целью общения (субкультура футбольных болельщиков);

2) экспресссивность, которая выражается в использовании большого количества лексических единиц с эмоционально - оценочной окраской;

3) лаконичность,

Еще одна особенность рассматриваемой речевой специфики – создание специфических фольклорных жанров (кричалок, песен), исполняемых болельщиками на стадионе.

Литература

Большой энциклопедический словарь. М., 1991.

Бондалетов В.Д. Молодежный жаргон. Что это? Словесный мусор или? // Язык и образование: Матер. III-й Всероссийской научн. конф. «Язык образования и образование языка». В. Новгород, 2003.

Борисова Е.Г. О некоторых закономерностях современного молодежного жаргона // Русский язык в школе. 1981 № 3. С. 15-18.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2001.

Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 1989.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка .М., 1998.

Словарь сленга футбольных хулиганов// URL: http://ru/wiktionary.org (дата обращениия: 1.09.2014).

Футбольные кричалки// URL: http://futkrichalki.ru (дата обращениия: 1.09.2014).

Р.А.Юсупов
Казанский федеральный университет (Казань)

СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ-СООТВЕТСТВИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ

Способы перевода слов с одного языка на другой обусловливаются особенностями лексических значений слов-соответствий разных языков в их связи с другими лексическими единицами. Существование в разных языках слов, соответствующих в основном номинативном значении, позволяет при их переводе использовать так называемые эквивалентные соответствия. Перевод в основном имеет дело с контекстуальными соответствиями, которые устанавливаются с учетом узкого и широкого контекста. Проблема учета специфических особенностей лексических средств русского и татарского языков приобретает большое значение в связи с широким развитием переводческого дела, задачами обеспечения высокой культуры речи в условиях двуязычия.

Ключевые слова: Лексическое значение, эквивалентные соответствия, контекстуальные соответствия, перевод, основное номинативное значение, переносное значение, лексическая сочетаемость, специфические особенности, оригинал.

Способы перевода слов обусловливаются особенностями лексических значений слов-соответствий разных языков в их связи с другими лексическими единицами.

Вопрос о постоянном соответствии или несоответствии слов в основном значении и эквивалентности или неэквивалентности их при переводе с одного языка на другой непосредственно связан с определением слова и его лексического значения.

Слово как основная единица языка имеет сложную, многоплановую структуру. Д.Н.Шмелев, Н.М.Шанский при характеристике слова указывают на его разные языковые признаки: фонетическую оформленность, отдельность и непроницаемость; идиоматичность и грамматическую отнесенность [Шмелев 1973 : 35-102; Шанский 1972: 9-32].

Раскрытие сущности слова создает основу для определения его грамматического и лексического значений.

Лексическое значение слова определяется двумя основными факторами. Первый – это соотнесенность слова с соответствующим понятием, в котором отражаются общие и существенные признаки предметов и явлений. Второй фактор заключается в том, что каждое слово находится в различных отношениях с другими элементами языка, отношениях, определяющих возможность его употребления для обозначения тех или иных явлений и возможность его сочетания с другими единицами лексики [Шмелев 1977: 65].

Некоторые авторы при определении лексического значения слова главным и решающим фактором считают различные связи данного слова с другими единицами лексики, то есть, по их утверждению, значение слова определяется лишь его соотношением с другими словами. Ю.Д.Апресян в этой связи пишет: «Слова отличаются друг от друга не своим собственным содержанием (оттенками значений), а значением сочетающихся с ним слов» [Апресян 1969: 91]. Такое преувеличение роли языкового фактора и, наоборот, недооценка внеязыкового фактора, т.е. предметной соотнесенности слова, при определении его значения вызывает справедливое возражение ряда ученых. Так, Н.З.Котелова подтверждает существование самостоятельного лексического значения «возможностью слова иметь значение вне контекста, регистрируемое, например, словарями, способностью одного слова образовать предложение, наличием денотативной отнесенности значения, лексико-семантической и грамматической продуктивностью слова – наличием дериватов, разнообразными парадигматическими связями в системе языка и другими его связями» [Котелова 1975: 78].

Таким образом, не отрицая то положение, что разные значения слова наиболее полно раскрываются в сочетании с другими словами, в контексте, следует отметить, что, тем не менее, каждое полнозначное (знаменательное) слово выражает самостоятельное предметно-соотнесенное значение.

М.И.Фомина, указывая на собственно семантические свойства слова, раскрывает разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотнесения с действительностью (прямое или основное, непрямое или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободное – несвободное), по характеру выполняемых функций (номинативное – экспрессивно-синонимическое) [Фомина 1978: 29]. Определение значений слова, основанное на указанных факторах, имеет большое значение для

сопоставительного изучения лексики различных языков в плане выявления их общих и специфических черт и для правильного решения вопросов перевода.

Сходные, одинаковые лексико-семантические свойства слов разных языков проявляются, прежде всего, в прямом, или основном; немотивированном, или первичном; свободном и номинативном значениях слов. И, наоборот, особенные, отличительные лексико-семантические свойства слов соотносимых языков проявляются главным образом в непрямом, или переносном; мотивированном, или вторичном; несвободном, или фразеологически связанном и синтаксически обусловленном; экспрессивно-синонимическом значениях слов.

По справедливому утверждению М.И.Фоминой, «Прямым значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и т.д.), т.е. непосредственно соотнесено с понятием или отдельными его признаками» [Фомина 1978: 29]. «Основное значение слова менее всех остальных значений обусловлено свойствами его сочетаемости, – считает Д.Н.Шмелев, – Основное значение четко и определенно обусловлено парадигматически» [Шмелев 1973: 211-214].

Значения называются свободными тогда, когда лексическая сочетаемость является относительно широкой и независимой.

Немотивированное, исходное слово, по сравнению с мотивированным, производным, также является более свободным.

Номинативные значения слов – это такие, которые используются главным образом для называния предметов, явлений, качеств, действий и т.д. «Номинативное значение слова, пишет В.В.Виноградов, – опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений»[Виноградов 1953: 12].

Все указанные типы лексических значений слова взаимообусловлены, взаимопроникают и дополняют друг друга. И не случайно основное и номинативное значение обычно называют обобщенно, как одно основное номинативное значение, под которым подразумеваются и исходное, и свободное значения.

Именно благодаря основному номинативному значению, более всех обусловленному парадигматически и менее всех синтагматически, возможно сопоставление многозначных слов разных языков, семантическая структура которых часто не совпадает. Как справедливо замечает Д.Н.Шмелев, «развитие вторичных значений у слова по образцу иноязычного может происходить лишь вследствие того, что эти слова определенным образом приравниваются друг другу – именно по их главным значениям и несмотря на различия в их семантике в целом» [Шмелев 1973: 118].

Тот факт, что слово, обладающее основным номинативным значением, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и т.д.), т.е. непосредственно соотнесено с понятием, обусловливает соответствие многих слов разных языков в их основном значении, что позволяет устанавливать различные виды соответствий при переводе с одного языка на другой в связи с другими словами.

Существование в разных языках слов, соответствующих в основном номинативном значении, дает возможность при их переводе с одного языка на другой использовать так называемые эквивалентные соответствия.

Эквивалентными принято называть постоянно соответствующие друг другу однозначные слова разных языков. По определению Л.Н.Соболева, «эквивалентом следует считать постоянное равнозначащее соответствие, которое для определенного времени и места уже не зависит от контекста» [Соболев 1952: 157].

Постоянные однозначные, то есть эквивалентные, соответствия, по сравнению с контекстуальными соответствиями, в практике перевода - явление редкое. Они возможны по отношению к терминам, профессионализмам, к обозначениям календарных понятий (названиям месяцев, дней недели), к некоторым именам родства, некоторым названиям животных, к личным местоимениям и числительным.

Перевод в основном имеет дело с контекстуальными соответствиями, которые устанавливаются с учетом узкого (одно предложение) и широкого контекста (ближайшие соседние предложения, целый абзац, глава и т.д.).

Смысл слова не автономен, он зависит как в оригинале, так и в переводе от контекста, проясняется в контексте (иногда – достаточно широком). И нередки случаи, когда одно слово оригинала передается на другом языке сочетанием двух или нескольких слов, или когда сочетание двух или нескольких знаменательных слов передается одним словом, или когда слово подлинника в переводе опускается, будучи ясным из предыдущего текста, или передается местоимением, или, наконец, когда местоимение передается полнозначным существительным.

То, что в языках лексические эквиваленты встречаются редко, обусловлено следующими факторами:

– объем словарного состава языков не одинаков;

– преобладающее большинство слов во всех языках многозначно, и объем значений слов, соответствующих друг другу по основному значению, различен Слова по этому признаку имеют национальную особенность. «Национальное своеобразие лексико-семантической системы, – пишет в этой связи Э.М.Ахунзянов, – проявляется в том, что слова, тождественные по смыслу, занимают в разных языках неравное положение, выполняют в них неодинаковые функции и, следовательно, не являются абсолютно однозначными» [Ахунзянов 1968: 37];

– слова разных языков, соответствующие между собой по определенному значению, то есть эквиваленты по выражаемому ими общему смыслу, не являются соответствиями по их фразеологической сочетаемости с другими словами.

Специфичность лексических средств языков, проявляющаяся в соотношении семантических сфер, тождественных по основному значению, обусловлена особенностями внутренних семантических отношений лексических единиц в каждом языке. Академик В.В.Виноградов писал по этому поводу, что «большая часть слов ограничена в своих связях внутренними семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений» [Виноградов 1953: 62-63]. Следовательно, хотя обычно слово имеет самостоятельное предметно соотнесенное лексическое (основное номинативное) значение, каждое его конкретное производное или переносное значение выявляется в основном лишь в сочетании с другими словами, т.е. в контексте. Это – одно из наиболее существенных положений, которое, безусловно,

необходимо учитывать при установлении соответствий между лексическими единицами разных языков и изучении их характера.

Необходимость строгого учета контекста при нахождении лексических соответствий особенно наглядно проявляется в процессе перевода. Как справедливо отмечает А.В.Федоров, «фактически перевод никогда не ограничивается выбором из числа тех элементов, которые зафиксированы в словарях (даже подробных) как соответствия определенному слову оригинала. В практике переводческой работы встречается много случаев, когда используются слова, непосредственно не предусмотренные словарем, ибо он не в силах предвидеть все конкретные сочетания, в которые попадает слово и которые чрезвычайно разнообразят его содержание» [Федоров 1968: 170].

Сказанное наглядно подтверждается примерами из переводов с русского языка на татарский. В переводах как художественной литературы, так и других видов материалов имеются такие соответствия лексических элементов обоих языков, которые на первый взгляд трудно даже предположить и которых не найдешь ни в одном словаре. Между тем они не представляют никакой переводческой ошибки, а являются результатом естественного акта установления лексико-семантических соответствий между языками с учетом широкого контекста.

Благодаря контексту становится возможным находить соответствия между некоторыми словами русского и татарского языков, определить значение которых в отдельности не представляется возможным в силу своеобразия языков. Так, исходя из контекста устанавливается в русском языке соответствие татарскому слову *хатын,* которое в зависимости от сочетания с другими словами выражает значения и *жена*, и *женщина*. Подобное наблюдается и при передаче русских слов *брат, сестра, идти* и др., конкретные значения которых раскрываются лишь в контексте.

Проблема учета специфических особенностей лексических средств русского и татарского языков приобретает большое значение в связи с широким развитием переводческого дела, задачами обеспечения высокой культуры речи в условиях двуязычия. Дело в том, что в переводах, а нередко и в оригинальных материалах допускаются языковые ошибки из-за того, что не учитываются специфические особенности соотносимых языков, а это, в конечном счете, приводит к механическому перенесению явлений одного языка в другой. Более конкретно это проявляется в следующем.

Часто при переводе значение слова языка – источника определяется без учета широкого контекста. Вследствие этого оно передается словом языка перевода, которое соответствует оригиналу лишь по основному, наиболее употребительному значению, обычно зафиксированному в двуязычных словарях. Таким образом, из нескольких значений слова оригинала в язык перевода переносится то, которое не предусмотрено контекстом. Так, например, анализ перевода *Скворцы поют с утра до вечера – Сыерчыклар иртәдән кичкә чаклы җырлыйлар* (газета) дает основание предполагать, что переводчик, зная о том, что основным, наиболее употребительным значением слова *петь* является ‘издавать голосом музыкальные звуки, исполнять вокальные произведения’, переносит это значение в язык перевода словом *җырлау*. К тому (он переносит не какое-нибудь другое, а именно это значение) побуждает его, по-видимому, тот факт, что в практике русско-татарской языковой трансформации

гораздо большее место имеет лексическая параллель именно в этом значении, чем в другом, и следовательно, при встрече со словом *петь* у переводчика возникает ассоциация, прежде всего, связанная с данным значением. При этом он или не обращает внимания на элементы, сочетающиеся с данным словом, или , если и обращает, то не вникает в смысл того, что *петь* означает ‘издавать голосом музыкальные звуки’ лишь в сочетании со словами, выражающими значение ‘люди’, а в словосочетании со словами, обозначающими птиц, означает лишь ‘издавать звуки певчими и некоторыми другими птицами’, что выражается в татарском языке словом из другой семантической сферы. Таким образом, вследствие незнания переводчиком закономерностей в соотношении слов различных языков в татарский язык ошибочно переносится такая особенность русского языка, которая заключается в том, что одним и тем же лексическим средством (словом *петь*) выражаются два значения ‘*поет человек, поет птица*’, тогда как татарский язык для выражения данных значений располагает разными словами (*җырлау и сайрау).*

Часто неправильно передается значение слова *действие.* Например: *Коварные действия Рудольфа. – Рудольфның мәкерле хәрәкәтләре.* Слово *хәрәкәт* в этом переводе не соответсвует слову *действие* потому, что данное слово в оригинале в сочетании со словом, означающим человека, выражает значение ‘поступок, поведение’, что следует в татарском языке передавать словом *эш* ‘дело’; использованное же в переводе слово *хәрәкәт* означает проявление, причем больше всего бессознательное, проявление какой-нибудь энергии (обычно это слово употребляется в значении движения физических тел, органов человеческого тела, насекомых, бактерий и т.д.).

Перечень подобных ошибок можно было бы продолжить. Однако из анализа даже этих примеров можно заключить, что при установлении словесных соответствий в переводе необходимо исходить из контекстуальных значений слов оригинала, строго учитывая при этом специфические особенности как слов языка-источника, так и языка перевода. Лишь при успешном выполнении данного условия можно обеспечить правильную передачу значения оригинала и предупреждение и устранение всевозможных смысловых и стилистических ошибок.

Литература

Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы// Вопросы языкознания. 1969.№4. С.75-91.

Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова// Вопросы языкознания.1953. №5.С.3-29.

Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. М.,1975.

Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.,1968.

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1978.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд.2-е. М., 1972.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики(на материале русского языка). М., 1973.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

З.Ф.Юсупова
Казанский федеральный университет (Казань)

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Э.М. АХУНЗЯНОВА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

Статья освещает лингвометодические взгляды известного ученого Казанской лингвистической школы XX века Энвера Махмудовича Ахунзянова, который, наряду с вопросами общего языкознания, сопоставительно-типологического изучения разноструктурных языков, контрастивной лингвистики, двуязычия, активно исследовал проблемы методического осмысления явлений трансференции и интерференции, учета особенностей системы родного языка учащихся при изучении русского языка как неродного.

Ключевые слова: лингвометодические взгляды, Э.М. Ахунзянов, русский язык как неродной, трансференция, интерференция.

Научное наследие видного ученого-лингвиста Энвера Махмудовича Ахунзянова актуально для современных исследователей, поскольку оно ориентировано на решение значимых проблем лингвистики, на реализацию постулатов Казанской лингвистической школы. О лингвистическом наследии ученого, о его вкладе в развитие отечественного языкознания, контрастивной лингвистики, сопоставительно-типологического изучения разноструктурных языков в разные годы писали коллеги и его ученики (см.: Ганиев 1984; Закиев 1987; Закирьянов 2008; Андрамонова 2009; Фатхутдинова 2003; Хабибуллина 2009 и др.). Как отмечает Н.А. Андрамонова, «Э.М. Ахунзянов занимался разработкой проблем общего языкознания, им обоснована концепция исследования смыслового строя языка на примере русского и татарского, установлено взаимодействие лексического и грамматического уровней, многоаспектно представлена семантическая структура слова в его взаимодействии с этносом и культурой, осуществлена педагогизация лингвистической теории применительно к русскому языку как неродному» [Андрамонова 2009: 4].

Научные исследования ученого сохраняют свою актуальность и значимость для развития теории современного языкознания и сопоставительно-типологического изучения разноструктурных языков. Об этом свидетельствуют материалы I Ахунзяновских чтений, которые прошли в 2009 году и были приурочены 95-летию со дня рождения ученого [Ахунзяновские 2009].

Наряду с лингвистическими вопросами, ученый активно исследовал проблемы методического осмысления явлений трансференции и интерференции, учета особенностей системы родного языка учащихся при изучении русского языка как неродного. Лингвометодические рекомендации и замечания ученого находим в работах: «Двуязычие и лексико-семантическая интерференция» (1978); «Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков» (1987); «Об изучении русских префиксальных глаголов в тюркоязычной школе» (1984) в соавторстве с

В.Г.Фатхутдиновой и др. В частности, в книге «Двуязычие и лексико-семантическая интерференция» Э.М. Ахунзянов отмечал, что исследование отрицательного влияния навыков родного языка в процессе формирования новых навыков помогает понять природу многих орфоэпических, грамматических и особенно лексико-семантических ошибок и имеет чрезвычайно важное значение при разработке методических основ обучения русскому языку в национальной школе и вузах. Ученый подчеркивал важность понимания того, что изучение второго языка, особенно на начальном этапе, всегда происходит с оглядкой на родной язык. Говорящий дословно переводит с родного языка на изучаемый, а не создает самостоятельных сочетаний слов и предложений по нормам изучаемого языка. Создается так называемый смешанный план речи. На более высокой ступени овладения чужим языком смешанный план вытесняется двуплановой речью, в которой формы родного языка уже не влияют на смешение единиц по правилам и нормам изучаемого языка. Таким образом, человек, изучающий другой язык, как бы выходит из круга своего языка и входит в новый круг и приобретает новую точку зрения, отличную от прежних способов выражения мысли на родном языке [Ахунзянов 1978: 161-162].

В данной работе автор приводит вопросник для сбора материала по лексико-семантической и грамматической трансференции в русской речи учащихся-татар. Знакомство с вопросником поможет студентам получить представление о том, какие ошибки являются наиболее типичными и встречаются в речи учащихся тюркоязычной аудитории. Например: «Наблюдаются ли ошибки в речи учащихся-татар, обусловленные несовпадением значений слов русского и татарского языков: 1. Ошибки, связанные с многозначностью татарских глаголов. Например, глагол *уку* в татарском языке обозначает *читать книгу* и *учиться в школе*, поэтому могут возникнуть следующие ошибки: *Я читаю в школе*, вместо *Я учусь в школе.* [Ахунзянов 1978: 170]; Ошибки, вызванные неразличением значений русских прилагательных *горячий – жаркий*: *В прошлом году май был горячий (вместо жаркий). Суп очень жаркий (вместо горячий) и др.* [Ахунзянов 1978: 172].

Исследования ученого явились практическим воплощением нового подхода к сопоставительному исследованию грамматического строя разносистемных языков - контрастивной лингвистики. Как отмечал Э.М. Ахунзянов, «помимо всеобщих универсалий в сопоставляемых языках выявляются признаки и закономерности специфические, отличающие их друг от друга» [Ахунзянов 1987].

В работе «Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков» (1987) при сопоставлении исследуемых языков ученый особое внимание обратил на их несходные, контрастные черты, которые являются одной из причин, затрудняющих изучение русского языка в нерусской аудитории. На богатом иллюстративном материале ученый показывает ярко выраженные различия в морфологической системе русского и татарского языков, а также других тюркских языков. Контрастивному анализу подвергаются имена существительные, прилагательные, глаголы и их морфологические категории. При этом ученый делает очень важные методические выводы относительно специфики изучения категории рода, числа и

падежной системы русского языка, склонения имен существительных, видо- временных форм глаголов, Следует отметить, что многие рекомендации ученого реализованы в методике обучения русскому языку как неродному [Шакирова 2003; Саяхова 2009; Юсупова 2012 и др.].

Изучение лингвометодических взглядов Э.М. Ахунзянова позволяет говорить о том, что ученый активно интересовался решением вопросов педагогизации лингвистической теории относительно преподавания русского языка как неродного.

Литература

Андрамонова Н.А. Профессор Э.М.Ахунзянов и актуальные проблемы современной лингвистики // I Ахунзяновские чтения 2009: сборник научных и научно-методических статей международной конференции; науч. ред. Э.Х. Хабибуллина. Казань, 2009. С. 3-5.

Ахунзяновские чтения 2009: сборник научных и научно-методических статей международной конференции; науч. ред. Э.Х. Хабибуллина. Казань, 2009.

Ахунзянов Э.М. Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков. Казань, 1987.

Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978.

Ахунзянов Э.М., Фатхутдинова В.Г. Об изучении русских префиксальных глаголов в тюркоязычной школе // Русский язык в национальной школе. 1984. № 5. С.22-25.

Ганиев Ф.А. Энвер Махмутович Ахунзянов // Советская тюркология. 1989. № 4. С. 122-123.

Закиев М.З. Э.М. Ахунзянов // Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков. Казань, 1987. – С.3-5.

Саяхова Л.Г. Методология и методическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка. Уфа, 2010.

Фатхутдинова В.Г. Энвер Махмудович Ахунзянов, 1914 – 1986. Казань, 2003.

Фатхутдинова В.Г. Ахунзянов Энвер Махмудович // Казанская лингвистическая школа: Кн. первая: Казанская тюрксакая лингвистическая школа / сост. М.З.Закиев. Казань, 2008.

Хабибуллина Э.Х. Лингвистическое наследие Э.М.ААхунзянова // I Ахунзяновские чтения 2009: сборник научных и научно-методических статей международной конференции; науч. ред. Э.Х. Хабибуллина. Казань, 2009. С. 6-8.

Шакирова Л.З. Сабаткоев Р.Б. Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ) . СПб.; Казань, 2003.

Юсупова З.Ф. К вопросу о становлении и развитии принципа учета особенностей родного языка учащихся при обучении русскому языку как неродному // Русский язык в национальной школе. 2012. № 4. С. 8-13.

З.Ф.Юсупова
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ УЧЕБНИКОВ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[1]

Статья посвящена исследованию теории и практики разработки национально-ориентированных учебников и учебных пособий по русскому языку как неродному в Республике Татарстан с точки зрения реализации лингвометодического и лингвокультурологического аспектов, выявлению преемственности между разными поколениями учебников, что имеет большое значение для дальнейшего совершенствования учебно-методического комплекса по русскому языку.

Ключевые слова: русский язык как неродной, учебники, учебные пособия, лингвометодический и лингвокультурологический аспекты, Республика Татарстан.

Развитие методической мысли в области преподавания русского языка как неродного способствует совершенствованию учебно-методических комплексов, позволяет учитывать положительный опыт прошлого и наметить перспективы на будущее. Научно-методическое исследование теории и практики разработки национально-ориентированных учебников и учебных пособий русского языка как неродного в Республике Татарстан с точки зрения реализации лингвометодического и лингвокультурологического аспектов, выявление преемственности между разными поколениями учебников имеют огромное значение для дальнейшего развития лингвометодики, совершенствования преподавания русского языка.

Проблема рационального учебника русского языка особенно актуальна в современных условиях обучения русскому языку в условиях полиэтнической и поликультурной среды. К учебникам русского языка всегда предъявлялись высокие требования, поскольку речь идет об изучении государственного языка. В связи с этим особый интерес представляют учебники и учебные пособия разных лет, выявление их лингвистических, лингвометодических особенностей.

С развитием лингвокультурологии становится актуальным изучение русского языка во взаимосвязи с культурой. Как известно, учебник как основное средство обучения становится ведущим транслятором культуры при обучении русскому языку как неродному. В связи с этим нами были проанализированы учебники и учебные пособия по русскому языку для национальной (татарской) школы, авторами и соавторами которых в разные годы являлись К. Насыри, В.В. Радлов, Р.С. Газизов, М.Х. Курбангалиев,

[1] Исследование поддержано грантом Министерства образрования и науки РТ для ученых и преподавателей, осуществляющих научно-педагогическую деятельность по программам высшего и среднего профессионального образования в области русского языка и литературы (2014г.)

Н.К. Дмитриев, В.М. Чистяков, Н.З. Бакеева, И.И. Назаров, Е.А. Быстрова, Л.З. Шакирова, А.Ш. Асадуллин, М.Ш. Субаева, Р.Б. Гарифуллина, Г.А. Жданова, Н.Х. Хасанов, Л.К. Байрамова, Р.А. Юналеева, Н.А. Андрамонова, Н.Н. Фаттахова, Г.К. Хамзина, Ф.Ю. Ахмадуллина, Л.Д. Умарова, Ф.С. Камалова, Т.О. Скиргайло, Г.Х. Ахбарова, В.Ф. Габдулхаков, Г.А. Хайрутдинова, Р.Ю. Закирова, Л.С. Андреева и др.

Несомненно, изучение теории и практики разработки национально-ориентированных учебников русского языка как неродного внесет существенный вклад в дальнейшее совершенствование учебно-методических комплексов и электронных средств обучения в Республике Татарстан.

Лингвометодические взгляды ученых Казанской лингвистической школы В.В. Радлова, В.А. Богородицкого и работы представителей Казанской лингвометодической школы: М.Курбангалиева, Р.С.Газизова, Л.З.Шакировой, А.Ш.Асадуллина, М.Ш.Субаевой, Г.А.Ждановой, Р.Б.Гарифуллиной, Н.М.Хасанова и др.; исследования по вопросам билингвизма и полилингвизма (М.З.Закиев, З.М.Ахунзянов, Ю.Д.Дешериев, К.З.Закирьянов, И.Ф.Протченко, Ф.П.Филин и др.), а также материалы, посвященные сопоставительно-типологическому изучению сходств и различий в русском и татарском языках (М.З.Закиев, А.А.Аминова, Л.К.Байрамова, Э.Р.Тенишев, Д.Г.Тумашева, Н.Х.Шарыпова, Р.А.Юналеева, Р.А.Юсупов, Ф.С.Сафиуллина, Э.М.Ахунзянов, З.М.Валиуллина, К.Р.Галиуллин, Ф.А.Ганиев, Ф.Г.Гарипова, З.З.Гатиатуллина, К.З.Зиннатуллина, Р.Р.Замалетдинов, Н.Н.Фаттахова, В.Г.Фатхутдинова, А.Г.Садыкова, Д.А.Салимова, А.Ф.Гайнутдинова, Г.Ф.Замалетдинова и др..), сыграли огромную роль в повышении теоретических основ учебников русского языка как неродного.

Проблема теории и практики разработки учебников русского языка всегда была предметом обсуждения исследователей, поскольку от научно-методического уровня учебника зависит состояние и содержание обучения, формирование языковых, лингвистических, коммуникативных и культуроведческих компетениций. Требования к учебнику русского языка XX1 века во многом зависят от современного состояния методики преподавания как науки, внедрения нового поколения ФГОС, активного применения интерактивных форм обучения, современных информационных технологий.

Представители Казанской лингвометодической школы имеют большой многолетний опыт в области разработки учебников русского языка как неродного. Первые опыты составления учебников русского языка в Татарстане относятся еще к XIX веку (Н.И.Ильминский, В.В.Радлов, К.Насыри, М.Иманаев и др.). Анализ учебников данного периода (грамматик, которые выполняли функцию учебников) показал, что их содержание, методические установки в них менялись в зависимости от целей и задач обучения русскому языку. В учебниках авторы в основном представили теоретический материал. При этом делались первые попытки учета особенностей родного языка учащихся при обучении русскому языку татар. Например, В.В.Радлов в описании фактов русского языка исходил из специфических особенностей русского и родного языка обучающихся. Так, описывая фонетическую систему тюркских языков, он гласные и согласные сопоставлял со сходными звуками некоторых индоевропейских языков, в том числе с русским. Принципиально важным для каждого преподавателя – русиста В.В.Радлов считал знание им родного языка учащихся. Как педагог, который более 10 лет преподавал языки, В.В.Радлов хорошо понимал и знал, что грамматика чужого

языка должна быть составлена иначе, чем грамматика языка родного [Радлов 1873]. Каюм Насыри в своей грамматике выделил те вопросы, которые сложны для усвоения татарами: грамматические категории рода, одушевленности и неодушевленности в именах существительных, употребление в речи существительных, имеющих только форму множественного числа (часы, сани, дрова и др.), изменение окончания при склонении русских существительных, употребление родительного падежа при глаголах с отрицанием и при числительных, согласование прилагательных с существительными и ряд других вопросов [Насыри 1883].

Для дальнейшего развития методики преподавания русского языка как неродного и разработки учебников огромную роль сыграла деятельность ученых Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Богородицкий, В.В. Радлов и др.). Образцом научного обоснования методики обучения русскому языку как неродному до сих пор является разработанная В.А.Богородицким система обучения русской фонетике в татарской школе, базирующаяся на данных сопоставительного анализа звуковой системы русского с татарским языком, полученным в результате экспериментальных исследований. Именно В.А. Богородицкий впервые дал научное обоснование принципа учета особенностей грамматической системы родного языка учащихся при обучении русскому языку, которое нашло воплощение и дальнейшее развитие в учебниках русского языка, созданных в начале XX века [Богородицкий 1951].

Постепенное повышение качества учебников стало результатом внедрения в практику ряда вышедших в тот период методических пособий по обучению русскому языку нерусских (И.С. Михеев, Н.А. Бобровников и др.)

В 20-30-е годы XX века проводилась большая работа по совершенствованию программ и учебников русского языка для национальных школ. В это время активными разработчиками букварей, учебников русского языка для татар стали М.Х. Курбангалиев, Р.С. Газизов, В.М. Юницкая, В.П. Брюханов, В.А. Никаноров, П. Каминский и др. Учебники данного периода по своему содержанию и методическим установкам выгодно отличались от предшествующих. В учебниках большое внимание обращалось практической направленности обучения русскому языку. Авторы стремились установить систему как в подаче материала, так и в закреплении знаний и выработке практических навыков.

В 50-60-е годы были обновлены программы по русскому языку для татарских школ, составленные на основе единых нормативных программ, созданных Институтом национальных школ Академии педагогических наук. С появлением новых программ авторы учебников много внимания стали обращать на использование родного языка как методического средства, на более тщательный подбор упражнений по трудным для усвоения темам (Л.З. Шакирова, А.Ш. Асадуллин, М.Ш. Субаева, Н.М. Хасанов, С.С. Филлипов, К.Б. Ишемгулова, Р.Б. Гарифьянова, Г.А. Жданова и др.). Как известно, учет особенностей родного языка при обучении русскому языку опирается на результаты сопоставительно-типологического анализа, что позволяет предупредить интерферирующее воздействие родного языка и использовать его положительное влияние, то есть транспозицию. Знание особенностей русского языка в сопоставлении с родным языком позволяет авторам учебников, учителям правильно определить, на какие факты

следует обратить особое внимание, где можно опираться на аналогичные явления родного языка, в какой последовательности расположить материал для изучения, какую систему упражнений предусмотреть. Н.К.Дмитриев и В.М.Чистяков в «Очерках по методике преподавания русского языка в татарской школе» разработали методически оправданную систему усвоения наиболее трудных для татар категорий грамматического рода, предлогов и наречий русского языка. В своих методических выводах и рекомендациях авторы исходят из сопоставительного анализа грамматического строя двух языков и указывают конкретные приемы усвоения трудных для татар языковых фактов, основанных на осознании лексико-синтаксической стороны данных грамматических явлений в сопоставляемых языках. При этом авторы отмечают, что сначала необходимо дать «сравнительную характеристику родного и русского языков в чисто лингвистическом плане, а затем перейти к решению конкретных методических задач по каждому моменту структурного различия обоих языков» [Дмитриев 2009: 46].

В 70-80-е годы для дальнейшего совершенствования учебников русского языка для татарской школы огромную роль сыграли монографические исследования, посвященные актуальным проблемам методики обучения русскому языку как неродному (Н.З. Бакеева, Л.З. Шакирова, Р.Б. Гарифьянова, Г.А. Жданова, В.Ф. Габдулхаков, Ф.Ю. Ахмадуллина, Х.Г. Агишев, А.А. Михеева, Ф.С. Камалова, М.К. Бакеева и др.). В эти годы совершенствуются лингвистические и методические основы учебников и учебных пособий по русскому языку для татарской школы. В связи с тем что русский язык как предмет преподавания – область научно-педагогическая, она не может быть синонимична описательной лингвистике. Поэтому в задачу лингвометодистов, авторов программ и учебников, входит тонкая и умелая переработка лингвистической системы в педагогическую. Методист в области преподавания русского языка как неродного одновременно должен быть квалифицированным лингвистом, прежде всего в пределах тех лингвистических областей, которые имеют непосредственное отношение к преподаваемым в школе предметам – родному и русскому языкам. Повышению научно-методического обеспечения содержания обучения русскому языку как неродному способствует утвердившееся содружество методистов с лингвистами, которые являются авторами и соавторами учебников и учебных пособий по русскому языку для татарской школы (Н.А. Андрамонова, Г.К. Хамзина, Н.Н. Фаттахова, Л.Д. Умарова, Г.А. Хайрутдинова, Л.С. Андреева)

С 90-х годов в Татарстане коллективом лингвистов и методистов проводится большая работа по дальнейшей разработке учебно-методических комплексов по русскому языку, обновляются авторские коллективы. Учебно-методические комплексы по русскому языку как неродному, разработанные под руководством Л.З.Шакировой, отличаются высоким теоретическим уровнем, расширением лингвистического кругозора благодаря углубленной подаче знаний об основах науки лингвистики, о сопоставлении разносистемных языков, о проблемах текста. Языковой материал в учебниках, кроме описательно-классификационного, подается с учетом функциональных признаков изучаемых явлений. Обучение русскому языку как неродному базируется не только на таких лингвистических принципах, как системность в сочетании с комплексностью, предполагающая взаимосвязь всех уровней языка; функционально-семантический

принцип, воплощающий в себе отношения языка и речи, но и на принцип учета особенностей родного языка учащихся, опирающийся на данные сопоставительно-типологического анализа русского и родного языка учащихся. [Шакирова 2008]. По мнению Л.З. Шакировой, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно-речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов» [Шакирова, Андрамонова 2003: 3] Таким образом, концепция диалога культур выступает в качестве основы взаимосвязанного изучения русского и родных языков не просто как усвоение речевых знаний, умений и навыков, но и как диалога стоящих за ними культур.

Диалог языков и культур в учебниках и учебных пособиях по русскому языку осуществляется при изучении разных разделов курса русского языка.

В учебниках и учебных пособиях по русскому языку трансляция культуры в первую очередь происходит через текстовой фонд. Текстовая организация учебного материала позволила авторам заложить в школьный курс русского языка идею взаимосвязанного изучения русского и родного языков и культур. В учебнике русского языка для 5 класса, концептуальным разработчиком и автором которого является Л.З.Шакирова, приобщение к русской культуре, к русской картине мира предусмотрено в первую очередь через тексты – отрывки из лучших образцов художественных произведений русских писателей и поэтов А.С.Пушкина, Н.Некрасова, Л.Толстого, А.Куприна, М.Пришвина, С.Есенина, К.Паустовского, Г.Скребицкого, В.Пескова и др. В отрывках представлены близкие и понятные пятиклассникам ключевые понятия: большая и малая родина, хлеб, труд, родной дом, семья, здоровье, мужество, книга, знания, дружба, береза и др. Тексты знакомят учащихся с жизнью великих деятелей русской, родной и мировой культуры: например, тексты о П.И.Чайковском, Д.Кабалевском, Иоганне Штраусе, С.Сайдашеве, Н.Жиганове, И. Левитане, Баки Урманче, А.С.Пушкине, М.Джалиле, Г.Тукае и др. Предтекстовые и послетекстовые задания направлены не только на изучение грамматической темы, но и на организацию беседы.

В учебнике дидактический материал подобран в соответствии с лексическими темами: «Самая большая ценность народа в его языке», «Хорошая речь слаще меда», «Как хорош этот лес поздней осенью!», «Хлеб всему голова», «Нет счастья вне Родины» и др. По мнению учителей-практиков, тематически подобранный материал позволяет более эффективно организовать на уроках русского языка работу по обогащению словарного запаса учащихся [Шакирова 2009].

Достойное место в учебниках русского языка занимают жанры устного народного творчества: загадки, пословицы и поговорки.

Таким образом, теория и практика разработки национально-ориентированных учебников и учебных пособий по русскому языку как неродному в условиях обновления системы российского образования ориентируется как на сложившиеся традиции в процессе обучения, так и на лингвистические, этнолингвистические, психолингвистические, лингвометодические изыскания последних десятилетий XX века. Обновление методики преподавания русского языка обусловлено такими переменами, как внедре-

ние в практику новых стандартов, уточнение и совершенствование содержания языкового образования, поликультурное языковое пространство, новые аспекты и технологии обучения, оценка качества. Учебно-методические комплексы по русскому языку, разработанные за последние десять лет, отличаются реализацией компетентностного подхода к формированию языковой личности, тонко продуманной текстовой основой, представляющей духовные ценности и нравственно-этические нормы жизни, проникнуты идеей диалога языков и культур.

Литература

Богородицкий В.А. О преподавании русской грамматики в татарской школе. Казань, 1951.

Дмитриев Н.К., Чистяков В.М. Очерки по методике преподавания русского языка в татарской школе // Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе. М., Л., 1948. С. 3-114

Насыри К. Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики. Казань, 1891.

Радлов В.В. Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России: Этимология. Казань,1873. Ч.1.

Саяхова Л.Г. Методология и методическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка. Уфа, 2010.

Шакирова Л.З. Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ) / Л.З. Шакирова, Р.Б. Сабаткоев. СПб.; Казань, 2003.

Шакирова Л.З. Педагогическая лингвистика: концепции и технологии. Казань,. 2008.

Шакирова Л.З., Андрамонова Н.А. Этнокультурный компонент в учебно-методической литературе по русскому языку как неродному // Известия академии педагогических и социальных наук. Вып. VII. М.: Воронеж, 2003. С. 55-57.

Шакирова Л.З. Русский язык: Учебник для 5 класса татарской средней общеобразовательной школы. 5-е изд., перераб. Казань, 2009.

Юсупова З.Ф. К вопросу о становлении и развитии принципа учета особенностей родного языка учащихся при обучении русскому языку как неродному // Русский язык в национальной школе. 2012. № 4. – С. 8-13.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдрахманова А.А. Квантификация ситуаций информирования и восприятия (на материале татарского и английского языков) 3
Абдрахманова А.А., Шакурова М.М. Особенности использования абстрактной лексики в творчестве Ф.Амирхана и Мухтара Ауэзова 6
Агапова Е.С. Репрезентация темпоральности в повести В.Аксенова «Золотая наша железка» 9
Агзамова Д.Р., Байрамова Л.К. Категория красоты в русских и татарских пословицах и поговорках: аксиологический аспект 14
Айдарова А.М. Разноуровневые средства обозначения поведения человека как элементы функционально-семантического поля (на материале русского, английского и татарского языков) 16
Акчурина Н.И. Семантическое поле «свет»/ «светское общество» в языке произведений Л.Н. Толстого и их переводах на татарский язык 20
Алефиренко Н.Ф. Сопоставительная лингвокогнитивистика: проблемы становления 24
Балалыкина Э.А., Ерофеева И.В. Взаимодействие прилагательных с суффиксами -n- и -ov- в славянских языках 31
Башкирова К.А. Фразеологизация с позиции когнитивного подхода в русском и английском языках 35
Борисова Л.В. Сопоставительный лингвокультурологический анализ русских и чувашских архетипических и стереотипных представлений о ветре 39
Вагнер К.Р. Сопоставительная характеристика лексико-семантической группы слов, называющих животных, в русских и английских народных приметах 42
Габдуллина Г.Р. Функциональная характеристика сложносочиненного предложения на русском и татарском языках 45
Гайсина Р.М. Концептуальность вузовской дисциплины «Современный русский язык» . 50
Галимуллин Ф.Г. Духовный мир народов в условиях глобализации 55
Галимуллина А.Ф., Мухаметшина Р.Ф. Специфика перевода на русский язык татарских волшебных сказок 58
Галимуллина Р.И. Коммуникативно-прагматический подход к изучению паремиологических единиц с компонентом- зоонимом в английском и русском языках ... 61
Галиуллина Г.Р. Тюркские антропонимы в писцовых книгах Казанского уезда XVII века 63
Галиуллина Р.Г., Мустафина Н.К. Двуязычие и межкультурная коммуникация 66
Гараева Л.М. Инвектива профессиональной коммуникации 67
Гарипова А.А. Лексико-фразеологическое калькирование с русского языка на татарский в историческом аспекте (период с XVIII в. до начала XX в.) 73
Гарипова А.Н. Развитие межкультурных компетенций у студентов в процессе изучения иностранного языка 77

Гафиятова Э.В. Социоконсолидирующая перлокуция инвективы в институциональном дискурсе 81
Гильмутдинова А.Р. Синонимичные темпоральные конструкции с семой «Одновременность» в английском и турецком языках 85
Гималтдинов Т.А. Языковые особенности вербального текста в продакт-плейсменте ... 90
Голикова В.И. Полилингвиальное образование в многонациональном государстве: опыт Казахстана 93
Грязнова В.М., Мустапаева А.Д. Языковая игра в русской речи чеченцев-билингвов на форумах Интернет-сети 98
Гурьянов И.О. Использование статистических программ при исследовании фразеологических единиц книжного стиля в русском и английском языках 103
Гэн Цзе Бинарная оппозиция как способ организации фольклорного текста 107
Давлетбаева Д.Н. Асимметрия формы и значения фразеологических единиц в русском и английском языках 111
Десятниченко А.А. Образы цветов в любовной лирике поэтесс Ли Цинчжао и Си Мужун 114
Довбня Л.Э. Семантико-трансформационные изменения праславянских обозначений животных из списка М.Сводеша в русском и украинском языках 117
Егорова Е.Ю. Семантика и словообразование глаголов русского языка в сопоставлении с польскими эквивалентами 121
Зайдинова А.Т. Двуязычие как социальная потребность современного общества 125
Закирова Р.Ю. К вопросу о способах формообразования: сопоставительно-типологический аспект (на материале русского и татарского языков) 127
Зарипова И.Ф. Обстоятельственные детерминанты, формирующие неэлементарные компоненты семантической структуры в татарском и русском языках 131
Ибрагимов Т.И., Сайхунов М.Р. Письменный корпус татарского языка с озвучением визуализированных предложений как инструмент лингвистических исследований 134
Каюмова Д.Ф. Языковое воплощение концепта «труд» во фразеологизмах-зоонимах английского и татарского языков 137
Киямова М.Ф. Падежное управление предлога между/меж в языке А.С.Пушкина .. 141
Колесникова И.Е. Сопоставительная идеографическая характеристика фразеологической микросистемы со значением сварливости (на материале украинского, английского и крымскотатарского языков) 146
Колосова Е.И., Кашарин М.Ю. Функционирование прецедентных имен в статьях российских политиков 150
Колосова Е.И., Миниханова К.М. Приемы передачи реалий в художественном тексте (сопоставление переводов повести бр. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» на польский и украинский языки) 153
Колпакова Г.В. Дистинктивная синонимия в сопоставительных исследованиях 158

Кормильцева А.Л. Гендерно-маркированные фразеологизмы, обозначающие женский интеллект, в русском и английском языках 162
Корнеева Т.А., Стеблинская И.Н. Обогащение словарного запаса учащихся при изучении художественного произведения 166
Кудрявцева Е.Л. Реализация преемственности билингвального образования в поликультурной среде (содержательная и пространственная мобильность ДОО – школа – вуз) 173
Кулькова М.А. К вопросу о содержательной структуре народных примет (на материале русского и немецкого языков) 182
Левушкин Т.Н., Байрамова Л.К. «Пищевой» код во французских и русских фразеологизмах 185
Ли Цинцзе Бессоюзные сложные предложения в русском языке: история изучения 189
Лукманова Р.Р. Адекватность перевода с английского языка на русский (семантический аспект): к вопросу о передаче культурологически маркированной лексики 193
Лутфуллина Г.Ф. Дейктичность перцептивного пространства 197
Макарова И.А. О функционировании морфологических единиц в рекламных текстах 201
Матевосян М.К. Синтаксический параллелизм в поэзии М.Цветаевой 204
Мингазова Н.Г., Закиров Р.Р. Сопоставительная характеристика категории залога в разноструктурны языках (на материале татарского и арабского языков). 207
Морозова А.А., Мардиева Л.А. Паралингвистические особенности письменной Интернет-коммуникации (на материале социальной сети ВКонтакте) 212
Москалева Л.А., Шахматова Т.С. Voyage en russe: методика обучения русскому языку как иностранному в форме романа-игры 217
Мубаракшина А.М. Языковая вербализация смысловых оппозиций нравственного характера в современном художественном тексте (на материале романов Сергея Минаева) 221
Муллаева Е.А., Фатхутдинова В.Г. Речевая агрессия в публицистическом дискурсе (на материале региональной прессы Республики Татарстан) 225
Мухаметзянова Л.Р. К вопросу об этимологии лексем ‘дөнья’, ‘мир’ ‘world’ в татарском русском и английском языках 229
Мухарлямова Г.Н. Особенности нарушений письменной речи у школьников-билингвов среднего звена 231
Набиуллина А.Н. Жанрово-стилистические особенности комического (на материале произведений Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Ф.Амирхана, Г.Исхаки) 235
Намдакова А.А. Особенности проявления просодической интерференции в контексте овладения английским языком в многоязычной аудитории 240
Насибуллина Л.М. Повышение качества обучения при сопоставительном изучении русской и татарской филологии (на примере изучения темы «глагол 244
Никифорова С.П., Фатхутдинова В.Г. Проблема интеграции функциональных стилей современного русского языка 247

Новак М.О. Древнеславянский перевод Апостола: семантика императива……..250
Нуруллина Г.М. Психолингвистический анализ текста художественного стиля (на примере отрывка из рассказа В.Токаревой «Телохранитель»).....254
Пентковская Т.В., Уржа А.В. Вербализация метатекстовых смыслов в ранних и современных русских переводах.....257
Пестова А.А. PR – текста в сфере физической культуры и спорта.....263
Пильгун М.А. Проблемы мультикультурализма и межкультурный диалог: Россия и Испания.....266
Планкина Р.М. Культурные особенности концептуальной оппозиции «свой-чужой» в русском и татарском языках.....271
Рахимова Д.И. Особенности перевода лексемы игра с русского языка на английский в романе В.В.Набокова «Защита Лужина».....274
Садриева К.Э. Колоративы как средство словесного изображения пейзажа в художественной прозе И.А. Бунина и А.И. Куприна.....277
Садыкова А.Г. Метафорически переосмысленная лексика концептуальной сферы «Эмоции человека» в английском и русском языках.....281
Садыкова А.Г., Закирова Л.Р. Функционально-экспрессивные особенности спортивных рекламных слоганов в английском и русском языках.....284
Салихова З.Ж. Синтаксические трансформации в «Тапшырылмаган хатлар» А.Кутуя и его переводе на русский язык.....289
Сангова Е.М. Концепт «Любовь» как элемент русской ментальности.....292
Сафиуллина А.Ш. Функционирование имен числительных в современной русской речи.....295
Сафонова С.Г. Образная, понятийная и оценочная составляющие концепта «Богатство» в романе Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома».....301
Сафонова С.С. Фразеомодели русского языка: лингвопрагматический аспект.....305
Саямова В.И., Олешко Т.В. Некоторые инновационные технологии в обучении иностранных учащихся русскому языку на предвузовском этапе.....309
Семушина Е.Ю. Особенности передачи окказионального расширения фразеологических единиц английского языка на русский язык.....313
Серебряная И.Б. Оценки заимствований в русской критике 1-й половины XIX века.....317
Субботина Н.С. Лексико-семантическая группа прилагательных осязательного восприятия в русском и английском языках.....320
Сыркина Е.В. Использование древнерусских текстов для формирования духовной культуры на уроках русского языка, литературы и во внеурочной деятельности.....323
Тарасов А.М. Прилагательные белый и черный в народных приметах русского и татарского языков.....326
Тарасова А.Н. Эмотивно-экспрессивные приемы как признак нерегламентированной пунктуации сетевого текста (на материале татарского, русского и английского языков)...329

Тарасова Ф.Х., Яковенко Г.Б. Лексические средства передачи чувства тревоги в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» 333
Товкайло Т.И. Позиция конечного форманта -ик и его производных относительно словесного ударения в современном украинском языке.....337
Туганова С.В. Семантика пространственных предлогов в суеверных приметах русского и английского языков 341
Устюжанина М.С. Структура семантического поля глаголов восприятия в русском и английском языках.....346
Фазлыева З.Х. К вопросу о лакунарности фразеологических единиц (на примере английского и турецкого языков).....348
Фаттахова Н.Н. Лексико-семантическая группа земля в русских народных приметах.....351
Федорова Н.И., Гэн Цзе К вопросу о симметричности репрезентации концепта неба в русской и китайской языковой картинах мира (на базе ассоциативного эксперимента) ..355
Фирсова Н.С. Общие тенденции трансформации лексики в русской сказке «Каша из топора» и татарской сказке «Солдатский топор» 360
Хабибуллин М.Р. Аспекты реконструкции лексических систем в близкородственных языках (на материале татарского и калмыцкого языков).....362
Хабутдинова М.М. Фитоморфный миф в поэтике Г.Г.Маркеса и А.М.Гилязова.....366
Хайрутдинова Г.А. К проблеме классификации парадигм (на материале русского и татарского языков) 370
Чжан Хунъян, Тао Юань История переводов «Лунь юй» в России с позиции развития российского китаеведения.....373
Чжан Шуцзюань, Р.Ф.Бекметов Китайская классическая поэзия Минской эпохи в переводах И.С.Смирнова.....377
Чжуан Вэйвэй Экспериментальная фонетика в сопоставительных исследованиях (в аудиториях китайских учащихся) 382
Чупрякова О.А. Глаголы в говорах Волго-Камья: семантико-деривационный аспект ...384
Щёболева И.Б., Ли Лянданьян Универсальные и этноспецифические формулы приветствия в русском и китайском языках.....387
Щуклина Т.Ю. Словотворчество как феномен языковой личности 392
Эмиралиев Э.А. Футбольный молодежный сленг в лингвистическом аспекте 395
Юсупов Р.А. Соотношение значений слов-соответствий в разных языках и способы их передачи 398
Юсупова З.Ф. Лингвометодические взгляды Э.М. Ахунзянова: к 100-летию со дня рождения ученого.....404
Юсупова З.Ф. Теория и практика разработки национально-ориентированных учебников и учебных пособий по русскому языку в Республике Татарстан: лингвометодический и лингвокультурологический аспекты 407

Сопоставительная филология и полилингвизм
Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Подписано в печать Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная (печать ризографическая). Усл.п. л. 30. Тираж 150 экз.
Заказ №
Издательство …. 42… Казань